

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Ежеквартальный
научный журнал
ОСНОВАН В 1996 г.

2013. № 1 (67)

Quarterly
academic periodical
FOUNDED IN 1996

Включён в перечень ВАК

Редакционный совет Editorial board

Г.Д. Адеев (G.D. Adeev), д-р физ.-мат. наук, проф.
В.И. Вершинин (V.I. Vershinin), д-р хим. наук, проф.
Г.И. Геринг (G.I. Gering, chairman), д-р физ.-мат. наук, проф., председатель
Л.А. Еловиков (L.A. Elovikov), канд. экон. наук, проф.
А.И. Казанник (A.I. Kazannik), д-р юрид. наук, проф.
Е.И. Лавров (E.I. Lavrov), д-р экон. наук, проф.
Б.И. Осипов (B.I. Osipov), д-р филол. наук, проф.
В.И. Струнин (V.I. Strunin, vicechairman), д-р физ.-мат. наук, проф.,
зам. председателя
Н.А. Томилов (N.A. Tomilov), д-р ист. наук, проф.
К.Н. Югай (K.N. Yugay), д-р физ.-мат. наук, проф.

Редколлегия журнала Editorial staff

Ю.В. Балакин (Yu.V. Balakin), канд. ист. наук, доцент
С.П. Бычков (S.P. Bychkov), канд. ист. наук, доцент, отв. секретарь
И.А. Ветренко (I.A. Vetrenko), д-р социол. наук, проф.
Г.Г. Галич (G.G. Galich), д-р филол. наук, профессор
Г.И. Геринг (G.I. Gering, editor in chief), д-р физ.-мат. наук, проф.
А.В. Глотов (A.V. Glotov), д-р мед. наук, проф.
О.А. Голованова (O.A. Golovanova), д-р геол.-минерал. наук, проф.
Л.И. Дементий (L.I. Dementiy), д-р психол. наук, проф.
С.С. Ефимов (S.S. Efimov), канд. техн. наук, доцент
Е.В. Исаева (E.V. Isaeva), д-р экон. наук, доцент
Н.П. Мони́на (N.P. Monina), канд. филос. наук, доцент
Е.Л. Невзгодина (E.L. Nevzgodina), канд. юрид. наук, проф.
Н.В. Орлова (N.V. Orlova), д-р филол. наук, проф.
В.С. Половинко (V.S. Polovinko), д-р экон. наук, проф.
В.И. Разумов (V.I. Razumov), д-р филос. наук, проф.
В.А. Романьков (V.A. Romankov), д-р физ.-мат. наук, проф.
А.В. Свешников (A.V. Sveshnikov), канд. ист. наук, доцент
С.А. Соловьев (S.A. Soloviev), д-р биол. наук, доцент
В.И. Хомяков (V.I. Homjakov), д-р филол. наук, проф.
В.М. Шкарупа (V.M. Shkarupa), канд. филос. наук, доцент
К.Н. Югай (K.N. Yugay), д-р физ.-мат. наук, проф.

Учредитель

*ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского»*

*Адрес редакции и издателя:
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а,
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского*

*тел. (3812) 64-88-28
vestnik@omsu.omskreg.ru*

Гл. редактор

Геннадий Иванович Геринг

Редакторы:

*Л.М. Кищина, О.А. Сафонова,
С.А. Львова*

*Технический редактор Е.В. Лозовая
Дизайн обложки З.Н. Образова*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № 77-13169 от 22 июля 2002 г.
выдано Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций*

*Подписной каталог
«Газеты. Журналы».
Индекс 53087*

*Издательство ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

*Дата выхода в свет 31.03.2013
Ризография. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 33,0. Печ. л. 35,5.
Уч.-изд. л. 39,4.
Тираж 150 экз. Заказ 43.*

© ФГБОУ ВПО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2013

*Отпечатано
на полиграфической базе ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

А.А. Туман-Никифоров. Анализ современного состояния проблемы изучения человека.....	12
Ю.Ю. Першин, В.И. Ахмадишина. Архаические константы природы человека и основания архаического сознания	18
И.В. Шугайло. Пространство «иного» в медиаобщении.....	21
С.А. Ветров. Культурно-мировоззренческие приоритеты социального проектирования.....	25
А.Б. Жбанков. Экзистенциальные основы безопасности (на примере творчества Ф.М. Достоевского)	28
Д.А. Толстиков. Безопасность и конфликт – проблема взаимодействия.....	32
И.Г. Абашин. Социально-философский анализ политических взглядов А.И. Герцена	34

ИСТОРИЯ

В.А. Кожевников. Советская историография о причинах молниеносного поражения Франции в 1940 г.....	37
А.В. Метель. Становление антирелигиозной периодической печати в СССР (1919–1941 гг.).....	43
О.В. Метель. Альфред Луази: интеллектуальный портрет на фоне эпохи.....	48
В.В. Миронов. Мартин Уайт и вопросы изучения английской школы теории международных отношений	53
С.С. Тихонов. Карты С.У. Ремезова и «межи» аборигенов на реке Демьянке	58

ФИЛОЛОГИЯ

Е.А. Абросимова. Дискурсивная модель современного русского интернет-сообщества: к постановке проблемы	62
Е.И. Голованова. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки.....	69
С.В. Доронина. Коммуникативы как средство выражения эпистемического смысла высказывания	76
Т.Г. Ермакова. Номинации травянистых растений в говорах Среднего Прииртышья в лексикографическом аспекте	82
Н.Н. Парфёнова, В.В. Савиных. Из истории русских женских имён	85
С.Ю. Полуйкова. Суггестивные характеристики современного просветительского дискурса	89
И.П. Ромашова. Модель институционального дискурса с позиций социодинамического подхода.....	94
А.В. Уланов. Военная структура в рамках русского военного дискурса и военной языковой картине мира XIX в.	101
Ю.В. Баах. Характеристика немецкого концепта Bild по отношению к категории «бытие»	106
Е.А. Ронина. Расхождения в грамматической норме как фактор переводческих преобразований (на материале испанских и русских простых предложений)	111
Т.А. Юлдашев. О способах вербализации оценки как результата познавательного действия	115
Т.Ю. Колягина. Утрата усадебной Аркадии в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»	118
В.В. Соломонова. В. Белинский и К. Аксаков в контексте общественно-литературной борьбы между западниками и славянофилами.....	124
Н.Л. Юган. Сказочные опыты В.И. Даля (Казака Луганского) и его современников... ..	128

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

А.Р. Адамсон. Учреждение и деятельность Российского библейского общества в контексте протестантского миссионерского движения начала XIX в.	135
--	-----

А.В. Дьяков. Профессор Московской духовной академии Алексей Петрович Лебедев как церковный историограф	137
П.А. Зайцев. Подготовка теолога к посреднической деятельности	139
М.В. Колмакова. Изучение деятельности нетрадиционных религиозных движений в России в 80-х гг. XX в.	141
Т.Ю. Колягина, С.Н. Ничипорук. «Тютчев и Апокалипсис»: к изученности проблемы.....	144
Е.В. Кузьмина. «Наука о религии»: теология и (или) религиоведение?.....	149
С.Н. Оводова. Слово и визуальный образ в современной культуре	151
Д.В. Олихов. Взаимодействие светской и церковной власти на примере главного управления по делам вероисповеданий правительства А.В. Колчака и Временного высшего церковного управления Сибири	154
П.В. Ополев. Сложность как предмет религиозного сознания	157
Ю.В. Тишков. Мистерия алхимии: критика М. Элиаде посредством традиционной интерпретации	160
М.Н. Шевченко. Применение принципов христианской антропологии в научном исследовании текстов древнерусских книжников	163
И.В. Шмидт. Пренатальные ритмы в календарных записях палеолита.....	166
Е.Я. Аркин. Роль женщины в сохранении традиционного русского песенного репертуара (на примере Омского Прииртышья)	171

ПОЛИТОЛОГИЯ

А.И. Егоров. Россия – Германия: политический диалог в начале постбиполярной эпохи (1990-е гг.)	174
Д.А. Коновалов, И.В. Мельникова. Сравнительный анализ направлений современной российской консервативной общественно-политической мысли.....	181
Д.В. Малов. Политико-правовой анализ деятельности ООН по урегулированию этнических конфликтов на территории Африки в 1990–2012 гг.	189
Ю.В. Попова, А.Ю. Казанцева. Сущность и нормативно-институциональные основы государственной политики РФ в области международного усыновления	196
В.Ю. Сморгунова. Сравнительно-политический анализ мультикультурализма как политической технологии и фактора устойчивого развития общества	200

СОЦИОЛОГИЯ

О.Е. Ноянзина, Н.П. Гончарова, С.Г. Максимова. Экспертиза социальных угроз безопасности: сравнительный анализ региональных особенностей	206
--	-----

ЭКОНОМИКА

В.В. Алещенко. Теоретико-методологические аспекты конкурентоспособности региональной экономической системы.....	212
О.М. Борисова. Информационные компоненты разработки маркетинговой стратегии территорий	217
Е.В. Верлуп. Особенности маркетинга партнерских отношений в предпринимательских структурах сетевого типа	225
Н.В. Разина, Е.В. Исаева. Управление маркетингом при формировании региональной инновационной системы.....	229

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.И. Казанник. Система духовно-нравственной мотивации управленческого труда в исполнительных органах государственной власти России.....	233
Е.Л. Невзгодина. Полномочие представителя: секундарное или субъективное право?.....	241
М.П. Клеймёнов, М.А. Розенкеевич. Механизм формирования нераскрытой преступности	249

И.П. Пушкарев. Совет директоров в системе органов управления хозяйственного общества.....	257
А.В. Тихомирова. Отдельные проблемы обеспечения ответственности туроператоров и турагентов в Российской Федерации.....	261
С.А. Бучаков. Предупреждения незаконной миграции в Сибирском федеральном округе	265

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Г.С. Тарасенко. Рецензия на монографию «Традиционные и инновационные средства оценивания и контроля в образовании» В.М. Кадневского, С.К. Калдыбаева, В.Д. Полежаева, М.В. Полежаевой (Омск, 2012).	271
Б.И. Осипов. Международный лингвистический журнал в Сибири (О журнале «Язык и социальная действительность»)	274
А.В. Жидченко. Международная конференция по истории самиздата.....	274
Н.А. Томилов. Модернизация и инновации в агропромышленном производстве и развитие сельских территорий	276
Сведения об авторах	279
Информация для авторов	282

CONTENTS

PHYLOSOPHY

- Tuman-Nikiforov A.A.** Analysis of the modern condition of problem of study of person..... 12
The article is devoted to the modern condition analysis of the person's study during the whole XX and the beginning of the XXI centuries. Doubtless achievements as well as uncompleteveness, unfinishedness of integral and comprehensive person's understanding, its nature, essence and prevalency, aims, his life's idea and assignement's concepts creation are pointed out. Further research prosperities in the given field are outlined.
Keywords: antropy principle, antropy practice, methodology, paradigm, phylosophic antropology, person's phylosophy.
- Pershin Yu.Yu., Akhmadishina V.I.** Archaic constants of human nature and sources of archaic conscience..... 18
In the article the authors research the features of psychology and conduct common to both apes and men. The authors suppose that the same features were also inherent in primitive man that came to religiosity.
Keywords: human nature, religiosity, pleasure principle, reality principle, archaic consciousness.
- Shugaylo I.V.** The space of «OTHER» in media communication..... 21
The article describes the phenomenon of visual image in Internet. It presents a problem of the special sensuality and self-presentation, which is contained in schizoid and narcissism splits of «image-object», which is formed and reflects the new communication facility. The article deals with themes of dream-language, fantasy, «blindness». It is raised a question about ethics norms and responsibility for another man.
Keywords: «image-object», «polyphonic body», «optics of blindness», visual image, «Realnoye», virtual hero, new sensuality.
- Vetrov S.A.** Basic ideological principles and directions affecting the character of social engineering 25
The article attempts to analyze the basic ideological principles and directions affecting the character of social engineering.
Keywords: cyclic recurrence, linearity, traditionalism, modernist setting, evolutionism, conservatism.
- Zhbankov A.** Existential bases of security (On the F.M. Dostoevsky's works) 28
Applying modern conditions for personal, social and national security the author insists on the importance to research of contradictory trends of personal spiritual development. The existential bases of security are analyzed on the Dostoevsky's works. The use of concept «existential security» is proved in context of a global problematic of security.
Keywords: security, existential security, development, person, state.
- Tolstikov D.A.** Safety and conflict – interaction problem..... 32
In article the relations between personal and public security are considered, the assumption of communication of mentality with a choice such as safety is put forward that in turn defines a tactical or strategic lifeline. The conflict reasons between safety types are analyzed, the role of knowledge of its decision is defined.
Keywords: safety, psychological types, tactics, strategy, forecasting.
- Abashin I.G.** Social and philosophical analysis of A.I. Gertsen's political views 34
The article is devoted to the problem of the influence of A.I. Gertsen's political and philosophical doctrine on the Russian public ideas of the 19th century. It is shown in the paper that the author's treatment of Gertsen's political and philosophical aspects of work differ from that of V.I. Lenin. It is stated that the issue of influence of Gertsen's political and philosophical ideas on the advanced public ideas of the 19th century does not find an unambiguous answer.
Keywords: political philosophy, dialectical-materialist philosophy.

HISTORY

- Kozhevnikov V.A.** Solviet historiography of the reasons of the lighting-fast defeat of France in 1940 37
Defeat of France from nazi Germany in May – June, 1940 should involve attention of the Soviet military experts and the historians which approaches continue to be reflected and in a condition of the latest Russian historiography of this problem. A large number of researches, along with emergence of new available works and sources including in foreign languages, put us before need in a new way to systematize approaches available in a science and to rethink earlier drawn conclusions.
Keywords: Second World War, France, historiography, strange war, policy of «appeasement».
- Metel A.V.** Formation of the anti-religious periodical press in the USSR (1919–1941) 43
The paper deals with formation of the antireligious periodical press in the USSR. An overview of the main publications of the 1920–1930s in a wide cultural and political context of the era is provided. The main forces influencing the contents of the anti-religious periodicals of that time have been discussed. The comparative analysis of articles has been carried out.
Keywords: atheist, the atheist at the machine, atheism, anti-religious propaganda, periodical press, theomachism.

Metel O.V. Alfred Loisy: intellectual portrait against the background of the era..... 48
This article is devoted to the reconstruction of the intellectual biography of Alfred Loisy – the leader of the modernist movement, which played a key role in the formation of a scientific approach to the study of religious phenomena. A key principle for us is immersion biographical material in the sociocultural context of the era. Relevance and novelty of the study due to lack of study of the figure of the philosopher in Russian science.
Keywords: modernism, French historiography, the history of religions.

Mironov V.V. Martin White and the problem of the study of English theory school of international relations..... 53
This article is devoted to one from the founders of the English school theory of international relations. In article are studies main periods Wight's biography and his keys views about problems of international society. One from the main question – sources of the concept of international society. Place of British Committee of International Relations in the genesis of English school theory is studied in the article.
Keywords: Martin Wight, English school, theory of international relations, historiography, international society, British Committee for the Theory of International Politics, international order.

Tikhonov S.S. The maps of S.U. Remesov and aborigen's «mezhy» in Demianka river region 58
A question about the archaeological-ethnographic study of boundaries («mezhy») between groups of Siberian aborigens. Sources for the study became the maps of S.U. Remezov. On materials of river's Demyanka basin shown, that there is at least three places where the show limits: on the right tributary Demyanka between its residents and the inhabitants Tsinginski settlement, on the left tributaries of the river between the residents Demyanka and Irtysh, in the middle flow of Demyankov between upstream and downstream groups.
Keywords: ethnography and archaeological work, contact zone, the boundaries, the natives of Siberia.

PHILOLOGY

Abrosimova E.A. Discourse model of modern Russian Internet community: to problem statement 62
In article directions of research of the communications in modern Internet communities are designated. The typical model discourse descriptions of virtual community is offered. The model includes the analysis of the themes, values, case texts, rules, strategy, persons, a slang, mechanisms of text creation.
Keywords: discourse, Internet discourse, virtual community.

Golovanova E.I. The special status of term phraseological units in science metalanguage 69
The article reveals the cognitive nature of term phraseological units in science metalanguage, identifies factors that influence the choice of phraseological nomination. It concludes that the term phraseological unit verbalizes information about an outside scientific object perceived by a nominator in its nonsegmented integrity. On the example of the term «winged words» shown are the peculiarities of the content structure of nominative units and interaction of different types of knowledge in it.
Keywords: term, phraseological unit, science metalanguage, type of knowledge, cognitive structure, scientific cognition, everyday cognition.

Doronina S.V. The fact and opinion meanings of communicative words 76
The subject of the report is the epistemic meanings of communicative discourse words. Semantic features permit to divide them into fact meaning and opinion meaning expressions. These feature depends of significant and pragmatic aspects of meaning.
Keywords: epistemic modal sense, fact meaning, opinion meaning, communicative, discourse words.

Ermakova T.G. Plants nominations in the dialects of middle Irtysh dialects in the lexicographical aspect 82
Now is prepared a vocabulary entry HERBS as the part of concept-subject dictionary of middle Irtysh dialects. The detailed study of this subject is useful because herbs are used by a man since ancient times, they are related to different aspects of human activities - domestic, economic, ritual, as well as cognitive activity. Wide illustrative material reflects the originality of life and traditions of the people.
Keywords: dictionary of dialect, herbs names, representation of national culture.

Parfenova N.N., Savinykh V.V. The history of Russian names 85
The article gives a history of the Russian women's names on the material sources XVII–XIX centuries. Provides an analysis of women's names, their etymology, phonetic adaptation, derivational features.
Keywords: anthroponym, Andron, kanonicheskoe name, the name of the noncanonical, adapting Christian names, naming formula.

Poluikova S.U. Suggestive characteristics of modern educational discourse..... 89
Suggestion as one of the type of speech influence is considered in this article. The author distinguishes suggestive characteristics of modern educational discourse, types and means of suggestive influence. The main ideas are supported by examples taken from the texts of educational content in German and Russian.
Keywords: discourse, pragmatic, communicative influence, suggestion.

Romashova I.P. Model of institutional discourse according to sociodynamic approach 94
The article deals with a universal model of institutional discourse. The model has been developed on the basis of sociodynamic approach to the discourse study. This approach combines fundamentals of the critical discourse analysis concepts with the institutional discourse theories developed in Russian sociolinguistics. Discourse study

in terms of sociodynamics enabled the author to present a dynamic interpretation of 'institutionality' notion and to develop a version of institutional discourse field model.

Keywords: sociodynamic approach, institutional discourse, institutionality.

Ulanov A.V. Military structure of the russian military discourse and military-language world picture of the xix century 101

The article devoted to the design language of the nomenclature of names in the Russian military sublanguage of the XIX century, it deals with the theme of their concerns reflected in the linguistic world picture of a military man. The multiplicity and branching of these names indicates the complexity and variety of tokens with the value of «structure» within the military discourse. Representation of military nominations of military structure in the linguistic consciousness indicates their strong entry into the XIX century military language system and military conceptosphere.

Keywords: military structure, concept, language world, military.

Baach Yu.V. Description of the german concept bild in relation with the category «existence»..... 106

The realization of the German concept *Bild* is described in the article in its relation with the category of existence. The basis for description is visual perception, which is a leading factor in the reflection of the objects of reality, that are represented by the concept *Bild*. Lexical nominations of the visual perception, which reproduce the situations of the perception of these objects, are considered.

Keywords: category, concept, existence, perception, subject, object.

Ronina E.A. The difference in grammatical norm as a factor of translation transformation (based on the comparison of Russian and Spanish simple sentences) 111

The problem of differences of grammatical systems of Russian and Spanish at standard level is discussed and certain types of such differences are studied. Grammatical language standard is defined as one of the factors of translation transformations.

Keywords: language norm, translation transformation, Russian language, Spanish language.

Yuldashev T.A. Varieties of verbalized evaluation as the result of cognition act..... 115

The article touches upon the problem of designing the models of cognitive strategies on basis of semantic structure of utterances. It is possible to use verbs with the meaning of cognitive evaluation act as one of subjects of this research area of cognitive linguistics. The article shows some results of analysis of the utterances containing verbs of cognitive evaluative act consider and find. The author also attempts to give an interpretation of components of evaluative utterances from cognitive point of view.

Keywords: cognitive strategies, evaluation, varieties of cognition, components of evaluative act, evaluative utterances, verbalized evaluation.

Kolyagina T.Yu. The loss of estate arcadia in the novel «Evgeniy Onegin» by A. Pushkin 118

In the paper the author shows that in the novel «Evgeniy Onegin» by Alexander Pushkin a country estate idyll as a commonplace and a cliché of literature of sentimentalism and romanticism is being destroyed at all text levels. The country estate myth is carried from the real present to the ideal past – «memory space» of the heroine. «Happy Arcadia» is considered as a house of Tatiana's Soul.

Keywords: Pushkin, Evgeniy Onegin, country estate text, country estate myth, country estate, home.

Solomonova V.V. Belinsky and Aksakov in the thick of social-literary struggle of Westernizers and Slavophiles..... 124

Everything is centered around the relationship between the two representatives of the middle of the 19th century social – literary movement.

Keywords: «negation», freedom of personality, artistry, reflection.

Yugan N.L. Fairy tale experiments of V.I. Dahl (Lugansk Cossack) and his contemporaries 128

In the article the analysis of V.I. Dahl's fairy tales of 1830-s written in prose compared to similar ones of fairy tales writers of the epoche is exercised. The clothiness of the satirical images created by such authors as A.S. Pushkin, P.P. Ershov and V.I. Dahl was the natural sequence of the outlook similarity of the fairy tale writers on the idea substance of the folk tales. The close approaches to prose writing of A.F. Veltman and V.I. Dahl's fairy tales are in the correlation of fantasy and reality (close to myth, tale, legend, on one hand, and social psychological story, from the other hand). With O.M. Somov Dahl is connected by the character of working on the Ukrainian tale folklore, usage of the fairy tale as a style. Lugansk Cossack and N.A. Polovoy address to the same folk and literature plot – about a judge called Shemiaka, although they write in the different way.

Keywords: literature tale, folklore, literature parallels, fantastics, story.

ART AND CULTURE

Adamson A.R. Foundation and work of the Russian Bible society in the context of the protestant missionary movement of the beginning of XIX century..... 135

The article is devoted to the foundation and work of the Bible society in the Russian Empire in the beginning of the XIX century. The appearance of such organization is described in the context of the development of the European protestant missionary movement. The article gives some specific features of The Russian Bible society that determined its future work and history.

Keywords: The Bible, mysticism, society, protestantism.

- Dyakov A.V.** The professor of Moscow theology academy Alexey Lebedev as a church historiographer 137
The article is devoted to the professor of Moscow theology academy Alexey Lebedev. The author makes an attempt to treat the professor as a church historiographer. Dyakov puts emphasize on the formation of scientific world outlook of Lebedev and on his scientific methods.
Keywords: A.Lebedev, church historiography, the history of theological education in Russia.
- Zaytsev P.L.** Training a theologian for mediation activity..... 139
The paper focuses on the issue how to train a theologian for public relations and mediation activity. Set in the Federal Higher Professional Education Standard and included in the list of professional competences, a theologian's mediation function needs considering theoretically and supporting methodologically.
Keywords: theology, mediation activity, representative activity.
- Kolmakova M.V.** Researching of activity of nonconventional religious movements in Russia in the eighties of the 20-th century..... 141
Research of activity of nonconventional religious movements in Russia in the 80th years of the 20th century became logic continuation of researches of previous decades, and as the preparatory period for studying of a problem of emergence and distribution of activity of nonconventional religious movements of the next years. During this period there is an accumulation of already available knowledge and attempt of their ordering which will appear very useful to researchers in the 90th years of the XX century. In this work it is offered to show, to what conclusions scientists of the 80th years as a matter of experience researches of predecessors come, and about kinds of problems they have.
Keywords: religion, christianity, sectarianism, nonconventional religious movements, scientific of the 20-th century.
- Kolyagina T.U., Nichiporuk S.N.** Fyodor Tyutchev and apocalypse: state of knowledge of the problem 144
The aim of the paper is to analyze and systematize the research papers of Russian philologists, culture experts and philosophers, concerning the issue of Tyutchev and Apocalypse. This paper presents main ideas of researchers. Tendencies and areas for further study of Tyutchev's works are showed. The author also makes a conclusion that at the present stage of research the problem still needs generalizations and fundamental investigation.
Keywords: Tyutchev, Apocalypse, lyrics, analyze, systematize.
- Kuzmina E.V.** «Science about religion»: theology and (or) religious studies? 149
The article is devoted to history and methodology of «theology» in Russia. Formation of the new university scientific and educational direction «theology» is considered in a context of interdisciplinary dialogue with other new university scientific and educational direction «studies of religions» in historical and methodological aspects. Whether will lead dialogue to creation Russian «sciences about religion» as uniform innovative scientific-educational space?
Keywords: theology, history of theology, methodology of theology, studies of religions, dialogue.
- Ovodova S.N.** Word and visual image in modern culture..... 151
The article views textual and visual ways of representation of culture. The author detects specification of text and visual image, what related with various principles of generating meaning. It's described necessity creating model of understanding of reality in modern culture.
Keywords: word, visual image, text, culture, representation, purport.
- Olixov D.V.** The interaction between the church authorities and the state government on the territory controlled by A.V Kolchak and the provisional government of higher church administration of Siberia..... 154
The article gives the analysis of the interaction between the church authorities and the state government in the year of 1919 on the part of Siberian territory and Russian Far East both of which were controlled by Kolchak A.V. Despite the fact that this was a very politically difficult period of the country life, both the government represented by General Directorate for the religion and Russian Orthodox Church represented by the Interim supreme church directorate were building secular state. However, the state government believed that it was possible to support church financially, while the church used its authority to preach in support of the White movement.
Keywords: Supreme, church, administration, Sibir, Kolchak, Silvestr.
- Opolev P.V.** Complexity as subject of religious consciousness..... 157
Article is devoted to research of a phenomenon of complexity on an example of religious consciousness. Complexity is a source and at the same time way of overcoming of antinomy of religious consciousness. Difficult, crystallizing in experience, turns in simple, obvious, clear, but thus necessary, essential. As a result, for example, ritual, a ceremony or a prayer appears both a self-complication source, and a source of overcoming of chaos, life «slozhnost».
Keywords: dialectics, religious consciousness, complexity, antinomy.
- Tishkov U.V.** The Mystery of Alchemy: criticism of Mircea Eliade by the traditional interpretation 160
The main idea is proper understanding of ancient Chinese alchemical text of Han Dynasty (206 BC – 220 AD) according traditional exegesis and compared to the European medieval alchemical science. Chinese historical

records indicate the presence of external alchemy in ancient society. Sinology in alchemical research explain the relationship between science and religion.

Keywords: Chinese alchemy, Sima Qian, Mircea Eliade, cinnabar, elixir of immortality, Taoism, traditional doctrine.

Shevchenko M.N. The use of the principles of Christian anthropology in the scientific research of the texts of Old Russian writers..... 163

In this paper the problem of research methodology of the texts of Old Russian writers (late XV–XVI centuries) is raised. The author makes an appeal to scientific community to consider the problem of research of Russian Middle Ages texts in a new way. Orthodox anthropology is proposed to be considered as the key point in the research of the medieval ideology.

Keywords: Russian Middle Ages, Old Russian writers, Christian anthropology.

Shmidt I.V. Prenatal rhythms in calendar records of a paleolith 166

The subject of prenatal symbolism in Paleolithic art study after designating itself long time ago, is until now in the stage of serious discussions. Many researches discuss the fact, that phenomenon of pregnancy was interesting to Paleolithic culture, and that it was necessary to capture it. But most of the times their statements are built on the analysis of descriptive forms of art such as statuettes, engravings, suspensions which in their reliefs resembling bodies of the pregnant woman. The main problems of those interpretations are research's subjectivism and undeveloped procedure of the interpretation of artistic symbols. There are also other forms of capturing, which also must be assigned on the data analysis of this subject. Those are so-called sign records/texts of Paleolithic, consisting of cavities, striations, cracks. The methods of the analysis of those records are far away from being completed, but there are specific methods, which are in use already.

It is necessary to note that in this record you can see not only rhythmus of fetus's development of contemporary man's kind, but there is probability of detection of fetus's rhythmus of our nearest relative - Neanderthal man. The dating of dagger does not allow to say that these two kinds had met, but it is possible that culture captured information about similar encounter and analyzed of their consequence.

Keywords: paleolithic art, semiotics of the paleolithic text, culture of a paleolith.

Arkin E.Ya. A woman's part in preservation of traditional Russian song repertory (on an example of Omsk pre-Irtysh region) 171

Preservation of traditional Russian peasant repertory in life and a woman's predominating part in it is touched upon in the article. Results of expeditionary material collected by the author in Omsk pre-Irtysh region are argued. Reasons of song folklore longevity are unstudied. There aren't serious scientific publications in this direction. The author considers the main reasons of folk song tradition's preservation are a woman's psychophysical peculiarities, her attitude to active song perception, empathy of its substance, keeping in memory and joint performance. Comparison of different female and man's genres in traditional repertory is given. The author underlines importance of a woman's part in preservation and transfer of oral folklore in generations.

Keywords: song repertoire, song tradition, male and female song repertoire, folklore.

POLITICAL SCIENCE

Egorov A.I. Russia – Germany: political dialogue in the beginning of the postbipolar epoch (1990s)..... 174

The preconditions and the process of formation of political dialogue between the Russian Federation and Germany last decade of XX century are studied in the article. The relations between two countries have found out a tendency to development, and the role of their guarantor was played by the meetings of the president of Russia B.N. Yeltsin and the federal chancellor of Germany G. Kohl. However disagreements on a number of key foreign policy questions, and also internal instability in Russia haven't allowed to realize potential of bilateral cooperation completely.

Keywords: Russia, Germany, political dialogue, postbipolar epoch, interests, foreign policy, B.N. Yeltsin, G. Kohl, world power, NATO, Council of Europe.

Konovalov D.A., Melnikova I.V. The comparative analysis of the tendencies of the modern Russian conservative social-political views 181

The article analyses conceptual dissociation of the Russian conservatism is made, the «right-left» spectrum of the given current of the thought connected with degree rootedness of Tradition in the contemporary world and sociopolitical relations is shown; comparison the allocated directions of contemporary Russian conservative political thought in the relation to various historical, public, political aspects is made.

Keywords: conservatism, tradition, social-political thought, Russia.

Malov D.V. Political-legal analysis of the UN activities in the settlement of ethnic conflicts in Africa in 1990–2012 189

The article examines the practice of application of the UN principle of equal rights and self-determination of peoples in the settlement of ethnic conflicts in Africa. Peculiarities of the principle's application in respect of colonial peoples, peoples under foreign domination and occupation, indigenous peoples and the peoples are investigated.

Keywords: the United Nations, the principle of equal rights and self-determination of peoples, the principle of sovereign equality of States, peoples, indigenous peoples, colonial peoples.

Popova U.V., Kazantseva A.U. The essence and the legal-institutional framework of the state policy of the Russian Federation in the field of international adoption 196
The article considers the essence and the legal-institutional framework of the state policy of the Russian Federation in the field of international adoption. Analyses the statistical data in the field of international adoption. The author described the main problems of the state policy of the Russian Federation in the field of international adoption.
Keywords: children left without parental care, international adoption, the state policy of the Russian Federation in the field of international adoption, the subjects of the Russian Federation state policy in the field of international adoption, the goals and tasks of the state policy of the Russian Federation in the field of international adoption.

Smorgunova V.Yu. Comparative political analysis of multiculturalism as political technology and factor of sustainable development of the society 200
The last decades of the social development are prominent by using the political technologies. In the Western civilization (Europe and North America) political and legal principles of Multiculturalism were converted into the political technology. The studying of Multiculturalism as the political technology is productive in the comparative perspective. The special experience in this area is worked out in the United States of America. The legal form of this process is reflected in the Affirmative Action. Affirmative Action as the Law and as the practice is very controversial, has the proponents and the opponents. Political technology of Multiculturalism implements the positive discrimination. Multiculturalism is also spread in the countries of Europe. The researchers use the new notion of Multicultural Citizenship. Taking into the account the principles of Tolerance and Multiculturalism is fruitful in modern Russia in the elaborating of the modern political technologies in political governance.
Keywords: Multiculturalism, political technology, Affirmative Action, positive discrimination, Multicultural Citizenship, Tolerance, political governance.

SOCIOLOGY

Noyanzina O.E., Goncharova N.P., Maksimova S.G. Expert evaluation of social threats to security: comparative analysis of regional specific 206
Results of expert evaluation of regional specifics of permanent stable threats to societal security are presented by six constituent territories of the Russian Federation. A special attention is paid to revelation of general characteristics of threats to societal security which concentrate in social sphere of considered regions.
Keywords: societal security, social risks, dangers, threats, expert evaluation of societal security.

ECONOMICS

Aleschenko V.V. Teoretiko-methodological aspects of competitiveness of regional economic system 212
Questions of the theory and methodology of economic competitiveness of the subject of the Russian Federation from positions of the system approach are investigated. Properties of regional economy as social system are defined, questions of interaction with an environment are analyzed, the transformation scheme of regional economic competitiveness is offered. The methodological approach to change of regional competitiveness is developed.
Keywords: competitiveness of economy, economic system, environment.

Borisova O.M. Information components of development marketing strategy of territories 217
In the article considers informational basis of marketing strategy development area as a combination of layers including secondary and primary sources of information and form their system. Special attention is paid to the use of strategic activities in the territory as a necessary information support management decision-making regarding the development of a forward strategy of marketing territory.
Keywords: marketing of territories, development strategy, information support, strategic planning, management of territories.

Verlup E.V. The specific of relationship marketing in the entrepreneurial structures of network kind 225
In article the author considers the principal trends of the development of relationship marketing in the practice of contemporary business. In particular, this article reveals the specific of relationship marketing in the network theory of organizational development.
Keywords: relationship marketing, entrepreneurial structure, network economy, integration, innovation.

Razina N.V., Isaeva E.B. Marketing administration and formation of regional innovative system 229
Depending on the sphere of usage marketing tools can have different characteristics. Marketing of innovations and innovational systems is one of the most modern, challenging, underdeveloped and as a result the most debatable sphere.
Keywords: innovational system, marketing of innovations, administration of innovations, innovational management.

LEGAL SCIENCE

Kazannik A.I. System of spiritual and moral motivation of administrative labour in executive bodies of state power in Russia 233
In the article the system of spiritual and moral motivation of administrative labour in executive bodies of state power in Russia is researched on the joint of psychology, administrative and labour law. Suggestions for increasing its efficiency and transforming into a creative labour are made.

Keywords: administrative labour, legislative fundamentals, spiritual and moral motivation, cognitive need, belonging to the staff, self-assertion of employees, career development, success recognition, creative labour.

Nevzgodina E.L. Credentials of representatives: sekundarnoe or subjective right? 241
Investigated in the literature the concept of the legal nature of the authority and its correlate in civil matters, as justified by the notion of subjective powers of civil law with the corresponding duty on the part of sekundarnogo type represented.

Keywords: representation, power, sekundarnoe right sekundarnaya obligation, legal fact, a representative of the principal.

Kleymyonov M.P., Rozenkeevich M.A. The mechanism of forming undetection crime 249
Examines basic elements of mechanism of forming undetection crime: conceal of crimes, corruption, unprofessional conduct, decriminalization, destroy law enforcement system.

Keywords: undetection crime, conceal of crimes, corruption, unprofessional conduct, decriminalization, lobbying.

Pushkarev I.P. Board of management in commercial company 257
The article explores the problematic issues of building modern management Russian business companies, analyzed the existing corporate law and project changes the rules governing the legal position of the Board of Directors in the management of the organization.

Keywords: joint stock company, limited liability company, the control of the economic society, the general meeting of shareholders, board of directors, the sole executive body.

Tikhomirova A.V. Some problems of liability turopera-tori and agents the Russian Federation 261
In article problem questions of the responsibility of tour operators and travel agents are investigated, offers on perfection of the mechanism of legal regulation of tourist activity in the Russian Federation, relationships of tour operator and a travel agent are done.

Keywords: tourist activity, tour operator, travel agent, financial guarantees, the responsibility of tour operator and travel agent, self-regulation activity, relationship of tour operator and a travel agent.

Buchakov S.A. The prevention of the illegal migration in Siberian Federal District 265

The article investigates the preventive measures to prevent illegal migration in the Siberian Federal District.

Keywords: migration, migrant, prevention, program.

SCIENTIFIC LIFE

Tarasenko G.S. The review on the monograph «The traditional and innovative methods of the control and grading in educational sphere» composed by the writing team made up of V.M. Kadnevsky, S.K. Kadybayev, V.D. Polezhaev, M.V. Polezhaeva 271

Osipov B.I. International linguistic magazine in Siberia (About a magazine called «Language and social reality») 274

Zhidchenko A.V. International conference about the history of samizdat 274

Tomilov N.A. Modernizations and innovations in agro-industrial manufacturing and the development of rural territories 276

Information about authors 279

Information for authors 282

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Анализируется современное состояние проблемы изучения человека на протяжении всего XX и начала XXI вв. Отмечаются бесспорные достижения и, вместе с тем, незавершенность создания целостной и всесторонней концепции понимания человека, его природы, сущности и существования, цели, смысла и предназначения его жизни. Намечаются дальнейшие перспективные пути исследований в данной области.

Ключевые слова: антропный принцип, антропопрактика, методология, парадигма, теория, философская антропология, философия человека.

В последние десятилетия проблема человека всё глубже и разносторонне исследуется в нашей науке и с философских и с конкретно-научных позиций. Отмечается социальная детерминированность индивидуального развития; разрабатываются философско-социологические вопросы онтогенеза человека, представления о его целостности и фазовости; получает диалектико-материалистическую интерпретацию социальная детерминированность биологического в человеке, включая его генетику, онтогенетическое и общее физическое развитие, адаптацию и экологию. В антропологии развивается взгляд, согласно которому антропогенез не просто осуществляется в результате доминирующего воздействия общественно-исторических факторов, но и на известной стадии он полностью устраняет формирующее влияние биологических законов. Показано доминирующее значение социальных факторов в трудовой деятельности человека, в историческом процессе. В психологии утверждаются подходы, развивающие взгляды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, С.А. Рубинштейна, подчеркивавших ведущую роль социальных факторов в формировании психики человека. В генетике всё более определенно подчеркивается опосредствованность биологического социальным, показывается значение механизмов преобразования социального в поведении человека.

В то же время в последние годы наметился отход ряда исследователей от методологических принципов диалектического материализма и попытки осмыслить человека с принципиально иных позиций: религиозных, идеалистических, позитивистских, феноменологических, экзистенциалистских и др. Здесь можно назвать работы В.Д. Губина, П.С. Гуревича, В.А. Подороги, В.С. Поликарпова, Ю.М. Федорова и др. Многие современные философы прямо или косвенно тяготеют к идеализму и на этом основании трактуют природу и сущность человека с идеалистических позиций, приписывая ей Божественное или дьявольское начало. Ю.А. Данилевская пишет: «Но так как дьявольские силы вмешались в процесс развития жизни на Земле, то природа человека включает в себя и демоническую составляющую...» [1, т. 1, с. 402].

Таким образом, проблема человека и его сущности достаточно широко освещается в истории и отечественной и мировой философской мысли. Правда, здесь еще много неясного, требующего поисков и научных дискуссий, которые получили широкий резонанс. Следует критически оценить претензии отдельных философских направлений на целостное монопольное понимание человека. Целостное, разностороннее понимание человека возможно только путем синтеза различных философских, а также психологических, социологических, культурологических, антропологических и пр. направлений. Разумеется, синтез должен быть не механи-

стическим (метафизическим) суммированием, а диалектическим выделением и сочетанием (единством и борьбой) действительно лучших, ценных, *истинных* достижений тех или иных направлений. Суммировать следует не все и не всё, а только то (самое ценное, истинное), что соответствует действительному, правильному пониманию человеческой сущности. Поэтому следует тщательно отобрать те направления (философские и пр.), которые содержат хотя бы элементы такого понимания, а другим направлениям должно быть отказано участвовать в создании целостной концепции человека. В первую очередь это касается различных околонаучных домыслов и фантазий, которые без опоры на факты приписывают человеку несуществующие качества и способности, а также некоторых вариантов постмодернизма, интерпретирующих человека по своему произвольному желанию, а не по объективному основанию. Объективные основания требуют осмысления и изучения человека и его сущности как диалектического единства и борьбы биологического и социального, биологического и духовного, социального и духовного, индивидуального и коллективного, материального и идеального, а также других разнообразных проявлений природы, сущности и существования человека. Целью работы мы ставим рассмотрение современного состояния изучения природы, сущности и существования человека.

В понимании человека, на протяжении всего XX в., сталкивались и боролись две противоположные тенденции. С одной стороны, «антропологическая парадигма», стержнем которой является признание человека не объектом (науки или еще чего-либо), а субъектом, и не просто субъектом, а творческим субъектом, от творческой энергии и свободного выбора которого в окружающем мире зависит если и не всё, то многое. С другой – нарастает сомнение в способности человека сохранять позицию свободного и автономного субъекта в условиях современного общества, последовательно устраняется установка на человеческую субъективность, человек растворяется в безличных и объективных структурах: технизированной коллективности в догматически истолкованном марксизме, социологический реализм Т. Парсонса, превращающий субъекта социального действия в пассивное следствие социокультурных и глубинно-психологических процессов, определение сознательных действий человека бессубъектными структурами в «структурной антропологии» К. Леви-Стросса, устранение ценностно-мировоззренческих ориентиров в «деконструкции» у Ж. Деррида, «смерть человека» в «дискурсивных практиках» М. Фуко, который вообще отрицает идею человека как идеологическую иллюзию. Борьба этих двух тенденций ярко иллюстрирует

многогранность человека, невозможность объяснить и истолковать его через какую-то одну сторону (грань), необходимость комплексного подхода к познанию и изучению человека.

Ренессанс темы человека стал отличительной чертой развития всей системы наук в начале XXI в. О.В. Иншаков пишет, что это «обусловлено как эволюционным переосмыслением глобальной природы человечества, так и прочтением генома человека. Представляется возможным утверждать, что наблюдается новый антропологический поворот в философии и науке... современный экологический, научно-технический, экономический или социальный прогресс невозможен без всестороннего развития человека» [1, т. 1, с. 3].

Э.В. Баркова пишет: «Среди многих измерений человека, исследуемых современной философией, одно... требует сегодня, дополнительного прояснения: это *мера собственно человеческого* в человеке» [1, т. 2, с. 22]. С этим, безусловно, следует согласиться. Хотя далее автор указывает: «...мера человеческого сегодня определяется как нравственно-субстанциальное воспроизводство человеком целостности природы и социокультуры в аспекте их коэволюционного взаимодействия» [1, т. 2, с. 27]. На наш взгляд, это не мера человеческого, а *экологизация* мышления, которая необходима и полезна, но она не имеет прямого отношения к *мере человеческого*, хотя косвенное отношение действительно имеется. Именно об этом пишет А. Печчеи [4]. Э.В. Баркова считает, что перспективным направлением философской антропологии должно стать исследование обеспечения дальнейших коэволюционных процессов и формирование человеческого отношения и непрерывной связи с целостностью бытия природы. Вот это – весьма верное замечание. Причем это не одно, а три направления.

Во-первых, в связи с ухудшением экологической обстановки и обострением экологических проблем – перспективным направлением философской антропологии должно стать исследование роли, места и значения человеческого фактора, как в нарастании экологического кризиса, так и в его преодолении.

Во-вторых, следует говорить об экологии самого человека, очищении его человеческой природы (природы человека) от всего вредного, наносного, негативно влияющего на существование человека и человеческого общества. «Загрязнение» природы человека менее заметно, чем загрязнение «первой природы», но не менее пагубно.

В-третьих, исследование коэволюционных процессов должно предполагать и изучение дальнейшей эволюции не только «первой» и «второй» (общества, культуры) природы (целостности бытия природы), но и

природы человека, дальнейшую эволюцию (эволюцию не столько биологическую (факт продолжения которой – вопрос дискуссионный), но, в первую очередь, социально-духовную, культурную), человека, его природы и сущности.

В последнее время не только в гуманитарных, но и естественных науках широко используется понятие «антропный принцип», хотя исследователи понимают его значение по-разному. Например, Д.В. Гарбузов описывает его так: «Это означает, что бытие сущего предполагает наличие некоторого *существа*, которое живет на *пределе*. В существовании этого *существа* *имеет место, присутствует* бытие. Место существования *существа-на-пределе* это *мир*. В *мире существа-на-пределе* бытие прорастает в начало своего существования. Таким *существом-на-пределе* является человек. В этом *существовании-на-пределе* заключается, по нашему мнению, подлинный смысл того, что называют сегодня *антропным принципом*» [1, т. 2, с. 245]. В естественных науках антропный принцип обычно понимают как принципиальную *неустранимость* наблюдателя (человека, субъекта) в описании и изучении физических и пр. процессов, происходящих в объективной реальности, а в гуманитарных науках как принципиальные роль и значение индивида, его свободного выбора и принятого им решения, а также его действий и поступков, как решающего фактора в развитии всех процессов, происходящих как в природе, так и, особенно, в социуме.

Как отмечает Л.М. Скворцова: «Целостному миру соответствует целостность человеческого существа – этого высшего проявления среди живых систем, отличающегося организованностью, связанностью, взаимодействием всех упорядоченных подсистем своей структуры и в природном, и в личностном аспекте. Целостность человека как системы определяет саморазвитие, самореализацию, самоидентификацию. Подобно целостности мира целостность человека выражает сопротивление силам энтропии, разложения, раздробленности. Даже смерть, этот завершающий момент существования человека, не опровергает данного представления. Во-первых, всё живое воспроизводит себя, во-вторых, в мире идеального, который для человека столь же реален, как и мир материального, сознание смертности ... основа человеческой подлинности, предназначения человека в мире» [1, т. 1, с. 677].

Актуальность человековедческой проблематики породила долговременный научный проект философского факультета Волгоградского государственного университета – Международную научную конференцию «Человек в современных философских концепциях». Она стала регулярным научным форумом, который четырежды, в 1998, 2000,

2004, 2007 гг., собирал специалистов из большинства регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Обсуждались следующие проблемы: природа человека и его будущее, антропология и онтология, на пути к интегральной философии человека, человек институциональный – проблема свободы выбора, жизненный мир российского человека, философия ценностей, человек сегодня и др.

К определениям человека «человек разумный», «человек деятельный», «человек играющий», «человек экономический» в последнее время добавляется определение «человек виртуальный». Понятия «виртуальный мир», «виртуальная реальность», «виртуалистика», «виртуальный человек» широко вошли в научный обиход в последние 25 лет. Сразу же обнаружилась значимость этих явлений, прикладные исследования по виртуалистике активно используются медиками, педагогами, др. специалистами, добивающимися конкретных результатов в диагностике внутренних состояний человека, *формировании его духовных потребностей* и корректировке социально неприемлемых ориентаций. Однако виртуализация человеческого и социального бытия имеет и отрицательные последствия. Погружаясь в виртуальный мир, человек перестает замечать различие реального (константного) и виртуального. Это грозит ему потерей индивидуальности, жизненности, расслоением Я-образа. Однако не компьютеризация жизни «виртуализирует» общество, как ошибочно полагают некоторые исследователи. Наоборот, виртуализация общества «компьютеризирует» жизнь [1, т. 1, с. 672].

Как отмечает С.П. Лопушанская, вопрос о природе человека соприкасается с проблемой языка, который является не только средством общения, но и средством самосознания личности [1, т. 2, с. 3]. Х. Арндт считает, что сущность человека покоится в языке [9]. С.Г. Баронене вводит понятие антропопрактики, которое рассматривается как синоним культурного поведения в обществе и связывается с ситуацией риска, в которой происходит оформление нового образца деятельности [1, т. 1]. «Однородность характеристик современной цивилизации, – пишет С.В. Димитрова, – указывает на возникновение нового типа человека. Сущностной характеристикой современного человека является индивидуализм» [1, т. 2, с. 406], с чем можно отчасти согласиться. С одной стороны, в этом нет ничего нового, индивидуализм всегда был достаточно распространен, напр. в Римской империи периода упадка. Кроме того, не все современные люди впали в этот грех. Но, с другой стороны, действительно, индивидуализм захлестнул современную, в особенности западную цивилизацию и активно проникает в остальные регионы, в том числе в евразийскую ци-

визацию. Однако называть это *сущностной* характеристикой современного человека или даже современной цивилизации теоретически и методологически неверно. Автор явно смешивает понятия «существенная характеристика» и «сущностная характеристика». Хотя эти понятия и являются однокоренными, однако их никоим образом не следует отождествлять и употреблять как синонимы. *Существенная* характеристика – та, которую никак нельзя обойти вниманием и игнорировать, которая служит важным *штрихом* к какому-либо портрету (напр. к «портрету» современного человека и современной цивилизации), а *сущностная* характеристика – это та, которая лежит в основе понимания чего-либо (напр. человека), отличает его от всех др. предметов и явлений и является не штрихом, а основным контуром портрета. Ей следует уделять *основное внимание*. Индивидуализм, безусловно, – существенная, но не сущностная характеристика современного человека и всей современной цивилизации.

Возникновение нового типа человека тоже можно понимать по-разному. С одной стороны, новый тип человека возникает постоянно, человечество все время обновляется. Античный человек – новый тип по сравнению с первобытным, средневековый – по сравнению с античным, а современный – по сравнению с ними всеми. Каждый из них отличается от предыдущего целым рядом существенных особенностей (социальных и духовных), что позволяет охарактеризовать его как «человека нового типа». С другой стороны, ничего *принципиально* нового нет ни в индивидуализме, ни в других качествах, свойствах и особенностях современного человека. В этом смысле его нельзя назвать «новым типом». Любой человек, от первобытного до современного включительно, является *биосоциодуховным* существом, имеет три *сущностные* стороны: биологическую, социальную и духовную. В этом заключается его *сущностная характеристика*, которая не меняется уже много тысячелетий. Говорить об изменении сущностной характеристики человека и о возникновении *действительно* нового типа человека можно будет только тогда, когда к этим трем сущностным сторонам либо добавятся новые, либо исчезнут одна – две из них.

Э.В. Баркова пишет о необходимости синтеза двух парадигм в осмыслении меры человеческого: «объектной» и «субъектной». «Господство “объектной” парадигмы первого этапа сменилось... в проекте модерна господством “субъектной” ...В новом синтезе ведущую роль опять начинает играть природа, однако уже не как подчиняющаяся себе природу человека, “господствующая” над ним реальность, или напротив, завоеванная человеком у природы субъективная реальность, а как особое самоценное пространство направленности человеческой природы с

ее творчеством, свободой, новым типом гармонии» [1, т. 2, с. 26]. Мысль верная, но представленная в упрощенном виде. Смысл философской парадигмы человека заключается в философском подходе к пониманию мира и человека, человека в мире и мира в человеке. Можно выделить не две, а три основные парадигмы постижения мира человеком [12]: человек в мире, устроенном Богом (человек – живущий по слову Божьему); человек в объективном мире (человек – познающий мир); человек в творимом мире (человек – соучастник творческих изменений в мире). Все три парадигмы существовали и существуют в философской мысли не только последовательно, но и параллельно: истоки всех трех восходят еще к античности и все три в разном пропорциональном соотношении друг с другом существовали в истории философской мысли всегда, до настоящего времени включительно. Но можно выделить и определенную последовательность: первая парадигма преобладала в Средние века, вторая – в Новое время, третья – в современной философии. В Новое время сформировалась гносеологическая концепция, согласно которой мир объективен и человек способен его познать в опыте объективного взаимодействия с ним. Эта идея характеризуется «культом» науки и научного знания, верой в достижение всеобщего счастья путем научно-технического прогресса. Но оказалось, что НТП имеет не только «плюсы», но и «минусы». Для преодоления негативных последствий НТП требуется перейти к глубокому осмыслению субъектности человека и разработке антропологической философской парадигмы, которая должна дополнить гносеологическую.

Антропологическая парадигма является обобщением философских характеристик современного мира, выраженных многообразно, но пронизанных «единым духом» нового отношения к человеку. Парадигма человека в онтологическом плане может быть рассмотрена как способ жизнедеятельности, поведения, практического действия индивида. Она отражает отношение человека (человечества) к миру и к самому себе и имеет два значения: парадигма как способ мышления и как способ бытия человека-в-мире [1, т. 1, с. 213–214]. Именно в этих двух аспектах происходит проявление природы и сущности человека. Утверждение антропологической философской парадигмы тесно взаимосвязано со становлением неклассической научной парадигмы в науке XX в. Классическая научная парадигма опирается на классическую механику с ее линейными закономерностями и абсолютным детерминизмом. Вероятность в ней – всего лишь неопределенность, возникающая из невозможности проследить все причинные цепочки со своей мерой воздействия на вероятные события. «В природе нет ничего

случайного», – утверждал Б. Спиноза. «Случайным или возможным называется вообще то, необходимую причину чего нельзя разглядеть», – высказал подобную же мысль Т. Гоббс. По мнению П. Лапласа, если бы существовал ум, осведомленный в данный момент обо всех силах природы, то «не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверно, и будущее так же, как и прошлое, предстало бы перед его взором». В таком жестко детерминированном мире фактически не остается места для свободы творчества.

Но физика XX в. внесла в понимание причинности элемент принципиального индетерминизма в виде так называемого соотношения неопределенности для объектов квантовой механики. Физики заговорили о «свободе воли электрона». Разумеется, «свобода воли» применительно к электрону – не более чем метафора, но речь идет о том, что в микромире обнаружилась принципиальная неопределенность, вариативность продолжения событий из данного начального состояния, снимающая жесткую детерминированность мира. Другая «субъектная» характеристика была внесена в физику XX в. теорией относительности. В самом названии этой теории зафиксировано, что события в физическом мире происходят относительно условного «наблюдателя», причем в явлениях, описываемых теорией, этот «как бы наблюдатель» так же принципиально неустраним, как «свобода воли» у электрона. В биологии генетики открыли принципиально вероятностные законы наследования родительских признаков в поколениях потомков. Кибернетика установила общие закономерности для системной динамики живых организмов и искусственных технических устройств.

Подлинной наукой о «творческих» характеристиках природного мира стала синергетика – наука о самоорганизации. Хаос, которому стремятся противостоять системы кибернетического типа, напр. человеческий организм, сам при определенных условиях оказался источником и средой системообразования. Синергетика обнаружила, что сложные динамические системы в своем саморазвитии проходят «точки бифуркации», в которых будущее системы принципиально неопределимо. В этих точках потенциально содержатся разные пути развития системы, и ничтожно малые факторы могут решить «судьбу» системы, определить направление ее развития.

Большой вклад в формирование неклассической парадигмы внесли и гуманитарные науки. Неклассические идеи, концепции, теории и научные направления в психологии, лингвистике, культурологии, социологии, науковедении, педагогике пытаются преодолеть характерное для Нового времени противопоставление сознания и бытия и по-новому раскрыть роль субъекта

и субъективности, в том числе роль творческих способностей субъекта. В психологии наряду с направлениями, ориентированными на идеал естественнонаучного знания, сформировались психоанализ и аналитическая психология.

Таким образом, современная философская парадигма постижения природы и сущности человека, теоретические и методологические основания его изучения и познания должны базироваться на более глубоком и всестороннем изучении творческих потенций человеческой личности, индивидуальности и уникальности каждого конкретного человека (а не только его общеродовой социальной сущности), его субъективности и роли субъекта в социальном и природном бытии, на изучении человеческого организма, человеческой личности и человеческого общества как сложных динамических систем в их саморазвитии, в том числе при попадании в точки бифуркации, когда ничтожно малые факторы могут повлиять на всё дальнейшее развитие системы в том или ином направлении.

Теоретическими и методологическими основаниями изучения сущности человека должны стать и новейшие открытия в физике, биологии, психологии, а особенно в кибернетике и синергетике, устанавливающие общие закономерности для развития сложных, динамических систем, для самоорганизации хаоса в порядок, подчеркивающие принципиальную непредопределенность процессов развития, роль случайности как неотъемлемого элемента бытия. Особенно пристальное внимание следует уделить познанию творческих возможностей человека, а также изучению их основания – внутреннего, духовного мира личности, духовного аспекта сущности человека.

Вместе с тем данная антропологическая парадигма познания и изучения сущности человека, на мой взгляд, должна не противостоять, а дополнять классическую гносеологическую парадигму, никоим образом не отменяя последнюю (об этом же пишет Э.В. Баркова). Противопоставление материи и сознания, бытия и мышления, природы и духа действительно может быть поставлено под сомнение (хотя этот вопрос нуждается в дальнейшем осмыслении и изучении), но, на мой взгляд, вне всякого сомнения и не может быть пересмотрен дуализм объекта и субъекта, объективной и субъективной реальности, материального и идеального (дуализм материального и идеального отнюдь не может быть отождествлен с противопоставлением материи и сознания, ибо «идеальное [это есть] материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней», но рассматривать подобным же образом сознание – значит, становиться на позиции метафизического материализма). Без признания этого дуализма невозможно по-

стижение ни природы и сущности человека, ни природы и сущности любого другого предмета или явления. Его признание не может быть устранено из философской науки и также должно являться теоретическим и методологическим основанием изучения человека, его природы и сущности. Именно оно является теоретическим основанием для выделения духовности человека в качестве самостоятельной сущностной стороны. Точно так же, как идеальное не может быть сведено к материальному, а субъективное к объективному, так и духовность не может быть сведена к материи (или к социальному как к одной из форм существования и движения материи). Поэтому наряду с изучением биологических и социальных основ существования человека следует самым тщательным образом изучить и понять его духовные основы. Именно они делают человека субъектом, личностью, творческим существом.

В.Н. Кухарев считает, что современная философская ситуация «...характеризуется своеобразным кризисом традиционной проблемы человека. Он обусловлен, с одной стороны, признанием невозможности создания целостной модели человека, способной синтезировать основные философские, религиозные и научные достижения. С другой стороны, одной из идей философии последних десятилетий стал лозунг “смерти субъекта” растворения человека в витальных, технических, семантических и иных процессах... Проблема философского определения человека состоит в невозможности однозначного выражения его в рамках какого-либо родового понятия, поскольку человек – это всегда одновременно микрокосм, микротеос и микросоциум» [1, т. 2, с. 266]. Что касается кризиса проблемы человека нельзя полностью согласиться с автором, поскольку др. исследователи, наоборот, подчеркивают ренессанс темы (а значит, и проблемы) человека и расцвет антропологической проблематики. Можно согласиться только с тем, что кризис переживает не сама проблема человека, а прежние, ус-

таревшие представления о его природе и сущности. Действительно, традиционные взгляды сейчас подвергаются уточнению, дополнению, переосмыслению, а местами и пересмотру.

Еще больше сомнений вызывает «признание невозможности создания целостной модели человека». Кто это «признал» и, самое главное, на каком основании? Конечно, все философские, научные и религиозные достижения синтезировать невозможно, да и ни к чему: среди них попадаются не только правильные, но и не правильные, последние особенно часто попадают среди религиозных «достижений», ценность которых, а значит, и необходимость синтезировать их с философскими и научными, – сомнительна. Если же синтезировать лучшие философские и научные достижения, то как раз можно и нужно создать целостную биосоциодуховную модель (концепцию) человека. Растворение человека в различных процессах действительно имеет место (как в действительности, так и в некоторых работах, посвященных исследованию человека), но целостность данной модели как раз позволяет проследить связь всех этих процессов с биологическими, социальными и духовными качествами человека. Выразить человека в рамках какого-либо родового понятия действительно невозможно, поскольку человек – единственный в своем роде, а значит, его родовидовое определение невозможно. Остается воспользоваться атрибутивным определением человека – это единство биологических, социальных и духовных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Человек в современных философских концепциях : материалы Третьей Междун. науч. конф. (г. Волгоград, 14–17 сент. 2004 г.) : в 2 т. Волгоград, 2004.
- [2] Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. 312 с.
- [3] Арендт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. СПб., 2000. 437 с.

АРХАИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВАНИЯ АРХАИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Рассматриваются сходные черты мышления и поведения человекообразных и человека, из чего делается заключение, что сходным мышлением и поведением обладал и первобытный человек, пришедший к пониманию религиозности.

Ключевые слова: природа человека, религиозность, принцип удовольствия, принцип реальности, архаическое сознание.

При построении теорий возникновения архаического сознания и религии, на наш взгляд, недостаточно учитываются свойства и особенности природы человека. Для понимания состояния человека в момент возникновения религиозных чувств следует знать, чем он отличался, во-первых, от своего ближайшего предка – человекообразной обезьяны, и, во-вторых, – от современного человека. Несмотря на то что некоторые различия (иногда довольно значительные) человеческой психики с психикой приматов существуют, по мнению К.Э. Фабри, по поведению современных обезьян и других животных можно судить только об уровнях и направлениях психического развития, которые привели к формированию человека, и об общих закономерностях этого процесса [8]. Этого вполне достаточно для того, чтобы понять, какие особенности и черты мышления человекообразных сходны с человеческим мышлением, какими механизмами психики обладал первый архаический человек – среднее звено между обезьяной и человеком.

Человек, как и человекообразная обезьяна, является социальным существом, ведущим общественный (стадный) образ жизни. По Н. Хамфри, максимальное использование приматами своих высших интеллектуальных способностей было вызвано условиями существования в социальной группе [20, с. 303–317]. Быстрые и резкие изменения социального окружения, считает де Ваал, требуют значительно повышенного уровня интеллекта [25]. Более того, по мнению Н.Н. Иорданского, наиболее жизнеспособными оказывались те стаи, в которых наследственно закреплялись формы поведения, обеспечивающие снижение взаимной агрессии и помощь более слабым особям в своей стае [3]. Созвучно этому Я.Я. Рогинский выражает уверенность, что и в более поздние времена постоянно проходил социальный групповой отбор, благоприятный для тех сообществ древних людей, в которых преобладали более развитые в социальном отношении индивиды [6]. Такой отбор сопровождался совершенствованием тормозных (репрессивных) механизмов мозга, которые позволяли снизить взаимную агрессивность, а также способствовали снижению распыления внимания и его лучшей концентрации.

Признавая значительную роль социального взаимодействия, Дж. Гудолл считала, что каждому примату-участнику сообщества необходимо хорошее понимание причинно-следственных связей, применения и усиленного совершенствования в соревновательной среде своих познавательных способностей для достижения своей цели в сообществе себе подобных, а также для получения и поддержания своего социального статуса [2, с. 429]. По ее наблюдениям, с возрастом самцы приматов естественно изменяют статус в стадной иерархии, и при этом факторами в этой борьбе, помимо прочих, являются способность вступать в коалиции, интеллект, инициатива, изобретательность и упорство. В обществе приматы выказывают большое количество навыков, которые роднят их с людьми.

Так, приматы обладают педагогически-ми навыками (способностью *обучать* своих детенышей) и используют их как в лаборатории [18, р. 280–292], так и на свободе [10, р. 530–532], используют обман [26, р. 276–281], выказывают очевидное сострадание и сочувствие [11, р. 149–150], могут прекрасно имитировать кого-то и подражать кому-то [15, р. 223–265; 23, р. 17–83] и даже вообразить «возможные миры» [14, р. 609–627], играть с воображаемыми объектами [19; 24, р. 224–237] и испытывать что-то похожее на спонтанное озарение при решении задач [21]. В обществе для приматов становится жизненно необходимым нарабатываемое умение *планировать свои действия внутри сообщества и манипулировать поведением своих сородичей*, но именно эти качества и относятся к сфере разумного поведения [2, с. 579–580].

Исследователи Р. Бирн и Э. Уайтен [13] в конце 80-х гг. выдвинули теорию, согласно которой большой мозг у примата появился в результате постоянной необходимости вести сложнейшую психологическую игру в условиях сложных социальных групп. Она получила название «макиавеллианская гипотеза происхождения интеллекта», а позже Р. Бартоном и Р. Дунбаром [9, р. 240–263] была выдвинута гипотеза «социального разума». Приматы, как замечалось, отличались от неприматов прежде всего наличием таких продвинутых социальных навыков, как использование тактического обмана и формирование коалиции. Хитрости, обманы и интриги, применяемые приматами для достижения своих целей, были такими изощренными, что исследователи с абсолютной уверенностью сделали заключение о том, что эти уловки являются необходимыми повседневными приемами поведения и условиями существования в сообществе [13]. Более того, Ф. Доль [17, р. 43–57] описывает обезьян, которые могли просчитывать решение задачи на несколько шагов вперед (на пять шагов), чему определенно могли бы позавидовать некоторые шахматисты.

Немаловажным фактором, который влияет на более активное «политическое» поведение приматов в неволе, является ограничение территории, на которой живет сообщество. На продуманные хитрости и уловки приматов толкает их *повышенная скученность на ограниченной территории*, создающая серьезную напряженность в социальных отношениях и заставляющая их прикладывать все возможные усилия для снижения напряженности и урегулирования конфликтов. Иными словами, условием развития мозга примата, как считают Р. Бирн и Э. Уайтен, более является социальное «давление» внутри сообщества приматов, чем какие-то внешние, природные ограничения. Плотность социальной группы порождает социальную напряженность, способ-

ствующую усилению работы интеллекта, и его развитию, что, в свою очередь, улучшает способность приматов сосуществовать в сообществе. К.Э. Фарби в результате исследований пришел к выводу о том, что в обычных (скажем, нерепрессивных) условиях предметно-орудийная деятельность приматов никогда не могла бы перерасти в трудовую без коренных изменений в поведении, аналогичных изменениям в поведении приматов в *экстремальных условиях*. Этот феномен Фарби назвал «компенсаторным манипулированием». В природных условиях обилие предметов для манипулирования *распыляет внимание* приматов, а в экстремальных – их *рассеянное внимание* (как и манипуляционная деятельность) *сосредотачивается* на нескольких предметах, данных экспериментатором, с которыми животные и производят разнообразные, интенсивные, сосредоточенные, длительные манипуляции. Это приводит к образованию значительно более сложных манипуляционных движений. Здесь, как считает Фарби, в крайне бедной предметами среде, происходит *компенсация* естественной потребности приматов в манипулировании многочисленными и разнообразными предметами *качественно новой формой манипулирования* – компенсаторным манипулированием [8], которое, по сути, является сублимативным, или замещающим.

Таким образом, Фарби полагает, что основой зарождения трудовой деятельности человека могли послужить именно такие, радикально новые, в корне измененные, концентрированные и углубленные действия с предметами, добавим, при качественно новом – *сосредоточенном внимании*. Они были вызваны изменениями природных условий, когда среда стала более враждебной, противостоящей, говорящей «нет» вместо «да».

В этой *репрессивной среде*, как считает, к примеру, М.Ф. Нестурх, выжили не все человекоподобные, а прежде всего те, кто смог выработать более совершенную прямую походку на двух ногах. Они оказались более приспособленными, так как освобожденные конечности теперь могли быть использованы для орудийной деятельности. Помимо этого, по мнению некоторых исследователей, такая репрессивная социальная среда способствовала эволюции состояний аффекта, что в свою очередь вело к взаимопомощи и усложнению социальной структуры окружения гоминида [22]. А напряжение, вызванное постоянным аффективным состоянием, ежеминутным контролем и мониторингом эмоциональных и психических состояний соплеменников, способствует выработке постоянной бдительности, что *приводит к развитию внимания* [16].

Особенности мышления и поведения человекообразных и людей не просто сходны. Есть описания поведения приматов,

фактически демонстрирующих совершенно аналогичный человеческому тип психической реакции, из чего можно сделать вывод о том, что он в той или иной степени присутствовал в поведении и реакции на раздражители у первобытного человека. Один из примеров поведения, в котором сталкиваются два мотива, описан в работе Р. Бирн и Дж. Бирн [12, р. 22–26], когда стая обезьян убила маленького котенка леопарда, как бы *заместив* им большого леопарда, которого они убить не могли, а потом жалели убитого котенка.

В своей работе Н.Н. Ладыгина-Котс [5] описывает реакцию молодой обезьяны, которой дали зеркало. Она пыталась грызть зеркало, заглянуть за него, нащупать того, кто за ним. Найдя за зеркалом руку человека, обезьяна попыталась подтянуть ее к себе, но, *встретив сопротивление, впала в агрессию*. Следовательно, уже у обезьян прослеживается определенная схема поведения, которая также свойственна человеку: если попытка удовлетворить свое желание наталкивается на препятствие, возникает агрессия по отношению к нему. Поэтому можно согласиться с исследователями, считающими, что мышление первобытного человека *принципиально не отличается* от мышления современного человека [4], аналогично ему, а психика человека принципиально *едина* на всех ступенях развития человека [1, с. 113; 7, с. 173].

Приведенные примеры и исследования показывают, что человек прошел долгий путь становления собственно человеком. С одной стороны, в процессе этого становления психические механизмы и реакции на внешний мир пришли к человеку от его далекого предка и остались практически неизменными. С другой – некоторые психические процессы претерпели значительные изменения. Однако и в настоящее время человек является носителем первобытного архаического сознания, хотя не очень желает это признавать.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Боас Ф. Ум первобытного человека. М. ; Л., 1926. С. 113.
- [2] Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М. : Мир, 1992.
- [3] Иорданский Н. Н. Эволюция жизни. М. : Академия, 2001.
- [4] Кабо В. Р. Круг и крест. М. : Вост. лит-ра, 2007.
- [5] Ладыгина-Котс Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях. М. : Изд. Гос. Дарвиновского музея, 1935.
- [6] Рогинский Я. Я. Проблемы антропогенеза. М. : Высш. шк., 1977.

- [7] Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1952. Т. 1. С. 173.
- [8] Фабри К. Э. Основы зоопсихологии : учебник. 3-е изд. М. : Рос. психолог. об-во, 1999.
- [9] Barton R. A., Dunbar R. I. M. Evolution of the social brain // *Machiavellian Intelligence II*, ed. Camb. : Camb. Univ. Press, 1997. P. 240–263.
- [10] Boesch C. Teaching wild chimpanzees // *Animal Behavior*. 1991. № 41. P. 530–532.
- [11] Boesch C. New elements of a theory of mind in wild chimpanzees // *Behavioral and Brain Sciences*. 1992. № 15. P. 149–150.
- [12] Byrne R. W., Byrne J. M. Leopard killers of Mahale // *Natural History*. 1988. № 3. P. 22–26.
- [13] Byrne R. W., Whiten A. (Ed.) *Machiavellian Intelligence: Social Expertise and the Evolution of Intellect in Monkeys, Apes, and Humans*. N. Y. : Oxf. Univ. Press, 1988.
- [14] Byrne R. W., Whiten A. Cognitive evolution in primates // *Man*. 1992. № 27. P. 609–627.
- [15] Byrne R. W. The evolution of intelligence // P. J. B. Slater & T. R. Halliday (Eds.), *Behavior and evolution*. L. : Camb. Univ. Press, 1994. P. 223–265.
- [16] Chance M. R. A., Mead A. P. Social behavior and primate evolution: Paper read at Symposia of the Society for Experimental Biology VII. 1953.
- [17] Dohl F. Zielorientiertes Verhalten beim Schimpanse [Goal-directed behavior in chimpanzees] // *Naturwissenschaft und Medizin*. 1970. № 34. S. 43–57.
- [18] Fouts R. S., Fouts D. H., van Cantfort T. The infant Loulis learns signs from cross-fostered chimpanzees // R.A. Gardner, B.T. Gardner, & T.E. van Cantfort (Eds.), *Teaching sign language to chimpanzees*. N.Y. : State Univ. of New York Press. 1989. P. 280–292.
- [19] Hayes C. The ape in our house. N. Y. : Harper & Brothers, 1951; *Savage-Rumbaugh E. S. Ape language: From conditioned response to symbol*. N. Y. : Columbia Univ. Press, 1986.
- [20] Humphrey N. The social function of intellect // P. P. G. Bateson & R. A. Hinde (Ed.), *Growing Points in Ethnology*. Camb. : Camb. Univ. Press. 1976. P. 303–317.
- [21] Kohler W. The mentality of apes (E. Winter, Trans.). L. : Routledge & Kegan Paul, 1917/1927.
- [22] Lewis T., Amini F., Lannon R. A general theory of love. 1st ed. N. Y. : Random House, 2000.
- [23] Meador D. M., Rumbaugh D. M., Pate J. L., Bard K. A. Learning problem solving, cognition, and intelligence // J. Erwin (Ed.) *Comparative primate biology: Vol. 2B*. N. Y. : Alan R. Liss, 1987. P. 17–83.
- [24] *Savage-Rumbaugh E. S., McDonald K. Deception and social manipulation in symbol-using apes* // R.W. Byrne & A. Whiten (Eds.) *Machiavellian intelligence*. Oxf. : Clarendon Press, 1988. P. 224–237.
- [25] De Waal F. B. M. Chimpanzee politics: power and sex among apes. Rev. ed. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1998.
- [26] Whiten A., Byrne R. W. The emergence of meta-representation in human ontogeny and primate phylogeny // A. Whiten (Ed.) *Natural theories of mind: Evolution, development, and simulation of everyday mindreading*. Oxf. : Blackwell, 1991. P. 267–281.

ПРОСТРАНСТВО «ИНОГО» В МЕДИАОБЩЕНИИ

Рассматривается особенность визуального образа в интернете. Ставится проблема специфики новой чувственности и самопрезентации, заключающейся в шизоидном и нарциссическом расщеплении «образа-объекта», которые формирует и отражает новое средство коммуникации. Рассматривается тема возможности сновидческого языка, фантазии, «слепоты». Ставится вопрос об этических нормах и ответственности за другого.

Ключевые слова: «образ-объект», «полифоническое тело», оптика «слепоты», визуальный образ, реальное, виртуальный герой, новая чувственность.

Любой новый способ коммуникации, который изобретает человечество, предлагает человеку новые возможности и открытие себя иного. Нам свойственно удивляться Иному и даже искать встречи с ним, но иногда оно предстает таким пугающим, что необходимо его как-то осмыслить и символизировать, чтобы справиться с ощущением разрушения себя прежнего. Область пугающего, неизвестного может быть помечена как проступление Реального (по Ж. Лакану). Объектом рефлексии данной статьи будет сетевое общение, которое интригует – для обретения новых друзей, но в то же время выступает обманкой, симулякром, формируя особый, новый тип чувственности, последствия которого порой разрушительны.

Вопрос о том, кто ты есть, в век кризиса идентичности по-своему решает интернет: у современного пользователя Сети может быть несколько имен, псевдонимов и ник-неймов – для всевозможных целей, игр, ролей, состояний, настроений и проч. Зачастую «расщепленный субъект» (термин, обозначающий у Ж. Лакана особенности психики любого человека) меняет имена, фамилии, места проживания, представляет для других разные образования, специальности и т.д. Тело пользователя уподобляется «полифоническому телу» [5], которое реализует разные свои дискурсы, тогда как в жизни некоторые из них могут быть невостребованными. Сеть открывает возможность для проявления архаических пластов психики, что в жизни востребовано в ситуациях кризисов, стрессов. Часто о Сети говорится как о «волшебном месте», где люди могут фантазийно проявить свои желания всемогущества: герой в Сети – часто далеко не герой в жизни. Это пространство уподобляется магическому. Как это разбирается у Дж. Фрезера, Б. Малиновского и Л. Леви-Брюля, «обычные “первобытные” (“примитивные” – в смысле “primitive people”) люди считали колдунов и шаманов, обладающих огромной магической силой, а также душевно больных – стоящими на более высокой ступени интеллектуального развития – в духе Ранка: они обладали высшей истиной!» [5, с. 35]. Так, налицо расширение познания за счет «овладения» магическими способностями в Сети (или за счет ее возможностей). Подобные проявления характерны особенно для художественных натур: это желание путешествовать по многим мирам, прожить несколько жизней, сыграть множество ролей и т.д. Г. Гессе в «Последнем лете Клингзора» описал желание художника жить одновременно десятью жизнями: «у него в музыке всегда было побольше, чем у других, струн, подков, побольше монет в суме, побольше коней в упряжке!» [2, с. 547]. Любить столько людей, на скольких хватит твоего сердца, гореть всеми силами твоей души, отдавать и дарить! Желание художника жить удесятенной жизнью, иногда воплощаемое в жизнь, естественно, не длится вечно, и периоды очень высокого подъема

сменяются спадами, неуверенностью в себе и попыткой скрыться ото всех. Общение в Интернете отчасти дает возможность, общаясь, например, в Контакте или Одноклассниках, ощутить иллюзию удешевленной жизни, при этом особо не растрачивая себя и не неся ни за что ответственности.

Вопрос о том, как отграничить вымышленное от реально происходящего, как взаимодействуют две эти реальности, остается далеко не исследованным [4, с. 35–52]. Сеть, скорее, ставит вопрос о том, что такое реальность для человека, каковы ее границы. Далеко не все пользователи Сети умеют красиво оформлять свои виртуальные отношения: не хватает то ли энергии, то ли теплоты, то ли глубины чувств и мыслей: надписи на стенах порой откровенны либо грубы, либо вообще это ссылки на цитаты «Интересных страниц», сайтов, высказываний друзей и т.п. Эти «ссылки» формируют общие темы для диалога и косвенно раскрывают актуальные переживания скрывающегося под аватаром героя.

После анализа специфики представления о другом человеке через Контакт и сравнения этого образа с кинообразом, образом живописного полотна, иконическим образом у меня возник термин, отражающий специфику виртуального образа – «объект-образ». Зачастую аватар и визуальные образы, которыми так насыщено пространство пользователя, заставляют нас знакомиться с теми людьми, которых мы никогда не видели, но которые нас интригуют. Иногда критерий красоты, соотносящийся с человеком, подменяется понятием «красивая фотография», интересная информация, прикол и т.п. В выбранном термине я подчеркиваю, что это представление не столько о субъектах, сколько это «расщепленные» объекты нашей фантазии и фантазии «объекта-образа». Наши фантазии – это тоже мы, поэтому и в Сети, безусловно, происходит отбор «своих». Зачастую привлекает и Иное: непонятное, неизвестное, противоречивое, интригующее, не похожее на нас. Это Иное в один прекрасный момент, который можно обозначить через «событие» в борхесовском смысле, мы чувствуем некий «переворот» смыслов, Иное как бы входит в нас и меняет для нас ощущение пространства и времени. Иногда это пространство наделяют статусом «недореальности», но в моем ощущении Сеть может быть и «гиперреальностью», заставляя видеть мир в нескольких измерениях и переживать со многих сторон сложившуюся ситуацию.

Культура писать письма в XIX в., как отмечал Юрий Лотман, учила людей красиво чувствовать. Появление печатной машинки, а затем компьютера, заставляло писателя каждый раз по-новому оформлять свои переживания, утончать их. Но остается вопрос: учит ли нас компьютерное обще-

ние, которое дает нам возможность состоять чуть ли ни в ежедневной переписке с десятками людей, по-новому чувствовать? Какова природа новой чувственности? Несем ли мы какую-то ответственность за тех людей, с которыми вступаем в доверительные многогранные, длительные отношения или воспринимаем их лишь как образы, с которыми играем в некую игру для придания насыщенности своему существованию? Какова природа ощущений, боюсь сказать, чувств, вызванных подобными длительными интимными взаимоотношениями? Какого субъекта формирует этот новый медиа? Или он лишь разрушает его, его «здоровую» психику, пользуясь механизмами «защиты» для нормального функционирования в обществе и выстраивания нормальных конструктивных взаимоотношений с другими людьми и создает бестелесное существо, расщепленное на ряд субличностей?

Зачастую компьютерное общение вместо того, чтобы способствовать реальному общению людей, его подменяет. Большинство людей, знакомящихся в сети, никогда не встречаются в жизни, а если и встречаются, то это редко приводит к настоящей реальной дружбе. Часто при встречах люди разочаровываются друг в друге и больше никогда не встречаются. При общении в сети создаются искусственные условия: оно не требует сил для нахождения друг друга и интенсифицирует скорее особое духовное пространство. Ведь все общаются за компьютером в свободное от основных дел время, говорят о высоком и более-менее значимом, о чем не всегда можно поговорить с близкими. Это общение свободно от бытовых вопросов, что также создает предпосылки для разговоров «более высокого порядка»: обсуждение фильмов, музыки, ценностей, собственных стихов, текстов, фотографий и т. д. Часто люди делятся своими интимными переживаниями, снами, фантазиями, что само по себе формирует у них интимный фон разговоров. Истинный, реальный человек, думающий о «разном», исчезает и подменяется образом человека...

Возникает вопрос: не способствует ли такое общение шизофренической потере ощущения себя истинного, рождает страхи из-за особой напряженности, создаваемой собственными фантазиями по поводу другого, не создает ли оно условия для душевного разврата и безнаказанности при множественности партнеров, которых мы допускаем достаточно близко? Виртуальный герой полагает: я состою в интимно-доверительных отношениях со многими, но это же виртуально, я в образах, играю разные роли – и всё это без участия реально телесных, «истинных» отношений. Следовательно, меня это ни к чему не обязывает, я чист и свободен, к тому же познаю мир! При попытке другого человека встретиться и перевести

виртуальные отношения в реальные можно пообещать встречу, потом ее переложить, инсценировав обиду на него же, занести инициатора в «черный список» – и ты опять чист, имеешь возможность опять наладить отношения и даже углубить их до новой попытки обрести отношения в реальности. Ведь пока кто-то «дорогой» и даже любимый в «черном списке», ты «свободен» и возможно устроишь или продолжишь отношения с другими, в том числе и с реальными друзьями. Ведь ты «расстался», и совесть твоя чиста! Здесь можно проявить себя настоящим мужчиной: подарить много красивых текстов, стихов, цветов, своей активностью даже «перейти дорогу» многим реальным мужчинам, которые, общаясь, в том числе виртуально, понимают, что это общение – лишь фрагмент реального общения, которое к чему-то обязывает. Виртуальный герой всегда в выигрыше – ведь в случае чего можно сказать: да ты не в себе – я с тобой даже и не знаком, ты просто приятный собеседник, и всё это ты себе придумал или «я просто делился с тобой своими фантазиями»!

Подобные персонажи исключительно болезненно относятся к тому, что друзья знакомятся друг с другом. Это и понятно: ведь тогда, возможно, один друг расскажет другому о своем общем знакомом и, очень даже возможно, окажется, что общий знакомый будет чрезвычайно близок как вам, так и другому. Кроме того, при исчезновении друга on-line, конечно, плохо, потеря значимого объекта (как реального, так и фантазийного) порождает депрессию, и с этим надо что-то делать, а пока он не видит ничего, можно попробовать его «заменить» другими и посмотреть, а как они реагируют на уже «проверенные» подарки, стихи, возможно, признания в чувствах. И все это неимоверно интересно, своеобразный эксперимент на душах людей: ведь ты пробуешь вариации отношений как бы в различных измерениях: не с тем, так с другим, если не с официальной страницы – не для всех, то с неофициальной, где ты защищен и прикрыт и для других, и для самого себя, и даже для того, кому ты признаешься в чувствах, – ты отчасти загадка. Неофициальная страница (там, где другое имя, возможно, пол, профессия и т. д.) дает возможность в статусах, в некоторых записях на стене говорить с тем, кто ждет от тебя посланий, откровенно. Он пишет с теми же ошибками, знаками, употребляет время от времени те же слова, держит те же паузы и т. д. Ты понимаешь, что это он, но, поддерживая интригу и будучи увлечен новой стороной своего друга, подыгрываешь ему. То, что вы не говорили друг другу ранее, вы можете сказать доверительно, будучи скрытым под маской. Те слова, которые были сказаны одним героем, на стене «неофициальной» будет объяснено очень красиво и откровенно. Записи быстро

появляются и исчезают. Да и кто из остальных друзей будет искать скрытый контекст в записях на стене, из «интересных страниц» или групп? Эти записи представляются достаточно «невидимыми» для других и адресованы человеку, который их только видит. Опять-таки фантазия смотрящего достраивает свое содержание, что сообщает дополнительный смысл прочитываемому. Естественно, чтобы эти записи стали «знаковыми», тот, кто пишет для тебя, должен когда-то указать на это: именно здесь вдруг появляется твое имя и запись о том, о чем вы знаете только вдвоем. Остальные ничего не понимают.

Тема слепоты, невидения в сети избавляет человека и от ответственности, от действий по отношению к другому. В некотором смысле проявление возможностей не видеть роднит пространство сети с поэтикой пространства Хорхе Луиса Борхеса, где «встречи» и «пути», постоянно пересекающиеся и расходящиеся, создают нелинейный «порядок вещей». Исследователи творчества Борхеса находят в преваливании традиции незримого следование исламской и иудейской традиции [3, с. 16]. Ведь даже в понимании таких «тонких материй», как ангелы, т. е. как высокодуховные существа, существует мнение, основанное на визионерской практике, о том, что эти неземные сущности чаще всего являются во сне, глазами их не увидеть. Очевидность как таковая ставится под сомнение, так как априори полагают ее условность, симуляционность. «Здесь можно говорить о своеобразном иконоборчестве Борхеса, ставящего под сомнение верховную роль зрения в европейской культуре Нового времени...», – пишет критик, подчеркивая глобальный переворот, обозначенный писателем [3, с. 19]. Зрение скорее связано с областью эстетического, сновидческого. Отсюда фрагментарность и осколочность образов, образы руин, ощущение «вне-физичности», своеобразная «прозрачность». Все эти «недо-образы» дали название поэтике Борхеса «оптика слепого». Пробелы, отсутствие образов – места фантазии читателя. Они – еще одно «событие» встречи с Иным. Иное отчасти сродни бессознательному, не могущему быть символизированным и переданным. Практически невозможно символизировать Реальное (по Ж. Лакану), которое связано с наиболее травмирующими и ранними чувствами человека. Поэтому именно связь этих «невидимых» для других посланий с эмоционально окрашенными ранними переживаниями делает их чрезвычайно сильно воздействующими на другого человека.

Виртуальные связи со многими – это своеобразные зеркала, где ты постоянно отражаешься в других. Отражение в бесконечном множестве других может оказаться и своеобразным зазеркалем, дурной беско-

нечностью, где человек уже не понимает, где он, а где его отражение, он чувствует себя в зазеркалье, хамелеоном, пауком, попавшим в сети другого. Это, вроде бы, достаточно «безобидный» способ познания мира и души другого человека. Душа, правда, отделена от тела, которое при этом страдает, будучи не раз спровоцированным признаниями, откровениями, эротическими фантазиями. Но не то же самое происходит и «по ту сторону» компьютерного мира, когда тело востребовано без души? И расщепленному индивиду плохо, так как он чувствует, что он отдает то, что предназначалось одному, другому.

Визуальные образы в фотографии, которыми заполнена вся сеть, ведь сами по себе более ярки, чем их оригиналы в жизни. Они будят наши собственные фантазии. Заснятая и остановленная жизнь, как правило, наполнена яркими чувственными воспоминаниями, которые в фантазиях смотрящего на них человека вызывают реминисцентные подобные эмоции. Визуальный образ подпитывается нашим нарциссизмом. Нарциссический субъект – принципиально множественная личность: его самость расщеплена на всемогущий субъект и ничтожный, всегда ненасытный, и они постоянно расщепляются на множество других субличностей. Нарциссам всегда мало внимания, поэтому у них огромное количество друзей и преобладание собственных портретов над всеми остальными визуальными образами.

Общение с людьми разного возраста, что описано в воспоминаниях об А. Звереве, сродни ощущению всеприсутствия, встречи с тем миром и временем, в котором ему самому не посчастливилось пожить [1, с. 113]. Возможно, это и бессознательно проявляющийся Эдипов комплекс, и феномен «запретного плода», и зовущий голос того Иного, что притягивает более всего и благодаря которому мы мечтаем из уст Сирены Горгоны узнать сакральную информацию. Язык интернета показывает, что бессознательно желаемое оказывается как бы «вытесненным» и занесенным на стены и в статусы, превращенным в вымышленных персонажей и героев, порой другого пола и возраста. Подлинность этой информации, которой, вероятно, смогут заинтересоваться представители следственных структур, ФСБ и др.,

честно говоря (как у психоаналитика в том числе), у меня лично вызывает скепсис. Насколько наши грезы и фантазии «здесь и сейчас» являются показательными для нашей личности в социальной реальности и для реального поведения? Насколько даже кажущееся «расщепление личности», субличности, отраженные множеством страниц, говорят о человеке как о больном шизофренией? Шизоидность, как типичный элемент сознания современного человека, – это, по словам Вадима Руднева, своеобразный обман, ошибка, возведенная в ранг нормы [6]. Каждый из нас «состоит» из разных видов «текстов» и стоящих за ними конституциональных типов. Присутствие орального дискурса, анального, уретрально-истерического, фаллически-сверхценного, эксгибиционистического – всё это, по В. Рудневу, содержится в качестве бессознательных архаических структур-энграмм в бессознательном человека [6, с. 89]. Исследователь называет структуру психики современника психотической, тем самым обозначая, что реальность субъекта несравненно значимее реальности «объективной». В сети мы актуализируем несколько энграмм достаточно интенсивно и параллельно со многими. Всё это в определенном насыщенном режиме создает доминанты, которые продуцируют собственные фантазии. И кто здесь виновник: тот, кто фантазирует, или тот, кто эти фантазии пробуждает? Вспомним Ж. Лакана: наше желание – это желание Другого!

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анатолий Зверев в воспоминаниях современников. М. : Молодая гвардия, 2006.
- [2] Гессе Г. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1: Повести, сказки, легенды, притчи. СПб. : Северо-Запад, 1994.
- [3] Дубин Б. Зрелость, слепота, поэзия // Борхес Х.Л. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. СПб. : Амфора, 2006.
- [4] Подорога В. Событие и масс-медиа. Некоторые подходы к проблеме // Синий диван: философ.-теоретич. журн. М. : Три квадрата, 2010. С. 35–52.
- [5] Руднев В. П. Полифоническое тело: Реальность и шизофрения в культуре XX века. М. : Гнозис, 2010.
- [6] Руднев В. П. Реальность как ошибка. М. : Гнозис, 2011.

УДК 1

С.А. Ветров

КУЛЬТУРНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Предпринимается попытка проанализировать основание, мировоззренческие принципы и направления, влияющие на характер социального проектирования.

Ключевые слова: цикличность, линейность, традиционализм, модернистские установки, эволюционизм, консерватизм.

В качестве приоритетных принципов социального проектирования следует рассматривать содержащееся в социальных концепциях и доктринах обоснований сохранения, обновления или разрушения социальной системы.

Революционный порыв охватывает и разрушителей старого, и создателей нового. Однако, кто из них будет доминировать – разрушители, создатели или охранители, чьи призывы найдут больший отклик среди людей, – тот и будет определять мировоззренческую доминанту, трактовать и интерпретировать основные постулаты в целом принятой обществом идеологии. Когда люди устают от разрушения, они начинают прислушиваться к создателям. В это время создатели объединяют свои усилия с усилиями охранителей, пытающихся спасти самое ценное от уходящей культуры. Наступающее время можно назвать периодом реставрации институтов, социальных отношений, норм и ценностей. И если в это время создатели будут доминировать, то революционные потрясения не пройдут напрасно. Общество выйдет из полосы кризиса и обретет новые жизнеспособные формы. Если одолеют охранители, то реставрация ограничит все позитивные изменения и получится так, что революция, разрушив многое, не создаст ничего нового.

Для определения мировоззренческих приоритетов создатели социальных проектов выделяют ряд составляющих: *линейное или цикличное мировосприятие творцов концепций и идеологий, модернистские или традиционалистские установки последователей доктрины, эволюционные или радикальные принципы мировоззренческого творчества.*

Любой социальный проект строится на определенном отношении ее творцов и последователей к трансформации социальной системы. Исходя из западной традиции рассмотрения идеологии, деятельность любого субъекта характеризуется *линейным* направлением его усилий. Причем представления об истории, имеющей свои начало и конец, долго не связывались с идеями прогресса. Социальное проектирование неплохо обходилось без них вплоть до XVIII в. Только позже социальные группы, представители которых хотели выиграть от изменения социальной ситуации, стали стремиться к модернизации социальной системы, оправдывая это необходимостью прогресса и поддерживая или непосредственно разрабатывая эволюционные и революционные идеологии, которые исходят из необходимости движения к лучшему: к более справедливому порядку, высокому жизненному уровню, большей свободе и т. д. Подобная позиция довольно часто приводит к отрицанию современных реалий.

Цикличное мировосприятие исходит из утверждений, согласно которым любая трансформация должна приводить социальную систему к обретению очередного оптимального состояния. Делается вывод, согласно которому всякая деятельность, направленная на достижение свободы, равенства, лучшей жизни, может привести лишь к временным результатам. Следом за этим очередное стабильное состояние ввергается в очередной

период распада. Главным в этом случае становится скорейшее, с меньшими потерями преодоление эпохи распада и обретение стабильности с одной целью – сохранить себя в вечном круговороте жизни.

Представители групп, которые могут потерять от социальных изменений, будут сторонниками консервативных и реакционных проектов. Мышление и тех и других детерминировано установками прогресса. В современном мире пока еще доминируют идеалы прогресса, отличительной чертой которых является перманентная эмансипация, т. е. освобождение всех ото всех. Согласно многочисленным социальным проектам призваны эмансипироваться и рабочие, и крестьяне, и женщины, и молодежь, и представители расовых, национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств.

Степень прогрессивности любой доктрины напрямую связана с потенциалом *модернизации*, которым она обладает. *Модернистские установки* основаны на безусловной идеализации будущего. Изменение само по себе воспринимается как несомненное благо. Хотя, как правило, представления о будущем у модернистов утопичны. В реальности модернистские установки корректируются, когда инициированные социальные доктрины наталкиваются на препятствия. Для мировоззренческого модернизма характерно восприятие настоящего в качестве «строительного материала» будущего. В этом они вполне соотносимы с линейным мировосприятием.

Для традиционалистических позиций естественно стремление к сохранению устойчивости социальных институтов. Традиционализм способствует восприятию настоящего в качестве или ухудшенного прошлого, или оптимального состояния, которое уже не стоит менять. В первом случае можно говорить о радикальном традиционализме, во втором – об охранительном.

По мнению сторонников охранительного *традиционализма*, примером которого служит консервативное течение, социальная система обладает большим запасом прочности, а ее институты вполне в состоянии обеспечить нормальную жизнь гражданам. Охранительный традиционализм приемлет социальные изменения, но лишь при сохранении фундаментальных ценностей и институтов. И если для модернистских взглядов в большой степени характерна позиция, согласно которой прошлое и настоящее приносятся в жертву будущему, а охранительный традиционализм отдает предпочтение настоящему перед будущим, то радикальный традиционализм отдает приоритет прошлому перед будущим и настоящим.

Эволюционистские взгляды и методы формируют политику постепенного изменения системы. Они не допускают возможности изменения основ общества. Сохранение

следует характеризовать в качестве хорошо продуманной политики, направленной на легитимацию социальных усилий, для которой в качестве главных аргументов-оправданий используются идеи и институты прошлого из-за невозможности найти таковые в настоящем. Стремление к восстановлению некогда эффективных норм, ценностей и институтов актуализирует архаичные установки. Доктрины сохранения представляют собой попытку двигаться вперед. Для этого только в прошлом находится источник вдохновения.

Эксперименты, основанные на попытках оживления ушедших в прошлое институтов и норм, могут получить и более трагическое воплощение. Примером могут служить архаичные устремления национал-социалистов. Рост традиционалистских настроений и социальных проектов выливается также в активное использование населением архаичных элементов одежды, ритуала, внешнего вида.

Разрушение – направление социального творчества, которое не обладает конструктивным потенциалом и существует лишь в условиях тотальной конфронтации или тотальной деконструкции. Разрушение может осуществляться под знаменем обновления. Однако политические силы, обеспечившие себе доминирование в условиях распада, будут стараться поддерживать данное состояние, постоянно находя причины для продолжения политики деконструкции. Сформировавшаяся элита постарается возглавить движение, стремящееся к обновлению, но лишь для того, чтобы оставить всё как есть. В указанном случае и элита и общество воспринимают настоящую реальность как тягостную, а господствующую идеологию – как досадное препятствие для удовлетворения своих желаний.

Другим направлением социального проектирования становится *обновление*. С ним в значительной степени связаны консервативные настроения и многочисленные революционные доктрины, условно обозначаемые как футуристические, оправдывающие попытки вырваться за пределы настоящего через обращение людей в будущее. Этнос футуризма внутренне тотален.

Внутренняя неудовлетворенность рождает усилия по поиску выхода из создавшегося положения. Именно поэтому футуризм может черпать силы исключительно из собственных культурных источников. Футуристический порыв в принципе самодостаточен. Однако устремленность в будущее через отрицание настоящего и прошлого часто опирается на привнесенные извне идеи, когда приобщение к образцам другой культуры кажется очень заманчивым.

Подражание начинается с предметов, кажущихся господствующей идеологии наиболее безопасными: одежда, манеры, слова

и т. д. Затем заимствование распространяется на стиль в искусстве, признание авторитета в области науки, образовании. И, наконец, начинаются заимствование философских и политических идей и подражательство в деятельности, связанной с преобразованием социально-политических институтов.

Наиболее конструктивное направление социального проектирования, связанного с обновлением, предполагает актуализацию традиционных ценностей и институтов. В этом случае социальное проектирование ставит задачу адаптировать в новых условиях устоявшиеся институты, раскрыть ресурсы модернизации. Лучше всего политику сохранения проводил классический консерватизм. Конструктивная стратегия обновленческого направления связана с преобразованием (преображением) потенциала традиционной культуры.

Преображение следует воспринимать в качестве позитивно направленного социального проекта. Он не культивирует прогрессистские установки. Происходит следующее: изменяются условия существования социума, и ему предлагается дать конструктивные ответы на целый ряд вызовов. Если это не будет сделано, если социум предпочтет «заморозить» современные институты, нормы, то он неизбежно погибнет. Новые условия требуют внесения в поведение корректив. Преображение оказывается самой приемлемой стратегией, так как все изменения предполагают сохранение основ социального бытия конкретного общества. С одной стороны, традиции воспринимаются в качестве источника силы, с другой – эта самая традиционная целостность становится полем деятельности, где в полном объеме проявится в стремлении субъекта, сохраняя себя, следовать долгу. Долг в этом случае выступает как способность новыми словами сказать старые истины, т. е. вдох-

нуть в них новые силы. Создание позитивной идеологии возможно, если в новых словах старая истина, обеспечившая самосохранение социуму, сохранит свой смысл, а не потеряется за новизной.

Сделаем некоторые выводы.

1. Принцип приоритетности позволяет полноценно характеризовать действия социальных субъектов, которые, как правило, отдают предпочтение одному из трех фундаментальных направлений: сохранению целостности наличного социального бытия, его обновлению или разрушению.

2. Приоритеты социального проектирования свидетельствуют о способности социума к саморазвитию, наличию у него ресурса жизнеспособности.

3. Каждое из приоритетных направлений мировоззренческого творчества предполагает определение четких позиций по отношению к перспективе модернизации социума, необходимости актуализировать универсалистский потенциал фундаментальных положений доктрины, к идее прогресса, возможности использования радикальных методов социального проектирования.

Таким образом, можно говорить о субъективном параметре классификации социальных доктрин, а следовательно, и о групповых идеологиях, которые позволяют достичь максимальной мобилизации. Это становится возможным после осознания группой своих интересов и возникновения готовности их реализовать. Человек осознает и отстаивает свои интересы посредством групп. В социальные конфликты человек также втягивается посредством групп, к которым он себя относит. Социальные объединения, осознающие собственные коренные интересы, обретают характер сплоченных групп, определяющих свое место в социальной структуре общества и направляющих усилия на достижение поставленных целей.

УДК 1

А.Б. Жбанков

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Обосновывается необходимость исследования противоречивых тенденций духовного развития человека в контексте обеспечения безопасности личности, общества и государства. На примере творчества Ф.М. Достоевского анализируются экзистенциальные основы безопасности. Доказывается целесообразность введения и использования в анализе проблематики безопасности понятия «экзистенциальная безопасность».

Ключевые слова: безопасность, экзистенциальная безопасность, развитие, личность, государство.

На современном этапе актуальной проблемой является укрепление взаимодействия между гражданами России в целях обеспечения национальной безопасности, повышения конкурентоспособности нашей страны и отстаивания ее национальных интересов на международной арене. Характерной чертой духовно-культурного кризиса являются преобладание в поведении человека эгоистических мотивов и чувства самосохранения, отчуждение в межчеловеческом общении, самоустранение широких социальных слоев населения от участия в решении важных для государства и общества вопросов. Комплекс взаимосвязанных между собой негативных аспектов в духовной сфере формирует угрозу национальной безопасности современной России.

Особое значение приобретает анализ духовного мира личности, которая, руководствуясь нравственными идеалами, берет на себя ответственность, формирует общественно значимые идеи в непростых условиях развития государства и общества. Это предполагает обращение к экзистенциализму, сделавшему акцент на рассмотрении проблемы подлинности человеческого существования в абсурдном и трагичном мире. Практически все проблемы экзистенциальной философии предвидел в своем художественном творчестве Ф.М. Достоевский, максимизатора которого «жизнь полюбить больше, чем смысл ее» прямо соотносится с принципом философии экзистенциализма – «существование предшествует сущности» (Ж.-П. Сартр). Сегодня защите подлежит само существование («экзистенция») общества и человека. Это определяет необходимость решения человеком вопросов о смысле своего существования в мире и возможных путях дальнейшего развития: личностного, общественного, государственного. «Ибо тайна бытия человеческого, – писал Ф.М. Достоевский, – не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле...» [1, с. 289].

Поведение, неподчиненное внешним, чрезмерно рациональным аргументам и опирающееся на первичные структуры нравственности («я не нуждаюсь ни в каких аргументах», «я лично ответственный», «это моя война»), обеспечивает безопасность в кризисных ситуациях и составляет сущность понятия «экзистенциальная безопасность». Не случайно в теории потребностей А. Маслоу потребности безопасности именуется как синонимичные экзистенциальным, поскольку имеют общечеловеческое предназначение (уверенность в завтрашнем дне, стабильности условий жизнедеятельности, определенности и регулярности окружающего социума) [2, с. 365]. Обоснованность введения и использования концепта «экзистенциальная безопасность» подтверждается позицией ряда российских

ученых, согласно которой «безопасность – это экзистенциальная характеристика объекта, которая тождественна его наличному бытию, выражающая аспект сохранения его природы в многообразных перипетиях и трансформациях бытия» [3, с. 115].

Экзистенциальная безопасность тесно связана с идеями свободы и человеческой духовности, от состояния которых в значительной мере зависят содержание и формы государственной жизни. Это актуализирует необходимость рассмотрения проблемы существования человека. Ф.М. Достоевский является признанным психологом в раскрытии духовного мира человека, со всеми присущими ему странностями, несуразностями и парадоксальностями. Как отмечает Е.В. Мареева: «Достоевский пишет о том, что если не будет у людей жизни духовной, воплощенной в идеале Красоты, то затоскует человек, умрет, с ума сойдет» [4, с. 156].

В условиях появления новых вызовов и угроз надежное обеспечение безопасности человека и общества становится всё менее достижимым, государственные институты посредством «усиления мер безопасности и спецслужб, предполагающих снятие всяких границ приватности» [5, с. 8], наращивают давление на общественное сознание, способствуя омассовлению человека. Действуя самостоятельно и свободно, человек понимает меру своей ответственности за принятые решения, формируя прочную основу безопасного существования общества и государства. Как справедливо отмечал Ф.М. Достоевский, «ни в каком обществе и нигде одною полицией не управишься», поскольку «общество оберегает само себя» [6, с. 438]. В этой связи задача возрождения личностного в человеке игнорироваться более не может. Разрушающее воздействие на духовный мир личности оказывает потеря устойчивых ценностных ориентаций, а жизнь граждан зачастую характеризуется радикальным разрывом с прошлым, неустроенностью настоящего и тревогой о будущем. Данное обстоятельство приводит к формированию угроз личности, обществу и государству, поскольку, «потеряв цель и надежду, человек с тоски обращается нередко в чудовище...» [7, с. 236].

Осознание людьми конечности своего существования, хрупкости и изменчивости жизни в полной мере отражено в сложных характерах героев произведений Ф.М. Достоевского, противоречивость поступков и деятельности которых обусловлена как рациональными, так и иррациональными мотивами. И всё же сердце (иррациональное начало человека), как замечает И.И. Евампиев, «является первичным качеством; именно в нем живет радость, и поэтому оно дает основание бытию и жизни, в отделении от него ум теряет опору и запутывается в бесконечных противопоставлениях и неразрешимых вопросах» [8, с. 75].

Создатель экзистенциального русского философского языка Ф.М. Достоевский достоверно и красочно изобразил всю сложность и противоречивость внутренней жизни молодого человека в условиях антагонистического общества. Герои его произведений, обычно люди в возрасте до тридцати лет, страстно стремящиеся самоутвердиться в глазах окружающих, добиться власти, могущества и успеха в обществе (Раскольников, Ставрогин), не избегают использовать неприемлемые, аморальные средства реализации своих идей. Неразборчивость в способах достижения жизненных целей есть отражение иррациональных мотивов поведения человека, проявление его подсознания. Оказавшись в неблагоприятных жизненных обстоятельствах, нередко и пережив свой крах, персонажи романов писателя обнаруживают свою низость и подлинное величие, представая открытыми добру и злу в равной мере. Они мечутся по жизни, мобилизуя на решение трудных жизненных проблем все свои душевные силы, идут во всё до конца. Актуальные вопросы духовной жизни человека и общества ставятся таким образом, что возможными оказываются только крайние решения, герой Ф.М. Достоевского «осужден на постоянные колебания от одной крайности к другой», как отмечает Ф.И. Евнин, его жизнь предстает «как нечто катастрофическое и трагическое, протекающее на самом пределе человеческих сил и возможностей» [9, с. 429, 453].

В период духовного кризиса характерной чертой жизни общества становится рост экстремистских настроений и, соответственно, радикальных мотивов и целей деятельности. В свою очередь, проявления экстремизма являются свидетельством наличия острых проблем в духовной сфере жизни общества и человека. В общем смысле под экстремизмом понимается выход человека за пределы привычных норм и состояний, его обращение к относительно редко используемым формам и методам организации социального бытия, которые радикально отличаются от сложившихся в данной общественной системе и отвергаются большинством ее членов.

В произведениях Ф.М. Достоевского в центре внимания находится личность, способная посвятить свою жизнь высшему предназначению человека, преодолевая господствующую в обществе ориентацию на материальное благосостояние и, как следствие, отдаление людей друг от друга, что подрывает сплоченность общественного организма, лишает полноты и целостности социальных взаимосвязей. В условиях духовного кризиса личность начинает искать ответы на сложные жизненные вопросы и поступать в соответствии со своими нравственными убеждениями. При этом внутрен-

няя убежденность человека важнее внешних обстоятельств.

Действующие в условиях разрушения традиционного религиозного мировоззрения герои Ф.М. Достоевского, стремящиеся обрести истинный смысл своего существования в мире, лишенном трансцендентного начала, начинают испытывать «тоску по безусловному» («тоска нестерпимая», «тоска до тошноты» Ивана Карамазова). Человек, остро переживающий чувство тоски, склонен к непредсказуемым вспышкам иррационального поведения, вплоть до совершения уголовных преступлений, представляя опасность для общества. «А между тем, может быть, вся-то причина этого внезапного взрыва в том человеке, от которого всего менее можно было ожидать его, – это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самому себе, желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг проявляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог» [7, с. 77].

Потребность человека проявить свою личность в определенных условиях может реализоваться в интересах общества, когда совершаются нравственно обоснованные действия (например, бойцы антитеррористических подразделений, рискующие жизнью ради спасения заложников). Но индивид также может использовать антигуманный способ реализации данной потребности, который угрожает безопасности личности, общества и государства. В обоих случаях действия человека имеют иррациональную основу, эмоционально окрашены и радикальны по своему характеру. Однако если личность в своих поступках опирается на нравственные предпосылки, это принесит позитивные последствия для общества, поскольку способствует укреплению безопасности. Следствием безнравственных мотивов иррациональных действий и поступков, как правило, имеющих форму внешне рациональных и логически последовательных рассуждений, является экзистенциальная опасность, когда весь потенциал нереализованных стремлений человеческого существования приобретает деструктивную направленность не только по отношению к субъекту, но и по отношению к обществу в целом. Особенности душевных переживаний человеком событий своего повседневного существования, а также жизни семьи, социальной группы, общества, нации и государства имеют амбивалентный характер, т.е. обуславливают формирование нравственно обоснованных действий и бесчеловечного поведения. В конкретных обстоятельствах прогнозировать определенные поступки индивида, которые он способен совершить на основании личностных оценок, практически невозможно.

Имманентная спонтанность является качественной характеристикой экзистенциальной опасности, проявляющейся на социальном уровне в виде «внезапных взрывов» массового протеста против сложившихся социальных отношений. В этой связи необходимо принимать во внимание, что истинной причиной появления в определенных социальных группах скрытого недовольства зачастую являются не сами по себе неудовлетворительные условия существования, а тот «общий тоскливый настрой», под влиянием которого формируются предпосылки для социального взрыва. Причем, к началу бунта может послужить самый незначительный повод. Но и в этом случае иррациональное по своей сущности поведение также имеет своим основанием нравственные предпосылки, прежде всего, остро переживаемое «чувство справедливости и жажда ее», эта «высшая и самая резкая характеристическая черта нашего народа» [7, с. 144].

Однако следование нравственным предпосылкам вовсе не исключает использование безнравственных способов достижения поставленных целей. Не случайно зачинщиками акций протестного характера, как правило, являются представители особого социального типа. «Это народ горячий, жаждущий справедливости и самым наивным, самым честным образом уверенный в ее непременной, непреложной и, главное, немедленной возможности. Народ этот не глупее других, даже бывают из них и очень умные, но они слишком горячи, чтоб быть хитрыми и расчетливыми», и по этой причине «почти всегда проигрывают дело» [7, с. 241].

Готовность человека к самопожертвованию ради того, что, по его мнению, «значит больше его собственной судьбы», готовность «погибнуть, лишь бы не лишиться защищаемого им права» является свидетельством того, что «он ценит это право выше, чем самого себя. Следовательно, он действует во имя пусть еще неясной ценности, которая, он чувствует, равно присуща как ему, так и всем другим» [10, с. 129]. С точки зрения философов-экзистенциалистов, человек не может существовать, если не посвятит чему-то свою жизнь, ибо, как пишет А. Камю, «то, что называется причиной жизни, оказывается одновременной и превосходной причиной смерти» [11, с. 223].

В глобальном мире государства постепенно теряют право требовать от граждан даже той степени лояльности, которую они проявляют по отношению к семье, коллективу или другой социальной группе. Это обстоятельство открывает перед современным человеком новые возможности с точки зрения выбора национального проекта, который бы настолько отвечал его жизненным установкам и ожиданиям, отражал состояние его внутреннего мира, что он был бы

готов идентифицировать себя с общностью, реализующей данный воображаемый проект. Наличием сильных эмоциональных переживаний по данному поводу можно объяснить готовность человека к радикальным действиям, вплоть до самопожертвования.

Таким образом, основным мотивом деятельности личности, даже в самых неблагоприятных условиях, должны оставаться ее нравственные убеждения, ибо следование социально-эгоистическим интересам ведет к нивелированию человеческих качеств и люди «превращаются в выродков» (К. Ясперс). Соответственно трудно признать безопасным общество, в котором преобладает такого рода социальный тип. И, напротив, верность самому себе дает человеку прочную жизненную основу в кризисных ситуациях, когда ему приходится действовать «без надежды на успех». Посредством выхода человека за свои пределы, преодоления ущербной ограниченности индивидуализма и эгоизма формируются предпосылки для укрепления коммуникативных контактов между людьми, рост солидарности и повышения их сплоченности в целом, что, в конечном счете, способствует укреплению безопасности личности, общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы : р-н в 4 ч. с эпилогом. Ч. I. М. : Современник, 1981. 368 с.
- [2] *Кравченко А. И.* История менеджмента. М. : Академический Проект, 2002. 560 с.
- [3] *Урсул А. Д., Урсул Т. А., Тупало В. Г., Энгель А. А.* Устойчивое развитие, безопасность, ноосферогенез : монография М., 2008. 399 с.
- [4] *Мареева Е. В.* Творчество Ф.М. Достоевского в зеркале философии Льва Шестова // *Вопр. философии.* 2007. № 3. С. 152–158.
- [5] *Ионин Л. Г.* Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // *Вопр. философии.* 2007. № 3. С. 3–14.
- [6] *Достоевский Ф. М.* Бесы. М. : Вагриус, 2005. 264 с.
- [7] *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1986. 288 с.
- [8] *Евлампиев И. И.* Миф о человеке в романе Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Вопр. философии.* 2008. № 11. С.70–83.
- [9] *Евнин Ф. И.* Реализм Достоевского // *Проблемы типологии русского реализма.* М. : Наука, 1969. С. 408–454.
- [10] *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство : пер. с фр. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
- [11] *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // *Сумерки богов.* М. : Политиздат, 1990. С. 222–318.

УДК 172

Д.А. Толстиков

БЕЗОПАСНОСТЬ И КОНФЛИКТ – ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются отношения между личной и общественной безопасностью, выдвигается предположение о связи психики с выбором типа безопасности, что в свою очередь определяет тактическую или стратегическую линию жизни. Анализируются причины конфликта между типами безопасности, определяется роль познания в его решении.

Ключевые слова: безопасность, психологические типы, тактика, стратегия, прогнозирование.

Безопасность является одним из условий развития человека и общества. Можно выделить два типа безопасности: личную и общественную. В случае с личной безопасностью человек выбирает тактику поведения, этот своеобразный план действий на ближайшее время, здесь и сейчас. Общественной безопасности подходит стратегия поведения – долговременный план действий, определяющий развитие в будущем. Тактика позволяет создать временную безопасность, стратегия – постоянную безопасность.

Возможно, что выбор, какой тип безопасности выбрать, уже задан природой. В психологии существует деление на четыре психологических типа: меланхолик, холерик, сангвиник и флегматик. По активности их нервной системы можно отнести эти типы к определенным типам безопасности. Сангвинику и холерику подходит тактика, а значит, личная безопасность, флегматику и меланхолику – стратегия, а следовательно, общественная безопасность. Это деление конечно условно, так как редко встречаются четко разделенные психологические типы, но для прогнозирования поведения этого деления достаточно. Логика такого деления такова – для оперативного принятия решения необходим быстрый тип нервной системы, а этим обладают сангвиник и холерик. Более спокойный тип нервной системы располагает к размышлениям о будущем, а это прерогатива стратегии, а значит, вотчина флегматика и меланхолика.

Используя знания о том, к какому психологическому типу человек относится, можно прогнозировать его действия, поступки и наиболее эффективно использовать его возможности.

Объединяющим моментом тактики и стратегии служит цель, которая задает вектор движения. Причем при единстве цели ее качество для этих направлений будет разным – для тактики достижение ее возможно на физическом уровне, для стратегии – на духовном. Например, цель съесть яблоко на физическом уровне выражается в утолении голода; на духовном – в эстетическом стремлении насладиться вкусом яблока. Отсюда можно выделить два типа целей: «низкие», характерные для тела, и «высокие», свойственные духу. Преобладание в жизни человека «высоких» или «низких» целей изменяет его в соответствии с его выбором. Так, «низкие» цели более эгоистичны, потому что заставляют человека сначала заботиться о себе, «высокие» цели на первое место ставят общественное благо. Несовпадение целей приводит к конфликту между личной и общественной безопасностью.

Еще одна причина конфликта кроется в незнании всех обстоятельств ситуации. Поэтому познание – один из важнейших факторов безопасности, оно дает знание, позволяет прогнозировать развитие событий, а значит, дает возможность быть готовым к ним.

Для эффективного процесса прогнозирования необходимы два фактора: информация и время. Познание идет не только на уровне сознания, но и на бессознательном уровне, где процессы проходят на высоких скоростях. Результатом обработки информации на больших скоростях служит инсайт. Но человек пока не научился контролировать этот процесс. Чего не скажешь о контроле сознания. Для ускоренной обработки информации необходимо создавать алгоритмы обработки информации. Ведь имея карту местности, быстрее дойдешь до цели, так и здесь: алгоритм – это и есть карта, ведущая наикратчайшим путем к цели. Возможно, что ответ будет неверным, но отрицательный результат также содержит в себе ценную информацию, которую можно применить в будущей деятельности и быстрее добиться результата.

Хорошим примером могут послужить опыты Т. Эдисона с лампочками. Занимаясь поисками подходящих материалов для лампочки, Т. Эдисон перебрал тысячи образцов материала. Неужели это бесполезное знание? Нет. Эти тысячи неудачных опытов сыграли роль своеобразного компаса, стрелка которого направила Т. Эдисона на верный путь, на котором лампочка стала лишь первым изобретением, своеобразным маяком для последующих исследований и открытий в этой области (открытие электрона).

Этот пример показывает ценность любой информации, ее объективную значимость, очищенную от субъективных этических оценок человека. Потому что ценность ее выражается в эффективности, которая не ограничена нормами добра и зла, отсутствующими в природе, но присущими человеку. Отсюда можно выделить два вида прогнозирования – фантастический и сверхъестественный. Первый исходит из реальности природы, второй – из фантазий человека.

Фантастический вид прогнозирования основывается на объективных фактах реальности, на том, как в дальнейшем они будут эволюционировать. Это вид предполагает качественный скачок в развитии, через комбинирование и создание принципиально нового. Сверхъестественный вид прогнозирования предполагает изменения, не обусловленные объективными обстоятельствами, а продиктованные скорее субъективными ощущениями. Большую роль здесь играет случайность.

Таким образом, для обретения безопасности необходимо стремиться к синтезу объективного и субъективного знания, союз которого приведет к компромиссу. И тогда, возможно, получится избежать конфликта между личной и общественной безопасностью.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.И. ГЕРЦЕНА

Вопрос о влиянии политико-философских идей Герцена на передовую общественную мысль России XIX в., рассматривающийся в статье, в настоящее время не находит однозначного ответа. В статье показано, что политико-философские аспекты творчества А.И. Герцена в интерпретации автора отличаются от их оценок В.И. Лениным.

Ключевые слова: политическая философия, диалектико-материалистическая философия.

Философско-политические взгляды А.И. Герцена интересовали многих исследователей его творчества, среди которых в первую очередь следует отметить Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского. Н.С. Лесков, исследуя художественные особенности таких произведений А.И. Герцена, как «Кто виноват?» и «Сорока-воровка», особое внимание обращает на его социально-философские позиции. Ф.М. Достоевский, в свою очередь, пристально изучает также и психологические особенности творчества Герцена.

Прежде всего исследователи отмечают влияние философии Г.В.Ф. Гегеля на формирование позиций Герцена в области философии и философии истории [1, 2]. В области же политических воззрений Герцен, с одной стороны, оставался оригинальным мыслителем, а с другой – воспринял идеи Ф. Шлегеля, Т. Карлейля, Ш.Л. Монтескье и отчасти Гегеля. А.И. Пантин, в свою очередь, предлагает современному российскому читателю статьи В.И. Ленина «Памяти Герцена» по-иному взглянуть на ее содержание, так как марксизм-ленинизм сегодня предстал перед нами тем, чем он был в действительности – антибуржуазной идеологией буржуазного по своему историческому содержанию переворота [1].

Анализ политической философии Герцена мы считаем необходимым начать с осмысления того факта, что его мировоззрение, особенно политическая философия, которая представляла идею социализма на базе крестьянской общины, не может быть понято с марксистских позиций, как это было предложено В.И. Лениным в ст. «Памяти Герцена». На самом же деле, политические мировоззрения Герцена и К. Маркса отражали принципиально разные тенденции политической философии и социализма. Первый положил начало воззрению либерального социализма, второй – пролетарского социализма. Поэтому ленинские оценки «вплотную подошел к диалектическому материализму», «и остановился перед историческим материализмом», – не отражают характер философско-политических взглядов Герцена. В этой статье читаем: «В крепостной России 40-х гг. XIX в. он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени... Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом» [3, с. 256]. Отмечая несостоятельность политико-философских оценок В.И. Лениным творчества Герцена, А.И. Пантин особо указывает на то, что эти оценки основаны на другом видении мира, на другой философии истории, нежели герценовская.

Герцен был свидетелем революции 1848 г. во Франции. Я. Эльсберг писал по этому поводу, что поражение революции и триумф буржуазии привели к краху надежд Герцена «на возможность легкого, быстрого и бескровного торжества социалистической революции» [2, с. 12] и в связи

с этим – к тягчайшей духовной драме. Не исключено, что Герцен, прошедший школу гегелевской философии, судил о событиях во французском обществе категориями единства и борьбы противоположностей Гегеля. То есть революция во Франции, потерпев поражение, тем не менее являла Герцену необходимость разрешения противоречий между буржуазией и пролетариатом в силу антагонистического характера их отношений. «Никакое перемирие не поможет теперь во Франции; враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга, у них разные логики, два разума... Когда вопросы становятся так, – нет выхода, кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте» [4, с. 285]. Герцен предполагал и то, что французская революция 1848 г. поставила вопрос о разуме в истории на новый уровень: «Законы исторического прогресса не противоположны законам логики, но они не совпадают в своих путях с путями мысли, так как ничто в природе не совпадает с отвлеченными нормами, которые строит чистый разум» [4, с. 294]. Иными словами, не отказываясь от посылки просветительской философии относительно господства разума в общественном развитии, Герцен «трансформирует» этот разум в «народную мысль», в идею русского социализма «на базе» крестьянской общины, так как Россия XIX в. – крестьянская страна. «Народная мысль» здесь носит либеральный, всеобъемлющий характер и не предполагает противоречий между различными категориями русского общества.

Следовательно, чем ближе Герцен приближался в своих взглядах к Гегелю, тем дальше отдалялся от марксизма. Его политическая философия основывается на другом видении мира, на другой философии истории, нежели марксистская. При этом Герцен, который, по словам Ф.М. Достоевского, «уже родился эмигрантом» [5], с середины 1840-х гг. и до конца своих дней проживавший в Европе, видимо, в достаточной степени был знаком с творчеством основоположников диалектического и исторического материализма, которое, однако, не поколебало его собственных политико-философских воззрений.

Важный аспект ст. В.И. Ленина «Памяти Герцена», отражающий политические воззрения Герцена, касается деятельности русского мыслителя XIX в. в качестве основателя альманаха «Полярная звезда» и журнала «Колокол». «Герцен создал вольную русскую прессу за границей – в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857–1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено» [3, с. 258–259]. В то же время Н.С. Лесков, не занимавшийся специально вопросами философии, тем не менее достаточно точно отражал в своих

публикациях настроение российской общественности XIX в. по поводу печатных изданий Герцена и его политической философии. Содержание этих публикаций можно обозначить в двух ипостасях.

Во-первых, в ст. «Об отношении “Северной пчелы” к г. Герцену и его “собачкам”» Лесков писал, в отличие от Ленина, о ином значении журнала «Колокол» для русского общества, что явствует уже при упоминании им в заголовке публикации «собачек», явно настраивающем читателей на саркастический тон. «Теперь о влиянии “Колокола”. Мы стоим на том, что влияние это далеко не столь велико, .. что влияние “Колокола” произошло “благодаря причинам, от его редакции не зависящим» [6]. Затрагивая распространение этим журналом социалистических или революционных устремлений Герцена, Лесков отмечал полное отсутствие таковых: “Колокол” читается всеми, кто может его достать, просто как запрещенную вещь, где часто рассказываются разные секреты. Эти-то секреты и составляют весь интерес для большинства читателей. Читателей же публицистики г. Герцена очень немного... Социалистов, т. е. русских людей, не имеющих экономических познаний, но имеющих наглость и нахальство, может быть 200, ну 500, ну, наконец, тысяча человек, но уж не больше. Затем, помилуйте, где и какие у нас социалисты? Где у нас революционеры? Бедные дети, с нуждой сбивавшиеся на какие-нибудь десять, пятнадцать рублей, чтобы потешить себя воззванием, – вот наши революционеры!.. Уверить русского человека в возможности у нас демократически-социальной революции – просто невысказано» [6]. Выдерживая саркастический тон своей публикации, Лесков указывал, что для части публики в России XIX в. Герцен просто «бедовый», «душка», оглашающий разные вещицы, и больше ничего. «А какая у него задача во лбу? Помилуйте, об этом никто никогда не думал. “Колокол” читает и ярый консерватор, и либерал, и красный, и голубой, и все довольны, потому что заявление фактов всем одинаково интересно, а кроме этих фактов, отсюда ничего не попадает ни в одну голову» [6].

Во-вторых, относительно самой политической философии Герцена. В ст. «О заметке “Русского вестника” и о характере действий Герцена» в 1863 г. Лесков подчеркивал, что негативно-саркастическая реакция русской общественности XIX в. на творчество публициста «с того берега» определяется его незнанием русской жизни и народа [7]. При этом, г. Герцен «с смешною самонадеянностью берется устраивать нам такое положение, которого мы вовсе не хотим, к которому вся Русь не имеет никакого расположения и которому она станет противодействовать вся, от мала до велика» [7]. Учение социалистов, по мнению писателя, это такое

учение, над которым можно хохотать. Назвав Герцена «не человеком дела», он отмечал и то, что «гремя своим “Колоколом” против безнравственности богатства, г. Герцен едва ли может, в подкрепление своей теории, указать на себя, как на пример самоотвержения в пользу общую» [6; 7]. Известно, что Герцен, разглагольствующий о безнравственности богатства, сам очень богат и не основал еще ничего вроде рабочей ассоциации [7]. Что же касается революции, то, по словам Лескова, «генерал от революции» слушает только людей своего же закала, получает от них только те сведения, которые ему на руку. При этом воспитание отказало ему в способности, не кипятясь, слушать другую сторону. Поэтому он прет напролом. Отсюда его крайняя и ничем не оправдываемая односторонность во всех вопросах, касающихся внутренних порядков в России [7]. «Прямолинейность» характера «одного слишком известного русского эмигранта» отмечал и Достоевский [5]. Не вдаваясь в перипетии личной жизни Герцена, можно, однако, предположить, что «прямолинейность», отмечаемая и Лесковым, едва ли способствовала благоприятно-

му восприятию его политико-философских идей российской общественностью XIX в.

Таким образом, политико-философские аспекты творчества Герцена в нашей интерпретации отличаются от их оценок Лениным. Что же касается вопроса о влиянии политико-философских идей Герцена на общественную мысль России XIX в., то данный вопрос в настоящее время предполагает неопределенный, если не сказать отрицательный, ответ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пантин А. И.* А.И. Герцен: начало либерального социализма // *Вопр. философии.* 2006. № 3. С. 118–131.
- [2] *Эльсберг Я.* Наследие Герцена // *Герцен А.И.* Соч. М., 1955. Т. 1. С. 5–44.
- [3] *Ленин В. И.* Памяти Герцена // *Полн. собр. соч.* Т. 21. С. 255–262.
- [4] *Герцен А. И.* С того берега // *Герцен А.И.* Соч. М., 1955. Т. 3. С. 233–378.
- [5] *Достоевский Ф. М.* Два самоубийства. URL: <http://www.ioilibrary.ru/text/3/index.html>
- [6] *Лесков Н. С.* Об отношении «Северной пчелы» к г. Герцену и его «собачкам» URL: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=96715>
- [7] *Лесков Н. С.* О заметке «Русского вестника» и о характере действий Герцена URL: <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=96715>.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРИЧИНАХ МОЛНИЕНОСНОГО ПОРАЖЕНИЯ ФРАНЦИИ В 1940 г.

Описываются подходы советских военных специалистов и историков к определению причин поражения Франции от нацистской Германии в мае–июне 1940 г. В связи с большим количеством исследований, наряду с появлением новых доступных работ и источников, в том числе и на иностранных языках, предпринимается попытка по-новому систематизировать имеющиеся в науке подходы и переосмыслить ранее сделанные выводы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Франция, историография, странная война, политика «умиротворения».

Капитуляция Франции перед нацистской Германией и фашистской Италией 25 июня 1940 г. и последовавшие годы оккупации оставили неизгладимый след в истории французского народа. За шесть недель мировая держава со значительным военным и промышленным потенциалом, обладавшая второй по размерам колониальной империей, имевшая такого мощного союзника, как Великобритания, потерпела беспрецедентное в мировой истории поражение. Почти половина военнослужащих её действующей армии не успела сделать ни единого выстрела за период начавшейся 1 сентября 1939 г. новой мировой войны.

Как это ни парадоксально, но историография вопроса стала складываться еще до разгрома Франции, в 1938 г., когда высшее руководство СССР во главе с И.В. Сталиным пришло к выводу, что «вторая империалистическая война на деле уже началась». Государства и народы «как-то незаметно вползли в орбиту второй империалистической войны», которую «развертывают агрессивные державы, в то время как другие, «демократические», державы, против которых собственно и направлена война, делают вид, что война их не касается, умывают руки, пятятся назад, восхваляют свое миролюбие, ругают фашистских агрессоров и... сдают помаленьку свои позиции агрессорам». Они не одобряют «крайностей» фашистских государств и боятся их усиления. Но при этом еще больше боятся рабочего движения в Европе и национально-освободительного движения в Азии, считая, что фашизм является «хорошим противоядием» против всех этих «опасных» движений. Поэтому правящие круги «демократических» государств... ограничиваются политикой уговаривания зарвавшихся фашистских заправил [1, с. 318–319]. После капитуляции Франции эти положения получили дальнейшее развитие.

В 1941 г. в предисловии к изданной на русском языке работе американского журналиста Г.Ф. Армстронга «Падение Франции» издатель писал: «Поражение Франции объясняется не только бездарным военным руководством, отсталостью военной доктрины французского генерального штаба, неподготовленностью экономики и армии к новым методам ведения войны. Поражение Франции – результат губительной, антинациональной, предательской политики правящего слоя крупной буржуазии». Его политика в предвоенный период сводилась к тому, «чтобы углубить раскол внутри французского народа, разгромить революционное рабочее движение и организации национального единства, усилить позиции реакционных слоев монополистического капитала. Пуще всего правители Третьей республики боялись народа, его единства и сплочения вокруг общенациональных задач» [2, с. 4–5]. Даже после начала военных действий

с Германией руководящие круги Франции рассчитывали на то, «что им удастся добиться соглашения и “перевести стрелку” на войну против Советского Союза». Эта «антинародная политика» привела к тому, «что страна оказалась неподготовленной к серьезной войне – ни экономически, ни политически, ни в чисто военном отношении». Сорок пять дней сражений «вскрыли гнилость буржуазной Франции, банкротство ее внутренней и внешней политики, антинациональную линию правящей верхушки» [2, с. 5–6].

Эта трактовка получила распространение в послевоенной общественно-политической и научной литературе [3]. Причём часто авторы выпускали тезис, указывавший на бездарность военного руководства Франции, отсталость его военной доктрины, неподготовленность экономики и армии страны к новым методам ведения войны. Л.И. Зубок, например, в своих лекциях в Высшей партийной школе говорил: «Франция вступила во вторую мировую войну неподготовленной», потому что «реакционная буржуазия Франции вела капитулянтскую политику. Она боялась народных масс и развития Народного фронта в стране. Капитулянты проникли во все органы власти. Коррупция процветала в парламенте и прессе. Военная разведка была засорена людьми, работавшими на немцев. Разложение и продажность проникли в руководство армии. Капитулянты и пораженцы были готовы на всё, лишь бы не поднимать на борьбу народ» [4, с. 161]. Была также та литература, по которой обучались слушатели советских военных академий. Мы не располагаем «закрытой литературой» 1940–1950-х гг., но о том, как в ней трактовалось падение Франции, можно судить по учебнику военной истории более позднего времени. Необходимо отметить, что советские военспецы внимательно следили за ситуацией в Европе после прихода к власти нацистов и подвергали тщательному анализу первые кампании Второй мировой войны [5]. Известно, что главнокомандующий англо-французских войск генерал Гамелен смог переправить в СССР свои заметки о причинах военного поражения Франции.

Основной причиной поражения Франции, полагали военные, являлось то, что «её правящие круги проводили недалёковидную политику уступок агрессору», и «даже ход войны не изменил антисоветской направленности политики Англии и Франции. Они, как и в предвоенные годы, были готовы пойти на сговор с Германией, с тем, чтобы повернуть фашистскую агрессию против СССР». Эти тезисы были дополнены рядом важных с военной точки зрения положений, а именно: со стороны союзников «война велась недостаточно решительно, что деморализовало народ и армию»; оказалась несостоятельной англо-французская оборони-

тельная стратегия, поскольку при её реализации «инициатива в ведении боевых действий заранее отдавалась противнику». Сказалась «ошибка союзников в определении направления главного удара» (противника). Сыграло свою роль «отсутствие мощных танковых, моторизованных, авиационных и воздушно-десантных войск, с помощью которых можно было парировать удары значительных сил противника» [6, с. 17–18]. В «гражданскую» историю анализ военспецов долгое время выхода почти не находил, причём даже в работах, призванных дать комплексное видение хода событий на начальном этапе Второй мировой войны.

В Первой книге многотомной «Истории Великой Отечественной войны» авторами была дана подробная хронология боевых действий мая–июня 1940 г., но военный анализ носил поверхностный характер. Авторами высказывалась мысль, что победы фашистской Германии на Западе только отчасти объясняются причинами военного характера. Поражение Франции объявлялось закономерным следствием того предательского курса, который проводили правящие круги страны на протяжении длительного времени. Французских банкиров и промышленников страшил призрак народного гнева; не возражая против того, чтобы Гитлер стал европейским жандармом, они предпочли в своих классовых интересах капитулировать перед Германией. Решающую роль в поражении Франции «сыграли политические причины. Неумолимая логика событий привела к тому, что мюнхенские “миротворцы”, занятые организацией войны против СССР, подставили свои страны под удар фашистской Германии и сыграли позорную роль предателей и могильщиков своих собственных стран» [7, с. 228–229].

Заслуга соединения двух потоков историографии – «гражданской» и «военной» – принадлежит историкам начального периода Второй мировой войны (сентябрь 1939 г. – апрель 1940 г.), например, военным историкам В.А. Секистову, Д.М. Прозктору, франковедам В.П. Смирнову и Л.П. Лаврову. В.А. Секистов полагал, что в 1939–1940 гг. война в Западной Европе «имела странный и однобокий характер». Уклоняясь от наступательных действий против гитлеровской Германии, правящие круги Англии и Франции руководствовались целью «не мешать гитлеровской Германии напасть на Советский Союз» [8, с. 5–6]. Поэтому они «позволили гитлеровской Германии без особых помех вести военные действия по захвату Польши» [8, с. 59]. Начавшийся в ноябре 1939 г. конфликт между СССР и Финляндией западные державы предполагали использовать для развязывания антисоветской войны. Кроме того, «наряду с подготовкой для наступления на Советский Союз на се-

вере, такой же плацдарм подготавливался ими и на юге» [8, с. 63]. В.А. Секистов не сомневался: «Народ Франции ненавидел фашизм и был готов сопротивляться, но буржуазия боялась поднимать народ на борьбу с фашистскими захватчиками» [8, с. 117]. Она, как и правящие круги других западноевропейских стран, «опасаясь призрака революции, встали на путь предательства национальных интересов страны, превратились в “пятую колонну” немецко-фашистских оккупантов, рассматривая фашистскую оккупацию как меньшее зло» [8, с. 120].

Автор указывал на отсталость французской военной мысли, абсолютизовавшей опыт Первой мировой войны. Неподготовленность французской армии к активным боевым действиям, писал автор, – «дело рук “клики Петена”, которая “не считала нужным вооружать французскую армию новейшим оружием в достаточном количестве”» [8, с. 123]. Отсюда категоричный вывод: «не в недостатке вооружения и не в плохом качестве боевой техники, а в отсталости военной теории заключалась основная слабость французских военных руководителей» [8, с. 125].

Исследователь Второй мировой войны Д.М. Проэктор в своей работе, изданной впервые в 1963 г. под названием «Война в Европе 1939–1941 гг.», уделял значительное внимание военной стороне французской трагедии в привязке к внутривластной ситуации в этой стране. Он отмечал, что «политическая реакция, господствовавшая во Франции в начале 30-х годов, целиком отразилась на состоянии вооруженных сил». Быстрая смена кабинетов, постоянная борьба между партиями лишали армию «стабильного и планомерного руководства со стороны высших органов государства». Правительство Франции, «не жалея энергии для подавления революционного движения», недооценивали важность укрепления национальной обороны [9, с. 14]. По мнению автора, во французской трагедии была виновна политическая система и верхушка армии: «Среди когорты высших руководителей армии находились преимущественно 60–80-летние генералы... Охваченные скептицизмом и безразличием к окружающему, зараженные духом коррупции, лишённые энтузиазма и патриотических идей, они вросли в тот политический режим, иждивенцами и фаворитами которого были... Среди них оказались и прямые предатели... Другие, хотя и не были прямыми изменниками, но, живя прошлым и нагромождая в течение долгих лет своей руководящей деятельности одну ошибку на другую, довели армию до состояния глубокого кризиса и серьезно ослабили ее боеспособность» [9, с. 32–33]. Д.М. Проэктор полагал, что гитлеровский вермахт был сильнее и организованнее, чем союзные армии, а его оперативное планирование стояло на несколько

ступеней выше, делая оговорку, что нацистские дивизии в «большей мере веда рука предателей Франции и её отсталых военачальников, а потом уже собственное воинское умение» [9, с. 261].

В.П. Смирнов анализировал «странную войну» в привязке к поражению Франции, так как именно в этот период, по его мнению, сложились основные предпосылки французской трагедии. В преддверии войны французские правящие круги в своей внешней политике «проявили исключительную неадекватность, косность и медитальность». Во время «странной войны» правящая верхушка Франции по-прежнему «не могла и не хотела проводить внешнюю и внутреннюю политику, отвечающую интересам страны. Страх перед коммунизмом и симпатии к фашизму, а не национальные интересы были главными движущими стимулами руководящих политических деятелей Франции... Их расчёт заключался в том, чтобы втянуть в войну как можно больше стран, окружить Германию кольцом фронтов и прежде всего столкнуть её с СССР. Такая война должна была привести к взаимному истощению Германии и Советского Союза и сделать французских империалистов решающей силой в Европе...» [10, с. 168–169].

Когда выяснилось, что нападение Германии на СССР откладывается, «французские империалисты... сами стали готовить антисоветскую интервенцию». Они, писал В.П. Смирнов, и после 3 сентября 1939 г. «прилагали все усилия, чтобы втянуть свою страну в войну против Советского Союза, хотя Франция уже воевала с таким опасным противником, как Германия» [10, с. 165]. Автор полагал, что осенью 1939 г. Франция «начала активную подготовку к нападению на СССР» и что эта подготовка «продолжалась до весны 1940 г.» [10, с. 96]. К концу февраля 1940 г. Франция была готова отправить в Финляндию пятидесятитысячный экспедиционный корпус. В январе 1940 г. генерал Вейган, командующий войсками Франции на Среднем Востоке, предложил план действий против СССР с участием Румынии, но французское правительство склонялось к организации нападения на СССР с юга «путём воздушной бомбардировки центров советской нефтяной промышленности в Баку и Батуми» [10, с. 129–130]. Фашизм победил во Франции, писал В.П. Смирнов, «только после её военного поражения. Однако в течение всей “странной войны” происходила фашизация страны, подготовившая фашистский переворот и создание правительства Виши... Фашизация политического режима привела к усилению влияния пораженцев, подорвала обороноспособность страны, способствовала её военному разгрому» [10, с. 168–169].

Франковед Л.П. Лавров также считал, что правящие круги Франции имели возможность «не допустить развязывания Второй мировой войны. Для этого им надо было отказаться от потворствования агрессивному германскому империализму, от политики преступного сговора с ним и всерьез позаботиться об организации коллективной защиты европейского и всеобщего мира» [11, с. 320]. Но лидеры Франции были убеждены, что «общность классовых интересов правящих кругов Франции и Германии возьмут верх, в результате чего гитлеровская агрессия будет развиваться исключительно в восточном направлении». В результате такой политики «Франция лишилась самого могучего союзника (СССР) и сама поставила себя под удар фашистского агрессора в 1939–1940 гг.». Объявление войны фашистской Германии в 1939 г. «не входило в расчёты французского и английского правительств, но они были вынуждены это сделать». Ведя «странную войну», они хотели ограничиться созданием барьера против вторжения гитлеровской армии на их территорию и отсидеться за «Линией Мажино» до более благоприятного для себя момента. Во внешней политике их действия во время войны «были продолжением того же мюнхенского курса на примирение с гитлеровской Германией и организацию совместного нападения на Советский Союз» [11, с. 321–322].

Французская военная доктрина, по оценке Л.П. Лаврова, носила оборонительный характер, а высшее командование, будучи «чрезмерно самоуверенным», недооценивало «роль танков и авиации», рассматривая французскую армию как «самую сильную в мире, лучше всех обученную, лучше всех вооруженную и имеющую лучшее командование» [11, с. 110–111]. Обращаясь к проблеме коалиционной политики французского правительства после начала войны, Л.П. Лавров писал, что правительства Эдуарда Даладье (10 апреля 1938 г. – 21 марта 1940 г.), а затем и Поля Рейно (21 марта 1940 г. – 1 июня 1940 г.), «поглощенные подготовкой военных авантур против Советского Союза, уделяли крайне мало внимания укреплению международных позиций Франции и по существу ничего не делали для того, чтобы склонить на борьбу с фашизмом страны, занимавшие нейтральную или неустойчивую, двойственную позицию» [11, с. 191–192]. Они не использовали возможности наладить более тесные отношения с Бельгией и добиться заблаговременного ввода англо-французских армий на территорию этой страны. По отношению к Италии, занявшей с начала войны выжидательную позицию, французское правительство «ограничилось пассивным ожиданием развития событий и стыдливо уклонялось от активного воздействия» на эту страну [11, с. 195–196].

Заслуживают особого внимания выводы В.П. Смирнова и Л.П. Лаврова о неоднородности французской финансовой и промышленной элиты межвоенных десятилетий. Франковеды обращали внимание на наличие в ней нескольких группировок, видевших разные способы обезопасить свои деловые интересы и обеспечить безопасность Франции (в том числе и через заключение военного союза с СССР) [10, с. 28; 11, с. 28–31]. В то же время, отдавая дань утвердившемуся в отечественной историографии официальному мнению, В.П. Смирнов то и дело перекладывал ответственность за поражение страны с «фашизированной» части французской буржуазии на «империалистическую буржуазию» вообще.

Но даже в самых авторитетных советских изданиях по-прежнему продолжал присутствовать фактически уже опровергнутый исследователями тезис о губительной политике всех «200 семейств». Так, в трёхтомной «Истории Франции», подготовленной авторским коллективом во главе с А.З. Манфредом, Л.М. Видясовой справедливо подчеркнвалось, что в предвоенные годы французские правящие круги страны «политически и морально разоружали» общество, которому требовалось максимальное сплочение здоровых сил [12, с. 213–214]. Но вслед за этим неоспоримым выводом следовал уже знакомый тезис, что разгром Франции «явился, прежде всего, следствием классовой ограниченности крупного капитала, охваченного паническим страхом перед собственным народом, перед ростом могущества и влияния Советского Союза. Более того, в работе утверждалось, что французские правящие круги надеялись с помощью иностранных штыков удержать в своих руках власть и установить во Франции фашистский режим, представлявшийся им единственным средством защитить и оградить свои интересы от народа» [12, с. 228–229].

Поэтому не удивительно, что и в многотомной «Истории Второй мировой войны» давалась примерно такая же версия причин французской трагедии 1940 г., дополняемая, конечно, в силу специфики издания, чисто военными её причинами. Начавшиеся весной 1940 г. боевые действия, говорилось в работе, «вскрыли серьезные просчеты в строительстве вооруженных сил союзников... Франция, израсходовав колоссальные средства на строительство сверхмощной линии Мажино, не сумела создать сильной авиации и механизированных войск». Во французской армии «не хватало новых видов вооружения». Пассивно-выжидательный характер стратегии союзников «заранее отдавал стратегическую инициативу в руки противника». Руководство Англии и Франции «не ставило с начала войны с Германией решительных стратегических целей, счи-

тая, что оборона является предпосылкой и основным условием победы». С первых дней боевых действий союзное командование проявило «явно недостаточную способность к руководству войсками в сложной оперативно-стратегической обстановке» [13, с. 120–121].

Анализ причин трагедии Франции начинался, однако, с констатации «капитулянтской политики правительств»: «французская буржуазия боялась народа, боялась укрепления сил, которые в 1936 г. обеспечили победу Народного фронта. Стремление покончить с демократическим движением трудящихся, подавить революционные выступления рабочего класса, поставить вне закона компартию и установить в стране “сильную власть” – эти мотивы стали определяющими для социальной верхушки Франции. Война показала, что политические лидеры Англии и Франции, надеясь договориться с Гитлером на антисоветской основе, «оказались неспособными обеспечить всестороннюю подготовку своих стран к вооруженному столкновению с фашистскими государствами» [13, с. 119–120].

Г.М. Ратиани в работе «Судьба двух республик во Франции», первая часть которой, посвященная гибели Третьей республики, является переизданием работы того же автора 1969 г. «Конец третьей республики во Франции», писал: «Если не иметь всё время ввиду, что англо-французские правящие круги делали всё возможное, чтобы найти пути для сделки с Гитлером, то западноевропейская политика в месяцы “странной войны” походила бы на сумасшедший дом: фашистская Германия спешно готовилась к нападению на Францию и далее на Англию, а в Париже и Лондоне так же спешно готовились к нападению на Советский Союз» [14, с. 35]. Касательно внутриполитического положения в стране после начала немецкого наступления автор полагал, что верх взяли соглашатели и капитулянты, видевшие в Гитлере защитника от большевистской революции в Европе.

Последний тезис в советские времена стал своего рода аксиомой. Не случайно даже В.П. Смирнову в своей новой работе 1979 г. пришлось основные причины поражения Франции связать с тем, что французские правящие круги, «охваченные страхом перед революцией и коммунизмом, в момент немецкого наступления фактически отказались от сопротивления и капитулировали... чтобы сохранить свои классовые привилегии» [15, с. 190].

Переоценка роли советского фактора в международных отношениях кануна и начала Второй мировой войны прослеживалась и в работах А.М. Самсонова. Исследователь уделял большое внимание военному фактору поражения англо-французской коалиции на западном фронте в 1940 г.

Франция, писал он, со времен Первой мировой войны «слабо совершенствовалась в военном отношении». Организация её вооруженных сил, развитие стратегии, оперативного и тактического искусства «застыли на уровне Первой мировой войны». Армия во многих областях боевой техники отставала. Вся подготовка к возможной войне с Германией проводилась «исходя из принципов оборонительной стратегии» [16, с. 66]. Значительную роль в поражении Франции 1940 г., по мнению автора, сыграло то, что во внешнеполитическом курсе ведущих держав капиталистического мира «преобладали тенденции антисоветизма», поскольку ими двигала «боязнь революционного и демократического движения в своих собственных странах» [16, с. 23]. Затишье на Западном фронте в период «странной войны» «они истолковывали как свидетельство готовности германских руководителей к созданию единого антисоветского союза с Францией и Англией». Эта политика «подорвала силы национального сопротивления изнутри». Стремление к «новому крестовому походу империалистов против социалистической России в действительности привели Францию к катастрофе» [16, с. 66–67].

Таким образом, при освещении причин французской трагедии 1940 г. советскими авторами было принято выделять, прежде всего, недалекость политики правящих кругов Франции и Англии, покоящейся на антисоветизме, страхе перед революцией, недооценке угрозы фашизма, а также недостатки в военном строительстве западных держав в межвоенные десятилетия. Несмотря на подвижки, произошедшие в последние десятилетия, ряд проблем предвоенной французской истории, как и прежде, не получает в отечественной историографии осмысления, хотя ранее они уже и поднимались исследователями.

В работе 1973 г. исследователь Ю.И. Рубинский, анализируя борьбу классов и партий во Франции в межвоенные десятилетия, пришёл к выводу, что «разгром Франции и её капитуляция под ударами гитлеровских полчищ в июне 1940 г. были в гораздо большей степени предопределены внутренними факторами, чем военными и международными». Но нередко данный тезис «трактуются чересчур упрощенно – всё дело сводится к тому, что французский правящий класс в целом, ослеплённый после Народного фронта страхом перед “красной опасностью” и ненавистью к коммунизму, сознательно шёл к поражению и чуть ли не призывал германские войска на помощь для борьбы против собственного “внутреннего врага” – революционного пролетариата, как это было в момент Парижской коммуны». Данная трактовка, по мнению автора, представляется чересчур поверхностной. Весь ход событий вплоть до осени 1938 г.

«убедительно показал, что монополии во Франции оказались достаточно изворотливыми, чтобы справиться с Народным фронтом собственными силами». Дело было не только в «близорукости, продажности, трусости или злой воле буржуазных политиков Третьей республики, но и в особенностях объективной расстановки классовых сил, сложившейся в тот момент во Франции и в мире» [17, с. 442]. Ю.И. Рубинский пояснял, что победоносная для Франции Первая мировая война «стала исходной точкой процесса глубочайшего внутреннего разложения, охватившего прежнюю систему её (буржуазии) политического господства снизу доверху». Прежние общественные устои «прогнили, распались, а новые ещё далеко не были созданы... Франция первой трети XX века оказалась особенно плохо подготовленной к новым требованиям времени» [17, с. 4].

Заслуживающее внимание замечание, распространенное в литературе на французском языке, что Франция межвоенных десятилетий переживала кризис, не получило, однако, развития ни в работах самого Ю.И. Рубинского, которого интересовали иные сюжеты французской истории, ни в исследованиях других отечественных франковедов. Остается не совсем понятным характер этого кризиса, его глубина, спровоцировавшие его процессы, связь его с государственным строем Третьей республики и т. п. Требуется детальное изучение также считавшийся в советские времена «крамольным» вопрос: не сыграло ли определённую роль в поражении Франции пребывание у власти Народного фронта, направившего значительные средства на невиданные по масштабу социальные реформы? Пристального внимания заслуживает рассмотрение «английского фактора» оборонной политики Франции на начальном этапе новой мировой войны (степень зависимости Парижа от принимаемых в Лондоне решений, связь акций французского правительства с той военной и дипломатической помощью англичан, на которую оно рассчитывало, и др.).

В исторической литературе разных стран считается бесспорным, что в быстром достижении поставленной в 1940 г. гитлеровским командованием цели существенную роль сыграло изменение плана развертывания немецких войск перед наступлением на Западном фронте. А.М. Самсонов, например, соглашался с данным утверждением, считая, что «действия союзников лишь способствовали этому, поскольку группировка их сил осталась прежней» [16, с. 70]. Но насколько правомерно это утверждение? Эти и ряд других проблем предвоенной французской истории, имеющих отношение к трагедии 1940 г., по-прежнему ждут своего решения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики) : краткий курс. М., 1938.
- [2] *Армстронг Г. Ф.* Падение Франции. М., 1941.
- [3] См.: История дипломатии. Т. 3 : Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939 гг.) / под ред. В. П. Потёмкина. М. ; Л., 1945 ; Фальсификаторы истории. Историческая справка Совинформбюро. М., 1948 ; *Бендрикова Л. А.* Франция 1929–1939 гг. М., 1957. С. ; *Деборин Г. А.* Вторая мировая война. М., 1958 ; *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1959 ; *Борисов Ю. В.* Новейшая история Франции. 1917–1964 гг. М. : Просвещение, 1966 ; *Киссельгоф И. С.* История Франции в годы Второй мировой войны. М. : Высшая школа, 1975.
- [4] *Зубок Л. И., Захаров С. В., Миллер А. Ф.* Новейшая история (1924–1939). Стенограммы лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1946.
- [5] См.: Рукопись статьи М. Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И.В. Сталина // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 160–169 ; *Иванов Л. Н.* Подготовка и первые итоги второй империалистической войны на море. М. : Военмориздат, 1941. Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв (доклад генерал-полковника Д.Г. Павлова на совещании высшего состава РККА 23–31 декабря 1940) // Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1–2) : Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА (23–31 декабря 1940 г.). М. : ТЕРРА, 1993.
- [6] *Широбоков Ю. Н., Ефанов А. И., Куклин С. М.* Военная история. Кн. 2. Омск, 2003.
- [7] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М., 1960.
- [8] *Секистов В. А.* «Странная война» в Западной Европе и бассейне Средиземного моря (1939–1943 гг.). М., 1958.
- [9] *Прозектор Д. М.* Блицкриг в Европе: Война на Западе. М. ; СПб., 2004.
- [10] *Смирнов В. П.* «Странная война» и поражение Франции. М., 1963.
- [11] *Лавров Л. П.* История одной капитуляции. Как Франция была выдана Гитлеру. М., 1964.
- [12] История Франции : в 3 т. / под ред. А. З. Манфреда. Т. 3. М., 1973.
- [13] История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. Т. 3: Начало войны. Подготовка войны против СССР. М. : Воениздат, 1974.
- [14] *Ратиани Г. М.* Судьба двух республик. М. : Мысль, 1980.
- [15] *Смирнов В. П.* Новейшая история Франции. М. : Высшая школа, 1979.
- [16] *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии 1939–1945. М. : Наука, 1980.
- [17] *Рубинский Ю. И.* Тревожные годы Франции. Борьба классов и политических партий от Версаля до Мюнхена (1919–1939 гг.). М. : Мысль, 1973.

УДК 93

А.В. Метель

СТАНОВЛЕНИЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В СССР (1919–1941 гг.)

Описывается становление антирелигиозной периодической печати в СССР. Дается обзор основных изданий 1920–1930-х гг. в широком культурном и политическом контексте эпохи. Рассмотрены основные силы, влияющие на содержание антирелигиозной периодической печати того времени. Проведен сравнительный анализ статей.

Ключевые слова: «Безбожник», «Безбожник у станка», атеизм, антирелигиозная пропаганда, периодическая печать, богоборчество.

С приходом большевиков к власти начались активные гонения на религию и церковь. Партия и государство выстраивали свою антирелигиозную работу исходя из программных положений, работ классиков и ситуационных задач. Наиболее неоднозначным этапом, на котором проходило становление теории и практики антирелигиозной работы, стал период генезиса антирелигиозной пропаганды, пришедшийся на 1919–1941 гг. Характерной особенностью этого периода было то, что практические задачи решения церковного вопроса непосредственно влияли как на форму, так и на содержание антирелигиозной пропаганды. Как нам представляется, данный вопрос стоит рассматривать только в широком культурном и политическом контексте той эпохи. Концепт атеизма является важнейшей составляющей мировоззрения человека советской цивилизации, а один из маркеров этого мировоззрения – периодическая печать. Однако вопросам антирелигиозной периодики в современной историографии уделено, на наш взгляд, недостаточно внимания.

Разработка данной темы в отечественной историографии ведется с 1960-х гг. Но характерным недостатком ранних работ было то, что при фактическом упоминании о существовании антирелигиозной периодики как таковой мы не видим исследований, выходящих на уровень обобщения. Хрестоматийным примером являются статьи Н.А. Крылова «Из истории пропаганды атеизма в СССР» и Ю.А. Чуковенкова «Постановка индивидуальной работы с верующими в 1937–1941 гг.», опубликованные в сборниках «Вопросы истории религии и атеизма» в 1960-е гг. [1]. Вопросы формирования атеистической печати, давление центра, определяющее тон статей, – подобные темы обходятся стороной. В современной историографии намечилось смещение акцента в сторону рассмотрения качественных характеристик антирелигиозной периодики. В книге В.А. Алексеева «Иллюзии и догмы» ставится вопрос о прямой зависимости характера и интенсивности антирелигиозной пропаганды в периодической печати 1920–1930-х гг. от изменений в партийной линии [2]. Вышедшие в последнее время статьи В.В. Маленкова [3] и И.Ю. Федотовой [4] ограничиваются лишь общими набросками и не поднимают изучение данного вопроса на принципиально новый уровень.

Нам представляется наиболее объективным разделение изучаемого периода на три больших блока: «штурмы небес»¹, предпринятые сразу после прихода большевиков к власти, 1919–1922 гг., «религиозный НЭП» [5] 1923–1928 гг., и новый виток борьбы с «налегающей поповщиной» [6], продлившийся вплоть до 1941 г., т. е. до момента закрытия последнего антирелигиозного издания в стране.

Годом рождения антирелигиозной периодической печати в СССР можно по праву назвать 1919 г. Именно тогда впервые вышел журнал,

целиком посвященный вопросу политики Советов в отношении религии – «Революция и церковь». Его задачей было разъяснение широким трудящимся массам целей советских мероприятий по отделению церкви от государства и школы от церкви. Главным редактором издания был П.А. Красиков, один из авторов декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В журнале печатались официальные материалы, руководящие статьи, информация о работе на местах, отчеты об антирелигиозных лекциях, докладах и митингах, обзоры прессы, сообщения о выходе новых антирелигиозных работ и др.

Однако из-за узкой направленности и не рассчитанного на широкую публику содержания в 1924 г. журнал прекратил свое существование. Правда положительным моментом было то, что в 1922 г. при журнале «Революция и церковь» начал выходить ежемесячник «Наука и религия», который позже стал еженедельной хроникой-журналом. Это был шаг от «штурмов неба» к целенаправленной пропагандистской работе, подкрепленной естественнонаучными данными, изложенными понятным для широкой публики языком.

В том же году в Москве вышли два номера газеты «Атеист» под редакцией А. Шпицберга, а в Петрограде – два номера журнала «Вавилонская башня» под редакцией М. Корцова. Оба издания были раскритикованы официальной прессой за аполитичность и прекратили существование.

По-настоящему массовым изданием, пользовавшимся покровительством Ем. Ярославского, стала газета «Безбожник», оказавшая огромное влияние на советскую антирелигиозную работу как официальный орган СВЕ (союз воинствующих безбожников (с 1925 по 1929 гг. – Союз безбожников СССР) – добровольная общественная организация, ставившая целью борьбу с религией во всех ее проявлениях). Основные задачи, поставленные перед газетой зафиксированы в ее первом номере: «...против религиозных обманов, против церковного шарлатанства поставить слово науки. ...Чтобы трудящийся здесь, на земле, боролся за жизнь, достойную человека, чтобы здесь, на земле, он установил свой трудовой рай» [7]. Газета отличалась в 1920-е гг. более-менее терпимой в отношении церкви позицией, была настроена в большей степени на целенаправленную пропагандистскую работу, чего нельзя сказать о журнале с таким же названием.

«Безбожник», переименованный в «Безбожник у станка», являясь органом Московского комитета РКП(б), был образчиком непримиримой вражды и оскорбительного, хамского тона по отношению к религии, церкви и верующим. Карикатуры на Иисуса, Иегову, подписи «долой эту сволочь!» и

им подобные стали визитной карточкой журнала. Столь разные подходы этих двух изданий вылились в борьбу двух редакторов: Ярославский со стороны газеты и Костеловская – со стороны журнала. Причем дошло до того, что критиковать друг друга они стали на страницах газеты «Правда» [8]. Первой вышла статья Костеловской «Об ошибках антирелигиозной пропаганды» [9]. В ней автор отмечала, во-первых, то, что антирелигиозная работа выросла из административной практики. Во-вторых, к антирелигиозной работе в СССР привлекались люди, ранее к религии близкие (Луначарский, Ярославский, Галкин), и поэтому Костеловская отмечает ее специфическую догматичность. Но, помимо конструктивной критики, Костеловская и сама впадала в крайности, призывая ударить по религии «в лоб». Ответ не заставил себя ждать. Через несколько дней в «Правде» появляется статья Ем. Ярославского «О методах антирелигиозной пропаганды (вынужденный ответ тов. Костеловской)» [10]. В ней автор критикует «излишне вульгарный подход в борьбе с религией, сетует на покушения Костеловской на успехи антирелигиозной пропаганды. Следует оговориться, что хотя Костеловскую и отчитали на заседании АРК (антирелигиозная комиссия, существовавшая в 1920-х гг. и занимавшаяся координацией антирелигиозной деятельности в стране), конфликт так и остался нерешенным. Но важно здесь другое – этот конфликт, помимо личностных амбиций, отражает два течения антирелигиозной мысли: одни исповедовали административный подход, но аккуратную, не задевающую чувств верующих работу, другие же выступали за так называемое «классовое содержание» и удары по религии «в лоб». Конфликт исчерпался к 1930-м гг., когда «религиозный НЭП» был свернут, нажим на религию усилен, а все методы работы приведены к единообразию.

Эти издания отражают две линии в партии по вопросам антирелигиозной работы, при чем в первый период (1923–1929) явной поддержкой пользовалась ставка на умеренную агитацию и большее привлечение естественнонаучных сведений, нежели карикатуры на Иисуса, похабные стишки и частушки.

Показательно в этом плане сравнение страниц конкурирующих изданий. Нами был сделан анализ вышедших в 1925–1926 г. номеров (см. табл. 1). Отдельно хочется отметить, что поскольку периодичность выхода у газеты и журнала была разной, то в целях нашего исследования была сделана выборка примерно равного количества номеров журнала и газеты. Первыми элементами, бросающимися в глаза, являются рисунки, шаржи, фотографии и прочий наглядный материал. Боги и святые, изображенные в карикатурном варианте,

на страницах «Безбожника у станка» фигурируют более 40 раз. Для сравнения, за весь исследуемый период в «Безбожнике» подобные изображения встречались только трижды. Зато фотографии верующих, сектантов, служителей культа встречаются в «Безбожнике» 32 раза, в конкурирующем издании подобные темы затрагивались лишь 8 раз. Причем характерно, что образ «атеиста» как такового ни в том ни в другом издании не получил достаточного развития. Все-таки сильна идея противопоставления, упор именно на «анти-» и в итоге не разработанный образ не просто борца с религией, но человека, обладающего цельным атеистическим мировоззрением. В «Безбожнике» этот образ встречается не более 11 раз, в «Безбожнике у станка» только 8.

Таблица 1

**Содержание газеты «Безбожник»
и журнала «Безбожник у станка» (1925–1926 гг.)**

Содержание		«Безбожник»	«Безбожник у станка»
Рисунки, шаржи, фотографии	Символы религии	14	4
	Боги, святые	3	20
	Священнослужители	10	7
	Верующие	25	8
	Атеисты	6	3
Статьи	Художественные	9	5
	Естественнонаучные	2	14
	Публицистические	20	18

Интересны данные относительно направленности статей. Условно их можно разделить на смысловые блоки: «Художественный» (включая рассказы, фельетоны, стихи, частушки и пр.), «Естественнонаучный» (разъяснение окружающего мира с научной точки зрения, что, по сути, декларировал Ленин и другие теоретики в качестве одного из основных методов пропагандистской работы) и «Публицистический» (статьи о происходящем в мире, раскрытии классово-религиозной сути религии и т. п.). И в журнале, и в газете наибольшее количество статей (как в отдельных номерах, так и в общем объеме) посвящено вскрытию реакционной сущности религии, происходящим в мире процессам, связанным с религией, роли церкви в Гражданской войне и успехам по атеизации СССР. Именно эти темы повторялись от номера к номеру.

Но вот на втором месте в «Безбожнике у станка» стоят естественнонаучные вопросы и популяризация достижений науки. Фактически, несмотря на всю вульгарность и нападки на религию, журнал, в итоге закрытый, больше соответствовал ленинской установке работы в направлении популяризации научных знаний о мире, нежели более

сдержанная в плане издевательств над религией газета! Интересно и то, что эти знания не носят абстрактный характер, а посвящены вопросам земледелия, правильного ведения хозяйства с точки зрения последних наработок агробиологии, написаны простым языком, имеют ярко выраженную практическую направленность.

Еще одним значительным изданием, выходящим с 1926 г., стал журнал «Антирелигиозник», ставший теоретическим и методическим центром антирелигиозного движения. Журнал издавался до 1938 г. и бессменным его редактором был Ем. Ярославский. На страницах «Антирелигиозника» помещались статьи по вопросам истории религии и атеизма, вопросам марксистско-ленинской философии и естествознания, печатались стенограммы научных совещаний, велась подготовка к научным конференциям по антирелигиозной пропаганде и подробно затем освещались их итоги. Это была своеобразная «летопись» антирелигиозного движения в СССР.

Таким образом, именно 1920-е гг. в антирелигиозной печати были временем «пробы пера». При известной свободе подходов к вопросам ведения антирелигиозной пропаганды в печати могли развиваться конкурирующие точки зрения по данным вопросам. Плюс выбраковывались действительно не актуальные издания (подтверждение тому – «Революция и церковь», «Вавилонская башня»). Государство, не делая жесткого подчинения пропаганды государственным органам, дало свободу творчества, столь быстро, к сожалению, перешедшую в диктат.

Существенными моментами, во многом определившими выбор как форм, так и содержания антирелигиозной пропаганды периода 1930-х гг., стали сюжеты, проходившие красной нитью по всей антирелигиозной деятельности этого периода: вывод о связи попа и кулака в деревне (фактически – идеологическое обоснование репрессий и административных мер против церкви), явная работа на создание образа СССР как «осажденной крепости» и церкви как общины мирового империализма, силы глубоко враждебной всем гражданам СССР. Однако в подобном положении находилось большинство отраслей культуры. Эта ситуация в контексте развернувшейся «культурной революции» являлась правилом, а не исключением [11].

Для достижения еще большего эффекта и оправдания неприглядных мер антирелигиозной борьбы широко в 1930-е гг. использовался метод подачи информации о ходе антирелигиозной работы как сводок с фронтов. Газеты пестрили заголовками вроде «В траншеях культурной революции», «Картечью знания, культуры и образованности разобьем, потопим дряхлый, контрреволюционный корабль религии» [12] и тому

подобными заявлениями. Налицо задача не просто раздавить все внешние остатки религиозности в обществе, но и создать образ героев, бойцов религиозного фронта, сражающихся с религией, глубоко чуждой советскому человеку. А на войне, как известно, все средства хороши.

Отметим также изменение характера антирелигиозной пропаганды, перешедшей из самостоятельной области (пусть направление всегда задавалось извне) в позицию подчинения тем административным мерам, которые принимаются из расчета голой политики и позднее приобретают силами пропаганды «правильный» оттенок.

В циркулярном письме «О мерах по усилению антирелигиозной работы», ставшем как раз поворотным, читаем: «Антирелигиозная печать все еще незначительная, а общая периодическая печать (газеты и журналы) не уделяет достаточного внимания задачам антирелигиозной пропаганды», и там же: «...Признать необходимым регулярное и более глубокое освещение вопросов борьбы с религией на страницах периодической прессы, особенно в газетах и массовых журналах» [13]. Фактически государство выступало за поощрение антирелигиозной печати, было создано специальное государственное антирелигиозное издательство. Тираж газеты «Безбожник» в 1931 г. подскочил до 500 тыс. экземпляров, а тираж журнала «Безбожник» – до 200 тыс. Но эти показатели скорее говорят нам о том, что высокий количественный показатель позволял антирелигиозным органам сильно снижать качественный [14].

Именно в это время закрылся журнал «Безбожник у станка», его коллектив перешел в редколлегию газеты «Безбожник». Спор между этими изданиями, описанный выше, закончился весьма неожиданно. Закрытие журнала, стоящего на классовых позициях в период, когда они были наиболее востребованными и активно обсуждались в обществе, подводит нас к пониманию важнейшей особенности пропаганды 1930-х гг. – жесткой централизации всей антирелигиозной работы в стране и приведения всего и вся к официальной антирелигиозной линии. В этом споре Ярославский, пользующийся куда большим доверием у Сталина и своевременно отказавшийся от умеренных взглядов на религию в пользу классовой непримиримости, выиграл. Газета «Безбожник» стала главным (и практически единственным) проводником взглядов власти на методы ведения антирелигиозной пропаганды. Этот сюжет является прекрасным примером административности проводимых мероприятий – негодный журнал закрыли в приказном порядке. Характерная ситуация для тех лет.

Наметилось и изменение в оставшихся изданиях, произошел перекоп в сторону вульгарного подхода. Если сравнивать вы-

пуски газеты «Безбожник» в 1925–1926 и 1936–1937 гг., будут отмечены достаточно серьезные изменения (см. табл. 2). Во-первых, произошел отказ от рисунков в пользу фотографии. Конечно, отказ не полный, но сам по себе рисунок стал играть роль вспомогательную. На первые полосы вышли портреты вождей, угодных власти деятелей культуры. Характерно и периодическое появление облика Бога как добродушного и простоватого старичка, до этого характерного как раз для закрытого журнала «Безбожник у станка». Практически ушла непосредственность и «революционный оптимизм», с которым подходили к написанию статей в 1920-е гг. Язык стал более казенным, чеканным, хотя и с изрядной долей патетики, характерной для СМИ сталинского периода.

Таблица 2
Содержание газеты «Безбожник»
(1937 и 1925–1926 гг.)

Содержание		1925–1926 гг.	1937 г.
Рисунки, шаржи, фотографии	Символы религии	14	6
	Боги, святые	3	4
	Священнослужители	10	5
	Верующие	25	14
	Атеисты	6	2
	Видные деятели партии, антирелигиозного движения	3	21
Статьи	Художественные	9	5
	Естественнонаучные	2	2
	Публицистические	20	33

Изменилось и содержание. Естественнонаучные статьи, количество которых в газете всегда было невелико, достигло критической отметки в две статьи за целый год. Снизилась доля и художественного материала. Зато основное содержание теперь занимали «сводки с фронтов», обличение религии в странах загнивающего капитализма и т. д. и т. п. Огромное место занимают стенограммы съездов, речи зарубежных коммунистов, тексты типа «Ленин и Сталин о религии». Это как нельзя лучше иллюстрирует не только ситуацию одного конкретного издания (самого крупного в отрасли!), но и ситуацию с антирелигиозной пропагандой в целом.

С каждым годом роль самой по себе антирелигиозной работы падала, все реже появлялись специальные статьи, вносящие в антирелигиозную пропаганду в СМИ нечто новое. Фактически специальная антирелигиозная периодическая печать переживала кризис. Особенно это стало заметно после 1934 г., когда антирелигиозный нажим, осуществлявшийся с 1929 г., но так и не принесший никаких результатов, оконча-

тельно уступил место административным мерам. Антирелигиозные СМИ окончательно перешли в подчинительное положение и занимались в основном подачей под правильным ракурсом всех антицерковных мероприятий советской власти [15].

Таким образом, мы вправе утверждать, что антирелигиозная периодическая печать во время всего периода своего становления в 1920–1930-е гг. подвергалась серьезным изменениям. Несомненно, это было вызвано более либеральной позицией власти по отношению к религии в 1920-е гг., отчето наблюдается известный плюрализм в вопросах антирелигиозной пропаганды, а с ним и рост антирелигиозных изданий. Как показал проведенный анализ, редколлегии были сами вольны выбирать, на что делать упор: карикатуры, фельетоны или откровенное высмеивание религии и церкви при явной практической пользе (статьи о сельском хозяйстве, объяснении явлений природы и т. д.) или же более сдержанный тон, но при упоре на место религии в социуме, ее корни, влияние в других странах. Борьба шла как на уровне партийных пленумов, так и на страницах газет. Но относительно либеральный период быстро сменило административное давление 1930-х гг., которое в итоге и свело на нет всю антирелигиозную периодику, постепенно возрождавшуюся в 1950–1960-е гг. С другой стороны, именно в начале 1930-х гг. наблюдался всплеск активности изданий, печатались самые высокие за весь исследуемый период тиражи. Но этот показатель при учете закрытия многих печатных органов именно к началу второго периода говорит нам совсем о другом. Данные «для отчета» в это время стали предпочтительнее действительного развития антирелигиозной периодики. Из газет и журналов уходит прикладная составляющая, оставляя после себя бесконечные отчеты о партсобраниях и нападки на любые формы религии за рубежом. Таким образом, творческий потенциал изданий, на наш взгляд, к концу второго периода был исчерпан. Собственно об этом красноречиво свидетельствует закрытие в 1941 г. последней действующей на тот момент антирелигиозной газеты «Безбожник».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Штурм небес» – общее обозначение мер, призванных разделаться с религией в России без длительного периода работы по становлению материалистического мировоззрения, грубое отступление от теоретических положений марксизма, призывающих к планомерной работе, а

не ударам по религии «в лоб» (см.: Черная книга («Штурм небес») : сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А. А. Валентинов ; введ. ст. П. Струве. Париж, 1925. 294 с.).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Крылов Н. А. Из истории пропаганды атеизма в СССР // Вопросы истории религии и атеизма : сб. ст. 1960. Вып. 8. С. 166–192 ; Чуковенков Ю. А. Постановка индивидуальной работы с верующими в 1937–1941 гг. // Вопросы истории религии и атеизма : сб. ст. 1962. Вып. 10. С. 143–156.
- [2] Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М. : Политиздат, 1991. 400 с.
- [3] Маленков В. В. Антирелигиозная печать в СССР (довоенный период) // Власть и управление на востоке России. 2009. № 6. С. 98–126.
- [4] Федотова И. Ю. К вопросу об использовании материалов антирелигиозных периодических изданий при изучении государственной религиозной политики во время Великой Отечественной войны (по материалам газеты «Безбожник»). URL: <http://politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/k-voprosu-ob-ispolzovanie-materialov-antireligioznyh-periodicheskikh-izdaniy-pri-izuchenii-gosudarstvennoj-religioznoj-politiki-vo-vremya-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата обращения: 03.11.2012).
- [5] Алексеев В. А. Указ. соч. С. 264.
- [6] Сталин И. В. Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии: Ко всем организациям ВКП(б) // Сочинения : в 18 т. М. : ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 10–19.
- [7] Цит. по: Маленков В. В. Указ. соч. С. 100.
- [8] Алексеев В. А. Указ. соч. С. 278.
- [9] Костеловская М. М. Об ошибках антирелигиозной пропаганды // Правда. 1925. 25 янв.
- [10] Ярославский Ем. М. О методах антирелигиозной пропаганды (вынужденный ответ тов. Костеловской) // Правда. 1925. 29 янв.
- [11] Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 336 с.
- [12] Безбожник. 1934. № 3.
- [13] Из циркулярного письма ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» (утверждено ЦК ВКП(б) 24 января 1929 г.). URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110> (дата обращения: 04.11.2012).
- [14] Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? URL: <http://religion.ng.ru/printed/90616> (дата обращения: 04.11.2012).
- [15] Там же.

**АЛЬФРЕД ЛУАЗИ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ***

Представлена реконструкция интеллектуальной биографии Альфреда Луази – лидера модернистского движения, сыгравшего во Франции также ключевую роль в формировании научного подхода к изучению религиозных феноменов, личности, не изученной в отечественной исторической науке. Базовым принципом исследования становится погружение биографического материала в социокультурный контекст эпохи.

Ключевые слова: модернизм, французская историография, история религий.

Конфликт науки и религии, развернувшийся во Франции в последней трети XIX в., нашел выражение в судьбах отдельных католических интеллектуалов, столкнувшихся с кризисом идентичности, обусловленным распадом прежних смысловых конструкций, ранее определяемых учением Церкви. Католические интеллектуалы столкнулись с серьезной проблемой поиска пути, который бы позволил соединить научную и религиозную картины мира, вписав новейшие научные открытия в христианскую модель вселенной. Одним из таких интеллектуалов должен быть признан лидер модернистского движения во Франции Альфред Луази. В рамках данной статьи мы ставили перед собой задачу реконструировать интеллектуальную биографию данного мыслителя, делая акцент на анализе духовного кризиса А. Луази, приведшего его к конфликту с римской курией. Основными источниками для нас стали дневниковые и мемуарные записи католического теолога, впервые используемые в отечественной исторической науке.

Альфред Луази родился 28 февраля 1857 г. в крестьянской семье в небольшом местечке Амбриер (Ambrières) на севере Франции, где прошло все детство будущего экзегета. Отец мальчика не обладал искренней верой, в отличие от матери, которая соблюдала все предписываемые Церковью культовые практики и старалась воспитать в сыне уважение к католицизму. Начальное образование А. Луази получил в родном городке, проявив значительные способности в области гуманитарных дисциплин. Успешное окончание начальной школы позволило А. Луази поступить в 1868 г. в муниципальный колледж Витри-ле-Франсуа (Vitry-le-François), который, однако, пришлось оставить сразу после начала франко-прусской войны и оккупации данной территории немецкими войсками. Проведя год в стенах родного дома и посвящая все свое время изучению школьных предметов, А. Луази осенью 1871 г. вынужден был все же вернуться к школьному обучению, но, по настоянию родителей, не желавших расставаться с сыном, перейдя из прежнего колледжа в новый, церковный колледж Сан-Дизье (Saint-Dizier), расположенный всего в десяти километрах от Амбриер. Войдя в колледж с твердым намерением не стать священником, А. Луази пережил во второй год обучения духовный переворот, завершившийся в 1874 г. принятием решения посвятить свою жизнь служению Богу и войти в семинарию. «Принять духовный сан, служить Церкви – не это ли означает служить истине?» – вопрошал будущий семинарист [1]. Решение А. Луази стать священником вызвало удив-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, контракт № 12-31-01319 «Путь от веры к разуму в творчестве католических интеллектуалов конца XIX – начала XX в.: А. Луази».

ление его родителей, видевших в нем юриста, но никак не служителя культа, однако они не стали возражать сыну и в октябре 1874 г. А. Луази стал воспитанником семинарии Шалон (Châlons), которая по замыслу своего руководства должна была «зажечь огонь в Церкви Франции» [2].

Период обучения в семинарии, продлившийся до 1879 г., оставил глубокий след в душе А. Луази, хотя и воспоминания 1913 г., и мемуары 1930 г. рисуют мрачные картины интеллектуальной бедности, царившей в стенах данного учебного заведения. А. Луази, как ранее Э. Ренан, будет настаивать на несоответствии учебных программ идеям века, исключении важнейших дисциплин, низком уровне преподавания, исправить который был не в силах «одиноким реформатор» аббат Л. Меньян (L. Megnien), стремившийся привнести в стены семинарии выводы немецкой науки [3]. Вместе с тем обучение в семинарии не сыграло для французского экзегета той же роли, что и для Э. Ренана: оно не пробудило в нем критического отношения к христианской вере, что сам А. Луази в последствие объяснит невозможностью познакомиться с литературой, способной поставить на твердую почву его смутные сомнения [4]. Свое общее духовное состояние в данный период времени А. Луази оценивал как «тревожное беспокойство», зародившееся в его душе в период знакомства с теологией, с ее основными догмами, обладавшими в глазах Церкви непререкаемым авторитетом. Семинарист же, напротив, проводил время, размышляя о том, насколько данные догмы отвечают реальности. Дополнительными факторами, повлиявшими на интеллектуальное развитие А. Луази в период его обучения в семинарии стали философские и историко-филологические штудии, в частности в области еврейской филологии, способствовавшие зарождению дополнительных сомнений в душе семинариста. В дальнейшем в своих «Мемуарах...» будущий отец модернизма будет еще больше сгущать краски, диагностируя у себя духовный кризис, начало которому было положено уже в 1875 г., тогда как его завершение стало возможным лишь в 1908 г. после отлучения опального экзегета от Церкви [5].

Вероятно, наиболее соответствующим действительности станет утверждение о том, что в душу А. Луази действительно были брошены зерна сомнений, которые, однако, не могли прорасти в существующих условиях, учитывая тот пиетет к ортодоксии и Церкви, который был характерен для молодого семинариста в середине 1870-х гг. Косвенным свидетельством правоты данного утверждения может служить хотя бы тот факт, что в 1878 г. А. Луази вернулся из Католического института Парижа, куда был направлен годом ранее для продолжения

научных изысканий в области критического изучения Священного Писания, дабы принять сан священника. Причиной столь поспешного бегства из Католического института стало разочарование А. Луази в церковной науке, не удовлетворившей его в полной мере даже в лице таких видных теологов века, какими были Ф. Вигуру и Л. Дюшен [6]. Однако рутинность жизни приходского священника вынудила А. Луази уже через год после окончания семинарии вновь вернуться в Париж, твердо решив посвятить себя реализации проекта критических экзегетических исследований.

Новый дебют в названном выше учебном заведении оказался для будущего экзегета гораздо более удачным: он не просто блестяще окончил Католический институт, но и был оставлен при нем для продолжения своих исследований, а в 1882 г. получил право вести занятия по еврейской филологии. Примечательно, что занятия в Католическом институте А. Луази совмещал с посещением лекций в светских учебных заведениях, например, в Практической школе высших исследований (EPHE) он слушал курсы ассирологии и египтологии, а в Коллеж де Франс с декабря 1882 г. посещал лекции Э. Ренана, воспринимаемого А. Луази в качестве своего главного противника в деле укрепления авторитета Церкви. «Мои амбиции заключались в том, – говорил в последствие католический модернист, – чтобы поразить Э. Ренана его же собственным оружием» [7].

Первый вариант докторской диссертации, подготовленной А. Луази в 1883–1884 гг., был посвящен вопросу о вдохновенности библейских книг, причем главной мыслью данного сочинения стало утверждение об изменчивости текста Священного Писания под воздействием человеческого фактора. Столь блестящие и новаторские идеи, однако, не могли быть обнародованы, как справедливо сказал один из учителей А. Луази аббат д'Ульст после прочтения представленного ему текста диссертации, на том основании, что подобные выводы ставят под сомнение авторитет Церкви и вследствие этого претендуют на попадание в Индекс запрещенных книг. Подобная неудача в деле исторического обоснования миссии Церкви не стала для А. Луази роковой, напротив, в 1885–1886 гг. он еще активнее принялся за разработку сюжетов, связанных с библейской критикой, привлекающая новейшую исследовательскую литературу на французском и немецком языках [8]. Гораздо более опасным для веры французского католика стало неприятие его новой диссертации, посвященной истории канона Ветхого Завета, не только консервативно настроенными католическими кругами, но и либеральной католической общественностью. В частности, учитель и близкий друг А. Луази аббат Л. Дюшен не просто крити-

чески воспринял диссертацию, но и не поддержал кандидатуру своего бывшего студента на пост сотрудника Практической школы высших исследований. В результате названные события настолько подорвали веру А. Луази, что его близкий друг А. Утан отважился утверждать, что уже в двадцать восемь лет экзегет потерял все свои теологические убеждения, хотя и остался верен Церкви как социальному институту: по мере погружения в исторический материал он все больше терял веру, хотя и оставался верным сыном Католической церкви, воспринимая последнюю как «самую божественную и необходимую вещь на Земле» [9].

Выводы об историческом развитии ветхозаветного канона вскоре были дополнены исследователем размышлением об истории канона Нового Завета, прошедшего в своем развитии три последовательных этапа, связанных с формированием основного круга вошедших в него текстов и постепенным утверждением их авторитета [10]. В своем законченном виде проект критической экзегезы библейских текстов был представлен А. Луази в лекции 1893 г. и в дальнейшем лишь дополнялся [11]. Базовым для автора стало утверждение о том, что доктрина о вдохновенности только мешает исследователю поиску, препятствуя изучению Библии как исторической книги, созданной человеком, каковой она на самом деле и является. Радикальность подобной аргументации очевидна, как и ее несовпадение с доктриной ортодоксии, именно поэтому не вызывает удивления тот факт, что в том же году А. Луази был отстранен от преподавания в Католическом институте. Одновременно французский экзегет принял решение закрыть свой журнал «История религий и религиозной литературы», выпускаемый им ранее в качестве своего рода трибуны для пропаганды собственных выводов.

С 1894 г. бывший преподаватель Католического института занимал должность священника в доминиканском монастыре Нейи (Neuilly), глубоко погружившись в изучение катехизиса и фактически порвав все прежние связи. Причем инициатива отказать от контактов с прежними друзьями и коллегами исходила отнюдь не от А. Луази. Так, ректор Католического университета аббат д'Ульст в январе 1895 г. уведомил своего бывшего преподавателя в письме, что его профессиональные обязанности налагают на него ряд обязательств и препятствуют установлению контактов с опальным экзегетом [12]. Позднее в мемуарах А. Луази обратится к анализу событий, связанных с публикацией интересующей нас энциклики и представит весьма критический анализ последней, обвиняя понтифика в желании «...сформулировать программу, несовместимую с научным разумом» [13], хотя, на наш взгляд, вряд ли подобные мысли зани-

мали экзегета в ноябре 1893 г., когда «Providentissimus Deus» казалась новым словом в политике папы.

Исключение А. Луази из Католического института не повлияло на его желание продолжить изыскания в области библейской критики, найдя отражение в целой серии статей, конкретизирующих намеченную ранее программу рационалистической экзегезы. Французский исследователь подчеркивал необходимость развития данной дисциплины во Франции, ссылаясь на то, что Библия во все времена подвергалась интерпретациям, соответствующим духу времени [14]. В настоящее же время данный процесс был существенно ограничен католической Церковью в связи с опасностью, возникшей для нее со стороны протестантизма и рационализма. Однако высшая критика, основанная на сравнительном текстологическом изучении текстов Писания, не представляет для католицизма никакой угрозы, с точки зрения А. Луази. Напротив, погружая Библию в среду ее возникновения, мы можем лучше понять вложенный в нее смысл, не видимый ранее.

Подлинный переворот свершился в жизни А. Луази в 1902 г., когда им была опубликована скандально известная «маленькая красная книга» «Евангелие и Церковь» («L'Évangile et L'Église»), задумывавшаяся как апология католицизма и своеобразный ответ на сочинение А. фон Гарнака «Сущность христианства». А. Луази обратился к критике построения А. фон Гарнака, преследуя цель не опровергать его выводы, но проанализировать те отношения, которые связывают Евангелие и Церковь с историей [15]. Уже во введении к «Евангелию и Церкви» французский католик отрицает правомерность базовых утверждений своего коллеги-протестанта, подчеркивая, во-первых, невозможность противопоставлять приемы работы историка и теолога, а во-вторых, указывая на некорректность утверждения, что сущностными будут только те черты, которые развивались изначально, или те, которые подчеркивают оригинальность христианской религии [16]. Принципы А. фон Гарнака для А. Луази искажают сам исторический метод и ведут к прямому субъективизму, заставляя исследователя вести отбор материала, исходя из собственных предпочтений. «Евангелие и Церковь» А. Луази тематически распадается на два основных элемента: Евангелие Иисуса и веру в Иисуса, получившую в дальнейшем форму социальной организации в виде Церкви. Причем французский католик в отличие от своего немецкого коллеги не видит необходимости выстраивать непреодолимую преграду между названными историческими явлениями, подчеркивая, что «е [Церкви] история – это история Евангелия в мире». Сам Иисус становится непонятен вне

традиции, сначала иудейской, затем христианской, церковной. Более того, и историк, и теолог знают только «Христа веры» – образ, дошедший до нас благодаря евангельской традиции, тогда как реальный исторический Иисус просто недоступен для нашего восприятия. Подобная ситуация, с точки зрения А. Луази, объясняется состоянием дошедших до нас источников, представляющих собой документы веры, а не истории. В результате все сказанное делает бессмысленными претензии протестантизма очистить христианство от якобы внешних для него элементов – Церкви и культа. Это не просто невозможно, но подрывает саму основу данной религии, которая без культовых практик есть ни что иное как «...мистическая философия, которая хочет взять имя религии, но не имеет на это права» [17].

«Маленькая красная книга», несмотря на то, что ее автор взял на себя смелость выступить, по своим собственным словам, в роли «адвоката католицизма» [18], вызвала острую полемику в католической среде, спровоцировав начало модернистского кризиса, и подверглась резкому осуждению со стороны римской курии. Как об этом явственно свидетельствует материал, представленный в монографии Э. Пуля, первые критические отзывы появились практически сразу после публикации «Евангелия и Церкви», а 17 января 1903 г. книга была осуждена архиепископом Парижа кардиналом Ришаром как напечатанная без церковного разрешения и способная поколебать веру в основные догматы католицизма [19]. Если первое утверждение оказывается ничем иным, как клеветой, так как *imprimatur* А. Луази получил, то опасения кардинала относительно опасности распространения данных выводов не столь уж беспочвенны. Если идея эволюции церковных догм и ранее высказывалась католическими теологами, достаточно вспомнить концепцию кардинала Дж.Г. Ньюмена, утверждавшего, что христианские догмы имеют свою историю, связанную с их постепенным развитием, то стремление низвести Иисуса на положение одного из пророков, лишив Церковь статуса божественного творения, явственно присутствующее в сочинениях А. Луази, стало для католических авторов сродни новому Откровению, причем воспринятому ими весьма негативно [20]. Напротив, для светской науки выводы французского экзегета были достаточно банальны, а подлинный интерес мог представлять лишь проведенный им источниковедческий анализ новозаветной литературы, представивший последнюю в качестве документов веры, а не истории.

Тяжело переживая обрушившуюся на него волну критики, А. Луази решил прояснить собственные позиции, опубликовав в ноябре 1903 г. монографию «Вокруг небольшой книги», задумывавшуюся как по-

яснение к «Евангелию и Церкви» [21]. Полемический характер данного сочинения подчеркивала уже выбранная автором форма изложения, когда под одной обложкой были собраны несколько писем к различным людям, в которых автор уточнял основные выводы своей спорной монографии. Фактически все представленные в указанном сочинении возражения опального экзегета могут быть сведены к двум основным: необходимости и своевременности представленного анализа и его позитивному влиянию на Католическую церковь. А. Луази оценивал ситуацию, сложившуюся во французском католицизме в начале XIX в., как кризис веры, настаивая на том, что преодолеть его можно лишь на путях критического исторического исследования догм христианской веры, потому как если сейчас сами теологи не прояснят априорные положения католической религии, то верующие будут искать ответы у атеистов и протестантов [22]. Следовательно, монография А. Луази защищает Церковь, сохраняя ее паству. Столь же важно учитывать и тот факт, что подобный критический анализ не затрагивает догмы с точки зрения их ценности для верующего, проясняя лишь их человеческую оболочку и ее историю, ведь догма по своей природе – это средство согласования религии с наукой при помощи философии [23]. В соответствии с выводами современной исторической науки, наблюдая факты религиозной истории, невозможно, по мнению А. Луази, не признать, что Иисус был Мессией, имевшим человеческое обличье и человеческую историю, хотя все дошедшие до нас документы рисуют лишь образ Спасителя, но не доносят до нас факты его земной биографии; Церковь есть не что иное, как продолжение миссии Христа в мире, причем ее организация не лишена существенных недостатков.

Одновременно опальный теолог обратился к римской курии, надеясь найти поддержку в лице самого понтифика, убедив последнего в безопасности для Церкви представленных им выводов. К сожалению, мы не располагаем текстом первого письма, написанного в феврале 1903 г., в нашем распоряжении находятся лишь материалы более поздней переписки А. Луази с кардиналом Мерри дел Валем (*Merry del Val*). Однако и они наталкивают на любопытные размышления, демонстрируя, что в 1904–1906 гг. французский католик стремился всеми силами остаться в Церкви, даже под угрозой отречения от собственных идей [10, р. 34, 64, 144]. Напротив, когда стало понятно, что осуждение его идей неминуемо ведет к отлучению от Церкви, тональность суждений А. Луази изменилась, в его словах стало чаще звучать осуждение абсолютистского режима в Католической церкви, препятствующего свободному интеллектуальному поиску [24].

Но ни публикация рассмотренной нами выше монографии, ни попытки напрямую обратиться к римскому понтифику не смогли кардинально изменить ситуацию: в 1904 г. пять книг А. Луази были внесены в Индекс запрещенных книг, а его взгляды продолжали подвергаться критике, причем со стороны не только ортодоксального, но и либерального крыла католицизма. Конфликт с римской курией, дополненный лишением права преподавания в светском учреждении, Практической школе высших исследований, серьезно отразился на здоровье А. Луази, вынудив его оставить Париж и переселиться в одно из предместий, где он смог продолжить свои изыскания. Пий X, между тем, взял курс на тотальную борьбу с «луаизмом», позднее именуемым модернизмом, видя в сторонниках данного течения противников Церкви, желающих изнутри подорвать ее авторитет. Решающим в данной борьбе стал 1907 г., когда папа опубликовал знаменитую энциклику «*Pascendi Dominici Gregis*» и не менее знаменитый декрет «*Lamentabili Sane Exitu*». А. Луази не остался в стороне от столь значимых событий, опубликовав свои размышления на сей счет, в которых подверг суровой критике действия понтифика [25]. Французский католик настаивал на необходимости интеллектуальной свободы, являющейся важнейшим условием исследовательского поиска, допустимого в отношении церковной традиции в силу человеческого характера последней. Он вновь повторял, что догмы – не божественные истины, упавшие с неба, но интерпретации религиозных фактов, изменяющиеся во времени и приспособляющиеся к окружающей действительности [26]. Французский экзегет отрицал философскую базу модернизма, утверждая, что его основы надо искать в конкретных практических историко-веческих исследованиях о текстах Священного Писания, но никак не в учении об имманентности. Подобное упорство А. Луази в отстаивании собственных позиций, хоть и сочетающееся с покаянными письмами, сыграло с экзегетом злую шутку: в 1908 г. он был отлучен от Церкви как глава модернистской ереси. Данным событием практически завершился модернистский кризис, лишивший группу либеральных католиков Франции своего наиболее влиятельного сторонника.

Отлученный от Церкви А. Луази продолжил карьеру светского исследователя, получив в 1909 г. кафедру истории религий в Коллеж де Франс. Вектор его исследовательских поисков остался прежним: анализ первохристианской истории, отныне рассматриваемой в контексте общей эволюции религий древности и дополненный общими рассуждениями о природе религии. Поддавись искусству сравнительно-мифологических изысканий, А. Луази сумел избежать крайностей данного подхода и сохранил

верность позитивистской модели исторического исследования. Однако, сохранив верность концепции происхождения христианства, сформулированной в границах Церкви, бывший теолог стал воспринимать данный институт более чем критично, о чем наглядно свидетельствуют принадлежащие его перу «Мемуары...», значительно сгущающие краски и диагностирующие духовный кризис у мыслителя с 1875 г., тогда как дневниковые записи опровергают данные утверждения. Иными словами, из горячего защитника Церкви А. Луази стал ее критиком.

Пример А. Луази не является единичным. Подобная «жизненная траектория» характерна для целого ряда французских мыслителей, оставивших Церковь ради служения науке. Вопрос о том, был ли подобный итог закономерным, на сегодняшний день остается открытым, требуя от исследователя обращения к детальному анализу исторических сочинений, вышедших из-под пера упомянутых авторов, что позволит избежать «ловушек» антропологического подхода и существенно скорректировать устоявшиеся «мифы».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Loisy A. Choses passées.* P., 1913. P. 15.
- [2] *Ibid.* P. 18.
- [3] *Ibid.* P. 21.
- [4] *Ibid.*
- [5] *Loisy A. Mémoires pour servir à l'histoire religieuse de notre temps.* P., 1930. T. 1. P. 59.
- [6] *Loisy A. Choses passées.* P. 50–54 ; *Loisy A. Mémoires pour servir à l'histoire religieuse...* T. 1. P. 66–90.
- [7] *Loisy A. Choses passées.* P. 15.
- [8] *Ibid.* P. 77.
- [9] *Poulat E. Alfred Loisy. Sa vie, son œuvre par Albert Houtin et Félix Sartiaux. Manuscrit annoté et publié avec une Bibliographie Loisy et un Index Bio-bibliographique.* P., 1960. P. 43–45.
- [10] *Loisy A. Études bibliques.* 3 ed. P., 1903.
- [11] *Loisy A. Choses passées.* P. 136–138.
- [12] *Ibid.* P. 159.
- [13] *Loisy A. Mémoires pour servir à l'histoire religieuse...* T. 1. P. 302–313.
- [14] *Loisy A. Histoire du Canon du Nouveau Testament.* P., 1891.
- [15] *Loisy A. L'Évangile et L'Église.* P., 1903.
- [16] *Ibid.* P. IX–XVI.
- [17] *Ibid.* P. 253.
- [18] *Loisy A. Choses passées.* P. 247.
- [19] *Poulat E. Histoire, dogme et critique dans la crise moderniste.* P., 1962. P. 125.
- [20] *Newman J. H. An Essay on the Development of Christian Doctrine.* L., 1845.
- [21] *Loisy A. Autour d'un petit livre.* 2 ed. P., 1903.
- [22] *Ibid.* P. 26.
- [23] *Ibid.* P. 201.
- [24] *Loisy A. Quelques lettres sur des questions actuelles et sur les événements actuelles et sur des événements récents.* Ceffends, 1908. P. 140, 219.
- [25] *Loisy A. Simple reflections sur le décret du saint-Office Lamentabili Sane Exitu et sur l'encyclique Pascendi Dominici Gregis.* 2 ed. P., 1908.
- [26] *Ibid.* P. 63.

МАРТИН УАЙТ И ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализируются основные этапы биографии одного из основателей английской школы теории международных отношений М. Уайта и ключевые элементы его концепции международного общества. Исследуется роль Британского комитета по внешней политике в становлении английской теоретической традиции, выявляются истоки концепции международного общества.

Ключевые слова: Мартин Уайт, английская школа, теория международных отношений, международное общество, Британский комитет по изучению внешней политики, международный порядок, историография.

Вопросы «национальных особенностей» в развитии науки представляют несомненный интерес при сравнительном изучении различных школ и направлений. Для теории международных отношений указанный ракурс изучения является значимым хотя бы в силу того, что сама появившаяся во второй половине XX в. теория не представляет собой единой научной системы, да и львиная доля работ по обозначенной проблематике сегодня выходит в США. Такая ситуация даже породила распространенный среди международников афоризм о том, что современная наука о международных отношениях представляет собой разновидность американского обществоведения. В этой связи обращение к теоретико-методологическим и концептуальным основам иных научных традиций, а заметим, что собственные автономные теоретические школы изучения международных отношений сформировались не везде, способно как обогатить представление о самой теории, так и предоставить возможность увидеть происхождение некоторых научных идей в специфическом социокультурном контексте. В свою очередь, это определяет валидность некоторых научных гипотез.

Проблематика изучения английской школы теории международных отношений не получила должного освещения в отечественной науке в силу ряда причин. Во-первых, до сих пор не существует строгих критериев определения научной школы применительно к изменяющимся историческим условиям и дисциплинам. Как правило, исследователи используют это понятие в контексте разграничения категорий «школа», «течение», «направление», но даже у маститых ученых иногда эти термины могут использоваться как взаимозаменяемые. Не углубляясь в сущность этой важной научной проблемы, отметим, что для целей данной статьи будем пользоваться подходом, сформулированным Е.В. Гутновой в 1970-е гг. Она писала, что критерием выделения научной школы служат общие методические приемы, объединяющие группу исследователей и, как правило, они формируются вокруг одного университета или крупного ученого [1].

Во-вторых, отечественная школа международных исследований находится в процессе своего становления и нельзя говорить о завершении формирования единого набора идей, по поводу которых большинство ученых-международников испытывали бы научную солидарность. Идеальный консенсус по ключевым методологическим проблемам – отличительный маркер национальной школы – в отечественной теории международных отношений не был достигнут. Российские исследования мировой политики и международных отношений характеризует плюрализм применяемых для исследования методов. Некоторые специалисты вообще не

озадачиваются теоретическими проблемами, а ряд интересующихся теорией ученых попали на долгое время под так называемую парадигму освоения зарубежного опыта, что препятствовало собственной теоретической рефлексии. Словом, потребность в сравнительном осознании собственной сущности как общей школы пока отсутствует. В лучшем случае, в вводных разделах книг и диссертаций констатируется теоретико-методологическая ситуация применительно к «своим» проблемам, а в целом научный мир междунаrodnиков характеризуется как конгломерат исследовательских подходов и различных сообществ [2].

В-третьих, сами участники английской школы осознали свою сопричастность к ней относительно недавно. Более того, им по-разному видятся последствия своего участия в данном научном сообществе. Кто-то считает, что школа распалась в 1980-е гг. после ухода своих классических представителей, кто-то, напротив, считает, что она живет и насчитывает четвертое поколение участников. Такая ситуация, видимо, связана с тем, что научная школа во второй половине XX в., и в начале XXI в. существенно эволюционировала в проблематике, дискурсе, применяемых методах. Даже правомерность прилагательного «английская» относительно указанного научного сообщества можно поставить под сомнение. Наука, как известно, национальных границ не знает. Не совсем понятно, кто был основателем данной школы, каким образом вообще происходит оформление научной традиции. Все это заставляет с определенной долей осторожности подходить к изучению обозначенной проблемы.

Чаще всего в качестве родоначальников английской школы теории международных отношений называют имена Мартина Уайта, Хедли Булла, Чарльза Мэннинга. Иногда упоминаются известные английские историки Г. Баттерфильд и Э. Карр. Попробуем проанализировать основные идеи и выделить этапы биографии одного из создателей для предметного анализа отмеченных вопросов становления национальной научной традиции.

Мартин Уайт (1913–1972) родился в профессорской семье в Оксфорде. Поэтому выбор места получения образования для будущего ученого проблемы не представлял. По окончании университета в 1935 г. Уайт начинает научную карьеру по новой истории в Колледже Хертфорд, где его наставником становится известный британский историк сэра Герберта Баттерфильда. Возможно, благодаря участию последнего с 1936 по 1938 гг., а затем еще раз после Второй мировой войны с 1946 по 1949 гг. Мартин Уайт параллельно с работой в Оксфорде сотрудничал с Королевским институтом изучения международных отношений. В после-

военные годы он даже был в совете этого института, что, учитывая не очень долгий опыт работы, можно считать признанием его научных заслуг.

Здесь Мартин Уайт познакомился с Арнольдом Тойнби, сотрудничеством с которым будущий междунаrodnик очень гордился, и, несомненно, попал под влияние идей известного британского ученого. Вместе они готовили ряд научных сборников. Однако в научном отношении сильное влияние Тойнби скорее препятствовало формированию Уайта как самостоятельного исследователя международных отношений. В этот первый (довоенный) период его работы в Королевском институте он много преподавал. С 1938 по 1941 гг. он вел занятия еще и в Хайлебэрри, где запомнился как блестящий лектор: «Уайт смотрел на историю как на драму, философски обучая студентов своими историческими примерами и рассуждая в манере А. Тойнби» [3]. В целом, этот этап его биографии можно обозначить как первые преподавательские и исследовательские шаги.

Второй период в творческой биографии исследователя пришелся на военные годы и это время, безусловно, характеризуется как кризис в мировоззрении молодого ученого. И дело не только в войне. По своим убеждениям Уайт в то время был христианским пацифистом. Пацифизм был своего рода реакцией людей его поколения на Первую мировую войну. Своим коллегам по Оксфорду он запомнился как страстный сторонник Лиги Наций. Но, если события в Абиссинии стали для английского общественного мнения травмирующим междунаrodnими устоями опытом, то фашизм оказался не только испытанием для страны, но и мировоззренческим кризисом для многих пацифистов. Не стоит в этой связи забывать, что Великобритания сражалась с фашизмом в течение шести лет, при этом после падения Франции и до нападения на СССР год в полном одиночестве.

Пацифизм Уайта основывался на убеждении, что существует противоречие между христианским учением о человеческой жизни с одной стороны и войной, смертной казнью, эвтаназией – с другой. Он в то время не призывал к отмене смертной казни или к запрету войны, но видел в пацифистской позиции долгосрочную опору по установлению прочного мира. Нельзя не признать, что его пацифизм носил скорее доктринальный, чем прагматический характер. Он не указывал, насколько это можно судить по его статье «Христианский пацифизм», способы достижения конкретного результата, а просто был убежден, что христианская мораль не оставляет никакой альтернативы, кроме мира между народами [4].

Поэтому Вторая мировая война оказалась для него проблемой не только потому,

что он упал духом, разрушились иллюзии молодости, разлетелись на осколки его умозрительные аргументы, но и потому, что нацистская тирания стала периодом краха политики умиротворения для страны и пацифистского кредо для людей его поколения. Хотя еще в 1940 г. он пытался отстаивать свой пацифизм на одном из публичных диспутов, заявляя, что «война – это конвульсия цивилизации, которая забыла свое христианское происхождение. Она появилась в силу растущего воздействия секуляризма и материализма, разрушившего христианское единство Европы на корпорации в себе», но в целом военные годы оказались не только трагедией для государства, отказом общества от пацифизма, но и мировзренческим кризисом для исследователя [5]. В послевоенное время от его довоенного пацифизма, как, впрочем, от влияния А. Тойнби, не осталось и следа. Те, кто общался с ним в зрелые его годы, по воспоминаниям его коллеги и друга Х. Булла, не могли заподозрить в нем каких-либо религиозных взглядов. Пожалуй, об этом напоминало лишь то, что ведущей чертой его мировоззрения была некоторый пессимизм, да и его рассуждения о политике государств были наполнены чувством личной моральной ответственности. Пристальное внимание к вопросам морали вообще отличает первое поколение представителей английской школы. Возможно, в этом прослеживается личное влияние некогда религиозных взглядов основателя английской школы Мартина Уайта.

В 1941 г. Уайт возвращается в Оксфорд, где принимает участие в работе команды под руководством Марджери Перхам, изучавшей проблемы колониального управления. В этой группе он трудился до 1946 г. Плоды этой творческой коллективной работы были представлены в ряде монографий 1945–1947 гг. Содержательно эти исследования демонстрировали технику профессионального историка и, наконец, отходили от концептуальной основы Тойнби, хотя теоретические рассуждения Уайта еще не отражали центральные интеллектуальные и моральные интересы ученого [6]. Более того, в 1951 г. вместе с Артуром Льюисом и Майклом Скоттом Уайт выпускает работу «Позиция в отношении Африки», где накануне начала процесса деколонизации региона автор пытается предложить варианты внешнеполитической стратегии Великобритании [7]. Эта работа отличалась от предшествующих «академических» трудов по изучению legislatures и методов управления колоний с доминионами. Она представляла собой руководство к действию, и в ней, безусловно, ощущалось, что авторы сумели уловить в слабеющей колониальной державе потребность не в новых исторических изысканиях, а в практических советах экспертов. Работа явно носила прикладной политический характер, что

также отразилось и в дальнейшем творчестве Мартина Уайта.

Второй период в Оксфорде, после студенческих лет был также сопряжен для него и с работой корреспондентом в ООН в составе английской делегации на осенней сессии 1946 г. Сложно сказать, каким Уайт был журналистом, но, видимо, в это время он знакомится с известным и, по существу, первым английским профессором в области международных отношений – Чарльзом Мэннингом, который впоследствии пригласил его на факультет международных отношений в Лондонскую школу экономики.

Отделение в Лондонской школе экономики и политических исследований было второй научной кафедрой после Центра имени Вудро Вильсона в Эйберсвите (Уэльс) по изучению международных отношений и первым местом, где встретились будущие отцы-основатели английской школы теории международных отношений. Кафедра по международным отношениям была здесь создана в 1924 г., пять лет спустя после основания аналогичной кафедры в Эйберсвите. Сам Мэннинг был выходцем из Южной Африки, но благодаря его усилиям Школа сыграла особую роль в истории изучения международных отношений в Англии. Он больше известен как организатор факультета и первый полный профессор по международным отношениям в Великобритании. Не случайно, что до нас дошли работы, которые представляли его университетские лекции, либо сборники научных материалов, где Мэннинг выступал как научный редактор [8].

В Лондоне Уайт нашел много хороших друзей, стал пользоваться заслуженным авторитетом среди коллег, студентов, становясь знаковой фигурой для школы. Продолжая преподавать, он активнее стал интересоваться мировыми проблемами и искать модели разрешения некоторых сложных вопросов.

В этот третий (ориентировочно это время с 1945 по 1961 гг.) период своей творческой деятельности, связанный с работой в Лондоне, Уайт стал подходить к международным отношениям как к социальной науке. По-прежнему он смотрел на современность сквозь историческую панораму событий. Но здесь в Лондоне также появляются и первые собственно теоретические его работы.

В 1949 г. в издательстве Королевского института по международным отношениям выходит его небольшая по объему работа «Политика держав» – оригинальный памфлет, который стал карманным словариком для нескольких поколений английских студентов и, пожалуй, самой известной его работой [9]. В этой книге Уайт уделил все свое внимание проработке терминологии в сфере международных отношений. Считая, что

разговор о них должен идти в строгом научном ключе (термин «сциентизм» он не употреблял), исследователь разобрался и в ключевых категориях. Из их анализа и вырастает некоторое подобие теории.

Примечательно, что эта работа, будучи по существу первой теоретической стала для международного и главной работой его жизни. Видимо, к этой своей книге Уайт возвращался на протяжении всей оставшейся жизни. Незадолго до смерти он писал: «Я думаю, что нужен окончательный вариант, в котором объединилось бы огромное количество моих работ, разрозненных статей и фрагментов, которые необходимо свести в одно издание. Это то, чего я жду от «Политики государств». Никсоновские решения по Китаю, вхождение Японии в число Великих держав и другие сюжеты создают необходимость для написания еще одной главы» [10]. К сожалению, сам Уайт эту работу закончить не успел. И в предисловии ко второму изданию этой книги Хедли Булл, осуществлявший редакторскую правку работы, отметил, что некоторые фрагменты были вставлены из неопубликованных рукописей М. Уайта [11]. Таким образом, его ученики в память об учителе выпустили после его кончины вторую редакцию, более объемную и существенно переделанную, первого издания 1949 г.

Хотя эссе в первоначальной редакции насчитывало всего 68 страниц, оно оказало глубокое воздействие на изучение международных отношений в университетах Великобритании. Более того, эта работа выходит почти в то же время, что и известная книга Г. Моргентау, от которой ведет свое происхождение современная теория международных отношений. Конечно, в первоначальном виде по проработанности отдельных положений работа Уайта уступала труду Моргентау, но здесь впервые фиксируется переход от анализа отдельных исторических сюжетов к общей теоретической проблематике и, кроме того, по меткому замечанию Барри Бузана, в ней содержался огромный исследовательский потенциал движения международного сообщества к мировому обществу [12]. Это и стало основой рассуждений британской теоретической традиции о международных отношениях.

Из данной книги впоследствии вырос лекционный курс, который Уайт стал называть международной теорией, и именно данный предмет он считал своим главным достижением. Для сравнения в СССР впервые этот курс стал читаться в МГИМО в 1970-е гг. А.А. Злобиным и М.А. Хрусталевым. При этом Мартин Уайт не смотрел на данный курс как на попытку сформулировать общую теорию международных отношений, которая бы объясняла настоящее и предвидела будущее, что так было характерно для университетов США. В теории

международных отношений он видел воплощение специфической традиции размышлений в сфере международных отношений, своего рода научно-политический дискурс прошлого. Иными словами, он не создавал теорию, а обобщал практику историко-политической мысли.

Ведущие традиции последней идеи для Уайта – это реалистическая, идущая от Н. Макиавелли, рационалистическая, уходящая истоками к творчеству Г. Гроция, и революционная по своему потенциалу цепция И. Канта. Все эти линии поднимали огромный пласт моральных и интеллектуальных вопросов в изучении международных отношений и мировой политики. Рассматривая наследие мыслителей прошлого, ученый общую основу их творчества увидел в интерпретации западной традиции политических отношений между странами. Некоторые из этих материалов впоследствии стали основой работы, которую можно считать своеобразным манифестом английской школы – «Дипломатические исследования» 1966 г., где Мартину Уайту принадлежало несколько глав [13].

В Лондонской школе экономики Уайт оставался с 1945 по 1961 г., лишь на год прервав свою работу для стажировки в США. По личному приглашению Ганса Моргентау он поехал в Чикаго, где познакомился с американской школой политического реализма. Впрочем это не сделало его реалистом в американском понимании этого научного направления.

Новый и, к сожалению, последний этап в его биографии начался в 1961 г., когда он переходит в только что созданный университет в Суссексе деканом школы европейской политики и профессором истории. Поскольку это был уход из столицы и из ведущего в своей сфере образовательного учреждения, то многие из его коллег были удивлены таким решением. Однако до конца жизни Уайт был признателен лорду Фулгону за предложение создать «свой» факультет и принять участие в формировании нового университета. Школа европейских исследований была своего рода экспериментом для Уайта. Изначально здесь он обучал студентов пониманию европейской цивилизации, начиная с греков. Отсюда и характерные названия читаемых им курсов в Суссексе: «европейская мысль нового времени», «европейская традиция». Он руководил темами, связанными с европейской интеллектуальной историей от античности до Данте и Бурхарда. Эти качественно разные вопросы из различных эпох стали волновать его так же, как и центральная творческая его колея – изучение международных отношений.

Его коллеги по Суссексу отмечали, что он был снисходителен к талантам и нуждам своих молодых учеников. Иногда он скептически относился к энтузиазму, который ца-

рил в университете в 1960-е гг., но у него был свой собственный энтузиазм, в основе которого лежало изучение международных отношений и интеллектуальной истории [14]. Для Уайта работа в Суссексе, скорее всего, была счастливым или, как минимум, творчески плодотворным периодом. Читаемые им учебные курсы пользовались популярностью, его школа имела большое количество студентов, научная проблематика расширялась от истории к современности, и от Западной Европы к России. Он создал семинар в вузе, который назывался «Российские исследования» (Russian Studies). При этом прилагательное «российские» подчеркивало определенную преемственность между историей дореволюционной и советской России.

В течение одиннадцати лет пребывания в Суссексе значительная часть его энергии расходовалась и на административную работу. Он был членом Совета университета, входил в комитет по академическому планированию, был профессором университета в Кенте, председателем британского комитета по внешней политике.

Как и в Лондоне, в Суссексе Уайт большое внимание уделял тьюторской системе – непосредственной передаче знания от наставника ученику. Посредством этого механизма он создавал себе единомышленников, которые из студентов становились исследователями, а некоторые и друзьями на всю оставшуюся жизнь. Хотя он был уже маститым ученым, университетским администратором, политически востребованным экспертом, его взгляд на мир в Суссексе стал отличаться чувством юмора.

Периодизация жизни и творчества Мартина Уайта на Лондонский, Оксфордский и Суссекский периоды позволяет определить роль места в механизме возникновения научной школы теории международных отношений во второй половине XX в. Как правило, школа формируется вокруг определенного ученого или научного центра, в котором трудится коллектив исследователей. Именно в таком случае возникает некоторая общность методов, которая реализуется в своеобразных школообразующих практиках. Английская школа теории международных отношений была частичным исключением из этого правила. Действительно, первое поколение представителей школы – Мэннинг, Уайт и Булл – было связано с Лондонской школой экономики и политических исследований. Но большинство других, в том числе и других представителей этого поколения, не имели к ней ни малейшего отношения. Например, Адам Уотсон был из внешнеполитического ведомства, ныне здравствующий Барри Бузан в Англии работал в Кэмбридже, масса представите-

лей (Тим Дюнн, Мэри Калдор) трудились в университете графства Кент. А некоторые из тех, кто считает себя причастными к школе, не были даже англичанами: Брунелио Виггеци – профессор Миланского университета, Хидеми Суганами – японец. Разумеется, чтобы применять те или иные методы, разделять некоторые теоретические позиции, вовсе не обязательно быть все время в одном месте, иметь определенную национальность или научную позицию. Нельзя не принимать во внимание и то, что за период своего существования проблематика школы существенно трансформировалась. Тот же Бузан сегодня известен как основатель Копенгагенской школы изучения проблем международной безопасности. И, тем не менее, в механизме формирования школы, в проработке так называемых школообразующих практик огромную роль сыграл не тот или иной университет, а новый тип научного сообщества, сформировавшийся во второй половине XX в. под несомненным влиянием Мартина Уайта – Британский комитет по внешней политике.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гутнова Е. В. Историография истории Средних веков. М., 1974. С. 10.
- [2] См. об этом: Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А. П. Цыганкова, П. А. Цыганкова. М., 2005.
- [3] Wight M. System of State / ed. by Bull H. System of State. Leicester ; New Jersey, 1977. P. 3.
- [4] Wight M. Christian Pacifism // Theology. 1936. July. XXXVIII. № 163. P. 24–39.
- [5] Wight M. System of State. P. 4.
- [6] Wight M. The Development of Legislative Council 1606–1945. Oxford, 1946 ; Wight M. British Colonial Constitution. Oxford, 1947 ; Wight M. The Gold Coast Legislative Council. Studies in Colonial Legislative. Vol. 2. L., 1947.
- [7] Attitude to Africa / ed. by Arthur Lewis, Michel Scott, Martin Wight. Harmondsworth, 1951.
- [8] Manning C. A. W. The Policies of the British Dominions in the League of Nations. L., 1932 ; Peaceful Change and International Problem / ed. by C.A.W. Manning L., 1937 ; Manning C. A. W. The University teaching of Social Science International Relations. P., 1954 ; The Bases of International Order. Essays in honor of C.A.W. Manning / ed by Alan James. L. ; N. Y., 1973.
- [9] Wight M. Power Politics. Royal Institute of International Relations. L., 1949. 68 p.
- [10] Wight M. System of State. P. 15.
- [11] Wight M. Power Politics / ed. by H. Bull and C. Holbrood. Leicester, 1979.
- [12] Busan B. From International to World Society. English Theory School and Social Structure of Globalization. Cambridge, 2004. P. 24.
- [13] Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / ed. by H. Butterfield and M. Wight. L., 1966.
- [14] Wight M. System of State. P. 7–8.

КАРТЫ С.У. РЕМЕЗОВА И «МЕЖИ» АБОРИГЕНОВ НА РЕКЕ ДЕМЬЯНКЕ

Рассмотрен вопрос об археолого-этнографическом изучении границ («межей») между группами аборигенов Сибири. Первыми источниками для изучения стали карты С.У. Ремезова. На материалах бассейна реки Демьянки показано, что существовало, как минимум, три места, где обозначены границы: на правых притоках Демьянки между жителями ее побережья и обитателями юрт Цингинских, по левым притокам реки между жителями берегов Демьянки и Иртыша, в среднем течении Демьянки между верховыми и низовыми группами населения.

Ключевые слова: этнографо-археологические работы, контактная зона, границы, аборигены Сибири.

При изучении системы расселения русских в Приобье и Прииртышье по материалам Г.Ф. Миллера 1734–1740-х гг. [1] выяснилось, что вольно или невольно он описал пограничные территории между разными этносами, что и нашло отражение в научной литературе [2; 3]. Суть этих работ в том, что русские, татары, ханты, манси, селькупы селились не где попало, а в местах, наиболее пригодных для проживания, причем выбранных по каким-то критериям. Между группами этносов были пограничные территории, что хорошо видно при картографировании миллеровских материалов на стандартных листах карт в масштабе 1:100000 («километровки») или 1:200000 («двухкилометровки», «двушки»). Естественно, что полученные сведения только предварительные и должны быть проверены в ходе полевых работ, а также на источниках иного характера.

В данной работе рассмотрим вклейку к листу 71 «Хорографической чертежной книги...» [4], где изображены реки Демьянка, Большой Салым, Туртас, Большая Бича (Беча на карте) и некоторые участки Иртыша и Оби. Сразу оговорюсь, что можно было бы высказать массу претензий к этой карте: отсутствие градусной сетки, масштаба и разные участки карт изображены непропорционально, есть некоторая смещённость географических объектов, ориентация карт не на север и т. д. Не в этом дело. Карты С.У. Ремезова – великолепный источник по истории, географии, исторической географии Сибири. Они же могут быть источником и для этнографо-археологических работ.

Сопоставление этих и современных карт показывает, что многие объекты хорошо идентифицируются. Сошлюсь на опыт работы с ними коллег из Новосибирска [5], Омска [6; 7], Тобольска [8; 9], Тюмени [10–12] и свой собственный [13].

Полагаю, что после того как карты первого сибирского картографа [4; 14; 15] были изданы при содействии мецената из Тобольска А.Г. Елфимова, отпала необходимость поиска этих ресурсов, причем зачастую некачественных, в сети Интернет, и надеюсь, что их изучение будет более интенсивным и продуктивным.

Вернемся к карте Демьянки, которая является главной на листе. На рис. 1 – современной карте – неправильным многоугольником выделена площадь, которая показана на карте С.У. Ремезова (рис. 2). При их сравнении становится ясно, что картограф несколько искажил пропорции (особенно там, где находится река Туртас) и соотношение рек, но, опять-таки, не будем укорять его за это. Ведь первый научный географический атлас Российской империи был издан почти через полвека после составления карт С.У. Ремезовым [16], были обозначены юрты аборигенов (тремя кружками), отмечены переходы с правого притока Демьянки, обозна-

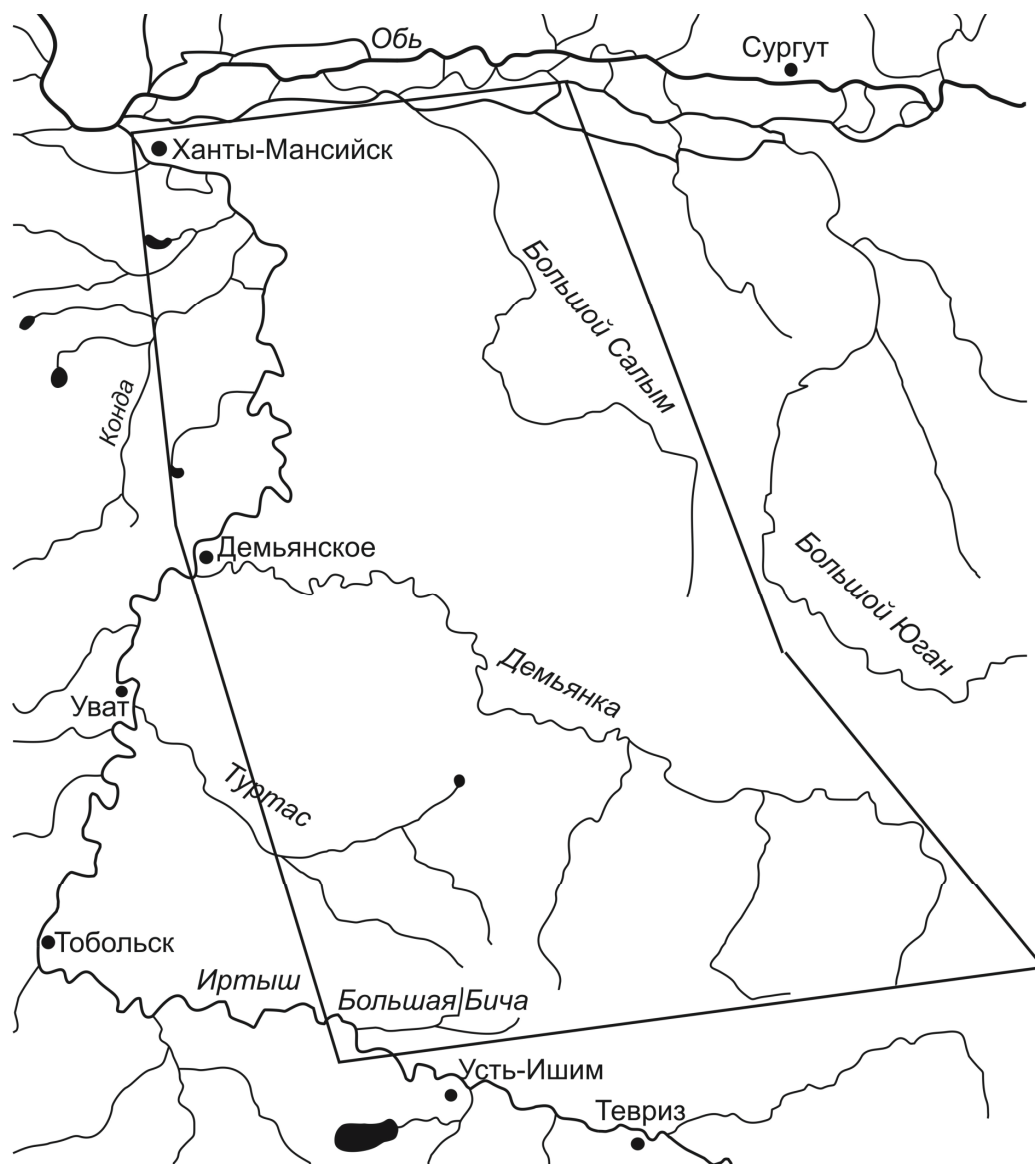

Рис. 1. Реки Демьянка, Салым, Туртас и Большая Бича на современной карте (неправильным многоугольником выделена площадь на карте С.У. Ремезова)

ченной С.У. Ремезовым как река Цынга, на реку Кунер (левый приток Большого Салыма), и с левого притока Демьянки – реки Серцей – в нижнее течение реки Беча (правый приток Иртыша). На карте можно увидеть места ведения промыслов на Кеуме и в верховьях Демьянки, а также места, занятые курдакскими татарами на реке Аялы (левый приток Демьянки в ее верхнем течении). Из карты видно, что русские в это время жили только в приустьевой части Демьянки, а аборигены равномерно заселяли все ее течение.

Некоторые данные С.У. Ремезова – система заселения Демьянки, наименования ее притоков – не подтверждаются другими источниками. Это не удивительно, ведь сам он никогда не посещал верховьев Демьянки, а составил ее описания со слов других людей. В общем это же сделал и Г.Ф. Миллер в 1740 г. [1]. Другой исследователь С.К. Патканов в 1868 г. добрался до Кеума, но выше

он не пошел, а среднее и верхнее течение реки описал со слов местных жителей [17].

Чтобы сопоставить реки, указанные С.У. Ремезовым, с современными картами, нужен специальный анализ современных карт и, возможно, полевые работы на Демьянке. Мы же остановимся на «межах» – границах территорий. Их показано три. Первая обозначена как «межа демьянска с цынгинь» (рис. 3а) и находится в верховьях Кеума и Ку[и]неги. Здесь граница идет по междуречью. Вторая «межа» (рис. 3б) показана чуть выше юрт Терешкиных между реками Ларимбох и Боим. Она отделяет жителей верхнего и среднего течения Демьянки от жителей низовьев. Возможно, именно поэтому полтора века спустя русские селились только в нижнем течении реки. Третья (рис. 3в) – «межа с каурдаць» отделяет жителей Демьянки от татар Прииртышья и проходит в верховьях реки Аялы.

Интересно было бы посмотреть межи на местности. Мне самому межу – границу между двумя владениями довелось видеть только один раз, когда в 1991 г. я и мои друзья и коллеги Лариса и Сергей Татауровы обследовали правый берег реки Тары между деревнями Алексеевка и поселком Муромцево (Муромцевский район Омской области). Между рекой Бергамак и речкой Меткая мы несколько раз встречали длиннейшую абсолютно прямую траншею, в местах поворота с прямыми углами, шириной около метра, глубиной до 40–50 см, причем отвал везде был сложен на одну сторону траншеи. Житель ныне несуществующей деревни Кордон-Бергамак А.Д. Лисин рассказал нам, что по преданию эта траншея разделяла земли купцов и тянулась она от устья Тары до Муромцева.

Предварительные выводы же таковы:

– границы между группами населения можно (и, может быть, нужно) искать не только на больших реках, но и на их притоках;

– границы могут проходить по междуречьям. Не исключено, что они могли быть как-то обозначены – приметное дерево, знак или еще что-то;

– можно предполагать наличие двух районов на Демьянке. Первый – нижнее течение реки, более освоенное, судя по большому числу жителей и наличию многочисленного русского населения [17]. Второй – верхнее и среднее течение реки, отделенное межами от первого района, а также от жителей юрт Цынгинских и Каурдакских. В этот район можно было попасть с низовьев Демьянки (вероятно, по этой дороге ездил С.К. Патканов в 1868 г.), а также через водораздельные болота с рек Салым и Бича.

Полагаю, что дальнейшие работы позволят уточнить и углубить эти выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. VI выпуск. Новосибирск : Сибирский Хронограф, 1996. 312 с.
- [2] Тихонов С. С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г.Ф. Миллера 1740 года) // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень : Изд-во Института проблем освоения Севера СО РАН, 2012. С. 291–293.
- [3] Тихонов С. С. Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 87–91. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный.
- [4] Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Т. 1. Факс. изд. Тобольск : [б.и.], 2011. 350 с.
- [5] Катюнов О. Н. Обь-Иртышское междуречье на картах Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 5. Новосибирск : Наука, 2005. С. 82–85.
- [6] Матвеев А. В., Яворская Л. Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова» 1697–1711 гг. // Известия ОГИК-музея. Омск, 2003. С. 147–162.
- [7] Матвеев А. В., Яворская Л. Я. Павлодарская область на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У. Ремезова» 1697–1711 гг. Олкетану – Краеведение. Спец. вып. : Этноархеология: актуальные проблемы и перспективы развития. Вып. 3. Павлодар, 2004. С. 139–143.
- [8] Белич И. В. Чертеж «Кучюмово городище» С. У. Ремезова из «Хорографической чертежной книги» // Вестн. ТюмГУ. 2009. № 7. С. 90–101.
- [9] Белич И. В. Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1 (12) С. 141–155. URL: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный.
- [10] Матвеев А. В. К историко-географической оценке вагайской версии гибели Ермака // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С. 87–90.
- [11] Матвеев А. В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 127–145.
- [12] Матвеев А. В., Аношко О. М. Ермакова перекопь на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 2. С. 275–281.
- [13] Тихонов С. С. Карты XVII – начала XVIII века как источник для этнографо-археологического изучения кочевников Центральной Азии // Монгол болон Байгал нуур орчмын сибирийн эртний соёл. 2-р дэвтэр. Улаанбаатар, МУИС Хэвлэх уйлдвэр. 2012. С. 638–642.
- [14] Служебная чертежная книга. Т. 1. Факс. изд. рукописи Российской национальной библиотеки. [Б.м. : б.и.], 2006. 334 с.
- [15] Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т. 1. Факс. изд. М. : [б.и.], 2003. 201 с.
- [16] Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим обсервационным, с приложенною при том генеральною картою великия сия Империи / старанием и трудами Имп. академии наук. СПб. : типография Академии наук, 1745. 18 с., 20 л. карт.
- [17] Патканов С. К. По Демьянке (бытовой и этнографический очерк) // Патканов С. Очерк колонизации Сибири. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 124–185.

ДИСКУРСИВНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Намечаются направления дискурсивного исследования коммуникативных практик¹, создаваемых современными интернет-сообществами (комьюнити). Предлагается типовая модель описания виртуального сообщества, включающая исследование родственных и оппозиционных комьюнити, анализ основных тем, ценностей, прецедентных текстов, правил, стратегий, дискурсивных личностей, жаргона, механизмов текстопорождения.

Ключевые слова: дискурс, интернет-дискурс, виртуальное сообщество.

В настоящее время ученые различных специальностей работают над созданием научной парадигмы, связанной с осмыслением Интернета – глобальной мыслящей символической структуры, содержащей «все существовавшие и существующие культуры и традиции» [1, с. 6], состоящей из множества подсфер, отличающихся друг от друга целями коммуникации, составом участников, их ролями в диалогах, системами ценностей, языком и т. д. При этом в работах лингвистов прослеживается тенденция к изучению виртуального мира в целом, созданию инвариантных моделей, связанных с условиями коммуникации, лингвокультурными типажам. Безусловно, сложно переоценить значимость такого целе- и методологического, открывающего новое научное направление.

В то же время становится очевидным, что Сеть создает и поддерживает самые различные коммуникативные практики, нуждающиеся в последовательном описании.

Так, в работах Кевина Келли Интернет определяется как «новый социализм», который «предназначен для усиления индивидуальной автономности и сопротивления централизации. Это высшее достижение децентрализации» (It is designed to heighten individual autonomy and thwart centralization. It is decentralization extreme) [2]. По-видимому, глобальность Интернета заключается в том числе и в огромном разнообразии входящих в него дискурсов, организованных, как писал К. Келли, по принципу «от каждого по возможности, каждому по потребности».

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать живое виртуальное общение, происходящее в интернет-сообществах (комьюнити), которое представляет собой особый тип коммуникации, по мнению ряда ученых, составляющий конкуренцию традиционным типам общения: «Роль традиционных социальных сообществ в массовых коммуникациях стала снижаться, сохранили свое влияние только те из них, кто принял логику Сети» [3, с. 1505]. При этом сетевые сообщества до сих пор не получили последовательного описания с точки зрения языка.

Наибольший интерес к комьюнити на сегодняшний день проявили социологи, в работах которых ставится целый ряд вопросов и проблем, например исследование причин и специфики формирования интернет-сообществ как сетевых объектов, характеристика их роли в социализации личности, рассмотрение влияния комьюнити на те или иные социальные процессы и проблемы, волнующие как конкретное общество, так и все мировое сообщество в целом [4], попытки создания социологической модели современности на базе понятия виртуальности (М. Кастельс), развитие идеи самоуправления (self-governing) виртуальных сообществ

(H. Rheinghold). Существуют интересные исследования сетевых сообществ с точки зрения педагогики, теории маркетинга, различных философских концепций.

Несмотря на то что в социологии, философии, маркетинге есть несколько исследований комьюнити, к настоящему времени не существует единого определения этого феномена. «Комьюнити – один из наиболее расплывчатых гуманитарных терминов, который, по сути, до сегодняшнего дня так и не приобрел точного значения» [5, с. 4].

Приведем несколько дефиниций данного понятия, среди которых нет ни одной языковедческой.

«Виртуальные сообщества являются социальными объединениями, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно для того, чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве» (Virtual communities are social aggregations that emerge from the Net when enough people carry on those public discussions long enough, with sufficient human feeling, to form webs of personal relationships in cyberspace) [6, с. 347].

«Сетевые сообщества» – социокультурные общности, сформировавшиеся в конце XX в., деятельность которых связана с новыми информационными технологиями и процессами информатизации общества» [5, с. 10].

«Сетевое сообщество – это специфическая форма социальной структуры, опытно устанавливаемая эмпирическими исследованиями в качестве характеристики «Информационной эпохи» [7].

Сетевые сообщества – это «группы людей, объединенных на основе общего информационного поля, создаваемого средствами Интернета. Интернет-сообществом могут считаться постоянные потребители определенного информационного сетевого ресурса (сайта, рассылки и т. д.), посетители чатов, участники телеконференций» [8].

«Сетевое сообщество как коллективный субъект социально-информационной деятельности в сети Интернет определяется... как группа людей, взаимодействующих на основе коммуникаций Интернета, имеющих общие связи между собой, способных к проявлению совместных форм активности и саморефлексии. Общие связи членов сетевого сообщества формируются на основе общих целей, ценностей и интересов, общих ресурсов Интернета, положенных в основу сетевой деятельности. Совместная деятельность в сетевых сообществах обуславливает формирование психологической общности между членами сообщества, что выражается в оформлении собственных правил и норм поведения, общего языка и контекста общения» [9].

«Интернет-сообщество – это стихийно или целенаправленно сложившаяся система постоянных пользователей – соавторов интернет-ресурса, которые в рамках политики данного ресурса осуществляют информационный обмен на установленную тематику, ведущийся на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям, служащий целям поддержания и развития ресурса» [10].

Под **сообществами** мы, как правило, понимаем социальные группы, объединенные общими целями или ценностями. Обязательными характеристиками, позволяющими выделить то или иное сообщество, являются его структурная и функциональная организация – «относительно стабильный уровень упорядоченности в структурном построении, разделении функций и согласованности действий субъектов сообщества» [3, с. 1505].

Несмотря на то что эти определения различаются по сфере использования и степени разработанности, их объединяет понятие **социальной структуры**: «обязательной характеристикой сетевого социума является осознание своей общности. При этом члены социума связаны общей идеологией, традициями, социальными нормами и т. д.» [11]; «создается та или иная программная оболочка, позволяющая осуществлять коммуникацию, а затем на этот ресурс приходят (или не приходят) пользователи глобальных сетей. Со временем, в результате взаимодействия постоянных пользователей ресурса, возникает социальная структура, и социальный агрегат трансформируется в социальную группу» [4].

Исследователи обычно называют **несколько типов сетевых сообществ**: демографические, географические, тематические (сообщества по интересам).

Как нам представляется, последние демонстрируют наибольшую сплоченность участников, объединенных общими идеями, ценностями, моральными правилами, а также едиными прецедентными текстами, характерным жаргоном.

Материалом исследования являются именно тематические комьюнити: **материнские сообщества** (<http://baby-teva.ru/>, sv-mama.ru, mamas.ru), **сообщества чайлдфри** – людей, добровольно отказывающихся иметь детей по идейным соображениям (childfree.mybb.ru, russianchildfree.com, childfree.biz), **сообщества любителей животных** (<http://pesiq.ru/forum/index.php>; <http://www.k9-forum.ru/>; <http://etizveri.ru/>; <http://cinolog.flyfolder.ru/>; <http://www.dogexpo.ru/>; <http://www.caodog.ru/>), **сообщества догхантеров** – истребителей бродячих собак (vreditelyam.net), комьюнити, посвященные **фанфикам**, – любительским текстам, создаваемым по мотивам культовых произведе-

ний (fanfichin.forumbb.ru, vsefanfiki.starbb.ru, darklight-star.ru).

Говоря о **причинах**, способствующих объединению пользователей в сообщества, исследователи чаще всего упоминают разнообразные **коммуникативные потребности**: «стремление утолить “голод” в сфере коммуникативных взаимодействий», «стремление к обмену научной информацией или проведению профессиональных консультаций», активизацию «в Интернете обсуждений каких-либо проблем, считающихся пользователями значимыми, и влияния посредством сформированного в виртуальной среде общественного мнения на сложившуюся ситуацию»; «стремление авторов сконцентрировать на одном веб-ресурсе некоторую специфическую информацию, интересную определенному кругу лиц» [4]. При этом участники виртуального общения постоянно уходят от обсуждения основной темы комьюнити: «...практика коммуникативных взаимодействий показывает, что очень редко общение в специализированных сообществах ограничивается профессиональной проблематикой» [4]; «начиная в рамках заданной темы, дискуссия зачастую уходит от нее в совсем другие области, такие как обсуждение глобальных бытовых вопросов (в том числе религиозных, философских, экзистенциальных); обсуждение психологических проблем реального общения; агрессивное “выяснение отношений” между участниками форума; скрытая и открытая реклама товаров и услуг» [12].

Кроме того, люди вступают в сообщества, чтобы ощутить некую общность интересов, найти близких по духу собеседников, создать «свой круг». Исследователи отмечают, что «пользователи, ориентированные на решение практических проблем, рассматривают вступление в виртуальное сетевое сообщество как возможность находиться в информационной среде вместе с акторами, компетентными в соответствующей проблематике» [4]. При этом, входя в сообщество, каждый участник должен принять сложившиеся в нем ценности, картину мира, правила общения, язык. «Ценой включения в систему является принятие ее логики, языка, системы кодирования и декодирования» [3].

Стоит отметить и еще одну причину организации комьюнити – речевую реакцию на определенного рода дискурс, приводящую к появлению сообществ с противоположной идеологией («материнские» объединения – форумы чайлдфри, сообщества любителей собак – догхантеры).

Таким образом, виртуальные тематические сообщества представляют собой специфические речевые практики. При том что комьюнити строятся на определенного рода серверах, предусматривающих типовые схемы коммуникации (темы в форумах, модерирование разделов, личные сообщения и

др.) и сходные классификации участников (модератор, администратор, новички и пользователи со стажем, гости), «центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения» [13]. Поэтому каждое сетевое сообщество имеет свои неповторимые черты: «В социальной системе киберпространства при отсутствии единого центра любой сервер может рассматриваться как вершина микроиерархии интересов пользователей. А поскольку каждое виртуальное сетевое сообщество, формирующееся вокруг информационного ресурса, имеет собственную систему духовных ценностей, то не может идти речи и об общесетевых ценностях» [14]; «Не существует единственной, монолитной интернет-субкультуры; скорее, можно говорить об экосистеме субкультур, некоторые из которых фривольны, а другие серьезные». (There is no such thing as a single, monolithic, online subculture; it's more like an ecosystem of subcultures, some frivolous, others serious) [6].

Вероятно, существование комьюнити связано с формированием особых типов дискурса со своими темами и ценностями, типовыми дискурсивными личностями, специфической картиной мира, характерными жаргонами, прецедентными текстами.

На наш взгляд, наиболее релевантными пониманиями термина «**дискурс**» для интернет-сообщества являются следующие: живая речевая среда определенного вида социума и теоретический конструкт, предназначенный для исследования производства текстов (П. Серио) [13, с. 6]. Мы исходим из тезиса, что «дискурс в филогенезе предшествует тексту, подобно тому, как диалог предшествует монологу, а речь – языковой системе» [15, с. 61]. По-видимому, применительно к комьюнити невозможно противопоставлять текст и дискурс, так как порождаемые сообществами тексты неразрывно связаны с дискурсом, обусловлены им. В нашей работе применяется концепция В.Е. Чернявской, которая не противопоставляет текст и дискурс, производство и восприятие, а, наоборот, говорит об их диалектическом взаимодополнении: «Моя формула: только и именно “текст в дискурсе”» [16, с. 11].

Подход к интернет-сообществам в нашей статье, по-видимому, близок к понятию дискурсивных формаций, о которых писали М. Фуко и О.Г. Ревзина. Дискурсивные формации (разновидности дискурса) образуются на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса. К коммуникативной составляющей относятся возможные позиции и роли, которые предоставляются в дискурсе носителям языка – языковым личностям. К когнитивной составляющей относится знание, содержащееся в дискурсивном сообщении» [17, с. 68]. Правилами формаций являются объ-

екты, модальность высказываний, концепты и тематические выборы [18, с. 38]. Дискурсивные формации осуществляют спецификацию разных видов знаний, значимых для социума, через вербальное воплощение. Основной вопрос дискурсивного анализа, вслед за М. Фуко, можно сформулировать так: «в чем состоит тот особый вид существования, которое раскрывается в сказанном и нигде более?» [18, с. 28].

Итак, попытаемся обосновать **модель описания** тематических сетевых сообществ как особых типов дискурса.

1. Принадлежность комьюнити к определенному интернет-консорциуму

Тематические интернет-сообщества, как правило, не существуют поодиночке. Например, сформировалось огромное количество комьюнити, посвященных материнству, домашним любимцам, тому или иному виду спорту, культовому произведению, личности-кумиру. Отношения сообществ, объединенных определенной темой, можно назвать своеобразным **консорциумом** (консорциум комьюнити любителей собак, консорциумы материнских сообществ). Внутри консорциума обычно выстраивается определенная иерархия: мелкие комьюнити ссылаются на более крупные, а новые – на традиционные, цитируя размещенные в них посты, обычно со ссылкой на источник; кроме того, мелкие комьюнити могут быть образованы как ветки крупного.

Примечательно, что основные ценности, идеология, воплощение базовых концептов, прецедентные тексты, правила коммуникации, принятый язык внутри консорциума стремятся к некоему единому образцу.

Консорциумы, как уже отмечалось, часто создаются как оппозиция существующим. Общение на оппозиционных форумах представляет собой своеобразную форму речевого сопротивления: участники таких сообществ рефлексируют над темами и ценностями «протосообщества», создают и обосновывают «антиценности», новые прецедентные тексты, собственный язык и стиль общения.

2. Исследование основных тем, ценностей, прецедентных текстов и правил общения

В консорциуме обычно есть **когнитивные доминанты**, как правило, реализуемые в метафорических моделях, например «собака – это ребенок» (сообщества любителей собак), «собака – это вредитель» (догхантеры), «ребенок – это смысл / центр жизни» (материнские сообщества), «ребенок – это наказание» (сообщества чайлдфри).

Консорциумы характеризуются **мифологией и прецедентными текстами**, которые очень важны для формирования дискурса: именно они часто выступают в качестве «пароля» для «своих», кроме того, прецедентные тексты обладают свойством по-

рождать новые высказывания (вокруг них часто строится обсуждение) и стимулировать создание сетевых произведений. Например, в сообществах любителей животных крайне актуален миф о Мосте радуги – месте, куда после смерти попадают домашние любимцы. Этот миф реализуется в ряде небольших текстов, которые цитируются практически в каждом сообществе о питомцах, а также служит основой для создания участниками комьюнити новых произведений. Легенда о Мосте радуги организует общение: **Соболезную... беги по радуге, малыши!² *Светлая память тебе, Питер! *Мягких облачков тебе малыши! Повторяю и повторяю: «Верить в жизнь за Радугой!»... *Соболезную, и снова ком в горле... Беги туда за РАДУГУ! Беги за радугу... Беги по Радуге, старичок. Пусть у тебя там будет теплый диван, любящий хозяин и все, чего только хочет каждая собака.*

На основе этого мифа в сообществах любителей собак также разработана целая концепция своеобразного философско-религиозного направления, получившего название «канисаизм».

Каждый консорциум вырабатывает определенные **правила общения**, которые, безусловно, во многом отражают общесетевые правила, но имеют и свою специфику.

Например, необходимо осуждать тех, кто продает и покупает щенков / котят на рынке (сообщества любителей животных). Беременная участница сообщества планирующих беременность (комьюнити «хочушек») должна ритуально *почихать* на всех оставшихся и уйти в ветку для беременных. Нужно обязательно указывать жанр и разновидность фанфика (сообщества, посвященные культовым произведениям).

3. Типовые дискурсивные языковые личности

Одним из актуальных направлений интернет-лингвистики является исследование виртуальной личности, одной из «когнитивно-коммуникативных единиц описания сети» [1, с. 12]. Так, О.В. Лутовинова в своей диссертационной работе доказывает, что виртуальная языковая личность «проявляется посредством текстов, создаваемых и интерпретируемых ею в процессе виртуальной коммуникации, меняет отношение ко времени и пространству, характеризуется высокой степенью поглощенности виртуальной деятельностью и смещением акцентов мировосприятия, предстает более компетентной в техническом и менее грамотной в языковом отношении, отличается доминированием фатической тональности над информативной, притуплением чувства страха за сохранность собственной жизни, полярностью поведения... постоянно экспериментирует, играет со своей идентичностью, сохраняя свободу выбора и открытость новому опыту. Основными средствами ее само-

репрезентации становятся ник, аватара, орджины, домашняя страница или блог, создаваемые пользователями Сети, речевое поведение коммуникантов» [19]. Исследователь выделяет такие лингвокультурные типы, как «хакер», «программист», «ламер», «чайник», «системный администратор» («сисадмин»), «модератор», «флудер», «спамер», «геймер», «падонак» [19].

При этом выделенные типы характеризуют виртуальный дискурс в целом, представляя собой некие инварианты, тогда как применительно к интернет-сообществам данная классификация не может отразить особенности общения, обусловленного единичными темами и ценностями. «При изучении виртуальной личности и типологии личностных отношений в Интернете прежде всего исследуется языковая личность, иерархия смыслов и ценностей в ее картине мира, проводится лингво-когнитивный анализ мотивов и целей, движущих ее развитием, стратегий и тактик речевого поведения, т. е. интерпретируется личность через дискурс» [1, с. 10].

Как нам представляется, в отношении сетевых сообществ, так же как и для интернет-дискурса в целом, может быть применена концепция **дискурсивных языковых личностей**. Обосновывая данную теорию, Л.Н. Синельникова отмечает ряд свойств дискурсивной языковой личности:

– «в основе понятия “дискурсивная личность” лежит ментальный фактор: мыслительная деятельность детерминирует выбор языковых структур и средств. <...> Этически ориентированные установки, такие как эмпатия, толерантность, конфликтность и т. д., также основываются на ментальных доминантах и стереотипах»;

– дискурсивные личности – участники коммуникативных событий, в условиях которых и происходит выбор соответствующих средств – лексических, грамматических, стилистических как тактических действий, соответствующих речевой стратегии [20, с. 40].

Общение в тематических сообществах создает условия для формирования дискурсивных языковых личностей: взаимодействие участников в комьюнити основано на единых идейных и ценностных установках и представляет собой диалог.

Таким образом, мы имеем дело с организованными социальными группами, выполняющими оптимальные для достижения своих коммуникативных потребностей языковые средства.

По нашему наблюдению, в таких сообществах формируются определенные разновидности участников, речевое поведение которых зависит от множества факторов: степени включенности в тему, разделения / неразделения ключевых ценностей сообщества, ориентации на практическое / теоретическое освоение базового понятия, нали-

чия / отсутствия поддержки участниками, склонности / несклонности к речевому сопротивлению и т. д. Как нам представляется, в условиях живого общения дискурсивную личность целесообразнее не ограничивать единой формулировкой, а описывать определенным набором признаков: *теоретик / практик, знаток / новичок, индивидуалист / коллективист, бунтовщик / конформист* и т. п.

4. Социолект комьюнити

Внутри каждого консорциума создается особый язык, выполняющий, по-видимому, функции профессионального жаргона, а в некоторых случаях и функции арго [21].

Так, например, в сообществах любителей собак приняты такие своеобразные слова и речевые формулы, как **писаться на выставку** (а не **записываться**): **Когда пишется на выставку, обязательно возьмите телефоны организаторов; *Народ, пишемся на выставку, нечего скучать; выставляться под экспертом (ходить под эксперта): *Больше под этого эксперта не пойду: выставляли под ним стаффов 8 лет назад; швыряться на собак или людей (а не бросаться и не кидаться): *Девушка одна с овчаркой ходила туда... А теперь собака швырется на собак, волоча за собой...; жраться (а не нападать, кусать): *Согласна с Карди и я: это нормально, когда собака не жретя и без каких-то сверхусилий со стороны хозяина; *По мне скорее не жрующийся амбуль – проблема.*

При наименовании щенков обычно используется метонимический перенос – их сначала называют по цвету ленточки или нитки, которые надеваются им на шею с целью идентификации: **Все, Ваш зеленый красавец (Аксель) пакует чемоданы и ждет встречи с Вами!!!! *По поводу зелененького просьба больше не беспокоить!!! Он уезжает к маме Лене!!!*

Все участники сообщества обязательно желают щенку найти хорошие ручки (или просто ручки) (Самых-самых ручек!), а если хозяева уже нашлись, то *вкусной косточки и мягкой постели*.

Породистые собаки (а, как правило, общение на форуме кинологов посвящено именно им) могут быть проданы владельцам либо **«в выставочные / шоу ручки»** (собака будет участвовать в выставках и, возможно, в племенной деятельности), либо **«на диван»** (такой формулой обозначена жизнь собаки без выставок): **На диван пробую кому-то пристроить, ну если нет, тогда пусть живет – одной собой больше, куда ж деваться. *Ну, понятно дело... но зато у кого-то «на диване» она может оказаться более любимой! По мнению форумчан, породистая собака не должна «сидеть на диване»: *Заводчики тратят годы и вкладывают душу в свои «произведения», а когда эти самые произведения садятся «на диван»...*

Весьма специфичен и язык, сформированный на «материнских» комьюнити: **пузожитель, хочущка, овуляшка, беременюшка, овулька, месики, монстрики, голопопие** (отказ от одевания младенца в целях приближения к природе), **ГВ** (грудное вскармливание), **ИВ** (искусственное вскармливание), **Ре** (ребенок) и т. д.

Характерные черты имеют и социолекты, сформированные и в других комьюнити: чайлдфри, догхантеров, фанфикшен.

5. Дискурсивность как текстообразующая категория комьюнити

Наиболее развитые интернет-сообщества демонстрируют феномен сетевого литературного творчества (сетературы), подразумевающего создание текстов с преобладающей эстетической функцией. Такие произведения пишутся по темам и ценностям сообщества, предполагают обсуждение, критику, сотворчество, не претендуют на оригинальность и коммерческую ценность, соответствуют определенным формальным требованиям.

Исследуя такое интернет-сообщество, как гестбук, Е. Горный считает его «если не высшим выражением сетевой литературы, то, по крайней мере, полигоном, где испытываются ее возможности». Характеристики гостевой книги и сетературы совпадают по следующим признакам: «распределение произведения во времени (произведение как процесс); распределение в пространстве (гипертекст, позволяющий ссылаться = включать в произведение любые другие произведения); распределение авторства (коллективный автор, возможность для читателя в любой момент стать автором и влиять на развитие «сюжета»); распределение точки зрения (множество «идеологий» в рамках одного произведения)» [22].

Можно попытаться исследовать феномен текстопорождения в комьюнити, т. е. объяснить, каким образом характеристики живого дискурса участвуют в текстообразовании: как трансформируются базовые концептуальные модели в создаваемом произведении, как отражаются в нем прецедентные тексты, язык, правила общения, наконец, какие типы дискурсивных личностей участвуют в текстопорождении.

Примечательно, что в работах исследователей уже не раз высказывалась мысль о дискурсивности определенного рода литературы, например графоманской [23], фольклорной [24].

По-видимому, существуют специфические для сетевых сообществ критерии жизнеспособности / мобильности текста, имеющие, безусловно, дискурсивную природу. Эти критерии в общем виде таковы: четкое воплощение темы, ценности, идеологии сообщества; вариантность структуры; поддержка аудиовизуальным творчеством.

Наибольшие шансы на выживание, как нам представляется, имеют тексты, отражающие «ядерные» смыслы сообщества. Приведем в качестве примера отрывок из сетевого произведения «Как же ты мог?!», постоянно цитируемого в сообществах любителей собак:

«Помнишь, когда я был щенком, ты смеялся до слёз: такой я был неуклюжий. Ты ласково называл меня “сынок”, несмотря на испорченную обувь и бесчисленное количество изорванных подушек. Я стал твоим лучшим другом. Когда я шалил, ты сердился на меня и спрашивал: “Как же ты мог?” – а потом, успокоившись, ласково гладил мой животик. Потом я все дольше и дольше стал оставаться дома, потому что ты был очень занят. Однако мы справились с этим вместе. Я вспоминаю те ночи, когда я забирался к тебе в кровать, стараясь ощутить твой запах как можно ближе, а ты во сне, обнимая меня, рассказывал про самые свои сокровенные желания и мечты. В те моменты мне казалось, что жизнь и не может быть лучше. А помнишь наши долгие прогулки в парке, поездки на машине и, конечно же, мороженое... Правда, мне доставались только стаканчики, потому что ты всегда говорил мне, что мороженое вредно для собак!..». В этом тексте сконцентрированы смыслы, по сути создающие дискурс собаководов: шалости щенка, отношение к собакам, как к детям, вынужденное одиночество собаки, когда хозяин на работе.

Вариантность структуры позволяет произведению мигрировать в разные комьюнити, например в сообщества любителей кошек или собак.

1) Вариант для любителей кошек:

Я теперь гоняю солнце, как мячик,
Я не кошка теперь, а тучка.
Что же ты, хозяйка, все плачешь –
Ты же видишь – мне здесь лучше.
Шерсть пушистее, лапы мягче,
И глаза куда зеленее.
Только ты опять по мне плачешь,
Ты не веришь – мне здесь милее.

2) Вариант для любителей собак:

Я теперь гоняю солнце, как мячик,
Я теперь не собака, а тучка.
Что же ты, хозяйка, все плачешь –
Ты же видишь – мне здесь лучше...
Шерсть пушистей и лапы мягче...
Здесь трава – куда зеленее.
Только ты опять по мне плачешь,
Ты не веришь – мне здесь милее...

Поддержка аудиовизуальным творчеством – это сопровождение текста песней, музыкой, звуками природы, картинкой, анимацией, фильмом, усиливающими эффект произведения.

По-видимому, при анализе сетевых текстов с позиции жизнеспособности можно прийти к уточнению концепции интертексту-

альности, выделению своеобразных интертекстуальных знаков и их функций, характерных именно для литературы комьюнити.

Итак, мы приходим к выводу о том, что консорциумы тематических сообществ порождают отдельные типы дискурса. В каждом консорциуме создается система ценностей, формируются информационный массив и особая картина мира, выстраивается социальная стратификация участников, используется специфический язык. В ряде виртуальных объединений происходит также рождение произведений, рассчитанных на эстетическое восприятие.

Безусловно, основополагающую роль в общении участников таких дискурсов играет общность личностей, участвующих в коммуникации: каждая группа создает, по-видимому, некую идеальную модель говорящего, включающую особый (суб)культурный код, определенную систему ценностей, знание принятых в комьюнити правил, характерный жаргон, а также умение создавать вписанные в эти правила произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вслед за рядом исследователей (М.Л. Макаров, В.В. Зотов, В.О. Кобызева) мы исходим из понимания коммуникации не только как механистического процесса передачи информации от одного субъекта к другому, но и «как процесса конструирования новых смыслов, интерпретаций, а также механизма создания новых норм и правил жизнедеятельности. Коммуникативные практики – это упорядоченные совокупности образцов рациональной деятельности, направленной на передачу/прием социально-значимой информации, а также постоянное воспроизводство систем коммуникаций различного уровня» [25].

² Во всех примерах исходные орфография и пунктуация сохранены.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Базылев В. Н.* Речевой жанр как основа интерпретации интернет-дискурса // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов.* Вып. 8. Орёл : ОГИИК, 2010. С. 6–14.
- [2] *Kelly K.* The New Socialism: Global Collectivist Society Is Coming Online. URL: <http://www.wired.com>.
- [3] *Алексухин С. И.* Формирование новых коммуникативных сообществ // *Исследовано в России.* 2003. № 7. С. 1503–1516. URL: <http://zhurnal.aip.relarn.ru/articles/2003/127.pdf>.
- [4] *Невесенко Е. Д.* Специфика формирования и функционирования Интернет-сообществ: социальный аспект // *Молодой ученый.* 2011. № 5. Т. 2. С. 88–92.
- [5] *Тальниших Н. К.* Культура «сетевых сообществ» : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2004. 128 с.
- [6] *Rheingold H.* Virtual community (2nd Ed.). L. : The MIT Press, 2000. 443 p.
- [7] *Кремлева С. О.* Сетевые сообщества. URL: <http://www.follow.ru/article/116>.
- [8] *Белобородов С. Г.* Формирование интернет-сообществ как способ самоорганизации и

- влияния на власть // *Гуманитарные технологии и поитический процесс в России : сб. ст. / под ред. Л.В. Сморгунова.* СПб., 2001.
- [9] *Сергеев А. Н.* Подготовка будущих учителей информатики к профессиональной деятельности в сетевых сообществах Интернета : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2010. URL: http://www.dibase.ru/article/19072010_sergeevan/5.
  - [10] *Шукула Д.* Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы // *RELGA.* 2006. № 10 [132]. URL: <http://www.relga.ru>.
  - [11] *Нестеров В. К.* К вопросу о динамике сетевых сообществ // *Библиотека учебной и научной литературы.* 2002. URL: <http://www.sbiblio.com>.
  - [12] *Чеботарева Н. Д.* Интернет-форум как виртуальный аналог психодинамической группы // *Киберпсихология.* URL: <http://www.cyberpsy.ru>.
  - [13] *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
  - [14] *Бондаренко С.* Жили они долго?! И... // *Компьютерра.* URL: <http://www.computerra.ru>.
  - [15] *Дымарский М. Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 3-е изд. М. : URSS, 2006. 296 с.
  - [16] *Чернявская В. Е.* Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность, дискурсивность, интердискурсивность // *Стил: журнал международных лингвистических исследований.* Белград, 2007. URL: <http://www.isj.sanu.ac.rs/Sajt%206/2007/01Cernjavaska.pdf>.
  - [17] *Ревзина О. Г.* Дискурс и дискурсивные формации // *Критика и семиотика.* 2005. Вып. 8. С. 66–78.
  - [18] *Фуко М.* Археология знания : пер. с фр. / общ. ред. Бр. Левченко. К. : Ника-Центр, 1996. 208 с. (Серия «OPERA AP AKTA»; вып. 1).
  - [19] *Лутовинова О. В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
  - [20] *Синельникова Л. Н.* Языковая личность vs дискурсивная личность: отношения дополнительности или новая категоризация // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов.* Вып. 9. Орёл : ОГИИК : Горизонт, 2011. С. 37–44.
  - [21] *Абросимова Е. А., Шкайдерова Т. В.* Фрагменты языковой картины мира тематических виртуальных сообществ (на материале интернет-форумов, посвященных собакам) // *Вестн. Ом. ун-та.* 2012. № 4. С. 231–236.
  - [22] *Горный Е. О.* ГЕСТБУКАХ // *Сетевая словесность.* URL: <http://www.netslova.ru>.
  - [23] *Абашева М.* Пермь как полигон графоманских стратегий : литературная ситуация второй половины 90-х годов // *Второй Курицынский сборник.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; М. : GIF, 2001. С. 114–125.
  - [24] *Эмер Ю. А.* Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Томск, 2011. 42 с.
  - [25] *Зотов В. В., Лысенко В. В.* Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества // *Теория и практика общественного развития.* 2012. № 4. URL: <http://www.teoria-practica.ru>.

ОСОБЫЙ СТАТУС ТЕРМИНОВ-ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В МЕТАЯЗЫКЕ НАУКИ

Раскрывается когнитивная специфика терминов-фразеологизмов в метаязыке науки, выявляются факторы, влияющие на выбор фразеологической номинации. Делается вывод о том, что термин-фразеологизм вербализует информацию о внеположенном научном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности. На примере термина «крылатые слова» показываются особенности формирования содержательной структуры номинативной единицы и взаимодействие в ней различных типов знания.

Ключевые слова: термин, фразеологизм, метаязык науки, тип знания, когнитивная структура, научное познание, обыденное познание.

С когнитивных позиций под метаязыком науки целесообразно понимать всю совокупность номинативных средств, используемых для формирования, хранения, развития и трансляции системы понятий определенной области знания и деятельности. При этом любая единица, служащая для номинации научных понятий, будь то слово, словосочетание или фразеологизм, является результатом когнитивной деятельности специалистов.

Вопрос об особом статусе терминов-фразеологизмов, их когнитивной специфике нельзя отнести к числу решенных в лингвистике. Проблема разграничения неоднословных единиц в терминологии и выделения фразеологизмов в отдельную группу в целом слабо отрефлексирована в терминоведении. Так, например, в классических трудах, которые используются молодыми учеными-терминоведами в процессе освоения этой специфической сферы знаний, – учебном пособии С.В. Гринева «Введение в терминоведение» и монографии В.П. Даниленко «Русская терминология» – этот вопрос либо вообще не поднимается, либо решается неоднозначно.

С.В. Гринев считает все составные термины (или термины-словосочетания) лексикализованными единицами, т. е. признает их семантическую эквивалентность слову, с одной стороны, и устойчивый характер употребления – с другой, но о фразеологизмах не упоминает. По мнению исследователя, в качестве терминов выступают номинативные сочетания на основе подчинительной связи; структура такого подчинительного сочетания четко передает логические отношения между соотносимыми в содержательной структуре термина понятиями: опорный компонент указывает на родовое понятие, зависимый(-ые) – на дифференциальные признаки видового [1]. В соответствии с такой трактовкой при рассмотрении учеными основных способов терминообразования – семантического, морфологического, синтаксического, морфолого-синтаксического и заимствования – фразеологическая номинация как особый способ не выделяется.

В.П. Даниленко разграничила три структурных типа терминов: термины-слова, термины-словосочетания и символы-слова. Терминологические словосочетания подразделены ею на разложимые и неразложимые. Среди первых различаются свободные словосочетания, «где каждый из компонентов – термин и каждый может вступить в двухстороннюю связь (*квантовая химия, квантовые свойства, квантовая биология; виртуальная частица; виртуальный процесс* и мн. др.)», и несвободные словосочетания, «в которых компоненты, взятые изолированно, могут быть и не терминами (*белый стих, красная линия, серый лед, синий уголь, синее число, новый сон, древний сон* и др.)» [2].

Лишь неразложимые словосочетания В.П. Даниленко называет терминами-фразеологизмами и в качестве примеров приводит наименования *роза ветров, роза волнений, кошачьи лапки, воронье гнездо*. Как видим, проблема классификации неоднословных терминов в данной трактовке решается противоречиво. С одной стороны, ученый обращает внимание на статус входящих в словосочетание компонентов – терминологический/нетерминологический, и это, на наш взгляд, весьма важный фактор дифференциации фразеологических единиц в терминологии. С другой стороны, терминолог, учитывая степень слитности данных компонентов, фразеологизмами признает лишь фразеологические сращения, или идиомы, хотя в лингвистике традиционно выделяются четыре типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

На особые свойства терминологических фразеологизмов указывала Л.А. Капаназе, которая относала их к числу нерасчлененных наименований. В частности, она отметила, что фразеологизмам в терминологии (типа *апрельская погода* 'неустойчивая погода в холодной воздушной массе в тылу циклона', *атомный номер* 'число протонов в ядре', *голая частица, белый шум* и др.) не свойственна самостоятельная парадигматическая противопоставленность значений внутри сочетаний [3].

В энциклопедическом словаре «Общее терминоведение» В.А. Татарина вопросу терминов-фразеологизмов уделено лишь несколько строк в статье «Способы образования терминов». Фразеологическими автор признает несвободные терминосочетания, которые представляют собой «чаще всего результат стершейся мотивации или внутренней формы, а также результат метафорической многословной номинации (*барашковая гайка, катушка зажигания, коробка передач, ласточкин хвост*)» [4].

В монографии Е.А. Никулиной и ее совместных статьях с В.М. Лейчиком термины-фразеологизмы рассматриваются в основном с точки зрения их соотношения с общеупотребительными коррелятами, особый интерес для названных терминологов представляет процесс фразеологизации составных терминов в современном языке [5]. Вопрос о когнитивной природе терминов-фразеологизмов, их специфических свойствах и соотношении с разными типами знания специально не ставился и не изучался.

Как нам представляется, при рассмотрении фразеологического способа терминообразования как варианта концептуализации научно значимой информации наиболее важно установить, чем обусловлен выбор фразеологического знака: свойствами

объекта номинации, особенностями познающей личности или характером процесса познания и его результатов. Требуется также выяснить, в каких случаях именно с помощью термина-фразеологизма объективируется и проецируется вновь полученное знание.

Начнем с того, что фразеологические единицы выступают неотъемлемой частью языков профессиональной коммуникации в связи с универсальным характером фразеологической номинации. Фразеологическая номинация – один из основных способов языковой объективации оперативного знания, полученного человеком в процессе взаимодействия с окружающей действительностью. Данный способ является промежуточным между однословной и прямой однословной номинацией связей и отношений, обнаруженных сознанием человека в объективном мире в ходе его познавательной и преобразующей деятельности.

Сложность интерпретации фразеологизмов, функционирующих в научной среде, объясняется их специфическими языковыми и когнитивными характеристиками. Сочетая в себе свойства фразеологии (идиоматичность, непроницаемость структуры и постоянство состава) и специальной лексики (номинативный характер, принадлежность к определенной области знания, соотнесенность с научным понятием или концептом), данные единицы выступают особым способом вербализации профессионально значимой информации – на стыке научного и обыденного знания.

Большинство исследователей подчеркивает, что разграничение типов знания является условным, относительным, поскольку способы обыденного и научного, теоретического и практического познания оказываются близкими, тесно связанными. Первичным выступает обыденное познание, его результаты закреплены в общеупотребительных единицах. На основе механизмов получения обыденного знания сформировалось практическое профессиональное познание. Теоретическое познание, являющееся венцом развития человеческого познания, представляет собой упорядоченную систему приемов и методов достижения знания, основанных на законах логики и когнитивных механизмах, выработанных в процессе обыденного познания мира.

Результаты этих трех разновидностей познавательной деятельности: обыденной, практической профессиональной и научной (теоретической) – закреплены в лексических системах, хотя и связанных между собой, однако функционально разделенных. Так, результаты обыденного познания репрезентированы главным образом в исконных общеупотребительных словах и устойчивых сочетаниях слов, результаты практического профессионального знания закреплены в

единицах профессионального просторечия соответствующих сфер деятельности, результаты научного (теоретического) знания представлены в разнообразных терминологических единицах. При этом в первых двух случаях за языковыми знаками стоят концепты, т. е. ментальные образования, выступающие в качестве стихийного обобщения, в термине же получает закрепление не концепт, а понятие, представляющее собой результат теоретического обобщения. Такой видится дифференциация языковых единиц и соответствующих им форматов знания при первом приближении. Однако в действительности все оказывается гораздо сложнее.

В реальном функционировании термины представляют собой довольно пестрый набор разнообразных по происхождению, словообразовательной и ономастиологической структуре и семантическим свойствам единиц. Помимо научного знания, в их когнитивной структуре могут быть отражены результаты обыденного и практического профессионального видов знаний, все они вступают между собой в сложное взаимодействие. О «присутствии» разных типов знания может сигнализировать сама форма терминов. Так, термины, созданные на основе общеупотребительных единиц, в той или иной мере включают в свою содержательную структуру информацию, полученную обыденным сознанием. То же касается терминов, которые являются метафорическими (реже – метонимическими) образованиями или восходят к устной профессиональной среде. Наиболее интересны с этих позиций фразеологизмы. Но прежде чем рассмотреть особенности взаимодействия научного и обыденного знания в структуре фразеологизма, выясним классификационные возможности фразеологической номинации в отличие от других ее типов в сфере профессиональной коммуникации.

Большинство однословных терминов и значительная часть терминов-словосочетаний (составных терминов) отражают классификацию действительности по канонам логического деления понятий – по одному основанию. В этом проявляется один из важнейших признаков терминологической единицы – стремление к точности обозначения. Создание подобного рода единиц носит регулярный характер, в связи с чем интерпретация их содержания, как правило, не вызывает затруднений. Сравните, например, наименования: *синхронный vs. последовательный перевод* (основание разграничения – отношение к моменту речи), *восклицательное vs. невосклицательное предложение* (в основе разграничения – тип интонации), *регрессивная vs. прогрессивная ассимиляция* (характеристика изменения звуков в зависимости от направления воздействия) и т. д.

Однако значительная часть терминологии выражает не однопризнаковую, а многопризнаковую классификацию. Потребность в подобной классификации возрастает по мере развития конкретной области профессиональной деятельности, углубления знаний о профессиональных объектах: предметах, процессах, явлениях и ситуациях. Разные признаки профессионально значимых объектов получают вербальную объективацию либо в структуре однословного термина (посредством двух и более корней), либо в структуре словосочетания (через расширение состава зависимых компонентов). В результате профессиональное обозначение приобретает дескриптивный, описательный характер, многообразие признаков репрезентируется в нем в расчлененном виде.

Неэкономность такой номинации может быть разрешена за счет создания сложносокращенного слова (аббревиатуры). Не случайно В.А. Татаринцов рассматривает аббревиатуры как обозначения *сложных* объектов: «Аббревиатуры называют такие явления действительности, которые могут быть отнесены к фактам, квалифицируемым как «сложные»». Под *сложностью* исследователь понимает «комплексный характер явления, денотата, артефакта, их многогранность, многоаспектность, разнородность их элементов, разнообразие структурных связей в пределах системы, целого» [6]. Таким образом, аббревиатура, являясь внешне «простой» (по форме равной обычному слову) единицей, выступает маркером категории сложности. Аббревиатура, прочно вошедшая в употребление, позволяет целостно представить расчлененно увиденный и описанный языковыми средствами объект.

Альтернативным способом обозначения сложного объекта в сфере профессиональной коммуникации выступает *фразеологизм*. В основе фразеологической номинации лежит чувственно-наглядное видение мира, в соответствии с чем ***термин-фразеологизм вербализует комплексную информацию о профессиональном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности.***

Расчлененный и нерасчлененный способы номинации отражают разные пути познания объектов. В одном случае это «мысленное прослеживание», когда какое-либо сложное явление охватывается мыслью постепенно, часть за частью [7]. В другом случае мы имеем дело с «мысленным обозрением», когда человек охватывает мыслью «одновременно все стороны какого-либо сложного явления» [8]. Полученное первым путем знание носит абстрактный, аналитический характер, вторым – конкретный, синтетический.

Определим специфику информации, передаваемой посредством фразеологиче-

ских единиц. Главное в ней – информация об обозначаемом объекте. Как отмечает М.Э. Рут, объектом образной номинации, как правило, выступает «предмет системно внеположенный», «обладающий сложным, не поддающимся абстрагированию на данной ступени познания признаком» [9]. Иными словами, «упаковка» информации о том или ином объекте во фразеологизме свидетельствует о том, что он находится (в соответствии с интерпретацией ученого) вне известных и отрефлектированных категорий объектов. Сознание ищет выход из проблемной познавательной ситуации и находит его в создании фразеологической номинации.

Это значит, что фразеологическая номинация в профессиональных, в том числе научных, сферах деятельности оказывается актуальной в тех ситуациях, когда профессионально значимая информация о свойствах предмета не поддается абстрагированию, но потребность в ее вербальной объективации четко осознается специалистами.

На выбор фразеологической номинации влияют три важных фактора:

1) целостность объекта, его доступность чувственно-наглядному восприятию или возможность соотнесения с чувственно-наглядным опытом номинатора;

2) наличие комплекса значимых характеристик объекта;

3) невозможность (или проблематичность) абстрагирования данного комплекса характеристик.

Свойства объекта, обозначенного с помощью фразеологизма, хоть и не вычленены логически, вербализуются в виде наглядного образа.

Таким образом, фразеологические единицы, возникшие и используемые в научной коммуникации, представляют собой сверхсловные устойчивые образования, обладающие свойством идиоматичности, в которых объективируется знание, не вписывающееся в существующие системы классификаций. В них отражаются сложные с точки зрения теоретического познания объекты и явления, которые не могут быть обозначены однословным наименованием путем выделения одного отличительного признака.

Новые знания, вербализуемые термином-фразеологизмом, основываются на предыдущем опыте номинатора, некоторые его аспекты сохраняют свою актуальность, другие же игнорируются. В процессе фразеологической концептуализации могут осмысливаться как отдельные предметы и явления, так и целые ситуации. При исследовании профессионально маркированных фразеологизмов с позиций отражаемых ими знаний о мире предметом анализа становятся отношения между компонентами фразеологического значения как обозначениями познаваемых человеком объектов и их признаков. Проницаемость границ между

обыденным и научным знанием, их сложное взаимодействие наглядно предстает при анализе когнитивных структур терминов-фразеологизмов. Когнитивная структура, стоящая за тем или иным фразеологизмом, объективируется как на уровне содержания (во фразеологическом значении), так и на уровне языкового выражения (в компонентной структуре). В связи с этим важно учитывать то, из каких компонентов состоит фразеологизм (общеупотребительное слово – термин, вошедший в широкое употребление, – узкоспециальный термин), как они между собой связаны (тип связи, степень слитности компонентов, соотношение специального/неспециального статуса компонента с его главной/зависимой ролью в составе фразеологизма) (подробнее см.: [10]).

Подчеркнем, что хотя термины-фразеологизмы, функционирующие в научной речи, репрезентируют теоретическое знание об объектах, их связях и отношениях, данное знание актуализируется в них не логическим, рациональным путем, а метафорически, через создание яркого, запоминающегося образа. В основе фразеологической номинации лежит чувственно-наглядное видение мира, этот тип номинации опирается на ассоциативное мышление, способность соотносить не только однокатегориальные, но и разнокатегориальные сущности. Названные особенности и позволяют термину-фразеологизму вербализовать комплексную информацию о научном объекте, воспринятом номинатором в его нерасчлененной целостности.

Другими словами, фразеологический формат научного знания сигнализирует о том, что данный мыслительный конструкт (понятие) имеет уникальную историю и возник на основе концепта, «вырос» из концепта. Проследим это на примере лингвистического термина «крылатые слова».

Впервые оборот *крылатые слова* был употреблен в поэмах Гомера, где носил характер художественного образа, особой поэтической формы, ср.: «Он крылатое слово промолвил», «Между собой обменялись словами крылатыми тихо», «К ней обращенный лицом, устремил он крылатые речи». С помощью определения «крылатый» автор, по видимому, стремился подчеркнуть отличный от обыденного характер речей и слов героев, их одухотворенность, заряженность мыслью.

Как обозначение метких и образных слов и выражений этот оборот стал употребляться лишь в XIX в.: первоначально он был использован английским историком, философом и литературным критиком Т. Карлейлом в статье о В. Скотте в 1838 г., а затем закрепился в работах немецкого ученого Георга Бюхмана. Его знаменитый сборник выражений «*Geflügelte Worte*» («Крылатые слова»), прочно вошедших в немецкую ли-

тературную речь, выдержал несколько изданий, благодаря чему название получило распространение и в других национальных языках.

Интересен комментарий Н.С. и М.Г. Ащукных по поводу выбора Бюхманом обозначения для образных слов: он назвал их «на том основании, что они получили широкое распространение, перелетая как бы на крыльях из уст в уста» [11]. Не исключаем, что подобное объяснение навечно работами самого немецкого исследователя. А это значит, что в сознании Бюхмана «крылатые слова» были еще не сложившимся понятием, а, скорее, концептом-гештальтом, в котором соединились рациональные и чувственно воспринимаемые признаки объекта. Что касается рациональных признаков, то под крылатым словом Г. Бюхман понимал «постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» (цит. по: [12]). Как видим, здесь впервые выделены такие важные признаки крылатых слов, как устойчивость, воспроизводимость и связь с источником.

Метафоричность рассматриваемого обозначения позволила русскому писателю-беллетристу и этнографу С.В. Максимова интерпретировать его по-своему: он стал именовать им образные выражения, пословицы и поговорки, представленные не в литературной, а в разговорной речи, например: *бить баклуши, попасть впросак, тянуть канитель*. В сходном, расширительном значении использовал сочетание «крылатые слова» и М.И. Михельсон. В своей книге «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» исследователь представил не только библеизмы, мифологизмы, литературные цитаты, изречения исторических деятелей, имена мифических и литературных персонажей, но также пословицы и меткие народные слова и выражения. Примечательно замечание самого М.И. Михельсона, которое демонстрирует степень «познанности» явления: «Крылатые слова – слова, вылетающие из уст говорящего». Такое определение отнюдь не проясняет отличительных признаков крылатых слов по сравнению с другими языковыми единицами (словами и фразеологизмами).

Впервые строго терминологически в русском языкознании термин «крылатые слова» был рассмотрен С.Г. Займовским. Он выдвинул в качестве отличительных признаков крылатого слова следующие: 1) «ходячесть»; 2) меткость; 3) лаконизм; 4) принадлежность к литературно-образованным кругам, в отличие от народных пословиц и поговорок; 5) связь с первоисточником, индивидуальным инициатором, которые могут быть прослежены или установлены (см.

об этом: [13]). Интересны замечания Займовского, освещающие суть крылатых слов: «Крылатое слово – всегда намек, напоминание о замечательной мысли, моменте или обстоятельстве, всегда средство сэкономить пространное изъяснение желаемой мысли кратким и выразительным словом или фразой, дать наилучшую или наиболее сжатую редакцию важного положения науки, искусства или философии либо ввести в курс предмета статьи, речи или доклада» (цит. по: [14]). Как нам представляется, именно *мысль и форма ее выражения* объединяют столь неоднородные по составу крылатые единицы: кратко и нестандартно (в современной терминологии – креативно) оформленная значимая мысль становится «крылатой», легко запоминается и воспроизводится носителями языка. Примерно о том же пишет В.П. Берков: «Крылатые слова выполняют весьма важную и специфическую функцию. Они дают человеку возможность сжато и ярко выразить мысль, они сообщают высказыванию такую смысловую глубину, какую трудно или даже невозможно достигнуть иными средствами» (цит. по: [14]).

Неоднородный характер крылатых слов хорошо иллюстрирует С.Г. Шулежкова: «Это и имена собственные, получившие обобщенное переносное значение (*Плюшкин, Аполлон, Отелло, Иуда, Фантомас, Джеймс Бонд, Микки Маус*); и афоризмы (*Слова и иллюзии гибнут, Факты остаются; Новое – это хорошо забытое старое*); и сентенции (*От хорошей жизни не полетишь; Привычка свыше нам дана: / Замена счастью она*); и лозунги, призывы (*Вперед, заре навстречу; Кто был ничем, тот станет всем; Пусть всегда будет солнце!*); и перифразы (*страна неограниченных возможностей, кони стальные, город над вольной Невой, стальной галстук*); и шуточные реплики-вопросы (*Откуда ты, прекрасное дитя? Что день грядущий мне готовит? Зачем вы, девушки, красивых любите?*) и т. д.» [15]. Именно она в своих работах отстаивает право крылатых слов и выражений на статус самостоятельных языковых единиц, изучением которых должна заниматься специальная наука – крылатология. С.Г. Шулежкова предложила заменить общепринятый термин «крылатые слова» более точным «крылатые единицы» и разграничить в их составе собственно крылатые слова и крылатые выражения (коммуникативные единицы, равные высказыванию, и части предложения). В.М. Мокиенко принадлежит создание слова «крылатика», служащего обозначением всей совокупности крылатых единиц (в пределах того или иного национального языка или безотносительно к конкретному языку).

Таким образом, только в конце XX – начале XXI в. можно говорить об окончательном становлении содержания научного понятия «крылатые слова». Сегодня это раз-

новидность крылатых единиц, обладающая тремя основными признаками: 1) связью с источником (автором; литературным, мифологическим, фольклорным или историческим персонажем; произведением искусства или литературы; реальным событием и т. д.); 2) воспроизводимостью (они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые единицы); 3) стабильностью, устойчивостью семантики. Гораздо более значительны по объему в составе крылатых единиц (около 90 % в русском языке) крылатые выражения, которые, помимо названных признаков, характеризуются раздельнооформленностью (состоят из двух или более компонентов словного характера, связанных между собой по грамматическим законам данного языка) и устойчивостью компонентного состава (не исключающей вариантности). Понятийный характер данного термина подтверждается на языковом уровне наличием четкой системы единиц с общим словообразовательным компонентом: *крылатое слово – крылатое выражение – крылатая единица – крылатика – крылатология*. Этой системой репрезентируется строго логически разработанная концептуальная структура.

Устойчивость термина «крылатое слово» в лингвистическом употреблении, на наш взгляд, объясняется его **правильно ориентирующим характером**: обыденное знание, которое реализовано в нем, поддерживает знание научное, теоретическое.

Обыденное знание проецируется не столько прилагательным *крылатый* (имеющий крылья), сколько словообразовательно и семантически связанными с ним словами «крылья», «летать», «полет», «окрыленный». Объединяющими для всех этих единиц являются, на наш взгляд, концептуальные признаки 'легкость' и 'быстрота', которые получают реализацию в следующих выводных знаниях наивного носителя языка: *крылатые слова* 1) легко и быстро запоминаются (и воспроизводятся), 2) кратки и образны.

Наличие ассоциации «крылья» – «птица» – «гнездо» ведет к тому, что слово «крылатый» может быть понято и как 'вылетевший из гнезда, получивший возможность самостоятельного существования' (ср. фразеологизмы *расправить крылья, обрести крылья, подрезать крылья*). Применительно к нашему предмету – крылатому слову, выражению – это означает 'преодолевшее границы текста, в котором впервые употреблено, живущее самостоятельной жизнью'. Признак «крылатый» указывает также на связь слова с мыслью, воображением говорящих и тогда точнее будет сказать, что не слово, а мысль «летит на крыльях» от собеседника к собеседнику.

Терминологическое значение рассматриваемого наименования поддерживается и

на символическом уровне: крылья символизируют знание, высвобождение творческих сил и способностей. В этом мы усматриваем связь с творческим характером информации, содержащейся в крылатых словах. Именно благодаря своеобразию и новизне своей формы, точно выражающей значимое для носителей языка содержание, они получают широкое распространение в языковом узусе. Удачное воспроизведение крылатого слова или выражения вызывает у говорящего ощущение духовного озарения и эмоционального подъема. Наконец, символика крыльев, полета связана в целом с динамическим аспектом этого образа. На научном уровне эта характеристика получает свое убедительное подтверждение в том, что крылатые единицы любого национального языка относятся к числу самых мобильных языковых пластов.

Таким образом, сохранение термина-фразеологизма *крылатые слова* в современном лингвистическом языке подкрепляется осознанием того, что эти единицы выступают как особый, внеположенный феномен, обладающий комплексом характеристик: 1) родились в конкретном произведении или связаны с определенной исторической ситуацией – получили статус общеязыковых; 2) в отличие от обычных слов и выражений, имеют автора или источник; 3) обладают творческим потенциалом, ярко и образно выражают значимый концепт.

Итак, внеположенный характер феномена крылатых слов («на стыке законов искусства и законов языка»), сложность его природы и неоднородный характер реализующих единиц, наличие комплекса характеристик и трудность их абстрагирования предопределили выбор в качестве обозначения данного объекта термина-фразеологизма.

Мы остановились подробно на анализе содержания лишь одного термина-фразеологизма, однако в языке лингвистики подобных терминов немало. Достаточно привести лишь некоторые из получивших широкое распространение в современном лингвистическом языке терминов: «ближайшее / дальнейшее значение слова», «внутренняя форма слова», «картина мира», «семейное сходство», «речевой поток» и др.

Таким образом, в области фразеологической номинации оказываются сопряженными результаты абстрактно-логического и наглядно-образного мышления. Фразеологические единицы становятся переходной зоной, где осуществляется взаимодействие двух видов сознания. При этом фразеологическая номинация является в ряде случаев более действенной, эффективной по сравнению с прямой однопризнаковой номинацией, поскольку, активизируя чувственный опыт специалистов, задает программу их деятельности в конкретной профессиональной ситуации. Удачно выбранный для фра-

зеологической номинации образ способствует углублению понимания определенного фрагмента научного знания в целом, на его основе может моделироваться комплекс обозначений.

Фразеологизм выступает не только знаком цельности восприятия научного объекта, но и знаком нежесткости самого восприятия: фразеологическая номинация оставляет некий мыслительный зазор для уточнения содержания знания. В отличие от логически структурированного, ограниченного жесткими рамками знания, вербализуемого прямыми наименованиями, фразеологическая номинация объективирует осознание принципиальной новизны познаваемого предмета.

При помощи фразеологической номинации не просто фиксируется объективная информация об объектах, их связях и отношениях, она подвергается особой обработке (индивидуализации), переработке и продуцированию. Дополняя общую картину знаний, фразеологизмы делают научное знание более зримым, доступным, легко усваиваемым. Подобное знание носит синкретический характер, поскольку сочетает в себе результаты категориального, наглядно-образного и интуитивного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гринев С. В.* Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. С. 151.
- [2] *Даниленко В. П.* Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. С. 37.
- [3] *Капанадзе Л. А.* Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века // *Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование*. Кн. 1. Лексика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1968. С. 154–155.
- [4] *Татаринов В. А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М.: Московский лицей, 2006. С. 194.
- [5] *Никулина Е. А.* Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка. М.: Прометей, 2004; *Лейчик В. М., Никулина Е. А.* Источники возникновения терминологических фразеологизмов // *Языки профессиональной коммуникации: матер. Междунар. науч. конф.* Челябинск, 2003. С. 300–305; *Их же.* Терминология и фразеология современного английского языка: взаимодействие и взаимовлияние // *Науч.-техн. терминология*. 2006. Вып. 1. С. 76–78.
- [6] *Татаринов В. А.* Указ. соч. С. 11.
- [7] *Шемякин Ф. Н.* К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) // *Известия АПН РСФСР*. 1960. Вып. 113. С. 8.
- [8] Там же. С. 7.
- [9] *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. С. 31.
- [10] *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 163–172.
- [11] *Ашукин Н. С., Ашукина М. Г.* Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986. С. 5.
- [12] *Шулежкова С. Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. С. 6.
- [13] Там же. С. 11.
- [14] Там же. С. 10.
- [15] Там же. С. 18–19.

КОММУНИКАТИВЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Рассмотрен ряд дискурсивных слов, осуществляющих референцию к речи автора или персонажа. Показано, что лексемы коммуникативной модальности способны выражать эпистемическое значение и что данная способность находится в прямой зависимости от сигнификативного и прагматического компонента лексического значения.

Ключевые слова: эпистемическое модальное значение, значение достоверности, значение мнения, коммуникативы, дискурсивные слова.

Актуальное направление современной прикладной лингвистики – судебное речеведение – видит одной из своих задач разграничение текстовой информации в аспекте ее субъективности и объективности. Необходимость такого разграничения обусловлена задачей выделить утверждения о факте, к которым закон предъявляет требование истинности, и мнения, не требующие верификации и выражаемые свободно, без наступления какой-либо правовой ответственности.

Проблема судебного речеведения заключается в том, что юридические понятия «сведение» и «мнение» не соотносятся напрямую с какими-либо категориями современной лингвистики. Так называемые объективность и субъективность высказываний маркируются самыми разнообразными средствами, из которых наиболее полно изучены только служебные лексемы, выражающие субъективную модальность. Таким образом, сведение воедино разрозненных исследований и построение целостной концепции информационного статуса высказывания, соотносимого с принципами юридической квалификации деяния, – актуальная задача прикладной лингвистики.

Одним из главных средств создания субъективности высказывания являются дискурсивные слова и глаголы пропозициональной установки. Отношение высказывания к действительности выражается в первую очередь при помощи слов с эпистемическим значением истинности, ложности, сомнения, уверенности (*несомненно, действительно, наверное, правда*). Однако данный смысл способны выражать и лексемы со значением коммуникативной модальности, осуществляющие референцию к речи автора или персонажа (*говорить, настаивать, уверять, подтвердить, по свидетельствам, якобы, мол, дескать*). Данная особенность коммуникативов обусловлена общим свойством диффузности модальных смыслов, возможностью их комплексного, нерасчлененного выражения. Так, в исследовании Е.В. Падучевой [1] признаются фактивными глаголы сообщения (*сообщить, информировать, предупредить*), а нефактивными – глаголы речи (*утверждать, заявлять, настаивать*). Разделяет эту точку зрения и И.Б. Шатуновский [2], отмечая, что глаголы сообщения не просто маркируют передачу информации другому лицу, а служат для обозначения формирования в сознании адресата знаний о событии. Многие авторы относят к фактивным глаголы речи, способные подчинять частноинформативный вопрос (*он сказал, куда он идет; напомнил, когда; спросил, кому; вспомнил, где*). При этом отмечается, что в подобных контекстах обладателем истинностного знания является не говорящий, а один из участников ситуации [1, с. 268]. Анна А. Зализняк [3], рассматривая ряд коммуникативов среди других глаголов пропозициональной установки (*признаться, что P; хотеть P; должен P и др.*), приходит к выводу об их

способности отражать истинностное значение зависимой пропозиции. В то же время среди коммуникативов встречается достаточное количество слов, никак не маркирующих информационный статус дескриптивной пропозиции: *заявить, подтвердить, оспаривать, утверждать, настаивать, соглашаться, заключать, заверять, уверять, усомниться, отзываться* и пр.

Разграничение коммуникативов по способности обозначать отношение высказывания к объективной реальности, как правило, осуществляется методом синтагматического анализа. Возможностью употребления лексемы в контексте, выражающем смысл категорической достоверности, является свидетельством фактивности данного слова. В частности, З. Вендлер выделяет следующие типы проверочных контекстов:

1) сложноподчиненное предложение нерасчлененной структуры с местоименно-вопросительной связью частей (*сказал, где...; спросил, куда...*)

2) контексты, включающие слова «факт, истина, правда» (*утиал тот факт, что...*)

3) контексты, включающие наречия *ложно, неправильно, некорректно* [4].

Данный метод действительно способствует выявлению фактивного смысла в высказывании, однако ведущая роль коммуникатива в формировании подобного контекста представляется сомнительной. В высказываниях данного рода с успехом могут быть употреблены и нейтральные глаголы, самостоятельно не выражающие оттенков эпистемического значения: *он упоминал о том, где произошло столкновение* (столкновение – факт) vs. *он упоминал о столкновении; ошибочно заявил о затоплении* (отсутствие затопления – факт) vs. *заявил о том, что квартира затоплена; сказал правду об X* (X – факт) vs. *сказал об X*. Наблюдения показывают, что в целом эпистемический потенциал лексем данной лексико-семантической группы вариативен и зависит от целого ряда факторов.

В частности, на примере семантической группы «ложь и заблуждение» Анной А. Зализняк [3] доказана зависимость эпистемического модального значения от денотативного компонента семантики лексем. Фактивность глаголов *лгать, врать, заблуждаться, ошибаться, передергивать* обусловлена именно тем, что значение «отношение события к действительности» у этих слов выражается в ассертивной части лексического значения. Ср.: *Представители компании, участвовавшей в восстановлении храма в Шелаболихе, были крайне возмущены тем, что неизвестный им Орехов приписывает заслуги в восстановлении церкви только себе* (газ.).

К средствам выражения эпистемического значения можно отнести и такие синонимические ряды и лексико-семантичес-

кие группы, в которых значение «соответствие действительности» является пресуппозицией лексического значения.

I. Синонимический ряд *благодарить, бранить, ругать, осудить, порицать, осмеивать, высмеивать, раскаться*, имеющий общее значение «эмоциональная (этикетная) реакция на событие»: *Евгений Алексеевич поблагодарил меня за то, что я дождался возвращения его команды на «шестую кнопку»¹; Россия решительно осудила недавние теракты в Узбекистане, направленные на расшатывание стабильности во всем регионе Центральной Азии; Потертый уже раскаивается в своем бегстве, уже бы и вернулся, пожалуй, когда б она его не подначивала.*

II. Глаголы *выболтать, разболтать, разгласить; признаться, сознаться; избличить, обличить* с общим значением «сообщить скрываемую ранее информацию»: *И ты до сих пор никому еще не разболтал, куда ходишь? Считаю, что в этой ситуации виноват он, потому как сразу не признался мне, что полюбил девушку, а скрывался от меня полмесяца. Наш приятель Кауфман, редактор «Литорафированной корреспонденции», обличил эту проделку, и об ней прокричали десятки журналов.*

III. Лексемы *напоминать, вспоминать* в значении «восстановить в памяти (собеседника) ранее имевшееся знание о Р»: *Дальше Александр Исаевич напомнил, что к нему тоже приходили с угрозами, и кое-какие из этих угроз уже были приведены в исполнение.* Лексемы *замалчивать, умолчать, умалчивать, выгораживать* со значением «намеренно не сообщать о том, что имело место в прошлом»: *А пока «МК» стали известны некоторые подробности муровского дела, которые ГУСБ МВД РФ, провернувшее эту операцию, стыдливо замалчивает².*

Во всех перечисленных группах лексическое значение глаголов осложнено пресуппозицией существования «событие Р действительно имело место». Данные коммуникативы отражают иллокутивные функции обозначаемого ими информативного высказывания и, шире, его роль в процессе развития социального взаимодействия субъектов. Произведенный семиологический анализ подтверждает тезис Н.К. Рябцевой о том, что в структуре коммуникативного акта информативное высказывание способно выполнять ряд косвенных функций [5].

Разграничение лексем по способности выражать объективную и субъективную информацию может проходить внутри семантической группы. Именно в этом аспекте различаются синонимы *винить* и *обвинять*. Так, глагол *винить* имеет следующее значение:

X винит Q в У – У имеет место, X считает, что Q каузирует У (при этом не обязательно выражает это в речи).

Ср.: *Первым ударом была гибель Стаса, друга, Возка винил себя, что тот куда-то поехал вместо него и попал под пулю; Сегодня винил себя в том, что к месту встречи Женя так и не пришла; Он ее ни в чем и не винил за вчерашнее, чего было спрашивать с такой никудышной; Ренненкампф винил свою конницу в том, что она не донесла своевременно о глубоком обходе его левого фланга.*

Глагол обвинить отличается от синонима структурой лексического значения:

X обвиняет Q в У – X считает, что У имеет место и Q каузирует У, и заявляет об этом Q или широкому кругу лиц.

Ср.: *Окружающая премия секретность ничуть не способствовала созданию иллюзии объективности, зато позволила критикам премии обвинить академиков в подковерной борьбе; После опубликования своего романа автор имел крупные неприятности со специальными службами США, которые пытались обвинить его чуть ли не в шпионаже и разглашении военной тайны; Самое удивительное, что знакомый диссидент Шамкович обвинил меня тогда в пособничестве КГБ.*

Различия в структуре лексического значения и обусловленном этим эпистемическом статусе отражаются на сочетаемостных свойствах данных глаголов. Ср.: *Израиль вновь обвинил Сирию в пособничестве террористам (помогала ли Сирия террористам на самом деле, неизвестно) – Израиль винил Сирию в активизации террористических движений (террористам действительно кто-то помогал); Летом прошлого года посол США в Москве Александр Вершбоу обвинил отечественные заводы, в том числе и оборонные, в выпуске контрафактной продукции (выпускалась продукция на самом деле, или обвинения голословны – не ясно) – Александр Вершбоу винил отечественные заводы в появлении на рынке контрафактной продукции (продукция была выпущена, но кем, неизвестно); Он обвинил Поклепа в воровстве, а тот так растерялся, что не смог ничего внятно объяснить (то, что Поклеп вор, не факт) – Он винил Поклепа в пропаже (то, что пропажа имела место, факт).*

Поскольку в приведенных контекстах информация об истинности сообщаемого факта имеет статус пресуппозиции, ее появление зависит от тема-рематического членения высказывания: *В пособничестве террористам/ Израиль вновь обвинил Сирию; В выпуске контрафактной продукции/ Александр Вершбоу обвинил отечественные заводы/ в том числе и оборонные.* При такой трансформации контекстов утверждение о событии становится пресуппозицией предложения (и, следовательно, фактом), а в эпистемически нейтральную

ассертивную часть попадает информация об агенте события.

Согласно Дж. Остину [6], знание может быть получено аналитическим путем; иными словами, к объективной информации следует относить не только суждения о непосредственно наблюдаемых событиях, но и суждения о событиях, целостность которых восстанавливается при помощи умозаключений. Таким образом, коммуникативы, обозначающие успешный экспланаторный акт, одновременно являются и выразителями истинности доказываемого суждения. Глагол *доказать* на этом основании следует отнести к фактивным: *Хотя скажем честно – в прошлом году «Университет» доказал, что умеет преподносить сюрпризы. Он доказал, что мы вполне можем бороться с великими на равных – и побеждать; Чубайс уже доказал свою способность быть эффективным менеджером, решив проблему неплатежей в РАО «ЕЭС России» и фактически оформив ее реформирование.* Еще одна особенность глагола *доказать*, позволяющая отнести его к маркерам достоверного знания, проявляется из противопоставления синонимов *доказать* и *убедить*. *Доказать* содержит сему 'качество приводимых аргументов': их полноту и соответствие законам мышления. Ср. высказывания *это не доказывает X, этим ты не докажешь X*, маркирующие логические несоответствия аргумента и вывода. Глагол *убедить* безразличен к качеству доказательств и выражает лишь значение 'эффективность результата'.

В то же время фактивность глагола *доказать* способна нейтрализоваться в контексте, содержащем пациенс, поскольку в этом случае объектом экспланаторного акта становится не говорящий, а персонаж: *Случилось это после того, как Иоганн, выполняющий урок, доказал ему, почему именно немцы – высшая раса.*

Другие глаголы лексико-семантической группы «аргументативы» не призваны выражать отношение подчиненной дескриптивной пропозиции к истинности. Данная группа маркирует коммуникативную роль вводимой пропозиции в процессе общения: восполнить недостающее звено в логической или событийной цепи и тем самым сделать рассказ о событии понятным слушающему. В парадигматическом противопоставлении проявляется различие лексем *разъяснить*, *пояснить*, *объяснить*, с одной стороны, и *аргументировать*, *мотивировать*, *согласиться* – с другой. Глаголы *разъяснить* и *пояснить* употребляются для описания успешной верификации события, поскольку излагаемые аргументы представляются говорящему непротиворечивыми и достаточными для восстановления истинной картины события. Этим обусловлена возможность лексем *разъяснить*, *пояснить* управлять пациенсом (разъяснить кому?), выражающую

щая значение 'сделать логичным и непротиворечивым для другого лица'. Глаголы *мотивировать*, *аргументировать*, *сослаться* не содержат подобной семантики: они маркируют акт предоставления аргументов, однако не факт их принятия.

Изучая средства обозначения фактивности в языке, З. Вендлер обращает внимание на особую роль контекста: «Весьма частым является тот случай, когда причинная связь между фактом и субъектом знания сводится... к тому, что Х сказал У, что Р. Соответственно глагол *tell* "говорить, сообщать" должен быть способен принимать на себя груз фактивности» [4, с. 307]. Данный глагол действительно обладает фактивностью в сложноподчиненных предложениях с частно-информативным придаточным «Он сказал, где был; ...куда спрятал деньги; ...когда пришел приказ», однако сохраняет многозначность, зачастую не снимаемую контекстом, в изъяснительных конструкциях «Он сказал, что гости приехали». Лексемы, проявляющие эпистемические свойства в ограниченном круге контекстов, З. Вендлер называет семифактивными глаголами.

Семифактивный глагол обнаруживается в лексико-семантической группе порицаний. Так, глаголы *осудить (за)*, *осуждать (за)*, *порицать*, *ругать*, выражают пресуппозицию существования вне зависимости от семантики и структуры предложения. Глагол *жаловаться*, напротив, имеет контекстуальные ограничения на выражение фактивности дескриптивной пропозиции. В контекстах, где субъект действия назван местоимением 1-го лица (*я жаловался на обман*), имеет место значение истинности подчиненной пропозиции. В контексте, где субъект действия и говорящий не совпадают (например, *он жаловался*), допускается неприсоединение сознания говорящего к сознанию персонажа, соответственно, появление экзистенциональной пресуппозиции является факультативным. В таких высказываниях обоснованность жалоб не отражена: *В журнал пришло коллективное письмо от студентов Новосибирского педагогического института, в котором они жаловались на неудовлетворительные бытовые условия в общежитии; Он жаловался Куликову на то, что глава «Технокома» угрожал ему и вымогал джип, теплоход класса «Москва» и светомузыкальную аппаратуру.*

Свойствами семифактивных глаголов обладают многие представители семантической группы глаголов речи (*сказать*, *говорить*, *рассказать*, *упоминать*): в отрицательных контекстах они способны приобретать конструктивно ограниченное значение 'умолчать о факте'. Данное значение порождается действием прагматического фактора, называемого условием успешности [1]. В соответствии с принципом экономии речевых усилий, только отклонение от обычного

положения дел побуждает говорящего к созданию высказывания. Иными словами, если говорящий сообщает о том, что какое-либо событие не произошло, то он, следовательно, полагает, что оно могло или должно было произойти. Так, высказывание *Он не рассказал о пропаже документов* является коммуникативно целесообразным лишь в том случае, если факт пропажи имел место. В соответствии с условием успешности, организуется семантика таких лексем, как *(не) упомянуть*, *(не) объявить*, *(не) сказать*: *Вы мне ведь не рассказали, что с вами случилось такое!; Жаль, что она не упомянула, что за три призывных месяца только в Главную военную прокуратуру обратилось более 1500 человек; Припомнили Шеину, как он... не объявил государю о том, что целовал крест польскому королю; Он не сказал, что уезжает в Ригу!*³. В отличие от данных лексем глаголы речи несовершенного вида *(не) говорить*, *(не) упоминать*, *(не) объявлять* в отрицательных общеинформативных контекстах, как правило, фактивной пресуппозиции не выражают.

Лексико-семантическая группа лексем, направленных на атрибуцию высказывания его автору, также обладает некоторыми эпистемическими особенностями. Как известно, «выявление коммуникативной позиции «другого» или иллокутивных коннотаций диалогического действия обычно происходит в целях его отчуждения» [7, с. 50]. Отчуждение, как правило, обуславливает размывание эпистемического значения. В частности, значение выражения «*по словам Х*», восстановленное методом моделирования контекстов, выглядит следующим образом:

(1) Глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.

(2) Нарушение федерального закона главой администрации привело к тому, что городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.

(3) Я полагаю, что глава городской администрации нарушил федеральный закон, в результате чего городской бюджет недополучил пятьдесят миллионов рублей.

(4) По моему мнению, действия главы городской администрации являются нарушением федерального закона, в результате чего городской бюджет недополучает пятьдесят миллионов рублей.

(5) Я убежден, что именно в результате действий главы городской администрации городской бюджет недополучает пятьдесят миллионов рублей.

(6) Разумеется, это наш мэр виноват в том, что городской бюджет недополучает пятьдесят миллионов рублей.

Высказывания 1, 2 являются утверждениями о фактах, контексты 3, 4 – субъективными суждениями неуверенного мне-

ния, 5, 6 – субъективными суждениями уверенного мнения. При переводе прямой речи в косвенную употребление вводной конструкции «по словам...» нормативно для контекстов 1, 2 и 5, 6. Для передачи контекстов 3, 4 требуются конструкции «по мнению...», «по предположению», «как полагает...». Следовательно, вводная конструкция «по словам...» является средством выражения категорической модальности в объективной (факт) и субъективной (уверенное мнение) формах. При этом вводная конструкция является средством выражения позиции персонажа. Точка зрения говорящего при этом остается непроясненной. В рамках лингвистической экспертизы утверждения, вводимые данной конструкцией, не могут получить однозначной интерпретации, информационный статус подобных выражений неопределим.

Еще более неопределенным является эпистемическое значение глагола *называть* (в контексте «X называет это У-ом»):

(1) *По моему мнению, это спланированное мошенничество.*

(2) *Я полагаю, здесь можно говорить о спланированном мошенничестве.*

(3) *Все эти действия – спланированное мошенничество.*

(4) *Это не что иное, как спланированное мошенничество.*

Контексты 1, 2 являются субъективными суждениями, контексты 3, 4 – утверждениями о фактах. Однако при пересказе любого из смоделированных контекстов третьим лицом употребление глагола *называть* будет нормативным. Таким образом, эпистемическая функция высказывания *Он называет все происходящее спланированным мошенничеством* также неопределима.

Маркирование чужой речи иногда становится источником эпистемического значения недостоверности. Такую особенность эпистемического значения проявляют маркеры чужой речи (ксенопоказатели) *мол, дескать, де*. Включая в контекст данные дискурсивные элементы, говорящий подчеркивает, что он не несет ответственности ни за точность передаваемых слов, ни за истинность содержания речи, поскольку излагает чужую точку зрения. Наблюдения за употреблением указанных частиц в современной публицистике [7] свидетельствуют о том, что подобного рода дистанцирование является признаком полемики речи. Таким образом, частицы *мол, дескать, де* в их современном употреблении сближаются с частицей *якобы*, передающей не только чужую речь, но и значение отрицательной эпистемической модальности: *Порой по невежеству или по лукавству говорят о невозможности применения в стране вакцины в связи с тем, что якобы использованный в производстве штамм-продуцент имеет антигенные субдетерми-*

нанты, отличные от тех, что доминируют в России; Поводом к задержанию послужили признаки алкогольного опьянения, якобы имевшиеся у водителя; Появился образ героя по случайности, дескать, мужик с перепоя заблудился, а из него сделали мученика; Минздрав выпустил инструкцию, согласно которой в парикмахерских потолки должны быть не ниже 3 метров. Это, мол, санитарная норма. Как в таких условиях может работать малый бизнес?; Не нужны, мол, нам никакие договоры, прописанные условия и правила игры на информационном поле: кто урвал, то и прав.

Конкретные оттенки эпистемического значения, приобретаемые дискурсивными единицами в контексте, варьируются. Для слов *мол, де* и *дескать* шкала варьирования включает два значения: 'неопределенность (отказ нести ответственность за чужие слова)', 'мнение (считаю, что это не так)'. Для слова *якобы* выстраивается более широкая шкала вариативности контекстуальных эпистемических значений. *Якобы* может выражать значение ложности утверждаемой пропозиции: *Усилился со стороны клиентов поток исков к аудиторским компаниям за возмещение якобы нанесенного им ущерба из-за некачественного аудита.* Данной лексемой может выражаться сомнение говорящего в истинности сообщаемого: *Список подлежащих ликвидации, в котором первоначально якобы было и его имя, Пиночет «отработал» полностью, преодолев все трудности, если они возникали. Наконец, якобы не чуждо и значение эпистемической неопределенности: Кстати, дочка якобы красавица и на неё даже похожа; При подписании договоров силовикам якобы пообещали так называемые комиссионные в размере \$ 6 млн.* Отметим, что фактивное значение данной частицы чаще всего проявляется в дескриптивных контекстах в присловной позиции. Ср.: *В отношении «Панавто Ко» было возбуждено дело по факту якобы незаконного хранения этих автомобилей. – В отношении «Панавто Ко» якобы было возбуждено дело по факту незаконного хранения этих автомобилей.* Первый контекст содержит импликацию 'на самом деле хранение автомобилей было законным', второй контекст, в котором позиция частицы припропозитивна, выражает сомнение автора в истинности целого утверждения.

Под влиянием атрибуции высказывания другому источнику ослабление фактивного значения обнаруживается и в употреблении перформативного глагола *сообщить*. И.Б. Шатуновский [2] объясняет данный феномен избыточностью ссылок на источник в случае знания о Р. В выражениях типа *по сообщению пресс-центра, как сообщили информационное агентство* происходит погашение презумпции фактивности Р кон-

венциональной имплицатурой неуверенности в Р. Таким образом, информационный статус выражений, указанных выше, неопределим. Этим объясняется возможность синонимической замены высказывания *по сообщению* нефактивным выражением *по заявлению X, как заявило X* и пр.

В группе коммуникативов, производящих атрибуцию речи другому лицу, особняком стоит выражение *по свидетельству*, являющееся маркером фактивных высказываний. Истинностное значение у данного выражения развивается несмотря на то, что с его помощью выражается состояние сознания персонажа, а не говорящего субъекта. Информативный статус коммуникатива обусловлен его внутренней формой, отсылающей к самому надежному способу получения информации – визуальному. Ср.: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

(По свидетельству – говорящий считает истинными слова X, который говорит, что видел Р.

Данная особенность выражения обуславливает его манипулятивное функционирование: при помощи данного утверждения говорящий добивается высокой степени доверия к сообщаемому, вместе с тем перекладывая ответственность за его истинность на другое лицо: *По свидетельствам очевидцев, по вполне понятным причинам просивших не называть их имен, подготовка и участие в выборах была оплачена из бюджета «Алтайэнерго»* (газ.).

Таким образом, в сфере коммуникативной лексики выделяется несколько лексических групп, отражающих эпистемический статус подчиненной дескриптивной пропозиции:

1) лексемы, общим компонентом семантики которых являются семы 'речевое действие, спровоцированное случившимся событием'. Когнитивные презумпции говорящего субъекта и автора высказывания, о котором идет речь, совпадают, поскольку они оба являются носителями знания о ситуации;

2) лексемы, значение которых определяется моделью «X не сказал то, что должен был/мог сказать в данной ситуации». И говорящий, и персонаж вновь являются носителями знания о событии, однако их деонтические презумпции различаются, что инициирует употребление данного коммуникатива. Лексемы данной семантической группы маркируют истинность подчиненной пропозиции в отрицательном контексте;

3) маркеры атрибуции высказывания другому автору, как правило, свидетельствуют о неприсоединении говорящего к точке зрения персонажа и, следовательно, о недоверии сообщаемого;

4) коммуникативы включают множество семифактивных глаголов и прочих дискурсивных слов, эпистемическое значение которых зависит от контекстуальных, грамматических, семантических особенностей и даже от внутренней формы слова;

5) коммуникативы, обозначающие выполнение эпистемических действий (так называемые ментальные перформативы [8, с. 52]): *предлагать, отвергать, убеждать, разубеждать, настаивать, заверять, уверять, усомниться, отзываться* и другие – лишены каких-либо оттенков эпистемического значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иллюстративный материал для статьи собран при помощи «Национального корпуса русского языка» [9].
- ² В данной семантической группе проявление фактивного значения является конструктивно ограниченным. В частности, у глагола *умалчивать* пресуппозиция истинности нейтрализуется в контексте общеинформативного и общевеерификативного вопросов: *О том, что стало с фондом и вернулись ли в бюджет лукойловские деньги, история умалчивает*.
- ³ Вообще, данное высказывание в разных коммуникативных контекстах может выражать противоположные эпистемические значения. Например, в речевом акте упрека оно приобретает пресуппозицию 'он поедет в Ригу', а в речевом акте возражения – импликацию 'неизвестно, поедет ли он'. В последнем случае выражение синонимично высказыванию «Он ничего не говорил о поездке».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 544 с.
- [2] Шатуновский И. Б. Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность // Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 158–165.
- [3] Зализняк А. А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка: знание и мнение. М., 1988. С. 107–121.
- [4] Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1987. С. 293–318.
- [5] Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка: язык речевых действий. М., 1994. С. 82–94.
- [6] Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М., 1987. С. 48–96.
- [7] Рябцева Н. К. Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка: истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 139–150.
- [8] Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / под ред. Т. В. Булыгиной. М., 1992.
- [9] URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

НОМИНАЦИИ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В ГОВОРАХ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

Готовится словарная статья *растения* для нового диалектного словаря говоров Среднего Прииртышья. Принципы подачи диалектного материала в словарной статье позволяют объединить фитонимы в микрополя. Богатый иллюстративный материал отражает своеобразие жизни, быта и традиций народа.

Ключевые слова: диалектный словарь, фитонимика, репрезентация народной культуры.

В последние десятилетия всё большее внимание уделяется исследованию языковой картины мира носителя традиционной народной культуры. Диалектные словари всё чаще выступают не просто фиксаторами языковых единиц, но источниками этнокультурной информации, репрезентирующими народную ментальность. В настоящее время в Омском государственном университете идет работа над понятийно-тематическим словарем, призванным отразить не только «идеальные» культурно значимые понятия, такие как *добро, зло, правда*, но и материальную сторону традиционной культуры, воплощенную в основных лексико-тематических и лексико-семантических группах слов [1, с. 83]. Репрезентация диалектной языковой картины мира не может быть полной без включения в нее мира растений. Народная фитонимика является одной из древнейших микросистем, ведь растения связаны с разными сторонами деятельности человека – бытовой, хозяйственной, обрядовой [2, с. 4], они имеют не только практическую, но и эстетическую ценность.

Структуру словарной статьи для данной тематической группы лексики диктует не только тип понятийно-тематического словаря, но и сам лексический материал [1, с. 85]. Диалектная фитонимика демонстрирует большое разнообразие вариантных и синонимических рядов, объединяемых в микрогруппы или микрополя (включающие все номинации, которые называют один ботанический вид). Лексико-тематическая группа *растения* организуется по иерархическому принципу, в своем составе она реализует гипонимические отношения между именем группы (родовое понятие) и именем микрополя (видовое понятие). Единицы внутри микрополей данной тематической группы объединяются на основе семантического тождества (тождественная денотативная отнесенность), противопоставленности компонентов в плане выражения, одинакового ареала функционирования [3, с. 9].

В микрополе как в совокупность всех бытующих в говоре номинаций, относящихся к одному денотату, входят литературные (общерусские) названия, лексико-фонетические и морфологические варианты литературных названий, собственно диалектные именованные, заимствования из других языков, бытующие на территории смешанных говоров (русско-украинских, русско-белорусских, русско-эстонских и др.). Для группы фитонимов, обозначающих травянистые растения, характерно преобладание диалектных наименований, что обусловлено разнообразием и многочисленностью принципов и способов номинации, существующих в говоре. Например, микрополе 'пустырник пятилопастной *Leonurus*

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-34-01078 (1а).

quinquelobatus Gilib.' включает в себя фитонимы *глухая крапива*, *жерновец*, *жерновка*, *пустырник*, *суставник*, *четырёхлистник*. Популярное лекарственное растение *пустырник* имеет шесть дублетных наименований, два из которых являются морфологическими вариантами: *жерновец/жерновка*. Интересно название *глухая крапива*: опорное слово соотносит данное микрополе с микрополем 'крапива', а эпитет *глухая* (в значении 'нежгучая') несет в себе дифференцирующий признак, позволяющий различать сближаемые на основании внешнего сходства виды: *Глухая крапива – это тоже крапива, только другого сорту* (с. Бергамак, Муромцевский р-н, старожильческий говор) [4, т. 1]. На Украине *пустырник* также называют *глуха кропива* [5, с. 243], а вот в уральских говорах и говорах европейской части России *глухой крапивой* зовут иное растение – 'яснотку белую *Lamium album L.*'. Многообразие номинаций, представляющих отдельные ботанические виды, обусловлено значимостью данных реалий для диалектоносителя и важностью этого фрагмента диалектной картины мира в целом. Наблюдение обнаруживает, что максимальным количеством лексем представлены названия съедобных растений (например, *медуницы* или *борщевика*), наряду с лекарственными (*кровохлёбка*, *пустырник* и мн. др.). Лексемы, относящиеся к одному растению, могут быть производными (что часто приводит к варьированию плана выражения) или производными, отражая при этом в своей внутренней форме разные признаки денотата (релевантные для идентификации вида).

Микрополя могут соотноситься друг с другом за счёт омонимичных фитонимов (например, *конёвник* кипрей узколистный *Chamaenerium angustifolium (L.) Scop.* – *конёвник* 'щавель конский *Rumex confertus Wild.*', *жабрей* 'пикульник обыкновенный *Galeopsis tetrahit L.*' – *жабрей* 'зверобой продырявленный *Hypericum perforatum L.*') или сближаться на основании общих принципов и способов номинации. Так, например, принцип номинации по внешнему виду одинаково реализуется в названиях следующих растений: *белоголовник* 'таволга вязолистная *Filipendula ulmaria (L.) Maxim.*' – *красноголовник* 'кровохлёбка лекарственная *Sanguisorba officinalis L.*' – *большеголовник* 'левзея сафлоровидная *Stemmacantha carthamoides (Willd.) Dittrich*' (но: в первых двух примерах акцент сделан на 'цвете', а в последнем – дифференцирующий признак основан на 'размере').

Именем микрополя становится название ботанического вида, как заглавная единица при этом выступает номенклатурное ботаническое наименование на русском и латинском языках, поскольку так принято в ботанической литературе. В качестве дефиниции приводится описание внешнего вида

растений. Соотнесение научного описания и описания, данного диалектоносителем, позволяет уточнить, правильно ли определена ботаническая принадлежность растения. Например, предполагаем, что диалектный фитоним *зубной казачок*, относится к виду 'горечавка ластовневая *Gentiana asclepiadea L.*'. Ср.: Научное описание горечавки: травянистое многолетнее растение с неветвистым стеблем, листья супротивные, яйцевидные или овально-ланцетные, сильно заостренные на конце, цветки одиночные или по 2–3 расположены в пазухах верхних листьев, венчик пятилепестный, булавовидный, колокольчатый, длиной 4–5 см, синий, заканчивающийся 5 довольно крупными лопастями. Растет по влажным местам на опушках лесов и среди кустарников [7, с. 166]. Диалектоноситель же говорит о растении так: *Зубной казачок есь – крупным колокольчиком цветёт. И засохнет – такой же синий. Много по стебельку цветков. Только на лугу растёт, в дуброве его нету* (с. Решетниково, Большереченский р-н, старожильческий говор) [6, с. 53]. Совпадение места произрастания и внешнего вида позволяет считать фитоним *зубной казачок* народным названием горечавки.

Иллюстративные примеры являются неотъемлемой частью словарной статьи. Источником нашего цитатного диалектного материала послужили данные картотеки кафедры исторического языкознания и записи живой диалектной речи, полученные по итогам ежегодных диалектологических экспедиций в районы Омской области, а также три основных тома и два выпуска дополнений «Словаря русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья» [4; 6]. Примеры словоупотребления даются в фонетической орфографии, с постановкой ударения, написанием проклитик и энклитик через дефис с фонетически самостоятельным словом, если материал взят из опубликованных выпусков словаря, то примеры даются в соответствии с источником.

Иллюстративные материалы не просто подтверждают факт употребления слова в речи, не только демонстрируют его лексическую и синтаксическую сочетаемость, но и отражают многообразие свойств и признаков реалии, а в итоге – своеобразие жизни, быта и традиций сельских жителей. Так, важную информацию об употреблении растения дают нам контексты с фитонимами, обозначающими *скерду сибирскую*. Съедобное растение семейства сложноцветных 'скерда сибирская *Crepis sibirica L.*' содержит млечный сок в тканях, отсюда диалектные названия *молочник* – *молочайка* – *молочейка*. Определить, что под этим названием подразумевается одна реалия, помогает контекст – описание диалектоносителя, каким образом использовалось растение: *Трава есть – молошник, шкирда – ли-*

стью. Сначала будут бубышки, потом расцветут и серу с них собирали (р.п. Большеречье, Большереченский р-н, старожильческий говор) [6, с. 89]. *Молочейки* – высокие, жёлтенькие, летом расцветают; когда жара, из них топится молоко; оно запекается, станет искрасна, её собирают и жвачку жуют (д. Радищево, Нижнеомский р-н, старожильческий говор) [4, т. 3]. Названные признаки растения – высокий рост, красноватый цвет высохшего млечного сока – позволяют понять, что речь идёт именно о *скерде*, а не о *молочае* или *одуванчике*, у которых высохший сок имеет тёмно-серый цвет. Ещё одним свидетельством в пользу того, что *молочайка* – это растение *скерда*, является следующий пример, в котором дано очень близкое предыдущему контексту описание способа употребления растения: *Побежишь в поле, оторвёшь головки со шкерды, молоко выступит, а солнышко его запечёт, тогда мы соберём и жуём, так раньше жвачку делали. Ходишь день и жуёшь* (с. Низовое, Муромцевский р-н, старожильческий говор) [4, т. 3].

Словарная статья понятийно-тематического словаря позволяет не просто привести алфавитным списком все диалектные номинации, но и систематизировать фитонимы, группируя их в микрополя, что дает возможность исключить отсылки, неизбежные при алфавитном порядке. Обширные контексты в иллюстративной части статьи аккумулируют этнокультурную информа-

цию, относящуюся к разным сферам жизни человека, будь то детские игры (*Гогели – те высокие, белым цветут эти шляпы, а в середине вкусно. Мальчишки брызгалки из них делают* (с. Радищево, Нижнеомский р-н, старожильческий говор) [4, т. 1]), народная медицина (*Травами лечились: иван-купрей полезительный, медуница...* (с. Такмык, Большереченский р-н, старожильческий говор) [6, с. 54]) или применение в хозяйстве (*То чернилам, то серпучом кофту окрасишь // Быват черником, то серпучом, трава така жёлтенька, кофту окрасишь и ходишь* (Колпаково, Усть-Ишимский, старожильческий говор) [4, т. 3]).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Харламова М.А. Что? Где? Когда? (о трудностях лексикографа) // Вестн. Ом. ун-та. 2010. № 1. С. 82–87.
- [2] Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
- [3] Коновалова Н. И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
- [4] Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. I–III. Томск, 1992–1993.
- [5] Ивашин Д. С. и др. Лекарственные растения Украины. Киев, 1971.
- [6] Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья : дополнения / отв. ред. Б. И. Осипов. Вып. II. Омск, 2003.
- [7] Йорданов Д., Николаев П., Бойчинов А. Фитотерапия. София, 1973.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ЖЕНСКИХ ИМЁН

Освещается история русских женских имён на материале источников XVII–XIX вв. Анализируется состав женских имён, их этимология, фонетическая адаптация, словообразовательные особенности.

Ключевые слова: антропоним, андроним, каноническое имя, неканоническое имя, адаптация христианских имён, формула именования.

Исследование данной проблемы представляет определённую трудность. Женские имена слабо отражены в старинной письменности, поскольку социальный статус женщины был иным: она не была юридическим лицом, не могла быть занесена в писцовые и переписные книги, так как податной единицей, «душой», мог быть только мужчина. Правом юридического лица пользовались только вдовы.

В этой связи представляют интерес памятники письменности разной жанрово-функциональной принадлежности (синодики, духовные, вкладные, дозорные, переписные, поручные, книги записи венчания) из фондов центральных и местных архивов.

В исследуемых источниках XVI–XVIII вв. представлены неканонические имена, восходящие к эпохе нехристианских представлений: *Белка, Голуба, Докука, Досада, Зверька, Кунава, Люба, Любава, Милава, Нежда, Нелюба, Немила, Нерада, Несмеяна, Селянка, Смирена, Смиренка, Собина, Сорока, Чернава*. Ср.: «двор вдовы Голубы Игнат(ь)ивы... двор вдовы Неупокоевской жены Любавки... двор вдовы Кунавки Ивановы» (1623 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1207, л. 46об., 49, 49об.).

«Женскими были древнерусские имена... *Большуха, Быструшка, Говоруха, Голубка, Ждаха, Жмура, Красава, Лебёдка, Малена, Малуха, Милашечка, Милка, Милоха, Неулыба, Резвуха, Толстуха* и ряд других. Однако с подобными реконструкциями приходится обращаться очень осторожно, поскольку в прошлом у мужчин были такие имена, которые мы сейчас с наибольшей вероятностью отнесли бы к женским» [1, с. 55].

У наших предков существовал обычай: наряду с крестным именем нарекать ребёнка привычным древнерусским. Ср.: «родися оу великого Всеволода четвертая д(о)чи и нарекоша имя во с(вя)т(о)мь кр(е)щ(е)нии *Полагья* а кн(я)зя *Сбыслава*» (1178 г.) [7, т. II, с. 613]. Указание на наличие двойных имён находим и в памятниках XVII вв.: «старинной мой ч(е)л(о)в(е)къ Павел Потрекъевъ с своею женою *Досадою* а молитвенное имя *Матрена* Павлова дочь» (Духовная грамота, 1637 г., ОР РГБ, ф. 256, к. 47, ед. 238, л. 2).

Основной фонд русских имён в святцах XVII–XIX вв. составили 537 мужских и 105 женских [1, с. 54]. В «Словаре древнерусских личных собственных имён» Н.М. Тупикова приведено 5300 мужских имён и 50 женских (*Добрава, Досада, Малуша, Милава, Чернавка* и др.). Столь же скудно представлены женские имена и в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского [2].

Женских имён в реальной жизни бытовало не более семидесяти. Образованы они были как родовые пары к мужским: *Александр – Александра, Василий – Василиса, Неон – Неонила (Ненила), Соломон – Соломанида, Степан – Степанида, Ульянов – Ульяна, Фёдор – Федора*. Ср.: «казака Гарасимовская жена Григорыива вдова *Александра* Васил(ь)ива дочь» (1710 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1317, л. 409); *Василиса* (Там же); «вдова *Василиса* Ивстратыива дочь» (Там же, л. 413); «*Ненила* Елисъева дочь... *Ненила* Сватковска» (Там же, л. 220об., 222); «*Клементыивская* жена Зубчанинова

вдова *Соломанида*» (Там же, л. 24); *Степанида* (Там же, л. 69об.); «*Ульяна* Θεοκτιστοβα дочь» (Там же, л. 123); «дворь... вдовы *Θεодоры* Дмитриевы дочери Троицкого дьякона Ивановские жены КреMLEва» (Там же, л. 35об.).

Несмотря на недостаточность состава женских имён, многие из них в русском быту никогда не использовались. Например, *Асклиподота*, *Амиграндина*, *Екзуперия*, *Прокула*, *Тавацелия*, *Сирофиникисса*. Эти и подобные им имена воспринимались русским слухом как некрасивые: «Например, такие имена, как *Феозва*, *Фомаида*, *Проскудия* и ряд других, звучат неприятно для русского уха несмотря на то, что в языках-источниках они образованы от слов с положительным значением (*Феозва* от слова 'благочестие', *Проскудия* 'благоговейная молитва', *Фомаида* 'дочь Фомы')» [1, с. 56].

Многие имена, записанные в святцах как мужские, стали использоваться как женские: *Аза*, *Инна*, *Римма*. Имена *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, единые по легенде, были кальками с древнегреческого языка. Имя *Надежда* (в вариантах *Надежа* и *Надея*) было мужским. Ср.: *Надежа* Богданович Владыкин, 1578 г., Коломна; *Надея* Светешников, гость, 1613 г., Калуга [2, с. 212]. В Зауралье оно бытовало как женское. Ср.: «дворь... вдовы Веры Михайловы дочери... у нѣе дочери *Надежда*... *Марья*» (1710 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1317, л. 73об.); «каменщик Микита Михайлов с(ы)нъ Дубленников у него жена... *Надежда*» (Там же, л. 214об.).

Имя *Люба* (*Любка*) зафиксировано как мужское и женское в памятниках XVI в. Ср.: *Любка* князь Василий Волконский, XVI в. [2, с. 189]; Патрушко да сестра его *Любка* Ондрушины дети [8, т. III, с. 412]. В исследуемых материалах встречаем женское имя. Ср.: казачкова жена *Любавка* (1641 г., ф. 214, кн. 75, л. 232); Спирька Овдеев, у него жена *Любавица* (1633 г., РГАДА, ф. 1111, ст. 144, оп. 1, л. 117). Это имя было популярным у славян. В памятниках славянской письменности представлены: *Любовь*, *Люба*, *Любава*, *Любана*, *Любата*, *Любенко*, *Любика*, *Любомира*, *Люборада*, *Любомила*, *Любогоразда*, *Любуша*, *Любица*, *Любоня*, *Любохна*, *Любосава*, *Любослава*, *Любовица* [3; 4].

Из многих имён в святцах, имеющих мужские и женские параллели, активными становятся женские: *Татион* не употреблялось, а *Татьяна* бытовало. *Агафон* было редким, а *Агафья* относилось к числу любимых. Отдельные имена в святцах значатся как мужские, а при крещении давались как женские. Ср.: «женился Лупъ Тарасовъ сынъ понял *Пигасью* Иванову дочь» (1643 г., ОР РГБ, ф. 178, кн. 823, л. 823, 61об.); «приезжей старик Сава Филатьев да семья ево *Пигасья*» (1700 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 285об.). Слово 'семья' в данном контексте употреблено в местном значении 'жена'. *Пигасий* < *Пегас*, которое из древнегреческого 'имя крылатого коня Персея' [1, с. 269].

Как и среди мужских, среди женских имён наблюдалось семейное тезоимёнство. Ср.: «дворь... приказные палаты под(ь)ячего Алексѣя Дементѣива дочери ево дѣвок *Анны* да *Анны* жъ сказали себѣ *Большая Анна* двенадцать *Мен(ь)шая Анна* десеть лѣтъ» (1710 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 1317, л. 117об.); «Василей Шерстобить... у него жена *Мар(ь)я* Гаврилова дочь у них дочь *Мар(ь)я*» (Там же, л. 149).

В начале XVIII в. в Москве (Книга записи венечным памятам. 1715 г., РГАДА, ф. 237, кн. 6408) были модными имена *Анна*, *Евдокия*, *Параскева*, *Марфа*, *Мария*, *Матрёна*, *Ирина*, *Екатерина*, *Татьяна*, *Анисья*. Бытовали также *Фёкла*, *Марина*, *Анастасия*, *Агрофена*, *Василиса*, *Варвара*, *Дарья*, *Пелагея*. В Тюмени к числу модных относились *Анна*, *Мария*, *Авдотья*, *Параскева*, *Матрёна*, *Марфа*, *Ирина*, *Екатерина*, *Алисава* (*Елизавета*), *Васса*, *Епистимия*, *Соломанида*, *Федуля*, *Феона*, *Гликерия*, *Домника*, *Неонила*. В Тобольске по данным переписных книг начала XVIII в. (РГАДА, ф. 214, кн. 950, 1317) распространены были *Анна*, *Мария*, *Авдотья*, *Параскева*, *Матрёна*, *Марфа*, *Ирина*, *Екатерина*, *Пелагея*.

Популярность многих имён, воспринятых с христианством, объяснялась влиянием библейской мифологии, а также тем, что святые, дни памяти которых были приурочены к определённым дням календаря, стали восприниматься как покровители занятий крестьянина. Христианский календарь наслаивался на языческий.

Ср.: имя *Анастасия* (др.-греч. 'Αναστασία 'воскресшая') в летописях упоминается как княжеское: так звали жену князя Дмитрия Константиновича [7, т. I], дочь князя Александра Всеволодовича [7, т. II]. *Анастасия* у восточных славян воспринималась как покровительница овец. У русских в XVI–XVIII вв. имя бытовало в формах *Анастасьица*, *Настя*, *Настенька*, *Настёна*, *Настёнка*. Употребительно оно в пословицах и поговорках: «Хватились *Насте*, когда ворота настезь; Пришли на *Настю* беды да напасте» [5]; «*Настя*, *Настенька*, шубейка красненька» [6, т. I, с. 101].

Пришедшие на Русь вместе с христианством древнегреческие, древнееврейские, латинские имена испытали фонетико-морфологическую адаптацию. Начальное *е* передавалось гласным *о(а)*: *Евгения* > *Овгения*, *Евдокия* > *Овдотья*, *Евпраксия* > *Опраксинья* (*Опросинья*), *Евфимия* > *Офимья* (*Афимья*), *Евфросинья* > *Овфросинья*, *Елена* > *Олёна* (*Алёна*), *Елизавета* > *Олисава*. Ср.: «двор... вдовы *Овдотьи*» (1710 г., Тоб.,

РГАДА, ф. 214, кн. 1317, л. 32об.); «*Авим(ь)я*» (Там же, л. 105); «двор... Ивановские жены Кудрина вдовы *Олены Павловы* дочери» (Там же, л. 201); «приимышь дѣвка *Опросинья*» (Там же, л. 196); «*Евѳросин(ь)я... Оѳросин(ь)я*» (Там же, л. 214).

Древнегреческие имена с ипсионом **υ** передавались ижицей **ѳ**, которая звучала как **у** или **и**. В результате этого возникли варианты формы *Акилина* (*Окилина*) и *Акулина* (*Окулина*), *Анфиса* и *Анфуса*, *Гликерия* и *Лукерья*. Ср.: «дѣвка *Окулина...* Ивановская жена *Филипова* вдова *Акилина Петрова*» (Там же, л. 30, 31).

Наблюдаем утрату начальных гласных: *Анастасия* > *Настасья*, *Екатерина* > *Катерина*, *Елизавета* > *Лисава*, *Епистимия* > *Пистимья*. Ср.: «...*Настасья*» (Там же, л. 104об.); *Катерина* Иванова дочь (Там же, л. 103об.); «*Лисава* Михайлова дочь» (Там же, л. 217); согласных: *Гликерия* > *Лукерья*.

Происходила диссимиляция согласных по твёрдости-мягкости: *Матрона* (лат. *matrona* 'знатная') > *Матрёна*. Ср.: *Матрёна* (Там же, л. 124об.); «*Мотрена*» (Там же, л. 409об.); дистактная ассимиляция гласных: *Пелагея* > *Палагея*. Ср.: «*Палагья*» (Там же, л. 43об.); дистактная диссимиляция гласных: *Ирина* > *Орина* (*Арина*). Ср.: «дворъ старинной вдовы *Ирины Фодоровой* дочери... *Оринья*» (Там же, л. 820об.). Происходила ассимиляция гласных и согласных: *Агриппина* > *Агрофена* (*Огрофена*). Ср.: «*Агрофена*» (Там же, л. 64); «вдова *Огрофьна* Григорьева дочь» (Там же, л. 405об.); дизреза гласного звука: *Капитолина* > *Каптелина*. Ср.: «*Каптелина* Аникиева дочь» (Там же, л. 203об.); «двор... вдовы *Каптелины* Андрѳевой дочери» (Там же, л. 227).

Средством адаптации христианских имён служили также суффиксальные образования. Широко бытовали производные формы от христианских имён, называемые в научной литературе уменьшительными, субъективно-оценочными, квалитативами, гипокористиками. Для их образования использовались форманты: *-ав(а)*, *-авк(а)*, *-к(а)*, *-иц(а)*, *-ют(а)*, *-ютк(а)*.

-ав(а): *Добрава*, *Забава*, *Кунава*, *Любава*, *Милава*. Ср.: «двор вдовы *Милавы* Вологжанки» (1624 г., РГАДА, ф. 214, кн. 1207, л. 44об.).

-авк(а): *Кунавка*, *Любавка*, *Милавка*. Ср.: «двор вдовы Неупокоевской жены *Любавки*» (Там же, л. 49об.).

-к(а): *Акилинка*, *Анка*, *Анфиска*, *Анфуска* и др. Ср.: «*Дун(ь)ка* да *Наст(ь)ка* да *Паран(ь)ка*» (1692 г., ОР РГБ, ф. 256, к. 47, ед. 219, л. 1).

Этот суффикс обладал наибольшей продуктивностью, присоединяясь к основам не только канонических, но и неканонических имён: *Нелюбка*, *Селянка*, *Смиренка*, *Чернав-*

ка. Ср.: «вдова казачья Чювашевская жена *Кондратьева Селянка*» (1624 г., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 439об.); «вдова казачья *Якимовская* жена *Смиренка*» (Там же, л. 440).

-иц(а): *Акилиница*, *Акулиница*, *Ананица*, *Анница*, *Анфисица*, *Анфусица*, *Василисица* и др. Ср.: «*Шадринские* слободы у *Семена Подкорытовы* жены *Ананицы*» (1680 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 30об.).

-ютк(а): *Анютка*, *Оксютка*. Ср.: «выпустил я на выводъ... кр(е)стьянку вдову *Анютку*» (1700 г., ОР РГБ, ф. 256, к. 47, ед. 223, л. 1); «*Оксютка*» (1641 г., РГАДА, ф. 214, кн. 75, л. 343об.).

Андронимы (именование женщины по имени мужа) на *-их(а)* появляются с XVI в., они были широко употребительны в Зауралье в XVII–XVIII вв. Приведём примеры.

Формула именования содержит только андроним на *-их(а)*: «сея обители вдова *Бычиха* приложила в дом прстыя бдцы холста» (1696 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 136).

Формула именования включает андроним на *-их(а)* + прозвище (фамилия) или род занятий мужа: «с Теченского дворца вдова *Уонкудиниха* мельникова жена» (1730 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 65, л. 105).

Личное имя + андроним на *-их(а)*: «двор вдовы *Тат(ь)яницы Важенихи*» (1623 г., Тоб., РГАДА, ф. 214, кн. 120, л. 35об.).

Личное имя + патроним + андроним на *-их(а)*: «род вдовы *Матроны Диомидовы* дочери *Коневалихи*» (1698 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 261).

Андроним на *-их(а)* мог служить дополнительным средством идентификации при наличии в формуле именования личного имени, патронима, фамилии. Ср.: «*Николаевского* села вдова *Ксѳня Антонова* дочь *Смагиных* она же и *Зубилиха*» (1730 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 65, л. 106об.).

Именная формула могла включать два андронима. Ср.: «вдова *Ивановская Бормотиха*» (1693 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 251об.); «вдова казака *Семейкинская* жена *Мар(ь)ица* прозвище *Козичиха*» (1624 г., Тюм., РГАДА, ф. 214, кн. 5, л. 438об.). В данных контекстах присутствует андроним от имени мужа с формантом *-ск(ая)*, андроним на *-их(а)* указывает на мотивирующую основу – фамилию (прозвище).

Андроним на *-их(а)* мог образовываться от фамилии мужа. Ср. контексты, в которых упоминаются известные в Зауралье фамилии, совпадающие с топонимами: «деревни *Щипачевой* вдова крестьянская жена *Марѳа Кондрат(ь)ева Щипачиха*» (1740 г., ФГАКО, ф. 224, кн. 65, л. 164об.).

Прозвища на *-их(а)* вошли в пословицы и поговорки. Ср.: «*Флориха* дошла до лиха»; «*Придѳт* неспориха – дойдѳт и *Флориха* до лиха» [5].

В Зауралье отмечаем сложную формулу именования женщины, включающую ука-

зание не только на отца, мужа, но и на других родственников по мужской линии. Ср.: «Шадринские слободы Ивана Павлова бывшая невестка» (ФГАКО, ф. 224, кн. 2, л. 182об.); «драгунская жена Настасья Аверкиева дочь Горлановыхъ сноха» (Там же, кн. 65, л. 6); «вдова Федосьица Куз(ь)ки Сурны мать» (Там же, кн. 2, л. 188об.).

Личное имя женщины зачастую подменялось именем (прозвищем, фамилией) мужа, её именная формула включала указание на имя (прозвище, фамилию) отца, мужа или другого родственника по мужской линии – всё это указывает на социальный статус женщины, занимающей подчинённое положение в семье и обществе. Итак, женское имя – языковой знак, идентифицирующий личность, знак этнический и социальный. В форме имени закодирована культурологическая информация.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов в Москве
 ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки в Москве
 ФГАКО – Филиал государственного архива Курганской области в Шадринске
 ед. – единица хранения

к. – картон
 кн. – книга
 л. – лист
 ф. – фонд
 Тоб. – Тобольск
 Тюм. – Тюмень

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Суперанская А. В. Словарь русских личных имён. М.: АСТ, 1998. 528 с.
- [2] Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 384 с.
- [3] Морошкин М. Я. Славянский именослов, или собрание славянских личных имён в алфавитном порядке. СПб., 1867.
- [4] Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. СПб., 1903.
- [5] Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984.
- [6] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Диамант, 1996. Т. I. 800 с. Т. II. 784 с. Т. III. 560 с. Т. IV. 688 с.
- [7] Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. 496 с. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. 648 с.
- [8] Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. М., Т. I, 1952; Т. II, 1958; Т. III, 1964.

СУГГЕСТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА

Рассматривается один из видов речевого воздействия – суггестия. Выделяются суггестивные характеристики современного просветительского дискурса, типы и средства суггестивного воздействия. Основные положения иллюстрируются примерами из текстов просветительского содержания на немецком и русском языках.

Ключевые слова: дискурс, прагматика, речевое воздействие, суггестивность.

Изучение современных институциональных видов общения находится в центре внимания социолингвистики, прагмалингвистики и теории дискурса. В этой связи исследовательский интерес представляет просветительский дискурс, который активно развивается в последние десятилетия в России и за рубежом, но еще недостаточно освещён в лингвистической литературе. Поскольку целью коммуникативного воздействия современного просветителя является распространение общечеловеческих ценностей и изменение сознания и поведения людей в соответствии с этими ценностями, то одной из важных задач становится исследование данного дискурса в прагмалингвистическом аспекте.

Рассмотрение проблемы эффективности воздействия просветительского послания на целевую аудиторию предполагает обращение к таким понятиям, как «персуазивность» и «суггестивность». При этом персуазивное воздействие рассматривается как воздействие одного человека на другого доводами разума, предполагающее сознательное восприятие этих доводов, а суггестивное – как логически не аргументированное воздействие. Таким образом, различия проявляются в рациональности или эмоциональности воздействия, в наличии или отсутствии установки реципиента на критическое восприятие и осмысление транслируемой информации [1]. Отметим, что, несмотря на различия, персуазивные и суггестивные средства воздействия часто используются комплексно. Особенно продуктивно применение суггестивных приемов на начальном этапе воздействия, поскольку это позволяет привести адресата в определенное психологическое состояние, необходимое для дальнейшего восприятия аргументов и достижения перлокутивного эффекта.

Поскольку объектом исследовательского интереса в данной работе является реализация внушающего воздействия в просветительском дискурсе, то целесообразно уточнить понятие суггестивности и выделить типы суггестивного воздействия, характерные для данного дискурса.

Внушение (суггестия) является на протяжении многих десятилетий объектом изучения отечественных и зарубежных психологов (В.М. Бехтерев, В.В. Вундт, М.А. Линецкий, В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин, К.И. Платонов, Б. Сидис и др.). Процесс внушения связан, по мнению основателя палеопсихологической теории суггестии Б.Ф. Поршнева, с эволюцией второй сигнальной системы. Автор полагает, что суггестия лежит в основе формирования сознания, второй сигнальной системы. Опровергая тезис о том, что у истоков второй сигнальной системы лежит обмен информацией, исследователь подчеркивает важность влияния одного индивида на действия другого – специфического общения «еще до прибавки к нему функции сообщения» [2]. Суггестия связана с возбуждением навязанных реакций и торможением естественных импульсов ЦНС на раздражители.

Этот вид влияния обеспечивает запуск бессознательных программ, заставляя человека находить во внешней среде способ выполнения внушенного задания. Содержание, усвоенное в процессе внушения, в дальнейшем с трудом поддается осмыслению и коррекции, представляя собой совокупность «внушенных установок» (Д.Н. Узнадзе, И.Т. Бжалава).

Следует заметить, что исследователи по-разному раскрывают соотношение понятий внушения и суггестии. Так, например, термины «суггестия» и «внушение» используются С.Ю. Головиным и И.Ю. Черепановой как синонимы [3]. Н.В. Гончаренко определяет суггестивность как сознательно осуществляемое внушение, направленное на установление доверия к говорящему со стороны реципиента и воспринимаемое реципиентом без критической оценки [4]. Е.В. Шелестюк, напротив, разводит данные понятия. Внушение рассматривается автором как более широкий термин, включающий как открытое прямое внушение (например, во время сеанса гипноза, психотерапии, аутотренинга), так и скрытое, замаскированное или косвенное внушение (суггестию). В процессе последнего содержание включается в скрытом, замаскированном виде в общую информацию и усваивается в большей степени неосознанно и произвольно [5]. В данной работе рассматривается главным образом форма скрытого, замаскированного внушения, т. е. суггестия.

Суггестия может быть описана как воздействие на психическую сферу адресата, связанное со снижением сознательности и критичности при восприятии внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного и активного его понимания, анализа и соотношения с опытом субъекта (К.И. Платонов, В.Н. Мясищев и др.). Условия успешного речевого внушающего воздействия рассматриваются в работах по суггестивной лингвистике и «нейролингвистическому программированию» (А.Б. Бушев, Дж. Гриндер, А.П. Журавлев, Л.Н. Мурзин, С.А. Тмарченко, И.Ю. Черепанова и др.). Эффективность суггестивного воздействия обусловлена, по мнению исследователей, характеристиками суггестора (статусными, интеллектуальными и др.), особенностями суггеренда (эмоциональным состоянием, внушаемостью), отношениями между участниками акта внушения (доверие, авторитетность, зависимость), способом конструирования внушаемого содержания (использованием и сочетанием средств воздействия).

Суггестия широко применяется в медицине для коррекции психического и соматического состояния больного (психотерапия), в педагогике – в процессе обучения (суггестопедия), в экспериментальной психологии она служит приемом для направ-

ленного изменения эмоционального состояния, мотивации и установок личности. Выявлению специфики реализации суггестивности в различных типах дискурса посвящены работы последнего десятилетия. Так, М.Р. Желтухина описывает особенности речевого воздействия в языке СМИ [6]. Н.В. Гончаренко выявляет суггестивные характеристики медицинского дискурса [7]. Объектом исследования И.А. Авдеенко являются структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста [8]. Суггестивность как разновидность скрытого воздействия в процессе общения широко используется в таком типе институционального дискурса, как просветительский, однако ее специфика еще не стала предметом специального лингвистического анализа. В рамках данной работы рассматриваются суггестивные характеристики просветительского дискурса, механизм их реализации в текстах просветительского содержания, представленных на российских и немецких сайтах организаций, занимающихся просветительской деятельностью [9].

Суггестивность в просветительском дискурсе представляет собой сознательно осуществляемое просветителем (суггестором) по отношению к просвещаемому (суггеренду) внушение. Учитывая, что в современной науке и практике выделяют по методам реализации прямое и косвенное, преднамеренное и непреднамеренное внушение, уточним, что непреднамеренное косвенное внушение является неотъемлемым компонентом любого человеческого общения. В просветительском дискурсе внушение выступает в основном как специально организованный вид коммуникации, предполагающий некритическое восприятие сообщаемой информации и противоположный убеждению. Преднамеренное внушение заключается в использовании суггестором специальных «словесных формул», которые внедряются в психическую сферу суггеренда и становятся активными элементами его сознания и поведения. Содержание преднамеренного внушения включено в сообщаемую информацию зачастую в скрытом, замаскированном виде и характеризуется неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения. Суггестивность в современном просветительском дискурсе, создающая особую тональность общения, имеющая вербальное и невербальное выражение в разных жанрах, обусловлена:

- 1) прагматическими целями суггесторов, включающими информирование суггерендов, их просвещение, формирование или изменение их представлений, смысловых и ценностных структур, установок и, как следствие, изменение их посткоммуникативного поведения;

2) ценностным наполнением концептуального состава, поскольку основными в дискурсе выступают экзистенциальные и нравственные концепты, имеющие ценностный характер (здоровье, безопасность, защита, добро, счастье, семья и др.);

3) субъектно-ролевыми характеристиками участников дискурса (психолога-консультанта и человека, обратившегося за помощью в решении проблем), особенностями эмоционального, психологического состояния последнего;

4) ситуативными характеристиками хронотопа (от кабинета психолога до интернет-портала);

5) разнообразием каналов и форм представления просветительской информации (социальная реклама, просветительская литература, беседа, онлайн-консультирование и др.).

Продуктивным для выделения видов суггестивного воздействия, активно используемых в просветительских посланиях, является исследование В.Ф. Петренко [10]. Автор представляет сознание в виде «психосемантической модели» и полагает, что существуют три типа изменений сознания в результате речевого воздействия: изменение отношения S к O, формирование общего эмоционального настроения и психологического состояния человека, перестройка категориальной структуры индивидуального сознания и введение в нее новых категорий (конструктов). Поскольку данная модель включает осознаваемые и неосознаваемые компоненты, то их изменения могут быть продуктом как убеждения, так и внушения. В связи с этим уместно упомянуть также и позицию Е.В. Шелестюк, которая, размышляя о неоднородности суггестивного внушения, выделяет три аспекта: аффективное внушение, внушение бессознательных образов и мыслей и внушение бессознательных установок [11].

При выделении типов суггестивного воздействия мы опираемся на положения Е.В. Шелестюк и В.Ф. Петренко, а также на результаты анализа обширного фактического материала (более 1000 высказываний различного объема), представленные в современной дискурсивной практике социального просвещения в Германии и России. Итак, суггестивность в просветительском дискурсе реализуется в следующих **типах суггестивного воздействия**.

1. Эмоциональное внушение направлено на создание или коррекцию общего эмоционального настроения суггеренда. Суггестор пытается вызвать определенные негативные или позитивные эмоции суггеренда: жалость, стыд, злость или состояние гордости, радости, эйфории. С этой целью используются, в частности, коммуникативные тактики поощрения, одобрения, похвалы, выполняющие позитивно настраивающую

функцию. Так, следующее высказывание содержит похвалу и характеризует суггеренда как сильную личность: *Super, du hast es ja auch schon geschafft, eine Woche lang nicht zu kiffen* (Супер, тебе уже удалось неделю не курить (травку) (здесь и далее перевод автора. – С. П.)). В следующем примере суггестор, делая комплимент коммуникативному партнеру, указывает на его преимущества в сравнении с другими: *У тебя больше мужества, чем у других!*

2. Внушение оценки проблемы и явления. Суггестор стремится сформировать или изменить отношение суггеренда к проблеме или явлению. Так, по отношению к подростку, обратившемуся к консультанту с вопросом, насколько серьезна ситуация потребления им легкого наркотика, консультант выбирает различные приемы.

– **Повышение степени опасности**, что означает «проблема есть и требует решения»: *Не правы те, кто думает, что все пройдет само. Дальше будет хуже.*

– **Придание проблеме характера срочности**, т. е. «проблема есть, её необходимо быстро решать»: *Gut, dass du dich bei uns meldest. In einer Woche kann es schon zu spät sein.* (Хорошо, что обратился к нам. Через неделю может быть уже поздно) \ *Это может произойти через пару дней. Пару минут. Прямо сейчас!*

– **Снижение степени опасности** / безысходности, что означает «проблема есть, но её решение возможно»: *Es gibt noch Hoffnung!* (Надежда ещё есть!) \ *Это не конец! Совсем не конец! Ерунда! Справлялись и не с таким!*

– **Придание единичному случаю характера типичности**, повторяемости, что соответствует тезису «проблема есть, но она встречается у многих»: *Es gibt viele andere Kinder, die in einer ähnlichen Situation sind.* (Есть много других детей, которые находятся в подобной ситуации.) / *Многие курильщики называли те же проблемы. Но ничего, все справились, все бросили.*

3. Эйдетико-когнитивное внушение направлено на **создание бессознательных образов**, якорей, маркирующих позитивно \ негативно \ иронично идею, явление, персонаж. Например, в просветительском послании *Alkohol macht die Birne weich* (Алкоголь размягчает мозг (букв. грушу) суггестивное воздействие реализуется за счет использования многозначности лексической единицы *Birne*, имеющей значения: а) груша, б) голова (человека), башка. Выражение «eine weiche Birne haben» имеет стилистическую помету «разг., шутл.» и означает «быть не в своем уме». Данное послание оставляет в сознании реципиента образ размякшей в спиртовом растворе груши, изображенной на сопровождающей текст иллюстрации.

Данный вид внушения реализуется также за счет **использования управляе-**

ных ассоциаций, когда между явлениями образуются новые связи, когда актуализация (восприятие, представление) одного из них влечет за собой появление другого (например, описание вкуса, полезности и эстетически приятной формы продукта вызывает аппетит). Например, слоган акции полового просвещения молодежи "*Sicher macht lustig!*" (*Безопасно – значит весело!*) при первом прочтении не только воссоздает ощущение беззаботного радостного времени, но и напоминает участникам этой акции основную призву – использовать презервативы с целью профилактики СПИДа.

Прием **метафоризации** позволяет внедрить в пределы внимания и зафиксировать в сознании реципиента новые яркие образы, например: *Zigaretten teeren den Weg zum Tod* (*Сигареты прожигают дорогу к смерти*). Глагол «*teeren*» обозначает «смолить, обмазывать дёгтем». Образная память суггеренда способна сохранять образ сигарет и дороги, покрытой смолой, долгое время спустя после исчезновения изображения из поля зрения.

4. **Скрытое программирование** поведения суггеренда предполагает использование:

– **вставленных (скрытых) команд**, где модус обязательства замещается модусом предложения или пожелания (*можно, можете, могли бы*). Так, родителям, которым предстоит сложный разговор с подростком, вместо команды *Reagieren Sie ruhig und nicht ängstlich!* (*Реагируйте спокойно и решительно*) говорится *Sie könnten dann ruhig und nicht ängstlich reagieren!* (*Вы могли бы тогда спокойно и решительно прореагировать*). Эффективность таких высказываний основана на создании иллюзии свободы выбора, а также на большей приемлемости для реципиентов речевых актов предложения и пожелания, чем приказа: *Вы могли бы в течение первой недели курить 1 сигарету в день* вместо *Курите 1 сигарету в день!*

– **программирующих вопросов**, например: *Rauchen Sie seit längerer Zeit weiter, obwohl Sie aufhören wollten?* (*Вы курите продолжительное время несмотря на то, что хотите бросить курить?*) Высказывание суггестора содержит две части. Собственно вопрос содержит лишь первая часть: *Вы уже продолжительное время курите?* Отвечая на этот вопрос, суггеренд автоматически признает правомерность второй части, приобретающей характер утверждения (*хочу бросить курить*). Ответ на этот «вопрос» может звучать: *Курю давно (или Курю непродолжительное время), несмотря на то, что хочу бросить.*

– **программирующих заданий**, например, суггеренду предлагается выполнить задание – закончить предложения: *Wenn ich rauchfrei bin, verbessert sich an meiner Gesundheit, dass ich... Wenn ich rauchfrei bin,*

verbessert sich an meiner sozialen Situation, dass ich... Wenn ich rauchfrei bin, verbessert sich an meiner finanziellen Situation, dass ich... (Когда я не курю, улучшения в моем состоянии заключаются в том, что... Когда я не курю, улучшения в моем социальном окружении заключаются в том, что... Когда я не курю, улучшения моего финансового положения заключаются в том, что...). Данное задание не дает возможности суггеренду задуматься над тем, улучшится ли его здоровье или социальное положение, если суггеренд бросит курить. Это подается как де-факто. Ему нужно лишь конкретизировать то, в чем именно состоят эти позитивные изменения. Таким образом, адресата программируют на самостоятельный поиск аргументов против курения и собственно на аутосуггестивный процесс, когда позиции суггестора и суггеренда совпадают, и человек сам себе внушает определенные идеи.

5. **Рефреймирование** направлено на перестройку категориальной структуры индивидуального сознания и введение в нее новых категорий (конструктов). Данная стратегия в исследуемом аспекте предполагает переключение внимания суггеренда с одного элемента фрейма «проблема» на другой.

Персонализация проблемы / события переключает внимание суггеренда с сути явления или события на его личность, знания и опыт: *Regelmäßiges Rauchen macht abhängig, das haben Sie selbst wahrscheinlich schon bemerkt?* (*Регулярное курение делает зависимым, Вы это сами, вероятно, уже заметили?* / *Вы лучше других понимаете, к чему это может привести.*

Деперсонализация проблемы / события – переключение внимания суггеренда на суть явления или суггестора – реализуется в просветительских посланиях через:

– номинализацию: *Druck und Zwang sind schlechte Ratgeber. (Давление и принуждение – плохие советчики. / Отвыкание от курения – не простой процесс;*

– пассивизацию: *Auch hier wird Ihre Vorbildfunktion gefragt!* (*И здесь требуется Ваш пример!*) / *Помощь предлагается в любом случае;*

– использование безличных или неопределенно-личных предложений: *Es ist nicht so leicht sich vom Rauchen abzugewöhnen. (Не так легко отвыкнуть от курения) / Трудно отказаться в первые недели от предложения коллег покурить;*

– рассмотрение ситуации с позиции суггестора: *Ich frage mich auch, wie du selbst die Situation einschätzen würdest (Я себя тоже спрашиваю, как бы ты сам оценил ситуацию) / Напиши, мне будет интересно узнать, сколько времени можно в твоей ситуации первый раз не курить.*

Выделенные типы суггестивного воздействия реализуются в просветительском

тексте за счет использования потенциала макро- и микролингвистических средств (термины Е.В. Шелестюк). К макролингвистическим средствам могут быть отнесены:

– моделируемый образ суггестора (консультант, советчик, судья, иронизирующий, «свой парень», поучающий и т. д.);

– моделируемый образ суггеренда (жертва обстоятельств, слабый/сильный, активный/пассивный, оптимист/пессимист, доверчивый/недоверчивый и др.);

– коммуникативная тональность отношений суггестор – суггеренд (кооперативность, доверительность, интимность, эмоциональность);

– информативность (высокая / низкая степень информационной плотности) и др.

К микролингвистическим средствам суггестивного воздействия относятся:

– фоностилистические (интонационное оформление, ритм, рифма, аллитерация и др.);

– лексические (номинации с использованием эмоционально-оценочной лексики, метафора, парафраз, эвфемизм и др.);

– морфологические (преобладание определенных частей речи, например существительных – для создания образов, глаголов – для динамичного изображения, а также определенных глагольных форм: изъявительного наклонения – для придания характера реальности описываемому явлению, сослагательного наклонения – для выражения возможности, повелительного – для побуждения к действию);

– синтаксические (использование средств когезии, парцелляция, повторение, антитеза и др.).

Следует отметить, что макро- и микролингвистические средства используются в рамках различных типов суггестивного воздействия. Например, повторение слов, высказываний является наиболее частотным грамматическим средством, используемым во всех типах суггестивного воздействия, поскольку многократное повторение мысли, даже не разделяемой суггерендом, достаточно глубоко врывается в его подсознание, оставляет в его памяти мнемонические следы и таким образом может влиять на его чувства, мысли и посткоммуникативное поведение.

Суммируя вышесказанное, отметим, что суггестивные характеристики современного просветительского дискурса обусловлены его прагматической целью, статусно-ролевыми позициями участников общения, его ценностно-смысловым наполнением. Суггестивное воздействие представлено в

исследуемом дискурсе в виде эмоционально-оценочного, эйдетики-когнитивного внушения, рефреймирования и скрытого программирования поведения суггеренда. Реализация данных типов суггестивного воздействия проявляется в наборе разнообразных средств на макро- и микроуровне. Заметим, что, иллюстрируя представленные в работе положения примерами на немецком и русском языках, мы не ставили целью их сравнительный анализ, однако признаем, что выявление национально-специфических особенностей реализации суггестивного воздействия может стать предметом дальнейшего исследования. Не претендуя на исчерпывающий анализ феномена суггестивного воздействия, следует подчеркнуть практическую значимость исследования просветительского дискурса именно в этом ракурсе, в первую очередь для создания эффективных воздействующих текстов в сфере просвещения населения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Голоднов А. В.* Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 247 с. ; *Иссерс О. С.* Речевое воздействие : учебное пособие. М., 2009. 224 с.
- [2] *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. 487 с.
- [3] *Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин.* Минск, 1998. 800 с. ; *Черепанова И. Ю.* Текст как фактор изменения установки личности (лингвистические аспекты суггестии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1992. 21 с.
- [4] *Гончаренко Н. В.* Суггестивные характеристики медицинского дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 23 с.
- [5] *Шелестюк Е. В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография. Челябинск, 2008. 232 с.
- [6] *Желтухина М. Р.* Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., Волгоград, 2004. 44 с.
- [7] *Гончаренко Н. В.* Указ. соч.
- [8] *Авдеенко И. А.* Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 23 с.
- [9] URL: <http://www.drugcom.de> (дата обращения: 09.06.2012) ; <http://www.netzavisimosti.ru/narcomania/forteachers> (дата обращения: 09.06.2012).
- [10] *Петренко В. Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988. 208 с.
- [11] *Шелестюк Е. В.* Указ. соч.

МОДЕЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА С ПОЗИЦИЙ СОЦИОДИНАМИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Универсальная модель институционального дискурса разработана на основе социодинамического подхода к исследованию дискурса, который синтезирует основные положения концепций критического дискурс-анализа с теориями институционального дискурса, разработанными в отечественной социолингвистике. Предложена динамическая трактовка понятия «институциональность» и разработан вариант полевой модели институционального дискурса.

Ключевые слова: социодинамический подход, институциональный дискурс, институциональность.

Предлагаемое при социолингвистическом подходе разделение дискурсов на институциональные и персональные является общепринятым в отечественной дискурсологии (работы В.И. Карасика, М.Л. Макарова, М.Ю. Олешкова, О.Ф. Русаковой и др.), а типология институциональных дискурсов считается наиболее разработанной ее частью.

В трактовке термина «институциональный дискурс» (далее – ИД) большинство отечественных исследователей опираются на работы В.И. Карасика [1]. Он определяет институциональный дискурс как специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые «могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума»; это «коммуникация в своеобразных масках» [2, с. 27].

В его работах представлена универсальная схема полевой структуры ИД, где ядро дискурса образуют коммуникации «базовой пары»: «Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты)» [3, с. 15]. Периферию же составляют «нейтральные признаки институционального дискурса»: это характеристики, типичные для любого типа общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других дискурсов, проявляющиеся в данном («например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы – в медицинском, научной дискуссии – в педагогическом») [4, с. 31].

На основе предложенной В.И. Карасиком теории ИД другие лингвисты осуществляют монографическое описание конкретных видов дискурса, уточняя положения базовой концепции¹.

Так, в работах А.А. Шереметьевой выполнен анализ полевой структуры экономического дискурса с более подробной классификацией пар его участников, образующих центр и периферию изучаемого дискурсивного образования [5]. Помимо «ядерной пары», о которой речь шла выше, А.А. Шереметьева выделяет иных участников экономического дискурса, общение которых составляет его периферию: «Участники экономического дискурса (они же субъекты экономики) могут быть объединены в различные группы. <...> Так, например, с точки зрения экономической активности в экономической теории выделяют предприятия... потребителей... и государство. Субъекты экономического дискурса могут быть разделены и по степени подготовленности коммуникантов на неподготовленных и специально подготовленных... либо на профессионалов, дилетантов и журналистов... Таким образом, к участникам экономического дискурса будет относиться базовая пара “профессионалы (производители) и распределители товаров и услуг) – неспециалисты (потребители товаров и услуг)”, а также “журналисты – профессионалы, неспециалисты”» [6].

Тех же участников («профессионалы, дилетанты и журналисты», «специалисты и дилетанты»), но уже в иных ИД выделяют и другие исследователи институциональной коммуникации. В монографии Е.И. Шейгал предлагается широкое понимание политического дискурса, включающее не только общение политиков, но и разговоры о политике в самых разных дискурсах – бытовом, художественном, публицистическом и др. В работе показано, как политический дискурс пересекается с другими типами дискурса – юридическим, научным, массово-информационным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, бытовым и художественным [7, с. 18–33]. В докторской диссертации Т.А. Ширяевой, посвященной созданию интегративной модели **делового дискурса**, автор выделяет в нем «3 относительно стабильные сферы коммуникации: *профессиональный институциональный деловой дискурс* (сам процесс профессиональной деятельности делового сообщества), *академический институциональный деловой дискурс* (хранение и воспроизводство знаний, подготовка кадров), *публичный институциональный деловой дискурс* (распространение информации о деятельности, привлечение сторонников, обмен опытом)». Исследователь говорит о полевой структуре делового дискурса, в центре которой «находится профессиональный деловой дискурс, максимально соответствующий его назначению, в то время как в периферийных зонах находится публичный дискурс, в котором осуществляется контакт представителя делового сообщества с человеком, не относящимся к этому институту, и наблюдается взаимопроникновение различных типов дискурса» [8, с. 15].

Предполагаем, что базовую профессиональную, а также публичную (медийную) и академическую дискурсивные разновидности можно вычленивать в полевой структуре и других типов ИД. К этому выводу нас привел анализ монографических исследований разных видов институционального дискурса, выполненных отечественными учеными, работ постструктуралистов и теоретиков критического дискурс-анализа (М. Фуко, Н. Фэркло, Р. Водак, Э. Лакло, Ш. Муфф) о динамике и структуре дискурсивных форм, трудов ученых екатеринбургской школы дискурс-анализа под руководством О.Ф. Русаковой [9], работ обобщающего характера об институциональном дискурсе (см.: [10]), а также докторских диссертаций Т.А. Ширяевой, М.Ю. Олешкова, Л.С. Бейлинсон и других, где сделана попытка осмыслить сам феномен институциональности, обобщить имеющиеся в рамках социолингвистического подхода трактовки институциональной коммуникации.

В концепциях критического дискурс-анализа (КДА), в работах ученых екатерин-

бургской школы «Дискурс ПИ» дискурс представлен как мощный властный ресурс, посредством которого социальные институты осуществляют свою саморепрезентацию, легитимацию, конструирование и продвижение тех или иных образов реальности, производят позиционирование в социокультурном и политическом пространстве. По представлениям, развиваемым в КДА и работах ученых екатеринбургской школы, дискурсы постоянно борются между собой за превосходство², за признание в качестве легитимной речевой и социальной практики. Подход, при котором дискурс трактуется как динамическая структура, которая с помощью своих дискурсивных практик борется за укоренение в системе дискурсов, осуществляя таким способом легитимацию и позиционирование стоящего за дискурсом социального института, мы обозначили термином «социодинамический».

Теоретической основой социодинамического подхода к институциональности, предлагающей объяснение философии, онтологии и динамики взаимодействия языковых и социальных практик, считаем постструктуралистские теории (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Лакан), постмодернистские теории «социального конструкционизма» и концепции теоретиков КДА (Н. Фэркло, Ш. Муфф, Я. Торфинг, С. Жижек, М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс и др.). Данные направления объединяет тезис о том, что дискурс представляет собой форму социальных практик, с помощью которых социальные институты объясняют и закрепляют свое существование в обществе. Думается, что идеи зарубежных и отечественных дискурсологов об институциональности как о желаемом статусе, который каждый дискурс и стоящий за ним социальный институт стремятся приобрести в «водвороте и борьбе дискурсов», делают возможным динамический подход к пониманию институциональности³.

При социодинамическом подходе институциональность предстает в качестве динамической (т. е. получаемой и, соответственно, утрачиваемой) характеристики дискурса, обретению которой предшествует некий процесс институционализации. Институциональность достигается с помощью специальных текстов⁴, технологий, стратегий и тактик, типичных для данного исторического периода. Изучение таких текстов, каналов, технологий пока относится к перспективам исследования динамических аспектов дискурса. Пока же отметим, что в результате процесса институционализации в общественном сознании должна сформироваться устойчивая связь «имени института»⁵ с «определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании» [13].

Думается, что рассмотрение институциональности в динамическом аспекте и введение понятия «институционализация»⁶ как процесса и способа приобретения дискурсом статуса легитимной речевой и социальной практики позволяют расширить научные представления о структуре институционального дискурса и построить универсальную полевую модель ИД, характерную для постиндустриального общества.

Обозначая разновидности ИД, образующие его дискурсивное пространство, термином «субдискурс», попытаемся представить универсальную модель полевого структуры институционального дискурса в виде совокупности таких субдискурсов.

Основу ИД, его ядро, формируют коммуникации базовой пары дискурса (или пар, если количество основных участников коммуникации нельзя свести к одному тандему) – это представители социального института и внешние целевые аудитории (потребители, государство, общественность). Состав и количество базовых пар определяется структурой того социального института, который репрезентирован в данном ИД. По степени подготовленности субъектов к общению в рамках этого социального института пары могут дифференцироваться на профессионалов и дилетантов (профессионалов и непрофессионалов).

В периферийную часть ИД считаем необходимым в первую очередь включить медийный субдискурс, поскольку борьба и позиционирование дискурсов осуществляется через каналы, типичные для современной постиндустриальной эпохи, – через практики медиадискурса, PR-технологии и рекламу.

В медиалингвистике термином «медиа» обычно обозначают «любой вид дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации» [15, с. 4], т. е. речь идет не только о журналистском медиадискурсе, но и, например, о социальных сетях, профессиональных порталах и блогах, где обсуждаются проблемы и дискурсивные практики какого-либо социального института⁷. В связи с этим участниками медийного субдискурса будет не только базовая пара «представители социального института (профессионалы) – журналисты», но и пары «специалист – специалист», «специалист – неспециалист» (в блоге, на профессиональном портале), «неспециалист – неспециалист» (в социальных сетях), которые коммуницируют в медийном пространстве.

Медийный субдискурс как составная часть изучаемого ИД вычленяется в последнее время исследователями для различных типов дискурсов: Ю.В. Данюшиной – для бизнес-дискурса, Т.А. Ширяевой – для делового, Е.Г. Малышевой – для спортивного [17], что позволяют выдвинуть гипотезу об универсальности этого субдискурса как составляющей для любого современного типа институ-

ционального общения. О медиадискурсе как посреднике пишет в работе, посвященной институциональному спортивному дискурсу, А.Б. Зильберт. «Каналы массовой коммуникации являются основными каналами распространения спортивного дискурса», в котором «представители института массовой информации (газеты, радио, ТВ), журналисты» являются «посредником между институтом спорта (в рамках которого происходят все спортивные события) и массовой анонимной рассредоточенной аудиторией “клиентов”» [18, с. 107]. Облигаторность медийного субдискурса в полевого структуре любого современного ИД связана с особенностями процесса легитимации и позиционирования социальных институтов, характерных для постиндустриального общества. В постиндустриальную эпоху, с ее информатизацией и виртуализацией⁸, любая социальная структура должна быть представлена в медиапространстве, оценена сетевым интернет-сообществом, которое в настоящее время и является действительным носителем общественного мнения.

Столь же обязательным в структуре ИД считается **имиджевый субдискурс**: именно он в первую очередь отвечает за позиционирование социального института; институционализация и позиционирование – это его базовая цель, основное предназначение. О.Ф. Русакова, предлагая универсальную схему жанров ИД, включает в нее «жанры внутрикорпоративной и внешней PR-деятельности»: «Включение в жанровую палитру ИД жанров PR-деятельности продиктовано тем, что сегодня вряд ли найдется хоть один социальный институт, который бы не практиковал тот или иной жанр связей с общественностью. PR-службы... существуют во всех солидных организациях, учреждениях и фирмах» [19, с. 28].

Необходимость включения имиджевого субдискурса в периферийную зону ИД находит подтверждение в работах теоретиков КДА (Э. Лакло, Ш. Муфф, Н. Фэркло), которые пишут о маркетинге, рекламизации всей дискурсивной системы национального языка, о том, что позиционирование становится неотъемлемой социальной и дискурсивной практикой любого социального института, будь то религия, спорт, политика, экономика или корпорация [20, с. 45–47]. Речь идет об отделах по связям с общественностью, о пресс-службах, которые открываются отныне и в компаниях, и в органах государственной власти, и в спортивных клубах, и при епархиях: «Главной целью деятельности пресс-служб госучреждений, предприятий, организаций, бизнес-структур становится поддержка благоприятных отношений с общественностью, СМИ, органами власти, клиентами, партнерами, позиционирование экономической и социальной миссии предприятия не только в повседневной дея-

тельности, но и в кризисных ситуациях и др.» [21, с. 157]. В цитируемой работе особо подчеркивается, что институционализация происходит через PR-технологии: «связи (взаимодействие) с общественностью → институционализация...».

У имиджевого субдискурса имеется своя цель (позиционирование социального института, оптимизация его отношений со значимыми ЦА), которая конкретизируется в зависимости от направленности на внутреннюю или внешнюю аудиторию. Так, имиджевые тексты, корпоративная символика, фирменная цветовая гамма и прочие технологии внутреннего PR имеют дополнительную цель консолидировать коллектив, оптимизировать систему управления. В заключение отметим, что у имиджевого субдискурса имеется свое концептуальное содержание – это публичная версия деятельности социального института.

Небесспорным представляется включение в модель ИД рекламного субдискурса в связи с тем, что не все типы организаций занимаются рекламой своих товаров и услуг. В основном это прерогатива коммерческих структур. Однако тенденция к рекламизации дискурсов государственных структур уже явно ощущается. Примером могут послужить дискурсивные практики государственных учебных заведений России. Многочисленные исследования показывают, что отечественные вузы уже наработали богатый практический опыт в рекламном продвижении образовательных услуг и даже успели его осмыслить теоретически, в том числе и в лингвистическом аспекте. Возможность включения рекламного субдискурса в структуру ИД находит подтверждение в теориях постструктуралистов и теоретиков КДА о рекламизации дискурсов как кросс-культурной тенденции современного общества [22].

В работах постструктуралистов, современных дискурсологов в структуру ИД последовательно включается научно-педагогический (академический) дискурс, о роли которого в позиционировании и легитимации социальных институтов писал еще М. Фуко: «Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут» [23, с. 76]. Академическая среда и система профессионального образования всегда были основными субъектами и инстанциями институционализации, так как сам факт изучения социальных и дискурсивных практик какого-либо социального института в академических учреждениях уже свидетельствовал о признании существования этого социального института и его возможной легитимации. Необходимость включения научно-педагогического субдискурса в структуру ИД обусловлена еще и тем, что любой социальный институт для

своего воспроизводства, подготовки будущих лояльных членов должен иметь соответствующие учебно-образовательные структуры: «Академический институциональный дискурс... призван системно готовить специалистов и учащихся к эффективной коммуникации в деловом мире» [24, с. 35]. Участниками такого субдискурса, его «базовыми парами» становятся, соответственно, ученые и преподаватели, с одной стороны, и научные сотрудники, студенты – с другой. В терминах, предлагаемых А.А. Шереметьевой, эту пару можно обозначить как «профессионалы – профессионалы». Содержательный аспект научно-педагогического субдискурса составляют теории устройства социального института и научное описание его дискурсивных и социальных практик. Что касается базового концепта научно-педагогического субдискурса, то его можно представить как «базовый фрейм социального института» в терминологии Т.А. Ширяевой: «Любой общественный институт может быть смоделирован в виде сложного фрейма, включающего: людей, занятых соответствующей деятельностью; их характеристики, общественные ритуалы, поведенческие стереотипы, мифологемы, т. е. все типичное для этого института, а также тексты, производимые и хранимые в данном социальном образовании» [24, с. 20]. Отметим, что научно-педагогический субдискурс, как и рассмотренные ранее медийный, имиджевый и рекламный, относится к периферии ИД. Он связан с ядерной зоной лишь постольку, поскольку в нем обсуждаются темы и проблемы соответствующего социального института и его дискурсивные практики.

Для институционализации дискурса необходима также его легитимация в правовом поле: требуется создание законодательных актов, которые регулируют деятельность соответствующего социального института. Соответственно, в полевую структуру ИД имеет смысл включить юридический субдискурс. Он также относится к периферии дискурсивного пространства ИД. Его участниками становятся пары «государственные органы, юридические институты, общественность / социальный институт». Если же речь идет о степени готовности к коммуникациям в данной сфере, то можно говорить о тандемах «профессионалы – профессионалы» и «профессионалы – дилетанты». Целью юридического субдискурса становится легитимация института и его дискурсивных практик в правовом поле, тематикой – оценка деятельности социального института в правовом поле, а текстами институционализации выступают законы и законодательные акты.

В результате модель полевой структуры институционального дискурса постиндустриального общества в рамках социодинамического подхода, предлагаемого в настоящей работе, может быть представлена следующим образом (см. таблицу).

Модель структуры институционального дискурса постиндустриального общества

Участники (суб)дискурса	Цель (суб)дискурса	Жанры (суб)дискурса	Тематика (суб)дискурса	Базовые концепты (суб)дискурса	Связь с другими типами дискурсов	Тип (суб)дискурса
ЯДЕРНАЯ ЗОНА						
Представители социального института/ внешние и внутренние целевые аудитории (ЦА)	Основные цели ИД	Основные жанры ИД				
ПЕРИФЕРИЙНАЯ ЗОНА						
Представители социального института/ внешние ЦА (потребители, государство, общественность)	Позиционирование дискурсивных и социальных практик социального института; оптимизация отношений со значимыми ЦА	Система PR-жанров и PR-акций	Публичная версия деятельности социального института, иницированная самим институтом	Общественно- полезный характер деятельности социального института	PR-дискурс	Имидже- вый
Руководство социального института/ сотрудники (профессиона- лы/профессионалы)	Позиционирование дискурсивных и социальных практик социального института; консолидация членов социального института; оптимизация управления социальным институтом					
Журналисты / представители социального института, широкая общественность (профессионалы и дилетанты)	Информирование, позиционирование (в случае ангажиро- ванности СМИ социальным институтом)	Жанры журналистского дискурса	Публичная версия деятельности социального института, иницированная СМИ или иными агентами	Общественно- полезный/ вредный характер деятельности социального института	Медийный (журналист- ский) дискурс	Медийный (журнали- стский)
Представители социального института/ представители социального института, широкая общественность (профессионалы/ профессионалы, профессионалы/ дилетанты)	Информирование, оценка дискурсивных и социальных практик института, обмен опытом	Жанры сетевой интернет- общения	Дискурсивные и социальные практики института		Сетевой интернет- дискурс	Сетевой
Ученые, преподаватели/ научные сотрудники, студенты (профессионалы/ профессионалы)	Подготовка новых членов социального института, хранение и передача знаний	Жанры научного и педагогичес- кого дискурсов	Теории дискурсивного строительства и устройства социального института	Базовый фрейм социального института	Научный, педагогиче- ский дискурсы	Научно- педагоги- ческий
Государственные органы, юридические институты, общественность/ социальный институт (профессионалы/ профессионалы, дилетанты)	Легитимация дискурсивных и социальных практик социального института в правовом поле	Законда- тельные акты, иные жанры юридичес- кого дискурса	Оценка деятельности социального института в правовом поле	Базовые концепты дискурса в терминологи- ческом пространстве юриспруден- ции	Юридический дискурс	Юриди- ческий

Хронологическая отнесенность, обозначенная в заголовке таблицы («дискурс постиндустриального общества»), означает, что в каждом типе общества имеются характерные для него каналы, способы, жанры институционализации дискурсов, которые с течением времени при развитии информа-

ционных технологий могут претерпевать изменения. Соответственно, может изменяться жанровое наполнение и сам состав субдискурсов.

Предполагаем, что для ряда дискурсов подвижной окажется граница ядерной и периферийной зон. Так, изучение корпоратив-

ного дискурса, проведенное автором данной статьи, показало, что имиджевый субдискурс необходимо включить в ядерную часть полевой структуры корпоративного дискурса, поскольку стремление отмежеваться от схожих, аналогичных организаций (позиционирование) – одна из дискурсообразующих тенденций, движущих сил развития корпоративных коммуникаций [25].

Приведенная таблица дает наглядное представление о связи институционального дискурса с медийным, научным, педагогическим, юридическим, PR, сетевым дискурсами в зависимости от базовой пары участников, цели и тематики общения. Таким образом, обнаруживается еще одна основная характеристика ИД – открытость, которая выражается в неизбежности его пересечения с иными дискурсами, необходимыми для институционализации или препятствующими ей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. работы по **политическому дискурсу** Д.А. Бокмельдера, М.Р. Желтухиной, М.Ю. Кочкина, А.П. Чудинова, Е.В. Бакумовой, Е.И. Шейгал, О.Л. Михалёвой, М.А. Волкодава, С.А. Домышевой, В.В. Кашпур, А.Г. Халатян и мн. др.; по **деловому дискурсу** Т.Н. Астафуровой, Е.В. Ковшиковой, И.В. Драбкиной, А.А. Харьковской, Ю.Ю. Филоновой, О.С. Сыщикова, Н.А. Баландиной, Б. Э. Пономаренко, З.И. Гурьевой, Б.Э. Азнаурьян, Т.А. Ширяевой; диссертации по **бизнес-дискурсу** Т.А. Ширяевой, О.А. Усковой; по **организационному дискурсу** Я.Л. Березовской, Т.А. Перелыгиной; труды о **профессиональном дискурсе** Е.В. Харченко, Л.С. Бейлинсон; диссертации по **экономическому дискурсу** А.Ю. Кланцаковой, А.А. Шереметьевой; работы по **медиадискурсу** А.Б. Зильберт, Т.Г. Доброклонской, А.В. Соломиной; диссертации о **PR-дискурсе** О.Ф. Русаковой, Т.Ю. Махортовой, С.С. Шляховой, Ю.Д. Чилингир, М.А. Коновой; о различных аспектах **рекламного дискурса** работы Ю.К. Пироговой, А.А. Немова, Е.И. Почтарь, И.Ю. Егоровой; анализ **маркетингового дискурса** в диссертации И.А. Гусейновой; лингвистическое описание **религиозного дискурса** в трудах Л.П. Крысина, Е.В. Грудева, В.И. Карасика, О.А. Прохвятиловой, Г.А. Агеевой, О.А. Крыловой, Е.В. Бобыревой, Е.А. Кислянской; о специфике **дискурса спортивного** труды С.А. Кудрина, А.Б. Зильберта, О.А. Панкратовой, Е.Г. Малышевой, **юридического** – М.В. Коноваловой, М.Н. Федуловой, О.В. Косоноговой, **медицинского** – Л.С. Бейлинсон, С.Д. Сидоровой, **военного** – Т.С. Юсуповой, **экономического** – А.А. Шереметьевой, Е.Ю. Воякиной и др.
- ² Теории «борьбы» и «водоворота» дискурсов развивают в своих работах теоретики КДА М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс, Э. Лакло и Ш. Муфф [12].
- ³ Т.А. Ширяева в докторской диссертации отмечает, что в лингвистике формируется особый, «институциональный подход» к изучению дискурса, сущностью которого исследователь считает «осознание действующего языка, связанное с

- социальными отношениями, идентичностями, с установлением отношений власти» [11, с. 48].
- ⁴ В рамках развиваемого в данной работе социодинамического подхода они получили название «текстов институционализации».
- ⁵ «Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т. е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем...» [13, с. 5].
- ⁶ Термином «институционализация» мы характеризуем те дискурсивные процессы, технологии, которые используются для придания дискурсу легитимного статуса, укоренения его в системе функционирующих дискурсов, а соответствующего ему социального института – в системе других институтов, ибо «институт историчен и конвенционален, обладает статусом законности» [14, с. 57].
- ⁷ «Оформленная институциональная сфера обладает своим дискурсом, который рефлексивируется как институциональный не только исследователями, но и носителями языка» [16, с. 369].
- ⁸ В рамках созданной во второй половине XX в. теории «постиндустриального» общества происходит дальнейшее конкретизирование его сущностных черт: «технотронное», «постэкономическое», «посткапиталистическое», «сетевое», «программированное» (Д. Белл, Э. Тоффлер, В. Иннозетцев и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–19; *Его же.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 25–33; *Его же.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 477 с.
- [2] *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса. С. 25–33.
- [3] *Карасик В. И.* О типах дискурса. С. 5–19.
- [4] *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса. С. 25–33.
- [5] *Шереметьева А. А.* Метафоры немецкого экономического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 160 с. ; *Ее же.* Основные характеристики экономического дискурса (на материале немецкого языка) // Вестн. Кузбас. гос. акад. 2011. 10 авг. URL: <http://www.vestnik.kuzspa.ru/articles/61>.
- [6] *Шереметьева А. А.* Основные характеристики экономического дискурса...
- [7] *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
- [8] *Ширяева Т. А.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 540 с.
- [9] *Русакова О. Ф., Русаков В. М.* PR-дискурс: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург, 2011. 334 с. ; см. также материалы сайта школы «Дискурс-ПМ» : URL: <http://www.discourse-pm.ru/avtor6/std.php> ; материалы научно-практического альманаха «Дискурс-Пи» : URL: <http://www.dipi.mm.ru>.
- [10] Дискурс как социальная деятельность: проблемы институциональной коммуникации : коллективная монография. М., 2011. 200 с.
- [11] *Ширяева Т. А.* Указ. соч.

- [12] Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2004. 352 с.
- [13] Карасик В. И. О типах дискурса. С. 5–19.
- [14] Ширяева Т. А. Указ. соч.
- [15] Медиадискурс: новые явления и новые подходы: коллективная монография / отв. ред. Н. А. Кузьмина. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 262 с.
- [16] Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. 409 с.
- [17] Данюшина Ю. В. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 49 с.; Ширяева Т. А. Указ. соч.; Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М., 2001. Вып. 19. С. 103–112; Малышева Е. Г. Спортивный дискурс: когнитивно-языковое описание: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 52 с.
- [18] Зильберт А. Б. Указ. соч.
- [19] Русакова О. Ф., Русаков В. М. Указ. соч.
- [20] Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Указ. соч.
- [21] Невоструева А. Ф. Институционализация пресслужб в системе связей с общественностью: дис. ... канд. социол. наук. Пермь, 2009. 171 с.
- [22] Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры. М., 2003; Fairclough N. Critical Discourse Analysis. London: Longman, 1995. P. 24; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001. С. 177–208.
- [23] Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. 448 с.
- [24] Ширяева Т. А. Указ. соч.
- [25] Ромашова И. П. Закономерности дискурсообразования (на примере корпоративного дискурса) // Вестн. Северо-Осетин. ун-та. 2011. № 2. С. 264–275.

ВОЕННАЯ СТРУКТУРА В РАМКАХ РУССКОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА И ВОЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА XIX в.

Рассматривается языковое оформление номенклатурных названий в русском военном подязыке XIX в., их отражение в языковой картине мира военнослужащего. Многочисленность и разветвленность подобных названий свидетельствует о сложности и многообразии лексем со значением «структура» в рамках военного дискурса. Представленность в языковом сознании военных номинаций военной структуры говорит об их прочном вхождении в военную языковую систему и военную концептосферу XIX в.

Ключевые слова: военная структура, концепт, языковая картина мира, военнослужащий.

XIX век как век развития Российского государства и всех его институциональных структур ознаменовался становлением специальных пластов русской языковой системы, особое место в которой занимали «отраслевые» языковые образы представителей русской государственности, среди которых были и представители армии.

Языковой образ военнослужащего неразрывно связан с совокупностью понятий, окружающих военную сферу, проникающих в нее. В их число входит понятие военной структуры. Военный дискурс XIX в. пронизан большим количеством номенклатурных наименований разного порядка, отражающих реалии военного быта и военной конъюнктуры того периода.

По мнению А.А. Зализняк [1], «понятие языковой картины мира включает две связанные между собой, но различные идеи: 1) картина мира, предлагаемая языком, отличается от «научной» (в этом смысле употребляется также термин «наивная картина мира») и 2) каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность несколько иначе, чем это делают другие языки». Таким образом, понятие картины мира обязательно соотносится с национальным, но в то же время является противоположностью чисто научным представлениям о мире.

Вопросы ментальности и языкового кругозора военнослужащих редко становятся темой научных публикаций. Зачастую к этому вопросу обращаются при решении практикоориентированных задач. Например, Л.И. Лурье, Р.М. Нургалиева подчеркивают необходимость учета ментальности военнослужащих стран-союзников и стран-противников, а также языковое сознание гражданского населения в его отношении к военнослужащим [2, с. 98]. Относительно новым в лингвистических исследованиях является обращение к номинациям военной структуры в аспекте развития, а не статичного состояния языковой подсистемы.

Военнослужащий проходит необходимый путь социализации, который сопровождается: «формированием навыков социализации; приобщением военнослужащих к профессиональной культуре и многообразию культурных пластов, сопровождающих их деятельность; пониманием речи противника (для военнослужащих язык является не только сферой сотрудничества с сослуживцами, но и фактором противостояния противнику)» [2].

Военнослужащие как социально-профессиональная группа имеют ярко выраженные социокультурные и социально-бытовые особенности. Служба в армии – это период приобщения к языковой культуре войсковой

структуры как социального института. Формирование языковой личности военного «осуществляется в условиях такой социальной организации, которая жестко регламентирует все стороны жизни индивидов. Освоение профессии военнослужащего предполагает не только изучение определенного набора дисциплин, приобретение тех или иных компетенций, но и адаптацию в мире, где правила унификации, решительные действия по приказу распространяются на все области человеческой жизни» [2]. Таким образом, «военный» тип общения и военную языковую картину мира образует социальная организация армии, построенная на высокой социально-профессиональной регламентации действий (в том числе языковых) и высокой степени контроля жизнедеятельности военных.

Военной языковой картине мира присущи собственные языковые модели, понятия и лингвокультурные оппозиции, отношения разного уровня и порядка. Характерная черта военного подязыка – бинарные лингвокультурные пары, в числе которых есть оппозиция «война – мир» [3, с. 88]. Данная оппозиция заняла прочное положение в языковой картине мира военных, что подтверждается языковым опытом русского народа (источниками фольклорного происхождения). Однако любое явление языковой картины мира должно быть оценено не только с лингвокультурной стороны, но и с семантической и семиотической, без чего не может быть сделана объективная оценка его функционирования в реальной языковой среде того или иного периода.

Представление военнослужащего о реальном мире связано с представлением о военной структуре, а именно об административной иерархии армии. Военная система, с одной стороны, является характерной чертой военной сферы, с другой – становится частью менталитета военнослужащих. Задачей нашего исследования является изучение процесса вербализации понятия военной структуры в языковой картине мира военнослужащего XIX в.

Оценка лингвистического описания иерархии должна начинаться с оценки экстралингвистического фона. Иерархия в армии регламентировалась на протяжении XVIII–XIX вв. Уставом Воинским¹ (1816 г.), Учреждением для управления большою действующею арміею (1812 г), Уставом для управления арміями в мирное и военное время (1846 г.), Положением о полевом управлении войск в военное время (1868 г.) и иными актами.

Большую группу в сфере номинаций структуры составляют названия военных ведомств. Официальные названия военных ведомств и подразделений ранжируются по принципу соподчинения (иерархии). В плане экстралингвистическом подобные номи-

нации различаются по той роли, которую они играют в жизнедеятельности армии и ее функциональном кругообороте. В плане лингвистическом можно выделить несколько «граней» подобных сочетаний и лексем, в частности, обратить внимание на словообразовательные особенности и морфологический состав номинаций, которые представляют собой либо однословное субстантивное наименование (*департамент*), либо двусловное адъективно-субстантивное сочетание (*генеральный штаб*). Применительно к дискурсу целесообразно также коснуться прагматилистического плана (аспекта анализа).

Номинации военной структуры имеют важную смысловую и функциональную (коммуникативную) нагрузку в военном дискурсе. В рамках различения функционала военнослужащих они подчеркивают четкое ранжирование военной системы, ее организованность, упорядоченность. В то же время перемена названий, внедрение новых названий говорит о динамике развития экстралингвистического фона военного дискурса, а также о тех социальных, содержательных изменениях, которые сопровождают развитие Вооруженных сил Российской империи.

Приведем контекстные употребления официальных названий военной структуры в порядке убывания «веса» соответствующих понятий в армейской иерархии (крупное – мелкое, значительное – незначительное).

Генеральный штаб [варианты: генераль-штаб, главный штаб]: *Чтобы покончить съ этимъ, по приказанію кн. Волконскаго и подъ непосредственной редакціей Толя было издано «Руководство къ отправленію службы чиновникамъ (офицерамъ) дивизионнаго генераль-штаба».*

*Поэтому былъ созданъ **Главный штаб** Его Императорскаго Величества, в составъ котораго входили: 1) начальникъ штаба, 2) военный министръ, 3) инспекторъ артиллеріи и 4) инспекторъ инженернаго корпуса [4, с. 90].*

*Тобольскій Гражданскій Губернаторъвъ каждый годъ, к назначенному Генераль-Губернаторомъ Западной Сибири сроку, доставляетъ въ **Штабъ** Командира Отдѣльнаго Сибирскаго корпуса подробное расписаніе о числѣ пѣшихъ и конныхъ нижнихъ чиновъ баталіона и полка, потребномъ гражданскому въдомству для исполненія постоянныхъ и временныхъ должностей [4, с. 7].*

Управленія, департаменты:

*Снабженіе арміи медицинскими средствами въдало два органа, **медицинскій и комисаріатскій департаменты** [4, с. 89].*

*Преобразование **генераль-аудиторскаго департамента**, отнынѣ подчиненнаго Военному министру, заставило его утра-*

тить характер независимаго высшаго военно-судебнаго установления [4, с. 90].

Главный полевой штабъ состоялъ изъ четырехъ "главныхъ отдѣлений штаба": 1) управления начальника Главнаго Штаба арміи, 2) **полевого артиллерійскаго управления**, 3) **полевого инженернаго управления** и 4) **интендантскаго управления** [4, с. 96].

Слово «подразделения» активно заменяется на лексемы «ведомство», «часть».

Окончательная передача в руки **артиллерійскаго вѣдомства** снабженія арміи огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ [4, с. 89].

Полная передача в руки **инженернаго вѣдомства** постройки, содержания, отопления и освѣщенія казармъ и воинскихъ зданій [4, с. 89].

При всемъ томъ необходимо отмѣтить въ новомъ положеніи весьма важную политическую сторону, это именно включеніе въ составъ центрального военнаго управления **квартирмейстерской части** и постановку ея на соотвѣтственное мѣсто [4, с. 92].

Въ завѣдываніи дежурнаго генерала находилось все, относящееся до завѣдыванія по личному составу арміи, по **строевой, обозной, военно-полицейской и военно-судной частямъ**, по завѣдыванію почтой, военными дорогами и госпиталями [4, с. 96].

Начальники артиллеріи и инженеры вѣдали **войсковыми частями** соотвѣствующихъ родовъ оружія, парками и пр. [4, с. 96].

Более мелкие подразделения именуются «отдѣлы», «комитеты», «инспекціи», «депо»:

Военно-топографическое депо, на которое было возложено: собираніе, составленіе и храненіе картъ, плановъ [4, с. 89].

Военно-ученый комитетъ, цѣль учрежденія котораго состояла въ усовершенствованіи ученой части военнаго искусства и въ распространеніи военно-научныхъ свѣденій [4, с. 89].

Дальнѣйшее развитіе положенія 1815 года состояло въ учрежденіи **генераль-инспекціи** артиллеріи и инженеровъ, во главѣ которыхъ были поставлены генераль-фельдцейхмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ и генераль-инспекторъ инженернаго корпуса, Великій Князь Николай Павловичъ [4, с. 92].

Положеніемъ этимъ было повѣлено: Оренбургское казачье войско по-прежнему оставить въ зависимости войсковой канцеляріи, съ подчиненіемъ по дѣламъ военнымъ инспектору **Оренбургской инспекціи** (военный губернаторъ), а по гражданскимъ губернскому начальству [4, с. 92].

Проанализировавъ состав репрезентантовъ военной языковой картины мира, мы

пришли к выводу, что иерархия территориально закреплена. Соответствующие номинации являются унифицированными, однородно структурированными для разныхъ территорий (военныхъ округов). Сема 'отношение к территории', присущая ряду «военныхъ» лексем, связана, во-первыхъ, с отнесенностью к определенной территории, во-вторыхъ, с близостью или удаленностью от «центра»: *Въ мирное время всѣ отрасли сосредоточиваются въ центральномъ военномъ Управленіи...* [5, т. 8, с. 51]. Сема 'подвижность' / 'неподвижность' связана с наличиемъ службы в структуре войска или «отдельно»: *Часть этихъ органовъ состоитъ при войскахъ, другіе – неподвижны* [5, т. 8, с. 50].

Отсутствие четкой лингвистической интерпретации большинства элементов иерархии свидетельствует, с одной стороны, о зыбкости этихъ понятій в языковомъ сознании говорящих, с другой – об активномъ становленіи военной лексической системы в языкѣ XIX в. Формированіе военной структуры оформляется внедреніемъ в русскую речевую практику новыхъ номенклатурныхъ номинацій: **коллегія – министерство, экспедиція – департаментъ**:

Военная **коллегія** дѣлилась на 3 экспедиціи: 1) армейскую – дѣла по кавалеріи и инфантеріи, 2) гарнизонную и 3) артиллерійскую и фортификационную [5, т. 2, с. 200];

1798 г. Военная коллегія дѣлилась на экспедиціи: армейскую, гарнизонную, приказную, иностранную, рекрутскую, ремонтную и учебную (по учр-ію о школахъ), кромѣ того, при ней были особыя экспедиціи: военная, счетная, инспекторская, генераль-аудиторіатъ, комисаріатская, провіантская, артиллерійская, чертежная съ архивомъ и морское артиллерійское депо [5, т. 2, с. 200].

Динамический процессъ развитія военной структуры, при которомъ происходитъ усложненіе структуры департаментовъ, военной конъюнктуры, представленъ в таблицѣ.

Процессъ развитія военной структуры

Показатель	XVIII век: Коллегія	XIX век: Министерство
Общее название органа	Военная коллегія	Военное министерство
Название отдела	Экспедиція	Департаментъ, Комитетъ (инспекторскій, провіантскій, комисаріатскій, артиллерійскій, инженерный, военныхъ посѣлений, медицинскій, аудиторскій)
Название руководителей	Президентъ, вице-президентъ	Военный министръ

Экстралингвистический фон номинаций военной структуры связан с их негативной оценкой в языковом сознании военнослужащих XIX в. В частности, в «Энциклопедии военных и морских наук» говорится: *Совокупность органовъ для высшего управления арміями въ военное время. Характерные особенности его: 1) недоверіе к единоличнымъ распоряженіямъ начальников; 2) существованіе въ арміи различныхъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ только своему спец. начальству, но не начальнику той части, при которой состояли (квартирмейстеры, комиссарские чины, профосы, фискалы), что приводило к разногласію въ распоряженіяхъ и недоразумѣніямъ* [5, т. 2, с. 72]. В дискурсах субъективность авторов может отражаться в оценке отдельных аспектов устройства армии: *Составъ полевого управления был громаденъ: 18 генераловъ, 109 офицеровъ, 314 чиновниковъ, 767 нижнихъ чиновъ, 800 повозокъ, 2 ½ т. лошадей* [5, т. 2, с. 72].

По системе репрезентантов можно судить об **устройстве концепта ‘военная структура’**. Последний включает такие категории, как:

– ‘иерархические отношения’: *начальник, главный – подчиненный, подчинить:*

Начальникъ штаба дивизіи былъ подчиненъ начальнику штаба корпуса, а тотъ – начальнику штаба арміи [5, т. 2, с. 72].

Организація полевого управления была неудачна: непосредственно главнокомандующему, кромѣ начальника штаба, подчинялись 10 лицъ: интендантъ, начальники артиллеріи, инженеровъ и военныхъ сообщений, полевой главный контролеръ, полевой главный казначей, походный атаманъ, главноуполномоченный общества красного креста, заведующіе гражданскою и военно-судн. частями [5, т. 2, с. 72].

– ‘объект иерархии’:

Органъ: Но еще до примѣненія его на практикѣ, признано необходимымъ дать большое развитіе тѣмъ органамъ, кои должны были вѣдать сообщеніями арміи, подвозомъ всего необходимаго ей, вывозомъ раненыхъ, и проч. [5, т. 2, с. 72].

– ‘субъект иерархии’: *командиръ, заведующій, начальникъ, главный (...)*

Нѣсколько расширена власть хозяйственныхъ распорядителей по заготовленіямъ и проч. Подчиненные... этихъ лицъ подчинялись строевымъ начальникамъ [5, т. 2, с. 72].

Репрезентация концепта ‘военная структура’ в языковом сознании военнослужащих связана с указанием на статусность военнослужащих, их последовательное соподчинение. Так, из предыдущего контекста ясно, что начальник штаба корпуса является одновременно и начальником, и подчиненным.

Каждый элемент военной структуры обладает следующими отраженными в языке особенностями.

1. Наличие руководителя: департаментъ – директоръ.

Во главѣ департаментовъ поставлены директора, и они именовались инспекторъ артиллеріи, генераль-провіантмейстеръ, инспекторъ инженерного корпуса, генераль-кригсъкомиссаръ, генераль-штабъ-докторъ и генераль-аудиторъ [5, т. 2, с. 235].

2. Наличие включаемых подразделений: министерство – департамент – отдел.

Военное министерство должно было состоять изъ: 1) департаментовъ Артиллерійскаго, Инспекторскаго, Провіантскаго; 2) канцеляріи; 3) особыхъ установлений – Воен.-учен. комитета, Воен.-топогр. депо и Военной типографіи [5, т. 2, с. 235].

Обратим внимание на то, что для военного дискурса XIX в. характерны метонимические модели: **учрежденіе** ‘создание подразделения’ – ‘название подразделения’ – ‘документ, устанавливающий подразделение’: *въ 1811 г. издано «Общее учрежденіе министерствамъ»;* **присутствіе** – ‘присутствіе чиновниковъ’ – ‘место для приема посетителей по разным вопросамъ’; ‘военное дежурство, смена’, ‘дежурство’ – штаб, дежурные офицеры: *Для дѣль, требовавшихся общаго соображенія, въ каждомъ департаменте образовалось общее присутствіе, изъ начальниковъ отдѣлений и особо назначенныхъ лицъ* [5, т. 2, с. 235].

3. Четкое разграничение функций и полномочий: *инспекторы артиллеріи и инженерного корпуса, управляя департаментами, о хозяйственныхъ дѣлахъ представляли военному министру, а по остальнымъ – начальнику штаба* [5, т. 2, с. 235].

4. Четкое разграничение функций в мирное и военное время:

Главный штабъ въ мирное время не составлялъ административной инстанціи, и только нѣкоторые чины его управляли особыми частями; въ военное время онъ могъ дѣйствовать въ приведенномъ составѣ только по особому высочайшему повелѣнію, причемъ въ повелѣніи долженъ былъ оговариваться кругъ деятельности Главнаго штаба и отдѣльныхъ чиновъ его [5, т. 2, с. 236].

В формальном отношении элементы, называющие военные номенклатурные названия, обладают ярко выраженными словообразовательными особенностями, характерными суффиксами (например, морфемами **-ать, -тор: комиссаріатъ, генераль-аудиторіатъ:** *звание начальника Главнаго штаба Е.И. Вел. Упразднено; вновь учреждены Военный совѣтъ и Генераль-аудиторіатъ* [5, т. 2, с. 236]; *инспекторъ, аудиторъ, директоръ (департамента)*).

Многие названия образовались способом:

– сложения слов с элементом ‘военно-’: *Военно-ученый комитетъ* [5, т. 2, с. 236], *Военно-медицинское управленіе, управленіе*

военно-учебныхъ завѣдѣній, Военно-судное управление [5, т. 2, с. 237], военно-конскіе заведенія, военно-походная канцелярія [5, т. 2, с. 239]: до 1881 г. при военно-походной канцеляріи состояло особое отдѣленіе для завѣдыванія собственными дѣлами Е. Вел., но въ этомъ году оно упразднено [5, т. 2, с. 239].

– присоединения префиксоидов: генераль-аудиторъ, генераль-фискаль, оберъ-аудиторъ [5, т. 2, с. 200], генераль-кригсъкомиссаръ, генераль-штабъ-докторъ.

Проследив отражение в военной языковой картине мира представления о военной структуре, мы пришли к выводу, что репрезентируемый концепт 'структура' выполняет основополагающую и организующую функцию как в военной концептосфере XIX в., так и в сфере военного подъязыка.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье сохранены оригинальные наименования исторических документов, учреждений, ведомств XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зализняк А. А. Языковая картина мира (русская языковая картина мира). URL: <http://www.monaprial.mn/modules.php?ss=4&id=58>.
- [2] Лурье Л. И., Нургалиева Р. М. Формирование языковой картины мира военного специалиста в процессе изучения иностранных языков // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 5 (30). С. 98–103. URL: lyceum1.perm.ru/prof/rab/010_pjb_5%2830%29.pdf.
- [3] Кацюба Л. Б., Калмыкова Е. Л. Существование паремий с лингвокультурной оппозицией «Мир/война» в русском языковом сознании // Филологические науки : вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 1 (8). С. 88–91. URL: www.gramota.net/materials/2/2011/1/23.html.
- [4] Курс истории русскаго военного искусства. Вып. VII. Эпоха императора Александра I. СПб., 1913.
- [5] Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ / сост. подъ главною редакціей генерала отъ инфантеріи Леера. СПб., 1883–1897.

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕМЕЦКОГО КОНЦЕПТА *BILD* ПО ОТНОШЕНИЮ К КАТЕГОРИИ «БЫТИЕ»

Описывается реализация концепта *Bild* в немецком языке в его соотносительности с категорией бытия. За основу берется зрительное восприятие, являющееся ведущим в отражении объектов действительности, репрезентируемых концептом *Bild*. Рассматриваются лексические номинанты зрительной перцепции, воспроизводящие ситуации восприятия данных объектов.

Ключевые слова: категория, концепт, бытие, восприятие, субъект, объект.

Бытие является основополагающей категорией философии, центральной категорией онтологии. Бытием называют все, что есть, наличествует, сохраняется в изменении, подмечают гибнущее, исчезающее, «небытие». В философских словарях и энциклопедиях бытие трактуется как категория, обозначающая объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания человека, наличие предметов и явлений самих по себе, а не их содержательный аспект [1].

В наивной языковой картине мира категория бытия при реализации концепта *Bild* может актуализироваться через концептуальные признаки, входящие в оппозицию «наличие / отсутствие объекта». Объективация обеих сторон оппозиции в языке обусловлена процессами восприятия объектов субъектом – носителем языка.

Восприятие представляет собой процесс отражения действительности субъектом в форме образа объекта, который обнаруживается при воздействии на сенсорную систему субъекта, включающую пять видов чувствительности: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание.

Восприятие бытия субъектом является важнейшей составной частью познания, поставляющей знание о реальности. Оно тесно взаимосвязано с другими высшими когнитивными механизмами, интерпретирующими и абстрагирующими сенсорную информацию – с пространственно-образным мышлением, образованием понятий и т. д. [2].

Каждый отдельный способ восприятия создает свои собственные механизмы, регулирующие получение сведений с помощью конкретного органа восприятия. Восприятие составляет важную часть человеческой жизни. Оно является формой чувственного отражения действительности в сознании, это способность обнаруживать, принимать, различать и усваивать явления внешнего мира и формировать их образы.

В восприятии объектов действительности, репрезентируемых концептом *Bild*, ведущая роль принадлежит зрительному восприятию. Об этом свидетельствует употребление в текстовых примерах многочисленных лексем зрительной перцепции.

Исследователи, как правило, различают несколько этапов восприятия бытия субъектом. Так, Е.В. Падучева выделяет два этапа восприятия. Она отмечает, что на первом, физиологическом этапе орган восприятия участвует в ситуации на правах своего рода орудия. В ситуации зрительного восприятия на этом этапе возникает зрительный образ предмета с отражением его формы, цвета, размера (видел что-то красное, круглое, большое). На втором этапе зрительный образ подвергается ментальной обработке (увидел березу, увидел подходящее дерево) [3].

В связи с этим в семантике глаголов восприятия можно различить два компонента:

- 1) собственно перцептивный (реакция соответствующего органа восприятия на действительность);
- 2) ментальный – осознание воспринятого, идентификация объекта, выявление его свойств [4].

Глаголы восприятия, употребляемые с лексемами-репрезентантами концепта *Bild*, по-видимому, включают оба данных компонента, поскольку воспринимающий субъект осмысливает полученные зрительные ощущения, производит концептуальную идентификацию, характеризацию, а иногда и оценку увиденного:

In einem Kloster sah er ein neugemaltes Wandbild, das musste er lange betrachten... [5].

Sie haben meine Bilder gesehen – das sind doch Bilder! Nach der Natur und echt und richtig. Die Schneelandschaft mit den Hirschen im Salle a manger [6].

Категория восприятия представлена в языке разными элементами. В большинстве случаев роль ее экспонентов выполняют глагольные лексемы. Это можно объяснить тем, что процесс зрительного восприятия, несмотря на всю свою многоаспектность, всегда является действием.

Первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый – тот, кто воспринимает (субъект восприятия), второй – то, что воспринимается (объект восприятия). Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире. Таким образом, восприятие может быть пассивным и активным и обозначаться определенными глаголами, причем для каждого вида «пассивного восприятия» имеется парный глагол, обозначающий соответствующее активное действие (*sehen* – *anschauen* для зрительного восприятия) [7].

Сфера восприятия может охватывать не только объекты материального мира, сюда можно отнести и то, что доступно внутреннему зрению субъекта. Это подтверждает употребление глаголов зрительной перцепции для обозначения так называемого умозрительного восприятия. Так, в немецком языке в семантике глаголов зрительного восприятия *sehen* и *schauen* наряду со значением «воспринимать зрением, глазами оптические явления» актуализируется также значение «представлять, вспоминать, воспринимать интуитивно, внутренним глазом» [8]. Таким образом, процесс восприятия может быть экстравертным, отражающим окружающий внешний мир, и интравертным, направленным во внутренний мир самого субъекта. Данные два направления перцептивного наблюдения прослеживаются также в ситуациях репрезентации в немецком языке концепта *Bild*. Так, для восприятия *Bild* как материальной картины и ментального первичного образа характерна экстравертная направленность, т. е. ситуация прямого физического контакта с объектами действительности; вторичный ментальный образ как еще один ключевой признак исследуемого концепта предполагает

интравертное наблюдение, т. е. ситуацию «восприятия умом» благодаря работе памяти и воображения:

... auch er hatte natürlich die Bilder aus Deutschland in den Zeitungen gesehen [9].

Im dunklen Brunnenspiegel sah er sein eigenes Bild und dachte... [10].

Ein letztes Bild sah ich aber doch: Der Professor, der im Übrigen auch der Verfasser des Buches *(Un)Glück der Sucht* ist, schien glücklich über seinen Vortrag. Zufrieden, so kam es mir vor, räumte er seine Unterlagen und Lehrmittel ein – ein schönes teleakademisches Bild [11].

Und in meinem Innern sah ich das Bild des Führers, der Demian glich und in dessen Augen mein Schicksal stand [12].

Предложения с глаголами лексико-семантической группы зрительного восприятия отличает их субъектно-объектная характеристика – направление действия: от субъекта к объекту – субъектное зрительное восприятие или от объекта к субъекту – объектное зрительное восприятие, что можно представить следующими схемами:

субъектное восприятие: Субъект > Зрительное восприятие > Объект;

объектное восприятие: Субъект < Зрительное восприятие < Объект.

В результате анализа фактического материала представляется возможным рассмотреть предикатные отношения, объединяя участников акта восприятия (субъект и объект) в четырех основных группах.

Первую группу образуют глаголы субъектно-пассивного восприятия. Они могут описывать ситуацию восприятия, которая наступает спонтанно, произвольно и в которой реализуется физическая возможность субъекта воспринимать оптические явления с помощью органов зрения. Толкования номинаций пассивного зрительного восприятия в словарных определениях часто содержат признаки «plötzlich» (внезапно) «unvermutet» (неожиданно), а также номинации органов восприятия. В немецком языке к глаголам субъектно-пассивного восприятия можно отнести *sehen, schauen, erblicken, wahrnehmen, entdecken, bemerken*:

Wir schwiegen erst, als wir **ein Bild erblickten**, das in schwerem Rahmen an der Wand hing [13].

Vor der Tür blieb er unwillkürlich stehen. **Das Bild, das er sah**, prallte wie ein weicher, südlicher Wind gegen seine Stirn [14].

Отсутствие зрительного восприятия объекта может наступить вследствие (временной) утраты чувствительной способности и быть эксплицировано в контексте отрицания с глаголами субъектно-пассивного восприятия:

Ich konnte weder Tuch noch Bild mehr sehen, so dicht war der Schleier der Tränen, die aus meinen Augen rannen [15].

Вторая группа включает номинации активного зрительного восприятия действительности субъектом, описывающие его сознательное участие в данном процессе. В немецком языке к субъектно-активным глаголам можно отнести: *aufschauen, aufsehen, aufblicken, (sich) ansehen, (sich) besehen, (sich) anschauen, starren, bemerken, betrachten, (sich) beschauen, sehen, schauen, anstarren, erkennen, glotzen, anglotzen, beobachten, besichtigen, blicken, anblicken, begaffen, merken, durchsehen, entdecken, erkennen, sich vorstellen, träumen, phantasieren*. Согласно анализу словарных статей, в дефинициях глаголов, представленных в данной группе, наряду с перцептивным значением актуализируются дополнительные признаки: а) направленность взгляда ((bewusst) den Blick auf etw. richten; nach oben sehen, in eine Richtung blicken), б) внимание (aufmerksam, genau, prüfend ansehen), в) эмоциональное переживание и/или оценка (genussvoll, aufdringlich, neugierig, erstaunt, töricht blicken), г) определенная продолжительность во времени (eine Zeitlang, über eine gewisse Zeit, längere Zeit) [16].

Объективацию данных признаков можно также проследить в текстовых примерах, которые описывают ситуации восприятия объектов, репрезентируемых немецким концептом Bild:

Ich blickte sehr vertieft auf das Steinbild, schlug ein Kreuz und ging langsam weiter zur nächsten Station, die etwas entfernter vom Kreuzgang war [17].

Aufmerksam und ernst gestimmt betrachtete Knecht **das Bild**, dessen Stille, Ernst und Schönheit er als unvertraut und dennoch ihn angehend und mahnend empfand [18].

Eine Weile lang stand er still und beobachtete das herrliche Bild [19].

В данную группу включены также глаголы *sich vorstellen* (представлять себе) и *träumen* (сниться). Семантика данных глаголов содержит в себе компоненты не только зрительного восприятия, но и ментальных операций, происходящих в сознании человека: *sich vorstellen* – *sich etw. in seiner Vorstellung sehen*, *sich etw. denken* [20]; *träumen* – *einen Traum (Vorstellungen, Bilder, die während des Schlafens auftreten) haben* [21].

Оппозиция «отсутствие восприятия объекта» может актуализироваться в ситуациях сознательного неприменения субъектом чувствительной способности:

Ich hielt die Augen geschlossen, denn ich wollte das Bild nicht sehen [22].

... Heftig wendete er sich **von diesem Bilde** ab und zwang seinen Blick, dem Straßenleben draußen zu folgen [23].

Третья группа представлена номинациями объектно-пассивного восприятия, отражающими свойство предмета воздействовать на органы чувств человека, когда объект находится в поле зрения субъекта. В

немецком языке объектно-пассивное восприятие может быть эксплицировано пассивными глагольными конструкциями *sein+zu+Infinitiv, werden+Partizip II*. Субъект в данных предложениях пассивен, активную роль выполняет семантический объект, занимающий позицию подлежащего:

Zu sehen ist das restaurierte Bild danach in der Ständigen Ausstellung der Berliner Gemädegalerie... [24].

Warum können unter Drogeneinfluss **Bilder** doppelt wahrgenommen werden? [25].

Помимо глагольных номинаций к данной группе можно также отнести адъективы *sichtbar, wahrnehmbar, erkennbar*, обозначающие свойство объекта быть зрительно воспринимаемым:

...begann in seinem Innern **ein anderes Bild** sich zu gestalten und vor seiner Seele sichtbar zu werden [26].

Отсутствие восприятия здесь может быть выражено в контексте отрицания с пассивными глагольными конструкциями, а также глаголами *verstecken, verbergen*, описывающими ситуации, когда предмет лишается свойства воздействовать на органы чувств, т. е. каузируется невоздействие предмета:

Die Bilder versteckte die Mutter im Kleiderschrank [27].

В четвертую, последнюю группу входят номинации объектно-активного восприятия, репрезентирующие ситуации, когда при вхождении объекта в активную зону восприятия происходит его воздействие на органы чувств (зрения). В немецком языке эта группа может быть представлена следующими глаголами: *sich zeigen, erscheinen, sich bieten, blinken, leuchten, blitzen, auffallen*. Семантическая структура глаголов *sich zeigen, erscheinen, sich bieten, blitzen, auffallen* включает сему «быть воспринимаемым зрительно» – *von anderen zu sehen sein, sich sehen lassen, sichtbar werden* [28]:

Ich wandere durch das Tor in den Hinterhof der Kneipe. Dort bietet sich ein Bild des Friedens. Die Schnapsleichen vom Samstagabend liegen da in der frühen Sonne [29].

Bei eingelegtem Rückwärtsgang erscheint dort **das Bild der Rückfahrkamera**: groß, deutlich und in Farbe [30].

В значении глаголов *blinken, leuchten, blitzen* содержится признак «излучение света» – *Licht widerstrahlen, Eindruck von Licht hervorrufen, strahlen* [31]. Согласно Е.В. Падучевой, свет играет важную роль в ситуации зрительного восприятия – это условие видения, и несоблюдение этого условия исключает возможность видеть [32]. В связи с этим данные глаголы также могут актуализировать объектно-активное зрительное восприятие объектов, репрезентируемых концептом Bild:

Einmal blinkte gerade *vor ihm* **das silberne Standbild** eines Heiligen nur mit dem

Schein des Silbers und spielte gleich wieder ins Dunkel über [33].

Schnell aufzuckend leuchtete ein Erinnerungsbild in mir, eine Sekunde lang... [34].

В данную группу можно также включить глаголы, в значении которых «каузируется воздействие объекта на органы чувств человека» т. е. объект наделяется свойством воздействовать на органы чувств: *zeigen, darbieten, bieten, vorstellen, hervorrufen, hinhalten, hervorzaubern*:

Bäcker holte aus einem grünen Plüschalbum ein paar Bilder hervor und zeigte sie mir [35].

Der würzige Geruch des billigen Knasters trifft mich und zaubert ein Bild hervor... [36].

Отсутствие восприятия в данном случае может эксплицироваться глаголами *verschwinden, sich verflüchtigen, vergehen*, выражающими нереализованное свойство объекта воздействовать на органы чувств – sich aus jmds. Blickfeld entfernen und dann nicht mehr sichtbar sein [37]:

...da schleuderte der Wagen durch eine Kurve, das Spiegelbild verschwand... [38].

Die schönen Bilder verflüchtigten sich allmählich mit dem Ernsterwerden des Hungers... [39].

Чтобы видеть, субъект должен обладать соответствующей способностью или органом. Е.В. Урысон различает здесь слово «глаза», обозначающее видимый, материальный орган зрения, и слово «зрение», обозначающее орган невидимый. Синонимом слова «глаза» часто выступает лексема «взгляд», имеющая, как правило, такую же сочетаемость. Е.В. Урысон объясняет это тем, что и глаза, и взгляд являются «инструментом», с помощью которого человек смотрит [40].

Как показал анализ фактического материала, в немецком языке также имеют место сочетания с лексемами *die Augen* (глаза) и *der Blick* (взгляд), которые могут воспроизводить ситуации зрительного восприятия, в том числе и объектов действительности, репрезентируемых исследуемым концептом *Bild*:

Sein Blick schweift durchs Zimmer, bis er auf die Nachbildung einer etruskischen Vase in schwarzen und braunen Erdfarben fällt [41].

Sie ließ das Bild im Spiegel nicht aus dem Auge. Sie sah es an [42].

В ситуации восприятия вторичных ментальных образов воспринимающий субъект не нуждается в использовании инструмента «глаза», поскольку зрительный образ объекта не соответствует в данный момент никакому стимулу, поступающему из действительности. Об этом свидетельствуют также многочисленные примеры, в которых образы можно видеть закрытыми глазами:

Am Ende schloß ich, einem starken, inneren Ruf folgend, die Augen und sah nun das Bild inwendig in mir, stärker und mächtiger [43].

Da sah er, einen Augenblick im Schwächegefühl die Augen schließend, ein Bild wieder, das ihm bekannt schien... [44].

Вторичные образы могут восприниматься так называемым внутренним глазом, использование лексемы *die Augen* в таких случаях подтверждает ведущую роль зрительного восприятия как формы отражения действительности в сознании и его значимость при создании ментальных образов:

...ein Bild, das mir jedesmal den Atem nahm und das seitdem öfter als jedes andere Bild aus jenem Jahr vor meinem inneren Auge ersteht [45].

У субъекта, утратившего физическую способность зрительного восприятия, сохраняется «внутреннее» зрение и возможность восприятия вторичных ментальных образов:

Sollte ich einmal blind werden, so besitze ich einen Schatz an Liedern und Gedichten, aber auch an inneren Bildern, die mich begleiten werden [46].

Wenn ich zuweilen meine Frau betrachte, ihre Gestalt, ihr Kleid, ihr Gesicht, ihre Hände, und dann zu grübeln anfangen, wie wohl ihr Bildnis später hinter meinen erblindeten Augen leben wird... [47].

Проведенный анализ позволяет заключить, что объективация в языке бытийной оппозиции наличие/отсутствие объектов, репрезентируемых концептом *Bild*, характеризуется антропоцентричностью, поскольку охватывает процессы человеческого восприятия. Ведущим в данном случае выступает зрительное восприятие. Языковые единицы, реализующие перцептивную деятельность субъекта в немецком языке, можно разделить на четыре группы по признаку направленности восприятия (от субъекта к объекту или от объекта к субъекту) и его активности/пассивности: 1) номинации субъектно-пассивного восприятия, 2) номинации субъектно-активного восприятия, 3) номинации объектно-пассивного восприятия, 4) номинации объектно-активного восприятия. Большая часть языковых единиц, описывающих процесс восприятия объектов, которые репрезентируются концептом *Bild*, представлена глаголами пассивного и активного восприятия. Также можно выделить адъективы, выражающие значение «свойство объекта быть воспринимаемым». Связь с органами зрительного восприятия отражают многочисленные глагольно-субстантивные номинации, включающие лексемы *Augen* (глаза) и *Blick* (взгляд), в значении которых представлен признак «инструмент, орудие зрительного восприятия». Каждая из выделенных групп включает глаголы, реализующие компоненты оппозиции «наличие/отсутствие восприятия объектов, присутствующих в концепте *Bild*».

Таким образом, вместе с категорией бытия затронуты еще три содержательных

категории: объект, который существует в действительности и выделяется субъектом при восприятии бытия; субъект, который воспринимает бытие, выделяет объекты, формирует концепты и выражает их в речи, а также само восприятие – действие, которое устанавливает связь или отношение между всеми тремя составляющими процесса познания мира. Подобный анализ позволяет наметить пути включения концепта посредством категориальных отношений в общую концептуальную систему языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Философия* : энциклопедический словарь / А. А. Ивин. М., 2004. URL: http://www.fidel-kastro.ru/filosofy/ihtik_ivin_slovar.htm ; *Философский энциклопедический словарь* / Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М., 1983. С. 69–70.
- [2] *Философия...*
- [3] *Падучева Е. В.* К структуре семантического поля «Восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // ВЯ. 2001. № 4. С. 23–44.
- [4] Там же. С. 43.
- [5] *Hesse H.* *Narziss und Goldmund*. Suhrkamp Verlag, 1998. S. 234.
- [6] *Remarque E. M.* *Arc de Triomphe*. Verlag Kiepenheuer & Witsch. Köln, 1979. S. 546.
- [7] *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка. Интегральное описание языка и системная лексикография // *Избранные труды* : в 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 357–358 ; *Урысон Е. В.* Языковая картина мира. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // ВЯ. 1998. № 2. С. 3–22.
- [8] Duden. *Deutsches Universalwörterbuch*. A-Z. Duden. Mannheim / Wien / Zürich. Dudenverlag, 1996. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; *Wahrig Deutsches Wörterbuch*. Gütersloh/München. 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- [9] *Wolf C.* *Stadt der Engel oder The Overcoat of Dr. Freud*. TUX-ebook. 2010. S. 164.
- [10] *Hesse H.* *Narziss...* S. 165.
- [11] Die Zeit Online. URL: <http://www.zeit.de>.
- [12] *Hesse H.* *Demian* : Die Geschichte von Emil Sinc-lairs Jugend. Frankfurt : Suhrkamp Verlag, 1974. S. 86.
- [13] *Dürrenmatt F.* *Aus den Papieren eines Wärters*. Diogenes Verlag AG Zurich, 1980. S. 26.
- [14] *Remarque E. M.* *Liebe deinen Nächsten*. Verlag Kiepenheuer & Witsch. Köln, 1991. S. 30.
- [15] *Hesse H.* *Die Morgenlandfahrt*. Suhrkamp Verlag. 1990. S. 99.
- [16] Duden. *Deutsches Universalwörterbuch* ; *Wahrig Deutsches Wörterbuch*.
- [17] *Remarque E. M.* *Drei Kameraden*. Verlag Kiepenheuer & Witsch. Köln, 1964. S. 381.
- [18] *Hesse H.* *Das Glasperlenspiel*. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main. 1971. S. 461.
- [19] *Süskind P.* *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Diogenes Verlag AG Zurich, 1985. S. 80.
- [20] *Wahrig Deutsches Wörterbuch*.
- [21] Duden. *Deutsches Universalwörterbuch* ; *Wahrig Deutsches Wörterbuch*.
- [22] Leipzig – *Wortschatz. uni-leipzig / Wortschatz Deutsch*. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>.
- [23] *Hesse H.* *Meistererzählungen*. Gütersloh: Bertelsmann, 1980. S. 174.
- [24] Die Zeit Online.
- [25] Ibid.
- [26] *Hesse H.* *Narziss...* S. 162.
- [27] Die Zeit Online.
- [28] Duden. *Deutsches Universalwörterbuch* ; *Wahrig Deutsches Wörterbuch*.
- [29] *Remarque E. M.* *Der schwarze Obelisk*. Verlag Kiepenheuer & Witsch. Köln, 1989. S. 293.
- [30] Die Zeit Online.
- [31] Duden. *Deutsches Universalwörterbuch* ; *Wahrig Deutsches Wörterbuch*.
- [32] *Падучева Е. В.* *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004. С. 252.
- [33] *Kafka F.* *Der Proceß*. S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt a. M., 1990. S. 303.
- [34] *Hesse H.* *Der Steppenwolf*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974. S. 178.
- [35] *Remarque E. M.* *Drei Kameraden*. S. 173.
- [36] *Remarque E. M.* *Der schwarze Obelisk*. S. 308.
- [37] Duden. *Deutsches Universalwörterbuch*.
- [38] *Remarque E. M.* *Liebe deinen Nächsten*. S. 168.
- [39] *Kafka F.* *Forschungen eines Hundes*. eBook-Bibliothek, 2004. S. 37.
- [40] *Урысон Е. В.* *Языковая картина мира...* С. 9–10.
- [41] *Noll I.* *Kalt ist der Abendhauch*. Diogenes Verlag AG Zürich 1996. S. 160.
- [42] *Remarque E. M.* *Liebe deinen Nächsten*. S. 378.
- [43] *Hesse H.* *Demian...* S. 78.
- [44] *Hesse H.* *Meistererzählungen...* S. 434.
- [45] *Wolf C.* *Stadt der Engel...* S. 32.
- [46] *Noll I.* *Kalt ist der Abendhauch*. S. 13.
- [47] *Hesse H.* *Erzählungen 1900–1906*. *Sämtliche Werke Band 6*. URL: <http://de.scribd.com/doc/6871977/DE-Hesse-Hermann-Erzählungen-19001906>. S. 366.

РАСХОЖДЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЕ КАК ФАКТОР ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ (на материале испанских и русских простых предложений)

Рассматривается проблема расхождения грамматических систем русского и испанского языков на уровне нормы, изучаются некоторые типы подобного расхождения, грамматическая языковая норма определяется как один из факторов переводческих трансформаций.

Ключевые слова: языковая норма, переводческие преобразования, русский язык, испанский язык.

Общие закономерности двуязычной речемыслительной деятельности универсальны, но в каждой комбинации языков, с которой имеет дело переводчик, они преломляются по-своему. В то же время каждый язык развивается по своим внутренним законам, имеет свою систему, норму и узус; каждый языковой коллектив имеет свои нормы речевого поведения. Эти законы и нормы находят отражение в любом тексте и в любом высказывании. Естественно, что уже само по себе несоответствие в грамматической природе языка оригинала и языка перевода на уровне системы, нормы и узуса вынуждает переводчика прибегать к эквивалентным межъязыковым преобразованиям.

Изучая сущность грамматических расхождений в испанском и русском языках, исследователи указывают на наличие действующих в них тенденций, прежде всего на уровнях нормы и узуса [1].

Грамматическая природа испанского языка предполагает построение синтаксических единиц преимущественно глагольного характера, при этом нормативными и узувальными выступают предложения, в которых присутствует глагол в личной форме. Активно-залоговое построение синтаксических конструкций преобладает над пассивным [2]. Для русского синтаксиса более частотным, по сравнению с испанским, является употребление пассивных конструкций.

Так, например, русские посессивные конструкции, в которых субъект обладания выражен предложно-падежной формой вида «у + имя сущ. (местоимение) в Род. п.», соотносятся в испанском языке (так же, как и в других европейских языках) с конструкциями «имя в Им. п. + гл. *иметь* в личной форме»: *У них трое детей – Tienen tres hijos*. Ср.: *Mira cuántos cambios en tan poco tiempo. Видишь, сколько у нас перемен за такой короткий срок* (Льоса М. Варгас. Капитан Панталеон и Рота Добрых услуг). Элиминированный испанский глагол *tener* указывает на субъект обладания посредством своей формы первого лица множественного числа, это значение по-русски может быть передано только включением соответствующей лексической единицы в форме родительного падежа с предлогом «у».

При сопоставлении русских и испанских синтаксических единиц, в которых подлежащее выражено личным местоимением, а сказуемое включает любой глагольный компонент в форме настоящего времени, можно констатировать, что грамматическая норма предполагает противоположные способы создания эллиптической структуры.

В испанском синтаксисе (так же, как и в синтаксисе большинства других романских языков) местоимения 1-го и 2-го лица заполняют позицию подлежащего только в особых случаях (если на них падает логическое, эмфатическое или фразовое ударение). В стандартном случае такие подлежа-

щие опускаются. При этом глагол в функции/в составе сказуемого не опускается, и по форме его личного окончания определяется субъект действия. В русском синтаксисе, наоборот, процедуре элиминирования стандартно подвергается глагольный компонент в форме настоящего времени, а субъект – личное местоимение 1-го и 2-го лица – оказывается эксплицитно выражен. Ср.: *Аня (глядит в свою дверь нежно). ...Я дома! А н у а (mirando su habitación por la puerta, con ternura). ... ¡Estoy en casa!* (Чехов А.П. Вишнёвый сад). Нормативность эксплицитирования субъекта в русском предложении подтверждается тем, что структуры с опущенным подлежащим – личным местоимением – оказываются прагматически нагруженными. В частности, они выступают маркером статуса в речи первых лиц государства: *Считал бы нужным заявить...*

Русские синтаксические конструкции, в которых грамматическая основа выражена категорией состояния (*весело, грустно, холодно* и т. д.), содержат в соответствии с нормами русской грамматики указание на субъект в форме Дат. п. Ср.: *Марии холодно*. Норма испанской грамматики в этом случае обусловлена действием упомянутой тенденции эксплицитировать глагол в личной форме. Как следствие, субъект – носитель состояния занимает позицию подлежащего: *María tiene frío* (ср. букв. *Мария имеет холод*). Ср.: **Кому становилось тошно? Цинциннату. ¿Quién se estaba mareando? Cincinnatus.** (Набоков В.В. Приглашение на казнь).

Еще одно проявление аналогичного расхождения грамматической нормы – эмфатические восклицательные конструкции. Они подразделяются на два типа: 1) конструкции, выражающие эмоцию безотносительно к тому, кто её испытывает; 2) конструкции, включающие указание на субъект эмоции. В первом случае в русском и испанском языках наблюдается идентичность в организации грамматической структуры предложения. Конструкции второй группы в соответствии с нормой испанского языка будут включать прямое указание на субъект – носитель эмоции, что не характерно для русского языка. Это прямое указание может представлять собой как эксплицитно выраженное подлежащее, так и чаще переструктурированную синтаксическую единицу оригинала за счёт использования глагола, описывающего эмоцию, в личной форме. Ср.: **Ох уж эти мне рисковые, не терпится ему, видишь ты: давай прыгнем... Ya estaba hasta la coronilla de los arriesgados** (букв. *Я уже был сыт по горло этими рискованными*). *Él no puede esperar; saltemos, dice.* (Стругацкие А. и Б. Пикник на обочине).

Переводческие преобразования, отвечающие противоположным тенденциям (а именно тенденции к высокой частотности

пассивных конструкций в русском узусе, к высокой частотности активных конструкций – в испанском), можно проследить на следующем примере: *На сердце тело наде-то, /На тело – рубаха. Sobre el corazón llevamos el cuervo,/ sobre el cuervo la camisa...* (Маяковский В. Люблю обыкновенно так). Пассивная глагольная конструкция русского языка имеет в испанском языке точное системное соответствие: *sobre el corazón está puesto el cuervo*; в обоих случаях пассивный залог организуется с помощью оборота «быть + причастие пассивного залога». Однако поддерживаемое испанским узусом стремление использовать в большей мере конструкции активного залога приводит к перестройке всей синтаксической конструкции путём введения глагола *llevar – носить* в активном залоге, букв. *На сердце мы носим тело*. Как показывает пример, употребление формы активного залога, в свою очередь, вызывает необходимость в домысливании субъекта действия. Этот вводимый субъект – *мы*, что демонстрирует действие ещё одной тенденции испанской глагольной системы. Так называемая категория включения предполагает указание на субъект – носитель действия во всех случаях, когда действие распространяется на говорящего либо приписывается обобщённому субъекту (ср.: *Тебе помочь? – ¿Te ayudo?,* букв. *Я тебе помогаю?*). В разбираемом примере личный глагол *llevamos* своей формой 1-го лица мн. числа отсылает к обобщённому субъекту *мы*, то есть *все и каждый человек*.

Действие «личной тенденции», то есть тенденции к употреблению глаголов в личной форме в составе активных конструкций, распространяется в испанском языке на широкий круг коммуникативно-прагматических ситуаций. В приводимом ниже примере говорящий, находясь в глубоких раздумьях и играя в бильярд в одиночку, комментирует вслух свои действия: *Гаев (в глубоком раздумье). Дуплет в угол... Круа-зе в середине... Gáyeu (En honda meditación). Tiro al rincón... y la meto en la tronera de en medio...* (Чехов А.П. Вишнёвый сад). Текст оригинала по-русски содержит эллиптическую конструкцию, в которой не использован глагол терминологического значения. При переводе на испанский эллиптичность утрачивается, что демонстрирует нормирующую необходимость использования глагола в автовысказывании, комментирующем действие говорящего.

Как уже было показано выше, в испанском языке употребление глагола в личной форме нередко подразумевает элиминирование субъекта, выраженного личным местоимением. В испанской грамматике действуют строгие детализированные нормы относительно грамматического, семантического и прагматического функционирования личного местоимения. Эта детализиро-

ванность нормы доказывает сильную грамматическую связь личного местоимения с глаголом внутри синтаксической структуры. Личные местоимения в синтаксически зависимой позиции (дополнение) не могут употребляться в условиях элиминации управляющего глагола ни в какой функционально-стилистической системе, включая разговорную речь и просторечие. Следствием такой нормативности является утрата эллипсиса при переводе конструкций с глаголами говорения, включающими объект действия, который выражен беспредложной формой личного местоимения. Ср.: **Доктора им:** *da ne может этого быть, вспомни-те хорошенько!* **Los médicos les dijeron que era imposible, que trataran de recordar...** (Стругацкие А. и Б. Пикник на обочине).

Действие указанной активно-глагольной личной тенденции в испанском языке может сопровождаться разнообразными особенностями функционирования глаголов в синтаксической системе. При переводе предложения *Сегодня он на воле, завтра – в тюрьме. Que hoy estás libre y mañana en la cárcel* (Стругацкие А. и Б. Пикник на обочине) подверглась преобразованию также и коммуникативная структура высказывания. Изменение субъекта действия с 3-го лица единственного числа *он* на имплицитное личное местоимение 2-го лица единственного числа *тú* обусловлено стремлением переводчика подчеркнуть обобщённость субъекта. Способы синтаксического выражения обобщённости субъекта различаются в разных языках. В русском синтаксисе для выражения этого коммуникативного значения типичным является использование форм 2-го лица единственного числа глагола с одновременной импликацией субъекта действия – личного местоимения *ты*. Ср.: *Ну что с него возьмёшь?* Точно такой же (но не единственный) способ выражения обобщённого субъекта имеется и в испанском языке, как видно из рассматриваемого примера. Дополнительной особенностью синтаксической конструкции такого рода и в русском, и в испанском языках является уже упоминавшаяся инклюзия: коммуникативная структура высказывания предполагает включение в состав обобщённого субъекта действия как говорящего, так и слушающего. Таким образом, все участники коммуникативного акта включаются в контекст описываемой ситуации.

Расхождения в грамматической норме русского и испанского языков обнаруживаются также в функционировании восклицательных конструкций с дейктическими компонентами. Дейктические восклицания (которые могут сопровождаться или не сопровождаться указательным жестом) по-русски обычно строятся с помощью указательной частицы *вот* и часто представляют собой эллиптическую единицу. Действие

глагольной тенденции испанского языка обуславливает отсутствие эллипсиса в этих конструкциях. Ср.: **Вот они!** – *вдруг завопил Алексей, тоже вышедший наружу, и показал на какие-то пятна, двигавшиеся над низкими ветвями скорченных берёз и почти совершенно сливавшиеся с синевато-серым мерцанием воздуха.* – **¡Allí están!** (букв. *там находятся*) – *dijo de pronto entre chillidos Alejo, que también había salido fuera y señalaba unas manchas que avanzaban bajo las ramas bajas de los abedules retorcidos y que se fundían perfectamente con las irisaciones grisazuladas del aire* (Ефремов И. Голец Подлунный).

Функционирование и лексико-семантическое распределение глаголов движения в испанском языке существенно отличается от функционирования и распределения их русских эквивалентов. Необходимыми компонентами в структуре значения глагола движения, не совпадающими в русском и испанском языках, являются «направление движения» и «способ движения». Так, испанский глагол с наиболее широким объёмом значения, выражающий идею движения в целом, *ir* с точки зрения направления движения может обозначать одно из двух: а) ненаправленное движение, б) движение от говорящего.

Для обозначения направления движения к говорящему используется другой глагол – *venir* (букв.: *приходить*). В свою очередь, глагол *venir* в соответствии с испанской грамматической нормой не может быть использован в словосочетаниях типа *прийти к подружке, прийти за советом* без дополнительного лексического компонента, выражающего цель движения: *прийти в дом к подружке/навестить подружку, прийти, чтобы попросить совета* (норма не распространяется на высказывания просторечного характера). Поэтому при переводе на испанский стандартным решением является лексико-грамматическое перефразирование конструкции. Ср.: – А, *Мартин Мартиньч!* **Что, за водичкой?** – *¡Ah, Martín Martinych!* **¿Un poco de agua?** (Замятин Е. Пещера). Невозможность использования предложной конструкции *за водичкой* при подразумеваемом глаголе *прийти* вынуждает переводчика заменить как лексическую единицу, называющую цель движения (*за водичкой – немного воды*), так и сам подразумеваемый глагол; очевидным здесь представляется глагол из семантической группы *хотеть, нуждаться*: *¿[Quiere, necesita] un poco de agua?*

Речевая ситуация подписи (в письменном тексте) или комментария (в устной речи) к фотографии, картинке, изображению реализуется в русском и испанском языках грамматически различными способами. Хотя в обоих языках эти конструкции являются по преимуществу эллиптическими, в рус-

ском языке узуальными выступают именные словосочетания, а в испанском стандартным в таком случае считается использование герундиальной формы смыслового глагола при неупотреблении связочного глагола. Ср.: *Здорово! – директор даже прицокнул. – За утренним чаем, – сказал м-сье Пьер, – это – я, а это – мой покойный батюшка. Esto sí que es algo! – dijo el director cloqueando la lengua. – Desayunando – anunció M'sieur Pierre. – Éste soy yo, y éste es mi difunto padre* (Набоков В.В. Приглашение на казнь).

В соответствии с грамматической нормой испанского языка синтаксические структуры, применяемые для описания отрезков времени (*Вечер. Весна.*) и природных или погодных условий (*Сумерки. Мороз.*), необходимо содержат глагол. В этих синтаксических конструкциях применяются закреплённые, фразеологизированные глаголы. Для описания временных отрезков стандартными являются глаголы бытия *ser* и *estar*, описание природных условий чаще всего строится с глаголом *hacer(se)* – *делать(ся)*. Поскольку подобная норма не действует в русском синтаксисе, переводческое преобразование для такого рода синтаксических конструкций заключается во введении/элиминировании эллипсиса. Ср.: – *Messire! Суббота.* – *¡Messere! Es sábado.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита).

Наконец, одним из факторов переводческих преобразований является грамматическая семантика испанских прилагательных и причастий, нехарактерная для русского языка. Одной из примечательных особенностей синтаксиса романских языков (отмечающейся ещё в латыни) является так называемое предикативное употребление имён, прежде всего имён прилагательных и причастий, в синтаксической структуре [3]. При таком употреблении имя, формально характеризующая субъект действия, то есть, например, согласуясь с ним в формах рода, падежа, числа, семантически относится к предикату, характеризуя, таким образом, не субъект действия, а само действие. Ср.: *Dijeron alegres* – букв. *Сказали [они] весёлые*. Поскольку подобное функционирование имён не характерно для русского синтаксиса, предикативно употреблённым именам соответствуют в русских синтаксических структурах «приглагольные», с преобладающей «глагольность» в их грамматической природе части речи, такие как наречия, деепричастия, а также синтаксические обороты обстоятельного характера, например деепричастный оборот: *Сказали они весело; Resolvió el problema inteligente – Будучи умным, он решил задачу*. Ср.: *Ой, как это мило! ¡Oh, que amables!* (Акунин Б. Азазель). В переводной конструкции русскому наречию *мило* эквивалентом выступает прилагательное *amables*, согласованное с субъектом – подлежащим в

форме множественного числа (букв. *Ой, какие милые!*). Идентичное грамматическое перефразирование на уровне нормы должно быть применено и при переводе с испанского на русский, ср.: *¡Quieto, Gallardo! Спокойно, Гальярдо!* (В. Бласко Ибаньес. Кровь и песок).

При эллипсисе испанских конструкций *estar* + *причастие*, когда утрачивается вспомогательный глагол *estar*, причастие принимает на себя целиком предикативную функцию, что также приводит к переводу конструкции (путем грамматической трансформации) полным глагольным предложением со сказуемым, выраженным глаголом в личной форме. Ср.: *Y al entrar esta en la sala y ver aquello, exclamó: – Ya, ¡enterada!* *Войдя в гостиную и увидев их, тётка закричала: – Уже догадалась!* (Унамуну М. де. Туман).

Можно говорить, видимо, о равной представленности именных и глагольных свойств в структуре грамматического значения испанских причастия и герундия, особенно в случаях их использования для построения специфических грамматических конструкций. Такая «двухфункциональность» возможна, но гораздо менее характерна для русских причастий и деепричастий, ср. наличие в русской грамматической системе сложных синтаксических употреблений, таких как причастие и деепричастие в предикативной функции (*подготовительный этап признан завершённым; поздравляю, гражданин, соврамиши*). В общих (и более распространённых) случаях как актуальная воспринимается глагольная составляющая грамматической природы причастия, что и позволяет использовать для перевода испанских конструкций глаголы в личной форме.

Рассмотренные примеры расхождения двух языков на уровне грамматической нормы не представляют собой исчерпывающий список, однако наглядно демонстрируют необходимость учета этого расхождения в процессе перевода. Переводческие грамматические трансформации представляются необходимыми и обусловленными; способ трансформации диктуется нормативными различиями в каждом конкретном грамматическом явлении.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Львовская З. Д. Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка). М.: ИНФРА, 1985. 227 с.; Прокопович Е. Н. Глагол в предложении: семантика и стилистика видовременных форм. М.: Наука, 1982. 286 с.
- [2] Иовенко В. А. Общий перевод испанского языка. М.: ЧеРо, 2000. 288 с.
- [3] Современная грамматика испанского языка. Ч. 2. Синтаксис / под ред. А. П. Нехай. СПб.: Лань, 1997. 256 с.

О СПОСОБАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ КАК РЕЗУЛЬТАТА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Поднимается проблема моделирования когнитивных стратегий на основе семантической структуры высказываний. В качестве одного из предметов исследований данного направления когнитивной лингвистики возможно использование глаголов с семантикой познавательно-оценочного действия. Приводятся результаты анализа высказываний, содержащих оценочные предикаты *consider* и *find*.

Ключевые слова: когнитивные стратегии, оценка, механизмы познания, компоненты оценочного действия, оценочные высказывания, вербализация оценки.

Перед современной когнитивной наукой и когнитивной лингвистикой в частности, наряду с моделированием статических структур сознания (таких как концепты, фреймы и т. д.), стоит не менее значимая и гораздо более сложная задача — моделирование динамических структур сознания. Речь идет о когнитивных стратегиях как алгоритмах оперирования знаниями, способах и закономерностях усвоения опыта и получения новых знаний. Понятие когнитивной стратегии на уровне постановки проблемы ее определения и включения в число объектов когнитивной семантики еще только начинает разрабатываться различными методами в языкознании [1, с. 373–374] и психолингвистике [2, с. 29–37]. Решению этой проблемы в когнитивной лингвистике может способствовать изучение языковых экспликаций ментальных действий, основанных на взаимодействии перцептивных, когнитивных и аффективных процессов, протекающих в сознании человека. Механизмы восприятия, опознавания, категоризации и другого во многом определяют и способ их кодирования в языке, а значит, могут быть (хотя бы частично) декодированы и восстановлены в виде моделей.

В систему перечисленных процессов включается оценка, которую следует понимать как способ познания окружающей действительности, далеко не всегда сугубо аффективный феномен, связанный, как иногда считают, исключительно с выражением эмоционального отношения субъекта к предметам и явлениям. Оценка — это механизм выявления ценностно-значимых отношений, т. е. свойств вещей и явлений по отношению к интересам субъекта. Такие отношения имеют идеальный характер, но могут быть обнаружены и познаны (подробнее о различиях собственно познания и оценки см. работы: [3]).

Определенные перспективы в данной области открывает изучение речевого функционирования глаголов с семантикой познавательно-оценочного действия, таких как *думать*, *считать*, *полагать* и других, в составе образуемых ими лексико-грамматических конструкций. Последние могут быть описаны как имеющие структуру модальной рамки оценки, в которой выражаются такие обязательные элементы оценочного действия, как субъект оценки, ее объект, сам процесс (эксплицируемый глаголом познавательно-оценочного действия) и выявляемая в результате значимость объекта для субъекта, или ценность, выражаемая оценочным предикатом [4, с. 97].

Согласно одной из самых разработанных классификаций, оценки разделяются на сенсорные, сублимированные и рационалистические. К последним относятся оценки, не связанные (или связанные в минимальной степени) с эмоциональной реакцией. Это нормативные, телеологические и утилитарные оценки [5, с. 75–77].

В данной статье приводятся результаты анализа оценочных предикатов, а также элементов их контекстного окружения в конструкциях с английскими глаголами *consider* и *find* на материале высказываний, выражающих различные виды рационалистических оценок, к которым примыкают значимостные оценки.

Наиболее простым способом вербализации оценочных предикатов является использование качественных прилагательных, выражающих результат оценки:

*And unfortunately concern about homeless is not a planning issue. It is not considered **relevant**, however important it is in normal human terms, in planning terms it is non-existent* (здесь и далее приводятся примеры из [6]).

*Do you find it **strange** to see the Sun Chamber so empty, Captain?*

Возможности субстантивации прилагательных приводят к тому, что для экспликации оценочных отношений используются также качественно-оценочные имена существительные:

*Very old examples consist of brick or stone pillars supporting a pitched roof, but they were rarely built before the late nineteenth century as they were considered an **extravagance**.*

*There have been approaches by several institutions but we are not considering new ventures **as a priority**, he says.*

В качестве таких предикатов выступают слова с категориальным значением признака, абстрагированного от его носителя. В случаях же, когда существительное не несет в своем значении оценочного компонента, оно неспособно образовывать оценочную конструкцию и нуждается в атрибуте, в качестве которого могут выступать все те же качественные прилагательные. В таких высказываниях роль оценочного предиката берет на себя атрибутивный компонент, а существительное выполняет классифицирующую функцию и относит оцениваемый объект к тому или иному классу предметов, явлений, процессов и т. д.:

*Of other possible causes of these disparities in achievement, IQ differences were considered at length, but not found to be **a significant factor**.*

*The physical presence of the supervisor was also found to be **an important independent variable**.*

*Ministers and other politicians continue to tell the public that education will continue to grow, in order to retain political credibility -- since education is considered an **important issue** -- while at the same time telling administrators to cut budgets.*

Кроме того, носителем оценочного значения может выступать наречие, характеризующее признак:

*The reason for considering such a policy to be **absolutely crucial** derives from the recent*

decline in social citizenship on both sides of the state-individual reciprocal relationship.

*Now I'm I find it **particularly** strange that paragraph sixty one of N Y seven doesn't give any hint erm that the District Council was concerned about I I five figures until we were Mm. small sites.*

Здесь наречие модифицирует уже приписанный объекту оценки признак по интенсивности. Другими словами, в высказывании дополнительно выражена количественная оценка, которую, пусть даже с определенной степенью условности, следует выделить в отдельный акт (этап, компонент?) оценки, так как объектом оценки здесь выступают свойства не предмета, а его оценочного признака (как и в случаях выделения первичных и производных оценок вследствие различия их оснований [7, с. 27–29]).

Однако использованное в оценочных высказываниях относительное наречие может также эксплицировать точку зрения, с которой производится оценка, устанавливать отношение к некоторой предметной, территориальной, социальной или иного рода сфере, для которой данная оценка актуальна:

*Yet here too the government was careful to reserve the right to deal with cases it considered **politically dangerous** through administrative action outside the control of the courts.*

*Characteristics which were found to be **statistically** significant in their relation to manufacturing employment change were deemed to be contributory causes of it.*

В таких случаях речь идет уже не о новом оценочном акте, а дополнительном компоненте оценки. К числу последних можно также отнести ряд факультативных (с точки зрения формальной выраженности) элементов структуры оценочного высказывания. Это прежде всего предметная сфера оценки, некоторая область действительности, для которой актуальна данная оценка:

*The term Earth Mysteries covers not just ancient sites but also the people who visited them and found them significant **in their lives**.*

*If the power-assisted rack-and-pinion steering seems excessively light at low speeds its directness, with a mere 2.5-turns lock to lock, makes you wonder whatever happened to the so-called "sneeze factor" (i.e. forgiving low gearing) that was once considered essential **in American cars**.*

*The third aim is to pilot out the effectiveness of a co-operative group work curriculum as a means of enhancing inter-racial co-operation and attitudes to other ethnic groups. This has been found to be effective in **the USA**.*

Выявление данного дополнительного компонента говорит о том, что один и тот же объект может быть по-разному оценен одним и тем же субъектом, если оценка

производится по отношению к различным сферам действительности. Это еще раз подтверждает положение о том, что рационалистические оценки находятся в большей зависимости от объективных факторов действительности, чем от эмоционального состояния говорящего.

Подобным факультативным элементом высказывания может также являться вербализация некоторого действия, события или процесса, от успеха которого зависит достижение поставленной перед субъектом (или группой субъектов) цели:

*Over 35,000 plant species were carefully screened for anti-cancer properties, and yew bark extract was found to be effective **against tumours in mice.***

*The hierarchical structure of local viewdata has been found useful **in the teaching of classification and in the sorting of ideas** from the general to the specific which has proved helpful in note making, especially in the graphic form.*

*A healthy diet is now considered the most effective **way of treating this condition,** apart from the use of drugs.*

Данный элемент отражает связь между значимостью объекта оценки, действием и целью, достижение которой обеспечивается этим действием. Таким образом, непосредственным получателем пользы, бенефициантом в данном случае выступает не субъект оценки, ставящий перед собой определенную цель, а его действия. Такое положение дел в целом характерно для рационалистических оценок. Более того, в некоторых высказываниях субъект оценочного действия и бенефициант (лицо или группа лиц) вообще не совпадают:

*I asked Yngwie to list ten albums which **he** considers essential listening **for all guitarists.***

*Whenever he's away, Fred says he takes with him a Gucci washbag packed with what **he** considers to be the essential medication **for the business traveller.***

*Some **special schools** for visually handicapped pupils which have facilities for producing their own enlarged print use this for lesson notes and for enlarging finely printed text and reference work, finding this helpful **to their pupils.***

Если в первых двух высказываниях субъект оценки является представителем определенного класса людей (путешественник, гитарист) и оценивает объект как значимый не только для себя, но и для любого другого представителя данного класса, то в последнем высказывании субъект и бенефициант четко разделены. Такое явление нередко встречается в рационалистических оценочных высказываниях, так как оценка здесь производится при помощи рационального взвешивания фактов, что и дает субъекту возможность оценивать значимость объекта не для себя, а для совершенно постороннего человека. Возможно также установление значимости объекта оценивания для деятельности, не являющейся предметом стремления или желания познающего субъекта – говорящего.

Безусловно, все, о чем говорилось выше, – это лишь некоторые частные замечания и наблюдения, однако они показывают, что изучение оценочных высказываний с позиций когнитивной лингвистики вполне возможно и что такие исследования позволяют на основе выделенных компонентов смысловой структуры высказывания строить определенные модели когнитивных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Галич Г. Г. О систематизации категорий языкового содержания с позиций антропоцентризма // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 2.
- [2] Курганова Н. И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012. 46 с.
- [3] Кислов Б. А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии (вопросы теории и методологии). Иркутск, 1985. 184 с.; Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979. С. 150, 152; Брожек В. Марксистская теория оценки. М., 1982; Демин М. В. Проблемы теории личности. М., 1977. С. 126–127.
- [4] Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. М., 2002. 139 с.
- [5] Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988. 341 с.
- [6] BYU-BNC British National Corpus. URL: <http://www.corpus.byu.edu/bnc>.
- [7] Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970. 230 с.

УТРАТА УСАДЕБНОЙ АРКАДИИ В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Доказывается, что в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на всех уровнях текста происходит разрушение усадебной идиллии как «общего места» литературы эпохи сентиментализма и романтизма. «Усадебный миф» при этом переносится из реального настоящего в идеальное прошедшее «пространством памяти» героини. «Счастливая Аркадия» мыслится как Дом Души Татьяны.

Ключевые слова: Пушкин, Евгений Онегин, усадебный текст, усадебный миф, усадьба, дом.

О разрушении усадебной идиллии в романе «Евгений Онегин» упоминалось в ряде исследований пушкинского творчества [1; 2], однако ученые ограничивались замечанием, что «гибель счастливой Аркадии» происходит на событийном уровне – убийство Ленского на дуэли и отъезд Татьяны Лариной из деревни в Москву [2, с. 4]. В пушкинистике традиционно такой поворот сюжета принято мотивировать критическим осмыслением романтизма и окончательным отходом поэта от его позиций.

Считаем, что в «романе в стихах» разрушение усадебной идиллии происходит задолго до того, как гибнет Ленский и покидает дом Татьяна. «Усадебный миф» сознательно разрушается автором на всех уровнях текста, и гибель Усадьбы-Аркадии предрешена всей логикой построения романа; это его лирическая доминанта. Подобное переосмысление Пушкиным «усадебного мифа» было обусловлено комплексом причин.

Во-первых, в русской литературе тема усадебной Аркадии является «общим местом» начиная с середины XVIII в. и вплоть до середины XX в. Вполне понятно, почему Пушкин в поисках собственного оригинального стиля пытается уйти от литературных и культурных штампов в изображении усадьбы.

Во-вторых, антиидиллические мотивы – неотъемлемая часть усадебной поэзии, служащая осмыслением онтологической сущности «усадебного мифа»: с самого начала его сопровождает тема «конца», усадебная Аркадия оказывается априори «заряжена на смерть и разрушение» [3, с. 169]. Усадебное пространство суггерирует тему смерти и само оказывается пространством смерти. С одной стороны, «смерть усадьбы» носит сезонный характер; она естественно умирает осенью, с отъездом гостей и хозяев, и вновь оживает весной и летом. С другой стороны, семейная спальня, могилы предков в родовом имении – обязательный атрибут усадебного пространства; смерть моделируется с помощью архитектурно-скульптурных сооружений «романтических» парков (гробницы, руины, обелиски). В любом случае в русской усадебной литературе тема конца усадьбы, запустения, царящего в ней, возникает задолго до реального исчезновения дворянских гнезд (отсюда мифология «старого», «старинного» дома).

В-третьих, нельзя не учитывать культурно-исторический и автобиографический контекст пушкинского освоения усадебной темы. В русской истории длительное (не сезонное) местопребывание в родовом имении было типологически обусловлено одной из двух причин: собственным сознательным выбором дворянина либо ситуацией насильственной ссылки как результата монаршей немилости. В обоих случаях деревня почти всегда воспринимается пушкинскими современниками как неволя, с которой приходится примириться, но из которой следует бежать на простор

городов и уже оттуда вздыхать о приволье сельской жизни. Но порядок может быть и обратным: не только бегство из усадьбы в ней живущего, но и бегство в усадьбу ее лишённого [4, с. 253–259]. Отношение Пушкина к миру сельской усадьбы в каждый данный момент сильно зависело от конкретных жизненных обстоятельств. Поэт бежит в деревню, «почуяв рифму». Однако ссыльное невольничество в Михайловском, холерные карантинны вокруг Болдина заставляют Пушкина тосковать по столицам, по культурным соблазнам большого города. И наоборот, постылая служба, «свинский Петербург» определяют обратное движение души – «удрать в деревню».

Мотив уединения и счастливой сельской жизни изначально воспринимался Пушкиным как штамп идиллической поэзии, о чем свидетельствуют письма и лирика поэта начиная с 1815 г. В 1819 г. вместе со стихотворением «Деревня» начинается разрушение идиллического штампа через острую социальную критику «барства дикого». В свете этой идеи гибель аркадийского мира русской усадьбы в «Евгении Онегине» предопределена логикой развития художественного сознания автора.

В «романе в стихах» идиллические мотивы доминируют в описании размеренной сельской жизни семейства Лариных («Они хранили в жизни мирной привычки милой старины...»)¹, в мироощущении Татьяны, воспитанной на идиллических романах на лоне идиллической сельской природы, и Ленского, в круг жизненных идеалов которого входит семейная жизнь в своей усадьбе. Не случайно, размышляя в VII главе об Онегине, Татьяна «должна в нем ненавидеть убийцу брата своего» [5, т. VI, с. 144]. Другими словами, идиллическое восприятие жизни роднит Татьяну и Владимира. Именно их «уход» (в разных значениях) из «усадебного топоса» навсегда являет собой гибель сельской Аркадии.

Однако сентиментально-идиллическое отношение Ленского к усадебной жизни с первой главы по шестую подтачивается иронией Автора и более всего – скучающего Онегина. Так, размышляя о вариантах «сюжета жизни» поэта, Автор допускает разрушение семейной идиллии героя упоминанием о возможно ожидающем его «обыкновенном уделе»: «...В деревне счастлив и рогат...» [5, т. VI, с. 133]. Онегин в начале третьей главы иронизирует над сентиментальными предпочтениями друга: «Опять эклога! Да полно, милый, ради Бога!» [5, т. VI, с. 51]. С онегинской же точки зрения показан и прием друзей в доме Лариных, спрогнозированный Евгением еще в строфе I и повторившийся в III: «Отседе вижу, что такое: / Во-первых (слушай, прав ли я?), / Простая русская семья, / К гостям усердие большое, / Варенье, вечный разговор / Про дождь,

про лен, про скотный двор...» [5, т. VI, с. 51]. Ожидание не обманывает героя: помещица Ларина оказывается «простой, но очень милой старушкой» [5, т. VI, с. 53], «расточены / Порой тяжелые услуги / Гостеприимной старины» [5, т. VI, с. 52], «обряд известный угощенья»: на блюдечках варенья и кувшин с брусничной водой. Автору и читателю не требуется дальнейших подробностей: на месте описания визита в третьей строфе оказывается пропуск³.

Онегин приезжает в «литературную Аркадию» – счастливую и скучную. Усадебный пейзаж, увиденный его глазами, абстрактен, однотипен, дан через то впечатление, которое он производит на героя. Кратковременность эффекта, произведенного новизной впечатлений, подчеркивается перечислением ряда известных усадебных штампов («уединенные поля», «прохлада сумрачной дубровы», «журчанье тихого ручья»), которые в следующей строке уже теряют свои эпитеты и вместе с ними идиллический ореол: «роща, холм и поле». Но не пейзажные характеристики здесь ведущие. Автору важно показать, какое действие оказывает на героя деревня, а потому сон, скука, хандра – элементы антиидиллии, традиционно присущие городскому топосу, – помещаются в усадебное пространство.

В первой главе Автор декларирует отказ от лирического слияния с Онегиным, спеша «заметить разность» между собой и своим героем, в том числе и в отношении к деревне. Для этого он возвращается к традиционному восхвалению уединения, используя устойчивый комплекс образов и мотивов усадебной лирики: «жизнь мирная», «деревенская тишина», «глушь», «пустынное озеро». В соответствии с традицией он перемещает акценты, утверждая, что уединение – это необходимое требование для творчества и, следовательно, не скука и сон, но «сладкая нега и свобода», «невинные досуги», лень как усадебный стиль поведения («far niente мой закон»), считая «счастливейшими днями» свое местопребывание в деревне. Следующая строфа рождает знаменитую формулу «Цветы, любовь, деревня, праздность / Поля! я предан вам душой» [5, т. VI, с. 29]. Она представляет собой перечень программных для Автора ценностей, из которых соткан гармонический мир «деревенского» быто-бытия» [6, с. 242]. Причем каждый образ обладает двойственной семантикой, ибо включает в себя реалии природного мира и элементы культурной традиции. Однако в последующих строфах поэт декларирует в качестве художественного принципа построения романа «разрыв с романтической традицией, требовавшей создания вокруг поэмы атмосферы интимных лирических признаний автора и вовлечения мифологизированной биографии поэта в сложную игру отношений к поэтическим

образцам» [1, с. 586] и поэтику совмещения противоречий. В свете этой декларации высоко пафос клятвы верности усадебным ценностям несколько снижается.

В духе поэтики противоречий в начале второй главы Пушкин сталкивает два ракурса восприятия усадебного мира: онегинский («деревня, где *скучал* Евгений») и традиционно-поэтический («прелестный уголок»). И далее Автор, нанизывая устоявшиеся литературные клише (горацианские, буколические мотивы), создает пейзажный облик усадьбы, получающий при этом типологические черты стандартного дворянского поместья современной Пушкину России: уединенный господский дом / «почтенный замок... во вкусе умной старины» на горе / холме над рекой, сад, цветущие луга и нивы, села, стада. Архитектурно-художественный образ усадьбы обозначается лишь редкими метафорическими знаками, гораздо более значим для Пушкина оказывается мотив природы – «подвижные картины».

На условно-идиллическое изображение природы в «Евгении Онегине» в свое время указывал Д.Д. Благой, упрекавший автора в совершенном отсутствии в тексте романа «деревенской страды, тяжелой трудовой крестьянской жизни... с песнями собирают девушки ягоды в барском саду, распевает за прялкой крестьянка в своей «избушке» и перед ней уютно «трещит лучина» [7, с. 107]. Однако социологический метод не позволил исследователю заметить в идиллической, на его взгляд, картине мельчайшие вкрапления антиидиллии – реалии крепостного быта. Служанки поют, собирая ягоду, «по наказу», основанному на том, «чтоб барской ягоды не ели и пеньем были заняты» [5, т. VI, с. 71]. Патриархальная Прасковья Ларина «брила лбы» и «служанок била осердясь»; в черновом варианте ее крепостническая практика была подчеркнута еще резче: «Секала <---->, брила лбы; / Служанок секла, брила лбы» [5, т. VI, с. 295]. Пушкин сознательно разрушает идиллические штампы и тем самым переосмысляет «усадебный миф».

Считаем, что и в создании образа Зарецкого автор преследовал ту же цель. Отраженный во внешней биографии персонажа «усадебный миф» разрушается внутренней энергией порожденных им смысловых контекстов. В данном образе реализуются две модели жизнеповедения пушкинского современника, не исключают друг друга: благодушная «усадебная» личность (идиллический штамп русской литературы) и реальное лицо с пороками и недостатками, усугубленными «скукой деревенской». Это соответствует авторской концепции романа, принципиальной установке на правдоподобие и разрушение литературных штампов: человеческая жизнь несоизмеримо богаче и непредсказуемее литературных образцов (эта же идея в «Повестях Белкина»).

Образ «опасного соседа», Зарецкого, протраивается с помощью стандартного набора «усадебных» мифологем. Во внешней биографии Зарецкого традиционно выделяются два временных плана – до и после приезда в усадьбу. Жизнь в прошлом, до водворения в деревне, репрезентирована лексикой с негативными коннотациями («буян, картежной шайки атаман, глава повес, трибун трактирный», «злая храбрость», «как зюзя пьяный»), комическим смешением стилей («... в сраженье / <...> он отличился, смело в грязь / С коня камыцкого сваясь»), игрой слов («упоенье боя» = «как зюзя пьяный»), ироническими восклицаниями («Так исправляется наш век!», «Sed alia tempora!»⁴), глагольными формами прошедшего времени, словами-маркерами «некогда», «бывало». Таким образом, прошлая жизнь Зарецкого изображена как «греховная» и отражает сущность персонажа.

Изображение нынешней жизни Зарецкого, «праведной», выстроенной по законам «усадебной идиллии», отделено наречием «теперь», отличается заметной схематичностью и занимает сравнительно меньший объем в тексте главы. Здесь в десяти строках сконцентрирован весь спектр типологических «усадебных» значений, эмблем и кодов. Во-первых, простота и доброта – традиционные штампы пушкинской «усадебной» поэтики. Во-вторых, пунктирно обозначена биография Зарецкого, воспроизводящая инвариантную модель биографии помещика пушкинской эпохи: отставной военный, «мирный помещик», отец семейства. В-третьих, имеют место отраженные в фольклоре представления об этической стороне соседства, реализуемые в подразумеваемом метонимическом переносе «сосед → надежный друг». Здесь заметим, что этот ряд «положительных» характеристик Зарецкого принадлежит не собственно автору, а определяется сознанием деревенских обывателей. Дополнительное указание «И даже честный человек», входящее в состав цитаты из Вольтера и сопровождаемое восклицанием по поводу чудесного превращения, наполняется собственно авторским ироническим смыслом. И далее начинает звучать голос автора, «усадебная» мифосфера сталкивается с реальным ходом вещей.

Как видим, образ жизни Зарецкого также нагружен «усадебными» смыслами. Во-первых, используется традиционная формула: усадьба как укрытие от жизненных бурь. Во-вторых, упоминается сад (необходимый элемент усадебного пространства) и «сень» деревьев, определяемая в пушкинскую эпоху делилевской формулой «под сенью древес собирались мудрецы» и понимаемая как встреча избранных для философической медитации [8, с. 16]. В этом смысле «сень черемух и акаций» синонимична «философической пустыне», где «жи-

вет и здравствует» Зарецкий – «истинный мудрец». Вспомним, что именно «дух суждений и здравый толк» ценит в нем Онегин. В-третьих, в этом образе эксплицируются мотив «посадки капусты» и образ «капусты Диоклетиана», неоднократно повторяющиеся в переписке Пушкина с П.А. Осиповой: «Нет ничего более мудрого, чем сидеть в своей деревне и поливать свою капусту» [5, т. XVI, с. 21, 33]. В переводе с французского «сажать капусту» означает «вести сельскую жизнь», однако со времен Н.М. Карамзина «капустные грядки» выступали в качестве устойчивой мифологемы усадебного стиля мышления и олицетворяли внешнюю независимость и внутреннюю свободу оппозиционно мыслящего человека [9, с. 33–34]. В тексте романа нивелируется пафосная семантика мифологемы, актуализируется более сниженный контекст, связанный с «хозяйственными занятиями» Зарецкого-помещика, что находит свое продолжение в последующей строке («разводит уток и гусей»), а также отсылает к стандартным гораццианским мотивам, традиционным для усадебной лирики, к реальной практике помещика – современника Пушкина. Наконец, Зарецкий характеризуется как высоконравственный отец семейства с функциями наставника и учителя («учит азбуке детей»). Последняя фраза метафоризируется ходом романских событий, предопределяя роковой исход: именно Зарецкий становится учителем дуэльной «методы» («строгих правил искусства») ребенка-Ленского и отчасти Онегина.

Сопоставление «честного человека» Зарецкого с «честным малым» *monsieur Guillot* окончательно срывает маску нравственности с персонажа, идеализированного «усадебной» мифологией и разрушающего этот миф изнутри. Сентиментальный «помещик мирный» на поверку оказывается вполне реальным злодеем.

В романе «Евгений Онегин» утрата усадебной Аркадии реализуется и в разработке Пушкиным мотива умирания усадьбы и метафоры «смерть в усадьбе», упомянутой нами выше. Ленский после приезда в имение посещает могилы своих родителей и соседа, Татьяна-княгиня в петербургском мире грустит о полке книг, диком саде и могиле няни, описана одинокая могила Ленского. Традиционно мотив «смерти усадьбы» лишен трагизма: усадьба оживает вместе с вечно обновляющейся природой и возвращением хозяев. В «Евгении Онегине» этот мотив переосмыслен. Седьмая глава романа в стихах, следующая за смертью Ленского, открывается описанием весны – «утра года». Однако Автор снабжает ее парадоксальными характеристиками: «как грустно мне твое явленье», «какое томное волненье», «с каким тяжелым умиленьем» [5, т. VI, с. 139], «...все, что радует, живит, / Все, что ликует и блещит, / Наводит скуку и томленье на

душу мертвую давно / И все ей кажется темно» [5, т. VI, с. 140]. Обновление природы весной не вызывает в душе Автора ответного «оживания»: «Или не радуясь возврату / Погибших осенью листов, / Мы помним горькую утрату, / Внимая новый шум лесов; / Или с природой оживленной / Сближаем душою смущенной / Мы увяданье наших лет, / С которым *возрожденья нет?* / Быть может, в мысли нам приходит / Средь поэтического сна / Иная, старая весна...» [5, т. VI, с. 140]. Возникший оксюморон «старая весна» усиливает трагизм невосполнимой утраты, подчеркивает, что процесс умирания не влечет за собой привычного возрождения весной, а также направляет вектор времени в прошлое.

Вопреки усадебному «сюжету» приезд «равнодушных счастливых»-горожан в деревню, описанный в указанном фрагменте, не возрождает «умершей» Аркадии. Упоминание сезонных жителей усадьбы вслед за воспоминанием о «горькой утрате» противопоставляет в романе прошлое и настоящее усадебного мира (при помощи традиционного соположения временных рядов, выражаемых словами-маркерами: «Еще недавно», «бывало» – «но теперь», «но ныне»). Теперь деревня – пространство покинутое, оставленное «своими»: в деревне «теперь уж нет» Онегина, забыт «памятник унылый» Ленского, «звонкий голос Оли в семействе Лариных умолк». Теперь это место для чужих, для экскурсий («Пойдемте слушать шум дубровный... в деревне, где Евгений мой... еще недавно жил зимой», «Пойдем туда, где... виден камень гробовой»).

Более того, в этой же главе с приходом зимы усадьбу покидает и Татьяна – «душа усадебного мира. Для Татьяны весь природный космос является местом, в котором она живет, где обитает ее душа, то есть Домом. Уход героини навсегда из ее родного мира предрешен гибелью Ленского, на семантическом уровне покинутый усадебный мир соотносится с метафорой сердца – «дома опустелого». Мотив старения и приближающейся смерти эксплицирован в образе «седого и хилого пастуха» на могиле Ленского.

Обратим внимание, что утрату, смерть сулит Татьяне вытянутое в святочном гадании кольцо. Зима, время гаданий, приравнивается к смерти, поскольку ее наступление приблизительно совпадает с дуэлью, на которой убит Ленский. Гадания Татьяны и ее сон рядом исследователей рассмотрены как игра с «иным миром», со смертью. Другая функция зимы в романе – ее тесная связь со свадьбой Татьяны. Именно зимой она уезжает из деревни в Москву, где выйдет замуж и наденет белое подвенечное платье, как сама зимняя природа [10, с. 172]. «В глубинном смысле, поскольку зима есть символ их обеих, свадьба приравнена к смерти – это переход от быстротечной юно-

сти в мертвый, иной мир разума и прозы» [10, с. 173].

Царство смерти предстает и во сне Татьяны, о чем свидетельствуют многочисленные фольклорные образы, связанные с представлением о границе между миром живых и мертвых. Здесь всюду героине угрожает опасность, она постоянно на грани гибели. Но если в «Зимнем вечере» вою вьюги противопоставлено тепло «бедной лачужки», а в «Зимней дороге» тоска и скука долгого пути смягчаются ожиданием прибытия домой («завтра... я забудусь у камина...»), то во сне Татьяны дом заполняется чудовищами, в него врываются холод и мрак [11, с. 15].

Ю.М. Лотман обратил внимание на двойственную семантику описания имени Татьяны, увидев в нем сходство с описанием пиршества нечисти из сна героини, что «в целом бросает совершенно новый отсвет на, казалось бы, идиллический быт провинциального мира» [1, с. 665]. «Инфернальный облик каждодневного поместного быта, подготавливая возможность трагической развязки, не снимал вместе с тем возможности с другой точки зрения осмыслить эту же жизнь как идиллию. Однако он раскрывал возможность того, что в недрах этого быта, между куплетами Трике и мазуркой Буянова, созревают убийство Ленского и обстоятельства, разбившие жизнь Татьяны» [1, с. 666].

Изменение отношения Пушкина к «усадебному мифу» в последней главе закономерно связано с раздумьями поэта о Доме и Семье. В образе деревни в «Евгении Онегине» он показал два пути развития Дома. Один путь условно называют «гастрономическим», в котором «привычки милой старины» сведены к соблюдению внешней традиции, выразившейся в образе «стола», вводящего не только тему еды, но и тему именин Татьяны. На именинах композиционным центром становится такая трапеза, где забывают о главном, это именины без памяти об имени, где гастрономическое оборачивается инфернальным. Другой путь связан с образом няни, становящимся символом национального уклада, выраженного через определенные приметы Дома – «торжественный покой», крест, устройство жизни по принципу «как Бог велел». Именно это лексико-семантическое поле становится значимым для идеала поэта (Татьяна) и реализуется позднее в «Повестях Белкина» и «Капитанской дочке» [12, с. 23–24].

Уход из дома, обитателей которого Татьяна никогда больше не увидит, рождает в ней раскаяние. Оно обожествляет потерянное прошлое, делая его предметом ностальгии героини, готовой отдать свой нынешний мир «за полку книг, за дикий сад, / За наше бедное жилище... / Да за смиренное кладбище...» [5, т. VI, с. 189], но понимающей, что это невозможно. «Бедное жи-

лище» обожествлено как невозвратное прошлое, добровольно принесенное в жертву настоящему и будущему. Оно становится идиллическим «культурным» слоем памяти для оставившей его невольной «убийцы», переходит в пространство ее памяти. В седьмой главе романа читатель видит Татьяну хозяйкой петербургского салона – это высшая форма ее жизнедеятельности. Вместе с тем в светской львице – «все та же Татьяна», которая переносит свое представление об идиллическом усадебном Доме в холодное бездомное пространство Петербурга. Так «усадебный миф» приобретает новую жизнь. Усадьба и деревня окончательно превращаются в пространство памяти и души, осознаются как Дом и утраченный семейный рай⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Как известно, первоначально старшие Ларины изображались в том же сатирическом ключе, что и соседи Онегина. И лишь закончив главу, Пушкин дописывает к ней строфу, начинающуюся словами «Они хранили в жизни мирной...». Так, введение ее существенно меняло образы старших Лариных и атмосферу детства Татьяны; картина превращения сентиментальной барышни в помещицу-крепостницу и прежний сатирический тон были смягчены образом патриархальной жизни семейства Лариных. Это свидетельствует о принципиальном изменении взгляда Пушкина на усадебный быт.
- ² Здесь и далее выделение курсивом принадлежит автору статьи.
- ³ В своем комментарии к роману Ю.М. Лотман приводит окончание строфы по белой рукописи: «С одною ложечкой для всех / Иных занятый и утех / В деревне нет после обеда / Поджавши руки, у дверей / Сбежались девушки скорей / Взглянуть на нового соседа / И на дворе толпа людей / Критиковала их коней» [1, с. 612]. Поставив пропуск вместо продолжения, Автор тем самым акцентировал внимание на онегинском восприятии усадебного быта Лариных.
- ⁴ Но времена иные! (лат.)
- ⁵ Отметим также, что утверждение за усадьбой роли семейственных воспоминаний является развитием одной из тем, заявленных Пушкиным в стихотворении «Домовому» и в послании «К Языкову».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» : комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин». Комментарий. СПб. : Искусство-СПб, 1995.
- [2] Козмин В. Ю. Локус Михайловского в поэтическом творчестве А.С. Пушкина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999.
- [3] Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М. : ОГ, 2002.
- [4] Летягин Л. Н. Русская усадьба: мир, миф, судьба // Русская усадьба. М. : Жираф, 1998. Вып. 4 (20).

- [5] Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 17 т. М. : Воскресение, 1994–1997.
- [6] Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи (источники, семантика, формы). СПб. : Петербургский институт печати, 2003.
- [7] Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. М. : Наука, 1929.
- [8] Турчин В. С. Царство Флоры в поэзии А.С. Пушкина // Русская усадьба. М. : Жираф, 2000. Вып. 6 (22).
- [9] Летягин Л. Н. «Красная нужда – дворянская служба». Типологические аспекты биографии помещика – пушкинского современника // Русская усадьба. М. : Жираф, 2000. Вып. 6 (22).
- [10] Clayton J. D. Ice and Flame: Alexandr Pushkin's «EugeneOnegin». Toronto, 1985.
- [11] Маркович В. М. Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина» // Маркович В. М. Тургенев и русский реалистический роман XIX в. (30-е – 50-е гг.). Л., 1982.
- [12] Радомская Т. И. Феномен Дома и поэтика его воплощения в русской литературе первой трети XIX в. (А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

В. БЕЛИНСКИЙ И К. АКСАКОВ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ МЕЖДУ ЗАПАДНИКАМИ И СЛАВЯНОФИЛАМИ

В центре внимания отношения двух представителей общественно-литературного движения середины XIX в.

Ключевые слова: «отрицание», свобода личности, художественность, рефлексия.

40-е годы XIX в. в России – время ожесточенной общественно-литературной полемики вокруг творчества Н. Гоголя и писателей «натуральной школы», обнажившей разногласия между так называемыми западниками и славянофилами. К первым до сих пор однозначно относят В. Белинского, противопоставляя его «московским» славянофилам прежде всего в лице К. Аксакова. При этом Белинского позиционируют как «революционного демократа, признающего право на революционное насилие», что якобы наиболее отвечало «как потребностям русского общества, так и тенденции русской литературы к реализму критического характера, заявившему себя в поэме Гоголя “Мертвые души” и в “натуральной школе”» [1].

В наше время такая трактовка взглядов Белинского и «тенденций русской литературы» представляется слишком категоричной. Нуждаются в корректировке и представления о причинах разногласий Белинского с московским кругом бывших друзей, в частности с К. Аксаковым.

Первое упоминание Белинским фамилии Аксаковых находится в его письме к матери Марии Ивановне Белинской от 20 сентября 1833 г. В нем отчисленный из Императорского Московского университета¹ Белинский пытается успокоить мать насчет своего будущего: «Я нигде и никогда не пропаду. Несмотря на все гонения жестокой судьбы – чистая совесть... несколько ума... некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть» [2, т. 11, с. 104]. Он сообщает, что Г.И. Карташевский, родственник семьи Аксаковых, помогает ему найти работу.

В дальнейшем Белинский пользовался неизменным доверием и уважением этой семьи. Её глава Сергей Тимофеевич поручался за него в типографии, где в кредит печаталась «Грамматика» Белинского, видимо, неоднократно одалживал деньги («Я должен... Аксакову-отцу, сыну – тоже...»), устраивал учителем в Константиновский Межевой институт.

В письмах К. Аксакову Белинский неизменно передавал поклоны его родителям; переехав в Петербург, когда уже начались разногласия между ними, критик пишет: «Верь, Константин, что я уважаю твоего отца искренно, хотя он, как мне кажется, и предубежден против меня. <...> Наши лета и понятия разнят и рознят нас, но я, тем не менее, уважаю его за верное чувство поэзии и за добрый и благородный характер. Да, в Петербурге таких людей немного» [2, т. 11, с. 435]. Сергей Тимофеевич, приехав в Петербург, встречался с Белинским, признаваясь, что «очень хочется с ним отвести душу и поговорить языком, понятным для нас!» [3, с. 135]. В письме к О.С. Аксаковой от 14 сентября 1840 г. Сергей Тимофеевич передает поклон от Белинского «Косте» и пожелание, «чтобы он прожил полгода в Петербурге». Знаменательно, что Сергей Тимофеевич добавляет: «В этом есть правда» [3, с. 141]. О какой же правде идет речь?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо остановиться на отношении Белинского к младшему брату К. Аксакова Ивану, в то время студенту Училища Правоведения в Петербурге. Иван Аксаков в письме родителям от 28 апреля 1840 г. передает свой разговор с Белинским о людях

разных поколений: «Он бранит себя и свое поколение, сравнивая с следующим, с нашим. Говорит, что признаки их поколения – непривычка к труду, малое знание... сознание этого тяготит его, особенно когда он видит кого-нибудь из... поколения, бодро, трудящегося» [3, с. 139]. Иван Аксаков был моложе Белинского на 12 лет. Этот «славный юноша», как называет его Белинский в одном из писем к Константину, видимо, заставил его увидеть, с одной стороны, «идеальные элементы, которые делают человека человеком», с другой – «направление действительное, крепкое и мужественное», и сделать вывод, что «молодое поколение лучше нас; оно много обещает» [2, т. 11, с. 534]. Но что понимал Белинский под «действительным направлением», которое увидел в Иване Аксакове? «В нем так много внутренней жизни, что даже жаль его, ибо на Руси пока еще только практическим людям хорошо, особенно если они при этом и мерзавцы» [2, т. 11, с. 546]. Как видим, Белинский находился в состоянии полнейшего разочарования в «идеальном», в мечтательности, в «московском прекраснотушии» как бездеятельности, апатии, «бесплодных порывах». «Мы люди вне общества... У нас нет ни политической, ни религиозной, ни ученой, ни литературной жизни», – пишет он Константину в августе 1840 г. [2, т. 11, с. 546].

В 1846 г., когда расхождение со славянофилами стало свершившимся фактом, Белинский пишет А.И. Герцену, убежденному западнику в это время, о встрече с Иваном Аксаковым, вновь восхищаясь им и добавляя: «Вообще, я впадаю в страшную ересь и начинаю думать, что между славянофилами действительно могут быть порядочные люди» [2, т. 12, с. 297]. Не славянофильство как явление, а отдельные славянофилы, очевидно, вызывали в критике неприязненное чувство. Незадолго до своей смерти он в пространным письме к Д. Кавелину (декабрь 1847 г.) называет Константина Аксакова человеком, «в котором благородство – инстинкт природы», Киреевских – людьми благородными и честными. Но «все остальные славянофилы, знакомые мне лично или только по сочинениям (здесь и далее в цитатах подчеркнуто мною. – В. С.), подлецы страшные и на все готовые», – писал Белинский, имея в виду «дерзость, наглость и ругательный тон» статей в журнале «Москвитянин» [2, т. 12, с. 457].

Дошедшие до нас восемь писем Белинского к К. Аксакову чрезвычайно насыщены информационно и рисуют психологический портрет как того, так и другого. По первому из них от 21 июня 1837 г. (из Пятигорска, где Белинский находился на лечении) видно, что они в это время самые близкие друзья, настолько откровенно пишет Белинский о себе, своей «горькой будущности», своих планах оставить Москву, с которой

соединено все прекрасное в жизни», и переехать в Петербург, где надо будет «затвориться от людей, быть человеком только наедине с собою и в заочных беседах с московскими друзьями, а в остальное время... играть роль спекулянта, искателя фортуны, охоты по деньгам» [2, т. 11, с. 130]. Очевидно, Белинский в оппозиции «Москва – Петербург» находился на стороне Москвы. Но для нас это письмо оказывается чрезвычайно важным с точки зрения того, в чем Белинский видел особенности природы своего двадцатилетнего друга: «Храни мир и гармонию души своей... Мечтай, фантазируй, восхищайся, трогайся; только забудь о двух нелепых вещах, которые тебя губят – магнетизме и фантастизме» [2, т. 11, с. 130–133].

Если судить по письму (август 1838 г.) Белинского к И.И. Панаеву, то и через год К. Аксаков представлялся ему как «душа чистая, девственная, и человек с дарованием» [2, т. 11, с. 261]. А еще почти через год (в апреле 1839 г.) он с восторгом пишет Н.В. Станкевичу о «старом друге» К. Аксакове, «добром, благородном, любящем», который, наконец-то, «стал выходить из призрачного мира Гофмана и Шиллера, знакомиться с действительностью, и в числе многих причин особенно обязан этому здоровой и нормальной поэзии Гете» [2, т. 11, с. 366]. «Шиллеризм» как абстрактный героизм преследовался Белинским в это время особенно в силу его поворота к «объективному» творчеству Пушкина и Гете. Но «шиллеризм» К. Аксакова, разумеется, никакого отношения к славянофильству не имел, а «действительность», за которую ратовал критик, – к западничеству и революционности.

Готовясь переезжать в Петербург, Белинский, разумеется, подводил итоги московского периода своей жизни, анализировал «состояние духа» кружковцев, давал оценку отношениям с друзьями и приятелями, делая это прежде всего в переписке. Так, например, является его письмо к И.И. Панаеву от 19 августа 1839 г. Он рад, что время «прекраснодушных и экстатических выходов» прошло.

Упомянув о ссоре с В.П. Боткиным, Белинский сообщает о примирении с ним «благоразумно, хладнокровно, хотя и тепло, а следовательно, и *действительно*» [2, т. 11, с. 372]. Размышляя по поводу отношений с Константином Аксаковым, которые Белинского «трогали до слез», он, по существу, повторяет то, что им было уже высказано про «один недостаток» в характере друга: «Это... какой-то *китайский* элемент... коли он во что засядет, так... засядет по уши... Вот и теперь сидит он в глупой мысли, что Гёте (далеко кулику до Петрова дня!) выше Шекспира» [2, т. 11, с. 373]. В данном случае Аксаков ещё «сидел в мысли», которую с ним «разделили Бакунин и Боткин», но не разделял Белинский. Речь шла о 2-й части

«Фауста» Гёте, её критик «громогласно провозгласил» не поэзией, а «сухой... символистской и аллегорической»: «Пушкин меня с ума сводит. Какой великий гений... Да, он не мог по своей натуре написать ничего вроде 2-ой части «Фауста». У меня теперь три бога искусства, от которых я почти каждый день неистовствую и свирепствую: Гомер, Шекспир и Пушкин...» [2, т. 11, с. 374]. В этих словах трудно отыскать даже приблизительный намек на идеологические разногласия критика со славянофилами и следует видеть не более чем мнения людей, любящих, знающих литературу, их личные пристрастия, симпатии и антипатии.

Кстати, Белинский еще раньше назовет, например, дружбу с М. Бакуниным «призраком», так как она «вышла из отвлеченных понятий об общем» [2, т. 11, с. 306]. А Константин Аксаков напишет своим братьям Григорию и Ивану в начале 1839 г., что он «расстался» с приятелями, «со всем их кружком», хотя Белинского любит «больше всех остальных» [3, с. 125]. Если судить по переписке кружковцев, то Аксаков страшно обижался прежде всего на то, что они не видели в нем взросления и не могли дожидаться, «когда он выйдет из китайской стены своих ощущений, своей детскости...» [2, т. 11, с. 406], как писал Белинский Н. Станкевичу, еще находясь в Москве.

В первых письмах критика из Петербурга слышен просто вопль отчаяния. «Белинский обезумлен бетизмом (от фр. скот. – В. С.) Петербурга», – писал жене С.Т. Аксаков [3, с. 132]. О каком «скотстве» шла речь, узнаем из письма Белинского В.П. Боткину от 22 ноября 1839 г.: «Да, и в Питере есть люди, но это все москвичи <...> В Питере только поймешь, что религия есть основа всего... Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в человеке все святое...» [2, т. 11, с. 418]. Обычно такие настроения критика принято приписывать его увлечению «примирением с действительностью», т. е. его «правогегельянству», которое якобы вызывало «возмущение некой передовой общественности». Но Белинский в данном письме сам указывает на истинные причины своей «апатии»: «Публика – господа офицеры и чиновники – зверинец из орангутангов и мартышек – позор и оскорбление человечества и общества. <...> Чем больше живу и думаю, тем больше, кровнее люблю Русь, но... ее действительность настоящая начинает приводить меня в отчаяние – грязно, мерзко, возмутительно, нечеловечески...» [2, т. 11, с. 420].

В это время Белинский видит много общего в себе и в К. Аксакове, например «болезненную рефлексию», «резонерскую идеальность», которая «закрывает глаза на действительность и создает свою – небывалую и абстрактную» [2, т. 11, с. 425]. В письме к нему он выражает уверенность в

силе любви и дружбы между ними [2, т. 11, с. 433], Боткину пишет о своей развившейся ненависти к чему-то абстрактному, к «лени и мечтательности, рефлексии и фразерству» [2, т. 11, с. 444]. Тем не менее «прекраснодушные» для него не перестают быть «великим моментом души», «святым состоянием духа», но он очень хорошо понимает, что ему и друзьям пора взрослеть [2, т. 11, с. 481]: «Какие мы были (и отчасти есть и теперь) дети» [2, т. 11, с. 508]. Думаем, что не стоит в этих размышлениях критика видеть «трагическую судьбу первого поколения последекабристской интеллигенции» [3, с. 140], в них проявилось его желание стать полезным, деятельным, отказавшись от мечтаний и «ложных чувств». Не случайно он вскоре напишет К. Аксакову о наметившейся «разности направлений», которая стала проявляться прежде всего в оценках литературных.

Отдавая дань Гоголю («великий художник»), Белинский не соглашается с «классификацией Аксакова (Гомер, Шекспир и Гоголь) и ставит на место Гоголя Пушкина [2, т. 11, с. 435]. С точки зрения Белинского, Гоголь «не русский поэт в том смысле как Пушкин, который выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни и в раны которого мы можем влагать персты, чтобы чувствовать боль и врачевать их» [2, т. 11, с. 534]. Трудно представить более точную характеристику значения Пушкина для России, чем эта. Что касается Гоголя, то Белинский надеялся на возрастание интереса его к России и русскому: «Его начинает занимать Россия... космополит-поэт кончился и уступает свое место русскому поэту» [2, т. 11, с. 582].

Если вернуться к вопросу о «действительности», а именно он оказался в эпицентре споров, то исчерпывающий ответ о позиции Белинского находим в его огромном письме (6 листов печатного текста!) к В.П. Боткину от 10–11 декабря 1840 г. В нем много рассуждений о борьбе и «примирении с гнусною расейскою действительностью». Но значит ли это, что Белинский исповедовал «революционное насилие»? Какую «действительность» он отрицал? Он отрицал «царство... чинолюбия... деньголюбия, взятничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов», он выступает за «права личного человека, восстановление человеческого «достоинства», апеллируя к самому Спасителю», который «сходил на землю и страдал на кресте за личного человека» [2, т. 11, с. 577]. Ведь и в знаменитом «Письме к Гоголю» (1847 г.) Белинский пишет о *разумной* действительности, которой жаждет для России: «Она представляет собой ужасное зрелище страны... где нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только

огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». И надеется Белинский не на революцию, а на «введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Он добавляет: «Это чувствует даже само правительство» [2, т. 10, с. 213].

Почему же прекратились отношения и переписка² Белинского с Аксаковым, неужели действительно «после перехода последнего в лагерь реакционного «Москвитянина», как сказано в комментариях к полному академическому собранию сочинений критика? Начало резкого прекращения отношений между бывшими друзьями было, на наш взгляд, чисто «литературного» характера. Аксаков не согласился с мнением Белинского о Ломоносове (рецензия критика на 3-томное собрание сочинений, вышедшее в 1840 г.), что «в трудах и в жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях, принявших форму тяжелых стихов» [2, т. 4, с. 378]. Аксаков, прочитав рецензию Белинского, пишет отцу: «Предвижу, что мы с Белинским... схватимся литературно. <...> Или мы с Белинским навсегда разделимся, или он уступит мне; а я уже ему не уступлю» [3, с. 145]. А далее будет рецензия Белинского на брошюру Аксакова о «Мертвых душах», где тот назовет Гоголя русским Гомером, а Белинский увидит в ней «ребяческие фразы» и «абстракции». Аксаковы станут обвинять критика в личных мотивах («Белинский был недоволен приемом, ему сделанным...», «...видна больше личность» [3, с. 168]). Свою роль сыграют самолюбие, борьба за подписчиков между «Оте-

чественными записками» и «Москвитянином», С. Шевырев и М. Погодин (редакторы «Москвитянина») используют свои связи и будут настраивать против «Отечественных записок» министра народного просвещения С.С. Уварова, о чем пишет в своем дневнике цензор А.В. Никитенко: «Он ужасно вооружен против “Отечественных записок”, говорит, что у них дурное направление – социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, что это навеяно москвичами-патриотами, которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени» [3, с. 170]. Когда Белинский бывал в Москве (например, в мае 1846 г.), то именно К. Аксаков избегал с ним встреч, что тоже говорит само за себя [3, с. 179]. Далее болезнь Белинского, лечение за границей, не принесшее выздоровления, возвращение в Петербург, «чтобы истребить здесь остаток сил», и смерть в 37 лет, которая прекратила все споры и разногласия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье сохранено историческое написание учреждений XIX в.

² С осени 1839 г. Белинский и К. Аксаков больше никогда не встречались, переписка закончилась в 1841 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Недзвецкий В. А., Зыкова Г. В. Русская литературная критика XVIII–XIX веков. М., 2008. С. 154.
- [2] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 1953–1959.
- [3] Литературное наследство : В.Г. Белинский. М., 1950. Т. 56.

СКАЗОЧНЫЕ ОПЫТЫ В.И. ДАЛЯ (КАЗАКА ЛУГАНСКОГО) И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ

Проведён анализ прозаических сказок Казака Луганского 1830-х гг. в сравнении с подобными опытами писателей-сказочников эпохи. Родство созданных А.С. Пушкиным, П.П. Ершовым и В.И. Далем сатирических персонажей явилось естественным следствием общности взглядов авторов-сказочников на идейно-художественную сущность народной сказки. Близкими и характерными подходами к написанию произведений А.Ф. Вельтманом и сказок В.И. Далем оказались соотношения фантастики и реальности (на грани мифа, сказки, легенды, предания, с одной стороны, и бытовой, социально-психологической повести – с другой). С О.М. Сомовым В.И. Даля сближает характер обработки украинского сказочного фольклора, использования сказа как стиля. Казак Луганский и Н.А. Полевой обращаются к одному и тому же фольклорно-литературному сюжету – о судьбе Шемяке, хотя и по-разному его обрабатывают.

Ключевые слова: литературная сказка, фольклор, литературные параллели, фантастика, сказ.

Одним из основных жанров, в котором работал В.И. Даль в 1830-х гг., является прозаическая литературная сказка. В его знаменитый сказочный цикл «пяток первый» «Русских сказок» (1832) вошли пять сказок: «О Иване молодом сержанте...», «О Шемякином суде...», «О Роголоде и Могучане...», «Новинка-диковинка..», «О похождениях чёрта-послушника...». Сказки включены во 2–4-ю книги «Былей и небылиц» (1835–1839). Вторую книгу составляют сказки «О царевне Милонеге-Белоручке...», «О Строевой дочери и о коровушке-бурёнушке», «Про жида вороватого, про цыгана бородатого». Третья книга включает четыре текста: «Илья Муромец: сказка Руси богатырской», «О Емеле-дурачке», «О воре и бурой корове», «Иван Лапотник». Четвёртая включает пьесу «Ночь на распустье» и сказки «О Георгии Храбром и о волке», «О нужде, о счастье и о правде», «Ведьма (украинская сказка)».

Цель нашей статьи – анализ прозаических сказок Казака Луганского 1830-х гг. в сравнении с подобными опытами писателей-сказочников эпохи. В науке данный аспект не нашёл своего отражения. Исключением являются параллели между сказками В.И. Даля и О.М. Сомова, которые впервые появились уже в критике 1830-х гг. Современный исследователь жанра литературной сказки Л.В. Дереза утверждает, что сомовские сказки, для которых характерны верность фольклорному первоисточнику, последовательная имитация народного стиля, восходят к далевским «Русским сказкам... 1832 г.» [1, с. 13]. Этой же точки зрения придерживались И.П. Лупанова и З.И. Власова [2, с. 381; 3, с. 341]. Данное мнение восходит к рецензии Н.А. Полевого (Мос. телеграф, 1833, № 4, с. 598), в которой критик возводит стилевые особенности сказок О.М. Сомова («В поле съезжаются...» и «О Никите Вдовиниче») к В.И. Далею. Не все современники считали это мнение справедливым, в частности Н.Н. Трубицын утверждал, что О.М. Сомов явился в отношении некоторых стилевых приёмов не последователем, а предшественником В.И. Даля [4, с. 62]. Об этом говорят и некоторые литературоведы нашего времени [5, с. 508].

Сопоставительный анализ сказочного творчества Казака Луганского в литературном контексте (беллетристы конца XVIII в., Г.Р. Державин, Н.М. Карамзин, В.Т. Нарезный, А.Ф. Вельтман, А.С. Пушкин, П.П. Ершов, Н.А. Полевой, В.Ф. Одоевский и др.) проведён нами впервые.

М.Н. Липовецкий справедливо заметил, что активность сказки как жанра «особенно возрастает в периоды исторических кризисов и глубинных сдвигов в ценностной ориентации всего общества» [6, с. 153]. В конце 1820–1830-х гг. интерес к литературной сказке был необыкновенно велик: он связан с развивающимся в русской литературе романтизмом.

Скажем в первую очередь о тех особенностях, которые в корне отличают сказки В.И. Даля от опытов современников. Писатель в сказочных текстах исследует русский национальный характер, однако здесь же идёт анализ взаимоотношений представителей разных национальностей – русских, украинцев, евреев, цыган, «некрещёных народов» («Про жида и цыгана», «Илья Муромец», «Ведьма» и др.). В.И. Даль в своём сказочном творчестве создаёт образ народа как лучшей части нации, трудолюбивой, создающей, талантливой. Среди них он особенно выделяет солдат и матросов («Иван молодой сержант», «О чёрте-послушнике»). Для других же сказочных сборников этого периода подобные образы вообще нехарактерны. Фантастические события у В.И. Даля часто соотносятся с современностью, в текст вводятся реалии национальной действительности, указания на события из жизни самого автора (посвящения, разнообразные цитаты, примечания). Для сказочного творчества Казака Луганского совершенно нехарактерны пересказы или переводы иностранных сказок (как, например, у А.П. Зонтаг «Девушка-березница» (1829, 1830), «Слуга и господин» (1831)).

Далевские работы являются органичным продолжением опытов беллетристов XVIII в., которым было присуще широкое стилизаторство на почве древнерусской мифологии, народных обычаев и обрядов, поэтических жанров (произведения М.Д. Чулкова, М.И. Попова, В.А. Лёвшина, а также Г.Р. Державина («Царь-девица»), Н.М. Карамзина («Илья Муромец: богатырская сказка»), В.Т. Нарезного («Славенские вечера»)) [7, с. 36–37].

Ещё в 1833 г. А.А. Бестужев-Марлинский сопоставлял эксперименты Казака Луганского с работой А.Ф. Вельтмана, «который выкупал русскую старину в романтизме, доказал, до какой обаятельной прелести может довести русская сказка, sprychnutaya myslyu» [8, с. 127]. Впоследствии подобные аналогии стали общим местом в российской критике.

На чём основано сближение прозаиков В.И. Даля и А.Ф. Вельтмана? У этих авторов

в творчестве 1830-х гг. мы видим трансформацию фольклорных сюжетов, использование мифов, соотношение в повествовании реальности и фантастики. Рассмотрим указанные особенности на конкретных примерах.

Взаимодействие сказочного и исторического пластов характерно для сказок «пятого» В.И. Даля. В «Роговолоде и Могучане» впечатляет внезапное обретение царевичами исторических имён – Рюрик, Синав и Трувор. Фантазия автора не безгранична: историческое время подтверждается цитатой из «Повести временных лет» («Земля наша велика и обширна, а порядку в ней нет: идите владеть и княжить ею, и творите суд и правду») [9, с. 56; 10, с. 36]. Стремление лжеродителей погубить малолетних царевичей в сказке Казака Луганского подразумевает обычные в России расправы с будущими наследниками престола. В сказке «О чёрте-послушнике» нечистая сила пишет письмо своему начальнику Сидору Стопок-лёпу, а передаёт послание в преисподнюю через человека, имя которого не названо, но из описания ясно, что это Наполеон. В приписке упомянут Александр I как «оной северной страны повелитель». По мнению Ю.П. Фесенко, «прихотливая игра исторического и сказочного времени в цикле укрупняла великую сермяжную правду о противостоянии крестьянства и власть имущих, фольклора и официальной идеологии» [11, с. 97]. В «Илье Муромце» Казака Луганского былинный и летописный хронотопы тонко совмещены: время крещения Руси Владимиром Святославичем – эпоха активной деятельности русских богатырей. События национальной истории мифологизируются, а миф приобретает черты реальности. В сказке в свёрнутом виде присутствует проблема разобщённости русских князей вследствие феодальной раздробленности [12, с. 67].

Отличительной особенностью прозы А.Ф. Вельтмана, как и В.И. Даля, является эксперимент с жанрами. Для его творчества характерны «фольклорно-исторические романы», своеобразные «романы-сказки» [13, с. 11–12; 14, с. 7]. Но по сравнению с далевскими опытами вельтмановские творения гораздо большего объёма.

Вельтмановский роман «Кощей Бесмертный» (1833) имеет подзаголовок «былина старого времени». Он соответствует реализованному в сказке В.И. Даля «Илья Муромец» пониманию жанра. Соотношение сказочного (фантастического) и реалистического пластов в этом произведении в принципиальном плане сходно с приведёнными выше примерами из сказочного творчества Казака Луганского. В основу сюжета романа А.Ф. Вельтмана положено предание о нескольких поколениях рода Олега Путы и похождениях последнего богатыря этого рода

Ивы Олельковича. Нелепости реального мира принимают в сознании героя романа форму сказочной ситуации, а действие развивается сразу в двух планах – реально-историческом и сказочно-фантастическом. Отсюда жанровое и стилевое смещение, которое А.Ф. Вельтманом ещё более подчёркивается смещением языковых стилей, норм литературного языка, включением единиц устной народной речи, славянизмов, цитат из «Слова...», летописей. Но основой остаётся все-таки сказка с её установкой на вымысел. Причём у А.Ф. Вельтмана сказочные не только отдельные сюжеты или приёмы, но и образы главных героев.

Подзаголовок романа «Святославич, вражий питомец» (1835) – «диво времён Красного Солнца Владимира» – не формален: роман построен на сюжетах народных сказаний, поверий, фольклорных и летописных легенд. Легенда становится основным материалом для писательского воображения, движущей силой всего повествования. И в данном случае работа А.Ф. Вельтмана сопоставима с поэтикой «Ильи Муромца» В.И. Даля. Вместе с тем в вельтмановском романе двуплановость повествования становится нарочитой. Наряду с историческими персонажами (князьями Ярополком, Владимиром, Конунгом Эриком) в романе действуют Царь-девицы, русалки, царь Омут, Бабушка-повитушка, а в основе сюжета лежит романтическая «ситуация двойников»: «питомец» нечистой силы, Святославич, как две капли воды похож на князя Владимира, герой вступает в борьбу. Такой приём В.И. Даль использовал в сказке «О Рогволоде и Могучане». По духу, принципам введения фантастических персонажей, восходящих к быличкам, вельтмановское произведение напоминает пьесу Казака Луганского «Ночь на распутье».

При всей близости к поэтике сказок Казака Луганского в фольклорно-этнографических романах А.Ф. Вельтмана отрыв от фольклорно-мифологического сюжета более принципиальный и глобальный.

Обоих авторов привлёк образ Емели из русских народных сказок: у В.И. Даля сказка «О Емеле-дурачке» (1835), у А.Ф. Вельтмана роман «Новый Емеля, или Превращение» (1845). Писатели сатирически изображают современное общество, вводят сказочных персонажей в реальную обстановку. В главном герое произведения А.Ф. Вельтмана, Емельяне Герасимовиче, узнаётся сказочный Емеля-дурачок. Писатель проводит его через события Отечественной войны 1812 г., превращая то во французского генерала, то в шута, то в богатого наследника, то в русского барина-реформатора. Емеля так и остаётся «доброй душой», наивным, светлым человеком, который не приемлет лжи и наличия у людей «второго дна», и судьба оказывается по отношению к нему

милосердна. В произведение органично включаются сказочные мотивы – образы Бабы Яги, Змея Горыныча [15, с. 90–92, 166–171] и др. Тем не менее новый «Емеля» – не только сказочный, но и социально-психологический роман, в котором звучит сатира (критика крепостнической действительности и помещичьей аристократии). Сказка же В.И. Даля «Емеля», несмотря на обогащение сатирическими и бытовыми элементами, так и остаётся сказкой.

Отличительными особенностями прозы В.И. Даля и А.Ф. Вельтмана являются простонародный язык повествования, смешение разных стилей. Близость В.И. Даля ощущается у А.Ф. Вельтмана в стилевых приёмах, прежде всего введении просторечной лексики. Подобные новации прозаиков одинаково отрицательно воспринимались критиком О.И. Сенковским (Библ. для чт., 1834), который писал, например, об авторе «Лунатика»: «Нет сомнения, что можно иногда вводить в повесть просторечие; но всему мерею должны быть разборчивый вкус и верное чувство изящного: а в этом грубом, сырмятном каляканье я не вижу даже искусства!» (цит. по: [14, с. 10–11]). Но ни А.Ф. Вельтман, ни В.И. Даль не прислушались к критике журнального «авторитета», упорно продолжали вводить в свои произведения «сырмятное каляканье», а зачастую и фонетическое восприятие устной народной речи задолго до того, как это было принято в фольклористике и диалектологии.

Двух авторов отличало прекрасное знание этнографии, лингвистики, они нечасто, но создавали собственные слова. Во всех «сказочных» романах А.Ф. Вельтмана много примечаний, которые оформлены и как подстрочные, и как послетекстовые. Они дают разъяснения этнографического характера (устаревших или иноземных реалий), лингвистический, этимологический комментарий к выделенным в тексте 1830–1840-х гг. курсивом словам. Подобное наблюдается и в сказках, и в реалистической прозе В.И. Даля. Отдельные слова А.Ф. Вельтман создал сам, например «векожизненный» в романе «Кощей Бессмертный» [16, с. 109]. В.И. Даль, правда, гораздо позже, в 1850-х гг., размышлял о праве «составлять и переименовывать слова, чтобы они выходили русскими»: климат – погоды, адрес – насыл, атмосфера – колодёмица или микроколица, гимнастика – ловкосилие, автомат – самодвига, живуля, живыш и т. п.

Безусловно, эксперименты В.И. Даля и А.Ф. Вельтмана в прозе 1830-х гг. (у Вельтмана и 1840-х гг.) близки.

Далевские прозаические сказки перекликаются со стихотворными сказками своего времени.

В первую очередь необходимо отметить близость созданных на основе устного народного творчества образов. Так, А.С. Пушкин

кин в «Сказке о царе Салтане», «О золотом петушке», П.П. Ершов в «Коньке-Горбунке», В.И. Даль в «Иване молодом сержанте» создают образ жестокого, несправедливого, глупого царя. А.С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане» и В.И. Даль в «Сказке об Иване...» – образ мудрой девы, а в сказках «О мёртвой царевне» и «О Строевой дочери» – кроткой падчерицы. У Казака Луганского в «Емеле-дурачке» и у П.П. Ершова в «Коньке-Горбунке» главными героями становятся ловкие простаки, хитрецы, дураки, скрывающие под маской свой острый ум. Наконец, у А.С. Пушкина («Сказка о царе Салтане») и В.И. Даля («Об Иване...») возникает образ мудрой жены-помощницы, которая, помимо мудрости, наделена чувством собственного достоинства, высокой активностью, обладает сильным характером, беспощадна по отношению к врагам главного героя.

Наблюдается идейно-тематическое сходство сказочных произведений разных авторов. В «Сказке о рыбаке...» А.С. Пушкина и сказке «О Георгии Храбром...» В.И. Даля содержится сатира на несправедливое общественное устройство. В произведениях П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» и В.И. Даля «Об Иване...» социальный конфликт народного сказочного сюжета усиливается тем, что позитивные персонажи оказываются противопоставленными не только царю, но и всему его окружению: продажным, раболепствующим перед царём и ненавидящим Ивана придворным.

Характерны использованные авторами стихотворных сказок и В.И. Далем художественные приёмы. В «Сказке о медведихе» А.С. Пушкина (1830, неоконч. и неопубл.) [17] и «Сказке о Георгии Храбром...» В.И. Даля рассказано о похоронах животных (при этом введён отрывок в жанре плача), авторы видят героев-животных как бы на социальной лестнице. У А.С. Пушкина, П.П. Ершова и В.И. Даля есть совпадения и в характере обработки сказочных сюжетов: смещение граней волшебной и бытовой сказок, переплетение бытового и фантастического планов, иронический подтекст, сказовая манера письма, имитация устного исполнения (в особенности у П.П. Ершова) и др.

Подобную близость опытов авторов сказок 1830-х гг. можно объяснить общностью интересов и сходством в понимании народности. Это становится очевидным на фоне сказок, созданных подражателями А.С. Пушкина и П.П. Ершова [2, с. 171–177, 228–231, 241–245, 271–279]. В каждом конкретном случае при проведении сюжетных параллелей и выявлении совпадений в использовании писателями образов, характеристик, стилистических особенностей мы не говорим о влияниях выдающихся сказочников друг на друга. Все они как прекрасные знатоки русского сказочного фольклора пришли к созданию сходных образов в силу одинакового

отношения к народно-поэтическому материалу, что, в свою очередь, обуславливается родством их демократических позиций. Названные поэты и Казак Луганский сумели проникнуть в художественную природу народной сказки, отобразив самые существенные жанровые черты, углубив и заострив их.

Как и В.И. Даль, О.М. Сомов собирает фольклор и популяризирует его. При этом устное народное творчество обоими авторами рассматривается как важнейшее средство познания «духа» народа и создания национальной самобытной литературы. Внимание к украинскому фольклору у О.М. Сомова сочетается со всё углубляющимся интересом к устному народному творчеству русской нации («Кикимора», «Оборотень», «Сказание о храбром витязе Укроме-табунщике», «Сказка о медведе Костоломе и об Иване, купецком сыне» и др.). У В.И. Даля, безусловно, обратное соотношение: преобладают сюжеты русского фольклора, а украинских среди них незначительное количество («Ведьма»). В русском народном творчестве О.М. Сомова особенно привлекали героические темы. В своих произведениях он стремился к реконструкции героического прошлого русской истории и старинных черт быта, т. е. ориентировался на жанры былины и богатырской сказки. Отметим, что у В.И. Даля подобные сюжеты, темы и идеи также присутствуют, но не доминируют. Сказки авторов о богатырских подвигах персонажей близки: их авторы обращаются к народному эпосу (былинный мотивы, образы и ситуации), живописуют героический характер, создают былинный сказ, органично используют пословицы и поговорки (у О.М. Сомова «Сказание о... Укроме Табунщике», «В поле съезжаются», «Сказка о медведе-костоломе», у В.И. Даля «Илья Муромец», «О Милонеге»).

О.М. Сомов кладёт в основу большей части своего сказочного творчества несказочную прозу – былички, легенды, предания, поверья («Купалов вечер» (1831), «Бродящий огонь» (1831), «Киевские ведьмы» (1833), «Недобрый глаз» (1833), «Русалка» (1829), «Сказка о кладах» (1829), «Оборотень» (1829), «Кикимора» (1829)) [18, с. 92–115, 144–227]. Казак Луганский гораздо реже обращался к быличкам (в интродукции «Новинки-диковинки», пьесе «Ночь на распутье», сказке «Ведьма», «Сказке о кладах»). В.И. Даль использовал тех же героев, что и О.М. Сомов (русалка, ведьма, оборотень), и их характеристика, естественно, совпала, так как восходит к устному народному творчеству.

Многими образами и ситуациями далевская «Ведьма» перекликается с сомовским «малороссийским преданием» «Киевские ведьмы». Главный герой рассказа О.М. Сомова Фёдор Блискавка, как и Остап

Пушкарь у В.И. Даля, «лихой казак», «молодость, красота и завзятость» которого заставляют киевлянок «поглядывать на него с лукавой усмешкой» [18, с. 97]. Сходны в обоих произведениях слухи и сплетни о невесте казака и попытки «добрых людей» предостеречь героя от женитьбы на ведьме. Киевская ведьма у О.М. Сомова – молодая девушка, мать которой научила её колдовству и заставляла летать на шабаш на Лысую гору.

Вместе с тем последующее развитие действия и развязка в данных произведениях наглядно показывают противоположные установки писателей при изображении реальной действительности и использовании фольклорного материала. О.М. Сомов разрабатывает сюжет народного предания в духе романтизма. Вся «сказка» овеяна таинственностью, фантастическое описание шабаша ведьм сочетается со странным и трагическим финалом: Катруся Ланцоговна высосала всю кровь казака, а затем сама была сожжена ведьмами на Лысой горе. У В.И. Даля народные поверья о ведьме органично вплетены в сюжет народной сказки с её конечным торжеством добра над злом. Сказочные образы и ситуации, пронизанные неиссякаемым народным юмором, неизменно находят своё отражение в реальности. Жизнеутверждающий характер «Ведьмы» усиливается концовкой: «Ну баба... теперь справляй пир на весь мир; что заработано в год, сыпь на стол в день. Руки здоровы, ноги целы; сыну мий, Ивашко, дома, а с ведьмы, с аспидской, может уже давно черти лыки дерут; она не страшна боле, так Господь благословит нас опять. А чумаковать пойду, возьму и сына с собою: пусть поживёт, как люди живут, свету побачит, пусть порадуется простору нашему, погуляет...» [19, кн. IV, с. 198].

Используя несказочный фольклор, О.М. Сомов в отличие от В. Даля редко обращается к собственно сказочным сюжетам. Так, на рубеже 1828–1829 гг., когда Казак Луганский создал сказку «Сила Калиныч», О.М. Сомов напечатал произведение «Оборотень» с подзаголовком «народная сказка». Но это повествование было сродни фантастическим повестям Н.В. Гоголя из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в которых воспроизводился поэтический мир мифологии, народных преданий и легенд. В конце 1829 г. О.М. Сомов пишет две коротенькие сказки, тезисно излагая фольклорные сюжеты («Сказание о... Укроме-табунщике» и «Сказка о медведе Костоломе...»). Затем он возвращается к привычной для себя романтической манере («Сказка о кладах», «Кикимора»).

Далевская сказка «Про жида и про цыгана» может быть сближена с сомовскими произведениями «Гайдамак (Малороссийская быль)» и «Гайдамак (главы из малороссийской повести)». Текстам обоих авторов

присущ украинский колорит, включено описание Воздвиженской ярмарки. В них сходна характеристика евреев (хитрость, обман, страх перед гайдамаком Гаркушей), обоих героев можно охарактеризовать при помощи цитат: «Бог отнял у нас силу и смелость, а мы поневоле взялись за хитрость и пронырство...», «но так сильна была в евреях страсть к прибытку, что он пошёл бы на явную опасность, если бы знал, что, избегнув её, получит барыш» [18, с. 26, 32]. Эпизод повести «Гайдамак (Малороссийская быль)» О.М. Сомова [18, с. 22–37] напоминает «первое похождение» далевской сказки «Про жида и цыгана». Еврей Абрам очень боится Гаркушу; цыганёнок завёл его в ловушку, чтобы передать в руки гайдамакам, часть которых переодета купцами. В результате гайдамаки наказывают героя за жадность и предательство. У В.И. Даля лукавый «хохол» Иван избивает «жида» Ицьку, имитируя нападение гайдамаков. Хотя Казак Луганский не называет имени гайдамака, которого боится Ицька, однако близость ситуации позволяет предположить, что это легендарный Гаркуша. Так в текст В.И. Даля исподволь включается известное произведение О.М. Сомова, опирающееся, в свою очередь, на фольклорные легенды, предания, анекдоты.

В сказках В. Даля и О. Сомова в одно и то же время появляются сказовые интонации, обращения к читателям, единичные пословицы в речи сказочника («Оборотень: народная сказка» (1829) и «Сказка о Никите Вдовиниче» (1832) [18, с. 205–206, 209, 232, 241, 245]), сказочные формулы, типичные рифмованные концовки в текстах «О медведе Костоломе...» (1829) и «О Никите Вдовиниче» [18, с. 228, 230, 235, 240–241]). Однако приёмы создания далевского сказа богаче и разнообразнее сомовского.

В сказке «пятка первого» В.И. Даля «О Шемякином суде» использован популярнейший сюжет, существующий в виде устной сказки, сатирической повести XVII в., прозаических и стихотворных редакций, позднейшего лубочного издания [20–22]. Этот сюжет является наиболее сатирически острым и в фольклоре, и в древнерусской демократической литературе [23, с. 17–25, 147, 174–175; 24, с. 5–10, 367]. Интерпретация В.И. Даля позволяет смягчить восходящее к устному варианту противоречие между бедным и богатым и усилить идущую от сатирической повести XVII в. критику судебного произвола [2, с. 367–369; 11, с. 88].

К этому же сюжету в 1832 г. обратился и Н.А. Полевой, создав «Старинную сказку о судье Шемяке с новыми присказками» (1832) [25]. Популярный анекдот писатель полностью переносит в свою «сказку», но делает его лишь вставной «новеллой», которую рассказывает один из мужиков, сидящих на завалинке. Основной же интерес у повествователя вызывают всевозможные

присказки на все случаи жизни, которыми постоянно прерывается повесть о Шемяке. Его речевая манера здесь нарочито многословная, витиеватая. Из разбросанных по всему повествованию подробностей деревенского быта, отдельных реплик героев постепенно складывается облик русского крестьянина: мудрого, рассудительного, с хитринкой и чувством юмора, хотя, пожалуй, слегка идеализированного.

У Н.А. Полевого и В.И. Даля текст делится на две части: в первой – рассказ о различных околосюжетных вещах, общение рассказчиков и слушателей; во второй – собственно пересказ сюжета демократической повести. При этом Н.А. Полевой указывает на «значительную разницу в подробностях против известного печатного «Суда Шемякина» [25, с. 251]. Сближают произведения В.И. Даля и Н.А. Полевого и описание окружения рассказчика-сказочника, его друзей, слушателей, введение ситуаций живого общения мужиков, диалогов [25, с. 235–238]. Также для текстов В.И. Даля и Н.А. Полевого характерны сказовые интонации, разговорные вкрапления. В речи сказочника Н.А. Полевого значительное количество пословиц, поговорок, рифмованных присказок и прибауток: «один дурак бросит камень в воду, а семеро умных его не вытащат», «сказка – складка», «шёл путём-дорогою, близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли», «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» и др. [25, с. 229, 231, 237, 239].

Вместе с тем наблюдаются и существенные отличия в опытах данных писателей. Так, Н.А. Полевой нагромождает в сюжете различные эпизоды достаточно значительного объёма, не связанные с основным повествованием [25, с. 231, 239, 250]. Образ сказочника Н.А. Полевого не является простонародным. Нелогичными и неестественными при обработке народного сюжета выглядят вставки об учении сказочника, при описании деревни вводится цитата из А.С. Пушкина («мальчишек радостный народ» [25, с. 230]), сказочник обращается к читателям «господа», «милостивый государь», рассказывает о «мудром Эзопе» [25, с. 230–231, 233–234] и др. Хотя в образ Казака Луганского также заложена двойственность – сочетание черт образованного человека и его крестьянина-свата, она не выглядит нарочитой.

Сказочные произведения В.И. Даля (прежде всего «пяток первый») сопоставимы с циклом В.Ф. Одоевского «Пёстрые сказки» с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных учёных обществ, изданные В. Безгласным» [26]. Что роднит эти две книги? Во-первых, название, длинное, конкретизирующее, объясняющее представление автора о жанре сказки; во-вторых,

сатиричность, критическое изображение современной действительности, чиновного мира. В «Сказке о том, по какому случаю коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником» показана чиновничья петербургская среда, уродливость и бездуховность существования столичного чиновника средней руки. Здесь уместно вспомнить чиновничий мирок, созданный в сказке В.И. Даля «О чёрте-послушнике» (именно эта среда очень понравилась чёрту, который чувствовал себя в ней особенно комфортно). В «Сказке о мёртвом теле, неизвестно кому принадлежащем» читатель попадает в захолустный провинциальный город Реженск и соприкасается с не исполненным высоких помыслов существованием его обитателей. Фантастическая история о поисках пропавшего хозяина мёртвого тела насыщена осязаемыми бытовыми подробностями. Такой подход соответствует далевской установке на приближенность сказок к быту. Впоследствии же в творчестве В.И. Даля появятся рассказы о «мёртвом теле» уже из реальной жизни («Вакх Сидоров Чайкин», «Мёртвое тело», «Лимоны, солдатский сапог и шапка» и др.).

Вместе с тем материал, а также объект, предмет обличения, художественные средства в циклах В.И. Даля и В.Ф. Одоевского существенно разнятся. В.И. Даль в своих сказках воспроизводит точку зрения простонародного сказочника Казака Луганского, который «по паркетам не хаживал», В.Ф. Одоевский – магистра, учёного человека Ириней Модестовича Гомозейки, позицию которого усложняет мнение и самого автора – князя, аристократа, своего человека в светских гостиных. Принципы создания сказочника – своеобразного двойника писателя – у В.И. Даля и В.Ф. Одоевского в целом сопоставимы, однако конкретные образы очень далеки друг от друга.

Отличает одоевские произведения от далевских то, что в цикле «Пёстрые сказки» практически нет фольклорного материала. Единственное подобное произведение, основанное на сюжете былички, – «Игоша». Однако для этой «сказки» характерен психологизм, которого мы не найдём в сказках В.И. Даля: Игошу видит ребенок, а образ, напоминающий домового народных быличек, воспринимается как игра его детского воображения.

Основной корпус сказок В.Ф. Одоевского – аллегории, пародии на иностранную литературу, философские, мистические, фантазмагорические, дидактические рассказы («Новый Жоко», «Просто сказка», «Реторта», «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» и др.) [27, с. 5]. У В.И. Даля подобных жанров нет ни в «пятке первом», ни в «Былях и небылицах». Основой далевского жанрово-

стилевого новаторства является фольклоризм, народность, реализм при изображении простонародной жизни, сказкам же В.Ф. Одоевского присущ аристократизм.

Новаторские принципы сказочного творчества В.И. Даля: трансформация фольклорных сюжетов, использование паремий, народность, сатиричность, введение в литературную сказку образов солдата и матроса, сложный стиль (сказ в сочетании с фольклорной стилизацией) – выделяются в сопоставлении с аналогичными опытами современников. Их немного: В.Ф. Одоевский, О.М. Сомов, Н.А. Полевой, Антоний Погорельский (А.А. Перовский), И.В. Киреевский, А.П. Зонтаг, И.И. Башмаков (Иван Ваненко).

Прежде всего следует отметить родство созданных А.С. Пушкиным, П.П. Ершовым и В.И. Далем сатирических персонажей, которое явилось естественным следствием общности взглядов авторов-сказочников на идейно-художественную сущность народной сказки. Близкими и характерными подходами к написанию произведений А.Ф. Вельтманом и сказок В.И. Далем оказались соотношение фантастики и реальности (на грани мифа, сказки, легенды, предания, с одной стороны, и бытовой, социально-психологической повести – с другой). С О.М. Сомовым В.И. Даля сближает характер обработки украинского сказочного фольклора, использования сказа как стиля. Казак Луганский и Н.А. Полевой обращаются к одному и тому же фольклорно-литературному сюжету – о судье Шемяке, хотя и по-разному его обрабатывают. Достаточно далеки друг от друга оказываются «сказочные» циклы В.И. Даля и В.Ф. Одоевского («Пёстрые сказки»), хотя и в этом случае уместно указать на их общность – в сатирических мотивах, интересе к национальному фольклору, создании колоритного образа собирателя-рассказчика.

В целом работа В.И. Даля в жанре литературной сказки находится в тесном соприкосновении с аналогичными опытами его современников.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Дереза Л. В.* Російська літературна казка першої половини XIX століття в системі жанрів романтизму : автореф. дис. ... д-ра філол. наук. Сімферополь, 2005. 41 с.
- [2] *Лупанова И. П.* Сказочник Казак Луганский // Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959. С. 336–381.
- [3] *Власова З. И.* В.И. Даль // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 338–360.
- [4] *Трубицын Н. Н.* Пушкин и русская поэзия. СПб., 1910. Т. IV. Ч. I. 432 с. (Библиотека великих русских писателей).

- [5] История русской литературы : в 4 т. / редкол. : Н. И. Пруцков и др. Л., 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. 655 с.
- [6] *Липовецкий М. Н.* Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск, 1992. 184 с.
- [7] *Юган Н. Л.* В. И. Даль и русская литература 30–60-х гг. XIX в. : монография. Луганск, 2011. 400 с.
- [8] *Бестужев А. А. (Марлинский)* О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Литературно-критические работы декабристов. М., 1977. С. 84–137.
- [9] *Даль В. И.* Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб. ; М., 1897–1898. Т. 9.
- [10] Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы : XI – начало XII века : [сб. текстов]. М., 1978. 464 с.
- [11] *Фесенко Ю. П.* Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. Луганск ; СПб., 1999. 262 с.
- [12] *Юган Н. Л.* Художественная специфика цикла В.И. Даля «Были и небылицы». Луганск, 2006. 263 с.
- [13] *Кошелев В. А., Чернов А. В.* Мудрая фантазия Сказочника... // Вельтман А. Ф. Сердце и думка: приключение : роман : в 4 ч. М., 1986. С. 3–21.
- [14] *Калугин В. И.* Романы Александра Вельтмана // Вельтман А. Ф. Романы. М., 1985. С. 3–21.
- [15] *Вельтман А. Ф.* Новый Емеля, или Превращения : роман // Избранное. М., 1989. С. 21–346.
- [16] *Вельтман А. Ф.* Романы.
- [17] *Пушкин А. С.* Сказка о медведихе // Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977. Т. 4. Поэмы. Сказки. С. 310–312.
- [18] *Сомов О. М.* Купалов вечер : избр. произв. К., 1991. 558 с.
- [19] *Даль В. И.* Были и небылицы Казака Владимира Луганского : в 4 кн. СПб., 1833–1839.
- [20] *Васильева О. В.* «Повесть о Шемякином суде» и бытование сюжета о несправедном суде // Русский фольклор. Л., 1989. Т. XXV. С. 91–99.
- [21] *Кузнецова В. П.* «Повесть о Шемякином суде» и её стихотворные переложения // Учён. зап. Калининград. гос. ун-та. 1969. Сер. : Филол. науки. Вып. 4. С. 59–73.
- [22] *Лапицкий И. П.* Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество (повесть «Шемякин суд») // Учён. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1954. № 173. Сер. : Филол. науки. Вып. 20. С. 125–141.
- [23] Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. 254 с.
- [24] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки : в 3 т. М., 1985. Т. 3. 493 с.
- [25] *Полевой Н. А.* Повести Ивана Гудошника. Старинная сказка о судье Шемяке с новыми приключениями // Полевой Н. А. Мечты и жизнь. М., 1988. С. 226–259.
- [26] *[Одоевский В. Ф.]* Пёстрые сказки с красным словом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных учёных обществ, изданные В. Безгласным. СПб., 1833. 158 с.
- [27] Приложение к факсимильному изданию «Сказки Ирины Модестовича Гомозейки». М., 1991. 48 с.

УЧРЕЖДЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО БИБЛЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТАНТСКОГО МИССИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XIX в.

Исследуется вопрос учреждения и деятельности библейского общества в Российской империи в первой трети XIX в. Появление данной организации рассматривается в контексте развития европейского протестантского миссионерского движения. Выявляются специфические черты Российского библейского общества, определившие особенности его функционирования и последующую историю.

Ключевые слова: Библия, мистицизм, общество, протестантизм.

Время правления российского императора Александра I ознаменовалось не только военными событиями и противоречивой внутренней политикой. Со вступлением на престол молодого императора в стране складываются благоприятные условия для развития общественного сознания и общественной жизни.

Общественная жизнь начала XIX в. имела под собой достаточно прочный фундамент, заложенный в XVIII в. Со времени петровских преобразований начинается постепенное нарастание и расширение связей между Западной Европой и Россией. В это время большое влияние на российскую действительность оказывают западноевропейская литература, философия, религиозные учения и, наконец, быт.

Важным фактором, оказавшим влияние на общественную жизнь в это время, стало распространение мистицизма, мистических сочинений среди аристократической части российского общества. Мистицизм был явлением отнюдь не новым, схожие учения появлялись и ранее. Особенностью мистицизма XIX в. стал его реакционный характер, в особенности касательно результатов Великой французской революции: распространения религиозного вольномыслия и материализма. Интересную особенность в распространении мистицизма в эту эпоху отмечает Б.А. Тихомиров: «...вопрос фактически стоял о её [мистики. – А.А.] утверждении в качестве нормы общественного сознания, по сути, придания ей статуса общеобязательной, государственной идеологии» [2, с. 8]. Большое распространение получают переводы трудов известных западных мистиков К. Эккартсгаузена, И.Г. Юнг-Штилинга, И. Таулера.

В этой связи появление библейских обществ как формы протестантского миссионерского движения напрямую связано с общим духовно-мистическим подъёмом в Европе в это время. Библейское миссионерское движение начала XIX в. обосновывало определённые универсалистские принципы в ситуации многоконфессиональности христианства, сплочение общественного сознания и обретение общего для всех конфессий единого основания, каковым должен был стать индивидуальный мистический опыт, а также религиозные чувства. Источником подобного опыта являлось Священное Писание, преодолевающее, по мысли миссионеров, отдельные конфессиональные различия.

Основание для подобных взглядов можно найти в базовых принципах протестантизма, в так называемых *quinque sola* (пять «только») – пять латинских тезисов, появившихся во время Реформации и подведших итог её основных теологических догматов. «Пять “только”» ясно сформулировали пять фундаментальных догм протестантизма, основные принципы,

которые реформисты считали необходимыми для христианской жизни и практики: sola scriptura («только Писанием»), sola fide («только верой»), sola gratia («только благодатью»), solus Christus («только Христос»), soli Deo gloria («только Богу слава»).

Особое значение для протестантских общин имеет первый из вышеозначенных тезисов. Его часто называют формальным принципом Реформации, так как он является источником и основой принципа sola fide и определяет все основные особенности вероучения протестантизма. Отсюда понятна особая ревность миссионеров-протестантов в деле распространения Библии. Общехристианская деятельность по распространению Священного Писания носила скрытый конфессиональный характер, что впоследствии не раз подчёркивали критики библейского общества [4, с. 53–54].

Общеизвестно, что первое библейское общество было образовано в Великобритании в 1804 г. и стало именоваться «Британским и Иностраным Библейским Обществом» (British and Foreign Bible Society).

Санкт-Петербургское (а с 1814 г. – Российское) библейское общество (РБО) было учреждено 6 декабря 1812 г. в Санкт-Петербурге по Высочайшему повелению императора Александра I. Идея создания данной организации на территории Российской империи принадлежала пастору Джону Патерсону, приехавшему в Петербург с целью ходатайствовать о разрешении перевода Библии на родные языки для российских протестантов [4, с. 16–17]. Покровительство и поддержку в этом начинании ему оказал главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий князь Александр Николаевич Голицын, ставший впоследствии президентом Российского библейского общества.

Деятельность Общества с разной степенью интенсивности продолжалась до 1826 г.: удалось перевести, полностью подготовить к печати и издать книги Священного Писания на 26 языках и наречиях (876 106 экземпляров) [2, с. 29].

Исследователи подчёркивают, что появление библейского общества в России совпало с известными мистическими настроениями и ожиданиями императора Александра I. Во многом это определило и ту лёгкость, с которой Общество было открыто в

России, а также подъём и энтузиазм, который вызвала его деятельность.

По уставу и по замыслу библейское общество должно было быть внеконфессиональным, включающим в себя представителей всех конфессий, как равно владеющих святыней Слова Божия. Однако, по свидетельству современников, библейское общество «...становилось какой-то новой конфессией или сектой, по крайней мере – психологически, с особой кружковой, эзотерической и экзальтированной психологией» [3, с. 108].

Сами организационные принципы РБО, энтузиазм основателей, личная заинтересованность и даже членство в нём Александра I стали основой для бурного развития библейского и миссионерского дела в течение 14 лет с момента основания организации. В то же время инициатива создания Общества «сверху» не позволяет говорить о нём как об институте складывающегося гражданского общества. Более того, как подчёркивал А.Н. Пыпин, «Библейское общество почти отождествлялось с министерством [Голицына. – А.А.]» [1, с. 82]. Таким образом, происходила подмена смысла и цели библейского дела. Библейская деятельность становилась составляющей, во-первых, несвойственного ей мировоззрения, а во-вторых, определялась поддержкой монарха и целиком зависела от неё. Во многом эти особенности и определили дальнейшую судьбу этой организации. Отставка А.Н. Голицына с поста президента РБО и руководителя «сугубого министерства» привела к затуханию деятельности Общества. В 1826 г. Российское библейское общество было закрыто «впредь до Высочайшего соизволения».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I / предисл. и примеч. Н. К. Пиксанова. Петроград: Тип. Гл. упр. уделов, 1916. IX. 486 с.
- [2] Тихомиров Б. А. К истории отечественной Библии. М.: Российское библейское общество, 2006. 32 с.
- [3] Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-PRESS, 1983. 574 с.
- [4] Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Репринтное воспроизведение издания 1899 г. М.: Российское библейское общество, 1997. 368 с.

**ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
КАК ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИОГРАФ**

Предпринята попытка рассмотреть профессора Московской духовной академии А.П. Лебедева как церковного историографа. Внимание направлено на формирование научного мировоззрения А.П. Лебедева и его научные подходы.

Ключевые слова: А.П. Лебедев, церковная историография, история духовного образования в России.

В последнее время в исторической науке современной России активизировался интерес к изучению творчества историков церковно-академической среды. Но далеко не все персоналии церковных историков еще получили должное освещение в исторической науке. Остановимся на личности профессора Московской духовной академии (МДА) Алексея Петровича Лебедева. Сфера его научных интересов – история Церкви, церковная историография, развитие церковно-исторической науки в России. Особо выделим его исследования по церковной историографии, в которых он проследил развитие церковного историописания от IV до начала XX вв. [1]. Даже сегодня эти работы остаются единственными в своем роде, а книге «Церковная историография в главных ее представителях...» вообще нет аналога.

Надо отметить, что в отечественной церковной историографии мало работ, посвященных изучению церковно-историографических взглядов А.П. Лебедева. В основном это работы биографического характера, но не особо информативные в плане прояснения исторических взглядов ученого. Отдельно можно отметить статью профессора А.А. Спасского «Профессор А.П. Лебедев» [2]. В ней не только освещается личность и деятельность ученого, но и дается краткий анализ его трудов, а также статьи И.В. Кривушина «Церковник историк и церковно-историческая наука: момент осмысления» [3], в которой намечены основные подходы А.П. Лебедева к изучению церковной историографии. Такая историографическая ситуация актуализирует изучение А.П. Лебедева как церковного историографа.

Необходимым этапом историографического анализа творчества любого историка является изучение личности и формирование научного мировоззрения ученого. В своих главных чертах научное мировоззрение А.П. Лебедева сформировалось в период его учебы и работы в МДА. Здесь же он окончательно определился со своими научными интересами и с 1870 г. занял место на кафедре истории древней Церкви, начал вести исследования по церковной истории. Свою магистерскую работу он писал по философии но, не связал с ней свою дальнейшую деятельность, а сосредоточился на вопросах церковной истории. Впоследствии А.П. Лебедев защищает докторскую диссертацию по Вселенским соборам IV и V вв. Некоторое его подходы к изучению сформировались у него еще за время учебы в МДА: выявление причинно-следственных связей, широкая постановка проблем в исследовании, доскональное изучение литературы по вопросу.

Если посмотреть на работы А.П. Лебедева в области церковной историографии, то здесь выделяются три направления исследований: греческие церковные историки IV–VI вв., немецкие церковные историки XVI – начала XX вв., русская церковная историография. Латинские и римско-

католические историки, а также византийские хронисты практически не попали в поле обзора автора, что, конечно, является пробелом в исследовании. Причина такого выбора лежит в том, что А.П. Лебедев рассматривает только наиболее развитые, наиболее характерные для того или иного времени формы церковного историописания. Соответственно, греческая церковная историография – начальный этап формирования церковной историографии вообще. Немецкая (протестантская) – потому что в XIX в. была самой передовой по своим достижениям, здесь свое применение получил критический метод при изложении истории.

Охват временного периода и авторов показывает наиболее характерный подход автора к изучению материала – широту поставленных проблем, что делается не многими историками. Такие объемные исследования неизбежно ведут к освоению большого корпуса источников и исследовательской литературы автором. Все работы А.П. Лебедева по церковной историографии построены на использовании источников как греческих, так и немецких церковных историков. Практически везде у него встречаются отсылки к изданиям на языке авторов. По характеру исследовательской литературы, которую использует историк для анализа работ других церковных историков, можно сказать, что он познакомил нас с достижениями зарубежной исторической и богословской мысли. Его работы отличаются обилием документов.

При исследовании концепций церковных историков А.П. Лебедев пользуется критическим методом, который так успешно получил свое распространение в протестантской Германии. Под критикой у автора понимается выявление сущности исследуемого явления, а не критиканство с узкоконфессиональной позиции, все его замечания аргументированы и подкреплены соответствующими фактами и ссылками на литературу. А.П. Лебедев «никогда не остается в поле отрицательных оценок, но всегда ищет и находит рациональное зерно» [4]. Анализ концепций церковных историков А.П. Лебедев делает по следующей схеме: 1) биографические сведения; 2) принадлежность церковного историка к направлению или школе; 3) источники автора и работа с ними; 4) сходства и различия с историче-

ской традицией; 5) методы исследования, соответствие содержания заявленной позиции; 6) достоинства и недостатки труда; 7) вклад историка в общую историю церковной историографии.

Также в своих исследованиях ученый использует методы классической историографии: историко-генетический и историко-системный при изложении развития церковной историографии от возникновения до своих современников; сравнительный – когда сопоставляет между собой достижения церковных авторов, особенно это касается греческих историков.

Внимание заслуживает у автора характеристика русской церковной историографии. Эти работы, может, не такие объемные, как по зарубежной церковной историографии, но имеют немаловажное значение. Русская церковная историография оценивается автором так же критически, как и любая другая, можно сказать, что она подвержена замечанием больше всех за свою отсталость. Профессор А.П. Лебедев выделяет несколько причин отсталости: 1) позднее включение церковной истории в систему обязательных дисциплин для изучения; 2) отсутствие исследовательской церковно-исторической литературы; 3) пренебрежительное отношение и цензура по отношению к церковной истории со стороны церковных властей. По мнению автора, церковно-историческая наука в России «стоит на незначительной высоте» [5]. Эти слова автора остаются актуальными и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] См., напр.: *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб. : Алетей, 2001 ; *Его же.* «Великий и в малом...»: Исследования по истории Русской Церкви и развития русской церковно-исторической науки. СПб. : Абышко, 2008.
- [2] Богословский вестник. 1908. № 9–11.
- [3] *Кривушин И. В.* Церковный историк и церковно-историческая наука: момент осмысления // Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в.
- [4] Там же. С. 7.
- [5] *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. С. 397.

ПОДГОТОВКА ТЕОЛОГА К ПОСРЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается проблема подготовки теолога к представительско-посреднической деятельности. Отмечается, что закреплённая в федеральном образовательном стандарте высшего профессионального образования и вошедшая в состав профессиональных компетенций посредническая функция теолога нуждается в теоретическом осмыслении и методологической поддержке.

Ключевые слова: теология, посредническая деятельность, представительская деятельность.

Согласно пункту 4.3 ФГОС ВПО по направлению подготовки 033400 «Теология», студент, претендующий на диплом бакалавра, помимо прочих видов профессиональной деятельности, должен готовиться к представительско-посреднической работе. Анализ образовательных стандартов по всей группе 030000 «Гуманитарные науки» показал, что к подобному виду деятельности не готовит бакалавров не только смежное направление 033300 «Религиоведение», ограничиваясь подготовкой к научно-исследовательской, педагогической, организационно-управленческой деятельности, но и вообще ни одно из направлений, включённых в данную укрупнённую группу. А ведь речь идет о тридцати направлениях, среди которых юриспруденция, психология, прикладная этика, конфликтология.

Под это направление работы «заточены» и отдельные профессиональные компетенции: «способность использовать знания в области истории, типологии и актуальных проблем взаимоотношений в религиозной организации в межрелигиозном, культурном (цивилизационном), общественном, государственном и научном контексте (ПК-10); готовность применить перечисленные знания к работе в координационных структурах с участием религиозных организаций и к осуществлению представительско-посреднических функций во всех областях профессиональной деятельности теолога (ПК-11)» [1, с. 9]. Более того, в рекомендуемой Советом по теологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию (создан на базе исторического факультета МГУ и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета) карте формирования компетенций в содержание/определение и структуру компетенции ОК-4 заложены следующие дескрипторы: «знать: понятие, виды, структуру, динамику конфликта и стратегии его разрешения; уметь: разрешать конфликты и адаптироваться в социуме, решать поставленные задачи во взаимодействии с обществом, коллективом, партнером; владеть: навыками применения эффективных стратегий разрешения конфликтных ситуаций, приемами и техниками общения» [2, с. 3]. Поднимая значимость теологического образования посредством его грамотной профилизации, общество готовит себе: эксперта-консультанта в области церковно-государственных отношений, управленца, выдающего в человеке прежде всего человека, а не обезличенный персонал, капитал или ресурс, посредника который будет способствовать не только разработке, но и реализации программ по снижению конфликтности и поддержанию мира в практике деятельности социальных институтов и отдельных людей.

Кафедра истории и теории религии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, уже 12 лет готовящая теологов для Ом-

ского региона, решением майского заседания 2012 г. ввела в состав регионального (вузовского) компонента ряд специальных предметов: психологию религии; социологию религии; информационные технологии в теологическом образовании; теорию и практику социальной политики Русской православной церкви; психолого-педагогическую компетентность теолога; организацию и методику работы с социально- и духовно-дезадаптированными людьми; социальное служение и прикладную этику, а также конфликтологическую компетентность теолога. Представлены к лицензированию магистерские программы по направлениям 033400 «Теология» и 033300 «Религиоведение» по смежной профилизации «Церковно-государственные отношения» и «Государственно-конфессиональные отношения». Однако наиболее актуальным вопросом, стоящим сегодня перед формирующейся в ОмГУ межкафедральной научно-педагогической теолого-религиоведческой школой, следует считать разработку собственного методического фонда к компетентностно-ориентированным образовательным программам. Дело в том, что формирование посредническо-представительской компетенции должно быть адекватно общей парадигме подготовки теолога, а потому не может быть «закры-

то» наличествующими технологиями управления конфликтами и медиативными практиками, разработанными для юристов, экономистов, конфликтологов. Они априори базируются на различных основаниях. В конфликтологии еще не сложилось общепринятой теории конфликта, однако большинство конфликтологов уверены, что конфликты являются естественным условием взаимодействия людей (где взаимодействие, там и конфликт). Эта позиция – краеугольный камень конфликтологии, положенный в основу ее институционализации. В случае с конфессионально-ориентированной теологией взгляд на конфликт иной – здесь свой краеугольный камень – мир. Соответственно, и стратегии конфликто разрешения и конкретные методики должны быть определены иными. Разработка таких стратегий и есть важнейшая задача ближайших лет.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] ФГОС ВПО по направлению подготовки 033400 «Теология» (квалификация (степень) «бакалавр»), утв. Приказом № 84 Минобрнауки России от 09 февраля 2011 г.
- [2] ООП ВПО по направлению подготовки 033400 «Теология» (квалификация (степень) «бакалавр»). – Омск : Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2012.

ИЗУЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ В 80-х гг. XX в.

Рассматривается изучение деятельности нетрадиционных религиозных движений в России в 80-е гг. XX в., ставшее логическим продолжением исследований предшествующих десятилетий, а также приуготовительным периодом для изучения проблемы возникновения и распространения деятельности нетрадиционных религиозных движений в последующие годы. Отмечается, к каким выводам приходят ученые 80-х гг., исходя из опыта исследований предшественников, и с какими проблемами они сталкиваются.

Ключевые слова: религия, христианство, сектантство, нетрадиционные религиозные движения, ученые XX в.

Изучение деятельности нетрадиционных религиозных движений в России в 80-е гг. XX в. стало логическим продолжением исследований предшествующих десятилетий. Во второй половине XX в. на проблему возникновения и распространения религиозных движений обратили особое внимание и начали изучать предметно. Разговор о религии приобрел качественно иное содержание – не только как о сопутствующей проблеме изживания консервативных устоев и мировоззренческих заблуждений ушедшего царского режима, но все больше как о социокультурной проблеме, современной и животрепещущей, требующей поиска решения.

В 70-е гг. XX в. исследования ученых в области нетрадиционной религиозности в основном сводились к тому пониманию, что сектантство является одним из проявлений религиозности, имеющим основной средой своего развития крестьянство. Ссылаясь на слова В.И. Ленина, который говорит на страницах своего бессмертного произведения о том, что сам факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма является известным, а оформление политического протеста с религиозным подтекстом – явление, характерное для многих народов на определенной стадии их развития. Делается вывод о том, что наличие революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, никакому сомнению [1]. Возникновение и распространение нетрадиционных религиозных движений воспринималось исследователями 70-х гг. XX в. все больше как процесс, имеющий своей основой социальное недовольство, нежели как попытка отстаивать чистоту исполнения догматов и правильности обрядовых действий. Сектантство воспринимается как «бунт низов общества», постепенно подтачивающий прочность советской власти.

Уже в 1980-е гг. отношение к деятельности данных организаций меняется. Выходят в свет работы: А.Т. Москаленко «Идеология и деятельность христианских сект», В.Г. Яковлева «Религия и разум», А.В. Белова «Секты, сектантство, сектанты», З.В. Калиничевой «Социальная сущность баптизма» и других авторов. Особо необходимо отметить ряд работ А.Н. Митрохина и А.И. Клибанова, вышедших в таких периодических изданиях, как «Наука и религия» и «Вопросы философии». В нескольких статьях авторы пытаются раскрыть проблему соотношения науки и религии, определить место религии в современном обществе, а также формируют свой взгляд на ставший реальностью факт возникновения и распространения религиозного сектантства.

Ряд исследований данного периода направлены на анализ деятельности ученых предшествующих лет. Так, в работе А.Т. Москаленко мы ви-

дим следующее описание: «В последние годы в советской печати появились глубокие исследования по критике идеологии современного христианского сектантства, среди которых следует отметить работы В.И. Гарраджи, А.И. Клибанова, Л.Н. Митрохина, А.В. Белова, В.Ф. Крестьянинова, Ф. Федоренко, Э.Г. Филимонова, А.Н. Чанышева и др.» [2]. Работа Москаленко является попыткой переосмысления предшествующего опыта изучения религиозного влияния в России, как традиционного, так и нетрадиционного в своих проявлениях. Но отказа от идеи «религия как оружие» не происходит. Так, автор пишет: «В последнее десятилетие международная буржуазия в борьбе с коммунизмом все чаще стала использовать религию как одну из форм наиболее массовой идеологии, которую она пытается противопоставить марксистской теории научного коммунизма» [3]. Можно сказать, что продолжает формироваться образ религии, противопоставленный в своих идеях необходимым условиям советской науки. Отношение к деятельности нетрадиционных религиозных объединений меняется. Все больше ученых полагают, что средой распространения влияния данных групп является не только сельская и окологородская местность, но и городские жители, весьма подверженные данному «недугу». Об этом говорит нам в своей работе А.В. Белов: «Констатируя, что сектантство более успешно прививается в сельской местности, многие советские исследователи отмечают, что в последние годы наблюдается процесс выравнивания распространения сектантской веры на селе и в городе. Это объясняется постепенным стиранием различий между деревней и городом, в экономическом, культурном и бытовом отношении, а также миграцией населения в город» [4]. В данном случае «болезнь» принимает масштабы эпидемии и бороться с ней необходимо незамедлительно. Вывод, сделанный автором в качестве прогноза, предлагается следующий: «Можно уверенно говорить о том, что в недалеком будущем по мере механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства будет все меньше и меньше малоквалифицированной миссионерской деятельности сектантства». Значит ли это, что произойдет отказ от нетрадиционных религиозных воззрений вообще, или же пропагандисты данных организаций будут действовать более изощренными и осторожными способами, автор не уточняет.

В данном разговоре крайне полезной необходимо признать позицию Л.Н. Митрохина, говорящего о недопустимости двух крайностей в соотношении науки и религии. Одна из них заключается в бессознательном воспроизведении точки зрения просветителей, которая в своей бесхитростной форме сводится к отождествлению ре-

лигии с невежеством. Другая крайность – утверждение, будто научный прогресс «нейтрален» и не имеет серьезного отношения к судьбам религии [5]. Обе позиции автор считает избыточными, не вполне объективными. Исходя из этого, можно обозначить некоторое противоречие во взглядах исследователей. В данном случае без подобного разобщения обойтись было бы невозможно в силу того, что разные понимания одной проблемы и разные источники ее происхождения в итоге дают свои результаты, которые не мешают развитию, а скорее дополняют картину научного поиска в данной области.

В указанный нами период производится попытка систематизировать уже имеющиеся знания в области развития религии и существенно их обогатить. Так, выходит в свет серия книг, рассказывающих о наиболее распространенных современных религиозных движениях, опыт изучения которых уже был в определенной мере осуществлен. Серия получила название «Современные религии» и насчитывала порядка четырнадцати изданий. Каждой организации был посвящен отдельный том. Наибольшую заинтересованность общества и государства в области религии было решено рассмотреть на примере православия, католицизма, протестантизма, ислама, буддизма, иудаизма, баптизма, адвентизма, пятидесятничества, менонитства, иеговизма, униатства, старообрядчества и молоканства. Каждое учение было представлено, кратко освещена история той или иной организации, особенности ее культуры, частично освещены догматический и обрядовый аспекты. В завершение каждого тома авторами приводятся выводы о недостаточности и несовершенстве деятельности каждой религиозной организации, а также предлагаются рекомендации о том, какими способами возможно противодействовать данной организации в ее попытке ввести в заблуждение читателя и членов его семьи.

Так, в работе, посвященной старообрядчеству, А. Катунский выдвигает следующее суждение: «Религия не способна стать идейной силой, способствующей решению реальных жизненных проблем. Напротив, перенос решения насущных вопросов человеческого бытия на небо, она, по сути дела, увековечивает несправедливые отношения на земле. Идеология старообрядчества на всех этапах носила реакционный характер» [6]. Автор также говорит и о том, что религия – своего рода «орудие закрепощения и социального гнета» [7] человека. И все чаще подобные проявления становятся заметными в среде «трудового люда». Они «...создавались самими трудящимися, которые искали путь к счастью и не видели его нигде, кроме как в религиозной вере. Этот путь был иллюзорным, ложным, а религиозные организации

по своей объективной социальной роли всегда были реакционными, всегда служили эксплуататорскому строю, независимо от того, кем они были созданы» [8].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в 80-е гг. XX в. в отношении религиозных движений, как традиционных, так и нетрадиционных взглядов, остаются в силе суждения прошлых десятилетий. Но, несмотря на эту преемственность, можно выделить и существенные изменения в подходах изучения деятельности данных групп:

– повышение информированности населения о деятельности религиозных организаций;

– попытки систематизировать и переработать уже имеющиеся знания о деятельности вышеуказанных организаций;

– смещение центра возникновения и распространения религиозных движений «от периферии к центру», а также развитие тенденции к равномерному их распределению в различных регионах страны;

– попытка поиска нового пути преодоления проблемы возникновения и распространения религиозных движений при помощи научных достижений (механизации и модернизации производственного аппарата в частности);

– особенное место отводится общественному сознанию и перемене мировоззренческих установок, которые под действием научного прогресса заставляют меняться как саму религию, так и отношение к ней в различных слоях общества;

– отношение к религии в научной среде поляризуется, что свидетельствует о гото-

вящихся глобальных переменах в данной сфере.

Все сложнее становится говорить о религии, так как она приобретает все больше красок и всевозможных граней. Не только христианство подвергается рассмотрению, но и обилие различных «новых религий», которые зачастую настолько отличаются по своим представлениям от уже знакомых доктрин, что говорить о религии как о каком-то одном и едином в своем проявлении «враге» становится все тяжелее. Появляется необходимость изучать деятельность каждой такой организации особенно тщательно и внимательно. Мы увидим, как в последующие десятилетия волна распространения и развития нетрадиционной религиозности перекроет понимание о сущности религии, о ее необходимости и способах подачи информации. В 1980-е гг. происходит своего рода «подготовка» для последующих исследований и попыток систематизации будущих знаний.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 4. С. 228.
- [2] Москаленко А. Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск, 1978. С. 7.
- [3] Там же. С. 4.
- [4] Белов А. В. Секты, сектанство, сектанты. М., 1978. С. 108–109.
- [5] Митрохин Л. Н. Христианство в эпоху научно-технической революции. Статья 1 // Наука и религия. 1973. № 6. С. 33.
- [6] Катунский А. Старообрядчество. М., 1972. С. 43.
- [7] Там же. С. 117.
- [8] Там же.

**«ТЮТЧЕВ И АПОКАЛИПСИС»:
К ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ**

Анализируются и систематизируются работы отечественных литературоведов, культурологов, историков и философов, затрагивавших проблему «Тютчев и Апокалипсис». Перечислены основные идеи исследователей, указаны тенденции и направления дальнейшего изучения творчества поэта. Делается вывод, что на современном этапе изучения данная тема еще нуждается в обобщениях и фундаментальных исследованиях.

Ключевые слова: Тютчев, Апокалипсис, лирика, история вопроса.

Вопрос «Тютчев и Апокалипсис» поднимался еще в конце XIX столетия Вл. Соловьевым, который обратил внимание на то, что в поэзии Ф.И. Тютчева России приписывается особая роль, в то время как Западу предрекается неминуемая гибель [1]. Тем не менее вопрос этот так и остался до конца не изученным. На сегодняшний день существуют лишь разрозненные, бессистемные исследования, в которых затрагивается данная тема.

Наша задача – проанализировать и систематизировать работы отечественных литературоведов, культурологов, историков и православных философов, посвященные той или иной стороне проблемы «Тютчев и Апокалипсис».

Как известно, фундамент богатой «тютчевяны» составляют работы отечественных литературоведов Л.В. Пумпянского [2], Б.М. Эйхенбаума [3], Ю.Н. Тынянова [4], Б.Я. Бухштаба [5], Ю.М. Лотмана [6] и др.

Л.В. Пумпянский предложил рассматривать поэтический мир Ф. Тютчева как совокупность повторений, дублетов. В статье, посвященной лирике поэта, исследователь выделил «интенсификацию» и циклизацию в качестве ведущих поэтических методов Тютчева. Под «интенсивным» методом ученый понимал разработку поэтом нескольких тем одновременно в одном лирическом тексте. Говоря о циклизации, Л.В. Пумпянский замечал, что хотя число тематических групп крайне невелико, «их соотношение, по-видимому, таково, что каждая из них может рассматриваться как часть общей постепенно раскрывающейся системы» [2, с. 227]. Важна догадка Л.В. Пумпянского об особом декадентском мироощущении Ф.И. Тютчева. Декадентство поэта, по мнению исследователя, исходит целиком из романтического дуализма, т. е. из представления мира как сцены драматического взаимодействия рокового порабощения и освобождения сил, или, выражаясь языком Тютчева, «светлого мира» и «бездны».

Б.М. Эйхенбаум одним из первых обратил внимание на специфику времени и пространства в лирике Ф.И. Тютчева, а также высказал идею о ее «проповедническом метафоризме» [3, с. 339]. Считаем, что подобное «качество» (в том числе и в смысловом плане) характерно для целого корпуса тютчевских поэтических текстов, которые мы относим к «апокалиптической» лирике. К сожалению, понятие «проповеднический метафоризм» исследователь применяет исключительно к языковой и стилиевой стороне лирики поэта, ограничиваясь указанием лишь нескольких стихотворений.

Ю.Н. Тыняновым было выдвинуто положение о принципиальной фрагментарности поэзии Тютчева, что означало одновременное складывание лирических фрагментов в единый большой текст, уничтожение и

восстановление большой эпической традиции [4, с. 266]. В то же время литературовед отмечал: «Его лирика приучает к монументальному стилю в малых формах» [4, с. 214]. Относя поэта к архаистам, Ю.Н. Тынянов писал: «Тютчев выбирает особый язык, изысканно архаистический» [4, с. 209].

Б.Я. Бухштаб рассматривал поэзию Ф.И. Тютчева с опорой на биографический материал, необходимый для целостного восприятия личности и творчества поэта [5].

М.Ю. Лотман, опираясь в определенной мере на перечисленные выше исследования, делает свой вывод: центральным вопросом тютчевской картины мира является оппозиция «бытие» – «небытие». В эту оппозицию могут быть включены все остальные темы, тем самым «бытие» и «небытие» выражаются по-разному и подчас могут приобретать совершенно противоречащие значения [6, с. 68]. Небытие характеризуется в поэтическом мире Тютчева как нечто разрушительное и всепоглощающее, не имеющее формы (бесформенность). Форма же сводит категорию пространства в категорию «бытия». И именно к категории бытия относит М.Ю. Лотман все основные оппозиции тютчевской поэзии: Юг – Север, день – ночь, время – безвремяе, человек – природа.

Несомненно, к классике тютчевианы необходимо отнести и труды русских православных философов конца XIX – начала XX в., заложивших традицию религиозно-философского осмысления творчества Ф.И. Тютчева.

Как уже говорилось выше, Вл. Соловьев в статье «Поэзия Ф.И. Тютчева» обратил особое внимание на тютчевское понимание высшего предназначения России [1].

В работах И.А. Ильина имя Ф.И. Тютчева упоминается в связи с рассуждениями о судьбе России. В статье «Россия в русской поэзии» философ пишет: «Для этого – вечно и священного, Божьего – внешняя Россия есть как бы риза, через которую сияет эта духовная субстанция» [7, с. 206].

Протоиерей Г.В. Флоровский впервые поднимает вопрос об исторических прозрениях Ф.И. Тютчева [8]. Говоря о том, что весь смысл и основная тема русской истории для Тютчева есть собирание «Православного Царства», философ с позицией русского православия отвергает подобную идею, видя в ней стремление «заменить веру земным свершением» [8, с. 50]. Однако именно Г.В. Флоровский в «великом тайнозрителе природы» видит «прозорливца» истории: «политические события были для него тайными знаками, символами подспудных процессов в глубинах. По ним он разгадывал последние тайны исторической судьбы... История обращалась для него в Апокалипсис» [8, с. 56]. Как кажется, именно Г.В. Флоровский одним из первых наиболее близко подошел к апокалиптическому вос-

приятию Ф.И. Тютчевым русской и мировой истории, судеб мира.

Проблеме «Ф. Тютчев и идея “Третьего Рима”» посвящены работы Л.Р. Ланского [9], Р. Лэйна [10], К. Пигарева [11], Н.В. Сеницыной [12] и др.

В комментариях к опубликованному незавершенному тютчевскому трактату «Россия и Запад», создававшемуся накануне Крымской войны, Л.Р. Ланской отмечает «сочувствие» Тютчева идеям «второго» и «третьего» Рима [9, с. 227].

Английский исследователь Р. Лэйн пишет: «Некоторые из его противников... поражены... были представшим перед ними образом Москвы как третьего Рима (хотя для истории России эта мифологема была не нова)» [10, с. 224]. В брошюре И.С. Гагарина, направленной против поэта [13], Р. Лэйн усматривает «одну из систематических попыток опровержения тютчевских идей, его мечтаний, восходящих к древнерусской утопии о Москве как Третьем Риме» [10, с. 247]. Однако поэтические строки не переводимы на язык политической теории. С этими коррективами следует подходить и к высказыванию Р. Лэйна о политических взглядах Ф.И. Тютчева, которые «представляют собой уникальное сочетание исторической прозорливости и исторических иллюзий, разумных построений и очевидных предубеждений, реальности и мифотворчества» [10, с. 233].

Без учета историософских построений Ф.И. Тютчева комментирует произведения поэта литературовед К. Пигарев. Его монографию отличает крайне социологизированный подход к изучению жизни и творчества Ф.И. Тютчева. Так, например, комментируя стихотворение «Русская география», исследователь трактует его буквально, с точки зрения «прагматическо-политической» и недоумевает, «как мог» Ф.И. Тютчев создать подобную утопию [11, с. 130]. При этом исследователь совершенно не учитывает ни жанр аллегории-пророчества, апокалиптики, ни историософский контекст поэтических высказываний поэта, ни связь текста с аллюзией древней теории мировых монархий.

О теории мировых монархий и ее месте в публицистике Ф.И. Тютчева пишет в своей монографии историк Н.В. Сеницына [12]. Она доказывает, что в исторической и литературоведческой науке историософия Тютчева ошибочно отождествлялась с теорией Третьего Рима, что за эту теорию применительно к Тютчеву выдавался комплекс идей, имеющих с ней лишь некоторые точки соприкосновения. «Восточный вопрос», темы Царьграда, славянского единства в поэзии и публицистике Ф.И. Тютчева отражали другую теорию – теорию мировых монархий, основанную на толкованиях книги пророка Даниила, считает Н.В. Сеницына [12, с. 16, 21].

Заложенная русской философской критикой традиция изучения тютчевского историософского мировидения продолжена современными литературоведами С.Г. Бочаровым, Б.Н. Тарасовым, И.А. Есауловым и др. На материале документального наследия Ф.И. Тютчева (писем, публицистики) исследователи анализируют основу историософских представлений поэта.

С.Г. Бочаров рассуждает о тютчевской историософии применительно к политической стороне жизни России и Европы XX в. Рассмотрению этой темы посвящена его работа «Тютчевская историософия: Россия, Европа и революция» [14].

Напротив, Б.Н. Тарасов [15; 16] и И.А. Есаулов [17] рассматривают историософию Тютчева с позиций религиозно-православного мироощущения поэта. Так, Б.Н. Тарасов утверждает, что главный пункт его историософии выражен в словах Иисуса Христа, обращенных к Понтию Пилату: «...Царство Мое не от мира сего...» (Ин. 18: 36). Развивая идеи Г.В. Флоровского, Б.Н. Тарасов обращается к проблеме «Тютчев и Апокалипсис», объясняя дисгармоничность мироощущения поэта предощущением будущих перемен, осознанием духовного кризиса эпохи [15, с. 15]. Исследователь убежден, что, с точки зрения поэта, перенесение внимания с «сокровищ на небе» на «сокровища на земле» склоняет историю на путь губительного антропоцентризма с его разнообразными идеологическими иллюзиями и злоупотреблениями, с проявлениями и влияниями «темной основы нашей природы» [15, с. 16]. Полемизируя с С.Г. Бочаровым, Б.Н. Тарасов утверждает, что именно на стыке христианской метафизики, антропологии и историософии рождается в тютчевской мысли понятие о подлинной «христианской империи», жизнеспособность которой, по мысли поэта, заключается в чистоте и последовательности ее христианства.

Б.Н. Тарасов указывает, что согласно Ф.И. Тютчеву единственным государством, достойным носить имя «христианской державы», которой спасается мир, является Россия. В отличие от западного католицизма, она и в XIX в. продолжала сохранять высшую божественную легитимность власти в самодержавии и духовные традиции византийского христианства. Так, революция для Тютчева – это не только и не столько историческое событие, но и прежде всего Дух, Разум, Принцип. Причина их влияния – удаление человека от Бога, а главный, исторически развившийся результат – «цивилизация Запада», «вся современная мысль после ее разрыва с Церковью», полагающая в своей антропоцентрической гордыне гармонизировать общественные отношения в ограниченных рамках «антихристианского рационализма», невнятного гуманизма и

гипертрофированного индивидуализма [15, с. 18]. Таким образом, особое внимание Б.Н. Тарасов обращает на философскую основу творчества Ф.И. Тютчева, при этом редко обращаясь непосредственно к анализу лирики поэта.

На религиозность поэтического наследия Тютчева и пророческие мотивы его творчества обращал внимание В.В. Кожинов [18]. А в статье «Соборность лирики Ф.И. Тютчева» исследователь опровергает мнение о том, что Ф.И. Тютчев был поэтом-индивидуалистом, и утверждает идею о православной соборности как основе его лирики [19].

Так называемую молитвенную лирику подробно анализирует Э.М. Афанасьева. По мнению исследовательницы, особенность ее изучения основана на тютчевском понимании катастрофичности мира, находящегося на грани духовного растрепания или на грани разрушения личного бытия. В такой ситуации, замечает Э.М. Афанасьева, молитва в качестве искупительного действия признается единственным событием, способным приобщить человека к мировой гармонии. «Наделение сакрального слова искупительными функциями влияет на характер стихотворных молитв. В поэзии Тютчева молитвенный сюжет-архетип в большинстве случаев предстает в сжатом, концентрированном виде. Он является отправной точкой для воссоздания макродиалога. Концентрация молитвенной модели обращения к высшему божественному началу даже в пределах одного стиха становится мгновенной отсылкой к припоминанию известного, что организует горизонты читательского восприятия словесного события» [20, с. 189].

Э.М. Афанасьева выделяет и анализирует отдельные жанрово-тематические группы молитвенной лирики Ф. И. Тютчева, такие как «молитва о страдании», «молитва старца» и другие. Однако несмотря на глубокий и подробный анализ, исследование носит частный характер. Апокалиптические и эсхатологические мотивы в нем не анализируются.

Отдельный научный интерес для нас представляет работа М.А. Розадеевой о религиозном мироощущении Ф.И. Тютчева безотносительно к православию. В исследовании вскользь упоминается, что «молитвенная тема в лирике Ф. И. Тютчева входит в контекст поэтических размышлений о природе религиозного мировосприятия» [21, с. 90].

Интересны литературоведческие исследования, посвященные особенностям хронотопа и пейзажа в тютчевской лирике [22; 23; 24]. При этом М.А. Гаспаров и Ю.Н. Чумаков придерживаются принципов структурного подхода к художественному произведению. Посредством глубокого анализа формально-смысловой организации лирических тютчевских творений литературоведы

постигают «секрет» мировидения поэта, его особую «область метафизической интерпретации природы и истории» [2, с. 211]. М.А. Гаспаров в параллельном строфическом строении тютчевских стихотворений видит не только противопоставление «земной картины» «небесным звездам», но и сверхзадачу поэта – показать «контраст эпох» [22]. Ю.Н. Чумаков, отталкиваясь от лирической формы Тютчева (двойное восьмистишие с так называемым перводелением), анализирует пространственно-временные границы стихов поэта, античные, христианские и «современные» мотивы его лирики, видя во всем этом «надстраивание над античностью и современностью афористического “вечного” плана» [23, с. 425]. Лирику Тютчева Ю.Н. Чумаков называет «историко-космической», а его поэтический мир – «катастрофическим сочетанием всевозможных стихий... если уж нельзя быть заклинателем и властелином этих стихий, остаются креативные усилия по их сдерживанию. Вот откуда берутся тютчевские лирические композиции, свехупорядоченные и гиперкомпенсированные, эти избыточно жесткие построения, эти плотины, защищающие порядок от хаоса и хаос от порядка» [23, с. 455]. То есть речь идет как раз об особом «апокалиптическом» и «эсхатологическом» мировидении Тютчева, проявляющемся на всех уровнях текста.

«Эсхатологический пейзаж» становится объектом исследования в работе И.Ю. Барышниковой. Изучая духовно-эстетическую специфику данного пейзажа на материале русской поэзии, автор утверждает, что предвосхищение событий Апокалипсиса дается в лирике через описание природных и реальных исторических событий, например, наводнения [24]. Именно в этом ключе И.Ю. Барышникова анализирует тютчевский эсхатологический пейзаж. Как считает автор, у Тютчева природный катаклизм, в том числе и «последний», представляет собой форму обновления и преобразования действительности [24, с. 18]. Однако рассмотрение тютчевского «эсхатологического пейзажа» в указанном исследовании является неполным и сводится к анализу лишь нескольких стихотворений поэта.

Изучению сюжета обновления и преобразования в лирике Ф.И. Тютчева посвящена кандидатская диссертация Т.А. Воробец [25]. Особое внимание автор работы уделяет религиозному и космическому мироощущению поэта, исследует идею построения «Славянской земли» и преобразования мира в поэзии Ф.И. Тютчева.

Принципы организации «мотивной структуры» лирики Ф.И. Тютчева изучаются в диссертационном исследовании Б.В. Орехова [26]. Автор находит в наследии поэта ряд барочных мотивов, один из которых называет «эсхатологическим». К сожалению,

Б.В. Орехов не дает данному мотиву какой бы то ни было характеристики и ограничивается иллюстрацией его лишь на одном примере – анализе стихотворения «Последний катаклизм».

Таким образом, несмотря на определенные успехи, достигнутые в решении проблемы «Тютчев и Апокалипсис», ее изучение как в классическом тютчеведении, так и в публикациях современных исследователей еще далеко от завершения. До сих пор отсутствуют специальные обобщающие труды по данной теме, по изучению «апокалиптических» мотивов в лирике поэта. Недостаточно изучены многие важные вопросы; заметно стремление одних исследователей воздержаться от теоретических обобщений, других – от подробного анализа лирических текстов поэта. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки заявленной темы, а также систематизации и обобщения накопленного исследовательского материала.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Соловьев Вл. Ф.И. Тютчев // Соловьев Вл. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990. С. 148–159.
- [2] Пумпянский Л. В. Собрание трудов по истории русской литературы. М. : Языки русской культуры, 2000.
- [3] Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л. : Советский писатель, 1969.
- [4] Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Литературный факт. М., 1993. С. 214–266.
- [5] Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. Л., 1970. С. 9–75.
- [6] Лотман Ю. М. Поэтический мир Тютчева // Тютчевский сборник. Таллин, 1990. С. 48–72.
- [7] Ильин И. А. Россия в русской поэзии // Ильин И.А. Сочинения : в 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 2. 400 с.
- [8] Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. 322 с.
- [9] Ланской Л. Р. Комментарии // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 220–237.
- [10] Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840 – начала 1850-х годов // Федор Иванович Тютчев. Литературное наследство. М., 1988. Т. 97. Кн. 1. С. 231–252.
- [11] Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева. М.: Изд. АН СССР, 1962. 388 с.
- [12] Сеницына Н. В. Теория мировых монархий; Ф.И. Тютчев // Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М. : Индрик, 1998. С. 16–21.
- [13] Гагарин И. С. О примирении Русской Церкви с Римскою // Символ. 1982. № 8. С. 207–243.
- [14] Бочаров С.Г. Тютчевская историософия: Россия, Европа и революция. URL: http://wwwmagazines.russ.ru/novyi_mi/2004/5/bochar13.html (дата обращения: 04.06.2012).
- [15] Тарасов Б. Н. Тютчевская историософия: Бог, человек и история, Россия, Европа, революция // Новый мир. 2005. № 11. С. 12–18.

- [16] *Тарасов Б. Н.* Христианство и политика в историософии Ф.И. Тютчева // Москва. 2001. № 8. С. 180–200.
- [17] *Есаулов И. А.* Россия и революция: вокруг наследия Ф.И. Тютчева // Вестник Литературного института. 2007. № 1. С. 112–122.
- [18] *Кожин В. В.* Пророк в своем Отчестве. М., 2002.
- [19] *Кожин В. В.* Соборность лирики Ф.И. Тютчева // Кожин В.В. Грех и святость русской истории. М., 2006.
- [20] *Афанасьева Э. М.* Молитвенная лирика Ф.И. Тютчева // Духовные начала русского искусства и образования : матер. V всерос. конф. с международным участием («Никитские чтения»). Великий Новгород, 2005. С. 180–189.
- [21] *Розадеева М. А.* Евхаристическое богословие Ф.И. Тютчева // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX в. М., 1997. С. 88–97.
- [22] *Гаспаров М. Л.* Композиция пейзажа у Тютчева. URL: <http://www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/gasparo.php> (дата обращения: 15.09.2011).
- [23] *Чумаков Ю. Н.* Пушкин. Тютчев: Опыт имманентных рассмотрений. М. : Языки славянской культуры, 2008. С. 408–471.
- [24] *Барышникова И. Ю.* Духовно-эстетическое содержание эсхатологических пейзажей русской поэзии. URL: <http://www.mineralov.ru/barys5.html> (дата обращения: 10.04.2012).
- [25] *Воробец Т. А.* Метасюжет преобразования как единый семантический код лирики Ф.И. Тютчева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 24 с.
- [26] *Орехов Б. В.* Принципы организации мотивной структуры в лирике Ф.И. Тютчева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 24 с.

«НАУКА О РЕЛИГИИ»: ТЕОЛОГИЯ И (ИЛИ) РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ?

Исследуются история и методология теологии в России. Становление нового университетского научного и образовательного направления «Теология» рассматривается в контексте междисциплинарного диалога с другим новым университетским научным и образовательным направлением «Религиоведение» в историческом и методологическом аспектах. Приведет ли диалог к созданию российской «науки о религии» как единого инновационного научно-образовательного пространства?

Ключевые слова: теология, история теологии, методология теологии, религиоведение, диалог.

Прийди, наконец, голубица моя, в ущелье скалы под покровом утеса!

Покажи Мне лице твое, дай мне услышать голос твой, потому что голос твой сладок и лице твое приятно Мне!

Песнь Песней. 2,14

Открой лице твое, те черты лица, которые по Моему образу и подобию. Душа, дай Мне услышать голос твой, говоря от сердца.

Прп. Максим Исповедник.

Толкование на Песнь Песней царя Соломона

Любой представитель высшей школы озадачен «своей» темой и публикациями по ней. Взявшись писать на тему отношений теологии и религиоведения в современном российском научном и образовательном пространстве, я практически сразу пожалела об этом. Потому что полемика на поверхности, а стремление найти «общее поле» сдерживается «информированным оптимизмом» представителя российского университетского сообщества конца XX – начала XXI в., который всё-таки стремится изучать религию, соблюдая критерий академической научности.

После попытки еще раз проанализировать современное положение вещей, наконец-то зафиксировала в себе тонкую нить мысли, что у этих двух подходов – теологии и религиоведения, – и, именно, в России начала XXI в. много точек для пересечения и диалога. Мне помогло утвердиться в этой интуиции «историко-научное» занятие.

Наверное, никто не будет оспаривать тот факт, что дореволюционные «корни» у этих двух уважаемых образовательных направлений одни и те же [1].

Отечественное религиоведение стремится видеть себя преемницей европейских studies of religions. Но без отечественных предшественников тоже не обойтись. Хотя следует признать, что не всё отечественное религиоведение признает научно-теоретическую ценность за историко-религиозными исследованиями в России до 1917 г. И это касается не только собственно духовно-академических авторов-богословов, историков Церкви или религиозных философов. Современная отечественная наука о религии зачастую «не видит» представителей своей науки даже среди дореволюционной университетской профессуры. (Чаще всего это были профессора историко-филологических факультетов императорских университетов.) Такая позиция еще раз доказывает тот факт, что самосознание

такого отечественного религиоведения «философско-религиозное», в той версии философии религии, когда она – часть философии, т. е. является философским рассмотрением религии. А это, в свою очередь, даже и не совсем Гегель, и уж точно не Макс Мюллер...

ВАКовская специальность 09.00.14. «Философия религии и религиоведение» «отпочковалась» от специальности 09.00.13, в которой базу составляла философия культуры, теперь стремящаяся к теологии культуры. Таким образом, можно отметить, что «специализация» отечественного религиоведения продолжается... Наоборот, теология, которая ушла во втором стандарте от неконфессиональной светскости в сторону конфессионально-образовательного профиля (поворот 10-летней давности), стремится быть признанной и «узнанной» российским православным богословием и Церковью.

Теология также претендует на научный статус, при сохранении идейного, духовного единства с отечественным богословием. Научный статус предполагает наличие собственного метода, который, в свою очередь, «вытекает» из понимания предмета научного исследования. Конфессиональная (православная) теология имеет устойчивое предметное поле. Если, согласно ФГОС, теология – осмысление (систематизация) определенного опыта, опыта богообщения человека, инициированного Самим Источником такого опыта, то преломления этого опыта могут рассматриваться как конкретные методы: экзегетический, историко-церковный, практический. Но за всем этим многообразием стоит один Образ и, значит, один метод. Сегодня его можно именовать теологическим методом.

Интересно, что ФГОС по религиоведению «уходит» от самоопределения в области методологии. Религиоведение открыто для исторического, психологического, социологического, антропологического и иных методов многочисленных современных европейских гуманитарных специальностей. ВАКовские определения религиоведения говорят о главенстве философского подхода (индукция, дедукция и др.). Вероятно, такое понимание сути религиоведения как философской науки объясняет нежелание традиционного советского (и постсоветского) религиоведения опять занять место «служанки теологии». Новое религиоведение, вероятно, стремится к собственному методу. Тогда надо понять (развести?) отличие такого религиоведческого метода от теологического. Теология же видит себя восприимчивой отечественной богословской традиции в современных глобальных научно-образовательных условиях.

За 20 лет «специализации» религиоведения и теологии мы можем встретить много совпадающих определений, связанных с единым образом «науки о религии». Усугубление в специализации может перейти и действительно переходит в антитезу «европейского» (западного) и «славянофильского» (восточно-христианского), и здесь «история науки» второй половины XIX – начала XX в. дает многие основания для *déjà vu*.

Подобный пример наличествует и по методологической линии. Его можно сформулировать в виде вопроса «Кто у кого позаимствовал теоретические и методологические постулаты?». Теология-богословие может аргументировано заявлять о древности-первоначальности собственного изучения религии. Но параметр «научности» новоевропейский, гуманистический, следовательно, новоевропейская же традиция изучения религии со всем основанием может настаивать на своих правах в этой области.

Диалог современной российской теологии и современного же (нетрадиционного для советского атеистического) религиоведения может претендовать на инновативку не только в силу своего «возраста». Можно говорить о факте состоявшегося формата «религиозного образования», хотя бы через предметную область школьного курса основ религиозных культур и светской этики. Теология настаивает, что ее выпускники являются готовыми преподавателями всех модулей этого неоднозначного, конфликтного предмета(ов). И культурологический подход в религиозном образовании также доступен современной российской теологии по природе теологического образования (и стандарта).

Стремясь избежать тяжеловесности перечня имен и цитат из истории науки, рискуем сделать неаргументированный (даже априорный) вывод, что за всем этим естественным противостоянием можно потерять свое «предметное поле». Представителей двух подходов – «извне» и «изнутри» – объединяет интерес к религии. Если в этой «научной баталии» стороны переусердствуют, то вечный интерес к религии исчезнет из научного пространства. Останется историко-политическое, социально-социологическое, психологическое и др., но только не «религиозное» измерение человечества... Конечно, теологи-богословы усмехнутся такому «маловерию», так как история науки доказывает обратное. Но ведь и этот текст представляет собой всего лишь «моделирование ситуации».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кузьмина Е. В. «История религии»: между религиоведением и теологией // Вестн. Ом. ун-та. 2012. № 3 (65). С. 109–114.

СЛОВО И ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Рассматриваются текстуальный и визуальный способы репрезентации культуры. Выявляется специфика восприятия текста и визуального образа, что представляется сопряженным с различными принципами генерирования смысла. Обосновывается необходимость моделирования постижения визуальности в современной культуре.

Ключевые слова: слово, визуальный образ, текст, культура, репрезентация, смысл.

Культура состоит из явлений, которые запечатлены в реальности. Нам интересны два принципа фиксации реальности: посредством слова и посредством визуального образа. Целью нашей работы является установление статуса слова и статуса визуального образа в современной культуре.

Слово соотносимо с такими понятиями, как текст и письмо. В отношении текста можно сказать, что он долгое время выступал в качестве репрезентанта культуры (репрезентативность в данном контексте – свойство выборочной совокупности – «текста» – представлять параметры генеральной совокупности – «культуры»). Функция культуры по сохранению и передаче норм и традиций почти полностью обслуживалась текстом. Текст в силу своей фиксированности консервирует и сохраняет универсальный набор символов, обеспечивающих носителям культуры общий объем памяти (общий пласт смыслов). Текст организует пространственные, а следовательно, и социальные ориентиры посредством переноса написанного на устройство социума. Современная ситуация характеризуется тем, что память культуры имеет и визуальную фиксацию. Этому, конечно, в немалой мере способствовали технические изобретения.

Визуальное не просто присутствует в культуре, оно все больше начинает доминировать. Смысл в современной культуре генерируется не в текстуальном, а в визуальном выражении. Именно визуальное репрезентирует современную культуру. Это логично, так как динамичность современной постнеклассической культуры наиболее адекватно соотносима с визуальным. И даже несмотря на то, что текст видоизменился, стал носить перформативный характер, несмотря на появление деконструктивистской и интерактивной литературы, которая важна в своем осуществлении, несмотря на то, что текст начинает приобретать характеристики процессуальности, хотя фиксированность формы текста была его базовой характеристикой, позволяющей сохранять идентичность и отвечать присвоенной ему атрибуции, – несмотря на все это, визуальный образ в большей степени отвечает современной культуре.

Создание текста связано с внутренней речью, с формулированием смысла. В тексте смысл выражается, проявляется. Для выражения образа в тексте подбираются слова. Визуальный образ воплощается, обретает плоть, его нужно воссоздавать. По своей сути текст – это тоже визуальное, но тут уже следует говорить о разных принципах генерирования смысла.

Текст иллюстрирует поэтапное разворачивание мира перед нами через сцепление букв в слова, а слов в предложения. Текст обладает характеристикой линейности, чтение текста задано нам посредством установленных в культуре правил. Изменение направления чтения неприемлемо, так как смысл текста доступен только при определенной комбинации слов. Текст соотносим с логико-вербальным постижением мира. Визуальный образ, наоборот, явлен сразу в своей целостности. Целостность визуального образа вовлекает нас. Тексту динамику задаем мы, визуальное

задает динамику нам. Визуальный образ представляет собой образно-пространственное осмысление реальности. Примечательно, что разные типы письменности могут тяготеть либо к логико-вербальному конструированию мира, что мы можем увидеть на примере фонетического письма, либо к образно-пространственному, что прослеживается в идеографическом письме.

Обращаясь к визуальному, исследователи чаще всего говорят о фотографии или о кинематографе. По данным темам проводятся конференции, издаются сборники. В качестве визуального понимается все то, что фиксируемо, то, что записано. Визуальная антропология в своем чистом виде занимается фиксацией, записью на видео, другой культуры. У исследователей вызывает интерес чужое, Другое. Визуальная фиксация культуры, вследствие отсутствия связи с языком (словами, вербальным выражением смысла), осуществляет моментальный снимок культуры в ее непосредственности. Конечно, если речь идет о фотографии или фильме, присутствие автора неоспоримо, даже в том случае, если фильм и фотография являются не художественными, а репортерскими или любительскими. Тем не менее интерес к визуальной антропологии вызван неудовлетворением в текстуальном описании мира и верой в адекватность визуальной фиксации культуры. Соотнесение действительности и знаково-символических систем языка, текста было поставлено под вопрос. Еще неопозитивисты обозначили разрыв между многообразием явлений действительности и словесной фиксацией явлений. Явления, несмотря на повторяемость, имеют индивидуальный характер, который не может быть в полной мере отражен в языке. Произошло осознание присутствия в тексте не только объективных данных о мире, но и понимания, ценностей мира. Текст репрезентирует мир и культуру с учетом той преобладающей ценностной системы координат, которая является господствующей в данный момент, а это, в свою очередь, оказывает влияние на понимание субъектом мира и культуры как мира. Произошло разочарование в тексте, являющееся следствием структурализма и постструктурализма. Слово многозначно, субъективно, оно искривляет то, о чем свидетельствует. Слово-симулякр создает иную реальность, отличную от действительности, явление не указывает на сущность. Выдвигаемая постструктуралистами идея о знаковой природе реальности уравнивает в правах реальность и текст. Все есть текст – постулируется постмодернистами, а так как текст – это связанное полотно смыслов (от лат. *textus* – ткань, сплетение), то, следовательно, все состоит из нитей-знаков, переплетенных между собой и создающих призрачный узор реальности. Для постмодерна реальность не объективна,

не дана нам, она создаваема и поэтому условна, конвенциональна. Реальность – это некоторое удобное пространство для жизни большинства, но реальность изменяема, модифицируема, нити-знаки можно сплести и в другой узор. Вследствие этого теряется ощущение реальности, граница между реальностью и иллюзией становится не столь явной. Разрыв между словом и миром изменил статус слова в культуре, вызвал недоверие к слову.

Для христианской эстетики разрыва между сущностью и явлением не существует. Второе Лицо Пресвятой Троицы есть одновременно и Логос и Образ. Анализируя природу иконописи, В. Лепяхин говорит: «Сущность иконы состоит в том, что она является видимым образом невидимого Первообраза, первообразы же иконы – Спаситель, Богородица, святые – пребывают в Царстве Небесном. Согласно православному учению об иконе, икона не просто изображает Спасителя, Богородицу или святого, но являет их. Святые реально присутствуют на своей иконе, как первообразы в образе. Между изображением и изображенным существует реальная онтологическая взаимосвязь» [1]. Потеря словом в современной культуре того статуса, которое оно ранее имело в культуре, в пределах христианской эстетики объясняется разрывом с источником слова и образа – с Богом. Секулярное сознание не соотносится с сущностью. Выход посредством слова к сущности, Богу возможен через мистическое переживание, молитву, и Священное Писание в совокупности. Таким образом, в христианской эстетике проблема несоотнесенности мира и слова снимается.

Интересной является проблема интерпретации визуального образа и текста. Текст имеет код для своей дешифровки, в качестве данного кода выступает язык. Принципы функционирования текста осмыслены и отрефлексированы, чего нельзя сказать о визуальном. В ходе интерпретации визуального мы сталкиваемся с отсутствием адекватного языка, позволяющего анализировать визуальные образы. Зачастую визуальное постигается посредством тех же принципов, что и текст. Используются семиотические модели интерпретации, визуальное начинает пониматься как текст, написанный на «другом языке». Информация считывается с предметов и превращается в сообщение. Например, фотография понимается как текст, в ней начинают искать знаки, определяется код для ее «прочтения», и в итоге все смыслы переводятся на вербальный уровень. Это во многом сокращает тот смысловой пласт, который содержится в визуальном. Визуальное претендует на непосредственное транслирование смысла без предварительного облачения его в слова.

Дробление визуального образа на отдельные элементы и расшифровка его фрагментов иллюстрирует текстуальное отношение к визуальному. Все, что мы видим, – это не текст, вернее, не только текст. Нам доступно все, что явлено, все, что представляет собой вещи-для-нас. Но не все явления текстуальны. У текста есть свои пределы, и это – визуальное.

Основная проблема в интерпретации визуального образа, по нашему мнению, состоит в потере специфики визуального вследствие перевода смысла на вербальный уровень. Визуальное и текстуальное отличаются

не источниковой базой, а способом генерирования смысла. Смещение визуального и текстуального, применение методов работы с текстом по отношению к визуальному образу приводит к унификации столь разных принципов коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лепяхин В.* Икона и слово: виды, уровни и формы взаимосвязи // Дикое поле. Донецкий проект. 2005. № 7. URL: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=303 (дата обращения: 20.11.2012).

УДК 322

Д.В. Олихов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СВЕТСКОЙ И ЦЕРКОВНОЙ
ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПО ДЕЛАМ ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА
А.В. КОЛЧАКА И ВРЕМЕННОГО ВЫСШЕГО
ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИБИРИ**

Анализируются отношения церкви и государства на подконтрольной А.В. Колчаку территории Сибири и востока России в 1919 г. Несмотря на сложное в политическом отношении время, и правительство в лице Главного управления по делам вероисповеданий, и Русская православная церковь в лице Временного высшего церковного управления Сибири (ВВЦУ Сибири) принципиально строили светское правовое государство. При этом государство считало возможным поддерживать церковные структуры материально, а церковь использовала свой авторитет для проповеди в поддержку «белого» движения.

Ключевые слова: высшее церковное управление, Сибирь, Колчак, Сильвестр.

В ноябре 1918 г. в Сибири произошло два судьбоносных события, приведших к формированию уникальной церковно-политической ситуации на востоке страны – приход к власти в Омске адмирала А.В. Колчака и формирование в Томске Временного высшего церковного управления Сибири.

После окончания Томского соборного совещания постановлением Совета министров от 27 декабря 1918 г. было составлено положение о Главном управлении по делам вероисповеданий. Согласно положению, Главное управление было высшим органом, осуществляющим мероприятия правительства в области отношения Российского государства к существующим вероисповеданиям [1].

Управление составляли главноуправляющий, его товарищ, канцелярия, департаменты по делам православной церкви и инославных и иноверных вероисповеданий. В свою очередь, Департамент по делам православной церкви состоял из отделений общих дел, учебного и хозяйственного, а Департамент инославных и иноверных вероисповеданий – из отделений по делам христианских и нехристианских исповеданий. Главноуправляющий участвовал в работе Совета министров, однако решающий голос имел лишь по делам своего ведомства. По своим функциональным обязанностям главноуправляющий получал статус министра, согласно Своду законов Российской империи, а само Управление, соответственно, – статус министерства.

И главноуправляющий, и его товарищ назначались из лиц православного вероисповедания. Они обязательно присутствовали на заседаниях Церковного собора и Высшего временного церковного управления, где должны были давать необходимые разъяснения и имели совещательный голос.

Указом Верховного правителя главноуправляющим по делам вероисповеданий с оставлением в должности профессора Томского университета был назначен доктор церковного права Павел Александрович Прокошев. Его товарищем 7 февраля 1919 г. был определен ординарный профессор Казанской духовной академии доктор церковной истории Леонид Иванович Писарев с оставлением в должности профессора, без сохранения содержания, а директором канцелярии главноуправляющего – преподаватель Томской духовной семинарии, юрист, кандидат богословия Александр Петрович Успенский.

Архиепископ Омский Сильвестр в интервью одной из омских газет отмечал, что в вопросе взаимоотношения церкви и государства он руководствуется решениями Поместного собора 1917–1918 гг. По его мнению, необходимо было установить такую форму взаимоотношений между правительственной властью и церковью, которая соответствовала бы достоинству как одной, так и другой стороны. При этом совершенно невозможно было повторение дореволюционной формы обер-прокуратуры Св. Синода. Архиепископ Сильвестр считал, что государственное учреждение, ведающее церковными делами, не мыслилось как обладающее исключительными полномочиями в отношении внутренней жизни церкви [2].

Впоследствии в мартовском номере «Сибирского Благовестника» вышла программная статья профессора Прокошева, руководителя Главного управления по делам вероисповеданий колчаковского правительства «Основные начала, определяющие взаимные отношения между церковью и государством в России», в которой он обосновывал позицию правительства по взаимодействию с доминирующей вероисповедной конфессией страны. В статье отмечалось, что правительство не только не хотело порывать связи между русским государством и православной церковью, но и отчетливо осознавало, что содействие православной церкви в деле возрождения России и государственного строительства особенно необходимо и не противоречит принципам правового государства. Православная церковь имела исторически обоснованное притязание на религиозную работу в народе, церковь могла гораздо лучше, чем это сделало бы государство, осуществить наполнение народной жизни христианскими принципами.

Вследствие этого государство, по его мнению, не нарушая принципа правового государства о свободе совести и независимости гражданских и политических прав от вероисповедания, должно было также прислушаться к голосу Всероссийского поместного собора о признании православной веры первой между равными. Профессор П.А. Прокошев как знаток светского и церковного права считал, что такое привилегированное положение православной церкви не только не противоречит теории правового государства, но и прямо оправдывается ей. По его мнению, если на территории государства действует несколько конфессий, то отношение властей к ним должно быть равным, однако это равенство (паритет) должно было быть понимаемо не в смысле «каждому поровну», а в смысле справедливого «каждому свое». Ту церковь, к которой принадлежит большая часть населения, государство должно ценить выше и ставить её в более привилегированное положение по

сравнению с прочими. Поскольку ВВЦУ создано для решения неотложных дел и вопросов и, главным образом, для взаимоотношений с правительством, то и в самом правительстве необходимо иметь специальный орган, каким и будет служить министерство исповеданий [3].

Таким образом, учреждение Главного управления по делам вероисповеданий мыслилось правительством в качестве органа по взаимодействию прежде всего с православной церковью и избранным на Томском соборном совещании Временным высшим церковным управлением. Руководящий состав Главного управления был подобран из мирян православного вероисповедания, высоких профессионалов, преподавателей и профессоров светских и духовных учебных заведений. Круг вопросов, входящих в его компетенцию, очерчивался достаточно широко, однако не простирался на область административного управления. Государство, вполне разделяя принцип внутренней церковной автономии, считало, в свою очередь, себя вправе просить у церкви поддержки в борьбе с большевизмом, которая должна была выражаться как в проповеди в тылу, так и в служении православных капелланов. Модель отношений церкви и светского государства, созданная в Сибири в 1918–1919 гг., может характеризоваться как одна из оптимальных моделей, не нарушавшая ни автономии церковной во внутренних делах, ни принципа светскости государства.

В начале мая 1919 г., обращаясь к сотрудникам созданного Главного управления по делам вероисповеданий, профессор П.А. Прокошев подтвердил установленные принципы взаимодействия церкви и государства в сложившихся исторических условиях. Подчеркнув, что Главное управление по делам вероисповеданий как орган государственной власти по духу и настроению по характеру работы не имеет ничего общего с прежней обер-прокуратурой Синода, он заявил, что Всероссийский поместный собор в Москве утвердил полную независимость православной русской церкви в сфере внутренних церковных отношений. «Таким образом, – заключил свою речь П.А. Прокошев, – перед нами огромная творческая работа – работа совершенно новая, чрезвычайно трудная и ответственная, так как для неё нет примеров и аналогий, руководящих традиций и указаний в прошлой русской истории. Перед Главным управлением в данном отношении нетронутая целина, по которой необходимо провести новые борозды и потому нашему маленькому служебному аппарату предстоит развить необычайную энергию» [4].

Вновь созданная структура начала свою деятельность с изучения религиозной обстановки на местах, в связи с чем в приходы была разослана подробная анкета, осве-

щающая состояние религиозных общин после господства советской власти.

В числе вопросов были следующие:

1) декреты советской власти против религии и её представителей, опубликованные и проводившиеся в данной местности;

2) отношение большевиков к религиозному культу;

3) отношение большевиков к имуществу религиозных обществ;

4) отношение большевиков к духовным учебным заведениям;

5) отношение большевиков к преподаванию Закона Божия и вероучения;

6) отношение большевиков к священно-, церковнослужителям;

7) деятельность местного духовенства и приходов в защиту веры, Церкви, её учреждений и имущества;

8) пропаганда атеизма и способы её осуществления центральной местной советской властью.

Наряду с православными приходами подобные анкеты, касающиеся отношения большевиков к религиозным группам, рассылались и в инославные, и даже в сектантские общины [5].

26 сентября 1919 г. Омское правительство утвердило решение Совещания о придании уставам церковных епархиальных и приходских структур статуса государственных законов [6]. Таким образом, взаимно направленными усилиями государственной и церковной власти была заложена необходимая нормативная база для выработки оптимальных решений в уникальных исторических условиях.

Помимо признания важной роли церкви в государственной и общественной жизни, правительство брало на себя заботу о материальном содержании духовенства, причем не только православного, но и инославного. Определялась норма по расходам на содержание ВВЦУ в 32 350 руб. с 1 декабря 1918 г. Эта норма была установлена Главным управлением по соглашению с Высшим церковным управлением. Указанные суммы выделялись и осваивались Временным высшим церковным управлением Сибири вплоть до ноября 1919 г., т. е. до того, как «белая» армия была вынуждена оставить Омск [7].

Главноуправляющий по делам вероисповеданий П.А. Прокошев 14 августа 1919 г. представил в Совет министров проект постановления «Об отпуске из средств Государственного казначейства пособия на содержание православного и инославного духовенства», где обосновывал необходимость установить нормы на содержание лиц духовного звания. Главное управление по делам вероисповеданий назначило содержание духовенству и церковным структу-

рам, вошедшим в юрисдикцию Временного высшего церковного управления. Так, например, содержание епархиальных архиереев Благовещенской, Владивостокской, Екатеринбургской, Енисейской, Забайкальской, Иркутской, Оренбургской, Омской, Тобольской, Томской, Уфимской и Якутской епархий обходилось в 12 600 руб. в год за вычетом 20 % квартирных расходов и 1 % пенсионного взноса. Кроме этого выделялось на содержание архиерейских домов по 25 000 руб. (20 000 – на личный состав и 5 000 – на хозяйственные нужды) [8].

Что касается приходского духовенства, то всего получали ежегодное жалование священнослужители 4 386 приходов тридцати епархий, и общая сумма составляла 11 866 300 руб. согласно утвержденной смете [9].

В свою очередь, Церковь осуществляла разностороннюю деятельность по поддержке государства в борьбе с большевизмом – проводила крестные ходы, молебны, организовывала Крестноносные дружины, печатала листовки и т.п.

Признание ВВЦУ Сибири высшим представительным органом православной церкви и принятие расходов по его содержанию, придание уставам церковных епархиальных и приходских структур статуса государственных законов, материальное содержание духовенства, в том числе и беженцев духовного звания – все указанные меры говорят о глубоком осознании государством и церковью своей роли во взаимных отношениях в сложное время вооруженной борьбы и взаимном стремлении к строительству новой России, хотя и как светского государства, но осознающего определяющую роль церкви в жизни людей. Примечательно, что принцип светскости нисколько не мешал государству фактически содержать материально церковные и инославные организации, а самому пользоваться духовной поддержкой ВВЦУ Сибири. Взаимное стремление Колчаковского правительства и ВВЦУ Сибири было искренним и могло открыть неизвестные до тех пор горизонты труда на благо народов России. Однако военные поражения и падение власти адмирала А.В. Колчака не дало развиваться этим отношениям в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] ГАРФ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- [2] Правительственный вестник. 1919. № 40.
- [3] Сибирский благовестник. 1919. № 2. С. 6.
- [4] Сибирская речь. 1919. 10 мая.
- [5] Там же. 22 мая.
- [6] Русская армия. 1919. 3 окт.
- [7] ГАРФ. Ф. 140. Оп. 1. Д. 13. Л. 151.
- [8] Там же. Д. 4. Л. 16.
- [9] Там же. Л. 19.

СЛОЖНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Исследуется феномен сложности как источник и одновременно способ преодоления антиномий религиозного сознания.

Ключевые слова: диалектика, религиозное сознание, сложность, антиномии.

Религиозное сознание является одной из ключевых форм ценностного сознания, детерминированное набором особых ценностей, которые в своем единстве составляют феномен религиозности. Концептуальное религиозное сознание лежит в основании религиозной идентичности, что позволяет нам его отличать от других форм сознания. Религиозное сознание, как и остальные формы сознания, поддерживается и развивается благодаря особому опыту. Иначе говоря, развитое религиозное сознание всегда стоит перед необходимостью преодоления, «снятия» в религиозном опыте исходных антиномий: имманентного и трансцендентного, материального и идеального, внутреннего и внешнего. Процесс обнаружения существующих противоречий в результате оказывается опытом преодоления сложности.

В рамках классической историко-философской традиции источником религиозного сознания выступает первобытный синкретизм, тождество естественного и сверхъестественного, природного и духовного. Религиозное сознание, по мысли некоторых антропологов и религиоведов, начинается со смещения образа сверхъестественного, данного в сознании, с чем-то внешним (фетишизм). Натурализм, поклонение силам природы и анимизм углубляют эту взаимосвязь. В процессе стихийного складывания религиозных верований сакральная действительность в сознании упорядочивается, что закрепляется в определенных, отвечающих конкретно-историческим условиям понятиях, представлениях и обрядах.

По нашему мнению, религиозное сознание, его рациональная и эмоционально волевая стороны представляют собой один из древнейших откликов на проблемы сложности. Всякий коллективный или же индивидуальный опыт оказывается опытом самоорганизации, обнаружения и преодоления сложного. Усваивая социокультурный опыт, мы не только упорядочиваем внешнюю среду, но и сами вынуждены изменяться, приспосабливаться к сложности. Сложное, кристаллизуясь в опыте, превращается в простое, очевидное, понятное, но при этом необходимое, существенное. В результате, к примеру, ритуал, обряд или молитва оказывается как источником самоусложнения, так и источником преодоления хаоса, «сложности» бытия.

Что же представляет собой сложность? Понятие «сложность» оказывается чрезвычайно многоаспектным. В рамках современной науки сложность рассматривается в контексте системного подхода. Системное целое на разных уровнях и в разных условиях может проявлять себя как «сложное» или же как «простое» (в зависимости от познавательного масштаба). Тем не менее говорить об особой метафизике сложности в современной литературе не представляется возможным, поскольку чаще всего данный феномен в многочисленных исследованиях представлен на феноменальном уровне. Исследователи подменяют разговоры о «сложном» индуктивными обобщениями, многочисленными примерами процессов, которые наделяются этим качеством. Сложность как предмет религиозного сознания в известных нам работах вообще не рассматривается.

Логическая характеристика понятия «сложное» открывает перед исследователем ряд существенных моментов в его познании. Сложность представляет самостоятельный объект мысли, отвлеченное положительное свойство некоторого целого, которое не существует самостоятельно. В данном понятии мыслится множество элементов, обладающих этим свойством, поэтому оно оказывается общим. Объем этого понятия относится к такому множеству мыслимых объектов (обладающих сложностью), которые не поддаются принципиальному учету. Феномен сложности относится ко всей совокупности элементов. Его нельзя отнести к каждому отдельному элементу, хотя, в свою очередь, он так же может быть сложным. Кроме того, в данном понятии мыслится такая совокупность предметов, которые составляют единое целое (некоторые множества, мыслимые как единый предмет), что делает это понятие собирательным. Тем не менее в процессе рассуждения понятие «сложность» может употребляться как в раздельном, так и в собирательном смысле.

Исследуя семантические свойства понятия «сложность», мы обнаруживаем, что при всем их многообразии они сводятся к абсолютизации его количественных характеристик. Сложное – значит прежде всего состоящее из нескольких частей или элементов, образованное посредством соединения, сложения частей. Иногда понятие «сложность» пытаются заменить понятием «комплексность». Понятие комплексности открывает перед нами сложность как совокупность связей, определенным образом упорядоченных взаимодействий. Объективно сложность может быть представлена как система с множеством переменных, открытая система, система с большим числом связей. Субъективная сторона исследования сложности определяется многообразием методологических подходов к сложности.

Феномен сложности достаточно неоднозначно представлен в рамках историко-философской традиции. «Парадокс сложности» известен философии достаточно давно. Можно сказать, что проблемы сложности имплицитно присущи философии. Сложность в классической философии открывает себя через рефлексию ключевых диалектических принципов, взаимосвязь единого и многого, части и целого, исчезновения и возникновения и т. д. В настоящее время сложность связывается с препятствиями для познания, недостаточной осведомленностью, большим количеством исходных данных.

В рамках философии Демокрита сложность представляет собой совокупность определенным образом упорядоченных атомов, отвечающих за те или иные процессы, происходящие в вещах. Согласно Аристотелю, сложное – это то, что причастно материи и состоит из элементов [1, с. 353]. Пе-

рипатетики под сложностью понимали всё, что способно изменяться, увеличиваться, уменьшаться, уничтожаться. Античный философ-идеалист Плотин определяет феномен сложности уже как особое качественное состояние бытия [6, с. 105].

Диалектика «сложного», особенности сложных саморазвивающихся систем продолжают раскрываться и углубляться в работах Г.В.Ф. Гегеля. Он отмечает качественное различие между простым и сложным, живым и неживым, фиксируя существование определенной иерархии и логики развития, где все уровни взаимосвязаны друг с другом. Философская система Г.В.Ф. Гегеля представляет собой отклик на проблемы времени и сложности. В настоящее время обоснование «сложности» мироздания определяется концепцией глобального эволюционизма и идеей поиска универсальной истории (И. Пригожин, Э. Янг, Н.Н. Моисеев). Можно даже утверждать, что в рамках современной постнеклассической рациональности для некоторых ученых феномены сложности, самоорганизации и нестабильности становятся альтернативой христианскому Богу.

Религиозное сознание определенным образом систематизировано, даже если сам его носитель не вполне это осознает. Религиозное сознание, как и сознание вообще, нетерпимо к неупорядоченности и хаосу. Если неразвитое религиозное сознание не замечает противоречий, неупорядоченности, то концептуально оформленное религиозное сознание не может игнорировать «сложность» бытия.

Самоусложнение индивидуального или коллективного религиозного сознания осуществляется в результате обнаружения и преодоления соответствующих антиномий. Если для индивидуального религиозного сознания – это экзистенциальные антиномии, то для коллективного религиозного сознания – это антиномии организационные. В качестве примера «снятия» антиномии коллективного религиозного сознания можно привести пример феномена соборности – единства во множестве. Эти и другие антиномии преодолеваются также посредством ритуалов, догматических установок, кодификации вероучения.

Одной из ключевых антиномий христианской теологии является антиномия трансцендентного и имманентного. Для христианской теологии квинтэссенцией сверхъестественного, носителем трансцендентных свойств выступает фигура трансцендентного Бога. Акт религиозной веры, в свою очередь, оказывается опытом сложности, опытом приобщения к тому, что не имеет частей. Фигура Бога – Творца представляет собой квинтэссенцию проблемы сложности в рамках христианского религиозного сознания. В рамках философской и богословской

традиции Бог зачастую наделяется простой духовной природой, не имеет в себе частей, связывается с понятием «единое» (Плотин, Ориген, И. Дамаскин, Н. Кузанский и др.). Бог непостижим, но при этом онтологически «прост». Эта установка входит в противоречие с классической философской традицией, к примеру, с известной антиномией чистого разума И. Канта, что «ни одна вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого» [5, с. 412] или мыслью Г.В.Ф. Гегеля, что «разум не должен желать натолкнуться на нечто простое» [3, с. 270]. Можно предположить, что два известных способа богопознания (апофатический и катафатический) представляют собой и два способа постижения сложности в рамках религиозного сознания.

Диалектика сложности в рамках религиозного сознания состоит в том, что, с одной стороны, сложность оказывается ему имманентно присущей, а другой стороны, – связывается с результатом творения, ограниченностью человеческого разума, поврежденностью человеческой природы. Для того чтобы приблизиться к «простому» Богу, религиозное сознание должно быть онтологически и гносеологически сложным. «Сложность» религиозного сознания – это своеобразная реакция на «простоту» бытия. Посредством сложности сознание преодоле-

вает базовые антиномии, при этом приближая нас к «простому». «Простое», в свою очередь, оказывается носителем нравственного совершенства, незамутнёной грехом истины, подлинной мудрости, блага и т. д.

Феномен сложности приобретает концептуальное выражение в философии, в то время как онтологические и гносеологические характеристики сложности обретают свое эмпирическое подтверждение в науке. Тем не менее, по нашему мнению, именно религиозное сознание представляет собой один из древнейших откликов на проблемы сложности. Именно в рамках религиозного сознания получают содержательное наполнение слабо разработанные аксиологический и праксеологический аспекты сложности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аристотель. *Метафизика* // Сочинения : в 4 т. Т. 1. М., 1976. 550 с.
- [2] Булгаков С. Н. *Свет невечерний: Созерцания и умозрения*. М. : Республика, 1994. 415 с.
- [3] Гегель Г. В. Ф. *Наука логики* : в 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1970.
- [4] Диалектика познания сложных систем / под ред. В. С. Тютюгина. М. : Мысль, 1988. 316 с.
- [5] Кант И. *Критика чистого разума* // Сочинения : в 8 т. Т. 3. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
- [6] Плотин. *О благе или едином* // Избранные трактаты : в 2 т. Т. 2. М., 1994.

**МИСТЕРИЯ АЛХИМИИ:
КРИТИКА М. ЭЛИАДЕ ПОСРЕДСТВОМ
ТРАДИЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Представлено правильное осмысление древнего китайского алхимического текста династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) в соответствии с традиционным толкованием и в сравнении с принципами европейской средневековой алхимической науки.

Ключевые слова: китайская алхимия, Сыма Цянь, Мирча Элиаде, киноварь, эликсир бессмертия, даосизм, традиционная доктрина.

В работе «Азиатская алхимия» [1] Мирча Элиаде приводит первый текст по китайской алхимии, встречающийся в «Исторических записках» Сыма Цяня, ок. 145–86 гг. до н.э. (Ши цзи, третья часть «Шу» – «Трактаты», раздел «О жертвоприношениях фэн и шень»), который также повторяется в «Истории династии Хань» (Хань шу) историка Бань Гу, 32–92 гг. н.э.

Маг Ли Чжао-цзюнь говорит императору У-ди: «Принеси жертвы котлу (цзао) – и сможешь заклясть (сверхъестественные) существа. Закляни (сверхъестественные) существа – и сумеешь превратить порошок киновари в желтое золото. Из этого желтого золота сможешь сделать сосуды для еды и питья. И тем продлишь свою жизнь. Продлив же свою жизнь, сподобишься увидеть “блаженных” (сянь) с острова Пэнлай, который находится посреди моря. Тогда сможешь совершить жертвоприношения фэн и шень и никогда не умрешь».

Стоит уточнить, что ни один алхимический текст, будь то отшельника даоса или его европейского единомышленника, не обходился без иносказаний, доступных посвященным. Ученый и историк Хуанфу Ми (III в. н.э.), автор «Жизнеописания возвышенных мужей», писал, что Сыма Цянь и Бань Гу «много упустили» из деяний отшельников [2]. Принимая лишь это во внимание, уже можно отказаться от выводов, сделанных Элиаде, – «первое, алхимическая операция предполагает определенные религиозные действия (жертвоприношение и т. п.); и второе, полученное золото усваивается с пищей и продлевает жизнь (мотив «эликсира жизни»)» [3].

При обращении к указанному М. Элиаде алхимическому труду неизбежно ощущается тенденция к искажению его толкования, навеянная переводом. Дело в том, что жертва, которую необходимо принести, прежде всего полагается не котлу (*дин*), а плавильному горну (*цзао*). Как видно из текста, после слова «котел» в скобках дано пояснение «цзао» – китайский термин, который должен переводиться как «котел», что не может соответствовать действительности, так как бронзовый котел-треножник по-китайски именуется «дин»; наименование же «цзао» при переводе должно означать «плавильный горн».

Несмотря на соблазн трактовать этот момент как выполнение ритуального действия (поклонение посредством подношения даров духу-покровителю плавильного горна), стоит помнить, что, имея дело с алхимией (будь то ее западный или восточный вариант), следует относиться с осторожностью к рекомендациям, которые не предполагают в своем описании буквального понимания рецепта. К.И. Гольгина пишет следующее: «Повествованию придается бинарная оппозиционная структура, воплощающая в древней космогонии представления о всяком развитии, вторично и опосредственно спроецированная в мотиве брака-жертвоприношения горну» [4].

В данном случае можно с уверенностью заявить, что священнодействие, описываемое Ли Чжао-цзюнем, не выходит за рамки собственно алхимии, соответствует первой стадии алхимической работы, когда экспериментатор при определенных физических условиях соединяет два разнополярных вещества

«Когда «расплавленное золото» находится в горне, [даже] разбойник Чжи [5] не обратит на него внимания» [6]. Не обратит внимания не оттого, что оно расплавлено и его невозможно похитить (по крайней мере, до тех пор, пока не остынет), а потому, что содержимое плавильного горна вмещает в себя не обычное золото, которое так ценится большинством, но тот материал, из которого получается эликсир бессмертия и который можно, с определенными оговорками, также назвать золотом.

В этом сакральном действии происходит химическая реализация натурфилософской модели «Великого предела» (*Тай цзи*): вещества с темным (*Инь*) и светлым (*Ян*) аспектом сочетаются, вбирая часть противоположных свойств, образуют синтез при сохранении своей природной самостоятельности. «То, что малым числом достигает многих изменений, то, что легко меняется вслед за [своей] формой, называется превращением, называется переходящим. Процесс создания вещей сокровенен, плоды его бесчисленны, поэтому [процесс] неисчерпаем и бесконечен» [7].

Та субстанция, посредством которой обреталось бессмертие, в Китае именовалась по-разному: «эликсир долголетия», «Великое снадобье», «киноварный эликсир», «снадобье бессмертия», «универсальное лекарство», «эликсир летящей девятки». При этом философским камнем искомая китайскими алхимиками субстанция никогда не называлась, однако стоит упомянуть, что и в среде европейских алхимиков такое название появилось достаточно поздно. Это свидетельствует в пользу того, что «универсальное лекарство», согласно алхимической традиции, не является камнем в собственном смысле слова и может менять свое агрегатное состояние.

Идем далее: «принеся жертву горну, сумеешь заковать (сверхъестественных) существ». Как бы ни показалось на первый взгляд, какой-либо магический акт здесь отсутствует; буквальное восприятие цитируемого отрывка принималось только приверженцами даосских ересей в лице народных культов.

Таким образом, сверхъестественные существа, упоминаемые в тексте, – это не более чем естественные свойства разных видов материи: от молекулярного строения до особенностей вступления этих веществ в химическую взаимосвязь. «Заклясть», «подчинить» – образные выражения традицион-

ной науки для обозначения того, что называется «узнать физические свойства вещей», «понять принцип воздействия на материю с целью ее преобразования», а также знания необходимых вспомогательных условий.

При наличии такого рода знаний «сумеешь превратить порошок киновари в желтое золото». Ведущая роль отводится Киновари – *ху ша*, или *тан-ша*, – сернистая ртуть [8]. Вот только у химического вещества, поименованного современной химией «сернистая ртуть», не много общего с киноварью китайских алхимиков, кроме, пожалуй, общефизических параметров. Киноварь традиционной даосской науки образована не соединением вульгарных серы и ртути, а веществами, воспринявшими эти названия согласно своим физическим свойствам, подобным свойствам профанной ртути и серы.

Историки химической науки считали, что «авторы подобных трактатов явно стремились зашифровать то, что составляет самую суть рецептов, скрыть “тайну”» [9]. Но на деле оказывается не совсем так: «тайны, которыми часто злоупотребляют в наше время и которые таковы только потому, что те, кто о них говорит, сами ничего в них не понимают; истинные тайны не выразимы по самой своей природе» [10], поэтому можно вполне определенно заявить:

1) алхимическая реальность не может быть переведена и передана языковыми категориями языка химии или же ядерной физики. К тому же надо учитывать, что «в древнем и средневековом Китае недостаточно разработана абстрактная терминология» [11];

2) посвященным в традиционную доктрину не приходилось заниматься расшифровкой текста, так как смысл туманных понятий им был сообщен посредством духовной трансмиссии. Кроме того, «истинные таинства сами защищают себя от профанного любопытства, сама их природа гарантирует их сохранность от всяких посягательств» [12].

Но вполне можно принять точку зрения Е.А. Торчинова, который писал: «дело не в том, что алхимики стремились скрыть эзотерическое знание от профанов: символизм алхимической терминологии представляет собой отражение символического характера самого алхимического деяния, в котором металлы и минералы являются знаками некоей стоящей за ними реальности – сил космоса, которыми и стремится овладеть даос, направив их действие в нужное ему русло» [13].

К этому же можно отнести и следующий пассаж: «изготовление сосудов для еды и питья из желтого золота». Дело в том, что самим изготовлением сосудов продлишь свою жизнь, а не потреблением пищи из этих сосудов, как указывает М. Элиаде, неверно трактуя Гэ Хуна. Если вспомнить о

том, что «даосский мудрец не стремился к славе, ничем не обнаруживал себя, он жил “погребенным среди людей” [14], то вполне понятно, что речь здесь не о сервисе, изготовленном из желтого алхимического золота, который сразу же выдал бы своего владельца как мудреца, владеющего секретами «самой прибыльной» традиционной науки.

Заключительная часть алхимического текста – «продлив жизнь, увидеть “блаженных” (*сянь*) с острова Пэнлай, находящегося посреди моря» – входит в область сакрального символизма. Примечательно и то, что «термин *сянь* (“бессмертный”, “отведавший эликсира Жизни”) употреблялся и в значении “вид жертвоприношений горам” [15].

Резюмируя результаты исследования этого небольшого, но емкого источника, можно сказать, что язык немногочисленных даосских алхимических текстов рубежа эр мало чем отличается от языка европейских средневековых трактатов по алхимии. В недифференцированной внешней алхимии (*вай дань*) присутствовали лабораторные манипуляции и внутренняя трансформация практикующего, причем оба эти момента приводили к преобразению материи: с одной стороны, субстанция киноварного эликсира становилась зрелой и совершенной, с другой, – физическое тело адепта одухотворялось, став невосприимчивым ко всякого рода болезням, старению и гниению.

«Несомненно только одно – слова мудреца о том, что познание божества есть истинный напиток бессмертия, а знание, облагораживая человека, превращает таким образом свинец в чистое золото, – были впоследствии поняты грубо материалистично. Таоисты стали искать напитка бессмертия и средства превращать неблагородные металлы в золото» [16]. Здесь дело не только в грубо материалистичном понимании, а в попрании традиционных принципов, при котором поиски эликсира бессмертия подменяются изготовлением сплавов, истинное труднодостижимое алхимическое золото отвергается в пользу легкодоступной подделки. «Сама традиция утверждала, что только алхимия является подлинным средством обретения бессмертия. <...> Изучение алхимии является важной задачей синологической культурологии, поскольку с неизбежностью ставит такие центральные вопросы, как соотношение науки и религии в традиционном Китае» [17].

Таким образом, изучение традиционных знаний приводит к пониманию широкого

спектра представлений «интеллектуальной элиты», каковыми и являлись философы и мудрецы Древнего Китая, экспериментальная деятельность которых превращала их в своеобразных «ученых» традиционного общества. Для даосского алхимика информативной опорой служили не трактаты по алхимической теории и практике, а сама природа, четыре времени года, размышляя над которыми даос все более вникает в смысл вселенских сил, постигая грани их проявления и принцип воздействия на материю.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Элиаде М.* Азиатская алхимия. М.: Янус - К, 1998. С. 43; *Фигуровский Н. А.* Химия в Древнем Китае и ее влияние на развитие химических знаний в других странах // Из истории науки и техники Китая: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 110–129.
- [2] *Малявин В. В.* Гибель древней империи. М.: Наука, 1983. С. 137.
- [3] *Элиаде М.* Азиатская алхимия. С. 43.
- [4] *Гольгина К. И.* Китайская проза на пороге Средневековья (мифологический рассказ III–VI вв. и проблема генезиса сюжетного повествования). М.: Наука, 1983. С. 150.
- [5] Чжуан-цзы. «Взламывают сундуки» // Дао: гармония мира. М.: ЭКСМО – Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 206.
- [6] *Хуань Куань.* Спор о соли и железе (Янь Те лунь). Т. 2. / пер. с кит., коммент. и прил. Ю.Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001. С. 194.
- [7] *Ле-цзы // Дао: гармония мира.* М.: ЭКСМО – Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 70.
- [8] *Фигуровский Н. А.* Химия в Древнем Китае и ее влияние на развитие химических знаний в других странах. С. 122.
- [9] *Фигуровский Н. А.* Очерк общей истории химии от древних времен до начала XIX века. М.: Наука, 1969. С. 75.
- [10] *Генон Р.* Восток и Запад / пер. с франц. Т.Б. Любимовой. М.: Беловодье, 2005. С. 31.
- [11] *Торчинов Е. А.* Даосизм: опыт историко-религиозного описания. СПб.: Лань, 1998. С. 291.
- [12] *Генон Р.* Восток и Запад. С. 183.
- [13] *Торчинов Е. А.* Даосские практики. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 175.
- [14] *Малявин В. В.* Гибель древней империи. С. 134.
- [15] Каталог гор и морей (Шань Хай цзин) / предисл. пер. и коммент. Э. М. Яншиной. 2-е изд., испр. М.: Наталис: Рипол Класик, 2004. С. 223.
- [16] *Белявский Ф.* Индия и Китай: очерки по истории культуры. Ч. II. СПб., 1910. С. 123.
- [17] *Торчинов Е. А.* Религиозная доктрина даосизма // Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины (У чжэнь пянь). СПб., 1994. С. 25.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТОВ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ

Вновь поднимается проблема методологии изучения текстов древнерусских авторов (конец XV–XVI вв.). Автор призывает научное сообщество по-новому взглянуть на проблему изучения и изучаемости сочинений, принадлежащих русскому Средневековью. В стратегии исследования православную антропологию предлагается рассматривать как ключ к изучению средневекового мирозерцания.

Ключевые слова: русское Средневековье, древнерусские авторы, христианская антропология.

Когда исследователь обращается к тексту средневекового автора, неизбежно возникает вопрос о методах и подходах исследования. В недрах философии, лингвистики, лингвокультурологии, культурологии в XX в. разработана масса интересных методов исследования (герменевтический подход, контент-анализ, дискурс-анализ, интертекстуальный анализ). Основанные на данной методологии исследования, безусловно, интересны. Однако после прочтения подобных работ хочется спросить авторов, с какой целью проделывался тот или иной труд. С той ли целью, чтобы убедить читателя в интертекстуальности средневековых текстов? Или с целью, разбив текст на фрагменты, найти каждому из них прототекст в книгах Нового и Ветхого Завета, сочинениях Св. Отцов? Свободное владение исследователями целым рядом терминов, таких как парафраз, аллюзия, перифраз, реминисценция, фрактат, центон и прочие, вероятно, должно свидетельствовать о высоком научном уровне исследования...

Порой возникает ощущение, что тот или иной автор стремится к простому подсчету количества и форм обращения средневекового книжника к священным текстам. На этой основе исследователи делают глубокие заключения – о православии или неправославии того или иного автора, о сущности и характере взглядов русских книжников на церковно-государственные отношения или на пределы и прерогативы царской власти и прочее.

Такие выводы нам видятся поспешными.

Приведем слова одного из выдающихся исследователей русского средневековья XV–XVI вв. Нины Васильевны Синицыной: «Российское средневековье по-своему воспринимало мир, обладало собственными законами мышления и духовной жизни, иной системой авторитетов. Чтобы понять исходный смысл сочинений средневековых авторов, необходимо проникнуть в средневековое мирозерцание» [1, с. 10].

Значит ли это, что методология, разработанная в недрах постструктурализма, неприменима к исследованию текстов авторов русского средневековья? Отнюдь.

Смысл вышесказанного сводится к следующему: данную методологию применять возможно, но лучше это делать в следующем порядке: перечисленные методы следует располагать в подчиненном по отношению к христианской (имеем ввиду православной) антропологии как определяющему исследовательскую работу подходу. Почему следует использовать именно такую схему? Православная антропология, которая сама основывается на догматическом и нравственном богословии, – это учение Православной Церкви о происхождении человека, его сущности, предназначении (под последним понимаем земную жизнь человека и его посмертную участь).

Как известно, вероучение Православной Церкви, пожалуй, одно из наиболее консервативных из числа известных мировых конфессий. Это означает, что Православная Церковь, и, конкретно, антропология, выступает носителем древнего учения о человеке.

Для исследователя русского средневековья православная антропология – это настоящая находка, кладезь знаний, ключик, который позволяет реконструировать мировоззренческие установки людей, удаленных от исследователя более чем на четыре столетия, позволяет «проникнуть в [их] систему мышления и духовной жизни».

Проиллюстрируем сказанное на примере. Возьмем первые письма из переписки А.М. Курбского и царя Иоанна Васильевича Грозного – сюжет широко известный.

По сей день среди исследователей нет единства по атрибуции целого ряда произведений, принадлежащих перу Курбского или Грозного. Еще меньше согласия обнаруживается среди ученых по вопросу, что являлось предметом дискуссии между Курбским и Грозным.

Исследователи сходятся, пожалуй, в одном – адресатом переписки были не столько Курбский и Грозный, сколько широкая общественность в лице польско-литовской и московской знати [2]. Не станем касаться политических воззрений Курбского и Грозного, которые, к слову сказать, не имеют ни стройности, ни целостности. Обратим внимание на другие аспекты переписки, а именно: и Курбский, и Грозный предпринимают попытку уличить своего оппонента в неправославии.

Тезис А.М. Курбского: «Царю, Богом препрославленному и среди православных всех светлее явившемуся, ныне же – за грехи наши – ставшему супротивным, совесть имеющему прокаженную, какой не встретишь и у народов безбожных» [3, с. 119].

Тезис Иоанна Васильевича: «...и воеводе, ныне же – отступнику от честного и животворящего креста Господня и губителю христиан, и примкнувшему к врагам христианства... князю Андрею Михайловичу Курбскому...» [3, с. 123].

Выстраивая аргументацию, авторы, особенно Иоанн Васильевич, широко используют обращение к текстам Ветхого и Нового Завета, апостольским посланиям и т.д. (Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова; Евангелие; Послания к Римлянам, Ефессянам, Колоссянам). В этих посланиях священные тексты присутствуют в самых различных формах, о чем свидетельствуют многочисленные парафразы, реминисценции, аллюзии, центоны, перифразы и другое.

Пример аргументации:

А.М. Курбский: «Зачем, царь, сильных во Израиле истребил».

«Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не пред-

стоит тебе предстать пред неподкупным судьей и надеждой христианской, богочащальным Иисусом, который придет вершить справедливый суд над вселенной и уж тем более не минует гордых притеснителей и взыщет за все и мельчайшие прегрешения их?» [3, с. 119].

Иоанн Васильевич: «Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою однородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? <...>

Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против Бога восстал. <...> Если же ты, по твоим словам, праведен и благочестив, то почему же испугался безвинно погибнуть, от меня строптивого владыки и наследовать венец жизни вечной?» [3, с.123 – 124].

И так, оба автора рассуждают о грехе, обвиняя друг друга в наиболее тяжких прегрешениях, пишут о гибели души и, следовательно, отрицают для своего оппонента возможность спасения, грозят Страшным судом и призывают в арбитры Христа.

Возникает вопрос – почему, с какой целью, авторы предпринимая попытки убедить общественность в отступлении от православия своего оппонента?

Дело в следующем: согласно православной антропологии человек – есть образ и подобие Бога. Если образ дан человеку от рождения, то подобие приобретает через усовершенствование. «Усовершенствование» – путь осуществления образа, становление личности. Идеалом выступает Христос, к образу Которого человек должен прийти [4, с. 109, 110].

Но этому мешает грех: 1) первородный грех, наследственный образ Адама; 2) личный грех человека.

Первородный грех разорвал живую связь человека (Адама) с Богом. От поврежденной человеческой природы, объята страстями, происходит и личный грех, источником которого является душа как источник воли человека.

Без свободной воли невозможно ни греховное состояние, ни спасение. Спасение – возвращение человека к подлинному, сопричастному с Богом бытию через восстановление образа и природы («плоти»).

Если Христос победил смерть, страсти, то и человек может; но только во Христе это происходит по Его Божественной сущности, а в человеке – по причастию благ, по благодати Божией.

Душа не вечна, но бессмертна. Смерть разлучает тело и душу, но связь между ними сохраняется до Страшного суда. Тело как образ прожитой жизни сохраняется душой, а плоть исчезает – «прах возвращается в прах». Участь души напрямую связана с ее духовно-нравственным состоянием.

Авва Зосима: «...ангелы, видя исходящую душу непорочной, радуются и, простирая одежды свои, приемлют ее» [5].

Преподобный Макарий Египетский: «Если повинна будет в грехах, приходят сонмы демонов... приемлют душу... и удерживают в своей части...»

Воскресение открыто человеку Христом через Его Воскресение. У воскресшего тела будет тот же образ, та же узнаваемая индивидуальная природа.

Воскреснут и праведники, и грешники.

Святитель Кирилл Иерусалимский: «...если кто праведен, приемлет небесное тело, дабы мог он достойно пребывать с ангелами» [6].

Святитель Кирилл Александрийский: «тело, которое будет – “нетленным, негибнущим и притом прославленным”» [6].

Святитель Иоанн Златоуст: «Тела грешников нетленными восстают и бессмертными, но честь эта становится для них средством мучения и наказания: восстают нетленными, чтобы постоянно опаляться; а так как огонь тот неугасимый, то нужны ему и тела, никогда не истощаемые» [6].

Думается, что этот небольшой экскурс позволяет точнее понять причины, по которым Курбский и Грозный так много места уделяют в своих сочинениях рассуждениям о грехе, участи души, возможности спасения, Страшном суде, призывая в арбитры Христа. Выяснению этих вопросов подчинены все остальные сюжеты, имеющие место в переписке Курбского и Грозного.

Подытожим сказанное:

1) исследование сочинений средневековых авторов предполагает понимание того, что религиозное и мирское (политическое) неразделимо;

2) аргументация к тем или иным вопросам всегда будет выстраиваться со ссылкой на священные тексты (Библия, писания Св. Отцов, постановления Вселенских и Поместных Соборов);

3) мировоззрение средневековых авторов определяется различными нормами Православной Церкви;

4) в этой связи следует понимать, что какие бы методы исследования по отношению к средневековому тексту не использовал ученый, без представления о ключевых положениях православной антропологии такая работа всегда будет выглядеть незавершенной.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV – XVI вв.). М., 1998.
- [2] *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- [3] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.
- [4] Цит. по: Киприан (Керн), архимандрит. Антропология Святителя Григория Паламы. М., 1996.
- [5] Лоргус Андрей, священник. Природа человека // Лоргус Андрей, священник. Православная антропология. URL: <http://azbyka.ru> (дата обращения: 22.11.2012).
- [6] Там же.

УДК 903.2

И.В. Шмидт

ПРЕНАТАЛЬНЫЕ РИТМЫ В КАЛЕНДАРНЫХ ЗАПИСЯХ ПАЛЕОЛИТА

Исследуется тема пренатальной символики в палеоискусствоведении, до сих пор находящаяся в стадии ожесточенных дискуссий. Описываются методы анализа так называемых знаковых текстов палеолита, выстроенных на сочетании каверн, насечек, штрихов. При помощи данных методов осуществляется прочтение знаковой записи Черноозерского кинжала в контексте пренатальной тематики. Результаты данной процедуры, по мнению автора, отчетливо выявляют ключевые рубежи пренатального развития человека, зафиксированные в знаковом поле данного предмета. Отмечается, что в записи просматривается присутствие пренатальной ритмики не только человека современного вида, но и его ближайшего родственника – неандертальца. Датировка кинжала не позволяет мысли о том, что эти два вида могли встречаться, но не исключено, что культура хранила информацию о подобных встречах и определенным образом рефлексировала их последствия.

Ключевые слова: палеолитическое искусство, семиотика палеолитического текста, культура палеолита.

Соскребите пестрый слой культуры – и вы обнаружите структурные и функциональные закономерности социальной организации. Счистите их в свою очередь, и увидите внизу психологические факторы – «основные потребности» или что-то в этом духе, – которые их поддерживают и обеспечивают. Снимите психологические факторы, и вот перед вами биологические основы – анатомические, физиологические, неврологические – всего здания человеческой жизни.

К. Гирц. Интерпретация культур

О важной социокультурной роли женщины в эпоху палеолита написано достаточно, чтобы с этим было невозможно спорить. Актуальность феминных образов для палеолитических мастеров различными исследователями объясняется по-разному, но в основе любого рассуждения заметна опора на тезис о безусловной, наглядной, физиологической связи женщины с актом рождения жизни и её поддержанием. Во многом именно физиологический фактор жизни человека и коллектива формирует «тело» культуры, задает специфику её сигнификативной активности. Предлагаемый к анализу процесс – рождение жизни – чрезвычайно продолжителен во времени, интересен для наблюдений и обязателен к фиксации, что подтверждено содержанием многих текстов палеолита. Условно они могут быть разделены на две группы: образно-символическую (художественно переданные образы) и знаковую (записи, построенные из сочетания каверн, насечек и прочих простейших элементов, совокупное количество которых «намекает» на специфику содержания текста).

Анализ образно-символической группы текстов по данной теме сопровождается бесконечными дискуссиями, которые не только подпитываются особенностью восприятия изотекста, но и обусловлены привлекаемыми к их анализу методами. К определенно интересным для нас результатам мы можем отнести следующие, отчасти обобщенные в труде американского исследователя Лероя Мак Дермотта [2]. Появление изображений беременных женщин было своеобразным адаптивным ответом (либо коллектива, либо самой женщины) на изменение состояния женско-

го тела. Начало анатомических изменений тела в момент наступления беременности запускало работу специфических культурных механизмов – менялась диета, гигиена тела, режим активности женщины. Все эти мероприятия были направлены на повышение удобств существования женщины и вынашиваемости потомства, психологической подготовки к переменам в её жизни.

Символическое осознание специфических изменений женского тела, безусловно, было необходимо культуре. Но насколько глубоко были эти коллективные и индивидуальные волнения, мы вряд ли имеем возможность уверенно рассуждать с опорой на символ. Интерпретация символа – неблагодарное занятие [1, с. 23–40]. Для доказательности глубины интереса к данной проблеме более удобным кажется привлечение текстов иного, знакового характера, воспринимаемых менее эмоционально и обещающих меньше вариаций в прочтении. К ним относят знаковые записи на поверхностях пластин и плиток, кости и роге. К настоящему моменту они являются объектами исследований палеокалендаристов и палеоастрономов.

Отечественные исследователи – Б.А. Фролов и В.Е. Ларичев – часто работают с глобальными астро-календарными циклами, упоминая о присутствии в календарных записях палеолита и тех, что связаны с отслеживанием беременности человека и различных животных. Но чаще ими отмечаются лишь количества суток, необходимые для процесса вынашивания плода [3, с. 77–79; 4, с. 90–91, 117; 5–9]. Согласно методическим установкам естественнонаучного направления исследований древних изотекстов, к которому мы относим вышеназванных исследователей, процедура «прочтения» может быть признана состоявшейся, когда исследователь находит возможность объяснить синтаксические особенности построения знакового «монолита» [10]. Общее, «подходящее» или же «удобное» для какой-либо темы количество знаков не может рассматриваться как окончательный аргумент в доказательной поддержке гипотезы. Если исследователь встретился с текстом, содержание которого связано с информацией о беременности женщины, он должен убедительно продемонстрировать совместимость ритмики пренатального развития человека с ритмами, зафиксированными в «оформлении» древнего предмета. Провести своего рода накладку, при которой ключевые моменты биоритмов и знаковых ритмов изотекста совпадут.

Для реализации данного проекта необходимо обладать следующей информацией: представлениями о пренатальной ритмике развития человека и синтаксически яркой знаковой записью календарного характера, датируемой палеолитом.

Начнем с тезисного ознакомления с основными этапами пренатального развития человека.

Известны следующие сроки беременности человека: короткий – 9 лунных месяцев (по 29–29,5 дней) = 266 дней; средний – 9,4 лун. мес. = 277 дней; длинный – 9,7 лун. мес. = 286 дней; максимальный – 11 лун. мес. = 320–324 дня [11, s. 8]. Согласно современным клиническим наблюдениям, беременность длится 40 недель = 280 солнечных суток = 9,5–10 лунных, или же акушерских, месяцев [12, с. 468]. Данный лунно-солнечный «монолит» разделен на определенные этапы созревания плода. О степени зрелости судят не только по результатам ультразвукового обследования, но и по симптоматике поведения эмбриона. Первые симптомы изменения состояния женщины обычно появляются к шестой-седьмой неделе беременности (1,6 месяца): приходит понимание причин несостоявшихся регул, меняется вкусовое восприятие, обостряется обоняние, возможны токсикозные проявления. На четвертом месяце скрытое становится явным – начинается «рост живота». К 17 – 20-й неделе (4,7–5 месяцев) живот может принять характерную форму. По ней во многих культурах (с учетом симптоматического контекста) судят о том, кто появится на свет – мальчик или девочка. В это же время мать замечает первые шевеления плода – начало коммуникативного процесса между ребенком и внешним миром. С 24 – 25-й недели (6 месяцев) эмбрион проявляет эмоциональные реакции на внешние раздражители. К 32-й неделе (7,6 месяца) заканчивается формирование тела ребенка, преждевременные роды могут завершиться удачно. Все остальное время, до 40-й недели, идет внутриутробное «вызревание» организма ребенка (отработка его функций). Это выражается в активном прибавлении веса, размеров и начале «болезненных» взаимоотношений в рамках пренатальной общности. Внутриутробное пространство становится недостаточным для продолжения физиологического развития ребенка, у него возникает недовольство дискомфортом, на который он адекватно реагирует, а организм матери готовится к его «изгнанию» – идет расширение тазовых костей, заметно увеличивается объем груди, женщина психологически настроена на роды [11, s. 9–10].

После того как мы получили представления о наиболее ярких периодах беременности, проведем их идентификацию в знаковой реальности календарной записи. Если беременность в эпоху палеолита отслеживалась, на что намекают «художественные тексты», то основные ее этапы должны быть зафиксированы и в знаковых «документах». Для проверки гипотезы выберем многознаковый текст черноозерского кинжала.

Это интересный предмет, и сюжетно, и методически удобный для раскрытия рассматриваемой темы, ему уже посвящены отдельные исследования (рис.) [13–15]. Остановимся на пренатальной гармонии, которую удалось зафиксировать в его знаковом оформлении. Математическое воспроизведение полного (с учетом восстановленного участка) кавернового текста может быть представлено следующим образом: $49 \rightarrow (39 + 6)^1 \rightarrow 46 \rightarrow \langle (40 + 6) \rangle \rightarrow 39 = 225$ знаков. Если один знак принять за синодические сутки (лунная ритмика много ближе к нашей теме, чем солнечная), то получим 7,6 синодических лунных месяцев. Знаковая полнота текста внушает некоторые надежды на подтверждение рассматриваемой в данной работе гипотезы – она совпадает с продолжительностью внутриутробного физиологического формирования ребенка. Но, согласно условиям исследования, данное обстоятельство само по себе еще ни о чем не говорит, в тексте необходимо присутствие ключевых ритмов развития плода. Полученные нами количества суток соотнесем с основными периодами развития беременности:

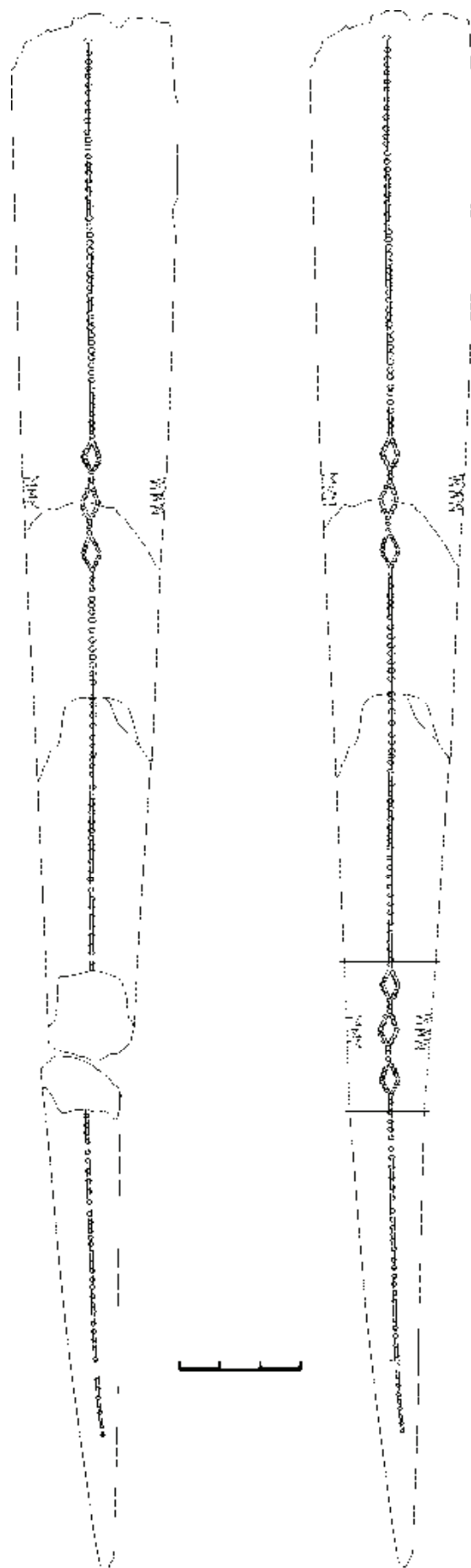
49 знаков (первая группа знаков в записи; участок жемчужной нити до группы ромбов) = 7 нед. $\approx$ 1,6 син. лун. мес. – первые признаки внутренних изменений;

$49 + (39 + 6) + 46$ (три синтактически ярких участка записи – отрезок жемчужной нити, группа ромбов и отрезок жемчужной нити) = 140 сут. = 20 нед. $\approx$ 4,7 син. лун. мес. – «скрытое становится явным», начинается коммуникативный процесс и, что очень важно, с этого времени можно делать предположения относительно пола ребенка (чему в определенных ситуациях и культурах уделялось особое внимание);

$49 + (39 + 6) + 46 + \langle (40 + 6) \rangle$ (четыре участка записи, три реально представленных, и последний – реконструированная группа ромбов) = 186 сут. = 26,5 нед. $\approx$ 6,3 син. лун. мес. – появление реакции на внешние раздражители, «пробуждение сознания» ребенка, период активной коммуникации;

$49 + (39 + 6) + 46 + \langle (40 + 6) \rangle + 39$ (завершен проход по записи: участок жемчужной нити, группа ромбов, участок жемчужной нити, реконструкция, участок жемчужной нити) = 225 сут. $\approx$ 7,6 син. лун. мес. О важности этого срока уже сказано – закончено внутриутробное физиологическое формирование человека.

Для того чтобы продолжить наблюдение по записи, необходимо изменить направление счисления, т.е. двигаться в обратную сторону. Зигзагообразная траектория считывания текстов зарекомендовала себя не только в работе с палеокалендарями, о ней упоминают и лингвисты-дешифровщики древних текстов [10, р. 29; 16, с. 167]: $225 + 38$ (два раза считывать один и тот же знак не стоит, поэтому вместо 39 при продолжении счисления мы получим 38, что особой

Черноозерский кинжал

значимости в нашем случае не имеет) = 263 сут. = 8,9 ≈ 9 син. лун. мес. – окончание «короткой» беременности. Это говорит о том, что далее расположен самый «ответственный» эпизод текста, содержание которого связано с различными режимами родов. Предложенный вариант реконструкции (недостающей зоны «ромбов», как мы считаем, стилистически аналогичной сохранившемуся участку) математически выражен следующим образом: 12 → 1 → 11 (12) → 1 → 14 и 6 факультативных знаков. Включение этих блоков (ромбов с соединительными единичными знаками) в общий знаковый текст дает следующие количества:

$$263 + 12 = 275 \text{ сут.};$$

$$275 + (1 \rightarrow 11 (12)) = 287 \div 288 \text{ сут.};$$

$$288 + (1 \rightarrow 14) = 303 \text{ сут.};$$

$$303 + 6 = 309 \text{ сут.}$$

Исключительная важность данного отрезка записи заставляет сожалеть о том, что работа велась по реконструкции, в его пределах завершалось счисление пренатального развития человека. Удивительно, насколько деликатно решалась данная проблема – ожидание финала, развязки продолжительного скрытого существования существа, которое имело потенциал стать «настоящим» человеком. От 275 до 309 дней могла длиться беременность в палеолите. Кто знаком с практикой данной темы, того вряд ли удивит отсутствие желаемой и часто необходимой точности в этом вопросе. Можно предположить, что её отсутствие и было тем фактором, который побуждал палеолитического человека к проведению наблюдений и систематизации собранного материала в тексты различных форматов – от художественно выраженных до сведенных в «знаковые справочники».

Первая теза нашего исследования – пренатальность (её структурность и разные режимы окончания) как объект наблюдений в палеолите – подтверждается наличием характерной «разбросанности» показателей пренатального финала в иных палеотекстах. Например, 308 знаков составляет орнаментальная запись, включенная в известное ожерелье из мальтинского погребения, часть которого связана с ритмами рождения различных существ, и человека в том числе [17, с. 243]. Вторая теза – о знаковости данного диапазона – связана с максимальным «пренатальным пределом» зрелости человека современного вида, что и зафиксировано в черноозерской записи. Было бы достаточным обнаружение в записи усредненного, наиболее часто встречаемого в практике режима, для того чтобы признать задачу выполненной. То, что встречается редко, редко выходит на столь высокий уровень рефлексии, как знаковая запись. Поэтому, как нам кажется, к данному факту необходимо отнестись с большим вниманием. То, что для

пренатальной ритмики человека современного типа является «пределом», для ритмики того же плана, но в среде нашего ближайшего родственника, неандертальца, является нормой [18, с. 133]. Учитывая тесные контакты между ними, нельзя исключать стремления к контролю за жизненной ритмикой своих партнеров или противников.

Сложно предположить прагматическое восприятие данного текста. Уже звучала мысль об использовании этого предмета в контексте родовой обрядности [19; 20]. Не отрицая ранее сказанного, учитывая существующую неуверенность в датировке изделия, некоторую редукцию мальтинской орнаментальной традиции в Черноозерье II (что можно принять как стилистическую эволюцию), поразительную семантическую ясность записи, что не характерно для более ранних периодов верхнего палеолита (периода Мальты), предположим относительно данной конкретной записи начало перевода её из разряда «иератических» текстов в группу «демотических», понятных широкому кругу «читателей». Оставалось совсем немного до преобразования её и её подобных текстов в орнаменты, которые сегодня этнографы фиксируют на рушниках, кокошниках, прялках.

Возвращаясь к теме сообщения, конкретизируем выводы относительно пренатальной информации в календарных записях палеолита:

она в них объективно представлена и фиксируется на уровне не только общих количеств, но и более дробных величин пренатального развития человека;

это, в свою очередь, усиливает позиции исследователей, отстаивающих наличие пренатального подтекста в символических изображениях палеолита;

динамика изложения информации, ясность и актуальность данных текстов в палеолите – свидетельство большого внимания со стороны культуры к биологическим проявлениям (и их вариациям) внутри себя. Вполне вероятно, что на определенном этапе развития перед современным человеком встала необходимость рефлексии (контроля) био-идентичности вида на первичном уровне знакового проявления – физиологическом, что, возможно, связано со специфической контактом с его ближайшим «соседом» неандертальцем;

черноозерская запись не является непосредственным отображением данных контактов, как и оперативных пренатальных наблюдений – это уже модифицированное изложение, во многом упрощенное и эстетически поданное.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В скобках выражена необходимость считывания знаков не только ромбовидных фрагментов, но и, вероятно, синтаксически связанных с ними

крестовидных изображений. Если вести считывание только основных элементов жемчужной нити, получим не менее красноречивые результаты: 213 суток → 7,2–7,3 син. лун. мес. При дальнейшем считывании знаков (после поворота записи) текст заканчивается (граница ромбов) на количестве в 291 сутки, что соответствует максимальному сроку беременности нашей современности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гирц К.* Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- [2] *McDermott L.* Self-Representation in Upper Paleolithic Female Figurines // *Current Anthropology*. Vol. 37. 1996. № 2. P. 227–275.
- [3] *Фролов Б. А.* О чём рассказала сибирская мадонна. М.: Знание, 1981. 112 с.
- [4] *Фролов Б. А.* Первобытная графика Европы. М.: Наука, 1992. 200 с.
- [5] *Ларичев В. Е.* Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры: Ожерелье с подвесками. Препр. Новосибирск : СО АН СССР, 1984. С. 3–61.
- [6] *Ларичев В. Е.* Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры: Лунно-солнечный «идол». Препр. Новосибирск : СО АН СССР, 1984. С. 3–50.
- [7] *Ларичев В. Е.* Скульптурное изображение женщины и лунно-солнечный календарь поселения Малая Сыя (семантика образа и реконструкция способа счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири) // *Изв. СО АН СССР. Сер. «Ист., филол. и филос.»*. 1984. № 3. Вып. 1. С. 20–31.
- [8] *Ларичев В. Е.* Матерь Мира (календарь беременности женщины древнекаменного века Сибири и семантика скульптур палеолитических Венер) // *Изв. СО РАН. Сер. «Ист., филол. и филос.»*. 1992. Вып. 3. С. 48–56.
- [9] *Ларичев В. Е.* Мальтинский жезл и знаковая запись многолетнего счисления времени по Луне и Солнцу (к проблеме сакральных календарей древнекаменного века Сибири) // *Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : матер. докл. Междунар. симп., посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (Иркутск, 1–9 августа 2001 г.)*. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 205–210.
- [10] *Marshak A.* The roots of civilization. N. Y. : Mc.Graw-Hill, 1972. 413 p.
- [11] *Vom 0 bis 1 Jahr...* Leipzig: Venus-Verlag, 2004. 80 s.
- [12] *Большая медицинская энциклопедия : в 30 т.* М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 19. 536 с.
- [13] *Шмидт И. В.* Предварительное сообщение об информационных возможностях орнамента черноозерского кинжала // *Шестые исторические чтения памяти М.П. Грязнова : матер. всерос. конф.* Омск : Ом. гос. ун-т, 2004. С. 152–156.
- [14] *Шмидт И. В.* Об информационном характере черноозерского орнамента (на примере анализа записей кинжала) // *Изв. Ом. гос. ист.-краеведч. музея.* Омск, 2005. Вып. 11. С. 98–105.
- [15] *Шмидт И. В.* Особенности орнамента – свидетельство взаимоотношения культур (по материалам палеолитических стоянок Мальта и Черноозерье II) // *Труды по археологии и этнографии ОГИК музея.* Омск : ОГИК музей, 2006. С. 45–49.
- [16] *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков. М.: КомКнига, 2007. 208 с.
- [17] *Ларичев В. Е.* Звездные Боги. Новосибирск : НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1999. 356 с.
- [18] *Хрисанфова Е. Н.* Эколого-эндокринные аспекты неандертальской проблемы // *Горизонты антропологии : труды междунар. науч. конф. памяти академика В.П. Алексеева.* М.: Наука, 2003. С.132–137.
- [19] *Шмидт И. В.* Пренатальная символика палеолита // *Вопросы культурологии.* 2007. № 12. С. 72–74.
- [20] *Шмидт И.В.* Пренатальная символика палеолита (окончание) // *Вопросы культурологии.* 2008. № 4. С. 59–64.

**РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ
В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО РУССКОГО
ПЕСЕННОГО РЕПЕРТУАРА
(на примере Омского Прииртышья)**

Затрагивается проблема сохранения традиционного русского крестьянского репертуара в быту. Анализируются экспедиционные материалы, собранные автором в Омском Прииртышье. Проводится сопоставление различных жанров мужского и женского традиционного репертуара, подчеркивается значимость роли женщины в сохранении и передаче устного фольклора по цепочке поколений.

Ключевые слова: песенный репертуар, песенная традиция, мужской и женский традиционный репертуар, фольклор.

Русская женщина, как и женщины иных народов, являясь хранительницей семейного очага, стремилась не только обустроить домашний крестьянский быт в соответствии с представлениями, обычаями и обрядами, передававшимися из поколения в поколение. Она сохраняла в активной форме и весь песенный репертуар, сопровождавший как повседневный быт, так и обрядовые действия. По природе своей женщина легче адаптируется в социуме, чем мужчина: она общительнее, любознательнее, эмоциональнее, восприимчивее. Эти качества всегда позволяли ей быть в курсе всех повседневных новостей раньше мужчины. Особенности психологии женщины дают ей возможность вникать не только в суть главного событийного факта, но и в подробности и частности, его сопровождающие. Эти детали нередко становятся для женщины более значимыми, чем само фактическое событие, а многое уже домысливается, дофантазируется и переводится в ее собственный «сценарий» с соответствующими выводами и обобщениями. Такое активное и творческое восприятие женщиной действительности проецировалось, в том числе, и на осмысление песенного содержания. В связи с этим смысл песен, как сопровождавших обряды, так и необрядовых, для женщины был очень важен. Их тексты несут значимую смысловую нагрузку, определяющую эмоциональный настрой на песню. Фабула песенного сюжета выстраивается от строфы к строфе, и развитие событий логично вытекает из их взаимосвязи.

Заинтересованное, неформальное и уважительное отношение народных исполнительниц к тексту песен, к происходящим в них событиям подмечалось нами в экспедиционной практике по селам Омского Прииртышья (проводимой нами с разной степенью регулярности с 1978 по 2006 г.). Если певица забывала какую-либо строфу, то, как правило, говорила об этом и сетовала, что упущена важная часть содержания. Нередко она в ответ на просьбу петь дальше отказывалась, пытаясь вспомнить пропущенное. В этом смысле показательным сравнением содержания песни с телевизионным сериалом, которое привела мне одна из народных исполнительниц: «Песню споешь, как кино по телевизору посмотришь!». Такое заинтересованное отношение к содержанию давало возможность носительницам фольклорной традиции удерживать в памяти значительные по продолжительности тексты песен. Это позволило в ходе полевой собирательской практики произвести запись в целостном виде немалого числа образцов как обрядового, так и необрядового фольклора.

Однако можно отметить хорошую память и аутентичных *певцов-мужчин*, как, например, у Гаврилы Леонтьевича Кучукова из п. Колосов-

ка Колосовского района Омской области [1]. От него мне посчастливилось записать около сорока одних только вечерочных песен с очень продолжительными, целостными текстами. Но это, скорее, исключение, чем правило. Так что главным объектом экспедиционной поисковой практики, дающим наибольшее количество и лучшее качество записываемого репертуара, все-таки является **женщина**. *Мужчина* как носитель фольклорной исполнительской традиции очень важен, а нередко и более интересен, самобытен по певческой манере и характерности, чем женщина, однако певцов-мужчин осталось крайне мало и память их редко позволяет записать много и качественно. Тем не менее запись мужского репертуара считается ныне большой удачей: попасть на хорошего исполнителя-мужчину уже событие. Ну а уж если попадается мужской дуэт, как, например, повстречавшиеся мне певцы отец и сын Ждановы – потомственные сибирские казаки из бывшей станицы (ныне село) Соляной Черлакского района, – то такой факт можно считать исключительным. Хотя, по рассказам местных казачек, в том же Соляном в середине XX в. мужчины-казаки – бывшие забайкальцы – пели большими компаниями, да так слаженно, энергично и звучно, что «волосы шавелились» [2].

Сугубо мужским репертуаром считаются песни **воинского** содержания: *солдатские* – строевые, шуточные, «привальные» (лирические); *казачьи* – походные, «верховые», строевые, плясовые, военно-бытовые (лирические) [2; 3]. Содержание их чаще всего отражало непомерные тяготы воинской службы, смерть и жестокие ранения на поле боя. Многие песни посвящены описанию битв, ратной деятельности известных полководцев, императоров, воспевают доблесть русского воина. В основе содержания песенной лирики – тоска по давно оставленным родным местам, любимым матерям, женам, детям.

Строевые песни исполнялись однородными мужскими хорами и ансамблями в воинских подразделениях в целях ритмической организации шага и соответствующего психологического настроения. Они использовались в качестве функционального сопровождения походного пешего строя, парадов и смотров, а также пелись в длительных переходах (марш-бросках) и конных переездах. Песенная же *лирика*, не имеющая уравнивающей архитектоники и четкой, «квадратной» ритмической структуры, а наоборот, обладающая развитой, расширенной строфой, исполнялась протяжно, «проголосоно» на привалах у костра в поле, в казармах и т. п.

Помимо воинской традиции мужское однородное ансамблевое пение активно бытовало в **артельной** среде в качестве трудо-

вых песен и припевок. Здесь песня так же служила задаче ритмической организации, но уже не строя, а трудового процесса. Песня помогала сплотить работу плотогонов и бурлаков (лямочников) при стаскивании «плавсредства» с мели, а также трудовую деятельность лесорубов при валке деревьев. Типичным лейтмотивом служил (и служит до сих пор) возглас «Раз-два, взяли! Еще взяли!». Сопровождала песня и труд свайных рабочих, колотящих дубовой «бабой» по свае – здесь часто помогали припевки типа «Эх, дубинушка, ухнем!».

Существовал также огромный пласт крестьянской мужской **лирики** – *семейно-бытовой и любовной* [2–4]. Нередко основой сюжетов служили неудачно сложившиеся семейные отношения, нелюбовь к жене, супружеская измена, а также лень, нерадливость и капризность жены. Встречаются в мужских песнях, но, конечно, в гораздо меньшем количестве, чем в женских, сюжеты неразделенной любви.

И вот весь этот *огромный исполнительский пласт* мог быть в значительной своей части утерян, если бы не сохранился в цепкой *женской* памяти. Русский солдат, возвращаясь в родной дом после длительной воинской службы или будучи комиссован по тяжелому ранению, приносил с собой весь песенный репертуар, что сопровождал его в походах и повседневном ратном быту. Нами благодаря целенаправленной исследовательской работе в Омском Прииртышье зафиксировано также большое число песен Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [4]. Конечно, определенная их часть создавалась самими женщинами в тылу, но основная доля военного репертуара сочинялась и пелась именно мужчинами в действующей армии и привозилась демобилизованными воинами после победы. Жанровый состав и образный строй песен этой войны в целом укладывается в традицию старой русской воинской песни и говорит о том, что психология человека с течением времени почти не меняется. Привезенные песни подхватывались многочисленной родней и, как правило, сопровождали застолья, сохраняясь в памяти и передаваясь поэтапно от старших младшим. Так, сугубо *мужской* репертуар, часто исполнявшийся *смешанным* певческим составом, постепенно переходил в *женское* исполнительство.

Конечно, песни, созданные мужчинами и исполняемые ими же, имели свой оригинальный тембровый колорит, характерную мужественность звучания. Хоровое пение мужчин любого народа, в любых певческих манерах всегда колоритно, приковывает внимание. В исполнении же мужских песен женщинами появляется иная образность, в более высоких регистрах звучат другие тембры, меняется характерность. Но именно благодаря тому, что песня попадала к *жен-*

щине, она сохранялась, продолжала дальнейшую жизнь и передавалась по цепочке поколений.

Но мужской репертуар это лишь малая часть огромного и разнообразного по жанровому составу фольклорного наследия восточных славян России. Если говорить о песнях свадебного обряда – обширного, продолжительного во времени, строго регламентированного ритуала, – то это прерогатива именно женщины. Величальные, корильные песни, причеты по традиции положено было исполнять на свадьбах только женщинам [1–3; 6–8]. Огромную популярность во всех регионах России имел игрищный фольклор, сопровождавший летние хороводные гуляния и зимние посиделки и вечерки, где активную роль играла женщина [1; 3]. Также большой пласт календарного фольклора, сопровождавший быт крестьянина круглый год, немислим без женского исполнительства [1; 3; 5]. Еще один сугубо «женский» жанр, сопровождающий начальную пору жизни человека, т. е. раннее детство, – всевозможные колыбельные песни, пестушки и потешки. Такой жанр, как духовный стих, так же исчезающий из крестьянской традиции, ныне записывается почти только от одних женщин [6]. Из разнообразия сюжетов духовного стиха, большинство из которых имело апокрифической основой Ветхий и Новый Заветы, остались в основном поздние покаянные стихи, поющиеся над покойником.

А любовная и семейно-бытовая лирика, включая и жестокий романс? Это единственные жанры, которые и по сей день являются, наравне с частушкой, близкими женской натуре и, пожалуй, самыми живучими, устойчивыми в бытовом женском исполнительстве [2; 3; 7; 8]. Однако следует отметить, что и этот жанр держится в ре-

пертуаре певиц исключительно преклонного, реже зрелого, возраста. Молодое поколение, к сожалению, утрачивает к нему интерес, как, собственно, к ансамблевому бытовому пению вообще. Вместе с тем традиция народного певческого искусства, уходя из широкого быта, не умирает, но перетекает, как доказывает нам действительность, в локальное пространство любительского, учебного и профессионального исполнительства. Вся история российской фольклористики говорит о главенствующей роли женщины в деле сохранения, развития и передачи последующим поколениям уникального национального песенного богатства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Со венком я хожу. Народные песни Омской области / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 1993.
- [2] Запеваает казак песнь. Песни казачьих станиц Омской области / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 1999.
- [3] Ты березка моя. Народные песни Омской области / сост. Е. Я. Аркин, Омск, 1987.
- [4] На подвиг тебя провожала. Песни Омского Прииртышья времен Великой Отечественной войны / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 2011.
- [5] Авсень-Коляда. Календарно-обрядовый фольклор Омской области / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 2007.
- [6] Народные песни Омского Прииртышья [поют народные исполнители] / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 2005.
- [7] Селезенюшка косы вьет... [поет Анисья Бахтинова и семейный ансамбль с. Толбакуль Омской области] / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 2007.
- [8] Чалдонские мотивы. За лесом солнце просияло [поют народные исполнители с. Крестики Омской области] / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 2008.
- [9] Во бору-то ли было [поют народные исполнители п. Крутинка Омской области] / сост. Е. Я. Аркин. Омск, 2009.

РОССИЯ – ГЕРМАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В НАЧАЛЕ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ ЭПОХИ (1990-е гг.)

Изучены предпосылки и процесс становления политического диалога РФ и ФРГ в последнее десятилетие XX в. Выявлено, что отношения между двумя странами обнаружили тенденцию к развитию, а роль их гаранта сыграли встречи Президента России Б.Н. Ельцина и Федерального канцлера Германии Г. Коля, однако разногласия по ряду ключевых внешнеполитических вопросов, а также внутренняя нестабильность в России не позволили полностью реализовать потенциал двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Германия, политический диалог, постбиполярная эпоха, интересы, внешняя политика, Б.Н. Ельцин, Г. Коль, великая держава, НАТО, Европейский союз.

События 1990 г. – принятие Декларации о государственном суверенитете России (12 июня) и объединение Германии (3 октября) явились отправными точками нового периода в отношениях между названными странами. Первые шаги навстречу друг другу им пришлось делать на фоне кризиса перестройки в СССР и процесса распада его единого пространства.

Германское руководство, в решающей степени обязанное объединением своей страны уступчивой позиции советского президента М.С. Горбачева на переговорах по формуле «2+4», до последнего момента заявляло о лояльности его преобразованиям. Однако политические реалии способствовали коррекции курса правительства Германии. После краха Государственного комитета по чрезвычайному положению в августе 1991 г. началось обвальное разрушение государственных и партийных структур, цементировавших советское пространство, что отразилось в позиции Федерального канцлера Германии, вынужденного, по сути, вести двойную игру. С одной стороны, 4 сентября 1991 г., выступая в бундестаге, Г. Коль выразил солидарность с законным советским руководством в лице М.С. Горбачева [1]. С другой – правительство ФРГ постепенно смещало акценты в политике, сделав ставку на сотрудничество с республиканскими лидерами, среди которых особым влиянием обладал Президент РСФСР Б.Н. Ельцин.

21–23 ноября 1991 г. по приглашению Федерального канцлера состоялся его первый официальный визит в Германию, в ходе которого был обозначен круг вопросов, составивших в дальнейшем повестку дня российско-германского диалога. Главным итогом переговоров Г. Коля и Б.Н. Ельцина стало установление прямых двусторонних контактов, что было зафиксировано в их совместном заявлении [2]. По сути, подписание документа такого высокого уровня вывело диалог между ФРГ и Россией в один ряд с германо-советскими отношениями, поскольку Г. Коль и М.С. Горбачев поставили свои подписи под аналогичным соглашением в июне 1989 г. [3, с. 31–36].

Решение республиканских лидеров России, Украины и Белоруссии о роспуске СССР, принятое 8 декабря 1991 г., не вызвало протестов со стороны официального Бонна. Более того, Германия первой из развитых западных стран признала Российскую Федерацию продолжателем СССР и установила с ней дипломатические отношения. 26 декабря 1991 г. германский посол в Москве К. Блех передал в Министерство иностранных дел России соответствующее послание Президента ФРГ В. фон Вайцзеккера.

С этого момента исчезли последние юридические препятствия, формально сдерживавшие отношения между Россией и Германией, а также их лидерами. В то же время следует учитывать, что новый мировой порядок принципиально изменил статус обеих стран на международной арене.

В период биполярного мира предшественник РФ, Советский Союз, являлся одной из двух сверхдержав, а ФРГ – всего лишь государством с фактически ограниченным суверенитетом, отягощенным проблемами восстановления единства и обеспечения национальной безопасности в условиях глобального противостояния социалистического и капиталистического лагерей. С вступлением мира в постбиполярную эпоху Россия выбыла из числа сверхдержав, однако по ряду параметров, в том числе по обладанию ядерным оружием, большим запасом полезных ископаемых, местом постоянного члена Совета Безопасности ООН, ее можно было считать великой державой. Вместе с тем она, будучи с юридической точки зрения продолжателем СССР, была существенно ослаблена вследствие потери более 5 млн кв км территории, удобных выходов к Балтийскому и Черному морям, прямых сухопутных путей к Центральной и Западной Европе [4, с. 132]. С разрушением Советского Союза Россия географически сдвинулась на восток, а ее влияние в странах Восточной Европы упало до минимальной отметки.

В свою очередь, Германия принадлежала к числу немногих стран, потенциал которых в ходе международных событий конца 80 – начала 90-х гг. XX в. значительно увеличился. Благодаря объединению она расширила свою ресурсную базу, заняв лидирующие позиции среди стран Западной Европы по численности населения, а также утвердившись на третьем месте в мире по производству ВВП (после США и Японии).

К этому добавлялись такие важные конкурентные преимущества, как высокий уровень образования и материальное благополучие населения, сравнительно благоприятная окружающая среда, распространенность немецкого языка, прежде всего в государствах Восточной и Центральной Европы.

Вместе с тем Германии не удалось полностью освободиться от груза последствий Второй мировой и холодной войн. Она не располагала ни собственным ядерным оружием, ни местом постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Перемены в положении двух стран на мировой арене детерминировали характер их взаимосвязей. России пришлось смириться с потерей прежних преимуществ и приступить к строительству отношений с Германией как с державой, восстановившей государственную целостность и суверенитет в полном объеме.

Обретя новый международный статус, Россия и Германия оказались отягощены общей проблемой поиска своего места в постбиполярной системе мирового порядка. Ведущей чертой новой конструкции международной системы стала монополярность со свойственным ей безусловным превосходством одной страны над другими членами мирового сообщества во всех сферах, прежде всего экономической и военно-политической. Единственная сверхдержава в лице США обрела весомое преимущество над остальными субъектами международных отношений по таким параметрам, как мощь промышленного потенциала, эффективность управления военным комплексом, его оперативная способность к качественному совершенствованию оборонного и наступательного потенциалов, обретение большой степени свободы при определении географии применения вооруженных сил, причем не только своих, но и союзников [5].

В этих условиях интересы РФ и ФРГ состояли в том, чтобы, максимально эффективно используя собственные возможности, приспособиться к переменам и в сжатые сроки занять место на мировой арене, в наибольшей степени соответствующее их статусу.

Ревизия и последующая оценка имеющихся ресурсов растянулась на несколько лет, что предопределило осторожное поведение обеих стран на международной арене. Так, в период пребывания у власти правительства ХДС/ХСС-СвДП (1991–1998), особенно в первые годы после объединения, внешнеполитический курс Германии в основном характеризовался сдержанностью, что, по словам президента Международного банка реконструкции и развития Р. Целлика, было «неудивительно для народа, который так долго жил на самом переднем фронте холодной войны и который еще должен бороться с грузом объединения» [6].

Политика ФРГ в 1990-е гг. определялась стремлением доказать международному сообществу и своим собственным гражданам «нормальность» страны и ее избранного курса. При этом нормальность трактовалась как приверженность общегуманистическим либерально-демократическим ценностям, реализуемая исключительно в рамках западных союзов при строгом соблюдении норм международного права [7].

Германии удалось найти и занять достойное место на мировой арене, взяв на вооружение оптимальную стратегию, использующую такие инструменты, как: миролюбивые заявления официальных лиц по внешнеполитическим вопросам; активное участие в многосторонних международных организациях; всемерное укрепление этих структур, особенно в контексте повышения веса ФРГ в них; строгое соблюдение союз-

нических обязательств в отношении Североатлантического альянса и отдельно США.

Что касается Российской Федерации, то поиск ею эффективной внешнеполитической линии затянулся. Это можно было объяснить серьезными расхождениями между ее собственными амбициями и ожиданиями как великой державы, с одной стороны, и постепенным сокращением имеющихся ресурсов и влияния на мировой арене – с другой. Ситуацию усугубляло отсутствие консенсуса в российской элите по поводу стратегических целей и средств в области внешней политики. Это, в свою очередь, наносило ее интересам ущерб и невыгодно отличало РФ от Германии, где в течение нескольких десятилетий сложился партийный консенсус по внешнеполитическим вопросам.

Геополитические реалии 1990-х гг. вызвали к жизни противоположные тенденции в российско-германских отношениях, что нашло отражение как в центробежных (разъединительных), так и центростремительных (объединяющих) моментах.

ФРГ являлась неотъемлемым элементом Североатлантического альянса, оказывающим большое влияние на его стратегический курс и тактические действия. Руководствуясь партнерскими обязательствами и собственными интересами, официальный Бонн, безусловно, поддерживал шаги, направленные на расширение НАТО на восток, что в известной мере способствовало нарастанию угрозы национальной безопасности РФ.

Одновременно германская сторона осознавала невозможность обеспечения безопасности и стабильности в Европе без Российской Федерации, выступая в пользу ее максимальной интеграции в крупные многосторонние организации, формировавшие трансатлантическое и европейское пространства [8].

Такая позиция ФРГ представляется весьма спорной. С одной стороны, в 1990-е гг. глобальные и региональные международные организации действительно стали ключевыми акторами мировой политики, деятельность которых позволила смягчить жесткость монополярной системы, а также взять на себя функции предотвращения и урегулирования конфликтов в рамках регионального пространства. В данном контексте включенность страны в крупные многосторонние организации можно было рассматривать как один из эффективных механизмов реализации ее национальных интересов.

Вместе с тем положение державы в таких организациях зависело от ее уровня развития и статуса в мире. В связи с падением веса России на мировой арене ее влияние на решение вопросов международной жизни серьезно снизилось. «Многосторонние механизмы поддержания мира и безопасности как на глобальном (ООН), так

и на региональном уровне (ОБСЕ, СНГ) все еще недостаточно сильны, – полагал Президент РФ Б.Н. Ельцин, – вследствие чего использование этих механизмов носит ограниченный характер и не может являться гарантией интересов национальной безопасности России» [9]. В связи с этим в 1990-е гг. внешняя политика РФ осуществлялась преимущественно в традиционном русле, отдавая приоритет двусторонним отношениям с развитыми державами. В их рамках Москва стремилась использовать личные связи между лидерами государств, что применялось ею со времен перестройки.

Германия же являла собой пример страны, которая после поражения во Второй мировой войне сумела добиться «мира, свободы и благосостояния в решающей степени благодаря политической и экономической интеграции со своими европейскими и трансатлантическими партнерами» [10]. В связи с этим она расставляла приоритеты по-иному. Залогом позитивных отношений с Россией Бонн считал формирование устойчивых связей внутри сильных Евросоюза и НАТО, а также укрепление диалога с США.

В 1990-е гг. в отношениях между РФ и ФРГ действовали также интеграционные факторы. В силу своего расположения в центре европейского континента Германия являлась для России стратегически важным партнером. Учитывая ее глубокую вовлеченность в западные союзы, Москва надеялась с помощью Бонна обеспечить собственную интеграцию в единое региональное пространство, что, по ее мнению, открывало перспективы активизации участия международного капитала в реформировании экономики России.

Германия признавала принципиальную невозможность обеспечения на долгосрочную перспективу безопасности и стабильности в Европе без Российской Федерации. Кроме того, официальному Бонну приходилось учитывать, что граждане бывшего Советского Союза составляли весомую часть электората ФРГ. Так, выезд немцев и членов их семей с территории бывшего СССР в Германию возрос со 147,3 тыс. в 1991 г. до 195,6 тыс. в 1992 г., достигнув максимума в 1994 г. (213,2 тыс. чел.) [11].

Наибольшие шансы для развития контактов с РФ Германия связывала с Европейским союзом, что объяснялось традиционалистским подходом России к определению угроз своей национальной безопасности. На первый план в спектре таких угроз Москва привычно ставила военно-политический фактор. В связи с этим Североатлантический альянс рассматривался Россией в качестве реальной угрозы, а Евросоюз представлял в виде политико-экономической организации, существование которой не угрожает Российскому государству. Европейский союз явился первым западным альян-

сом, на контакты с которым пошла Москва. 9 декабря 1993 г. в Брюсселе была принята совместная политическая декларация о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, а в 1994 г. они заключили Соглашение о партнерстве и сотрудничестве [12].

Особенно важной стала приверженность обеих сторон принципу невмешательства во внутренние дела друг друга. Так, германские официальные лица неоднократно подчеркивали, что Россия сама должна разработать модель устойчивого развития, которая позволит ей совместить собственные традиции с ценностями, объединяющими ее с западным миром: свободой, принципами правового государства, демократией и рыночной экономикой. В то же время официальной позицией Германии стало проведение линии на вовлечение России в сферу политики безопасности. ФРГ отдавала себе отчет в том, что цель этого вовлечения может быть реализована только в том случае, если российские лидеры возьмут курс на сближение с Западом и также будут придерживаться реалистической политики, а действия России окажутся под контролем западных держав.

Взаимная заинтересованность настоятельно требовала от РФ и ФРГ нащупать точки соприкосновения и взять курс на обмен мнениями по широкому кругу вопросов. Это способствовало формированию механизма политического взаимодействия между двумя странами.

Основным инструментом и главным гарантом стабильности российско-германского политического диалога в 1990-е гг. стали регулярные встречи Президента РФ и Федерального канцлера ФРГ. Значение политического диалога на высшем уровне обуславливалось юридическими основаниями. Согласно Конституции РФ 1993 г., президент определял основные направления внутренней и внешней политики (п. 3 ст. 80), а также как глава государства представлял Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях (п. 4 ст. 80) [13, с. 33]. В ст. 65 Основного закона ФРГ указывалось, что Федеральный канцлер «определяет основные направления политики и несет за это ответственность» [14, с. 200]. На первый взгляд, в статье отсутствовали конкретные указания на внешнеполитическую сферу. Однако, в соответствии с п. 1 Регламента федерального правительства ФРГ, речь шла о директивах как внутренней, так и внешней политики [15].

Правовые основания были подкреплены ходом событий. Исторически сложилось, что российское направление во внешней политике Германии курировалось двумя государственными структурами: канцелярией Федерального канцлера и Министерством иностранных дел [16]. Со вступлением на пост главы правительства Г. Коля произош-

ло негласное перераспределение сфер влияния, и центр принятия решений в отношении Российской Федерации сдвинулся в сторону Федерального канцлера и его канцелярии [17].

В свою очередь, российский президент уделял повышенное внимание Германии и стремился в известной степени персонифицировать диалог, укрепляя личную дружбу с федеральным канцлером. Это позволило поставить на постоянную основу процесс обмена мнениями по всему спектру актуальных российско-германских проблем.

Уже в первой половине 1990-х гг. был осуществлен прорыв в развитии договорно-правовой базы двустороннего сотрудничества. Так, в ходе официального визита Федерального канцлера Г. Коля в Москву 14–16 декабря 1992 г. состоялось подписание нескольких документов, в том числе нового совместного заявления, Соглашения о культурном сотрудничестве, Договора об уходе за военными захоронениями в Германии и России, Договора о сотрудничестве и взаимной поддержке между таможенными службами.

Новым совместным заявлением был охвачен обширный спектр вопросов двусторонних отношений. Приоритет был отдан экономическому сотрудничеству, где ставку предполагалось сделать на такие новые формы экономического сотрудничества, как совместные предприятия, взаимные прямые инвестиции, лизинг, компенсационные сделки.

Российская сторона взяла на себя обязательство предпринять меры по ускорению вывода Западной группы войск (далее – ЗГВ) с территории бывшей ГДР и закончить его к 31 августа 1994 г. Были подтверждены финансовые обязательства ФРГ в связи с выводом российских военнослужащих. Германская сторона дополнительно предоставляла Москве сумму в 500 млн немецких марок в качестве взноса для обустройства возвращающихся в Россию войск. Стороны оговорили, что часть этих средств может быть использована для того, чтобы закупить в восточных землях ФРГ оборудование для строительства жилья, материалы и другие товары, необходимые для обустройства военнослужащих и членов их семей. Было выработано «нулевое решение» по взаимным претензиям: с российской стороны – на недвижимое имущество ЗГВ, а с германской – на возмещение ущерба природной среде в местах дислокации войск.

ФРГ реализовала жилищную программу по обустройству в России военнослужащих ЗГВ, оказала содействие переподготовке увольняемых российских военнослужащих на гражданские специальности.

Особое значение с гуманитарной точки зрения носила ст. 6 совместного заявления, в которой Германия подтвердила свою го-

товность к выплате компенсации лицам, подвергшимся наибольшим страданиям вследствие национал-социалистских преследований. На основе уже имеющихся договоренностей она выразила готовность предоставить на эти цели сумму в 1 млрд немецких марок в распоряжение РФ, Республики Беларусь и Украины [18].

Россия получила от ФРГ многомиллиардную гуманитарную помощь, льготные кредиты для поддержки рыночных преобразований, малого и среднего бизнеса.

В Германии была неоднозначно воспринята победа Б.Н. Ельцина на президентских выборах в 1996 г. Небольшая часть либеральных политиков и экспертов расценили ее в качестве решающей предпосылки окончательного прорыва России к демократии и рыночной экономике, что, в свою очередь, рассматривалось как решающее условие российской интеграции с Западом. К тому же, как, например, полагал профессор Гамбургского университета О. Лухтерхандт, Российская Федерация обладала серьезными запасами внутренней прочности, одним из которых он считал непрерывное перераспределение властных полномочий с федерального уровня в регионы, чей экономический вес постоянно увеличивался. «Стабильность как раз объясняется тем, что оппозиция (коммунисты и националисты) в силу регионализации власти получает в ней широкое участие и не образует политическую контрэлиту», – писал Лухтерхандт [19].

Однако большинство аналитиков не спешили с оптимистическими выводами. К середине 1990-х гг. в ФРГ стали нарастать скептические нотки в отношении демократических перспектив РФ. С германской стороны было заявлено о возрождении российского политического мышления в духе советских экспансионистских традиций. «Элита России соизмеряет стабильность и величие с владением территориями, а не с внутренней модернизацией», – с тревогой констатировали политологи А. Пар и И. Краузе [20].

Кроме того, не способствовали укреплению доверия постоянные болезни президента Ельцина и кадровая чехарда в правительстве, характерная для его второго срока.

Все же российско-германский диалог во второй половине 1990-х гг. продолжал поступательное развитие. Стороны обратили внимание на то, что чрезмерная персонализация объективно являлась устаревшей и в перспективе могла создать препятствия на пути разворачивания двусторонних отношений после смены руководства в Кремле. Для укрепления отношений политический диалог необходимо было поставить на более твердое институциональное основание.

К тому времени уже появились прецеденты расширения институциональной ба-

зы, на которой строился диалог России с западными странами. Примером для подражания выступала американо-российская комиссия Гора – Черномырдина¹, действовавшая в качестве центра, координирующего разнообразные сферы двусторонних отношений, включая экономические, политические, военные проблемы, энергетические вопросы, область безопасности.

Германо-российская повестка дня не уступала по насыщенности диалогу США и РФ. Между Бонном и Москвой развивались интересные проекты, например совместное производство военного самолета Ан-70, активизировались сотрудничество в снабжении немецких предприятий природным газом и кооперация в борьбе с преступностью. Взаимопомощь оказывалась в таких сферах, как борьба с контрабандой, трансфертом наркотиков, распространением ядерных материалов, нелегальной миграцией и международным терроризмом.

Расширение взаимодействия двух стран вызвало к жизни новый координационный институт – комиссию Ельцина – Коля, которая была создана в ходе визита президента РФ в Бонн (8–9 июня 1998 г.). С этого момента двусторонние встречи приобрели статус межгосударственных консультаций России и Германии на высшем уровне. Их значение следует рассматривать с двух позиций: прежде всего они были призваны определять стратегические цели развития двустороннего сотрудничества по отдельным направлениям, а также способствовать выходу сторон на договоренности по конкретным вопросам, в связи с чем в этих встречах участвовала большая группа министров с обеих сторон. Как правило, лидеры двух стран обсуждали на них наиболее неотложные проблемы международного характера, а затем заслушивали и одобряли предложения, выработанные на встречах министров. Такие консультации оказались весьма действенным инструментом расширения и углубления двустороннего партнерства, охватившего практически все важнейшие области сотрудничества.

Выступая 9 июня 1998 г. в Бонне на совместной пресс-конференции по случаю окончания двусторонних консультаций, Федеральный канцлер Г. Коль подчеркнул, что «это первая германо-российская встреча в новом формате» [21].

Наметившуюся положительную тенденцию в диалоге Москвы и Бонна прервали события конца лета – осени 1998 г., а именно дефолт и сопровождавший его политический кризис в РФ. Они в значительной степени способствовали переосмыслению немецкой стороной успехов преобразований в России. Главный редактор немецкого журнала «Internationale Politik» В. Вайденфельд писал о системности кризиса, поскольку «нерешенные вопросы переходного периода

и ошибки трансформации оказались тесно переплетены с проблемами экономической структуры, политики и политической культуры». Было точно подмечено, что реформаторам не удалось учредить парламентскую демократию, создать отрегулированные общие условия для перехода к рыночной экономике, построить эффективные промышленные предприятия, развить малый и средний бизнес. «Население чувствует себя проигравшим и потеряло доверие к политическому руководству страны», – констатировал Вайденфельд [22].

В этот период преобладающей стала точка зрения, что немецкая помощь может способствовать российским реформам в ограниченном масштабе и только в качестве вспомогательной меры. Германская сторона не расценивала РФ более как противника, но еще не считала ее партнером, полагая, что возврат к соперничеству между Востоком и Западом не исключен. ФРГ должна давать России стимулы для партнерства, не допуская ее самоизоляции, однако при этом продвигать собственные интересы. Была выведена формула отношений Германии с РФ, в наибольшей степени отвечавшая немецким интересам: «Стратегия в отношении России = соблюдение интересов Германии + понятая российская точка зрения + акцент на постоянной готовности к сотрудничеству» [23].

Однако в рассуждениях представителей германской стороны появились тревожные для России нотки. Стали дезавуироваться утверждения о невозможности построить европейское пространство без участия РФ, характерные для первой половины 1990-х гг. Бывший министр экономики ФРГ О. фон Ламбсдорфф считал, что «в крайнем случае можно обойтись без нее» [24].

Таким образом, политический диалог РФ и ФРГ в начале постбиполярной эпохи отличался противоречивостью. Стремлению стран к активизации двусторонних отношений противостояли различный исторический опыт, разногласия по вопросу расширения НАТО на восток, а также внутренние проблемы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ А. Гор – вице-президент США, В.С. Черномырдин – председатель правительства РФ.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Горбачев М. С. Как это было: объединение Германии. URL: <http://lib.rus.ec/b/74187/read> (дата обращения: 22.07.2011).
- [2] О российско-германских отношениях. URL: <http://premier.gov.ru/visits/world/13103/info/13106> (дата обращения: 22.07.2011).
- [3] Визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М.С. Горбачева в ФРГ, 12–15 июня 1989 г. :

- документы и материалы. М. : Политиздат, 1989. 127 с.
- [4] *Нартов Н. А.* Геополитика : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999. 359 с.
  - [5] Подробнее см.: *Цыганков П. А.* Теория международных отношений : учебное пособие. М. : Гардарики, 2003. 590 с.
  - [6] *Zoellick R. B.* Abschied von der Selbstbeschränkung. Deutsche Außenpolitik aus Sicht der USA // Internationale Politik. 1998. №12. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/dezember1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
  - [7] О проблеме «нормальности» Германии см., напр.: *Gross J.* Begründung der Berliner Republik. Deutschland am Ende des 20. Jahrhunderts. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. 176 s. ; *Habermas J.* Die Normalität einer Berliner Republik. Kleine Politische Schriften VIII. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1995. 188 s. ; *Geißler H.* Der Irrweg des Nationalismus. Weinheim: Beltz Athenäum, 1995. 111 s.
  - [8] *Kinkel K.* Partner im Wandel. Deutsche Außenpolitik und die GUS-Staaten // Internationale Politik. 1996. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1996/oktober1996/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
  - [9] Das Konzept der nationalen Sicherheit der Rußländischen Föderation, vorgelegt von Staatspräsident Boris Jelzin am 17 Dezember 1997 in Moskau // Internationale Politik. 1998. №10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/oktober1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009)
  - [10] Посольство Федеративной Республики Германия в Москве: многосторонние отношения // URL: http://www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/03/Multilaterale_Beziehungen/_Multilaterale_Beziehungen.html (дата обращения: 23.07.2011).
  - [11] Документы советского периода о немецкой автономии в Поволжье. URL: <http://wolgadeutsche.ru/diesendorf/dekrety/11.htm> (дата обращения: 23.07.2011).
  - [12] Подробнее см.: *Ткаченко С.* Расширение ЕС и вопросы безопасности России // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / под ред. Д.В. Тренина; Московский Центр Карнеги. М. : S & P, 2000. 279 с.
  - [13] Конституция Российской Федерации. Н. Новгород, 2007. 61 с.
  - [14] Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. и со вступ. ст. Л. А. Окунькова. М. : ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 816 с.
  - [15] Регламент Правительства от 11 мая 1951 г. с последующими изменениями и дополнениями. URL: <http://www.bundesregierung.de/purehtml/12560.430051/document.htm> (дата обращения: 21.07.2011) ; также см.: *Егорова М. О., Ялбулганов А. А.* Правовые основы деятельности Правительства ФРГ // Правоведение. 2006. № 5. С. 205–215.
  - [16] См. : *Mauil H. W.* Quo vadis, Germania? Aussenpolitik in einer Zeit des Wandels // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. №10. S. 1245–1256 ; *Hacke Chr.* Die Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Weltmacht wider Willen. Berlin, 1997. S.13–18.
  - [17] См.: *Manlow Ph.* Informalisierung und Parteipolitisierung – Zum Wandel exekutiver Entschei-

- dungsprozesse in der Bundesrepublik // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 1996. № 1. S. 96–107.
- [18] Совместное российско-германское заявление (подписано в г. Москве 16.12.1992). URL: <http://infopravo.by.ru/fed1992/ch01/akt10385.shtml> (дата обращения: 23.07.2011).
- [19] *Luchterhandt O.* Integration oder Separation. Bricht das «große Reich Rußland» auseinander? // Internationale Politik. 1996. № 1. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1996/januar1996/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [20] Цит. по: Rußland – ein abgeschriebener Partner? / Buchkritik von D. Bingen // Internationale Politik. 1995. № 11. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1995/november1995/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [21] Pressekonferenz des deutschen Bundeskanzlers, Helmut Kohl, und des russischen Staatspräsidenten, Boris Jelzin, zum Abschluß der deutsch-russischen Konsultationen am 9. Juni 1998 in Bonn // Internationale Politik. 1998. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/oktober1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [22] *Weidenfeld W.* Rußland in der Krise // Internationale Politik. 1998. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1998/oktober1998/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [23] *Lambsdorff O. von.* Eine stabile Instabilität. Russische Wirtschaftskrise und deutsche Politik // Internationale Politik. 1997. № 10. URL: <http://www.internationalepolitik.de/ip/archive/jahrgang1997/oktober1997/documentation.htm> (дата обращения: 30.07.2009).
- [24] Ibid.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАПРАВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Произведён анализ концептуальной раздробленности российского консерватизма, показан «право-левый» спектр данного течения мысли, связанного со степенью укоренённости Традиции в современном мире и социально-политических отношениях; произведено сравнение выделенных направлений современной российской консервативной общественно-политической мысли в отношении к различным историческим, общественным, политическим аспектам.

Ключевые слова: консерватизм, Традиция, общественно-политическая мысль, Россия.

Приверженность части российского общества консервативным идеям обусловлена сложными процессами развития национального самосознания в условиях модернизации и резкого снижения геополитического статуса России, кризисом национальной идентичности и потерей исторической перспективы. Быть консерватором сейчас – значит «занимать онтологическую, философскую, социально-политическую, индивидуальную, нравственную, религиозную, культурную, научную позицию, которая отрицает тот ход вещей, с которым мы сейчас сталкиваемся...» [2]. Мы понимаем консерватизм не только как стиль политико-философского мышления, но и как идеологию, опирающуюся на национальную традицию, рассматривающую общество как органическую систему, уделяющую значительное внимание религиозному фактору, противопоставляющую абстрактному «просвещенческому» разуму, как отмечал К. Мангейм, понятия «История, Жизнь и Нация» [4].

В настоящее время российский консерватизм как единое и целостное политико-философское мировоззрение концептуально раздроблен по причине глобальных изменений в России и мире. Это свидетельствует о специфической реакции данного типа мышления на различные негативные проявления общественно-политической жизни, об изменении восприятия действительности, а потому неизбежной смене некоторых принципов консервативного сознания. Для современного консерватизма характерна резкая полемика между ведущими представителями данной традиции мышления при отсутствии стройной системы координат в современном мире. Консерватизм находится в фазе становления, но уже сейчас очевидно его противостояние отечественному либерализму и социализму по тем же позициям, по которым классический консерватизм противостоял классическому либерализму и социализму. Главные системообразующие принципы новейшей модификации консерватизма представлены антииндивидуализмом и антирационализмом; следованием традиции, вытекающей из религиозной веры; неприятием радикальных перемен и ориентацией на стабильное устойчивое развитие.

Современные консерваторы имеют неоднозначное видение различных исторических, социально-культурных, этнических, политических проблем, что в очередной раз свидетельствует о политико-культурной разнородности консервативного крыла идеологического спектра (см. таблицу). Отношение к Российской империи и вообще к дореволюционному прошлому до сих пор остаётся одним из главных исторических противоречий российских консерваторов. Данную проблему производит, безусловно, «двойной» разрыв традиции: часть консерваторов отрицает то, что было после 1917 г.; некоторые, наоборот, опираются на традицию советского периода и только на неё.

Социальные, политические и религиозные причины революции 1917 г. также оцениваются неоднозначно, начиная с отсутствия каких-либо веских предпосылок для её свершения и заканчивая деградацией православной веры в качестве основной причины прошедшей революции.

В межпоколенной преемственности Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации заключена сегодня миссия современных консерваторов: осмысление исторического опыта, восстановление прерванных связей, примирение в сознании непримиримых в прошлом идей, т. е. примирение не в смысле эклектики, а в смысле осознания их как эпизодов общей национальной судьбы. Это, с нашей точки зрения, главное историко-политическое и культурное противоречие, ныне не преодоленное не только консерваторами.

Отношение консерваторов к Русской православной церкви, православию как исторической вере, а также к другим традиционным религиям России. Тема Русской православной церкви (далее – РПЦ) при разговоре о современном отечественном консерватизме является ключевой. Церковь является традиционным институтом, сохраняющим неизменную связь с прошлым святой Руси и защищающим высокие христианские идеалы, облаченные в форму тысячелетней национальной традиции. Именно она выступает «надмирным оплотом консервативных ценностей» [5], так или иначе к ней апеллируют те общественно-политические силы, которые можно назвать «консервативными». Но РПЦ придерживается строгого нейтралитета по отношению к политическому процессу, в ряде своих документов оговаривая невозможность поддержки той или иной политической силы и тем более – участия в политической борьбе [6]. Что касается ряда существующих общественных объединений православного толка, участвующих в политическом процессе («Союз православных граждан», «Союз православных хоругвеносцев»), то решением Архиерейского собора 1997 г. они не могут иметь благословения церковного священноначалия и выступать от имени РПЦ. Этот подход был закреплён в принятом Архиерейском собором 2000 г. документе «Основы социальной концепции РПЦ». Вместе с тем всё это не означает, естественно, отказа РПЦ от активной социальной позиции, ибо, как часто повторяют церковные иерархи, «Церковь отделена от государства, но не от общества» [3].

Отношение к Европе и США. Представителей современного русского консерватизма объединяет критическое и резко негативное отношение к западной цивилизации, выраженное в неприятии глобализации. Современные консерваторы убеждены в том, что ныне имеет место комплексная

агрессия Запада против России, которая скоординирована в своих политических, экономических и культурных составляющих и по своей активности не имеет аналогов в истории. В частности, такого мнения придерживается Т. Грачёва в книге «Невидимая Хазария» [1]. Консерваторы полагают, что изменённое качество современной западной цивилизации напрямую связано с такими её особенностями, как «гордыня» западного человека, считающего свою цивилизацию высшей и склонного к пренебрежительному отношению к другим странам; ориентация западной культуры на материальное, нежели на духовное; неуклонное стремление к повсеместному увеличению потребностей, которое удовлетворяется через интенсификацию производства, чрезмерное использование природных ресурсов. По мнению российских консерваторов, во второй половине XX в. эти особенности способствовали созданию мифа о безальтернативности западной модели и оправданности её навязывания другим народам. Формируемый Западом новый мировой порядок видится российскими консерваторами как внерелигиозный, демократический, плутократический космополитический «режим особого типа». Надежды на прекращение мондиалистской экспансии в лице США возлагаются на творческие и особенно духовные потенции наций и этносов, населяющих Россию, их стремление к социальной справедливости, верность своим традициям и религиям, в первую очередь православию – источнику формирования русской духовности, государственности, экономического и бытового облика народа.

Взгляд на природу человека, общественные отношения, государство и власть. Если человеческая личность оценивается консерваторами почти однозначно в аспекте духовно-социальных ее характеристик, а общественные отношения должны способствовать гармонии человека и общества, то взгляды консерваторов на природу государства и власти многозначны. Так, социал-консерваторы полагают, что Российское государство носит светский характер, призвано защищать человека и благотворно сотрудничать с бизнесом и обществом; национал-консерваторы выступают за неизбежность и возможность переходной национальной диктатуры, а «новые правые» считают Российское государство воплощением «Абсолютной Идеи».

Неоднозначно консерваторами оценивается и феномен нации – либо этнически, либо только политически, и отсюда возникают споры относительно построения в России единой российской нации и статуса русского народа, которого многие консерваторы считают государствообразующим, опираясь на исторический и политический опыт.

Социально-экономические преобразования, цели и задачи модернизации достаточно очевидны – достижение Россией высокого уровня экономического развития и качества жизни. В этом случае появляется противоречие между модернизацией и изменением в этом процессе национальных традиций. Консерваторы в большинстве своём понимают модернизацию как глубокие позитивные изменения, но это не совсем так, ибо модернизация означает реализацию общества *modernity*, характеризующегося рыночной экономикой, отделением гражданского общества от государства, демократической формой правления, тяготеющего если не к американскому, то к европейскому образцу, что уже неминуемо происходит со странами, вставшими на путь модернизации.

По вопросам формы правления и административно-территориального устройства (АТУ) консервативное движение также расколото: часть из них выступает за тот или иной вариант монархического правления, хотя в основном современные отечественные консерваторы придерживаются демократического принципа и республиканской формы правления. В области АТУ консерваторы по большей части придерживаются возвращения России к имперскому типу нацистроительства и государствообразования. Но в современном мире российские консерваторы считают, что в процессе политического самоопределения России предстоит стать не новой империей, а, подобно наиболее развитым странам мира, – нацией-государством, представляющим собой сплав различных этносов, объединённых общей экономикой, культурой и политическими отношениями.

Демократия как форма общественно-политического устройства по-разному понимается консерваторами. Либеральные консерваторы считают её самоцелью, социал-консерваторы говорят о глубоких русских демократических традициях, православные неотрадиционалисты нейтрально относятся к демократии, а монархисты и национал-консерваторы вообще полагают, что демократия непосредственно может реализоваться только на уровне местного самоуправления.

Внешняя политика России всегда была для российских консерваторов основной темой их мировосприятия. Здесь также разнородная палитра представлений о будущем международном положении России. Например, либерал-консерваторы выступают за многополярный мир с тесными контактами с Европой и США; национал-консерваторы и монархисты считают необходимым возвращение России к принципам национальной имперской внешней политики; православные традиционалисты ратуют за религиоз-

ную и культурную миссию России, а российские «новые правые» призывают к восстанию в союзе с Европой против США.

Главный метафизический, историко-культурный вопрос «Что такое Россия?» приводит в замешательство некоторых консерваторов. Здесь мнения расходятся, начиная от социального светского государства, с одной стороны, и утверждением особой миссии Русской цивилизации – с другой, и заканчивая «государством Абсолютной Идеи», что, конечно, порождает многие проблемы для консерваторов в восприятии России как страны.

Мы выделяем семь основных консервативных направлений в «едином» консервативном направлении. Критерием классификации выступает степень укоренённости Традиции в современном мире и социально-политических отношениях. Для начала поясним следующее:

1. Существование левого консерватизма бесспорно, ибо он ориентируется на идеалы социальной справедливости, преимущественно опираясь на социал-демократические и советские ценности.

2. Некоторые направления русского консерватизма тяготеют к центризму, но, придерживаясь линии рассуждений М. Дюверже, мы утверждаем, что может быть либо левый, либо правый консерватизм с различными направлениями, центризм считается лишь собирательным понятием.

3. Традиция носит не только интегральный философский, религиозный, историко-культурный, но и общественно-политический характер, что показывает степень отношения общества и государства, в том числе консерваторов, к ней. Соотношение Традиции и современного мира размывает единое консервативное движение.

4. Большую значимость для классификации определяют основные истоки мировоззрения того или иного направления русского консерватизма.

Итак, представим семь направлений консерватизма в рамках право-левого спектра «слева направо» (см. таблицу).

1) *Социальный консерватизм*. Основами мировоззрения считается европейская социал-демократия; русский консерватизм; европейский социал-консерватизм. Представители данного направления считают приоритетной социальную политику, основанную на принципах социальной справедливости и заботе государства о незащищённых слоях населения. Кроме того, социал-консерваторы выступают за совмещение социальной справедливости с национальными традициями. Культурное противоречие сводится к тому, что на практике консерватизм воспроизводит советские либо социал-демократические ценности.

Показатель	Направления консервативной общественно-политической мысли						
	Социальный консерватизм	Либеральный консерватизм	Неоевразийство	Национал-консерватизм	Православный неотрадиционализм	Консервативно-монархическое направление	Российские «новые правые»
Представители	М. Леонтьев, Л. Поляков, Г. Габриелян, В. Мединский, Н. Михалков	А. Макаров, А. Малер, А. Дворкин, В. Фадеев	А. Панарин, А. Дугин, В. Кожин, З. Юзбеков, В. Ермолаев, Е. Хилтухина	В. Махнач, Е. Холмогоров, А. Савельев, С. Пыхтин, К. Крылов, Д. Володихин, В. Аверьянов, И. Артёмов	В. Легойда, А. Осипов, К. Корепанов, И. Айвазов, Р. Конь, А. Волков, М. Дунаев, Т. Грачёва	Н. Лукьянов, А. Чуев, Д. Меркулов, К. Немирович-Данченко, В. Кудрявцев, В. Захаров, В. Аксютин, Г. Фёдоров, А. Турик	А. Дугин, Е. Семеняка, А. Волошин, М. Борозенец, О. Фомин, С. Кардинская, Э. Юрченко, Н. Сперанская, А. Мухиэддин, М. Мусин, Г. Джемаль, А. Буранчин
Основы мировоззрения	Европейская социал-демократия; русский консерватизм; европейский социал-консерватизм	Политическая экономия; национал-либерализм; умеренный консерватизм	Почвенничество; евразийство; геополитика; пассионарная теория этногенеза Л. Гумилёва	Русский консерватизм XIX – начала XX в.; национализм; православный традиционализм	Священное Писание и Священное Предание; Русское богословие; концепция «Москва – Третий Рим»	Русский консерватизм XIX – начала XX в.; теория «официальной народности»; концепции народной монархии Л. Тихомирова, И. Ильина, И. Солоневича	Философия традиционализма Р. Генона и Ю. Эволя; германская «консервативная революция» 1920-х гг.; евразийство; европейские «новые правые»; геополитика (особенно труды К. Хаусхофера, К. Шмитта)
Основной концепт	Справедливость	Свобода	Евразия	Нация, народ и их традиции	Святая Русь (святость)	Святая Русь (святость)	Абсолютная Идея Интегральной Традиции
Всеобъемлющая Традиция	Человек, общество, государство	Естественное право; общечеловеческие ценности вместе с национальными особенностями стран	Россия – наследница великой империи Чингисхана	Священная государственность	Православное христианство; «Москва – Третий Рим»	Православие, Самодержавие, Народность	Традиция – передача сакрального эзотерического знания и практик, обладающих онтологическим статусом канала восхождения, и к совокупности основанных на сакральном опыте форм культуры и социальной организации
Что такое Россия?	«Сердце Евразии»	Европейская страна	Россия-Евразия – Ойкумена (Большое пространство, исторически сложившееся и необходимое)	«Третий Рим», Русская цивилизация, православная страна	«Третий Рим»	Православное царство	«Федеральная Империя», «Большое пространство», «Государство Абсолютной Идеи»

Показатель	Направления консервативной общественно-политической мысли						
	Социальный консерватизм	Либеральный консерватизм	Неоевразийство	Национал-консерватизм	Православный неотрадиционализм	Консервативно-монархическое направление	Российские «новые правые»
Прошлое до 1917 г.	Неоднозначное, но необходимо взять всё лучшее из российской дореволюционной практики	Недостаток свободы	Просчёты власти, особенно в I Мировой войне	Напрасное отречение Николая II	Упадок в обществе православной веры, ставший главной причиной революции	Преимущественно положительные результаты; не существовало объективных причин для революции	Внешние черты имперского величия при неэффективной деятельности правящего класса
Революция 1917 г.	Отрицательно, несмотря на то, что царский режим исчерпал себя	Революция прервала демократические тенденции в России (Гос. Дума, Учредительное Собрание)	Национальные корни октябрьской революции	Отрицательно (прервалось эволюционное развитие общества)	Революция произошла с точки зрения промысла Божия; духовные корни революции	Революция нелегитимна; отречение Николая II выглядит сомнительным; монархический строй до сих пор существует на законных основаниях	Революцию сделали левые силы, отчего не произошло консервативной революции. Народный характер революции, которую нужно было преобразовать в национальную, а не социалистическую. Революция – новый этап развития России
Продолжил ли СССР национальные традиции?	Социальная политика; национальная политика	Формальные демократические тенденции в сочетании с тоталитарным режимом	Сохранение и развитие территории; поворот к национализму при Сталине; связь между собой евразийских народов	Народ, но не государство, был носителем традиций	Народ по-прежнему оставался верующим; некоторые послабления со стороны власти на разных этапах были сделаны	Незаконная антихристианская власть не имела корней в народе; СССР – «мёртворождённое существо»	СССР оставался империей; проводил активную внешнюю политику, причём славянскую по существу («социалистический лагерь»)
Развал СССР	Разрушение постсоветского пространства, социально-экономические негативные последствия	Отрицательно, но Россия – новое государство, и потому должно развиваться отдельно	Разрушение веками создаваемого евразийского проекта	Исчезновение территории исторической России	Отрицательно, ибо это принесло множество страданий для отделившихся народов	Потеря территорий исторической России; позитивная оценка крушения коммунистического режима	Победа талассократии над теллуократией, мировая геополитическая катастрофа
Преемственность поколений	Да	Да	СССР проводил подлинную евразийскую политику. Это нужно продолжать и сейчас	Частичная, но, в сущности, достижениям, сделанным при советской власти, отводится малое значение	Остается, несмотря на отрицательные явления советской эпохи	Против преемственности поколений в лице СССР; данный период истории почти исключается	Есть преемственность, поскольку советское общество во многом воспроизводило старые схемы

Показатель	Направления консервативной общественно-политической мысли						
	Социальный консерватизм	Либеральный консерватизм	Неоевразийство	Национал-консерватизм	Православный неотрадиционализм	Консервативно-монархическое направление	Российские «новые правые»
Человек	Центр традиционных ценностей общества	Гражданин с наборов естественных и гражданских прав	Сочетание славянского и туранского элемента даёт евразийскую личность с особым психическим складом	Духовно-социальная личность	Духовно-социальная личность	Духовно-социальная личность	Радикальный субъект
Семья	Социально-экономическая помощь семье: строительство жилья, материнский капитал	Семейные ценности – опора общества; главная экономическая единица	Евразийская семья российско-евразийского будущего	Права семьи вместо прав человека	Православная семья	Православная семья в сочетании с русскими национальными традициями	Семья – главный признак растворения человека в коллективе и мире Традиции
Государство, власть	Государство для человека; сочетание и взаимовлияние власти, бизнеса и общества	Повышенное внимание к гражданскому обществу	Государство обеспечивает социальную гармонию; сильная власть	Возможность и неизбежность переходной национальной диктатуры	Священная государственность	Священная государственность	Идеократическое государство Абсолютной Идеи
Отношение к демократии	Положительно	Положительно	Демократические традиции существуют в России	Демократия возможна на уровне МСУ	Форма правления не имеет значения, и при демократии человек может спасти свою душу	Демократические элементы – часть национальной традиции; Россия – монархическая и демократическая страна одновременно	Демократические традиции в России имеются, и их необходимо перевести в демотию – органическую демократию
Форма правления	Республика, демократическая форма правления	Республика, демократическая форма правления	Демотия, идеократический этатизм	Конституционная монархия	Не имеет особого значения, лишь бы не тоталитарный строй	Православная самодержавная монархия	Идеократия
Административно-территориальное устройство	Федерация	Федерация	Империя, но, по сути, это носит смысл Федерации	Империя	Или федерация, или империя	Империя	Империя как «большое пространство»
Нация	Единая российская нация	«Россияне»	Евразийский народ	Русский народ, из которого складывается русская нация	Русская православная нация	Русская православная нация	Русская нация, понимаемая преимущественно расово
Статус русского народа	Значимость русского народа, его вклад в строительство единой российской нации	Равенство всех народов	Народ, оставшийся без государства, забывающий свою историю; нужно помнить о значимости туранского элемента	Государствообразующий статус	Русский народ больше всех пострадал в истории и современности	Имперский этнос	Цивилизационная миссия русского народа

Показатель	Направления консервативной общественно-политической мысли						
	Социальный консерватизм	Либеральный консерватизм	Неоевразийство	Национал-консерватизм	Православный неотрадиционализм	Консервативно-монархическое направление	Российские «новые правые»
Православие и роль других религий	Особая роль православия при значении других конфессий; отделение Церкви от государства	Равенство всех религий перед законом; отделение Церкви от государства	Особый статус Православия вместе с традиционными религиями народов	Ведущая роль православия в истории России и современном положении дел	Ведущая при учёте диалога с другими религиями	Православие – главенствующая, государствообразующая религия	Повышенное внимание к исламу; старообрядческий и единоверческий варианты православия
Экономика	Социально ориентированная рыночная экономика	Инновационная рыночная экономика	Национал-капитализм в сочетании с плановой экономикой	Национальная экономика с приоритетом аграрного хозяйства	Сочетание духа и материи в хозяйстве, национал-капитализм, ценностно ориентированная рыночная экономика	Многоукладная, социал- и национал-капитализм, рыночная экономика	Конец экономики, начало новой эры, необходимо создавать новое направление
Отношение к прогрессу	Нормальное	Положительное	Прогресс – это иллюзия	НТП создаёт иллюзию прогресса, неся в себе негативные духовные последствия	НТП создаёт иллюзию прогресса, неся в себе негативные духовные последствия	НТП создаёт иллюзию прогресса, неся в себе негативные духовные последствия	Иллюзия прогресса, он ведёт к деградации, основываясь на философии традиционализма
Модернизация (цель)	Устойчивое развитие	Экономика знаний	Сохранение и улучшение евразийского пространства; возвращение конкурентоспособности с Западом	Улучшение социально-экономических условий жизни русского народа, не идущее вразрез с национальными традициями	Модернизация не должна приводить к отрицательным последствиям; улучшение состояния человека	Повышение материального благосостояния	Модернизация ради консервативной революции, где радикальный субъект резко поворачивает в сторону структуры
Геополитика	Многополярность	Контакты с Европой	Евразийская миссия; Россия должна быть одним из главных центров многополярного мира	Возвращение к принципам имперской внешней политики	Религиозная и культурная миссия России	Восстановление исторической России; религиозная миссия империи	Восстание в союзе с Европой против США
Отношения с Западом	«Здоровый диалог»	Сотрудничество с Западом, не нужно противопоставлять себя Западу	Критика западной либеральной демократии; против гегемонии Запада	Отрицательное отношение с духовно-нравственных позиций	Критика с духовной точки зрения	Отрицательно	Союз с Европой против США
Культурное противоречие современности	На практике консерватизм воспроизводит левые ценности, преимущественно как это было в СССР	Синкретизм либеральных и консервативных ценностей, мало духовности – базового положения консерватизма	Соотношение России и Евразии, русской и евразийской идентичности	Подлинные русские национальные ценности оказываются мало востребованными в современном мире	Православие остаётся во многом не понятым современными людьми (противоречие их восприятия)	В глобальном меняющемся мире самодержавная монархия практически означает полную изоляцию, причём Запад отвернётся от России первым, нежели она	Неоязычество, старообрядчество, единоверие, оккультизм; «зотерический традиционализм» вместо декларируемого православия

2) *Либеральный консерватизм*. Теоретические истоки взглядов либерал-консерваторов основаны на западной политической экономии, национал-либерализме и умеренном консерватизме. Это сторонники идеи естественного права, общечеловеческих ценностей с опорой на национальные. Культурное противоречие – синкретизм либеральных и консервативных ценностей; малое значение придаётся духовному фактору в жизни общества.

3) *Неоевразийство*. Фундаментом консервативного понимания неоевразийства являются почвенничество, евразийство, геополитика, пассионарная теория этногенеза Л. Гумилёва. Неоевразийцы считают себя приверженцами исторического наследия России в качестве ядра великой империи Чингисхана. Культурное противоречие в современном мире проявляется в неясном соотношении России и Евразии, русской и евразийской идентичности.

4) *Национал-консерватизм*. Истоками данного мировоззрения являются русский консерватизм XIX – начала XX в., национализм, православный традиционализм. Основной ценностью признаётся русский народ, его история, культура и проблемы его существования в современных российских реалиях. Культурное противоречие современности выражается в том, что подлинные русские национальные ценности оказываются мало востребованными в современном мире.

5) *Православный неотрадиционализм*. В основе мировоззрения находится Священное Писание и Священное Предание; Русское богословие; концепция «Москва – Третий Рим». Интегральная ценность заключена в православном христианстве и православном царстве Третьего Рима. Культурное противоречие современности связано с тем, что православие во многом не соразмерно организации сознания и быта «современного человека» современными людьми (так называемое противоречие восприятия), что во многом связано с традиционализмом РПЦ.

6) *Консервативно-монархическое направление*. Основу мировоззрения составляют русский консерватизм XIX – начала XX в.; теории «официальной народности» и народной монархии. Традиция консервативно-монархического дискурса выражается в приверженности ценностям Православия, Самодержавия и Народности, а также в принципе священной государственности.

Культурное противоречие современности: в глобальном меняющемся мире самодержавная монархия означает практически полную изоляцию, причём Запад может отвернуться от России первым.

7) *Российские «новые правые»*. Основы мировоззрения заложены философией традиционализма Р. Генона и Ю. Эвола, германской «консервативной революцией», евразийством, европейскими «новыми правыми», геополитикой, в особенности немецкой (К. Хаусхофер, К. Шмитт). Государство представляется в качестве «Большого пространства Абсолютной Идеи». Культурное противоречие современности – ссыла на «революционный потенциал» старообрядчества, оккультизм, «эзотерический традиционализм» вместо декларируемого Православия.

Таким образом, мы наблюдаем теоретическую, концептуальную разобщённость консервативных направлений общественно-политической мысли в современной России, связанную с контекстуальностью консервативных идей как осмысленного употребления той или иной конкретной языковой единицы в речи с учётом её языкового окружения и системы коммуникаций в условиях динамично развивающегося современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Грачёва Т. В.* Невидимая Хазария: алгоритмы геополитики и стратегии тайных войн мировой закулисы. Рязань : Зёрна, 2009. 400 с.
- [2] *Дугин А. Г.* Дефиниции консерватизма (современная идентичность России) // Центр консервативных исследований. URL: <http://konservatism.org/regions/rostov/210409122259.xhtml> (дата обращения: 13.02.2012).
- [3] Интервью Святейшего Патриарха Алексия телеканалу «Россия» // Православная газета Екатеринбургской епархии. URL: <http://orthodox-newspaper.ru/numbers/at47697> (дата обращения: 25.03.2012).
- [4] *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 693 с.
- [5] *Пантелеев С.* Современный русский консерватизм: история и перспективы. URL: <http://conservatism.narod.ru/pant/pant.doc> (дата обращения: 09.04.2012).
- [6] *Рябых Ю. А.* Политические партии России и Русская православная церковь // Экономика. Социология. Менеджмент : Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/11/1269111989/7.pdf> (дата обращения: 01.05.2012).

УДК 327.7

Д.В. Малов

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ АФРИКИ В 1990–2012 гг.

Анализируется практика применения ООН принципа равноправия и самоопределения народов при урегулировании этнических конфликтов на территории Африки. Исследуется специфика применения данного принципа в отношении колониально зависимых народов, народов, находящихся под иностранным господством и оккупацией, коренных народов и народов мира.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, принцип равноправия и самоопределения народов, принцип суверенного равенства государств, народы мира, коренные народы, колониально зависимые народы.

В настоящее время за Африкой прочно закрепилась репутация самого конфликтного региона на нашей планете. Так, за последние сорок лет на континенте прошло более десяти гражданских войн, совершено около ста военных переворотов, зарегистрировано одиннадцать случаев геноцида и массового политического террора [1]. Столь высокая степень конфликтности региона обусловлена комплексом факторов, важнейшие из которых:

- исторически сложившиеся враждебные межэтнические (межплеменные) отношения;
- несоответствие государственных границ этнолингвистическим;
- борьба различных акторов за природные ресурсы региона [2].

Низкий уровень социально-экономического развития стран Африки и отсутствие культуры демократического управления являются основными причинами эскалации этнических конфликтов до уровня вооруженного противостояния. С одной стороны, этнические группы, компактно проживающие на территории государств, в условиях несправедливого распределения ресурсов рассматривают автономизацию как единственно возможный и необходимый инструмент обеспечения своего достойного существования. С другой стороны, специфика политического устройства африканских государств не позволяет обеспечить реальную автономию территориального образования. В результате повстанцы вынуждены добиваться создания своего собственного независимого государства, что, как правило, сопровождается вооруженным противостоянием указанных выше сторон. Зачастую подобные конфликты невозможно урегулировать без привлечения в качестве посредника третьей стороны. Современное международное право предписывает Организации Объединенных Наций роль такого посредника. Так, в соответствии с уставом, деятельность ООН преследует следующие цели:

- поддержание международного мира и безопасности;
- развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов;
- осуществление международного сотрудничества в решении международных проблем;
- согласование действий наций [3].

Другими словами, урегулирование этнических конфликтов должно осуществляться в соответствии с принципом равноправия и самоопределения народов [4]. Анализ документов основных органов ООН позволяет

утверждать, что принцип равноправия и самоопределения народов имеет различное наполнение по отношению к четырем типам субъектов: коренным и малочисленным народам, народам мира, колониально зависимым народам, народам, находящимся под иностранным господством или иностранной оккупацией. В первых двух случаях ООН гарантирует народам защиту лишь от любых видов дискриминационной политики, что на практике означает предоставление им определенной степени автономии в рамках уже существующего суверенного государства [5]. В отношении двух других ООН допускает создание собственного независимого государства [6]. Учитывая вышесказанное, считаем также необходимым изучить практическую деятельность ООН по урегулированию этнических конфликтов в Африке в 1990–2012 гг. (в период трансформации системы международных отношений) на основе принципа равноправия и самоопределения народов.

Реализация принципа равноправия и самоопределения народов, находящихся под колониальной зависимостью (на примере ситуации с Сахарской Арабской Демократической Республикой)

Рассмотрим, как происходит процесс урегулирования конфликтов с участием народов, находящихся под колониальной зависимостью. Как уже было сказано выше, колониально зависимые народы, согласно позиции ООН, имеют неоспоримое право на внешнее самоопределение. Именно во исполнение данного принципа во второй половине XX в. на карте африканского континента появилось около пятидесяти новых независимых государств, отделившихся от своих метрополий. Но, несмотря на столь масштабные темпы деколонизации, к 1990 г. на территории африканского континента еще оставались две не обретшие суверенитета колонии – Намибия и Западная Сахара. Первая получила независимость и была признана ООН 21 марта 1990 г., вторая остается частично признанным государством и до настоящего времени. Учитывая, что процесс обретения независимости народом Намибии имел место преимущественно до рассматриваемого нами периода, остановимся более подробно на рассмотрении механизма реализации ООН принципа равноправия и самоопределения в отношении народа Западной Сахары.

Западная Сахара – бывшая испанская колония. ООН заявила о праве народа Западной Сахары на самоопределение и независимость в 1966 г. [7], а испанская метрополия признала это право в 1973 г. [8] В этом же году на территории бывшей колонии был создан Народный фронт освобождения Сегиет эль-Хамра и Рио-де-Оро (Фронт ПОЛИСАРИО), получивший в 1979 г.

статус единственного легитимного представителя народа Западной Сахары [9]. Параллельно с переговорным процессом о предоставлении испанской колонии независимости в соседнем Марокко шла активная подготовка к оккупации данной территории. Так, в 1974 г. король Марокко Хасан II обратился в Международный суд с целью подтвердить права своего королевства на территорию Западной Сахары. После того как суд счел притязания короля безосновательными [10], Хасан II с помощью так называемого Зеленого марша мирно оккупировал указанную территорию 6 ноября 1975 г. В ответ на это 26 февраля 1976 г. Испания заявила о завершении своего присутствия на территории Сахары, днем позже Фронт ПОЛИСАРИО провозгласил создание независимой Сахарской Арабской Демократической Республики (далее – САДР), а на территории Западной Сахары началось перманентное вооруженное противостояние, продолжившееся вплоть до 1991 г.

Несмотря на то что ООН в самом начале заявила о всесторонней поддержке народа Западной Сахары в борьбе за независимость, ее вклад в урегулирование данного конфликта практически равен нулю. Генеральная Ассамблея недвусмысленно заявила, что рассматриваемая ситуация является вопросом деколонизации [11] и подлежит скорейшему урегулированию с учетом устремлений народа Западной Сахары, выраженных посредством референдума. Впервые ООН заявила о необходимости проведения референдума в 1966 г. [12], в середине 1980-х обе стороны конфликта дали принципиальное согласие на его проведение, а в 1991 г. была учреждена Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС) [13]. Несмотря на это, референдум не был проведен и до настоящего времени. По нашему мнению, препятствиями для организации и проведения референдума послужили:

- принципиальная позиция Марокко, предполагающая предоставление САДР лишь автономии в рамках единого государства;

- отказ Фронта ПОЛИСАРИО рассматривать любые альтернативные варианты решения вопроса, кроме создания нового независимого государства;

- сложности с определением численного состава участников референдума¹;

- декларативный характер заявлений ООН, не подкрепленных реальными действиями и носящих де-факто необязательный для исполнения характер.

В период с 1965 г. Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности ООН было принято более ста резолюций, опубликовано свыше восьмидесяти докладов Генерального секретаря ООН, разработано несколько планов по урегулированию проблемы За-

падной Сахары. Также в этот период при непосредственном участии ООН удалось получить следующие результаты:

- достигнуто и воплощено в жизнь выполняющееся и по сей день соглашение между Фронтом ПОЛИСАРИО и Королевством Марокко о прекращении огня [14];

- достигнуто соглашение относительно освобождения всех военнопленных;

- под контроль ООН взята ситуация с беженцами;

- ведется активная работа ООН в области обеспечения защиты прав человека на территории Западной Сахары.

Следует отметить, что в вопросе относительно предоставления независимости народу Западной Сахары позитивных изменений практически не наблюдается. Так, в 2006 г. в своем докладе Совету Безопасности ООН Генеральный секретарь прямо заявил, что все предыдущие попытки Организации по разработке плана урегулирования проблемы Западной Сахары провалились, а надежда на решение данной проблемы подобным способом отсутствует. В результате, по словам Генерального секретаря, ООН «отходит на один шаг назад» и возлагает всю ответственность по поиску выхода из сложившейся ситуации непосредственно на конфликтующие стороны [15]. Это решение обусловлено существованием на протяжении уже не менее 20 лет непримиримых, полностью противоположных позиций Королевства Марокко (готовых предоставить лишь автономию САДРу в составе своего государства) и Фронта ПОЛИСАРИО (согласных только на создание своего собственного государства). В итоге Марокко фактически отрицает возможность проведения референдума на территории Западной Сахары, что является грубейшим нарушением принципа равноправия и самоопределения народов и заводит в тупик переговоры под руководством ООН. Генеральный секретарь надеется, что достигнуть компромисса можно лишь путем проведения многоступенчатых неформальных переговоров непосредственно между сторонами конфликта при участии в них в качестве наблюдателя Личного посланника Генерального секретаря ООН в Западной Сахаре. Важно, что ООН, согласно официальным документам, преследует цель предоставить возможность народу Западной Сахары осуществить свое право на самоопределение [16], ограничивая свои конкретные действия лишь решением проблем в сфере прав человека и контролем за выполнением соглашения о прекращении огня между сторонами [17].

Подводя итог, можно сказать, что Организация Объединенных Наций в рассматриваемый нами период не способна обеспечить соблюдение одного из основных принципов международного права, гарантирующего равноправие и самоопределение

колониально-зависимым народам. Ограничившись миротворческими функциями, Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре лишь снизила градус противоречий в регионе. Это, в свою очередь, привело к ослаблению внимания международного сообщества к указанной проблеме и, как следствие, к невозможности выработки единой принципиальной позиции Совета Безопасности ООН по данному вопросу. Считаем, что ситуация в Западной Сахаре будет оставаться тупиковой до тех пор, пока она не станет представлять угрозу международному миру и безопасности.

На сегодняшний день Западная Сахара имеет статус самоуправляющейся территории [18] с общей площадью 266 тыс. кв км и населением около 1 млн чел. Образованная на ней Сахарская Арабская Демократическая Республика признана и имеет дипломатические отношения с 50 государствами мира. Двадцать четыре государства поддерживают право народа Западной Сахары на самоопределение, а тридцать три – суверенитет Марокко над данной территорией. Перспективы признания независимости Сахарской Арабской Демократической Республики в настоящее время отсутствуют.

Реализация принципа равноправия и самоопределения народов, находящихся под иностранным господством и иностранной оккупацией (на примере ситуаций с Эритреей и Южным Суданом)

Немного по-другому обстоит дело с применением на практике принципа равноправия и самоопределения народов, находящихся под иностранным господством и иностранной оккупацией. Под такими народами мы будем понимать исторически сложившуюся общность людей, имеющих собственную государственность (систему органов самоуправления), проживающих на территории другого (других) суверенного государства, представители которой находятся в угнетенном положении по отношению к остальной части населения. Таким образом, под данное определение подпадают народ Эритреи и народ Южного Судана, получившие независимость в рассматриваемый нами период.

Эритрея – беднейшее государство мира, бывшая итальянская, а позже британская колония, в 1952 г. получившая независимость и по решению ООН вошедшая в состав Федерации Эфиопии и Эритреи [19]. В том же году был создан Фронт освобождения Эритреи – сепаратистское движение, требующее отделения от Эфиопии. В начале 60-х гг. XX в., когда новый император Эфиопии лишил Эритрею автономии, на территории началась тридцатилетняя война за независимость. Протекавшее с различной степенью интенсивности вооруженное про-

тивостояние в итоге вынудило Эфиопию уступить сепаратистам.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что ООН до последнего момента не принимало участия в указанном конфликте. Более того, Организация даже не высказывала своей позиции по данному вопросу. В итоге все участие Организации в процессе «урегулирования» Эфиопо-эритрейского конфликта свелось к созданию по просьбе самой Эритреи Миссии наблюдателей ООН по контролю за проведением референдума [20], который был проведен в 1993 г. В результате в Африке появилось еще одно беднейшее, но независимое государство [21]. Вызывает интерес та оперативность, с которой ООН смогла организовать необходимые процедуры: 5 апреля 1993 г. Генеральная Ассамблея приняла решение о создании Миссии по контролю за проведением референдума, 23–25 апреля он был проведен, а уже 28 мая Эритрея стала полноправным членом ООН. Следует обратить внимание еще на один факт – в своих немногочисленных резолюциях, посвященных Эфиопо-эритрейскому конфликту, ООН ни разу не упомянула о праве народа Эритреи на самоопределение.

Не менее интересным является пример борьбы за независимость народа Южного Судана. Южный Судан – второе (после Эритреи) признанное мировым сообществом независимое государство на африканском континенте, возникшее после распада биполярной системы международных отношений. Признанию независимости нового государства предшествовали две гражданские войны в Судане (1955–1972 гг. и 1983–2005 гг.), которые, в свою очередь, завершили процесс институционализации надэтнических общностей, сформировавшихся в результате многовекового противостояния населения северных и южных территорий Судана [22]. Причинами войн послужили систематические попытки Хартума лишить Южный Судан автономии, политика насильственной исламизации христианского и анимистского юга страны, стремление обеих сторон получить контроль над полезными ископаемыми, находящимися на границе двух территорий.

В итоге заключенное в июле 2005 г. Всеобъемлющее мирное соглашение между правительством Республики Судан и Народно-освободительной армией (движением) Судана [23] юридически закрепило право народа Южного Судана на самоопределение. По результатам предусмотренного соглашением референдума, состоявшегося в январе 2011 г., Южный Судан был признан международным сообществом как независимое суверенное государство. Суверенитет Южного Судана распространяется на всю его территорию и ресурсы, расположенные на ней.

Следует отметить, что и в этом случае ООН подключилась к процессу урегулирования конфликта лишь на завершающей стадии. Не участвуя в процессе примирения правительства страны и Народно-освободительной армии (движения) Судана (далее – НОАС) и не давая никаких политических и правовых оценок сложившейся ситуации, Генеральная Ассамблея лишь в 1993 г. «озабочилась» гуманитарным измерением данного конфликта [24]. В течение следующего десятилетия ООН лишь ограничивалась рекомендациями для правительства Судана относительно принятия необходимых мер для нормализации ситуации в области прав человека [25].

Ситуация изменилась после подписания сторонами конфликта 20 июля 2002 г. Мачакосского протокола – первого документа Всеобъемлющего мирного соглашения между правительством Республики Судан и НОАС². Сразу после этого ООН активно включилась в процесс постконфликтного миростроительства. Так, 18 ноября 2002 г. она подписала соглашение со сторонами конфликта о регулярном предоставлении Судану помощи в гуманитарной сфере [26], а через два года Совет Безопасности ООН своей резолюцией учредил Передовую группу ООН в Судане (ПГООНС) [27]. Через год Совет Безопасности оценил ситуацию в Судане как угрожающую международному миру и безопасности, отозвал ранее созданную ПГООНС и учредил Миссию ООН в Судане (МООНВС), существенно расширив, в соответствии с VII главой Устава ООН, ее полномочия [28].

По нашему мнению, признание в 2005 г. ситуации в Судане угрожающей международному миру и безопасности (даже учитывая роль ситуации в Дарфуре) выглядит, по крайней мере, странно, ибо оно имело место ровно через три года после подписания мирного соглашения, ознаменовавшего собой завершение двадцатилетнего вооруженного противостояния. Недоумение вызывает также десятилетнее молчание и двадцатилетнее бездействие ООН, в то время как даже по озвученным в 2004 г. данным Генерального секретаря в результате гражданских войн в Судане более 2 млн человек погибли, 4 млн пришлось покинуть родные дома, а 600 тыс. были вынуждены искать убежища за границей [29].

В итоге ООН взяла на себя функции по контролю и обеспечению исполнения заключенного без ее участия Всеобъемлющего мирного соглашения, тем самым подтвердив готовность обеспечить:

- контроль за соблюдением соглашения о прекращении огня;
- контроль за передвижением вооруженных групп и оборотом оружия;
- помощь в осуществлении программы разоружения, демобилизации и реинтеграции комбатантов, репатриации беженцев;

– организацию просветительской деятельности в области демократии и прав человека;

– помощь в создании демократических органов власти и управления;

– помощь в организации выборов и референдумов.

Безусловно, важна роль ООН в процессе претворения в жизнь положений Всеобъемлющего мирного соглашения. Однако возникает вопрос: руководствовалась ли ООН в данном процессе стремлением обеспечить исполнение принципа равноправия и самоопределения народов? Проанализировав документы Организации по проблеме Южного Судана, мы обнаружили, что:

– Генеральная Ассамблея ООН, так же как и Генеральный секретарь, не руководствовались в данном случае принципом равноправия и самоопределения народов;

– Совет Безопасности ООН в каждой своей резолюции подтверждал свою приверженность суверенитету, единству, независимости и территориальной целостности Судана;

– Совет Безопасности ООН, ссылаясь на положения Всеобъемлющего мирного соглашения, косвенно подтверждал право народа Южного Судана на самоопределение посредством проведения референдума.

Таким образом, мы утверждаем, что ООН в процессе урегулирования Суданского конфликта руководствовалась в своих действиях, скорее, стремлением устранить угрозу международному миру и безопасности, нежели принципом равноправия и самоопределения народов. Данный тезис подтверждается и на примере ситуации с Эритреей, где в отсутствие подобной угрозы народ, желающий осуществить свое право на самоопределение, был вынужден в течение тридцати лет самостоятельно бороться за соблюдение гарантированного ООН принципа.

Реализация принципа равноправия и самоопределения коренных народов и народов мира

Под коренными народами и народами мира мы, в соответствии с позицией ЮНЕСКО, будем понимать любую совокупность индивидов, идентифицирующих себя таковыми, проживающих на определенной территории (в случае с коренными народами – на территории суверенного государства) и обладающих общими языком, религией, культурой, историческим самосознанием и т. п. [30] В период с 1990 по 2012 г. на территории Африки имели место около двадцати этнических конфликтов³, одной из сторон в которых были указанные выше народы.

Однако ни одно повстанческое движение не встретило какой-либо поддержки со стороны ООН: фактически принцип равноправия и самоопределения народов в отно-

шении указанных групп не действует. Напротив, в документах, посвященных подобным конфликтам, ООН постоянно подчеркивает приверженность суверенитету, единству и территориальной целостности государств, на территории которых эти конфликты происходят [31]. В своих заявлениях Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и Генеральный секретарь ООН регулярно призывают стороны прекратить вооруженное противостояние и сесть за стол переговоров. Также ООН требует от государств – участников конфликта создания необходимых условий для удовлетворения жизненных потребностей всех без исключения этнических групп, проживающих на их территории. Одновременно с этим Организация, как правило, не дает никаких политических оценок действиям и намерениям враждующих сторон. Напротив, по мнению Генерального секретаря ООН, одной из причин эскалации африканских конфликтов является их чрезмерная политизация [32]. Особое внимание ООН уделяет решению гуманитарных проблем в конфликтных регионах: для этой цели учреждаются специальные миссии ООН по миростроительству, например Миссия ООН в Судане (район Дарфур), Либерии, Кот-д'Ивуаре, Демократической Республике Конго [33]. Основными задачами подобных миссий являются контроль за выполнением соглашений о прекращении огня, распространением вооружения, содействие в процессе разоружения, демобилизации и реинтеграции комбатантов, репатриации беженцев и т. п.

Проанализировав все вышесказанное, можно сделать вывод, что ООН в процессе урегулирования этнических конфликтов сепаратистского типа на территории Африки в 1990–2012 гг. фактически не руководствуется принципом равноправия и самоопределения народов. Ни в одном документе, посвященном таким конфликтам, данный принцип ни разу не использовался как санкционирующий какие-либо действия. Согласно позиции ООН, единственно возможным способом урегулирования данного типа конфликтов являются непосредственные либо опосредованные переговоры враждующих сторон. Ролью ООН в процессе урегулирования является лишь посредничество при переговорах, помощь в организации процедур волеизъявления народов, контроль за исполнением договоренностей и нормализация гуманитарной ситуации в зоне конфликта. Заметим, что на практике даже признание конфликтной ситуации угрожающей международному миру и безопасности, по сути, не меняет позицию ООН относительно стремящихся к самоопределению народов. Очевидно, что ООН в своей политике в период трансформации системы международных отношений стремится сохранить статус-кво на политической карте

Африки. Считаем, что признание ООН нового государства в настоящее время возможно лишь в случае самостоятельно достигнутой договоренности об этом между самоопределяющимся народом и правительством государства, от которого данный народ желает отделиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Так, последняя перепись населения на территории Западной Сахары проводилась в 1974 г., а данные о его численности на сегодняшний день просто отсутствуют.
- ² Следует отметить, что соглашение было подписано без какого-либо участия ООН.
- ³ Напр.: гражданские войны в Сомали, конфликт на севере Мали, конфликт на острове Анжуан.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Сумбатян Ю. Г.* Африку раздирают военные конфликты. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2003-05-30/2_africa.html (дата обращения: 22.10.2012).
- [2] *Явкин Н. В.* Сепаратизм и проблемы сохранения единства и целостности государственной территории на африканском континенте // *Аспирантский вестник Поволжья*. 2009. № 1/2. С. 160. URL: http://www.minyaev-foto.ru/issues/2009_1-2/articles/32_yavkin.pdf (дата обращения: 22.10.2012).
- [3] Устав Организации Объединенных Наций. Ст. 1. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/index.shtml> (дата обращения: 22.10.2012).
- [4] Декларация «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций». Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №2625 (XXV) от 24 октября 1970 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 22.10.2012).
- [5] Декларация Организации Объединенных Наций «О правах коренных народов». Принята Резолюцией ГА ООН A/RES/61/295 от 17.03.2008. Ст. 3–4. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/61/295> (дата обращения: 22.10.2012).
- [6] Декларация «О предоставлении независимости колониальным странам и народам». Принята Резолюцией ГА ООН A/RES/1514(XV) от 14.12.1960. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 22.10.2012).
- [7] Резолюция ГА ООН A/RES/2229(XXI) от 20.12.1966 «Вопрос об Ифни и Испанской Сахаре». URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3458\(XXX\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3458(XXX)) (дата обращения: 22.10.2012).
- [8] Резолюция СБ ООН A/RES/3162(XXVIII) от 14.12.1973 «Вопрос об Испанской Сахаре». URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3162\(XXVIII\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3162(XXVIII)) (дата обращения: 22.10.2012).
- [9] Резолюция ГА ООН A/RES/34/37 от 21.11.1979 «Вопрос о Западной Сахаре». URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/34/37> (дата обращения: 22.10.2012).
- [10] Консультативное заключение Международного Суда от 16.10.1975 «Западная Сахара» // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948–1991 г. Нью-Йорк, 1993. С. 125–128. URL: http://www.icj-cij.org/homepage/ru/files/sum_1948-1991.pdf (дата обращения: 22.10.2012).
- [11] Резолюция ГА ООН 40/50 от 02.12.1985 «Вопрос о Западной Сахаре». Ст. 1. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/482/77/IMG/NR048277.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.10.2012).
- [12] Резолюция ГА ООН A/RES/2229(XXI) от 20.12.1966 «Вопрос об Ифни и Испанской Сахаре». URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3458\(XXX\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/3458(XXX)) (дата обращения: 22.10.2012).
- [13] Резолюция Совета Безопасности ООН №690 (1991) от 29.04.1991 «Ситуация относительно Западной Сахары». Ст. 4. URL: [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/690\(1991\)&referer=http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/minurso/&Lang=R](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/690(1991)&referer=http://www.un.org/en/peacekeeping/missions/minurso/&Lang=R) (дата обращения: 22.10.2012).
- [14] Резолюция ГА ООН A/RES/46/67 от 11.12.1991 «Вопрос о Западной Сахаре». URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/46/67> (дата обращения: 22.10.2012).
- [15] Доклад Генерального секретаря ООН S/2006/249 от 12.04.2006 «О ситуации в отношении Западной Сахары». Ст. 38. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2006/249> (дата обращения: 22.10.2012).
- [16] Доклад Генерального секретаря ООН S/21360 от 20.06.1990 «Ситуация в отношении Западной Сахары». URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=s/21360> (дата обращения: 22.10.2012).
- [17] Доклад Генерального секретаря ООН S/2012/197 от 5.04.2012 г. «О ситуации в отношении Западной Сахары». URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2012/197> (дата обращения: 22.10.2012).
- [18] Интернет-ресурс Специального комитета ООН по деколонизации (Специальный комитет 24). URL: <http://www.un.org/ru/decolonization/nonselfgovteritories.shtml> (дата обращения: 22.10.2012).
- [19] Резолюция ГА ООН A/RES/390(V) от 02.12.1950 «Эритрея: доклад...» URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/390\(V\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/390(V)) (дата обращения: 22.10.2012).
- [20] Резолюция ГА ООН A/RES/47/114 от 05.04.1993 «О наблюдении за процессом референдума в Эритрее» URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/47/114> (дата обращения: 22.10.2012).
- [21] Резолюция СБ ООН 828 (1993) от 26.05.1993 «О приеме новых членов ООН (Эритрея)». URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res1993/res828.htm> (дата обращения: 22.10.2012).
- [22] *Сизов С. Г., Малов Д. В.* Историко-культурные и политические факторы межэтнических отношений на территории Северного и Южного Судана // *Вестн. Ом. ун-та*. 2012. № 1. С. 341.
- [23] Всеобъемлющее мирное соглашение между правительством Республики Судан и Народно-освободительным движением (армией) Судана (The Comprehensive Peace Agreement between The Government of The Republic of The Sudan and The Sudan People s Liberation Movement Sudan People s Liberation Army).

- Подписано 9 января 2005 г. г. Найроби (Кения). URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2005/78> (дата обращения: 22.10.2012).
- [24] Резолюция ГА ООН A/RES/47/142 от 01.03.1993 «Положение в Судане». URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/47/142> (дата обращения: 22.10.2012).
- [25] См., напр.: Резолюция ГА ООН A/RES/52/140 от 03.03.1998 «Положение в области прав человека в Судане». URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/52/140> (дата обращения: 22.10.2012).
- [26] Резолюция ГА ООН A/RES/57/230 от 27.02.2003 «Положение в области прав человека в Судане». URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/554/39/PDF/N0255439.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.10.2012).
- [27] Резолюция СБ ООН S/RES/1547(2004) от 11.06.2004 «Ситуация в Судане» URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2004/res1547.htm> (дата обращения: 22.10.2012).
- [28] Резолюция СБ ООН S/RES/1590 (2005) от 24.03.2005 «Ситуация в Судане». С. 1. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2005/res1590.htm> (дата обращения: 22.10.2012).
- [29] Доклад Генерального секретаря СБ ООН S/2004/453 от 03.06.2004 «О ситуации в Судане». Р. II. Ст. 6. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2004/453> (дата обращения: 22.10.2012).
- [30] *Kilcullen J.* Self-determination and the right to establish a government. URL: http://www.mq.edu.au/about_us/faculties_and_departments/faculty_of_arts/mhpir/politics_and_international_relations/staff/john_kilcullen/self-determination_and_the_right_to_establish_a_government/ (дата обращения: 22.10.2012).
- [31] См. напр.: Резолюция СБ ООН S/RES/2056 (2012) от 05.07.2012 г. «Мир и безопасность в Африке». URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2056%20\(2012\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2056%20(2012)) (дата обращения: 22.10.2012).
- [32] Доклад Генерального секретаря ООН A/52/871-S/1998/318 от 12.04.1998 «Причины конфликтов и содействие обеспечению прочного мира и устойчивого развития в Африке». Ст. 12. URL: <http://www.un.org/russian/document/sgreport/africa/africa.htm> (дата обращения: 22.10.2012).
- [33] Операции ООН по поддержанию мира. URL: <http://www.un.org/ru/peacekeeping> (дата обращения: 22.10.2012).

СУЩНОСТЬ И НОРМАТИВНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

Рассматриваются сущность, нормативно-институциональные основы и проблемы государственной политики РФ в области международного усыновления. Анализируются статистические данные в области международного усыновления.

Ключевые слова: дети, оставшиеся без попечения родителей, международное усыновление, государственная политика РФ в области международного усыновления, субъекты, цели и задачи государственной политики РФ в области международного усыновления.

Дети, оставшиеся без попечения родителей, – наиболее уязвимая категория населения; они находятся вне семейной заботы, ласки и тепла. При общей тенденции к уменьшению количества детей-сирот сокращается и динамика устройства детей в семью. По официальным данным Министерства образования и науки РФ, в 2005 г. прибавилось 133 034 сироты, было устроено 103 265 сирот; в 2006 г. – 127 096 и устроено 108 154; в 2007 г. – 124 384 и 124 770; в 2008 г. – 115 627 и 110 494; в 2009 г. – 106 716 и 90 639; в 2010 г. – 93 806 и 75 844 и в 2011 г. – 82 177 и 67 520 соответственно.

Детские учреждения, содержащие сирот, переполнены и нуждаются в финансировании. Наряду с этим растет количество иностранных агентств на территории РФ, готовых устроить наших детей в зарубежные семьи. Таким образом, усиливается и тенденция к увеличению количества иностранных усыновлений с серьезными нарушениями, которые приводят к жестокому обращению с российскими детьми за рубежом. В свою очередь, руки государства связаны отсутствием необходимых нормативно-правовых документов и, соответственно, механизмов контроля над судьбой детей на территории иностранного государства.

В 2004 г. международное усыновление достигло своего пика за всю историю его существования в РФ и превысило внутрисоциальное. В этом же году впервые возникла проблема, когда от рук иностранных усыновителей стали погибать российские дети. Статистика количества международного усыновления, опубликованная Минобрнауки РФ, следующая: в 2004 г. – 9419 человек, 2005 г. – 6904, 2006 г. – 6689, 2007 г. – 4536, 2008 г. – 4132, 2009 г. – 3815, 2010 г. – 3355, 2011 г. – 3400. Вместе с этим есть и отрицательные показатели: за данный период от рук иностранных усыновителей погибло 15 российских детей.

Несмотря на то что усыновление – это возможность максимально улучшить условия жизни ребенка, обеспечить его правильное воспитание и развитие, обращаются к нему в России нечасто. Российские семьи неохотно усыновляют детей в связи со сложным материальным положением, отсутствием поддержки и стимулирующих выплат со стороны государства и иными субъективными обстоятельствами.

Причины увеличения случаев жестокого обращения с российскими детьми за рубежом, невозможность российских семей усыновлять приемных детей кроются в выбранном пути, по которому строится государственная политика РФ в области иностранного усыновления. Государство занято тем, что стремится ограничить и запретить международное усыновление, а не улучшить жизненные условия российских семей и заклю-

читать международные договоры, чтобы защитить усыновленных российских детей, которые уже оказались за границей.

Российским законодательством допускается усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан РФ [1; п. 4 ст. 124]. Международное усыновление (удочерение) является частью семейной политики и, соответственно, государственной социальной политики РФ.

Субъектами формирования и реализации государственной политики РФ в области международного усыновления являются: органы государственной власти федерального и регионального уровня, органы местного самоуправления, институт Уполномоченного по правам ребенка, общественные объединения с соответствующими уставными целями, представители бизнес-структур.

Ключевыми субъектами формирования и реализации государственной политики РФ в области международного усыновления являются: Президент РФ, председатель Правительства РФ, Министерство иностранных дел РФ, Министерство образования и науки РФ, Министерство труда и социальной защиты, а также институт Уполномоченного по правам ребенка.

«Прокладывают рельсы» государственной политики в области международного усыновления Президент РФ и Федеральное собрание РФ, создающие нормативно-правовую базу. Президент РФ определяет общие направления формирования государственной политики РФ в области международного усыновления, в частности приоритет внутригосударственного усыновления, расширение межгосударственного сотрудничества в области усыновления и стимулирование всех форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Председатель Правительства РФ участвует в формировании государственной политики РФ в области международного усыновления посредством расширения международного сотрудничества. Помимо этого, председателем вносятся соответствующие инициативы и стратегии.

Важнейшими субъектами являются федеральные министерства. К их ведению относятся издание постановлений, распоряжений, а также заключение международно-правовых договоров, создающих основной механизм контроля над судьбой российских детей, усыновленных иностранными гражданами.

Осуществляют «передвижение по рельсам», обозначенным нормативно-правовой базой, всё те же министерства, а также межведомственная комиссия, Координационный Совет по реализации нормативно-правовых актов, консульские учреждения, институт Уполномоченного по правам ребенка и органы опеки и попечительства.

Основными документами, регламентирующими и формирующими государственную политику РФ в области международного усыновления, являются:

– международные конвенции (Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г.; Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.) и двусторонние договоры с иностранными государствами, граждане которых усыновляют российских детей;

– Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ;

– Указ Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» (в ред. Указа Президента РФ от 5 октября 2002 г. № 1129);

– Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.»;

– Постановление Правительства РФ от 29 марта 2000 г. № 275 «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства»;

– Постановление Правительства РФ от 4 ноября 2006 г. № 654 «О деятельности органов и организаций иностранных государств по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации и контроле за ее осуществлением»;

– Приказ Министерства образования и науки РФ от 30 августа 2012 г. № 676 «Об утверждении административного регламента Министерства образования и науки Российской Федерации по исполнению государственной функции по осуществлению контроля за деятельностью представительств иностранных государственных органов и организаций по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации и деятельностью по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации представительств иностранных некоммерческих неправительственных организаций»;

– Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р);

– Национальные проекты и программы развития органов государственной власти, субъектов органов государственной власти.

Одним из ключевых документов, регламентирующим международное усыновление, может стать «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017

годы», принятая 1 июня 2012 г. Главная цель стратегии – определить основные направления и задачи государственной политики в интересах детей и ключевые механизмы ее реализации, базирующиеся на общепризнанных принципах и нормах международного права [2, с. 1].

За соблюдением и реализацией стратегии, а также иных документов в области защиты детей, будет следить созданный 17 сентября 2012 г. при Президенте РФ Координационный Совет при поддержке межведомственной комиссии и института Уполномоченного по правам ребенка.

Межведомственная комиссия зарегистрирована в Минюсте РФ 23 марта 2006 г. Она формируется из представителей МВД России, МИДа России, Минюста России, Минздравсоцразвития России и Росздравнадзора [4; ст. 6].

Основными задачами комиссии являются [4, ст. 3]:

– разработка общих принципов государственной политики в области усыновления и иных форм устройства детей на воспитание в семьи;

– координация деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, связанной с передачей детей на усыновление иностранным гражданам.

В свою очередь, комиссия имеет право запрашивать у федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ информацию по вопросам, относящимся к ее компетенции, создавать рабочие группы для разработки и подготовки материалов к заседаниям [4, ст. 5].

За шестилетний период работы комиссии значительных сдвигов государственной политики РФ в области международного усыновления так и не произошло. Заявленные задачи, такие как ратифицирование Гаагской конвенции, создание системы международных договоров, разработка эффективного механизма контроля над условиями жизни и воспитания детей, не реализовались. Работа комиссии в результате существует исключительно де-юре.

В состав Координационного совета (далее – Совет) вошли высокопоставленные чиновники, эксперты по вопросам детства и правозащитники из НКО. Возглавила его председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко, ее заместителем стала вице-премьер России Ольга Голодец [5, с. 1].

Совет нацелен на сотрудничество с институтом Уполномоченного по правам ребенка, возглавляемым Павлом Астаховым. В свою очередь, институт Уполномоченного по правам ребенка динамически развивается и создан уже в 70 субъектах РФ. Кроме того, он активно защищает интересы российских детей, иностранные усыновители которых отменили усыновление или жестоко с ними обращались.

Совет является совещательным и консультативным органом при Президенте РФ, образованным в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией Национальной стратегии [3, ст. 1].

Совет для решения возложенных на него задач имеет право [3, ст. 5]:

а) запрашивать и получать необходимые материалы от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций, должностных лиц, а также приглашать их на свои заседания;

в) направлять своих представителей для участия в проводимых мероприятиях, на которых обсуждаются вопросы, касающиеся реализации Национальной стратегии;

г) привлекать в установленном порядке к работе Совета специалистов, в том числе на договорной основе;

д) пользоваться в установленном порядке базами данных Администрации Президента РФ, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления;

е) использовать государственные системы связи и коммуникации.

Работа Совета только началась, но уже возникли первые затруднения, так как стратегия предполагает разработку конкретных мероприятий профильными ведомствами, которые не идут на контакт. Такая безынициативность министерств может быть продиктована отсутствием возможностей, ведь федеральный центр дальновидно возложил практически все финансовые издержки на бюджеты регионов.

Исходя из основных нормативно-правовых и программных документов цель государственной политики РФ в области международного усыновления можно определить как обеспечение защиты прав и интересов российских детей, усыновленных иностранными гражданами.

Основные задачи государственной политики Российской Федерации в области международного усыновления можно сформулировать следующим образом:

– повышение престижа внутригосударственного усыновления путем создания системных мер материального и психологического сопровождения усыновителей на всех стадиях усыновления;

– объявление приоритета внутригосударственного усыновления, иностранное усыновление – крайняя мера;

– усиление контроля за иностранными организациями по усыновлению, дейст-

вующими на территории Российской Федерации;

– развитие международного сотрудничества путем заключения двусторонних договоров в области усыновления (удочерения);

– развитие социального партнерства как одного из ключевых механизмов международного усыновления;

– создание механизма контроля над судьбой российских детей, усыновленных иностранными гражданами;

– переход к системе открытого усыновления с отказом от тайны усыновления;

– создание дружественного правосудия, основанного на особом отношении к детям, выражающегося в более детальном и усиленном режиме рассмотрения дел, касающихся прав и свобод ребенка, подключение к данным процессам специальных вспомогательных служб.

Очевидно, что для приближения к данной цели государству еще многое необходимо сделать. Пока государство соблюдает только свои интересы, не ратифицируя основной документ в области международного усыновления – Гаагскую конвенцию (хотя о ее скорейшей ратификации было объявлено еще в 2005 г.), которая легализовала бы иностранное усыновление, так ненавистное нашему государству, и согласно которой производился бы тотальный контроль со стороны международного сообщества на всех стадиях иностранного усыновления. Регулярно В. Путин и П. Астахов заявляют, что являются противниками иностранного усыновления. Результатом этих заявлений стали конкретные действия, вылившиеся в «чистку» иностранных агентств на территории РФ и ужесточение порядка международного усыновления. Предпринятые меры оказали лишь частичный эффект вследствие их бессистемности и ограниченности.

Регулирование международного усыновления в РФ остается на уровне заключения двусторонних договоров, которых до июня 2012 г. не существовало. Консульствам делегируются значительные полномочия, которые применить невозможно в силу отсутствия механизмов воздействия на организации иностранного государства. Двусторонние договоры о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) делают возможным применение соответствующих полномочий консульств, но в настоящее время они заключены только с Италией, Францией и США.

Образовавшийся в начале 2000-х гг. международный рынок усыновления, несомненно, выгоден определенным кругам. Детские дома способны функционировать благодаря вознаграждениям от иностранных усыновителей. Иностранцев усыновителей, готовых взять на воспитание детей-инвалидов, втрое, а то и вчетверо раз больше, чем российских. Конечно, содержать

детей-инвалидов в мало финансируемых или вовсе не финансируемых детских домах сложно, поэтому последние готовы без лишней бумажной волокиты отправить ребенка в иностранные семьи. Некоторые детские дома, без сомнений, хотят только улучшить жизненные условия ребенка, а часть из них делает на этом бизнес. В то же время органы опеки и попечительства за успешное устройство ребенка за рубежом «зарабатывают» положительную статистику.

Международное усыновление, являясь способом улучшения жизненных условий ребенка, оставшегося без попечения, зачастую приобретает противоположный, деструктивный характер. Это связано прежде всего с кризисными явлениями семейной политики внутри государства. Стремление властей ограничить, а затем и исключить один из способов на счастливое существование ребенка – международное усыновление – не искоренит проблему. И без этого полные детские учреждения не смогут содержать сирот и тем более устроить всех в семьи. В результате учащаются побеги из детских домов, увеличивается детская преступность, обостряются международные отношения, получают развитие нелегальные каналы международного усыновления, которые превратятся в обычную торговлю детьми.

Таким образом, государство выбрало легкий путь постепенного отказа от иностранного усыновления, а не путь реформирования социальной сферы, совершенствования международного сотрудничества и нормативно-правового регулирования в области международного усыновления, являющийся ресурсозатратным и требующий длительного времени. Выбранное направление государственной политики способно только усугубить и так сложную ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
- [2] Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы». URL: <http://большоеправительство.рф/debate/2245/> (дата обращения: 25.11.2012).
- [3] Указ «О Координационном совете при Президенте Российской Федерации по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 38. Ст. 5067.
- [4] Приказ Министерства образования и науки РФ от 08.12.2005 № 303 «Об утверждении Положения о Межведомственной комиссии по вопросам усыновления (удочерения) и иных форм устройства детей на воспитание в семье» // Российская газета. 2006. 5 апр.
- [5] Петренко В. Новые технологии в области детства. URL: <http://www.gazeta.ru/social/2012/09/11/4765093.shtml> (дата обращения: 25.11.2012).

СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА КАК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ И ФАКТОРА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Последние десятилетия общественного развития характеризуются активным использованием политических технологий. Утверждение в обществе, прежде всего западноевропейском и североамериканском, политического и правового принципа мультикультурализма постепенно превратило его в серьезную, работающую политическую технологию. Изучение содержания мультикультурализма как политической технологии продуктивно в сравнительном измерении. Особым опытом реализации мультикультурализма как политической технологии обладают США. Нормативно-правовой формой реализации данной технологии является Закон об утвердительном действии, имеющий длинную и противоречивую историю, сторонников и противников. Политическая технология мультикультурализма предполагает реализацию позитивной дискриминации. Распространение политической идеологии мультикультурализма затронуло и страны Старого Света. Исследователи вводят новое понятие мультикультурного гражданства. Учет принципов толерантности и мультикультурализма необходим в разработке современных политических технологий в рамках стратегий политического управления в современной России.

Ключевые слова: мультикультурализм, политическая технология, Закон об утвердительном действии, позитивная дискриминация, мультикультурное гражданство, толерантность, политическое управление.

Статус нового и влиятельного социально-политического феномена, во многом оказывающего воздействие на жизнь современного общества, приобрел в последнее время мультикультурализм. Любое общество всегда характеризовало наличие многообразных культурных различий. Известно, что культурно-групповая идентичность в основном формировалась в сферах, связанных с расовой, этнической принадлежностью, с вероисповеданием, с принадлежностью к определенному полу, с сексуальной ориентацией. Также она была связана с особенностями профессиональной деятельности, состоянием здоровья, ограничивающим возможности социально-профессиональной и социокультурной реализации человека. Однако очевидные всем и играющие значительную роль в самоопределении человека, а также в формировании отношения к нему различных общественных групп и общества в целом вышеперечисленные особенности не всегда выступали в качестве важнейшего фактора, с которым должны были считаться политика и политические деятели.

Но примерно в последние три десятилетия доминирующую роль как в социально-политическом и теоретическом дискурсах, так и в правовом сознании стал играть мультикультурализм как новая ментальная парадигма, придающая особое значение роли культурных меньшинств в жизни общества и ценности его культурной многогранности. И с самого начала, надо полагать, мультикультурализм стал претендовать на статус значимой политической технологии, использование которой воспринимается в качестве фактора устойчивого развития общества. Мультикультурализм как новый социально-политический феномен сразу проявил свой деятельный, ценностно-ориентационный и когнитивный потенциал. Стало понятно и то, что неверное его использование может привести к дестабилизации общества и появлению политической разбалансированности.

Особенно необходимо обратить внимание на то, что мультикультурализм не сводится только к принятию и признанию культурных особенностей различных этнических групп, это – признание самого феномена культурного многообразия, которое проявляется в этническом, религиозном, образовательном, профессиональном, социальном, демографическом, гендерном, сексуальном, физическом своеобразии населения любого государства.

Мультикультурализм по своему существу находится в оппозиции к социально-политическому феномену дискриминации, направлен на ее устранение и установление в обществе поддерживаемой законом дифференциации.

В настоящее время в западном обществе вырос интерес к проблемам мультикультурализма, гражданских качеств, гражданского образования и гражданства как особого явления политико-правовой реальности. В США мультикультурализм – это актуальная реальность как политико-правовой практики, так и менталитета подавляющего числа людей; это важнейшее направление государственной политики страны и значимая политическая технология.

Однако многонациональность и мультикультурность населения США перестала быть уникальной. Тенденции к наращиванию практического мультикультурализма очевидны и в Западной Европе (Финляндия, Швеция, Норвегия, Франция, Германия, Словакия, Республика Македония, Великобритания). Развитие Европейского союза является ярким примером необходимости ориентироваться на мультикультурализм, а не на построение общей культурной идентичности. Необходимость обращаться к политике и практике мультикультурализма как политической технологии давно осознали политологи и юристы Канады. Эта политика по своей сути достаточно давно реализуется в Южно-Африканской Республике, Латинской Америке (Аргентина, Бразилия), некоторых странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Новая Зеландия), Восточной Азии (Япония, Китай, Южная Корея), Южной Азии (Индия, Шри-Ланка).

Прорыв в сферу политики и права мультикультурализм совершил в 60-е гг. XX в. Начало мультикультурной экспансии в зону права положил вопрос о борьбе негров за гражданские права в США. Известно, что предки современных черных американцев были вывезены из Африки против их воли, подвергались жестокому обращению и превращены в рабов в Соединенных Штатах в период между XVII и XIX вв. Они были отрезаны от своих культурных корней, берущих начало в различных африканских этнических особенностях. В отличие от добровольных иммигрантов (ирландцев, итальянцев, евреев, китайцев, корейцев, японцев, рус-

ских, немцев и пр.) афроамериканцы были физически отделены от своего культурного наследия и, как говорит Фрэнсис Фукуяма, культурно обескровлены.

Среди иммигрантов с иным цветом кожи (не белым) были люди, имевшие высокий социальный статус, которые демонстрировали высокие показатели в предпринимательской деятельности, уважали и ценили образование, профессионализм, а также были сильно сплочены этнически. Несмотря на то, что в США рабство было официально отменено в 1960-х гг. и чернокожие получили гражданство, они все равно продолжали оставаться объектом определенной сегрегации. Иногда эта сегрегация, а значит и дискриминация, были невидимы и официально замалчиваемы.

Одним из инструментов, который использовал как зарождающийся мультикультурализм с 1960-х гг. прежде всего в США, так и набравший силу в современный период мультикультурализм общества эпохи тотальной глобализации, является политический и правовой ресурс позитивной дискриминации. Последняя и является базовой политической технологией, активно используемой политиками и государством.

Под позитивной дискриминацией ученые и политики понимают комплекс политических мер и массив нормативно-правовых актов, нацеленных на учет культурно-групповых особенностей людей, подвергавшихся ранее дискриминации, в интересах обеспечения равенства их возможностей и социального самоопределения. Речь идет о преодолении дискриминации посредством дискриминации. Можно называть такой тип дискриминации реверсивной, можно позитивной. В зону политики позитивной дискриминации и, соответственно, нормативно-правового ее обеспечения попадают образовательная сфера, трудоустройство, преимущественно в государственной сфере, программы здравоохранения, просвещения, культурно-образовательные проекты.

Позитивная, или реверсивная, дискриминация за сравнительно короткий срок своего существования обрела и сторонников, и противников. Аргументами сторонников данного типа дискриминации являются выводы о том, что она способствует утверждению и наращиванию преимуществ мультикультурализма во всех общественных средах, а также выступает своеобразным компенсаторным средством, возмещающим потери за тот вред, который нанесен различным сообществам, группам населения, гражданам со стороны государства и различных общественных институтов как преднамеренно, так и непреднамеренно.

Идея сторонников позитивной дискриминации состоит в том, что большинство членов общества должны в настоящее время

расплачиваться за те потери, которые понесло меньшинство населения от большинства в предшествующие исторические периоды. В развитии политической идеологии сторонников нового типа дискриминации играл первую скрипку известнейший американский политический ученый Джон Ролз [1]. Его идеи получили развитие и наращивание в трудах современного канадского мультикультуралиста Уильяма Кимлики [2], являющегося разработчиком и теоретиком концепции мультикультурного гражданства.

Противники позитивной дискриминации обращают внимание на то, что она снижает значимость достижений человеческой личности, не учитывает позитивный вклад в развитие личности его предков, их культуры, труда, интеллектуальных и психологических затрат, передаваемых последующим поколениям в виде материализованного, овеществленного, или духовно-нравственного, интеллектуального, багажа.

Также обращается внимание и на то, что идеология мультикультурализма, орудием которого и является позитивная дискриминация, формирует иждивенческие настроения в обществе, снижает чувство уверенности у культурных меньшинств. Помимо этого, она, как полагают антимultiкультуралисты, формирует негативное, неуважительное отношение большинства граждан, добивающихся результатов своим интеллектом, трудом, нажитым капиталом, полученным образованием и использованием накопленного поколениями духовно-нравственного багажа, к тем «иждивенцам», которые, не затрачивая больших усилий, быстрее и успешнее покрывают крупные вершины.

Следует, рассматривая плюсы и минусы политики мультикультурализма, обратиться к сравнительно недавней истории ее общественного признания. И здесь невозможно обойти стороной воспоминания о роли в жизнедеятельности многих стран так называемого Закона об утвердительном действии, родиной которого стали Соединенные Штаты Америки.

Исторические факты показывают следующие этапы становления и развития политики мультикультурализма. В начале 1960-х гг. в США признали, что по отношению к афроамериканцам должен быть выработан специальный подход, включающий меры компенсации за историческую несправедливость, допущенную в их отношении белым большинством.

К числу таких мер политики стали отнести гарантии политического представительства. Это с неизбежностью должно требовать изменения границ избирательных участков для создания районов с черным большинством, поддержки различных форм самоорганизации черного населения страны, а также мер, способствующих интеграции афроамериканцев, предоставления суб-

сидий для образования, ведения и открытия бизнеса, субсидий для уже существовавших и исторически сложившихся «черных колледжей».

В юридическую и политическую литературу, в общественное сознание и обычное словоупотребление постепенно вошло понятие утвердительного действия, или Закона об утвердительном действии (Affirmative Action). Тема Affirmative Action получила достаточно серьезную теоретико-политическую и философско-правовую проработку в современной североамериканской литературе [3]. Она практически не являлась предметом рефлексии в отечественной политологии и теории права, в отечественной философии права. Видимо, причины этого теоретического равнодушия отечественной гуманитарной и социальной науки к проблеме зарождения и развития теории мультикультурализма на Западе имеют свои основания, которые сами могли бы выступить предметом теоретической рефлексии и самостоятельного исследования.

Представляется совершенно безусловным, что изучение проблем борьбы с национализмом в российской молодежной среде, а также разработка гуманитарных технологий преодоления ксенофобии, которая достаточно часто проявляется в российском обществе, носило бы более фундаментальный характер, если бы в теоретический дискурс о национализме и ксенофобии включались бы предлагаемые западными учеными теоретические модели мультикультурализма и оценки его исторической практики в различных странах. Согласно авторской позиции, именно мультикультурализм в современных условиях глобального развития является наиболее адекватным моральным, социальным и правовым принципом, следование которому станет серьезным фактором для любых проявлений этнического негативизма.

Термин «утвердительное действие» возник впервые для описания политики американского правительства в области преодоления неравенства и дискриминации афроамериканского населения США в 1961 г. В своем указе (Executive Order) 10925 [4] президент Джон Ф. Кеннеди заявил, что обязывает государственные агентства, осуществляющие найм работников, следовать утвердительному действию (Affirmative action), нацеленному на то, чтобы к претендентам для устройства на работу относились, не принимая в расчет расовую, национальную принадлежность, вероисповедание, цвет кожи.

Четыре года спустя (1965) президент США Линдон Джонсон в своих указах 11246 и 11375 (дополнение к Приказу 11246) [5] подтвердил значимость утвердительного действия как правового принципа, способного обеспечить подлинную свободу афроамериканцам. Эти указы были призваны от-

корректировать последствия прошлой и современной дискриминации и носили прогрессивный характер.

Линдон Джонсон подчеркивал, что на протяжении продолжительного времени американские негры превратились в отдельную нацию, лишенную свободы, надежды и являющуюся объектом ненависти большинства. Он признал и то, что недостаточно декларировать свободу для афроамериканцев. Чтобы быть совершенно честными в отношении них, нужно выиграть еще одну битву за гражданские права – предоставить не просто формальную свободу, но и возможности, не только формальное равенство как право и теоретический постулат, а равенство как практический результат. Интересно, что, объясняя народу суть утвердительного действия, президент подчеркнул, что люди, безусловно, рождаются с определенным уровнем способностей, однако указал на то, что они даются человеку не только от рождения, но и зависят от семьи, в которой он живет и воспитывается, от окружающих людей, соседей, школы, которую посещает ребенок, от богатства или бедности. В связи с этим способности являются продуктом сотни невидимых сил, которые управляют младенцем, ребенком и, наконец, взрослым человеком.

Данные указы были адресованы прежде всего конкретным организациям, финансируемым из федеральных фондов, чтобы они оказывали предпочтение при приеме на работу представителям расовых и этнических меньшинств, а также женщинам.

Еще ранее, в 1964 г., вступил в силу Акт о гражданских правах (Civil Rights Act of 1964). Он регулировал в основном права афроамериканцев, не затрагивал права ветеранов, лиц с ограничениями по здоровью (инвалидов), лиц старше 40 лет, которые тоже, согласно общественному мнению, нуждались в защите.

Президентский указ 11375 внес поправку в указ 11246 от 13 октября 1967 г. и распространил Закон об утвердительном действии на борьбу с дискриминацией по половому признаку.

Во время правления администрации президента Никсона сфера утвердительного действия (как и далее будет называться данный правовой акт) была расширена, в его зону попали и предприятия, которые получают госзаказы и имеют контракты с государством. Президент издал указ 11625 в 1971 г., в котором еще более расширил рамки Закона об утвердительном действии, включив сюда необходимость обеспечения поддержки и развития бизнеса и предпринимательской деятельности представителей меньшинств.

В 1976 г. группа американских и итальянских (Italian-Americans) профессоров из Городского Университета Нью-Йорка (City

University of New York) обратилась с просьбой, чтобы и ее включили в категорию людей, защищаемую Законом об утвердительном действии, как группу для преимущественного устройства на работу. Закон об утвердительном действии стал явно набирать силу и приобретать сторонников.

Можно проследить в деталях развитие института утвердительного действия, однако, говоря о крупных вехах в его развитии, обратим внимание еще на указ президента Картера 12138 (1979), который осуществил презентацию Национальной политики в области предпринимательства женщины. Годом ранее Верховный Суд США признал необходимым следование квотам, выделяемым для малорепрезентативных меньшинств, в сфере университетского образования и признал, что медицинская школа Дэвиса Университета Калифорнии в своей программе деятельности приемной комиссии не соблюдала принцип равной защиты прав, принимающий во внимание квотирование мест для поступления в университет.

В 1990 г. Закон об утвердительном действии повернулся лицом к инвалидам и предоставил им преимущества при приеме на работу и учебу.

Противники позитивной дискриминации в США, основные черты которой описываются выше, неоднократно по мере расширения зоны действия закона стали обращать внимание общественности к теме реверсивной дискриминации как продукту данного закона, говоря о том, что представители расовых и этнических групп, не относящихся к меньшинствам, становятся объектом дискриминации, не продвигаются по служебной лестнице, имеют меньше шансов при приеме на работу и обучение в университетах по сравнению с представителями меньшинств [6].

Так, еще в 1978 г. на арену выплыло дело Алана Бейки – белого американца, которому в течение двух лет отказывали в приеме в медицинскую школу, хотя она принимала менее квалифицированных и подготовленных абитуриентов, однако являвшихся представителями цветного населения. Для меньшинств из 100 мест резервировалось 16. Обращение Бейки в Верховный Суд закончилось его победой. Однако, отменив несправедливую систему квотирования мест, Верховный Суд США все же признал легальность Закона об утвердительном действии.

Подобных исков в США было много. Например, дело Виганта (1986) о сохранении своего рабочего места: на предприятии остались работать менее квалифицированные рабочие – представители меньшинств, а белые американцы, в том числе Вигант, опытные и квалифицированные, были уволены.

Известно также, например, что в 2003 г. Департамент пожарной охраны г. Нью-Хэй-

вен (штат Коннектикут) отказался продвигать сотрудников европейской расы, так как среди тех, кто успешно сдал экзамен по профессии пожарного, не было ни одного представителя меньшинств. Пожарные обратились в суд, их жалоба была отвергнута судьей латиноамериканского происхождения Соней Сотомайор, которая позднее была выбрана президентом Бараком Обамой на пост Верховного судьи. Однако ее решение в 2009 г. было опротестовано. Громким делом и в определенной степени поворотным пунктом стало разбирательство закона об утвердительном действии в связи с Университетом Мичигана (2003 г.). Верховный суд США подверг сомнению систему квотирования мест в образовательном учреждении при поступлении студентов на бакалаврские программы. Однако дебаты, развернувшиеся в обществе, не позволили восторжествовать этому судебному решению в глазах большинства либерально настроенных американцев – приверженцев идеологии мультикультурализма.

Следует отметить, что в США много противников данного закона, особенно среди консервативно настроенной публики. Некоторые штаты, такие как Калифорния, приняли собственные конституционные поправки, отменив действие закона на своей территории. Известны такие гражданские инициативы, как Калифорнийская инициатива гражданских прав (California Civil Rights Initiative), зародившаяся в штате Калифорния, и Мичиганская инициатива гражданских прав (Michigan Civil Rights Initiative), возникшая в штате Мичиган, которые и стимулировали общественное мнение, обрушившееся с критикой на Закон об утвердительном действии. Исследователи Университета Чикаго в 2003 г. выявили, что люди с именами, звучащими как имена чернокожих, такие как Лакиша и Джамал, на 50 % менее интервьюируются на предмет трудоустройства, чем люди с именами, звучащими «по-белому», такие как Эмили и Грэг. Видимо, эти исследования говорят о неприятии в общественном сознании у жителей штата Мичиган идей Закона об утвердительном действии, что сказывается на преимущественном приеме на работу белокожих американцев.

Оппоненты Закона об утвердительном действии высказывают опасения в том, что преимущества, предоставляемые для афроамериканцев (African Americans) из среднего и высшего класса, а также испанским американцам (Hispanic Americans) такой же категории, проистекают за счет представителей низшего класса европейских американцев (European Americans) и американцев азиатского происхождения (Asian Americans). В связи с этим возникают предположения, что Закон об утвердительном действии имеет сугубо классовый характер. Этот вывод ба-

зируется на убеждении в том, что поскольку в основном американские бедняки состоят преимущественно из цветных, то так называемый классово ориентированный Закон об утвердительном действии диспропорционально им и помогает, чтобы сгладить классовую напряженность в обществе.

Интересны исследования, проведенные в 2005 г. социологами из Принстонского университета Томасом Эспеншейдом и Чэнгом Чунгом. Они сравнили активность Закона об утвердительном действии в вопросе о приеме людей на обучение в лучшие элитные частные исследовательские университеты на основе расового принципа и принципа отбора представителей специальных групп. Использовались данные итогового национального экзамена (SAT) типа российского ЕГЭ, если бы он проводился по большему числу дисциплин в обязательном порядке, а баллы бы суммировались, высшим из которых был бы 1600. Получилось следующее. При поступлении в вышеобозначенные университеты дополнительно к имеющимся баллам чернокожие абитуриенты получают 230 баллов, испанские американцы (латиноамериканцы) – 185, рекрутированные спортсмены – 200, дети выпускников университетов – 160, а у американцев азиатского происхождения минусуется 50 баллов. По результатам исследования многими учеными делается вывод о том, что утвердительное действие существенно понижает планку для получения высшего образования, а также открыто отвергает тех, кто реально достоин получить образование, которое они позднее сумеют использовать для процветания страны и собственного карьерного и личностного роста.

Обобщая американский опыт возникновения и реализации Закона об утвердительном действии, можно совершенно уверенно говорить, что политика утвердительного действия в США поставила на повестку дня вопросы равноправия людей всех рас и цветов кожи, мужчин и женщин, здоровых людей и людей с ограниченными возможностями, верующих и атеистов, представителей всех религиозных конфессий, людей разного возраста и сексуальной ориентации, инвалидов и ветеранов.

Большинство доказательств говорит о том, что Закон об утвердительном действии открыл дорогу в образование ранее угнетаемым, приниженным и бесперспективным членам американского общества – представителям меньшинств, расовых, этнических, гендерных групп, дал возможность им работать на престижных должностях, осуществлять карьерный рост. Сторонники Закона об утвердительном действии полагают, что именно он «ответственен» за формирование среднего класса в среде афроамериканцев и других этнических меньшинств, активно влияющих на эконо-

мическое процветание США последних десятилетий, на достижения страны в науке и технике.

Совершенно очевидным, на наш взгляд, является то, что Закон об утвердительном действии выступил серьезным фактором развития мультикультурализма, который начинает приобретать характер глобального феномена. Мультикультурализм, формируемый в процессе признания богатства культурных ресурсов неравных этнических, религиозных и других групп, при своей реализации способствует достижению гражданского мира, снятию межэтнической, социальной, политической и духовной напряженности.

Спор о правах меньшинств, политические и правовые действия по их защите, правовой статус граждан и их различных категорий, обладающих особенностями, связанными с этничностью, принадлежностью к определенной расе, полу, религиозной общности, с определенной сексуальной ориентацией, проблемами со здоровьем, профессиональной принадлежностью, образовательным уровнем, членством в ассоциации гражданского общества (например, обществе ветеранов труда и войн) – естественные проблемы, возникающие при обсуждении темы социальной справедливости, которая постоянно находится в центре дискурса о гражданском обществе, гражданине и государстве. Эта проблема постепенно становится актуальной и для российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Роулз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. под ред. В. В. Целищева. Новосибирск :

Изд-во Новосиб. ун-та, 1998 ; *Его же*. Идеи блага и приоритет права // Современный либерализм. М., 1998 ; *Idem*. Justice as Fairness. A Restatement / ed. by K. Erin. Cambridge, Mass. ; London : The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2001 ; *Idem*. The Priority of Rights and Ideas of Good // Philosophy and Public Affairs. Princeton Univ. Press, 1998. Vol. 17. № 4. P. 251–276.

- [2] Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. М. : Прогресс-традиция : Дом интеллект. кн., 1998. С. 138–190 ; *Idem*. Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford : Oxford Univ. Press, 1996 ; *Idem*. Politics in the Vernacular. Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- [3] Affirmative Action. Social Justice or Reverse Discrimination? / ed. by Francis J. Beck, Todd E.J. Prometheus Books. Amherst, N. Y., 1997 ; Affirmative Action // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2009. April 1. UK Commission for Racial Equality website «Affirmative Action around The world».
- [4] John F. Kennedy (March 6, 1961) «Executive Order 10925». URL: http://en.Wikisource.org/wiki/ExecutiveOrder_10925.
- [5] Executive Order 11375 Amending Executive Order No 11246, Relating To Equal Employment Opportunity. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=60553>
- [6] Supreme Court to Hear Reverse-Discrimination case // Christian Science Monitor. 2009. April, 21 ; Justices to Hear White Firefighters' Bias Claims // The New York Times. 2009. April, 9 ; Competitive Disadvantage // The Boston Globe. URL: http://articles.boston.com/2011-04-17/news/29428526_1_asian-american-competitive-schools-high.

ЭКСПЕРТИЗА СОЦИАЛЬНЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ*

Представлены результаты экспертизы региональной специфики permanently устойчивых угроз социальной безопасности в шести субъектах Российской Федерации. Особое внимание уделено выделению общих характеристик угроз социальной безопасности, проявление которых концентрируется в социальной сфере исследуемых регионов.

Ключевые слова: социальная безопасность, социальные риски, опасности, угрозы, экспертиза социальной безопасности.

Современная социальная реальность отличается насыщенной событийностью и динамизмом. Главный итог XX столетия – не технические достижения и радикальные геополитические перемены, а возникновение новых рисков и угроз [1]. Общество риска – это общество катастроф, в котором чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни, а зло становится тривиально повседневным. У. Бек выделяет три измерения угроз, которые несет в себе глобальное общество риска. Каждое из них следует собственной логике конфликта, поднимает или вытесняет свои темы, усугубляет или отбрасывает свои приоритеты. Во-первых, это экологические кризисы, во-вторых, – глобальные финансовые кризисы, в-третьих, – террористические угрозы, исходящие от транснациональных террористических сетей [2]. Таким образом, повседневность глобального общества риска возникает и существует как осознание проблем глобальных последствий цивилизационных процессов, неважно, какую форму глобальности они имеют.

Безопасность современной повседневной жизни, нарушаемая взрывами, катастрофами и терактами, становится одним из дефицитных благ существования. Понимая под социальными угрозами безопасности общества опасности на стадии готовности нанесения урона существующей совокупности мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, разрушения социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образ жизни в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений, можно заключить, что социальная безопасность общества не может быть обеспечена только политикой и действиями официальных и неофициальных властных институтов. Разработка механизма противодействия социальным рискам, т. е. концепции социальной безопасности, должна опираться на четкие представления об опасностях и угрозах, с которыми он (механизм) призван иметь дело. В общем плане социальные опасности можно свести в три группы [3]: а) опасности для социальной сферы, идущие от других сфер общественной жизни – от политической, экономической, военно-оборонных дел, вредных духовный веяний и т. п.; б) опасности, вытекающие

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ по государственному контракту № 02.740.11.0360 по теме «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества», государственному заданию «Социальная безопасность региональных социумов: концептуальный анализ», РГНФ (проект «Трансформация социальной безопасности региональных социумов в контексте распространения «социальных болезней» в современной России», грант №12-03-00301а).

щие из социальной сферы, для экономики, политики, экологии, военной безопасности и т. д.; в) опасности внутри социальной сферы для самой себя.

Показатели и индикаторы социальных опасностей и угроз выстраиваются в три уровня: первый характеризует объективное социально-экономическое положение и напряжение отношений между различными социальными группами, второй – их действия, третьей – мысли и чувства, устремления и цели. В качестве признаков (симптомов) социальных опасностей могут выступать: а) предварительные явления и процессы, сигнализирующие об опасностях и угрозах; б) комплекс объективных данных об их эволюции; в) обобщенные сведения о выступлениях и представлениях индивидов, социальных групп, общества по этому поводу.

Группы «а» и «б» представляют объективные, а группа «в» – субъективные показатели и индикаторы. Субъективные показатели – это отражение реальных опасностей и угроз в сознании людей, различных общностей. Объективные сопровождаются экспертной оценкой текущих социальных, экономических и политических процессов. При этом объективные и субъективные показатели могут быть в противоречии, когда рост первых сопровождается снижением вторых в оценке процессов, дезинформации и дезориентации со стороны соперничающих сил.

В ноябре 2009 – феврале 2010 г. специалистами факультета социологии Алтайского государственного университета в шести регионах Российской Федерации (Алтайский край, Красноярский край, Калининградская область, Новосибирская область, Республика Бурятия, Ставропольский край) в рамках выполнения государственного контракта № 02.740.11.0360 «Социальные риски воспроизводства девиаций и социальная безопасность населения России: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях кризисного состояния общества» проведено социологическое исследование методом экспертного опроса представителей федеральных и региональных органов исполнительной и представительной власти, органов местного самоуправления, представителей научной и педагогической общественности (n = 120). В качестве одной из задач исследования предполагалось выявление региональной специфики перманентно устойчивых социальных угроз безопасности населения. Рассмотрим подробно этот вид угроз безопасности, роль и содержание которых определяется общественной значимостью.

Анализ экспертных оценок¹ показывает, что социально-экономические и политические процессы, происходящие в стране, конечно, накладывают свой отпечаток на параметры выделенных экспертами домини-

рующих социальных рисков (например, последствия мирового финансово-экономического кризиса, затянувшиеся с 1990-х гг. прошлого века процессы общественной трансформации, неравномерная модернизация производственного «наследия» советского периода), но, тем не менее, доминирующее значение имеет региональная специфика контекста социальной безопасности, обусловленная вышеперечисленными особенностями.

Так, выделяя основные проблемы региона, эксперты **Республики Бурятия** на первое место ставят проблемы экономического характера, обусловленные высокой степенью дотационности региона, проблемы сферы труда (безработица населения, в том числе скрытая, отсутствие достаточного количества рабочих мест) и в целом низкий уровень жизни населения региона с низкой заработной платой и растущими ценами на основные продукты питания и услуги организаций жилищно-коммунального комплекса, а вследствие этого неразвитость социальной инфраструктуры. Эксперты подчеркивают, что многие проблемы жизни населения региона, в том числе проблемы социального здоровья населения, ухудшающаяся ситуация с алкоголизацией населения – производные от проблем сферы экономики, в которой отсутствует элемент развития и модернизации, особенно – в сфере производства. Экономика Бурятии в целом депрессивна, в регионе отсутствуют кадры с инновационным мышлением, их не привлекают возможности реализации себя именно в этой республике. *«Нужны лидеры экономики. Экономическая мысль должна бурлить... депрессивность региона не создала этих людей»* (ЗВ.03.011, стр. 1). Поэтому, отмечается экспертами, в республике высоко значение показателя миграционного оттока населения, преимущественно за счет наиболее молодой и перспективной части населения, которая покидает республику в поисках трудоустройства и лучших условий для жизни.

На втором месте среди наиболее актуальных эксперты видят проблемы распространенности социальных девиаций среди населения региона (алкоголизация населения и высокий уровень преступности, особенно среди несовершеннолетних), подчеркивая, что основным фактором воспроизводства риска такого вида девиантного поведения является экономическое неблагополучие девиантов: *«находят выход... в злоупотреблении алкоголем...»* (ИВ.03.008, стр.1), *«Кризисные времена и, поэтому преступность»* (ИВ.03.015, стр.1).

Выделены и проблемы демографического развития республики – большая миграционная убыль населения, сокращение продолжительности жизни населения, «дестабилизация института семьи» (МС.03.016,

стр. 1), а также проблемы безопасности окружающей среды.

По мнению экспертов, при выделении основных угроз социальной безопасности в **Алтайском крае** очевидно выявляется региональная специфика: географическая удаленность от «горячих» точек, очагов межэтнической, религиозной напряженности: «По сравнению с центром Югом Европейской части, то у нас относительно безопасно» (ОО.22.004, стр. 1), «Конечно, безопасно по сравнению с Северным Кавказом. Да и вообще, в целом если речь идет об опасности для жизни, то, наверное, у нас риск не такой существенный по сравнению с другими регионами России» (ОО.22.006, стр. 1) и дотационность региона, провоцирующая миграционную убыль населения, отток высококвалифицированных, преимущественно молодых, кадров: «потеря людей, которые могли бы стать костяком для подъема Алтайского края» (НА.22.019,020, стр. 1); низкий уровень доходов населения в целом, усиливающий социальную напряженность; неконкурентоспособность края, ориентирующегося на аграрный сектор, по сравнению с «передовыми» промышленными регионами.

Некоторые респонденты в качестве фактора обеспечения социальной безопасности отмечают «специфический менталитет жителей Алтайского края», выражающийся в стремлении сохранить мир, гармонию, низкой протестной активности, тенденции решать проблемы «мирным» путем, что должно снижать степень опасности возникновения социальной напряженности.

Первое ранговое место в ряду социальных опасностей занимают экономические проблемы Алтайского края: проблемы моногородов (например, г. Рубцовск), растущая безработица, в том числе в государственной сфере, падение доходов большинства населения, убыточная экономика сельскохозяйственной отрасли. На втором месте – угрозы правовой сферы: «низкая (правовая защищенность)... это связано прежде всего с незнанием людьми своих прав... нежеланием и боязнью отстаивать их в суде... в органах правопорядка... возможности для нарушения прав граждан у нас высоки и это вина общей правовой просвещенности и неверия в правовые институты» (ОО.22.006, стр. 3). На третьем месте – социальные угрозы, такие как слабость внутренних социальных связей сообщества, низкая способность к самоорганизации, недостаточная развитость институтов гражданского общества, отсутствие механизмов межсекторного взаимодействия: «...вяло текущая борьба с попытками органов власти задавить неформальную активность» (ЗВ.22.003, стр. 3).

В экспертных оценках основных угроз для региона представителей **Ставрополь-**

ского края также прослеживается обусловленность ситуации экономикой края, ее сельскохозяйственной ориентированностью, высокой долей сельскохозяйственных производств, тем, что край «отстает по экономическим показателям от многих регионов» (ЗВ.26.002, стр.1) и, вследствие этого, «неразвитостью промышленности» (ИВ.26.008, стр.1). Общей проблемой также является и проблема безработицы, где наиболее уязвимой опять-таки видится молодежь.

Экспертами выделены и проблемы экологии, возникающие в крае потому, что «(природа) задействована в хозяйственный оборот... в девяносто восемь процентах», а это «очень плохой показатель. Это проблема развития... сельского хозяйства, состояние... рыбной сельскохозяйственной продукции» (ИВ.26.020, стр.1). Также имеет место и распространение социальных девиаций – «наркомания, алкоголизм» при общем «невежестве общества, разврате, насилии» (ОО.26.003, стр.1) и отсутствии «здорового образа жизни, вообще физкультуры, спорта, культуры» (МС.26.005, стр.1).

Однако, в отличие от двух ранее описанных регионов, в Ставропольском крае **очевидно проявляется угроза межнациональных конфликтов**, которая усугубляется отсутствием «должного уровня правовой и правозащитной культуры» населения (ЗВ.26.002, стр.1). Практически все эксперты отметили, что в ряду проблем края проблемы, связанные межнациональными, межэтническими и межконфессиональными отношениями, являются наиболее острыми, край отличает «четко выраженная... групповая... разрозненность...» и при этом «зависимость» политических отношений от групповых интересов. По мнению некоторых экспертов (НП.26.001, стр.1), вопрос национальных отношений стоит настолько остро, что его развитие «вообще не подлежит обсуждению». Сложившаяся в Ставропольском крае ситуация оказывает существенное влияние на «социальное разделение», причем не только по критерию материальной обеспеченности и власти, но и по критерию принадлежности к той или иной национальной или этнической группе (МС.26.001, стр.1).

Иные проблемы выделены экспертами **Калининградской области**. Наиболее волнуют жителей региона, по мнению экспертов, визовые проблемы. В силу особенностей географического положения (отсутствие сопредельных границ с другими регионами Российской Федерации, территориальная обособленность) в Калининградской области весьма актуальны проблемы, связанные с получением Шенгенской визы, позволяющей свободно перемещаться по территориям государств – участников ЕС. Сложившаяся геополитическая ситуация также обостряет проблемы, связанные с осознанием истори-

ческого наследия, усилением ощущений отчужденности от своих сограждан и распада некогда единой большой страны: «ощущение какого-то... исторического груза, который нужно на себе тянуть. Ну, я не виноват, что там у них были эсэсовцы, да... а у нас НКВД» (НП.39.019, стр. 1–4). Не менее актуальна и проблема миграции, однако в несколько ином ключе, нежели в Алтайском крае и Республике Бурятия. Калининградская область столкнулась с притоком мигрантов, в основном трудовых. Несмотря на наличие положительных моментов, связанных с притоком молодых квалифицированных кадров в регион, эксперты видят отрицательные стороны усиливающейся трудовой миграции в область в том, что «миграция... усиливает конкуренцию за рабочие места... В основном (мигранты) – это весьма успешные люди... Не социальные отбросы... И демонстрируют... в среднем более высокую дееспособность... чем наше (коренное) население» (НП.39.019, стр. 1–4).

По сравнению с выделенными ранее проблемами, проблемы социально-экономического развития, преодоления кризисных явлений в стране в целом отходят в сознании экспертов на второй план. Среди проблем экономического характера выделены высокая стоимость энергоносителей для потребителей региона, обусловленная опять же географическим положением, что повышает «стоимость транспортировки», и, соответственно, высокие тарифы на услуги ЖКХ, а также в целом завышение цен на все виды товаров по причине того, что они являются «завозными» (ЗВ39 002, стр.1). По оценкам экспертов, область «не может поддержать себя экономически», поскольку «не развита промышленность внутри региона» (ЗВ39 001, стр. 14).

Общими угрозами для Калининградской области является ухудшение состояния здоровья населения, низкое качество услуг здравоохранения, отсутствие культуры здоровья и здорового образа жизни, недоступность высокотехнологичной медицинской помощи, алкоголизация населения, распространение проституции и наркомании, экологические проблемы (эрозия почв, низкое качество питьевой воды).

Проблемные зоны **Красноярского края**, выделенные экспертами, скорее носят социальный характер, нежели выявляют региональные особенности социальной безопасности. Так, эксперты выделили проблемы:

– функционирования политической сферы жизни общества, связанные с непрозрачностью системы властных отношений, отсутствием прозрачной системы оценки качества управления, коррупцией на всех уровнях организации власти, необходимостью переориентации политики государства на сглаживание различий между обеспеченными и необеспеченными слоями населе-

ния, между городом и селом, центром и периферией, «отсутствием... спортивной политики... большого спорта в крае практически нет» (НП.24.015, стр. 1–2), несовершенством системы организации охраны правопорядка;

– функционирования социальной структуры: проблемы организации системы дошкольного образования (отсутствие мест в детских садах), совершенствования системы пенсионного обслуживания в целом, организации системы профилактики алкоголизма, особенно среди женщин репродуктивного возраста и молодежи, развития социальной инфраструктуры, содействия профессиональной ориентации молодежи, отсутствия социального жилья;

– функционирования производственной сферы: несмотря на то, что большая часть экспертов подчеркивает относительное экономическое благополучие региона, опасность заключается в его превращении в сырьевой придаток более развитых регионов. В качестве выхода из сложившейся ситуации эксперты предлагают развитие производственного потенциала региона, создание или модернизацию собственных производств;

– духовно-культурной сферы: «деградация мировоззрения людей», поскольку «на сегодняшний день утрачена идеология в обществе, а отсюда, конечно, проблема зависимости, проблема демографии» (ОО.24.008, стр. 1), проблемы воспитания подрастающего поколения, необходимости возрождения культуры семьи, семейственности и семейных отношений;

– развития сельскохозяйственного потенциала региона, рационализации использования лесных ресурсов;

– развития и использования преимуществ геополитического положения Красноярского края (положение «между севером и югом, западом и востоком») (НП.24.006, стр. 2).

Не чужды региону и проблемы, связанные с «низким жизненным уровнем большей части жителей края, особенно... не жителей города Красноярска», плохим обеспечением жильем населения, ростом цен, прежде всего на услуги ЖКХ (МС.24.012, стр. 1), но сами эксперты классифицируют их как проблемы «общероссийского» масштаба, наряду с «плохим состоянием дорог» (ЗВ.24.020, стр. 1).

В оценках проблем региона экспертов **Новосибирской области** рефреном звучат два аспекта – проблемы экономики, благосостояния населения и проблемы распространности различного рода социальных девиаций.

Среди экономических опасностей выделены: низкий уровень заработной платы большинства населения, задержки ее выплат, растущая безработица и проблема, которую отметили большинство экспертов –

обеспеченность старости. Среди проблем распространенности социальных девиаций и девиантного поведения отмечены: употребление психоактивных веществ, в том числе курительных смесей, растущая наркотизация и алкоголизация населения, вовлечение населения в проституцию и преступность.

На третьем месте по частоте упоминаний проблема духовно-культурного развития современной новосибирской молодежи, духовной «инфантильности населения и молодого населения, в большей степени... Они идут либо за стереотипами, либо просто плывут по течению. Что выливается в будущем в разочарование от того, что с ними происходит...», «закрытости, неискренности отношений» между людьми (ОО.54.009, стр. 1–2), развития системы культурно-досуговых учреждений. Среди актуальных проблем отмечена также проблема «недостаточного качества здравоохранения» (НП.54.005, стр. 1–2) и упадка промышленного производства.

В качестве **критериев выделения именно этих угроз социальной безопасности** выступает их определяющая роль в формировании социального самочувствия населения региона, социальной безопасности населения и в целом качества жизни, а также то, что выделенные экспертами проблемы, по их оценкам, отражаются на жизни каждого отдельно взятого индивида, «накладывает отпечаток на то, как мы одеваемся, как мы питаемся и, в конечном счете, – это наше здоровье» (НП.03.017, стр.1), составляют основу жизнедеятельности, а устранение этих угроз «определяет вектор будущего развития общества» (ЗВ.03.014, стр. 1). Именно эти угрозы, полагают эксперты, «выступают теми факторами, которые запускают механизмы деструкции как на уровень личности, на уровень социума и так выше» (НП.22.008, стр. 1), они **направлены на воспроизводство социальных рисков индивидуального уровня** «направлены на человека, на его безопасность, на его спокойствие, на его здоровье...» (НП.22.009, стр. 1).

Обращает на себя внимание восприятие экспертами причин выделения проблем, характерных для Ставропольского края. Сложившуюся опасность разжигания межнациональных страстей эксперты воспринимают как неизбежную неуправляемую данность, отличающую многие мультинациональные общности: «всегда были эти проблемы, но эти проблемы в настоящее время более ярко высветились в связи с тем, что экономическая ситуация изменилась» (МС.26.002, стр. 1), «мы живем в таком регионе» (ИВ.26.008, стр. 1), «это ситуативная характеристика... и вот они (проблемы)... как бы... определены... постсоветским все таки, это постсоветское. Ну... результат

постсоветской истории» (НП.26.007, стр. 1), а «национальный вопрос... не решается никоим образом» (МС.26.001, стр. 1). «Это связано с большим количеством проживающих, наверно, национальностей, а может быть даже, национальных меньшинств. Потом, скорее всего, это очень низкий уровень жизни этих национальных меньшинств, проживающих в регионах, которые... создают нам дополнительные проблемы... и у многих... чувство безопасности связано с неверием и нежеланием верить в возможности государства и... правоохранительных структур эту безопасность обеспечить» (НП.26.019, стр. 1).

Социальная сфера является одним из важных направлений угроз безопасности на уровне интересов субъектов всех уровней социальной организации. Но процесс осознания этих угроз и накопления в социальной сфере российского общества реальных опасностей и в государственно-управленческой практике, и особенно в массовом сознании подчинен более общим задачам обеспечения национально-государственной безопасности. Характер угроз и опасностей в социальной сфере имеет собственные особенности и качественные отличия, а сама социальная сфера является интегрированным направлением национальной безопасности и включает в себя такие важные аспекты безопасности личности, общества и государства, как общесоциальный, социально-психологический, культурный и социализационный, медико-социальный и др. [4].

Выделим наиболее общие характеристики угроз социальной безопасности, проявление которых концентрируется в социальной сфере исследуемых регионов. Несмотря на то, что среди рассмотренных регионов с рядом проблем отчетливо выделяется Ставропольский край с высокой подверженностью межнациональным конфликтам и конфликтам на почве межрелигиозной неприязни, анклавная Калининградская область со специфическими проблемами, обусловленными уникальной геополитической ситуацией, и благополучный в отношении «обеспеченности» регионального бюджета Красноярский край, общими тенденциями являются: снижение жизненного уровня подавляющего большинства населения; резкое усиление зависимости от компенсационных мер социальной защиты, увеличение нуждемости в социальной помощи и поддержке в различных формах; критический уровень потенциала основных социальных отраслей (здравоохранения, образования, культуры), что создает реальную угрозу деформации процессов социализации; критический уровень потенциала развития промышленного производства, отсутствие механизмов модернизационного развития производств; нарастание негативных тенденций в социальной структуре обществ

ва, усиление процессов люмпенизации и маргинализации; отмеченная во всех регионах организационная слабость системы социального управления на уровне страны, регионов и муниципалитетов; отсутствие необходимых механизмов стимулирования экономической активности населения, усиление негативных демографических тенденций – старение населения, миграционный отток молодежи, высокая смертность населения, сокращение продолжительности жизни; распространенность настроений социальной апатии, безысходности, социальной и гражданской пассивности населения в целом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Использованы данные экспертного опроса в шести регионах Российской Федерации. Данные представлены в следующем виде: ХХ.УУ.000, стр. 0, где ХХ – буквенный код секторальной принадлежности эксперта (ЗВ – законодательная власть (n = 24), ИВ – исполнительная власть (n=24), ОО – общественная организация (n = 24), НП – научно-педагогическая общественность

(n = 24), МС – органы местного самоуправления (n = 24), УУ – код региона, в котором проживает эксперт (03 – Республика Бурятия, 22 – Алтайский край, 24 – Красноярский край, 26 – Ставропольский край, 39 – Калининградская область, 54 – Новосибирская область), 000 – порядковый номер интервью в пределах региона (001, 002, ..., 020), стр. 0 – код места расположения ответа в тексте транскрипции интервью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М. : Academia, 1999. 358 с.
- [2] Бек У. Что такое глобализация? URL: <http://www.ido.rudn.ru/ffec/philos/chrest%5Cg18%5Cbek.html> (дата обращения: 27.04.2011).
- [3] Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М., 1996. 352 с.
- [4] Мугулов Ф.К. Теоретико-методологические и прикладные аспекты социологического анализа безопасности личности в современной России : монография. Сочи : Изд-во СГУТиКД, 2003. 303 с.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Исследуются вопросы теории и методологии конкурентоспособности экономики субъекта РФ с позиций системного подхода. Определяются свойства региональной экономики как социальной системы, анализируются вопросы взаимодействия с внешней средой, предлагается схема трансформации конкурентоспособности региональной экономики. Разрабатывается методологический подход к изменению региональной конкурентоспособности.

Ключевые слова: конкурентоспособность экономики, экономическая система, внешняя среда.

Практика планирования направлений и параметров регионального экономического развития в основе своей должна опираться на четкую теоретическую концепцию, которая определяет подходы и методы решения поставленных задач. Одним из наиболее распространенных в экономической практике концептуальных подходов является концепция конкурентоспособности. Целью настоящей работы является определение теоретико-методологических основ концепции конкурентоспособности применительно к региональной экономике. Для решения задачи определения применяемого подхода уточним ключевые понятия «конкурентоспособность», «регион» и «экономика».

Термин «конкурентоспособность» является производным от слова «конкуренция» (лат. *concurrentia* – столкновение, состязание) и означает способность выдерживать конкуренцию, противостоять конкурентам [1, с. 235]. В настоящее время широко рассматриваются вопросы конкурентоспособности продукции, отдельных предприятий и фирм, городов, регионов, стран, отраслей, технологий, работников и даже научно-методических документов и нормативных актов [2]. Далее дефиницию «конкурентоспособность» будем рассматривать применительно к понятию «регион».

Согласно определению Википедии, регион (лат. *regio* – страна, область) – это определённая территория, обладающая целостностью и взаимосвязью её составных элементов [3]. В экономической трактовке регион может рассматриваться как: а) часть территории с имеющейся системой экономических связей между хозяйственными субъектами, б) подсистема всего социально-экономического комплекса страны, в) сложный территориально-экономический комплекс со своей структурой связи с внешней и внутренней средой. Применительно к настоящей работе речь идет о регионе как субъекте РФ.

Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным рассматривать конкурентоспособность региональной экономики с позиций системного подхода, используя вместо термина «экономика» понятие «экономическая система». С одной стороны, экономику как одну из разновидностей социальных систем можно рассматривать как совокупность взаимодействующих частей (бизнес, государство, общество), субъекты которых влияют на экономическое развитие определенной территории. С другой стороны, серьезные экономические проблемы региона сегодня также невозможно решать изолированно. С достаточно высокой степенью уверенности можно утверждать, что их решение носит системный

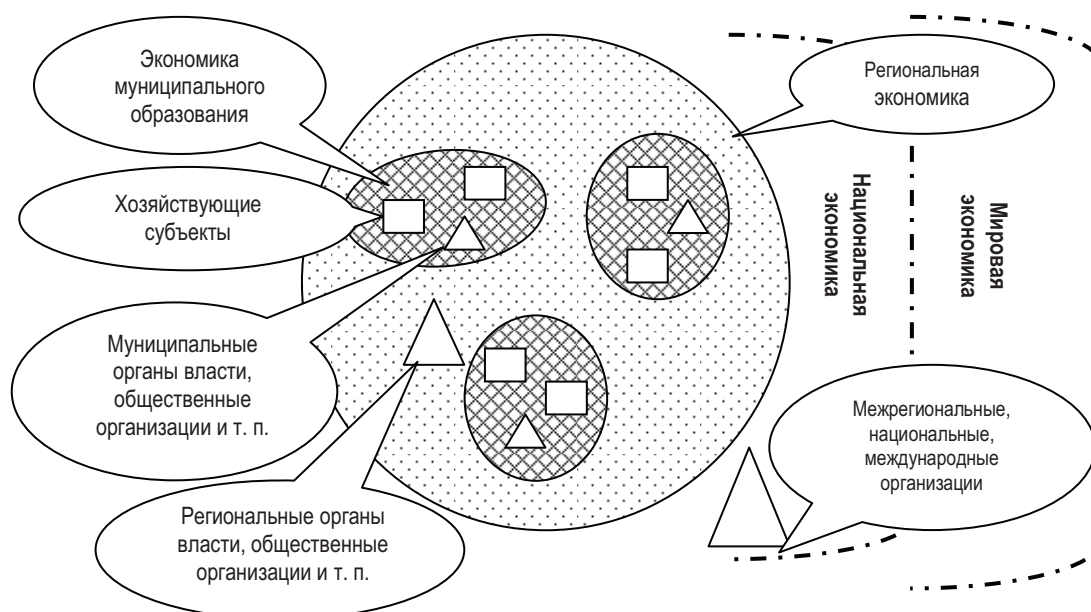

Рис. 1. Уровни объектов региональной экономической системы

характер. В связи с этим под региональной экономической системой далее будем понимать тот или иной вид организации элементов (предпринимательских структур, органов государственной и муниципальной власти, общественных организаций и т. п.), объединенных в одно целое для решения конкретной задачи – экономическое развитие субъекта РФ. Таким образом, при анализе региональной экономики как сложной системы отдельные факторы, влияющие на ее конкурентоспособность, рассматриваются не изолировано, а во взаимной связи с другими элементами данной системы.

Графически основные объекты региональной экономики в преломлении положений теории систем [4] изображены на рис. 1.

Так как экономическая система представляет собой сложную структуру взаимодействующих объектов, можно выделить следующие виды объектов региональной экономики:

а) элементарный объект (хозяйствующий субъект – предприятие, компания, индивидуальный предприниматель и т. д.);

б) сложный объект (муниципальное образование);

в) объект, участвующий в формировании сложного объекта:

– муниципальные органы власти, самоорганизующиеся предпринимательские сообщества, гражданские общественные организации и т. п.;

– региональные органы власти, бизнес-объединения, гражданские общественные организации и т. п.;

г) объект внешней среды (федеральные органы власти, межрегиональные объединения бизнес- и надгосударственных структур и пр.).

Для целей настоящего исследования выделим следующие основные свойства экономики как социальной системы:

1. *Иерархичность*. Как и все системы, региональная экономика является подсистемой. Данное свойство позволяет рассматривать ее, с одной стороны, как самостоятельную автономную систему, состоящую из взаимодействующих подсистем (например, экономики муниципальных образований), а с другой – как элемент более сложных систем (национальной и мировой экономики).

2. *Сложность*. Экономика как открытая социальная система тяготеет к нарастанию усложненности. Другими словами, по мере роста уровня экономики ее структура и виды взаимосвязей между объектами внутри нее будут усложняться. Соответственно, с одной стороны, у органов, участвующих в формировании сложного объекта, возрастает, например, многообразие форм и инструментов регулирования предпринимательской деятельности. С другой стороны, при этом возрастают и требования к определению стратегических приоритетов.

3. *Вариативность*. В экономике желаемые результаты (например, повышение среднего уровня региональной заработной платы) могут быть достигнуты различными способами. При этом не существует единственно лучшего пути, выбор зависит от концепции (подхода к решению задачи).

4. *Целостность*. Экономика ведет себя как единое целое. Изменение в одной ее части вызывает изменения и в других ее частях (заккрытие крупного предприятия в одном муниципальном образовании обостряет ситуацию на рынке труда соседнего муниципального образования). Соответственно, подход к развитию региональной экономики должен быть комплексным, учитывать интересы всех ее субъектов.

5. *Централизация.* Со временем одна из частей системы становится доминирующей, все больше выделяясь на фоне других. Например, практически в каждом субъекте РФ региональный центр – самый крупный город, и его экономика больше в разы (а то и на порядок) экономики других муниципальных образований. Соответственно, для достижения любого, даже минимального, уровня координации между муниципальными образованиями и необходима централизация.

6. *Ограниченность развития.* Всегда существуют ограничения к самовозрастанию системы (например, роста числа малых предприятий в муниципальном образовании). Хотя в целом региональная экономика, как и любая открытая социальная система, все же тяготеет к самовозрастанию.

7. *Цикличность.* Экономика, как и большинство созданных человеком систем, функционирует циклично, через определенные промежутки времени. Например, финансовая поддержка государством сельхозпроизводителей осуществляется с учетом сезонной специфики данного вида хозяйственной деятельности.

8. *Наличие границ.* Любая экономика (муниципального образования, региона, страны) имеет границы, обозначающие «зону ответственности» органов власти, «ответчающих» за экономическое развитие той или иной территории.

9. *Целеустремленность.* Для экономики характерно изменение назначения в зависимости от изменения условий внешней среды и/или состояния самой системы. Например, превращение Сочи из курорта национального уровня в спортивно-туристическую зону мирового уровня с соответствующими последствиями для экономики региона обусловлено решением Международного олимпийского комитета о проведении там зимних олимпийских игр 2014 г.

10. *Заданность.* Конечное назначение системы определяется ее пользователями, а не создателями. Целесообразность и эффективность форм и мер государственной поддержки бизнеса должны оцениваться прежде всего самим бизнесом, а не государством.

11. *Устойчивость.* Экономика является самостабилизирующейся и самопрограммируемой системой с точки зрения адаптации к изменениям. Любые меры государственного регулирования должны постоянно корректироваться, так как они воздействуют на экономику с эффектом затухания и со временем вообще могут привести к незапланированным последствиям.

12. *Самоорганизация.* Субъекты экономики обладают ограниченными возможностями контроля своего места в системе, формы и степени взаимодействия с другими субъектами системы. По этой причине для увеличения своего влияния, например, в целях изменения правил функционирова-

ния системы используются легитимные (признанные другими субъектами) формы объединения. Так, для более успешного лоббирования своих интересов в органах власти предприятия могут объединяться в отраслевые союзы, территориальные предпринимательские сообщества и т. п.

Отдельно стоит отметить ключевые моменты взаимодействия региональной экономики с внешней средой, которая представляет собой совокупность объектов и организуемых им структур, функционирующих вне границ региона.

Во-первых, объекты внешней среды, оказывающие влияние на экономику региона, могут быть самого разного уровня, начиная с элементарных объектов и заканчивая макросистемами (транснациональные компании, органы федеральной власти, ассоциации регионов и городов, торговые миссии и представительства иностранных государств и т. п.).

Во-вторых, внешняя среда накладывает определенные ограничения на функционирование региональной экономики. Здесь можно выделить три наиболее значимых вида ограничений: ресурсные (финансовые, информационные, трудовые и т. д.), временные и структурные. В первом случае речь может идти, например, о системе межбюджетных отношений, во втором – о сроках проведения саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и выделяемых под это событие федеральных средств, в третьем – об «исторически сложившейся» региональной специализации (нефтегазодобыча, машиностроение, сельское хозяйство в Омской области и т. п.).

В-третьих, для приведения в соответствие структуры региональной экономики в связи с изменившимися условиями внешней среды необходимо:

а) наладить эффективную обратную связь, позволяющую адаптировать происходящие в экономике региона процессы к новым условиям;

б) осуществить изменение правил взаимодействия субъектов региональной экономики в соответствии с динамикой внешней среды.

В-четвертых, исходя из этого можно выделить две модели взаимодействия субъектов региональной экономики с внешней средой:

– простое восприятие условий внешней среды и следование ее основным тенденциям (используется, если протекающие во внешней среде процессы напрямую благоприятны для региона и пригодны для «прямого» использования, например высокие мировые цены на нефть и экспортноориентированная государственная политика благоприятствуют развитию нефтедобывающих территорий);

– активная трансформация характера и форм связей с субъектами внешней среды, непосредственно взаимодействующих с региональной экономикой (когда во внешней среде отсутствуют ресурсы в «готовом виде» и их необходимо преобразовывать в «подходящую для потребления» субъектами региональной экономики форму, например путем создания соответствующих объектов инфраструктуры).

В-пятых, возможны четыре режима взаимодействия региональной экономики с внешней средой (рис. 2):

1) региональная экономика функционирует стационарно, а ресурсы внешней среды, которые использует регион, постоянны и пополняются от не зависящих от него факторов (межбюджетные трансферты депрессивным территориям);

2) чаще всего выделение ресурсов внешней средой происходит на паритетных началах (совместное федеральное и региональное финансирование строительства дорог);

3) региональная экономика функционирует стационарно, но используемые ею ресурсы субъектов внешней среды исчерпаемы, при этом длительность существования данного режима обуславливается возможностью «перемещения» к новым субъектам

внешней среды с аналогичными ресурсами (грантовая система федеральной поддержки инновационных региональных проектов через госкорпорации);

4) неритмичное поступление ресурсов из внешней среды по независящим от региона обстоятельствам – самый непредсказуемый для регионов режим взаимодействия; выходом из данной ситуации может быть создание специальных элементов системы, аккумулирующих эти ресурсы (например, целевой фонд, распределяющий часть сверхдоходов от экспорта нефти и газа на модернизационные проекты в региональной экономике).

Исходя из данной системы понятий и определений для получения «правильной», конкурентоспособной экономической системы (с оптимальной структурой) необходим «правильный» порядок организации ее элементов. Для этого, с нашей точки зрения, необходимо наличие предварительно созданного «образа» этого идеального будущего, определяющего основных участников системы и формы их взаимосвязи (рис. 3). В качестве данного образа для региональной экономики и предлагается использовать ту или иную концепцию конкурентоспособности.

		Зависимость	
Ритмичность	1	<ul style="list-style-type: none"> • Ритмичное поступление ресурсов • Обстоятельства не зависят от региона 	2
	4	<ul style="list-style-type: none"> • Неритмичное поступление ресурсов • Обстоятельства не зависят от региона 	<ul style="list-style-type: none"> • Ритмичное поступление ресурсов • Обстоятельства зависят от региона
	3	<ul style="list-style-type: none"> • Неритмичное поступление ресурсов • Обстоятельства зависят от региона 	

Рис. 2. Матрица режимов взаимодействия региональной экономики с внешней средой

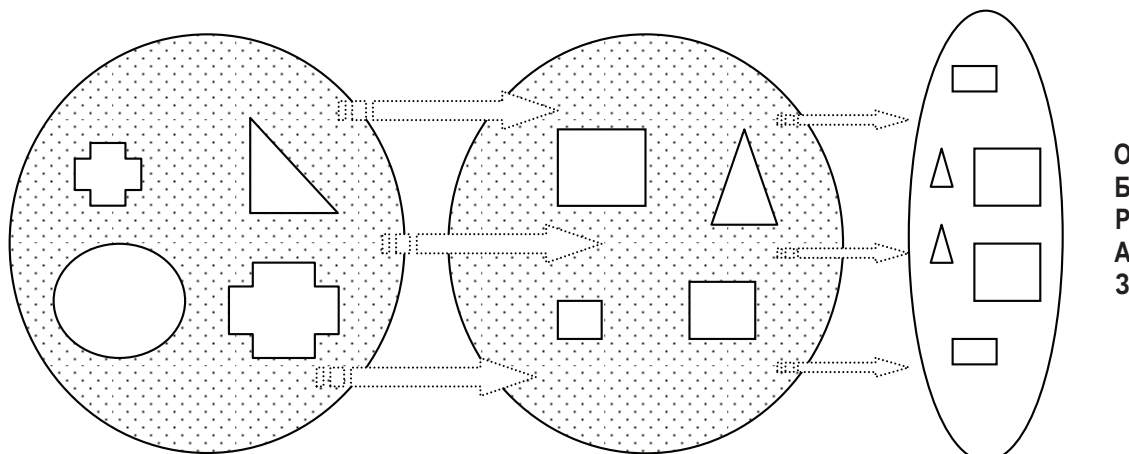

Рис. 3. Трансформация конкурентоспособности региональной экономики

Иными словами, методологически сначала необходимо определить образ (по сути, выбрать концепцию, выявить критерии и показатели конкурентоспособности региональной экономики). На следующем этапе начинается разработка политики региональной конкурентоспособности: объекты, участвующие в формировании структуры экономической системы, определяют направления и методы, а затем механизмы и инструменты «перестройки» имеющейся структуры региональной экономики в соответствии с выбранным образом, исходя из действующих реалий и предоставленных возможностей.

Таким образом, под конкурентоспособностью региональной экономики предлагается понимать способность последней развиваться в условиях изменения внешней среды. Объектом исследования конкурентоспособности региональной экономики в данной системе координат должен стать процесс трансформации структуры экономической системы территории под воздействием условий внешней среды с точки зрения устойчивого и динамичного развития (под структурой системы понимаются объекты региональной экономики и порядок организации их взаимодействия). Предме-

том изучения в данной постановке вопроса выступает поиск форм и методов политики региональной конкурентоспособности, действующей экономическому развитию территории в условиях глобальной конкуренции. Конкурентоспособность выступает в данном случае неким образцом, эталоном идеальной структуры эффективно развивающейся экономики региона в современных конкурентных условиях. В то же время уровень конкурентоспособности является количественным показателем, характеризующим степень соответствия структуры региональной экономики этому «идеальному образу».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989.
- [2] Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. М.: Маркетинг, 2002.
- [3] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Регион> (дата обращения: 12.12.2012).
- [4] Могилевский В. Д. Методология систем: вербальный подход. М.: Экономика, 1999; Зверев В. С. Заметки по общей теории систем. Новосибирск, 2008.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ РАЗРАБОТКИ МАРКЕТИНГОВОЙ СТРАТЕГИИ ТЕРРИТОРИЙ

Рассматривается информационная основа разработки маркетинговой стратегии территории как сочетание слоев, включающих вторичные и первичные источники информации и образующих их системы. Особое внимание уделяется использованию системы стратегических направлений деятельности территории в качестве необходимого информационного обеспечения принятия управленческих решений относительно разработки перспективной стратегии маркетинга территории.

Ключевые слова: маркетинг территорий, стратегия развития, информационное обеспечение, стратегическое планирование, управление территориями.

В основе функционирования маркетинга территорий и разработки стратегии перспективного развития должна лежать структурированная информация об экономических, технологических, природных и других особенностях территории. Для этой цели проводятся многочисленные маркетинговые исследования, целью которых является сбор первичных и обработанных данных, анализ статистических материалов, разработка и составление индексов и рейтингов о состоянии территории, а также определение стратегических направлений развития места.

Весь массив информации о территориях можно разделить на слои (первичные и вторичные источники информации), каждый из которых имеет свою специфику (см. рис. 1). Данные информационные слои представляют собой распространенные компоненты территориального управления, которые позволяют выделить и формализовать проблему, дать комплексное представление о перспективах развития территории, что в итоге позволяет разработать эффективную стратегию развития территории.

Вторичные источники информации характеризуют данные о состоянии, потенциале и тенденциях развития территории. Данный информационный слой состоит из двух взаимосвязанных систем информации: системы обработанных статистических данных социально-экономического развития территории и системы стратегических направлений деятельности места.

Система показателей социально-экономического развития представлена анализом, расчетом и сопоставлением индикаторов, индексов и рейтингов, служащих для оценки реального состояния территории и прогнозов перспективного развития.

Индикаторы – это статистические данные, которые характеризуют экономические, социальные и экологические аспекты удовлетворения потребностей современного общества, указывают на пути решения возникающих проблем развития территории.

Индикаторы являются переменными величинами, или функцией от нескольких переменных величин, отражающими реальные изменения, происходящие во времени [8, с. 605]. На уровне территориального развития индикаторы предназначены для решения следующих задач:

- выявление конкретных целей устойчивого развития территории и разработка стратегий для будущего развития;
- оценка достигнутых целей и эффективности используемых стратегий;
- повышение качества принимаемых решений с учетом интересов различных групп потребителей территории;

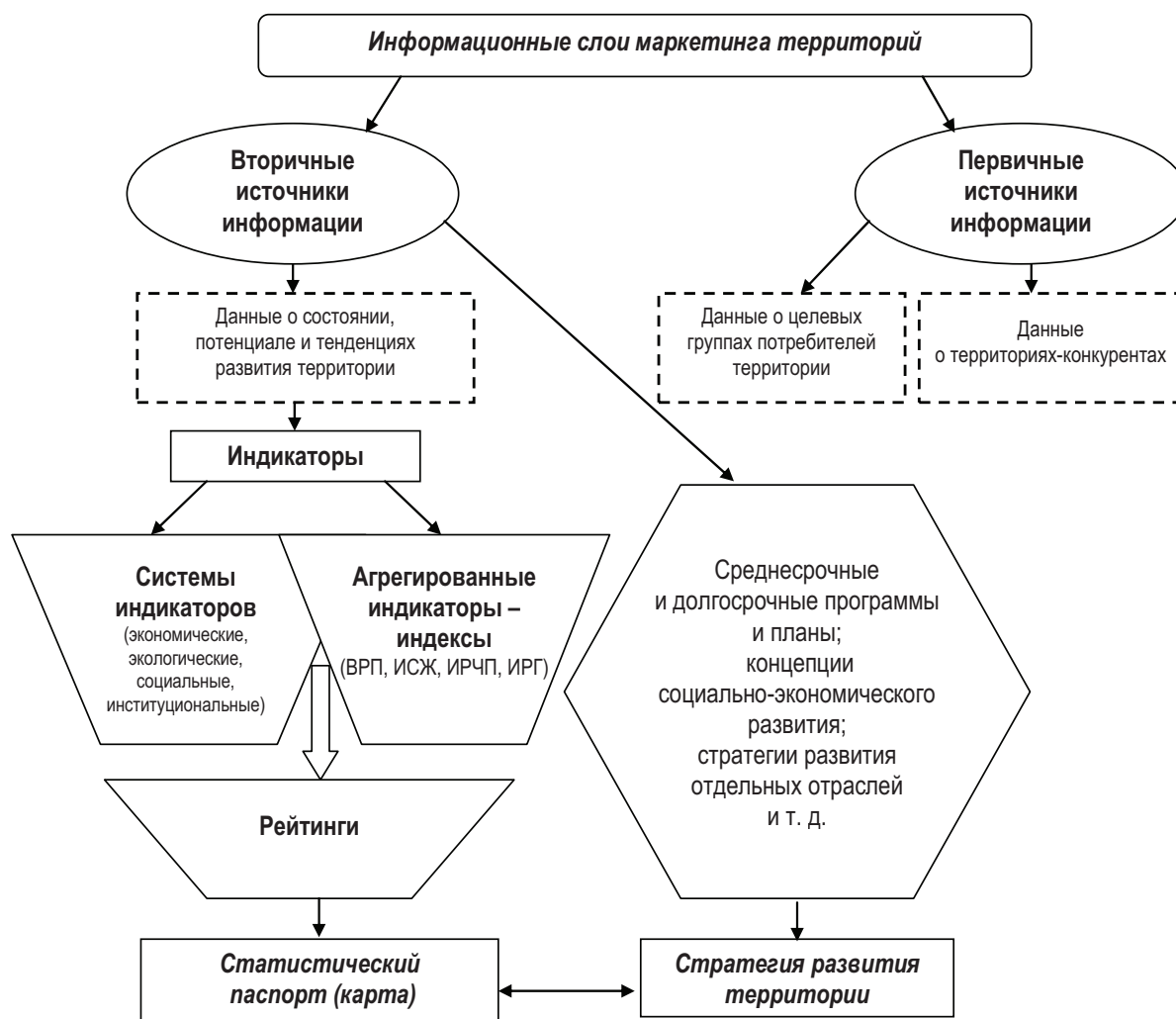

Рис. 1. Структура информационных слоев маркетинга территорий

- оценка положения территории в сравнении с другими городами и регионами;
- привлечение иностранных инвестиций и программ, расширение сотрудничества с международным сообществом;
- информирование сообщества и привлечение общественности к участию в гражданской деятельности.

Индикаторы состояния территорий характеризуют такие проблемы развития, как доступность жилья, развитие инфраструктуры, возможность пользования различными услугами, безопасность, загрязнение окружающей среды и др.

Показатель отношения цены на жилье к доходу – наглядный пример отдельно взятого индикатора, в котором отражается большое количество информации, характеризующей состояние рынка жилья. Учитывая, сколько годовых доходов домохозяйства необходимо для покупки нового дома, можно легко оценить доступность жилья и земли. Этот показатель изменяется от близкого к 1 в странах Северной Африки до 15 в городской черте Токио [8, с. 606].

Можно выделить два наиболее распространенных в теории и на практике мето-

дических подхода к разработке индикаторов, используемых для оценки социально-экономического развития территории:

1. Построение системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей:

- экономические;
- экологические;
- социальные;
- институциональные.

2. Построение интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей:

- эколого-экономических;
- эколого-социально-экономических;
- экологических;

Первой комплексной разработкой системы индикаторов устойчивого развития стала работа Комиссии по устойчивому развитию ООН, представленная более 10 лет назад (1996) [1, с. 15]. Общее число предложенных индикаторов составляло 132. Все

они были разделены на четыре группы: социальные (41), экономические (26), экологические (55) и организационные (10).

В 2006 г. была представлена модификация данной работы, Центр ООН по изучению поселений человека (Habitat) разработал Всемирную базу данных по индикаторам состояния городов. База данных включает в себя более 20 тысяч элементов информации по следующим разделам [8, с. 606]:

- базовая информация: основные демографические показатели, сведения о домохозяйствах, данные о доходах;
- социально-экономическое развитие: данные об уровне бедности, о занятости, информация по здравоохранению, образованию и преступности;
- инфраструктура: данные о предоставляемых в городах коммунальных услугах;
- транспорт: количественные и качественные данные о состоянии транспортного парка, операциях и инвестициях в него;
- охрана окружающей среды: данные о системах очистки воды, системах ликвидации твердых отходов, об аварийности этих систем;
- система местного самоуправления: информация о структуре местных органов самоуправления, их финансовой базе и степени вовлеченности населения в управление;
- жилье: данные о потребности в жилье, о его качестве и ценах на него, о земельном регулировании и строительной отрасли.

По данным разделам в базе данных содержится 40 ключевых индикаторов состояния городов, которые дают комплексное представление о перспективах и проблемах территориального развития.

В последнее время все чаще, наряду с системами, содержащими достаточно большое число показателей, разрабатываются «сжатые» системы индикаторов. Для лиц, принимающих решения и нуждающихся

лишь в самой приоритетной информации по устойчивому развитию территории, рекомендуется сокращенный список так называемых ключевых (или базовых) индикаторов эффективного социально-экономического развития территории.

Например, в рамках проекта Всемирного банка и Минэкономразвития по разработке систем индикаторов устойчивого развития для России была предложена достаточно «сжатая» система ключевых индикаторов, которая может стать основой для макроэкономических правительственных программ [1, с. 17]. Было предложено семь приоритетных ключевых индикаторов и их модификаций (см. табл.).

Выбор системы индикаторов для проведения мониторинга устойчивого социально-экономического развития территории должен, по мнению автора, осуществляться, во-первых, с учетом особенностей местного сообщества как объекта статистического наблюдения; во-вторых, исходя из задач, которые ставит практика управления муниципальным образованием или регионом.

Второй подход к построению индикаторов устойчивого развития территории предполагает разработку агрегированного (интегрального) индикатора – индекса. Индексы относятся к важнейшим обобщающим показателям, определяющим реальные параметры развития территории. В индексе различные индикаторы комбинируются в единый числовой показатель, используемый для сравнения явлений независимо от времени и места их нахождения.

В практике международных организаций широкое распространение для оценки социально-экономического развития территории получили следующие интегративного характера: ВРП на душу населения, индекс развития человеческого потенциала и индекс развития города.

Приоритетные базовые эколого-экономические индикаторы для России

Проблема	Индикатор
Потребление природных ресурсов Структура экономики Технологический уровень	1. Энергоемкость
Аварии и катастрофы Экологический ущерб Обновление основного капитала Технологический уровень	2. Коэффициент обновления основных фондов
Загрязнение окружающей среды Здоровье населения Технологический уровень	3(а). Выбросы загрязняющих веществ в воздух на единицу ВВП
	3(б). Выброс твердых веществ от стационарных источников
	4. Сброс загрязняющих веществ в воду на единицу ВВП
Отходы Технологический уровень	5. Количество неиспользованных и необезвреженных токсичных отходов
Сохранение экосистемных функций и биоразнообразия	6(а). Площади особо охраняемых природных территорий
	6(б). Не нарушенная хозяйственной деятельностью территория (оценка)
Глобальное изменение климата (рынок квот на выбросы парниковых газов)	7. Выбросы парниковых газов

Валовой региональный продукт (ВРП) – это обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг. Данный показатель рассчитывается на уровне отраслей и секторов производственным методом как разница между выпуском товаров и услуг и промежуточным потреблением, образованным из стоимости товаров и услуг, которые трансформируются или полностью потребляются в процессе производства.

Показатель ВРП как наиболее общий количественный индекс экономического развития региона комплексно характеризует экономику всех регионов, позволяет осуществить выработку устойчивой экономической политики и оценку эффективности принятых решений на региональном уровне. Межрегиональные сопоставления на его базе с использованием при необходимости дополнительных стоимостных и натуральных показателей позволяют определить направленность и интенсивность экономических процессов, ведущих к серьезным сдвигам в межрегиональном соотношении сил.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – это суммарный показатель уровня развития человека (так называемого «качества жизни» или «уровня жизни»). Индекс измеряет достижения регионов страны с точки зрения продолжительности жизни, получения образования и фактического дохода по трем основным направлениям.

1. Здоровье и долголетие, измеряемые показателем ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

2. Доступ к образованию, измеряемый уровнем грамотности взрослого населения и совокупным валовым коэффициентом охвата образованием.

3. Достойный уровень жизни, измеряемый величиной ВРП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС).

Итоговый индекс развития человеческого потенциала рассчитывается как среднеарифметическая сумма значений трех компонентов: индекса долголетия, индекса образования (состоящего из индекса грамотности с весом в 2/3 и индекса охвата обучением с весом 1/3) и индекса дохода. Первое место в рейтинге соответствует наивысшему значению ИРЧП. Значение ИРЧП 0,800 является нижней границей уровня развитых стран [6].

Индекс развития города (ИРГ) – это интегральный показатель, обобщающий факторы социально-экономического развития города и определяющий средний уровень благосостояния граждан и их обеспеченность городскими удобствами. Индекс развития города служит мерой амортизационных суммарных расходов, отчисляемых на протяжении длительного времени на нужды общественных и технических городских служб и инфраструктуры, являясь своего

рода эквивалентом человеческого капитала и основных материальных фондов города.

Прототип индекса развития города был разработан для нужд Второй конференции ООН по проблемам населенных пунктов (Хабитат II), проводимой с целью классификации городов по уровню их развития. В содержании данного отчета индекс используется в качестве статистической базы для сравнительной презентации ряда ключевых показателей всемирной базы данных по показателям городов, принадлежащей Центру ООН по проблемам населенных пунктов.

ИРГ включает 5 индикаторов, величина каждого компонента находится в пределах от 0 до 1. При ИРГ = 1 можно утверждать о достижении целей в областях внимания: человеческое развитие, жизненный потенциал, материальное благополучие, жилищные условия, безопасность среды обитания [4, с. 65]. Схема конструирования индекса устойчивого развития города дает представление о качественных изменениях, происходящих в городских подсистемах (см. рис. 2).

Оценка значения ИРГ как конечной цели социально-экономического развития представляет собой руководство к практическим действиям в построении модели будущей стратегии, способной удовлетворить исходную потребность при имеющихся возможностях. Организуемое непрерывное наблюдение за состоянием подсистем и общей системы позволит использовать мониторинг для создания информационной базы и регулирования управленческого воздействия на достижение цели.

Помимо ВРП, ИРЧП и ИРГ, вошедших в распространенную международную практику оценки эффективности развития территории, по мнению автора, стоит выделить индекс стоимости жизни в качестве информационного компонента разработки маркетинговой стратегии территорий.

Стоимость жизни есть стоимость материальных благ, необходимых человеку для его жизни. Ее называют прожиточным минимумом, который выражает денежную сумму, требующуюся для оплаты минимального набора необходимых материальных благ, или потребительской корзиной, куда входят продовольственные и непродовольственные товары и услуги (в натуральных единицах измерения), необходимые для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека.

В крупных городах стоимость жизни традиционно высока (относительно сельских районов). Именно этот показатель, наряду с обеспеченностью современными городскими удобствами и благами, выступает одним из ведущих [8, с. 609].

Специалисты Федеральной службы государственной статистики (Росстат) подсчитали так называемый индекс стоимости жизни (ИСЖ) для почти 300 городов. Рас-

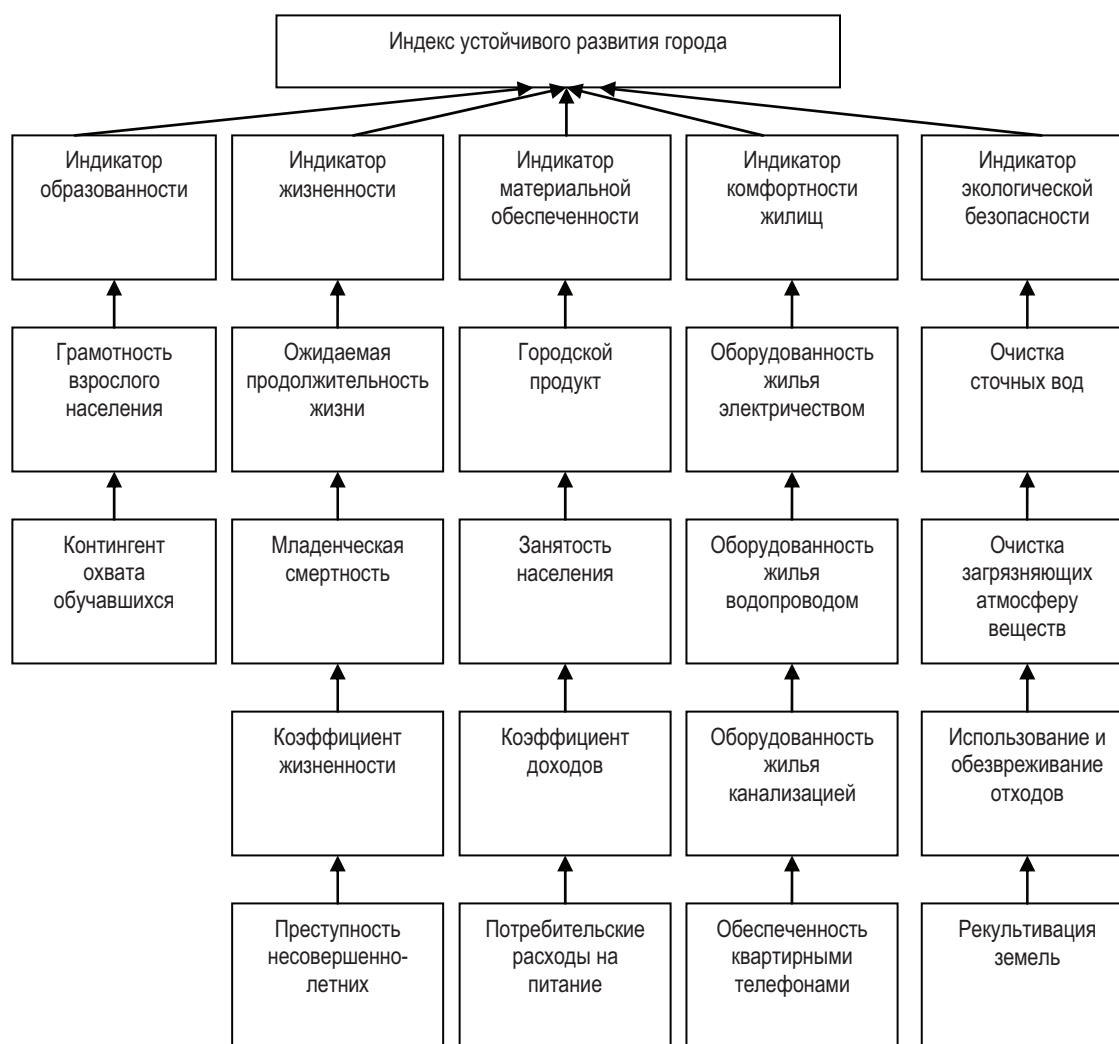

Рис. 2. Схема конструирования индекса устойчивого развития города

считывается он исходя из средней цены проживания в целом по России. Это усредненное значение берётся за 100 %, соответственно, ИСЖ для конкретного города выражается также в процентах и показывает, насколько жизнь в этом населенном пункте дороже или дешевле, чем в среднем по стране.

Стоимость жизни в городах мира особенно важна для оценки перспектив миграции и развития рынка туристических услуг [2, с. 122]. Для туристов стоимость жизни в том или ином городе существенно редуцирована и выглядит преимущественно на уровне карманных расходов. Вместе с тем надо иметь в виду: подобно тому, как человека встречают по одежке, так и города во многом воспринимаются и оцениваются гостями преимущественно по местам прибытия и убытия (аэропортам, вокзалам) и отдельным (прежде всего центральным) районам и улицам [9, с. 552].

Так, нью-йоркским властям удалось добиться закрытия сомнительного рода лавок и секс-клубов на знаменитой Таймс-сквер, заменив их тематическими ресторанами и

театральными площадками. В результате площадь, по которой недавно не советовали прогуливаться после наступления темноты, снова обрела привлекательность не только для публики, но и для большого бизнеса. Резко возросла стоимость аренды помещений, а сама Таймс-сквер вошла в десятку самых дорогих улиц мира [8, с. 608].

Наряду с индикаторами и индексами, целесообразно выделить формируемый на их основе еще один слой информации, содержащий *рейтинги* – формализованные чаще всего в виде шкал инструменты сопоставления ряда анализируемых объектов по определенным интегральным характеристикам [7, с. 23]. Рейтинги создаются обычно имеющими общественное признание экспертными социальными институтами, регулярно публикуются и обновляются. Они позволяют субъектам принятия решения осуществлять выбор между различными охарактеризованными объектами в отношении тех или иных действий.

Важнейшими показателями при определении рейтинга территории являются экономическая база, ее рост и диверсифи-

кация. Применяемая при этом единая международная шкала включает следующие позиции [8, с. 608]:

- экономические условия (демографическая ситуация, структура местного хозяйства, перспективы роста);
- организационная и административная структура (отношения между различными уровнями власти, баланс доходов и расходов, системы управления);
- финансовая гибкость и результаты деятельности (уровень ликвидности, объемы долговых обязательств, размеры забалансовой задолженности).

В качестве наиболее известных можно выделить ежегодно обновляющиеся, основанные на международных исследованиях следующие рейтинги городов: рейтинг городов мира по уровню качества жизни (международная консалтинговая компания в сфере человеческих ресурсов Mercer), рейтинг лучших городов для бизнеса (журнал Forbes), рейтинг известных городов с точки зрения ценности их брендов (компания Global Market Insite, Саймон Энхольт).

Таким образом, задачи использования индикаторов, индексов и рейтингов состоят в отслеживании и анализе сдвигов в системе социально-экономических отношений территории; в динамике условий и уровня жизни различных общественных групп; в изменении их ценностных ориентаций и потребностей; в отношении к политике государственной и муниципальной властей; в проверке ряда альтернативных стратегий дальнейшего развития общества. При комплексном использовании данных показателей можно составить статистический паспорт (карту) территории, характеризующий изменения состояния различных подсистем территории.

Мониторинг устойчивого социально-экономического развития территории, проводимый на основе расчета и сопоставления индикаторов, индексов и рейтингов, служит информационной базой для определения основных свойств маркетинговой привлекательности территории и выделения на их основе приоритетов стратегии развития.

В качестве основы информационного обеспечения разработки маркетинговой стратегии территории в рамках информационного слоя «вторичные источники информации» можно выделить систему стратегических направлений деятельности территории. Стратегия развития представляет собой документ, определяющий долгосрочное направление развития территории и задающий его приоритеты.

Стратегия развития территории – это системно организованный документ, консолидирующий и развивающий представления о том, в каких направлениях, для достижения каких целей и с какими результатами должна функционировать и разви-

ваться территория в интересах ее населения и бизнеса, окружающих территорий и страны в целом.

При разработке стратегий территорий должны быть критически рассмотрены ранее выполненные среднесрочные и долгосрочные прогнозы, концепции, стратегии развития отдельных отраслей, среднесрочные и долгосрочные программы и планы для включения в стратегии наиболее существенных и непротиворечивых положений этих документов [11, с. 6]. Стратегии определяют перспективы территорий на длительный период, но, в отличие от прогнозов, они намечают то, что при любых вариантах развития должно быть осуществлено, в качестве неперемного условия выступает устойчивое функционирование и развитие территории.

Главная проблема – разработать, принять и реализовать такую стратегию, которая не просто соответствовала бы приоритетам и интересам определенных групп лоббирования, а объективно нацеливалась бы на перспективные цели территориального развития с учетом складывающейся и прогнозируемой экономической конъюнктуры [5, с. 64]. На решение этой задачи нацелена концепция ключевых факторов успеха (ключевых компетенций) городов и территорий, развиваемая в последние годы рядом западных исследователей (Ф. Котлером, И. Балдерьяном) на основании разработок профессора Гарвардского университета Р.М. Кантера.

В соответствии с этой концепцией для успеха территориальных сообществ в условиях глобализированной рыночной экономики решающее значение имеет формирование совокупности «твердых» и «мягких» системных факторов, обеспечивающих владение [3, с. 4]:

- компетенцией мастерства, т. е. способностью производить товары и услуги в сфере материального производства на уровне высших мировых стандартов;
- компетенцией знаний, т. е. способностью создавать и продавать новые знания, технологии и наукоемкие продукты и услуги;
- компетенцией связей, т. е. способностью создавать и продавать услуги в сфере коммуникации и коммутации материальных, информационных и финансовых потоков;
- компетенцией эффективного управления территорией как единой системой (корпорацией), направленной на достижение общих целей ведущих групп влияния;
- компетенцией сотрудничества, т. е. способностью эффективно выявлять и согласовывать интересы различных групп влияния, стратегических партнеров и на этой основе формулировать общие цели и стратегии их достижения;
- компетенцией жизнеобеспечения, т. е. способностью создавать среду обитания, удовлетворяющую и превосходящую ожи-

дания представителей ведущих групп по совокупности важных для них аспектов качества жизни.

Стратегия рождается на основе системного, многоуровневого, детального анализа состояния системы и внешних условий и позволяет [8, с. 612]:

- оценить условия, в которых будет проходить развитие территории, ее преимущества и недостатки, чтобы минимизировать угрозы (отрицательные эффекты) и максимизировать возможности (положительные эффекты), – SWOT-анализ;

- четко определить согласованные в территориальном сообществе общие цели, позиционировать ее, в том числе среди конкурентов, по ключевым направлениям;

- оптимально сочетать политику продукта с политикой «цены» территории, распределения ресурсов и продвижения территории;

- скоординировать программы городского развития;

- получить ориентиры и инструменты для измерения и оценки результатов развития.

При выборе стратегии экономического развития местные власти часто допускают определенные ошибки, что может быть связано с их стремлением двигаться вперед как можно быстрее и стремительно достичь нужных результатов.

Так, реализация новой экономической стратегии в Гамбурге сопровождалась значительным ростом цен на жилье. К началу 1990-х гг. осталась высокой (на уровне 12 %) безработица. В целом весьма богатый город, с наиболее высокой долей миллионеров в Германии (2 на 1000 жителей), в буквальном смысле слова содержал самую большую для страны долю безработного населения – 105 на 1000 человек. Результаты экономического возрождения Гамбурга были распределены очень неравномерно [8, с. 614]. Урок Гамбурга еще раз свидетельствует: экономические программы должны сопровождаться устойчивой социальной политикой. Именно в таком комплексном подходе и проявляется одна из сильных сторон стратегического планирования.

Стратегии – документы, которые при неизменности целей развития территории и направлений их достижения должны постоянно конкретизироваться и обновляться в соответствии с текущей ситуацией и новыми проблемами. В большинстве городов, где стратегии развития уже разработаны, такая работа проводится. Так, в Астане разработан проект Плана мероприятий по реализации Стратегического плана устойчивого развития города Астаны на очередной среднесрочный период (2009–2012 гг.). На этот период во главу стратегии развития Астаны становятся такие актуальные задачи, как финансовая стабильность, усиленное развитие промышленных производств, малого и

среднего бизнеса, стабилизация ценового сегмента на рынке жилья и потребительском рынке [11, с. 14]. В связи с этим в проекте нового Плана мероприятий определены соответствующие меры развития Астаны на 2009–2012 гг., учитывающие текущие и будущие потребности города, а также имеющиеся трудовые, финансовые, природные ресурсы.

Стратегическая ориентация территории позволяет в каждый конкретный момент времени направлять усилия и ресурсы именно в русло общего вектора развития – приниматься решать многочисленные мелкие текущие задачи [10, с. 25]. Более того, наличие стратегического документа является ключевым механизмом позиционирования территории в информационном пространстве в силу того, что в стратегии определяется то, каким образом сама власть видит свою территорию, как она ее представляет вовне, а также выявляются целевые аудитории, в установлении коммуникации с которыми территория максимально заинтересована. Стратегические документы позволяют структурировать информационные потоки, акцентируя именно те мероприятия, события и факты, которые подтверждают обоснованность выбранных направлений развития и обеспечивают реальное следование заданным направлениям.

Первичные источники информации

представляют собой данные, которые формируются непосредственно в процессе проведения специальных исследований (опросов, наблюдений, тестирования, собеседований и т. д.). Информацию, получаемую в ходе сбора первичных данных для целей разработки маркетинговой стратегии территории, можно разделить на две группы:

1) данные о целевых группах потребителей территории:

- необходимые для сегментирования рынка и определения целевого сегмента потребителей;

- о потребностях целевого сегмента относительно полезных свойств территории;

- о реакции целевого сегмента на маркетинговые мероприятия;

2) данные о территориях-конкурентах: их маркетинговые инициативы и целевые установки.

Наиболее важным источником маркетинговой информации служат целевые группы потребителей территории. Их представления о территории, ожидания и потребности, возможности влияния на результаты маркетинга лежат в основе перспективной маркетинговой стратегии территории. Распространенными методами сбора данных о целевом сегменте являются опросы (анкетирование), фокус-группы, интервью и наблюдения.

Поскольку в некоторых случаях целевые группы потребителей территории могут

быть некомпетентны в вопросах позиционирования и планов продвижения, например, территорий-конкурентов, необходимо привлекать экспертов в данных областях с целью сбора авторитетной, соответствующей целям исследования информации.

Таким образом, в качестве информационной основы разработки стратегии маркетинга территории выделяют два слоя: а) вторичные источники информации, а именно систему обработанных статистических данных социально-экономического развития территории, представленную расчетом, анализом и сопоставлением индикаторов, индексов и рейтингов, и систему стратегических направлений деятельности территории, отраженных в стратегии развития территории; б) первичные источники информации – данные о целевой группе потребителей и конкурентах. Использование данных информационных слоев является необходимым и достаточным для информационного обеспечения принятия управленческих решений относительно разработки перспективной маркетинговой стратегии территории.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бобылев С. Н.* Индикаторы устойчивого развития: региональное измерение. М., 2007. 60 с.
- [2] *Жердева О. В.* Роль маркетинга в идентификации территорий // *Маркетинг в России и за рубежом.* 2006. № 2. С. 117–126.
- [3] *Кудрявцев Ю. Н.* Роль малых (средних) городов в стратегии территориального маркетинга и устойчивого развития регионов // *Леонтьевский центр.* 2002. Апрель. С. 4–18.
- [4] *Менова Н. Ф.* Социальные аспекты устойчивого социально-экономического развития муниципального образования // *Вопросы статистики.* 2006. № 5. С. 63–67.
- [5] *Морозова Г. А.* Муниципальный маркетинг. Н. Новгород : Волго-Вятское кн. изд-во, 2002. 154 с.
- [6] *Новости гуманитарных технологий.* URL: <http://www.gtmarket.ru>.
- [7] *Оклер К.* Держа руку на пульсе городов // *Эра городов.* 1998. Лето. С. 20–28.
- [8] *Панкрухин А. П.* *Маркетинг.* М. : *Омега-Л,* 2006. 762 с.
- [9] *Панкрухин А. П.* *Муниципальное управление: маркетинг территории.* М. : *Логос,* 2002. 598 с.
- [10] *Савинов Г. Г.* *Стратегическое маркетинговое планирование // Особенности стратегического планирования развития городов в постсоветских странах.* СПб., 2004. 225 с.
- [11] *Стратегии развития крупных городов : проект Сводного доклада Форума «Стратегии крупных городов. Инвестиционные строительные программы» Международной ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ).* М., 2009. 25 с.

ОСОБЕННОСТИ МАРКЕТИНГА ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУРАХ СЕТЕВОГО ТИПА

Рассматриваются основные тенденции развития маркетинга партнерских отношений в практике современного бизнеса. Основной акцент сделан на особенности концепции маркетинга отношений в рамках сетевой теории развития организации.

Ключевые слова: маркетинг партнерских отношений, предпринимательская структура, сеть, интеграция, инновационная деятельность.

За последние 20 лет произошли значительные качественные изменения в практике бизнеса, что предопределило стремительное развитие теории маркетинга партнерских отношений в России и за рубежом.

На всей территории России процессы дезинтеграции и размежевания в прошлом единого постсоветского экономического пространства стали уступать место налаживанию связей, взаимодействию, объединению и интеграции [3, с. 196]. На промышленном рынке тенденция состоит еще и в том, что укрупнение бизнеса происходит не только за счет слияния, поглощения или присоединения, но и преобладает все более сложный характер, когда отдельные компании, даже очень крупные, перестают существовать в качестве самостоятельной структуры на рынке [1, с. 112]. Вместо нескольких разрозненных предприятий, появляется интегрированная бизнес-структура, консолидированные экономические возможности которой в значительной мере превышают возможности любого из входящих в нее участников.

Все это приводит к расширению понятия «предприятие» и введению более емкого и современного термина «предпринимательская структура», который рассматривается с разной степенью детализации в работах И.Н. Герчиковой, А.В. Микрюкова, Г.С. Мерзликиной, А.М. Варфоломеевой, О.В. Мосейко, З.Н. Босчаевой, Р.В. Кобучей и др.

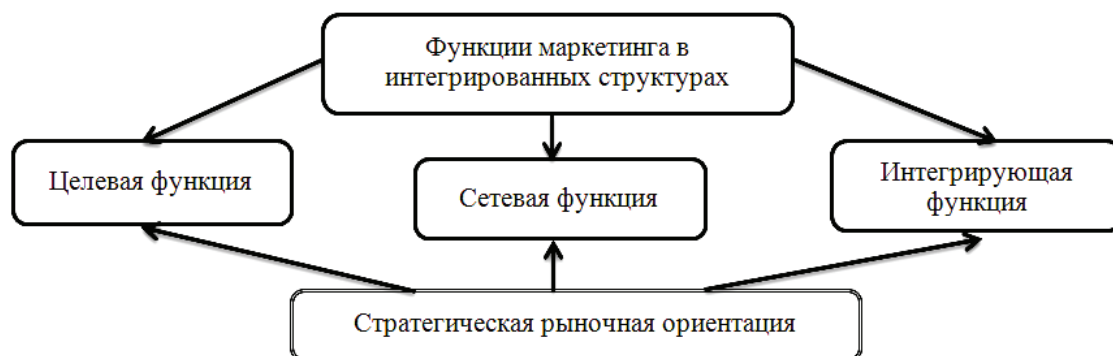
Отметим, что четкого определения, что такое предпринимательские структуры, в научной литературе нет, однако большинство исследователей выделяют некоторые отличительные характеристики, которые присущи данным субъектам рыночных отношений:

- инновационно-предпринимательская основа деятельности [4, с. 67];
- персонал выступает и как ресурс, и как интегратор всех протекающих процессов в структуре [7, с. 199];
- сложный состав структуры: предпринимательская структура представляет собой интеграцию субъектов на микро-, мезо- и макроуровнях функционирования экономики [8, с. 117];
- открытая система отношений: предпринимательская структура характеризуется системой экономических, социальных, политических и духовных отношений, возникающих в структуре и за ее пределами [4, с. 67].

Таким образом, под предпринимательской структурой можно понимать некоторое объединение (интеграцию) различных бизнес-структур в рамках определенного уровня функционирования экономики, в котором:

- движущей силой является предприниматель, осуществляющий инновационно-предпринимательскую деятельность;
- функционирует открытая система взаимоотношений, поддерживаемая усилиями персонала, входящего в данное объединение.

С.Ю. Александров выделяет следующие функциональные особенности маркетинга в интегрированных промышленных структурах (см. рис.).

Функциональные особенности маркетинга в интегрированных структурах¹

По его мнению, эта схема применима и к предпринимательским структурам, так как они являются определенным результатом интеграционных процессов – объединением, а значит, и выделенные особенности маркетинга им также присущи.

На рисунке видно, что одной из основных функций маркетинга в интегрированных структурах является сетевая функция, которая подразумевает, что участники интеграционных процессов, в совокупности образуя сеть, вступают во взаимодействие, механизмы и эффективность которого должны быть описаны с точки зрения теории маркетинга. На текущий момент вопросы взаимодействия участников в сетях, в частности на промышленных рынках, до конца не изучены и только недавно начали получать серьезное развитие в теории маркетинга партнерских отношений. Подтверждению этому служат работы С. Куца, Г. Багиева, О. Юлдашевой, О. Третьяк, С. Авдашевой, М. Руденко, Н. Апаринной, И. Гурковой, Т. Долгопятовой и других, посвященные вопросам формирования и функционирования взаимоотношений между хозяйствующими субъектами.

Развитие сетевого взаимодействия, по мнению П. Дракера, детерминирует наиболее радикальные изменения концепции маркетинга взаимодействия. П. Дракер назвал экономику будущего «обществом сетей» (network society). Более того, по мнению К. Прахалада и В. Рамасвами, в современном мире происходит смещение фокуса ключевых компетенций от отдельной компании к сети (см. об этом: [9, с. 253]). Любые виды кооперативных, договорных, информационных, территориальных, правовых, финансовых и других взаимосвязей могут быть определены как сетевая форма интеграционного взаимодействия. К тому же понятие «сеть» не ограничивается какой-либо организационной или правовой формой, оно, по сути, отражает современные тенденции к интеграции, происходящие в экономическом сообществе.

Сетевые объединения решают проблемы рационального оформления партнерских отношений, нахождения компромисса меж-

ду централизацией и децентрализацией управления, успешного хозяйствования нескольких субъектов в условиях достижения общих целей при значительной изменчивости и неопределенности внешней среды, снижения зависимости отдельной фирмы от собственных ресурсов [6, с. 211].

Первоначально исследования на тему сетевой организации были ориентированы на изучение отношений между поставщиком и/или потребителем (дистрибьютором). Позднее количество субъектов было расширено и исследования стали направлены на анализ связей и форм взаимодействия между всеми субъектами сети.

В настоящее время сетевой подход широко используется в теории организации, промышленного маркетинга и маркетинга услуг, управления каналами поставок, а также при исследовании субъектов рынка на уровне компаний, отраслей и сфер.

Одно из достаточно емких определений маркетинга партнерских отношений с позиции теории сетей выглядит следующим образом: маркетинг отношений – это философия управления сложноорганизованным бизнесом, который все чаще представляет собой совокупность юридически независимых бизнес-партнеров, объединенных процессом создания и доставки потребительских ценностей [2, с. 272].

Таким образом, цель маркетинга партнерских отношений в сетях – создание и доставка ценностей участникам партнерства, однако субъектом управления выступают не отдельные предприятия, а крупные и сложные предпринимательские структуры.

При этом организация рационального взаимодействия субъектов рыночной сети рассматривается как сложная задача, эффективность решения которой зависит от ряда факторов. К их числу можно отнести характер и тип организационной структуры сети, сложность стоящей перед ней задачи, регламент взаимодействия субъектов сети, методики управления их действиями, отражающие динамику взаимодействия субъектов [5, с. 121].

В сетевой теории система маркетинга партнерских отношений находит свое от-

ражение в формировании и развитии маркетинговых сетей.

С научной точки зрения появление маркетинговых сетей – это не что иное, как практическое выражение концепции маркетинга партнерских отношений, трактуемого в теории как сделки, постоянно заключаемые между сторонами в течение длительного периода времени [1, с. 116]. Предприятия в составе сети становятся частью неформальной, неофициальной юридически бизнес-группы. Следовательно, границы современного предприятия становятся размытыми, их необходимо устанавливать и рассматривать, исходя из совокупности ресурсов, которыми обладают предприятия – участники сети, бизнес-процессов, необходимых для производства и предложения конечного продукта целевому потребителю.

Маркетинговая сеть включает саму фирму и другие организации, с которыми она создала долгосрочные надежные отношения. При этом эффективность функционирования маркетинговой сети определяется несколькими измерениями, которые являются минимальными требованиями, предъявляемыми к этим сетям: долгосрочность обязательств (гарантии), отзывчивость, взаимность и доверие.

Обязательства: две или более сторон должны гарантировать друг другу развитие долгосрочных контактов, обоюдные интересы должны совпадать.

Отзывчивость: способность видеть ситуацию со стороны.

Взаимность: всякие долгосрочные отношения между сторонами предполагают некоторую часть уступок, благосклонность к другим в обмен на такое же расположение.

Доверие: отражает степень уверенности одной стороны в честности и порядочности другой; является, в конечном счете, скрепляющим элементов в отношениях на долгие годы.

Отличительным элементом концепции маркетинга партнерских отношений в бизнес-сетях является такой показатель, как маркетинговая совместимость. Маркетинговую совместимость можно характеризовать как способность субъектов сети функционировать в определенной маркетинговой обстановке без снижения заданных плановых параметров результативности систем маркетинга каждого из субъектов, входящих в сеть [5, с. 120]. При этом маркетинговая обстановка рассматривается как среда, создаваемая совокупностью маркетинговых мероприятий, проводимых бизнес-субъектами в рамках имеющегося у них маркетингового потенциала.

С экономической точки зрения отклонение (снижение) уровня маркетинговой обстановки может приводить к снижению уровня маркетинговой совместимости, а в отдельных случаях – к уменьшению эффек-

тивности взаимодействия партнеров сети в целом. В таких ситуациях потребители, посредники, поставщики и покупатели могут выступать катализаторами в процессе поддержания маркетинговой совместимости бизнес-субъектов сети. Тем самым маркетинговая совместимость может выступать как фактор, обеспечивающий прирост ценностей каждой фирме, входящей в сеть, и, соответственно, рост ценности сети в целом.

Подводя итог всему вышесказанному, правомерно сделать следующие выводы:

– сегодня понятие «предприятие» заменяется более емким и современным термином «предпринимательская структура», который появился в результате активных интеграционных процессов, протекающих в современной экономике, и обозначает объединение различных бизнес-структур в рамках определенного уровня функционирования экономики, в котором движущей силой является предприниматель, осуществляющий инновационно-предпринимательскую деятельность; также в таком объединении функционирует открытая система взаимоотношений, поддерживаемая усилиями персонала, входящего в него;

– одной из функций маркетинга предпринимательских структур является сетевая функция, которая подразумевает, что участники интеграционных процессов, в совокупности образуя сеть, вступают во взаимодействие, механизмы и эффективность которого могут быть описаны с точки зрения теории маркетинга, в частности при помощи концепции маркетинга партнерских отношений;

– цель маркетинга партнерских отношений в предпринимательских структурах – создание и доставка ценностей участникам партнерства, однако субъектом управления выступают не отдельные предприятия, а крупные и сложные предпринимательские структуры;

– система маркетинга партнерских отношений в предпринимательских структурах определяется формированием и развитием маркетинговых сетей, которые включают саму фирму и другие организации, с которыми она создала долгосрочные надежные отношения;

– эффективность функционирования маркетинговой сети определяется несколькими измерениями, которые являются минимальными требованиями, предъявляемыми к данным сетям: долгосрочность обязательств (гарантии), отзывчивость, взаимность и доверие;

– отличительным элементом концепции маркетинга партнерских отношений в предпринимательских структурах является такой показатель, как маркетинговая совместимость, т. е. способность субъектов сети функционировать в определенной маркетинговой обстановке без снижения

заданных плановых параметров результативности систем маркетинга каждого из субъектов, входящих в сеть; данный показатель следует рассматривать как один из критериев эффективности функционирования маркетинговых сетей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Разработано на основе [1, с. 116].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Александров С. Ю.* Закономерности развития и функциональные особенности маркетинга в интегрированных промышленных структурах // Вестн. ИНЖЭКОНА. 2009. № 2. С. 112–118.
- [2] *Багиев Г.* Концептуальные основы формирования маркетинга взаимодействия в условиях развития рыночных сетей // Проблемы современной экономики. 2009. № 4 (32). С. 271–275.
- [3] *Дубинин В.* Развитие предпринимательских структур в регионе на основе инноваций и интеграций // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2010. № 1. С. 196–201.
- [4] *Кобучей Р. В.* Содержание понятия «предпринимательская структура» // Маркетинг і менеджмент інновацій. 2012. № 1. С. 64–68.
- [5] *Коряк В. А.* Специфика маркетинга взаимодействия в сетях: сущность и развитие // Вестн. Ростов. гос. ун-та. 2011. № 4. С. 117–124.
- [6] *Махмудова А. И.* Разновидности сетевой формы интеграции в промышленности // Вестн. АГТУ. Серия: Экономика. 2010. № 1. С. 211–218.
- [7] *Мерзликina Г. С., Варфоломеева А. М.* Процессное управление предпринимательской структурой // Вестн. АГТУ. Серия: Экономика. 2010. № 2. С. 199–203.
- [8] *Мосейко О. В., Босчаева З. Н.* Предпринимательские структуры как самоорганизующиеся системы // Вестн. АГТУ. Серия: Экономика. 2012. № 1. С. 116–120.
- [9] *Шлафман А. И.* Предпосылки возникновения концепции сотрудничества предпринимательских структур // Вестн. ИНЖЭКОНА. 2010. № 2 (37). С. 251–255.

УПРАВЛЕНИЕ МАРКЕТИНГОМ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В зависимости от области применения маркетинговые инструменты приобретают различные свойства. Одна из самых актуальных, малоразработанных, а оттого и дискуссионных областей – маркетинг инноваций и инновационных систем.

Ключевые слова: инновационная система, маркетинг инноваций, управление инновациями, инновационный менеджмент.

Различные авторы имеют свое представление относительно содержания понятия маркетинга в области управления инновациями. Для этого прежде всего необходимо определить смысловое содержание понятия маркетинга применительно к формированию региональной инновационной системы путем рассмотрения разных точек зрения особенностей маркетингового подхода к управлению инновациями. Это позволит в дальнейшем решать задачи, которые стоят перед маркетингом при формировании региональной инновационной системы. Стоит отметить, что адаптацию процесса управления маркетинга для формирования инновационной системы необходимо будет проводить в соответствии с выявленными задачами.

Для начала необходимо рассмотреть процесс управления инновациями, который многие авторы называют инновационным менеджментом. В.М. Аньшин и А.А. Дагаев дают следующее определение: «Инновационный менеджмент – это организация и планирование (включая мотивацию и контроль) процессов разработки и внедрения новшеств на объектах различных уровней, направленные на достижение инновационных целей этих объектов» [1, с. 9]. Стоит отметить, что процессы разработки и внедрения новшеств можно по-другому назвать инновационными процессами [2, с. 9]. Значит, инновационный менеджмент – организация и планирование (включая мотивацию и контроль) инновационных процессов.

А.В. Сурин и О.П. Молчанова определяют это понятие следующим образом: «Инновационный менеджмент представляет собой совокупность принципов и методов, инструментов управления инновационными процессами. Другими словами, инновационный менеджмент как самостоятельная область экономической науки и профессиональной управленческой деятельности представляет собой одну из разновидностей функционального менеджмента, непосредственным объектом которого выступают инновационные процессы во всем их разнообразии. Это определяет место инновационного менеджмента в системе управленческих дисциплин» [2, с. 15].

О.М. Хотяшева утверждает, что инновации в широкой интерпретации – это научно-технический прогресс в рамках отраслей, стран и регионов, а в узком смысле под ними следует понимать конкретные нововведения на фирме. Такое понимание инноваций дает возможность выделения инновационного менеджмента как процесса управления нововведениями, основанного на применении присущих менеджменту принципов и функций [3, с. 6]. Управление нововведениями заключается в организации процессов их разработки и внедрения, т. е. в организации инновационных процессов.

Следовательно, можно сделать вывод, что инновационный менеджмент – сфера управленческой деятельности, направленной на формиро-

вание инновационных процессов, а также область экономической науки, объектом которой являются инновационные процессы, а предметом – повышение эффективности инновационных процессов.

Далее перейдем к рассмотрению понятия маркетинга в области инновационного менеджмента. Маркетинг – функция менеджмента. По нашему мнению, основная задача маркетинга – увеличение процента удачных сделок между продавцом и покупателем определенного продукта путем адаптации продуктового предложения (решения в области продукта и цены) под нужды покупателя с учетом интересов и целей продавца. Причем в функциональную область маркетинга входит задача обеспечения условий осуществления сделки (выбор правильного канала сбыта, информирование покупателей). С точки зрения логики основная задача маркетинга в области управления инновациями – увеличение числа результативных сделок между «держателем» инновации и ее будущим «пользователем» путем обеспечения условий осуществления сделки и адаптации инновации как инновационного продукта или как инновационного проекта, в зависимости от стадии жизненного цикла инновации, под нужды конкретного пользователя инновацией (конечного потребителя инновационных продуктов, организации, участвующей в реализации инновации или инфраструктурного элемента). С целью проверки гипотезы проанализируем существующие мнения авторитетных авторов насчет значения маркетинга в области управления инновациями.

Наиболее часто в литературе понятия маркетинга инноваций и инновационного маркетинга отождествляются. Например, О.М. Хотяшева понимает инновационный маркетинг как «технология использования комплекса маркетинговых мер на протяжении всего жизненного цикла нововведения, начиная с поиска инновационной идеи и заканчивая уходом товара с рынка. Инновационный маркетинг является неотъемлемой частью инновационного менеджмента как процесса управления инновационной деятельностью и маркетинговой составляющей каждого конкретного инновационного проекта» [3, с. 19]. Из анализа данного определения следует, что О.М. Хотяшева рассматривает маркетинг инноваций с точки зрения маркетинга инновационного продукта, начиная с поиска идей для его разработки и заканчивая полным маркетинговым сопровождением в течение всего жизненного цикла инновационного товара.

В.Д. Секерин и С.А. Авраменко рассматривают понятие инновационного маркетинга с такой же точки зрения. Данные авторы утверждают, что цель инновационного маркетинга – продвижение инновации на рынок, под которой понимают инновационный продукт. По мнению В.Д. Секери-

на и С.А. Авраменко, предметная область инновационного маркетинга охватывает все стадии жизненного цикла инновации, все вопросы, связанные с организацией инновационного процесса и повышения эффективности инновационного менеджмента фирмы в целом [4]. Другими словами, инновационный маркетинг – концепция управления жизненным циклом инновации.

В.Д. Маркова утверждает: маркетинг инноваций необходим для обеспечения эффективного обмена инновационными продуктами на рынке инноваций, что достигается путем адаптации новинки под нужды потребителей [5, с. 276–277]. Другими словами, цель маркетинга инноваций – способствовать успешному внедрению инновационного продукта на рынок.

М.В. Иевенко рассматривает инновационный маркетинг как необходимую составляющую деятельности стартапов. Стратегический маркетинг играет ключевую роль для стартапа, так как именно в рамках данного процесса определяется направление развития продукта, а для стартапа это в большинстве случаев определяет и направление развития компании в целом [6]. Следовательно, М.В. Иевенко рассматривает маркетинг инноваций с точки зрения маркетинга инновационного проекта.

Г.Д. Зенина имеет аналогичное мнение насчет цели маркетинга инноваций, который, как она отмечает, необходим для успешного внедрения инновационного продукта на рынок. Для достижения данной цели нужно способствовать развитию инновационного продукта на всех стадиях инновационного процесса. Как утверждает Г.Д. Зенина, инновационный процесс можно рассматривать в узком и широком смысле. В первом инновационный процесс понимается как процесс внедрения новинки на рынок без рассмотрения процесса ее создания; во втором он включает научный процесс как первоначальную стадию разработки нововведения [7, с. 27].

В.М. Аньшин и А.А. Дагаев придерживаются аналогичного мнения. Рассматривая инновационный процесс в широком смысле, они анализируют маркетинг инноваций с точки зрения деятельности научно-технических организаций и их роли в инновационном процессе. Научно-технические организации участвуют в процессе разработки инновационных продуктов для предприятий, они задействованы в создании и продвижении инновационных проектов, адаптированных под требования предприятий с учетом рыночных тенденций и нужд потребителей [8, с. 541–543]. Результатом реализации инновационного проекта является инновационный продукт, который должен полностью отвечать явным или латентным нуждам конечных потребителей. Иными словами, для достижения основной цели маркетинга инноваций необходимо выполнить задачу маркетингового

сопровождения реализации инновационного проекта, результатом которой является инновационный продукт, максимально удовлетворяющий нужды конечного потребителя. При реализации инновационного проекта участвуют различные организации: вузы, научно-технические организации, разрабатывающие новинку, организации, которые будут осуществлять ее массовый выпуск, и т. д. Проекты могут реализовываться в рамках одной организации, но в их разработке могут участвовать и несколько организаций, которые последовательно реализуют различные этапы инновационного процесса. Задача маркетинга инноваций в данном случае – обеспечить передачу проекта «из рук в руки» и привлечь внимание к нему инфраструктурных элементов, предоставляющих финансирование и другую помощь в реализации инновационных проектов. Как утверждает Н.В. Шелехова, область действия инновационного маркетинга распространяется не только на продвижение на рынок инновационных продуктов, но и на продвижение инновационных проектов [9, с. 231].

И.В. Котляревская считает, что инновационный маркетинг и маркетинг инноваций составляют маркетинг в инновационной сфере (автор разделяет данные понятия, так как понимает инновационный маркетинг как инновации в области инструментов маркетинга, способов продвижения, а маркетинг инноваций как совокупность методик и инструментов продвижения инновационных продуктов). Маркетинг в инновационной сфере можно определить как ориентированное на рынок управление процессом создания и коммерциализации новых продуктов, технологий с целью удовлетворения потребностей субъектов хозяйствования и роста конкурентоспособности организации [10, с. 33]. Из анализа данного определения следует, что для успешной коммерциализации инновации необходимы маркетинговые усилия еще на стадии создания инновации с целью привлечения участников инновационного процесса и инфраструктурных организаций, способствующих успешной реализации каждой из его стадий.

Анализируя точку зрения В.П. Баранчеева, складывается мнение, что наиболее верное представление о маркетинге инноваций получается в ходе синтеза вышестоящих определений, в результате чего четко понимается сущность маркетинга инноваций. Конечная цель маркетинга инноваций – внедрение инновации на рынок и обеспечение ее конкурентоспособности. Успешное внедрение на рынок инновационных продуктов реализуется через управление жизненным циклом инновации, т. е. маркетинг инновации – концепция управления жизненным циклом инновации. Весь жизненный цикл состоит из четырех частей: 1) зарождение инновационной идеи и инно-

вационного проекта; 2) создание новшества; 3) распространение новшества; 4) потребление новшества. Как отмечает В.П. Баранчеев, первые две части жизненного цикла относятся к маркетингу инновационного проекта, а вторые две части – к маркетингу инновационного продукта. В данном случае под маркетингом инновационного проекта понимается продвижение проекта для участников инновационного процесса и для инфраструктурных элементов с целью реализации проекта и создания инновационного продукта, а под маркетингом инновационного продукта – продвижение продукта для конечных потребителей [11, с. 21–22].

Другими словами, маркетинг инноваций – совокупность инструментов повышения эффективности сделки между «держателем» инновации и ее «пользователем» на различных этапах жизненного цикла инновации путем обеспечения условий осуществления сделки и адаптации инновации под нужды конкретных пользователей (конечных потребителей инновационных продуктов, инфраструктурных элементов и т. д.). Иными словами, гипотеза, выдвинутая до анализа подходов различных авторов к понятию маркетинга в области управления инновациями, оказалась верной.

Итак, можно сделать вывод, что маркетинговый подход к управлению инновациями заключается в организации и планировании инновационных процессов с точки зрения удовлетворения потребностей пользователей инновациями с учетом целей держателей инноваций. Кроме того, из анализа различных подходов к понятию маркетинга в области управления инновациями следует, что маркетинг инноваций включает две предметные области: маркетинг инновационного проекта и маркетинг инновационного продукта.

Авторы данной статьи предлагают понимать маркетинг инновационного проекта с точки зрения внутренних процессов в фирме, когда менеджеры инноваций хотят продать проект, найти партнера, привлечь финансирование или иную поддержку, и с точки зрения обеспечения научно-технического процесса в регионе, стране путем поддержания непрерывности инновационных процессов в рамках страны, региона. Непрерывность инновационных процессов обеспечивается посредством институционализации процесса коммерциализации технологий. Я.С. Матковская утверждает, что институционализация процесса коммерциализации является тем динамичным механизмом, который проявляет себя на макроуровне в виде действующей и эффективной национальной инновационной системы, а на микроуровне складывается из ряда частных процессов институционализации коммерциализации инноваций, осуществляемых отдельными хозяйствующими субъектами [12]. То есть для обеспечения непре-

рывности инновационных процессов в пределах региона или страны необходимо формировать региональную (национальную) инновационную систему, в рамках которой будут упрощаться процедуры, способствующие обмену инновационными проектами, и будет повышаться результативность данных обменов.

По аналогии с определением маркетингового подхода к процессу управления инновациями маркетинговый подход к процессу формирования инновационной системы состоит в повышении эффективности взаимодействия участников инновационного процесса на стадии разработки и реализации инновационного проекта путем адаптации процессов в рамках системы под нужды различных типов участников инновационного процесса и обеспечения функционирования системы посредством информационной поддержки и координации взаимодействия участников.

Управление маркетингом при формировании инновационной системы реализуется через осуществление маркетингового подхода к созданию инновационной системы. Основная цель функционирования инновационной системы – обеспечение непрерывности инновационных процессов в пределах страны или региона, поэтому с целью ее адаптации под нужды участников инновационного процесса необходимо рассмотреть вопросы в теории, посвященные построению инновационных процессов, обеспечению осуществления данных процессов и их адаптации под нужды его участников, т. е. необходимо будет проанализировать методологические аспекты управления маркетингом инновационного процесса. В рамках инновационного процесса при разработке инновационного продукта реализуются инновационные проекты. Для успешного функционирования системы необходимо изучить условия обеспечения осуществимости сделок по передаче инновационного проекта от пользователя к пользователю или привлечения внимания инфраструктурных элементов к проекту, а также способы адаптации параметров инновационного проекта в соответствии с предпочтениями участников инновационного процесса, т. е. необходимо проанализировать методологические аспекты управления маркетингом инновационных проектов. С целью обеспечения функционирования системы необходимо организовать информационную поддержку

процесса формирования инновационной системы, основные задачи которой состоят в привлечении участников инновационного процесса и достижении максимального уровня мотивации всех потенциальных участников инновационного процесса в пределах региона или страны к осуществлению активной инновационной деятельности.

Понимание особенностей маркетингового подхода к формированию региональной инновационной системы позволило определить, какие методологические аспекты в области маркетинга инноваций слабо разработаны в процессе управления маркетингом при формировании региональной инновационной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аньшин В. М., Дагаев А. А. Инновационный менеджмент: концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития. М.: Дело, 2007.
- [2] Сурин А. В., Молчанова О. П. Инновационный менеджмент. М.: ИНФРА-М, 2009.
- [3] Хотьяшева О. М. Инновационный менеджмент. СПб.: Питер, 2006.
- [4] Секерин В. Д., Авраменко С. А. Стратегия инновационного маркетинга на промышленном рынке // Материалы конференции УТЭОСС. URL: <http://www.uteoss2012.ipu.ru/procdngs/1097.pdf>.
- [5] Маркова В. Д. Особенности маркетинга инноваций // Проблемы современной экономики. 2009. № 4.
- [6] Иевенко М. В. Маркетинг инноваций: основные аспекты // Venture business news: вестник инноваций и венчурного рынка. URL: <http://www.venture-news.ru/stati/27388-marketing-innovaciy-osnovnyye-aspekty.html>.
- [7] Зенина Г. Д. Особенности маркетинга инноваций в научно-технических организациях и на производстве // ИнВестРегион. 2008. № 2.
- [8] Аньшин В. М., Дагаев А. А. Указ. соч.
- [9] Шелехова Н. В. Роль маркетинга в инновационной деятельности предприятий // Экономические науки. 2009. № 7.
- [10] Котляревская И. В. Маркетинг в инновационной сфере. Екатеринбург, 2006.
- [11] Баранчев В. П. Маркетинг инноваций (радикальные и «подрывные» инновации – хайтек-маркетинг). М.: Благовест-В, 2007.
- [12] Матковская Я. С. Маркетинг коммерциализации рыночных инноваций: теория и методология: автореф. дис. ... д-ра экон. наук // Бесплатная научная библиотека авторефератов диссертаций. URL: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a187.php>.

СИСТЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ МОТИВАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ТРУДА В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИИ

На стыке психологии, административного и трудового права исследуется система духовно-нравственной мотивации управленческого труда в исполнительных органах государственной власти России, вносятся предложения по повышению его эффективности, превращению в творческий труд.

Ключевые слова: управленческий труд, законодательные основы, духовно-нравственная мотивация, познавательная потребность, принадлежность к коллективу, самоутверждение служащих, карьерный рост, признание успехов, творческий труд.

При решении проблем мотивации управленческого труда служащих нельзя абсолютизировать материальные факторы, акцентировать внимание главным образом на достижениях в удовлетворении их физиологических потребностей и потребностей в личной безопасности. Как только служащий обеспечит физическое выживание своего организма, почувствует себя защищенным, объективно возникает потребность самоутверждения. Сытого человека уже не вдохновишь на творческий труд одним хлебом, хлеб интересует лишь тех, у кого его нет.

Потребность в самоутверждении служащего является сложной по своей структуре. Во-первых, она включает настоятельную необходимость служащего в психологическом осознании своего места и значимости в своем коллективе, в утверждении собственной творческой деятельности в осуществлении управленческих функций, в высокой самооценке своих деловых способностей и трудовых навыков. В этом случае самоутверждение проявляется в практических результатах по достижению поставленных целей, в формировании качеств неформального лидера, в чувстве самодовольства. Служащий гордится тем, что он своим трудом добился успеха, занял высокое положение в обществе, обеспечил себя материально, заслужил почет и уважение. Во-вторых, потребность в самоутверждении выступает как надобность личности в признании ее успехов в труде со стороны руководства, коллектива служащих, общества. «Трудно придумать более дьявольское наказание (если бы такое наказание было физически возможно), – совершенно правильно подметил крупнейший западный философ Дж.У. Джемс, – если бы кто-нибудь попал в общество людей, где на него совершенно не обращали бы внимания. Если бы никто не оборачивался при нашем появлении, не отвечал на наши вопросы, не интересовался нашими действиями, если бы всякий при встрече с нами намеренно не узнавал нас и обходился с нами как с неодушевленными предметами, то нами овладело бы известного рода бешенство, известного рода бессильное отчаяние, от которого были бы облегчением жесточайшие телесные муки, лишь бы при этих муках мы чувствовали, что при всей безвыходности нашего положения, мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать внимания» [1].

При идеальном варианте организации управленческого труда в исполнительных органах государственной власти России удовлетворение потребностей служащих в самоутверждении, мотивы, цель и действия по выполнению должностных обязанностей будут находиться в полной гармонии. Если стремление к успеху как к средству удовлетворения потребности в самоутверждении присуще каждому служащему, то руководитель

должен создавать благоприятные условия для достижения успеха. Как только надежда на успех становится реальной, у служащего происходит резкое усиление мотивации управленческого труда. В противном случае удовлетворение его потребности в самоутверждении находит свое выражение в маниловщине, самопочитании, заносчивости, тщеславии.

Большое практическое значение для создания условий по удовлетворению потребности служащих исполнительных органов государственной власти России в самоутверждении имеют правовые нормы ст.14 Федерального закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2]. Они представляют каждому служащему гарантированное законом право:

- знакомиться с должностным регламентом и иными документами, определяющими его права и обязанности, критериями оценки эффективности исполнения его должностных обязанностей, показателями результативности профессиональной служебной деятельности и условиями должностного роста;

- получать информацию и материалы, необходимые для исполнения должностных обязанностей, а также вносить предложения по совершенствованию деятельности исполнительного органа государственной власти;

- знакомиться с отзывами о своей профессиональной служебной деятельности и другими документами до внесения их в личное дело;

- реализовать предоставленную возможность должностного роста на конкурсной основе.

Руководители исполнительных органов государственной власти России должны с помощью организационных средств создавать благоприятные условия для самоутверждения служащего в своем коллективе. Для этого необходимо давать служащему задания с элементом прогресса и творческого роста, регулярно информировать его о конкретных результатах работы, строго соблюдать принцип справедливости при вознаграждении за достигнутые успехи. Руководитель должен использовать любую возможность для того, чтобы подчеркнуть ценность и значимость каждого из своих подчиненных, его личный вклад в общее дело, интерес к решению сложных проблем или к разработке рискованных проектов. Создание атмосферы соперничества, поощрение неформальных лидеров, справедливая оценка успеха каждого служащего, пусть даже самого малого, должны стать постоянной заботой всех руководителей исполнительного органа государственной власти России.

Средством мотивации управленческого труда в исполнительных органах государственной власти России выступают благоприятные условия для удовлетворения познавательной потребности служащих в их профессиональной деятельности, создаваемые как государством, так и непосредственно их руководителями.

Познавательная потребность представляет собой сложное явление. Специалисты выделяют в ее содержании несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: 1) потребность в знаниях, их расширении, углублении и практическом применении; 2) потребность в понимании объективных процессов и явлений; 3) потребность в приобретении и усвоении общественного опыта, тех знаний, которые уже накоплены человечеством; 4) потребность в продуцировании, выработке новых знаний [3].

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации», закрепляя принцип профессионализма и компетентности служащих, возлагает на них обязанность постоянно поддерживать на должном уровне свою квалификацию (ст. 15). Одновременно государство гарантирует служащим возможность получения дополнительного профессионального образования, которое включает в себя профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку (ст. 62).

Закрепленные в законе формы дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих являются, на наш взгляд, основными формами удовлетворения познавательной потребности служащих органов государственной власти России как средства мотивации управленческого труда. В этой связи представляется целесообразным раскрыть их сущность, сформулировать научные определения.

Профессиональную переподготовку обычно понимают как форму приобретения дополнительных знаний и навыков, необходимых служащим для осуществления нового вида управленческой деятельности в исполнительных органах государственной власти. Ее проходят с целью усовершенствования и углубления имеющихся знаний, овладения современными навыками осуществления управленческих операций, выполнения нового вида профессиональной деятельности или получения дополнительной квалификации.

Повышение квалификации – это форма обновления знаний и совершенствования практических навыков служащих исполнительных органов государственной власти России, имеющих профессиональное образование, в связи с повышением требований к уровню их квалификации и необходимостью освоения ими новых приемов и способов решения профессиональных задач. В

процессе повышения квалификации должно произойти комплексное обновление знаний служащих в конкретной области их профессиональной деятельности, должны быть достигнуты актуальные изменения в ее содержании, практических приемах и способах достижения поставленных целей.

Стажировка представляет собой форму изучения служащими передового отечественного и зарубежного опыта осуществления управленческих операций в исполнительных органах государственной власти России и высокоразвитых зарубежных стран, закрепления теоретических знаний, полученных ими при освоении программ профессиональной переподготовки или повышения квалификации, приобретения практических навыков и умений для их эффективного использования при исполнении ими своих должностных обязанностей [4].

В соответствии со ст. 63 Федерального закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» организация профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки служащих осуществляется на основе государственного заказа. Для исполнительных органов государственной власти России он формируется с учетом их программ профессионального развития гражданских служащих, основанных на индивидуальных планах каждого служащего [5].

Порядок разработки индивидуальных планов развития гражданских служащих исполнительных органов государственной власти России урегулирован Указом Президента РФ от 26 декабря 2006 г. «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации» [6]. Согласно его предписаниям индивидуальный план разрабатывается каждым служащим в соответствии с должностным регламентом совместно с непосредственным руководителем сроком на три года. В нем указываются:

- цель, вид, форма и продолжительность получения дополнительного профессионального образования, включая сведения о возможности использования дистанционных образовательных технологий и самообразования;
- направления дополнительного профессионального образования;
- ожидаемая результативность дополнительного профессионального образования гражданского служащего (п.11).

Вместе с тем служащие исполнительных органов государственной власти России рассчитывают на удовлетворение своей познавательной потребности и непосредственно в трудовом коллективе. Еще Аристотель подметил, что «все люди от природы стремятся к знанию» [7]. Поэтому прохождение государственной службы должно стать средством расширения ориентации

человека в современном мире через познание служебных отношений, иерархии соподчиненности, техники управления, систему самопознания, открытие в себе и своих подчиненных новых способностей и практических навыков. Для этого подчиненным необходимо давать исчерпывающую информацию по всем служебным вопросам, чтобы они чувствовали себя не винтиками в огромной государственной машине, не безгласными орудиями достижения чужих целей, а полноправными участниками управленческого процесса, субъектами принятия важных решений. Только достаточно осведомленный служащий проявляет в своей повседневной работе удивительную изобретательность, активность и воображение, получая при этом большое удовлетворение от совершения практически значимой управленческой операции [8].

Серьезным средством мотивации повышения эффективности управленческого труда является создание благоприятных условий для удовлетворения потребности в принадлежности к коллективу служащих, в установлении деловых и личностных связей. Эта психологическая потребность человека отражает его желание иметь близкие, дружеские отношения с другими людьми, стремление о ком-то заботиться, нести ответственность за кого-то [9]. Служащие с ярко выраженной потребностью в принадлежности к своему коллективу значительно чаще других добиваются успеха в управленческой деятельности, требующей высокого уровня социального взаимодействия, где межличностные отношения особенно важны. Если в исполнительном органе государственной власти России межличностные отношения жестко ограничены должностными полномочиями руководителя и функциональными обязанностями подчиненных, то у руководителя неизбежно возникает чувство превосходства и чванливости, а у его подчиненных ощущение какой-то ущербности, профессиональной и личной неполноценности.

На эту сторону служебных отношений обратил внимание еще древнеримский философ-стоик Л.А. Сенека. Давая советы своему другу Луцилию, как вести себя с подчиненными, он писал: «...Обходишь со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобой обходились стоящие выше» [10].

Ведущая роль в создании благоприятных условий для удовлетворения потребности служащих в принадлежности к своему коллективу принадлежит правовым средствам. Нормами права определяются функции исполнительных органов государственной власти России, устанавливается их структура, закрепляются должностные обязанности служащих, система соподчиненности, правила внутреннего трудового распорядка, формы и методы мотивации управ-

ленческого труда [11]. Они придают межличностным отношениям служащих формальный характер, что позволяет рассматривать их в качестве своеобразного каркаса сплоченности трудового коллектива, объединенного общими целями совместной деятельности, единством управленческого процесса, системой руководящих органов.

Обобщение опыта формирования коллективов служащих в исполнительных органах государственной власти субъектов РФ Сибирского федерального округа свидетельствует, что наиболее полно удовлетворяется потребность служащих в принадлежности к своему коллективу на уровне тех структурных подразделений, где строго выдерживается норма управляемости руководителя (15–20 подчиненных). Только в таком коллективе межличностные отношения служащих достигают настолько высокого уровня, что формальная и неформальная группы по существу совпадают или максимально сближаются. В этом случае служащие образуют группу единомышленников, объединенных общностью целей управленческой деятельности и товарищескими связями, а их руководитель оказывается самым уважаемым и авторитетным человеком в коллективе, т. е. одновременно становится и неформальным лидером.

Однако руководители исполнительных органов государственной власти России не должны уповать лишь на эффективность правовых средств создания благоприятных условий для удовлетворения потребности служащих в принадлежности к своему коллективу. В целях достижения высокой мотивации управленческого труда служащих исполнительных органов государственной власти зарубежных стран Европы и Северной Америки делается все необходимое для налаживания и укрепления межличностных контактов, свободного обмена мнениями, формирования дружеских и приятельских отношений в коллективе. Их руководители не скупятся выделять средства на содержание ведомственных клубов, спортивных залов, домов отдыха, кружков по бесплатному изучению иностранных языков, на организованное проведение досуга служащих и их семей. Они стремятся заполнить для служащих те пустоты, которые образуются в их личной жизни, и превратить место работы в своего рода «отчий дом», сохраняя, естественно, дух публичной службы. Затраты, как показывает опыт, окупаются сторицей.

Тем не менее удовлетворение потребности в принадлежности к трудовому коллективу не должно приводить к утрате служащим своей индивидуальности, к полному подчинению личных интересов корпоративным. Один из крупнейших представителей феноменологического направления в теории личности К. Роджерс считал, что главной потребностью человека является

стремление к актуализации, т. е. сохранению и развитию себя, максимальному выявлению лучших качеств своей личности [12]. Процесс самовыражения личности часто сопровождается напряженной борьбой и лишениями, но побудительный мотив настолько непреодолим, что человек продолжает свои попытки в достижении поставленной цели, несмотря на неудачи и страдания, которые нередко выпадают на его долю. Человек на протяжении всей жизни занят реализацией своего потенциала с целью найти адекватные формы самовыражения личности [13].

Удовлетворение потребности быть личностью происходит через созидание самого себя как физически и духовно развитого человека, а также через достижение вершин профессионального мастерства, позволяющего добиться славы и признания в обществе. Не каторжный труд по способностям, а работа по призванию выступает основным мотивом повышения эффективности управленческого труда, самостоятельным видом вознаграждения за труд, вне зависимости от внешних стимулов. Управленческий труд, ставший делом жизни служащего, не нуждается в стимулирующем влиянии руководителя. Ему надо только не мешать естественному превращению работы в творчество [14].

Все современные теории управления, как верно заметил С. Б. Каверин, являются по существу научно-методическим пособием для руководителя, призванного по должности заставлять служащих работать более эффективно. Между тем все они должны содержать вразумительный ответ на принципиально иной вопрос – как «создать условия для превращения работы в творчество, как сделать работу поприщем для самореализации личности» [15].

Государственная служба в исполнительных органах власти России может превратиться в творчество, если она станет формой самовыражения личности, развития и проявления ее способностей, яркой индивидуальности. Для этого каждому служащему следует создать равные возможности для занятия должности, наиболее соответствующей характеру его личности, самому определять в пределах установленной компетенции цели и задачи своей деятельности, самостоятельно принимать решения, выбирать способы и средства достижения поставленных целей, свободно распоряжаться необходимыми ресурсами – финансами, средствами оргтехники, рабочим временем. Но главное, пожалуй, заключается в психологическом состоянии служащего, пользующегося свободой и самостоятельностью в осуществлении управленческих операций [16].

У каждого государственного служащего формируется в процессе повседневной деятельности потребность в признании его ус-

пехов в работе, в объективной оценке значительности личного вклада в повышение эффективности управленческого труда в коллективе, в экономические и социальные достижения своего города, региона, государства и корпорации служащих. Каждый хорошо работающий служащий должен быть уверен, что его усилия будут адекватно оценены материально и морально.

Объективным критерием оценки работы служащего может считаться лишь его заслуга. В специальной литературе под заслугой понимаются два основных юридически значимых варианта поведения служащих: во-первых, добросовестное и точное выполнение возложенных на них должностных обязанностей; во-вторых, совершение ими непредусмотренных должностными инструкциями таких полезных для исполнительного органа публичной власти или общества управленческих действий, которые превосходят обычные требования.

Мотивирующая цель признания заслуг служащего может быть достигнута лишь при строгом соблюдении принципа социальной справедливости. Любое поощрение воспринимается как справедливое, если оно: а) назначается за действительные заслуги; б) по своему размеру (значению) соответствует усилиям, затраченным на совершение полезного действия; в) назначается всем, кто достиг поощряемых результатов; г) предоставляется за результаты, достигнутые средствами, полностью соответствующими требованиям законности и морали [17]. Мотивирующий эффект любого поощрения может быть значительно снижен как в случае поощрения тех лиц, которые этого не заслужили, так и в случае недооценки или сознательного игнорирования заслуг служащих, которые действительно достойны подходящих наград.

Федеральный закон от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе» предусматривает различные виды поощрения и награждения служащих исполнительных органов государственной власти России, начиная от объявления благодарности и заканчивая награждением орденами и медалями Российской Федерации (ст. 55).

Порядок поощрения и награждения государственных гражданских служащих установлен подзаконными нормативными правовыми актами, принятыми как на федеральном, так и на региональном уровнях [18].

Мотивирующая эффективность акта признания заслуг государственных служащих находится в прямой зависимости от конкретности содержания правовых норм законов и подзаконных актов о материальном и моральном поощрении в сфере управления. Однако если проанализировать основания мотивации управленческого труда путем государственных поощрений и награждений, то с неизбежностью придем к

выводу, что все они практически сводятся к нескольким основным критериям: за безупречную и эффективную государственную гражданскую службу, за заслуги в профессиональной деятельности, за многолетний и добросовестный труд. Поэтому нормами права необходимо закрепить стабильные показатели, стандарты деятельности служащих, конечные результаты управленческого труда, за достижение которых поощряются все сотрудники исполнительного органа государственной власти, а также определить меры поощрения за достижение установленных результатов. В целях исключения параллелизма и дублирования мер материального и морального поощрения служащих за достижение одинаковых или аналогичных результатов нельзя допускать множественности показателей. Правовыми нормами следует закрепить лишь такие главные результаты управленческого труда, успешное выполнение которых целиком и полностью зависит от воли и желания служащих исполнительных органов государственной власти России.

В высокоразвитых зарубежных странах наиболее распространенным является подход, при котором на уровне исполнительных органов государственной власти используются интегральные показатели результативности, отражающие основные политические или экономические параметры деятельности (например, уровень безработицы), которые затем декомпозируются на уровень структурных подразделений (например, количество разработанных программ переобучения безработных) и, наконец, доходят до уровня государственных служащих (например, доля граждан, направленных на переобучение в месяц).

Показатели результативности для служащих исполнительных органов государственной власти России должны отвечать следующим основным критериям:

- быть четко увязаны с целями и задачами деятельности органов исполнительной власти;
- отражать степень вклада каждого государственного служащего в достижение целей и задач;
- охватывать все основные направления деятельности (должностные обязанности) государственного служащего;
- в максимальной степени отражать непосредственное влияние государственного служащего на динамику показателей результативности [19].

Служащие, не познавшие радости признания и успеха на работе, ищут положительные эмоции на стороне, за порогом административного здания. «Если внимательно прислушаться к рассказам коллег, как они провели выходные, праздники или отпуск, – пишет известный отечественный психолог В. В. Шпалинский, – то у многих

эти рассказы будут перечнем побед, разного рода рекордных достижений. Дело в том, что удачная рыбная ловля, победа в спортивном соревновании, испытание себя в велосипедной или лыжной гонке, наконец, успех в преферансе – это реальное, очевидное и полновесное ощущение успеха, именно того, что делает нашу жизнь насыщенной и интересной. Подобные ситуации – признак того, что на работе эти люди постоянно испытывают дефицит успеха и находятся в стрессовой ситуации неудовлетворенности. Тот, кто не испытывает успеха на рабочем месте, направляют свою энергию в поисках успеха в других направлениях» [20].

Государственная служба в России должна стать нравственной и духовной опорой в жизни человека, средством реализации его эстетических потребностей, важным фактором удовлетворенности собой. В идеале прохождение службы призвано обеспечить нравственное развитие личности, в смысле внесения добра в души сотрудников исполнительного органа публичной власти, их нравственного воспитания, а также постепенное совершенствование общественной жизни, действующих правовых и моральных норм [21]. От уровня нравственности государственных служащих как выразителей интересов народа во многом зависит не только авторитет власти, эффективность реализации стратегических целей и конкретных решений на всех уровнях управления, но и социальное самочувствие общества. Если в исполнительных органах государственной власти России служащие берут взятки, принимают поощрения в виде закрытых конвертов, занимаются дискриминацией одних путем предоставления льгот или привилегий другим, допускают субъективизм в оценке личных и деловых качеств людей, практикуют постоянное наблюдение за работой подчиненных, систематически нарушают правила служебного этикета, то о мотивации управленческого труда не может быть и речи. Всякие призывы руководителя к повышению эффективности управленческого труда, укреплению служебной и исполнительской дисциплины будут восприниматься подчиненными не иначе, как лицемерие. Саму службу они будут рассматривать как средство личного обогащения.

Высшей потребностью личности А. Маслоу считал стремление к смыслу жизни, осознанию своих действий и поступков, называя его при этом «первичным человеческим побуждением» [22]. Удовлетворение этой потребности может вызвать сильную мотивацию управленческого труда лишь в том случае, когда государственная служба станет более привлекательной и престижной, чем работа в частных компаниях и банковских структурах. Сегодня служащие

большинства исполнительных органов государственной власти России редко испытывают дискомфорт от неблагоприятных условий труда, низких должностных окладов, а чаще жалуются на утрату смысла работы, появление глубинного чувства пустоты, потерю жизненного ориентира. Возникла реальная угроза, что молодые люди вскоре будут интересоваться лишь теми профессиями, которые приносят не только деньги, но и смысл [23].

Выход из сложившегося положения заключается в некотором смещении акцентов в организации управленческого труда в исполнительных органах государственной власти России. Служащий должен быть полностью включенным в процесс принятия управленческих решений, иметь реальную возможность проявлять и развивать свои способности, ощущать на практике пользу от своего труда, приносимую обществу. Для этого служащим исполнительных органов государственной власти страны необходимо:

- получать полную информацию по всем вопросам, входящим в круг их полномочий;
- развивать свои способности к управлению путем получения дополнительного профессионального образования и самообразования;
- изучать в обязательном порядке гуманитарные науки и эстетику, раздвигающие узкие рамки технократизма; сделать повседневным общение со своим непосредственным руководителем и коллегами, исполнять в первую очередь наиболее сложные, объективированные задания руководителя.

Для реализации этих установок в нормативно-правовых актах следует закрепить за должностью руководителя обязанности создавать служащим оптимальные условия для удовлетворения такой высшей потребности человека, как стремление к смыслу жизни, своей трудовой деятельности. Тогда государственная служба в России наполнится новым содержанием, станет для многих людей смыслом жизни, придаст им уверенность в незаменимой полезности.

Наряду с задачей формирования у человека ясного понимания смысла жизни государственная служба в России должна стать важнейшим фактором карьерного роста личности. Только сознавая это, можно совершенно спокойно, не испытывая тревоги за завтрашний день, посвящать себя выполнению профессиональных задач, полностью отдавать службе свои знания и опыт, противостоять давлению заинтересованных групп и политических партий, различным ходатайствам и домогательствам [24].

В отечественной и зарубежной литературе имеются десятки различных определений служебной карьеры [25]. Однако для решения проблемы мотивации управленческого труда в исполнительных органах государственной власти России наиболее удач-

ным определением понятия «карьера» является, на наш взгляд, дефиниция, предложенная в учебном пособии для студентов высших учебных учреждений страны, изучающих институт государственной службы. «Карьера в данном случае, – пишут авторы, – это сознательно выбранный и реализуемый служащим путь должностного продвижения, стремление к намеченному статусу (социальному, должностному, квалификационному), что обеспечивает профессиональное и социальное самоутверждение служащего в соответствии с уровнем его квалификации» [26]. Полное совпадение сознательно намеченного пути продвижения по служебной лестнице и фактической карьеры на практике происходит довольно редко и является скорее исключением, чем правилом.

В науке принято различать два вида карьеры государственных служащих России: профессиональную и внутриорганизационную.

Профессиональная карьера характеризуется тем, что служащий в процессе своей профессиональной деятельности проходит определенные стадии личностного и социального развития: получение общего и профессионального образования, поступление на службу, профессиональный рост, продвижение по службе, завершение карьеры, уход на пенсию. Эти стадии служащий может последовательно пройти в разных органах государственной и муниципальной власти России.

Внутриорганизационная карьера предполагает последовательную смену стадий личностного и социального развития служащего в рамках одного государственного органа исполнительной власти. Как показывает практика, она реализуется в трех основных направлениях:

- вертикальное – подъем на более высокую ступень в служебной иерархии;
- горизонтальное – расширение или усложнение задач на прежней должности или перемещение в другое структурное подразделение на аналогичную должность внутри данного исполнительного органа публичной власти;
- центростремительное – перемещение в руководящее ядро, минуя промежуточные ступени служебной иерархии [27].

Карьерный рост служащего крупнейшие психологи справедливо рассматривают как реализацию стремления к превосходству, которое является важной потребностью человека, свойственной всем без исключения. Стремление к превосходству, по мнению А. Адлера, является внутренне присущей необходимостью самой жизни человека и лежит в основе всех решений его жизненных проблем [28].

Государственные служащие, как правило, осознанно выбирают и строят свою

карьеру, как в профессиональном, так и в должностном плане. Задача руководителя заключается в том, чтобы придать карьерному росту служащего свойства эффективной мотивации управленческого труда. Служащий должен, по выражению П. Сорокина, буквально переживать доступность и реальность повысить свой должностной и социальный статус, руководствоваться в профессиональной деятельности определенными установками, ожиданиями [29]. Для этого руководителю исполнительного органа государственной власти необходимо:

- обеспечить взаимосвязь целей работы всего коллектива и отдельного служащего;
- предоставить служащим все возможности профессионального роста, обеспечивающие более высокий уровень их материальной и культурной жизни;
- четко определить личные профессиональные перспективы каждого служащего, основные направления планирования его карьеры;
- создать служащим благоприятные условия целенаправленной подготовки для реализации внутриорганизационной карьеры;
- постоянно поддерживать конкуренцию служащих, претендующих на занятие руководящей должности;
- своевременно устранять «карьерные тупики», в которых нет возможностей для профессиональной и внутриорганизационной карьеры;
- обеспечить реальное функционирование механизма продвижения служащих по иерархической лестнице, сформировать богатую практику их закономерного роста в зависимости от квалификации и профессионализма, сделать ее несомненной и убедительной;
- своевременно принимать решения о должностном перемещении служащих с учетом их деловых и личностных качеств, стажа и результатов работы;
- обеспечить законность и открытость процесса карьерного роста служащих.

Мотивационные действия руководителя исполнительного органа государственной власти России по карьерному росту служащих дают возможность успешно воздействовать на процесс управленческого труда, добиваться рационального использования их профессиональных возможностей, выявлять в трудовом коллективе лиц с лидерскими качествами, своевременно переводить их на руководящие должности, не опасаясь центростремительного развития карьеры. Толковый руководитель поможет служащему раскрыть в себе новые качества и способности, познать и реализовать себя на более высоком уровне, уточнить свою жизненную стратегию, исходя из индивидуальных возможностей и тех возможностей, которые предоставляет ему государственная служба России.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Джеймс У. Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 64.
- [2] Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
- [3] Васюкова Е. Е. Уровни развития познавательной потребности и их проявление в мышлении // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 91–103.
- [4] Об утверждении государственных требований к профессиональной подготовке, повышению квалификации и стажировке государственных гражданских служащих Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 6 мая 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 19. Ст. 2194.
- [5] Об утверждении Порядка формирования и исполнения государственного заказа Омской области на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и стажировку государственных гражданских служащих Омской области : Постановление Правительства Омской области от 28 октября 2009 г. // Омская правда. 2009. 3 нояб.
- [6] Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (Ч. 1). Ст. 203.
- [7] Аристотель. Никомахова этика // Соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 175.
- [8] Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 108.
- [9] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 206 ; McClelland D.-Power: The inner Experince. N.Y., 1975. P. 68.
- [10] Сенека Л. А. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 64.
- [11] О структуре власти : Указ Президента РФ от 21 мая 2012 г. // Российская газета. 2012. 25 мая.
- [12] Rogers C. R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client-centered-frameswork // Psychology: A Study s scince. Vol. 3. N.Y., 1959. P. 196.
- [13] Ibid. P. 210.
- [14] Каверин С. Б. Мотивация труда. М., 1998. С. 210.
- [15] Там же.
- [16] Там же. С. 211.
- [17] Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1986. С. 110.
- [18] См., напр.: О Почетной грамоте Президента РФ и благодарности Президента РФ : Указ Президента РФ от 11 апреля 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 2008. № 16. Ст. 1673 ; О Почетной грамоте Правительства РФ и благодарности Правительства РФ : Постановление Правительства РФ от 31 января 2009 г. // Собрание законодательства РФ. 2009. № 6. Ст. 745; О Почетной грамоте Федерального агентства по государственным резервам и благодарности Федерального агентства по государственным резервам : Приказ Росрезерва от 14 марта 2011 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 31 ; О регулировании отдельных вопросов награждения и поощрения в Главном управлении государственной службы занятости населения Омской области : Приказ Главного управления государственной службы занятости населения Омской области от 20 августа 2010 г. // Омская правда. 2010. 3 сент.
- [19] Клищ Н. Показатели результативности на государственной службе // Государственная служба. 2007. № 3. С. 69–71.
- [20] Шпалинский В. В. Психология менеджмента. М., 2005. С. 14–15.
- [21] Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 456.
- [22] Maslow A. Motivation and personality. N. Y., 1987. P. 22.
- [23] Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 28.
- [24] Гурней Б. Введение в науку управления. М., 1969. С. 134.
- [25] Кобзева В. В. Планирование карьеры как фактор мотивации профессиональной деятельности служащих // Государственная служба: организация, кадры, управление. М., 1997. С. 183–191.
- [26] Государственная служба: теория и организация / под ред. Е. В. Охотского и В. Г. Игнатова. Ростов н/Д, 1998. С. 545.
- [27] Кобзева В. В. Указ. соч. С. 184–185.
- [28] Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1995. С. 27 ; Его же. Понять природу человека. СПб., 1997. С. 22.
- [29] Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 52.

ПОЛНОМОЧИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ: СЕКУНДАРНОЕ ИЛИ СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО?

Исследуются имеющиеся в литературе концепции юридической природы полномочия и его коррелята в гражданских правоотношениях, обосновывается понятие полномочия как субъективного гражданского права с соответствующей ему обязанностью секундарного типа со стороны представляемого.

Ключевые слова: представительство, полномочие, секундарное право, секундарная обязанность, юридический факт, представитель, представляемый.

Можно констатировать, что уже на протяжении веков проблемы представительства и полномочия как его конститутивного элемента остаются одними из наиболее дискуссионных в теории отечественной цивилистики. Применительно к институту представительства самой дискуссионной остается (можно сказать, что уже на протяжении веков) категория полномочия. Ещё в первой половине прошлого века советский ученый-цивилист В.А. Рясенцев, обозревая наработанный к тому времени научный материал, писал, что «...самым неясным является термин “полномочие”. Оно имеет несколько значений и каждое из них и поныне вызывает разногласия» [1]. С тех пор положение мало изменилось, и консенсус просматривается лишь в том, что «вопрос о юридической природе полномочия продолжает оставаться дискуссионным» [2]. При этом нередко один и тот же автор иногда высказывается по этому вопросу весьма неоднозначно. Так, В.А. Рясенцев, полагаящий, что полномочие – это особое правовое явление, не являющееся ни правоспособностью, ни субъективным правом, а выступающее «как проявление гражданской правоспособности и заключающееся в возможности совершить действие от имени другого лица» [3] и полагавший, что «за полномочием правильно отрицается значение субъективного права»¹, в более поздних работах пришел к выводу о том, что полномочие – хотя и особое, но всё же субъективное право [4]. О.Н. Нерсесов, также не признававший за полномочием статуса субъективного права и определяющий его как «власть представителя непосредственно управомочивать или обязывать самого принципала своими сделками» [5], в то же время не определил понятие полномочия с позиций общепринятых юридических дефиниций, а фактически трактовал его именно как субъективное право, отмечая, что «полномочие указывает на возможность совершения представителем известных юридических действий...» [6].

Отрицание за полномочием статуса субъективного права (при наличии, тем не менее, их общих черт, прежде всего – власти действовать с юридическим эффектом) аргументируется и в современной литературе, в частности К.И. Скловским [7]. Автор полагает, что полномочие не может трактоваться как субъективное право, так как в отличие от последнего оно не может быть передано ни в порядке цессии, ни в порядке традиции, что подтверждается правилами о передоверии, в соответствии с которыми передоверие полномочий не прекращает полномочий у представителя; кроме того, субъективное право является мерой возможного поведения, границы же полномочия в отдельных случаях установить практически невозможно (так, полномочия законного представителя практически совпадают в объеме с правоспособностью представляемого); ГК РФ не рассматривает выход за пределы полномочия в качестве правонарушения, такие действия в силу п. 1 ст. 183 ГК РФ создают права и обязанности из совершенной представителем сделки для него лично [8].

В то же время К. И. Скловский признает, что всякому правомочию (в том числе полномочию) корреспондирует связанность лица, противостоящая правомочию, и объем правомочия обычно определен волей лица связанного; положение же связанного лица «аналогично положению лица обязанного, которое также, как правило, своими действиями определяет границы права другой стороны» [9].

М.И. Брагинский так же полагал, что «полномочия представляют собой правовое явление, не укладывающееся в двучленную систему “правоспособность – субъективное право”. Они составляют нечто третье» [10], и это «третье» М. И. Брагинский квалифицировал как секундарное право [11].

Впервые термин «секундарные права» предложен германским ученым А. фон Туром [12]. Категория *Gestaltungsrechte* предложена и разработана германским ученым Э. Зеккелем, который писал, что общеизвестно и с давних пор исследовано противопоставление абсолютных и относительных прав. Менее замечено и осмыслено наполненное нерешенными проблемами другое противопоставление конкретным частным прав по их содержанию, а именно отличие рассматриваемых в его работе прав от их пока не имеющей своего названия противоположной категории. Э. Зеккель отмечал, что всем секундарным правам присущи в целом две общие черты. Во-первых, такие права осуществляются посредством частного волеизъявления – сделки, как сопряженной с принятием государственного акта, так и без такового. Во-вторых, их содержанием является не наличествующее непосредственное господство над объектом, лицом, вещью, имущественным или нематериальным благом, а, напротив, возможность в одностороннем порядке создать, прекратить или изменить, одним словом, (пре)образовать одно из прав господства (*die Herrschaftsrechte*) или иное правоотношение. Тип рассматриваемых этих прав в корне отличается от всех остальных прав, поскольку их осуществление приводит к возникновению прав господства, они образуют предшествующую стадию по отношению к последним [13].

В отечественной юридической литературе понятие секундарного правомочия (иначе – правообразовательного – *Gestaltungsrechte*) было предложено и разработано М.М. Агарковым (именно правомочия, которое М.М. Агарков считал не субъективным правом, а проявлением правоспособности²). Он обращал внимание на особые отношения, в которых «праву одной стороны соответствует не обязанность другой стороны, а только связанность её этим правом» [14]. В отличие от правоспособности как абстрактной связанности секундарное право – «это тоже связанность, но только конкретная. В

частности, применительно к оферте это связанность оферента с её адресатом» [15]. Концепция полномочия как секундарного права воспринята и рядом современных цивилистов [16]. Секундарное правоотношение, пишет А.В. Германов, представляет собой состояние ожидания на стороне одного субъекта в силу юридической возможности другого связать первого своим волеизъявлением. Такое ожидание рассматривается как ожидание наступления юридического факта в виде чужого волеизъявления [17]. Следует согласиться с Ф.О. Богатыревым, который формулирует классическое определение секундарного права как «предоставляемую лицу юридическую возможность своим односторонним волеизъявлением привести к возникновению, изменению или прекращению гражданского правоотношения» [18].

В отечественной цивилистике представлен и другой взгляд на юридическую природу полномочия, согласно которому полномочие – это юридический факт: юридическое действие (круг действий), которое может совершить представитель от имени представляемого [19], круг сделок, разрешенных представителю, устанавливаемый законом или определяемый договором [20], юридический факт, определяющий границы присоединения к правоспособности представляемого дееспособности представителя [21], или «юридический акт, влекущий способность конкретного лица быть представителем другого» [22], причем под юридическим актом, «наделяющим» лицо полномочием, понимаются как действия (препоручительный индоссамент, договор поручения), так и документы, фиксирующие полномочие (доверенность, банковская карточка) [23]. К этой же концепции, видимо, следует отнести взгляд на полномочие представителя как на «согласие представляемого лица на деятельность или на результат деятельности от его имени представителя» [24]. Правовое значение согласия можно понимать по-разному. Если согласие влечет юридические последствия (что, несомненно, имеет место при наделении полномочием в рамках добровольного представительства), то согласие – это юридический факт, односторонняя сделка. Именно так, например, трактует согласие применительно к полномочию А.В. Бабаев³.

Данная концепция наиболее уязвима: круг действий, которые может совершить представитель, и полномочие, которым определен этот круг действий, не тождественны: первое составляет материальное содержание второго. Несомненно, что полномочие возникает в силу определенного юридического факта (уполномочия), но никак не тождественно ему. Любой юридический факт не может породить иных юридических последствий, кроме как возникновения, изме-

нения, прекращения прав и обязанностей. Если же признать, что полномочие – юридический факт, то получается, что один юридический факт порождает другой. Не убеждает в правильности данной концепции и указание на то, что благодаря полномочию представитель «приобретает не права, а только возможность осуществления чужих прав и обязанностей или приобретения их для другого лица» [25]. Если данная возможность не субъективное право и не элемент право-, дееспособности (а иного значения термина «возможность» правовая доктрина не знает), полномочие в предложенной трактовке вообще непознаваемо. Полномочие как юридическая возможность, принадлежащая конкретному лицу, и есть субъективное право. Кроме того, вряд ли целесообразно использовать различные по содержанию термины («возможность» и «юридический факт») для обозначения одного и того же правового явления – полномочия.

Собственно говоря, сторонники данной концепции полномочия, оперируя этим термином, используют его отнюдь не в значении юридического факта. Так, О.С. Иоффе писал о пределах полномочия, о данном представителю полномочии [26] и т. д. При трактовке полномочия как юридического факта приведенные выражения утрачивают смысл.

И тем более нельзя квалифицировать как юридический факт (юридический акт) документы (в том числе банковскую карточку или доверенность). Письменный документ может выступать в качестве фиксации юридического факта (например, односторонней сделки – наделения полномочием), но сам по себе документ, бесспорно, не является юридическим фактом, по крайней мере, в общепринятой трактовке этого термина.

Дящаяся уже не одно столетие дискуссия в отечественной цивилистике о юридической природе полномочия продолжает и сегодня обогащаться новыми идеями. Так, С.В. Осипова, выделяя наряду с правосубъектностью правоспособность и сделкоспособность, связывает полномочие с вспомогательной сделкоспособностью как способностью субъекта совершать и исполнять сделки в отношении других лиц [27]. Думается, что данное утверждение, во-первых, вряд ли добавляет «прозрачности» к трактовке юридической природы полномочия, а во-вторых, разграничение правосубъектности, правоспособности и сделкоспособности вряд ли можно проводить на основании единого критерия. Это разнопорядковые категории: первая включает в себя две других, а вторая скорее всего включает третью.

Ещё один взгляд на юридическую сущность полномочия в современной литературе предложен В. В. Рузановым. Отмечая, что «полномочие никак не укладывается в традиционные (известные) цивилистические формулы» [28], автор предлагает не пытаться

«втиснуть» его в «прокрустово ложе» уже известных юридических категорий, а квалифицировать его в качестве «субъективного права, которое по своей целевой направленности является «правом для других» [29]. При представительстве же от имени недееспособных, по мнению того же автора, полномочие характеризуется наличием конгломерата (определенной совокупности) функций (признаков): «оно одновременно является: а) формой «функционирования» прав и обязанностей представляемого (как проявления его правоспособности; б) формой существования прав и обязанностей представляемого в конкретном гражданском правоотношении (договорном обязательстве), в результате чего реализуется сделкоспособность представителя и создается «эффект» сделкоспособности представляемого; в) формой реализации установленных законом собственных прав и обязанностей представителя как родителя, усыновителя или опекуна» [30], что, по мнению В.В. Рузанова, «с одной стороны, наиболее выпукло высвечивает взаимосвязь сделкоспособности и полномочия, а с другой стороны, позволяет говорить о наличии в содержании полномочия элементов правомочия» [31].

Можно только предположить, что, излагая столь сложную конструкцию сущности полномочия, В.В. Рузанов всё-таки исходит из того, что полномочие по своей юридической природе – субъективное право либо, по крайней мере, правомочие в составе сложного по содержанию субъективного права.

Столь же сложно понять трактовку полномочия Ю.С. Харитоновой. Исследуя правомочия собственника и трактуя их как полномочия, проводя аналогию между ними и полномочием при представительстве (что уже само по себе весьма спорно), Ю.С. Харитонova полагает, что «во всех случаях полномочия происходят от власти (господства) собственника над имуществом или от человека со свободной волей путем выражения его волеизъявления» [32]. Далее автор предлагает «решить существующие в доктрине споры в отношении определения полномочия следующим образом» [33]. Поскольку в результате наделения лица полномочием изменяется его статус (с наступлением юридического факта – изменением состояния), содержанием которого становятся права на односторонние действия (секундарные права), «полномочие в частном праве не является субъективным правом, но представляет собой проявление правоспособности. Полномочие представляется как одностороннее действие. Оно вытекает из правоспособности и может порождать субъективное право, само таковым не являясь, или проявляться как секундарное право» [34]. Тем не менее дальнейшие рассуждения приводят автора сначала к мысли о том, что «отрицание природы полномочия как субъективного права,

а также определение статуса как состояния лица приводит к необходимости рассмотрения полномочия как юридического факта» [35], а затем вдруг – к прямо противоположному утверждению: «полномочие само по себе не является юридическим фактом, однако может вытекать из него» [36].

Таким образом, на нескольких страницах одной и той же работы автор высказывает целый ряд взаимоисключающих взглядов на понятие сущности полномочия (что отчасти объясняется и сложностью проблемы).

Можно встретить в литературе трактовку полномочия уже не как права, а как обязанности представителя, которой корреспондирует субъективное право (связанность) представляемого на представительство [37]. Действительно, у представителя на основании договора поручения (агентирования), а равно у законного представителя есть не только право на представительство (полномочие), но и обязанность осуществлять свои обязанности по договору или по опеке, но ведь она возникает именно для реализации полномочия – права на представительство. И уж совсем неожиданным является указание автора (несколькими строками выше обозначившим полномочие как обязанность представителя) на то, что «полномочие является юридическим фактом и элементом юридического состава, но не является конкретным субъективным правом, оно лишь только связано с ним».

Приведенные воззрения на сущность полномочия представителя, в том числе «гибридные» (можно сказать, экзотические), согласно которым полномочие – одновременно и субъективное право, и обязанность, и юридический факт и т. д., свидетельствуют о сложности проблемы.

По смыслу п. 1 ст. 182 ГК РФ полномочие – это возможность одного лица действовать с непосредственными правовыми последствиями для другого лица, а потому полномочие не может квалифицироваться иначе, чем субъективное гражданское право. Это признается целым рядом ученых, однако указание на полномочие как на субъективное право обычно не сопровождается указанием на корреспондирующую ему обязанность, не рассматривается правоотношение, в рамках которого существует это право, не раскрываются его юридическое содержание и особенности [38]. А в ряде случаев авторы, отмечая дискуссионный характер понятия полномочия и признавая, что «как бы то ни было, со стороны своего содержания полномочие есть мера возможного поведения представителя по отношению к третьим лицам», тем не менее, не квалифицируют эту «меру» как субъективное право, оставляя тем самым открытым вопрос о юридической природе полномочия [39].

Полномочие как организационное субъективное право представителя характеризу-

ется прежде всего тем, что является собой возможность приобрести или осуществить субъективное право или обязанность другого лица по отношению к третьим лицам. «Все действия представителя, – справедливо отмечает К.И. Скловский, – относятся... к действиям, создающим и прекращающим обязательства и права требования. Ничего другого из полномочия извлечь невозможно, и этого вполне достаточно» [40]. Отсюда следует, что никто не может дать другому полномочие, превышающее по объему его собственное право⁴.

Полномочие представителя – сложное по структуре субъективное право. Основной элемент его состава – правомочие на собственные положительные действия как возможность осуществить юридическую деятельность от имени представляемого в отношении третьих лиц с непосредственным правовым результатом для представляемого.

Материальное содержание данного правомочия определяется действиями, которые вправе совершить представитель от имени представляемого (заключить договор, передать имущество, истребовать и принять имущество и т. д.). Эти действия правомерны, направлены на реализацию правоспособности, субъективного права и (или) обязанности представляемого и порождают обязательные для него юридические последствия, т. е. являются сделкой или иными целенаправленными юридическими действиями.

Сразу же следует отметить то, что материальное содержание исследуемого правомочия не ограничивается возможностью совершения только сделок (хотя чаще всего полномочие дается на совершение именно сделок). Это могут быть и иные юридические действия, т. е. действия, порождающие юридические последствия (например, получение заработной платы доверителя, ведение дел представляемого в суде, полное или частичное исполнение договора, отказ от исполнения, подписание протокола разногласий по заключаемому договору, оформление документов в ОВИРе и загсе, акт учреждения юридического лица, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, регистрация авторами или иными правообладателями прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и т. д.). В то же время круг юридических действий, которые может совершать представитель, в законе определенным образом ограничен (прежде всего – в целях защиты интересов представляемого). Так, в соответствии с п. 3 и 4 ст. 182 ГК представитель в любом случае не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Также он не может совершать такие сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства. Кроме этого, установлен

запрет на совершение через представителя сделки, которая по своему характеру может быть совершена представляемым (поверенным) только лично, а равно других сделок, прямо указанных в законе.

В этой связи следует, в частности, учитывать, что определенные сложности может создать доверенность, выданная стороной договора супругу другой стороны. На практике имели место случаи, когда представитель продавца от его имени подписывал договор купли-продажи с собственной женой.

В силу ст. 35 Семейного кодекса РФ нажитое имущество является совместной собственностью супругов, независимо от того, на чье имя оно приобретено (если брачным договором не установлен иной режим имущества). В данном примере представитель продавца выступал одновременно приобретателем имущества, т. е. как бы заключал сделку с самим собой. Но согласно п. 3 ст. 182 ГК РФ представителю запрещено совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично. Поэтому продавцам не следует выдавать доверенность супругу покупателя, это чревато возможностью признания впоследствии такой сделки недействительной.

В то же время вряд ли можно согласиться с мнением о том, что полномочие всегда ограничено возможностью совершения лишь сделок или иных юридических действий [41]. Более того, полномочие, во всех случаях и в обязательном порядке предусматривающее возможность совершения определенных юридических действий от имени и с юридическими последствиями для представляемого, может включать и возможность совершения некоторых фактических действий, необходимых для осуществления полномочия (предпродажная подготовка товара, оформление каких-либо документов, поездки, осмотры и т. д.), на что уже неоднократно обращалось внимание в литературе [42].

Полномочие как субъективное право должно включать и правомочие требовать, в данном случае – правомочие требовать от представляемого принятия на себя всех юридических последствий действий, совершенных в пределах полномочия.

Будучи субъективным правом, полномочие включает в себя и возможность привести в действие аппарат государственного принуждения. Поскольку полномочие осуществляется путем юридических актов самого управомоченного (представителя), порождающих юридические последствия для обязанного (представляемого), обращение к компетентным органам имеет целью не принуждение представляемого к исполнению обязанности, а признание юридических последствий, возникающих в силу действий представителя по реализации полномочия.

Изложенное относительно признаков и структуры полномочия позволяет определить его как организационное субъективное право представителя на совершение от имени и в интересах представляемого определенных юридических действий, порождающих правовые последствия непосредственно для представляемого в его отношениях с третьими лицами.

Полномочие может возникнуть и породить при его осуществлении представительный эффект лишь постольку, поскольку есть противостоящий его носителю обязанный субъект, который должен стать носителем всех правовых последствий, возникающих при надлежащей реализации полномочия.

Ученые, трактующие полномочие как субъективное (секундарное) право, либо указывают, что ему не соответствует чья-либо обязанность [43] (но обязанность – непременный коррелят субъективного права), либо просто не называют таковую, либо определяют ее не как обязанность представляемого, а как его связанность [44], или трактуют её как обязанность представляемого признать юридические последствия волеизъявления представителя [45] либо принять на себя все юридические последствия действий представителя, совершенных в пределах полномочия.

Далее будет показано, что именно эта обязанность противостоит полномочию, причем в существенно ином значении, нежели то, которое обычно придается термину «принять» (ср.: обязанность принять имущество по ст. 454 ГК РФ), ибо «передачи» возникающих при осуществлении полномочия субъективных прав и обязанностей от представителя представляемому не происходит.

С проблемой выявления обязанности, корреспондирующей правам на положительные действия, сталкиваются ученые, исследующие различные правовые связи. На базе тезиса «нет права без обязанности, нет обязанности без права» предпринимаются попытки обосновать существование самостоятельных обязанностей, противостоящих правам на совершение действий, порождающих юридические последствия для других лиц. Несмотря на разницу позиций, с которых строится такое обоснование, как правило, называются обязанности, возникающие лишь с момента осуществления «соответствующего» им права.

Так, праву наймодателя расторгнуть договор противопоставляется обязанность нанятого не задерживать имущество свыше установленного срока и вернуть его в сохранности; праву определить способ исполнения договора поставки (праву на транзит) противопоставляется связанность контрагента, превращающаяся в обязанность принять исполнение от третьего лица либо исполнить обязанность третьему лицу, когда субъект права на транзит воспользуется

своим правом, т. е. осуществит его, выдав разнарядку, и т. д. Н.Г. Александров считал такого рода правоотношения правоотношениями общего типа, где должник обязан к определенному поведению (обязан подчиниться) [46].

Но «долженствования» подчиниться в общепринятом значении термина «обязанность» как необходимости совершения или несовершения определенного действия не существует. Встать на эту точку зрения – значит признать возможность существования субъективных прав без обязанностей и обязанностей без прав: с одной стороны, субъективному праву до его осуществления не противостоит обязанность, а с другой – в момент осуществления права, т. е. в момент его прекращения, возникают обязанности, которым противопоставляется уже прекратившееся право.

С более правильных позиций, на наш взгляд, подходят к решению вопроса об обязанности, соответствующей субъективному праву, содержащему правомочие на волеизъявление, порождающее обязательные юридические последствия для других лиц, те ученые, которые обращают внимание на то, что право на совершение действий, порождающих обязательные юридические последствия для других лиц, возникает и осуществляется по отношению к определенному обязанному лицу, для которого эти последствия наступают помимо его воли, без совершения им каких-либо действий. Однако и эти авторы не объясняют юридическую природу и материальное содержание обязанности, долженствования, связанности, противостоящих соответствующему праву [47].

Учение о вторичных правомочиях и противостоящей им связанности другого субъекта, как уже отмечалось, наиболее глубоко было разработано М.М. Агарковым [48], но М.М. Агарков не предложил четкой юридической квалификации такой связанности. По справедливому замечанию К.И. Скловского, предложение М.М. Агаркова считать связанностью, например, такое следствие договора, как утрату для кредиторов права обратиться с иском к должнику, лишает связанность её юридического содержания и полностью обесмысливает такое понимание связанности [49]. М.К. Юков, справедливо полагая, что вторичному праву соответствует обязанность, которая не выражается ни в совершении определенных действий, ни в совершении таковых, в то же время фактически ушел от её анализа, не раскрыл материального содержания этой обязанности [50].

Субъективные гражданские права на «свой» положительные действия по юридической значимости последних делятся на два вида: права на фактическое обладание

и использование социальных благ (право собственности) и права, включающие секундарные, правообразовательные правомочия (право на акцепт, на зачет встречных требований и пр.). К числу последних относится и полномочие представителя. Права этого типа при осуществлении порождают юридические последствия для конкретного обязанного лица, поэтому они могут возникать лишь в рамках относительного правоотношения. Реализация этих прав не нуждается в содействии обязанных лиц («автоматизм» наступающих последствий).

Не разделяя точки зрения К.И. Скловского о том, что полномочие не является субъективным правом, «хотя и относится к тому же роду юридических явлений, что и правомочие», следует согласиться с автором в том, что «полномочие имеет то общее качество с правомочием, что создает юридические последствия для принципала непосредственно, без его участия, и в этом смысле – односторонне» [51].

Так, юридические последствия возникают у представляемого уже в момент реализации полномочия независимо от того, желает ли он в данный момент их наступления и способен ли вообще осознавать их. Это не значит, однако, что полномочие не связано с юридической обязанностью и находится вне правоотношения. Связь эта опосредуется правомочием требовать, которое наряду с правомочием на собственные положительные действия составляет полномочие – субъективное право представителя.

Очевидно, что особенность правомочия как возможности совершения одностороннего волеизъявления, порождающего юридические последствия для другого (обязанного) лица, должна определять и особенности содержания правомочия требовать, и вместе с тем содержание обязанности, с которой первое правомочие связано через второе.

Эту обязанность можно определить как обязанность «принять на себя» юридические последствия возможного волеизъявления носителя соответствующего права. Термин «принять» здесь не означает необходимости совершения каких-либо действий обязанным, как это имеет место, например, при исполнении обязанности принять имущество. Вместе с тем эту обязанность нельзя свести и к обязанности не препятствовать представителю в осуществлении его полномочия. Недееспособный представляемый фактически не способен воспрепятствовать осуществлению полномочия, а дееспособный, как правило, в любое время может воспрепятствовать осуществлению полномочия, прекратив его односторонним волеизъявлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раскрывая этот тезис, В. А. Рясенцев аргументировал его тем, что полномочию не соответствует чья-либо обязанность, полномочие нельзя

- нарушить как субъективное право, полномочие не порождает права на иск (см.: *Рясенцев В. А.* Указ. соч. С. 5).
- ² См.: *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1947. С. 70–73. Аналогичная точка зрения на секундарное правомочие, не имеющее статуса субъективного права, высказана Р. О. Халфиной (см.: *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 235). По мнению же других ученых, секундарные правомочия являются «полноправными» субъективными правами (см.: *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 9–11). «Позиция С.Н. Братуса представляется более правильной, – отмечает С. С. Алексеев. – Необходимо лишь различать субъективное право и правомочия и видеть специфику прав на свои активные действия. В частности... нет необходимости отыскивать для каждого секундарного правомочия особую юридическую обязанность. Их юридические функции в основном исчерпываются теми обязательными юридическими последствиями, которые автоматически наступают в рамках внутренних механизмов развития правоотношения. Юридические же обязанности соотносятся не непосредственно с правомочиями на положительные действия, а со связанными с ними правомочиями требовать от других лиц воздержания от действий известного рода, в том числе не препятствовать действиям носителя секундарного правомочия» (*Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 123. См. также: *Российское гражданское право : учебник. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов.* М., 2010. С. 349.).
- ³ См.: *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова.* М., 2007. С. 790. В литературе предложена и иная трактовка согласия: как сопутствующего целенаправленного юридического действия, занимающего свое особое место в системе юридических фактов наряду с юридическими поступками и такими юридическими фактами, как сделки, административные и иные акты (см.: *Тарасова А. Е.* Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. М., 2008. С. 57).
- ⁴ Так, по конкретному спору суд признал недействительной доверенность, выданную на продажу автомобиля лицом, не являющимся собственником автомобиля. При этом суд справедливо указал, что в обязанности нотариуса не входит проверка действительного наличия у поверенного права собственности на имущество, на продажу которого выдается доверенность, в том числе правоустанавливающих документов на такое имущество, «поскольку нотариус удостоверяет лишь факт выдачи доверенности» (решение Звенигородского районного суда г. Москвы от 18 октября 2010 г.).
- ЛИТЕРАТУРА
- [1] *Рясенцев В. А.* Понятие и юридическая природа полномочия представителя в гражданском праве // Методические материалы (ВЮЗИ). М., 1948. Вып. 2. С. 8.
- [2] *Гражданское право : учебник. 6-е изд. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого.* М., 2006. С. 325.
- [3] *Рясенцев В. А.* Указ. соч. С. 8.
- [4] См.: *Советское гражданское право. М., 1965. Т. 1. С. 218.*
- [5] *Нерсесов Н. О.* Понятие добровольного представительства в гражданском праве. Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 2000. С. 76.
- [6] Там же.
- [7] См.: *Скловский К. И.* Правомочие и полномочие в механизме возникновения гражданских прав // *Хозяйство и право.* 2004. № 11. С. 110.
- [8] Там же.
- [9] Там же. С. 112.
- [10] *Брагинский С. М.* Договор поручения // *Хозяйство и право.* 2001. № 4. Приложение. С. 59.
- [11] Там же.
- [12] См. об этом: *Третьяков С. В.* Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине // *Вестн. гражданского права.* 2007. № 2.
- [13] См.: *Зеккель Э.* Секундарные права в гражданском праве // *Вестн. гражданского права.* 2007. № 2. Т. 7. С. 210–211.
- [14] См.: *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1947. С. 10.
- [15] *Брагинский С. М.* Указ. соч. С. 60.
- [16] См., напр.: *Орешин Е. И.* Правовая природа полномочия представителя // *Журнал российского права.* 2007. № 2. С. 93.
- [17] См.: *Германов А. В.* От пользования к владению и вещному праву. М., 2009. С. 156.
- [18] *Богатырев Ф. О.* Секундарное право на примере постановления Президиума Верховного Суда России // *Журнал российского права.* 2005. № 2.
- [19] См.: *Вильнянский С. И.* Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков, 1958. Ч. 1. С. 175 ; *Торкановский Е. П.* Советское гражданское право. Куйбышев, 1962. С. 58–59 ; *Тархов В. А.* Советское гражданское право. Ч. 1. Саратов, 1978. С. 87 ; *Его же.* Гражданское право. Ч. 1. М., 2007. С. 216.
- [20] См.: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 132.
- [21] См.: *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. М., 1967. С. 203.
- [22] *Крылов С.* Соотношение договора поручения и доверенности // *Российская юстиция.* 1999. № 9. С. 15.
- [23] Там же.
- [24] *Шершевский И. В.* Представительство. Поручение и доверенность. М., 1925. С. 17–18.
- [25] *Иоффе О. С.* Указ. соч. С. 203.
- [26] Там же.
- [27] См.: *Осипова С. В.* Сделкоспособность несовершеннолетних в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 28–35.
- [28] *Рузанов В. В.* Полномочие представителя как «право для других»: сущность и особенности реализации: систематика субъективных прав и систематика иных правовых явлений в частноправовой сфере: вопросы взаимосвязи. Самара, 2011. С. 82.
- [29] Там же. С. 83.
- [30] Там же. С. 86.
- [31] Там же.

- [32] Харитонова Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М., 2011.
- [33] Там же.
- [34] Там же.
- [35] Там же.
- [36] Там же.
- [37] См.: *Полов П. С.* Проблемы реализации полномочий законного представителя на стадии предварительного расследования. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- [38] См., напр.: *Пергамент А. И.* Опекун как гражданско-правовой представитель несовершеннолетнего // Учен. зап. ВНИИСЗ. Вып. 14. 1968. С. 184.
- [39] См.: Гражданское право : учебник. 6-е изд. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М., 2006. С. 325 *Крашенинников П. В., Гонгало Б. М.* Представительство и доверенность. Постатейный комментарий главы 10 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2009 ; Гражданское право : в 4 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. М., 2004. С. 545.
- [40] *Скловский К.* Указ. соч. С. 99.
- [41] См.: *Гордон А. О.* Представительство в гражданском праве. М., 1879. С. 76 ; *Казанцев Л. Н.* Учение о представительстве в гражданском праве. Ярославль, 1878. С. 121 ; Советское гражданское право : в 2 т. / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1986. Т. 1. С. 226 ; Советское гражданское право : в 2 т. / под ред. В. П. Грибанова, С. М. Корнеева. М., 1979. Т. 1. С. 204 ; *Андреев В. К.* Применение института представительства в деятельности производственного объединения // Советское государство и право. 1976. № 8. С. 60 ; *Орешин Е. И.* Договоры о представительстве в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007 ; *Сафиуллина Г. Д.* Предмет агентского договора и основные идеи представительства (действие «в чужих интересах» и действие «от чужого имени»): сравнительно-правовой аспект // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. М., 2005. С. 447.
- [42] См.: *Антимонов Б. С.* Отдельные виды обязательств / под общ. ред. К. А. Граве, И. Б. Новицкого. М., 1954. С. 284; *Ли А. С.* Разграничение сделок представительства и посредничества // Законодательство и экономика. 1995. № 11–12. С. 12 ; *Крашенинников П. В., Гонгало Б. М.* Указ. соч. С. 20.
- [43] См., напр.: *Богатырев Ф. О.* Указ. соч. С. 68.
- [44] См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право : в 5 кн. Кн. 3. 2002. С. 324.
- [45] См.: *Кузьмишин А. А.* К вопросу о понятии и юридической природе представительства и полномочия в гражданском праве // Юрист. 1999. № 12. С. 9.
- [46] См.: *Александров Н. Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 192.
- [47] См., напр.: *Юков М. К.* Структурно-сложное содержание гражданских процессуальных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 313.
- [48] См.: *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 280–285.
- [49] См.: *Скловский К. И.* Указ. соч. С. 100.
- [50] См.: *Юков М. К.* Указ. соч. С. 313.
- [51] *Скловский К.* Указ. соч. С. 95.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НЕРАСКРЫТОЙ ПРЕСТУПНОСТИ*

Рассматриваются основные элементы механизма формирования нераскрытой преступности: укрытие преступлений, коррупция, депрофессионализация, декриминализация, разрушение системы правоохранительных органов.

Ключевые слова: нераскрытая преступность, укрытие преступлений, коррупция, непрофессионализм, декриминализация, лоббирование.

Изучение механизма формирования нераскрытой преступности позволяет понять, как образуются ее массивы. Этот механизм отчетливо дифференцируется на социальный (организационный) и индивидуальный (психологический) уровни.

На социальном уровне механизм формирования нераскрытой преступности имеет системный характер, т. е. относится к деятельности системы правоохранительных органов. Функционирование этого механизма определяется энтропийными процессами, присущими в принципе любой системе, но в условиях современной российской действительности имеющих определенные особенности. В деятельности любой системы выявляется тенденция к дезорганизации, которая вызывает ответную реакцию в виде управленческих решений, как позитивных, так и негативных.

Понятно, что все совершаемые преступления раскрыть невозможно, но правоохранительная система должна стремиться к достижению «сверхцели» полного и качественного раскрытия всех преступлений. Добиваться этого можно и нужно позитивными средствами, например, совершенствуя организационную структуру, оптимизируя критерии оценок профессиональной деятельности. Однако давно известны и менее затратные негативные (социально неодолимые) средства, среди которых выделяется укрытие преступлений от учета.

Свидетельством этого являются статистические данные о рассмотренных заявлениях и сообщениях о преступлениях и принятых решениях по ним. Обратимся к материалам табл. 1, в которой представлены данные о соотношении числа рассмотренных материалов и зарегистрированных преступлений.

Из сведений, представленных в таблице, видно, что в последнее пятилетие советского периода из года в год практически половина рассматриваемых материалов регистрировалась как преступления. В целом можно отметить тенденцию повышения индекса криминальности, если считать таковым рассматриваемое соотношение. Иными словами, все большее количество заявлений и сообщений расценивалось как повод к возбуждению уголовного дела. При этом наблюдается согласованность динамики вариационных рядов: увеличение числа заявлений и сообщений о правонарушениях сопровождается ростом количества зарегистрированных преступлений. Такая согласованность указывает на адекватность правового реагирования на криминальные ситуации.

Иная статистическая картина складывается при анализе данных табл. 2.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Правовое обеспечение решения социальных конфликтов в субъекте Российской Федерации: защита прав человека в условиях криминализации общественных отношений», Соглашение № 14.В37.21.0045 от 25 июля 2012.

Таблица 1

Статистические данные о рассмотренных заявлениях и сообщениях о правонарушениях и зарегистрированных преступлениях в 1986–1990 гг. [1]

	1986	1987	1988	1989	1990
Рассмотрено заявлений и сообщений о правонарушениях	3 936 963	3 793 937	3 864 169	4 376 829	4 477 798
Зарегистрировано преступлений	1 987 293	1 798 549	1 867 223	2 461 692	2 786 605
Соотношение показателей 2-й и 1-й строк, %	50,4	47,4	48,3	56,2	62,2

Таблица 2

Статистические данные о рассмотренных заявлениях и сообщениях о правонарушениях и зарегистрированных преступлениях в 2006–2010 гг. (в абсолютных показателях и процентах) [2]

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Рассмотрено заявлений и сообщений о правонарушениях	19 305 176	20 529 380	21 499 523	22 788 829	23 903 997	24 733 853
Зарегистрировано преступлений	3 855 373	3 582 541	3 209 862	2 994 820	2 628 799	2 404 807
Соотношение показателей 2-й и 1-й строк, %	19,9	17,4	14,9	13,1	10,9	9,7

Таблица 3

Статистические данные о рассмотренных заявлениях и сообщениях о преступлениях и принятых решениях по ним в 2006–2010 гг. (в абсолютных показателях и процентах)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Рассмотрено заявлений и сообщений о преступлениях	19 305 176	20 529 380	21 499 523	22 788 829	23 903 997	24 733 853
Отказано в возбуждении уголовного дела	4 595 885	5 007 796	5 317 087	5 640 693	6 030 001	6 142 306
Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим его возбуждением	100 246	63 997	126 632	146 129	151 881	166 683
Соотношение показателей 2-й и 1-й строк, %	23,8	24,4	24,7	24,7	25,2	24,9
Соотношение показателей 3-й и 2-й строк, %	2,2	1,2	2,4	2,8	2,5	2,7

Из материалов таблицы усматривается, что с ростом числа заявлений и сообщений о правонарушениях наблюдается снижение количества регистрируемых преступлений. Это указывает на неадекватность правового реагирования на криминальные ситуации, причем наблюдается тенденция усиления такой неадекватности.

Наиболее одиозной в этой связи является практика укрытия учета. По материалам учетно-регистрационных проверок со стороны органов прокуратуры абсолютное количество укрытых от учета преступлений составило в 2009 г. 105 852 преступлений – 3,1 % от числа преступлений, уголовные дела о которых находились в производстве или были зарегистрированы в отчетном периоде. По мнению прокурорских работников, эти показатели должны быть увеличены, как минимум, вдвое [3].

В диссертации Е.М. Головащук справедливо утверждается, что укрытие преступлений органами внутренних дел – это преднамеренная незаконная деятельность, состоящая в различных видах фальсификации и отказа в приеме, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, направленная на *искусственное регулирование раскрываемости преступлений* и достижение иных противоправных целей [4]. В этом утверждении определен главный мотив укрытия преступлений от учета – стремление завысить показатели раскрываемости

преступлений. Этот мотив, конечно, может быть связан и с личной заинтересованностью (укрепить свою профессиональную репутацию) [5], однако в целом он выражает ложно понятые интересы службы и соответствует ожиданиям руководителей тех лиц, которые укрывают преступления от учета. «Главная причина укрытия преступлений – в идеологических установках власти, – заявляет В. С. Овчинский, – которая, как и в прежние времена, полагает, что при ее правлении все социальные показатели (в том числе и преступности) должны только улучшаться (“жить становится лучше и веселее”))» [6]. Механизм, который задействуется при этом – это «перевод» преступлений, о которых поступает сообщение, в категорию латентных (искусственно-латентных).

Сопоставление показателей строк табл. 2 позволяет установить и другую тенденцию – снижение доли регистрируемой преступности в ежегодном массиве поступаемых заявлений и сообщений о правонарушениях. Только за рассматриваемый период (2006–2010 гг.) такая доля уменьшилась почти в два раза. По сравнению с данными 1990 г. динамика соответствующего снижения выглядит еще более стремительной – сокращение доли регистрируемой преступности в 6 раз.

Такое стремительное сокращение удельного веса регистрируемой преступности в общем массиве принятых заявлений и сообщений о правонарушениях имеет только

одно правдоподобное объяснение: правоохранительные органы уклоняются от раскрытия преступлений уже на этапе их регистрации. Значимым и опережающим мотивом правового реагирования на преступность является стремление «перевести» преступления в категорию иных правонарушений. Об этом можно судить по объему и динамике движения материалов об отказе в возбуждении уголовного дела (см. табл. 3).

Абсолютное число отказов в возбуждении уголовного дела из года в год увеличивается, что происходит вслед за увеличением количества рассмотренных заявлений и сообщений о правонарушениях. При этом доля отказов в структуре заявлений имеет тенденцию к росту. Аналогичная динамика характеризует движение отмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим его возбуждением. Таким образом, уголовная статистика свидетельствует о процессах искусственного снижения нагрузки на систему юстиции. С одной стороны, это указывает на то, что система уголовной юстиции отторгает «вал преступности», который она не в состоянии переработать. С другой стороны, здесь мы сталкиваемся с прочной практикой уклонения от выполнения системой своих целевых функций. Система уголовной юстиции на «входе» действует вопреки своему предназначению. Вопрос о том, почему так происходит, каковы причины такого положения, является центральным при изучении механизма формирования нераскрытой преступности.

Самый очевидный ответ на этот вопрос имеет отношение к критериям оценки деятельности правоохранительных органов. Система таких критериев настолько несовершенна, что мотивирует негативные процессы в уголовно-политическом реагировании на преступность. Если оценивать деятельность правоохранительных органов, опираясь исключительно на критерий раскрываемости преступлений, то закономерно ожидать активизации намерений манипулирования процессами на «входе» системы уголовной юстиции. Такое манипулирование включает в себя создание «фильтров», которые отсекают заведомо труднораскрываемые преступления. «Фильтры» никогда не пропустят информацию о преступлениях, которые замаскированы под ситуации некриминального характера. Иными словами, система не заинтересована в том, чтобы устанавливать, выявлять преступления, ее интересы диаметрально противоположны. Как показывает изучение практики, создание таких «фильтров» в России является универсальным – не зависящим от политического режима. Как показывает исследование А.А. Купленского, проведенное еще в СССР, при существовании советской системы уголовно-правового реагирования на преступ-

ность, выпускников специального вуза МВД «переучивали» еще во время прохождения предэкзаменационной практики. Если профессорско-преподавательский состав вуза формировал умения и навыки раскрытия преступлений, то на практике приоритетным становилось формирование умений и навыков укрывания преступлений от учета, в частности за счет составления материалов об отказе в возбуждении уголовного дела [7].

Такая «корректирующая» практика имеет глубокие корни. В 1956 г. при смене руководства МВД СССР работала Правительственная комиссия по оценке деятельности министерства. Вот некоторые из выводов Правительственной комиссии:

– неудовлетворительно обстоит дело с раскрываемостью преступлений. Уголовный розыск органов милиции не раскрывает в среднем до 15 % убийств, 30 % разбойных нападений при хищениях государственного и общественного имущества, 20 % разбойных нападений на граждан. По данным на 1 июля 1955 г., количество нераскрытых преступлений составляло свыше 98 000, в том числе более 3 500 убийств, около 11 000 разбойных нападений и более 28 000 краж государственного и общественного имущества. Низкая раскрываемость преступлений порождает обстановку безнаказанности для многих опасных преступников;

– в органах милиции установилась прочная практика, когда работа начальников периферийных органов милиции оценивается только по количеству зарегистрированных преступных проявлений без анализа причин, влияющих на изменение количества зарегистрированных преступлений и состояние работы по раскрытию преступлений. Такая практика приводит к тому, что в ряде случаев начальники органов милиции, боясь ответственности за увеличение количества совершаемых на их участках преступлений, скрывают многие преступления от учета. Имеющиеся в Главном управлении милиции данные свидетельствуют о том, что факты укрывания уголовных преступлений от учета приняли массовый характер;

– общая штатная численность органов милиции на 1 января 1956 г. составляла 308 996 единиц, из них некомплект – 9 618 единиц, или 3,1 %. В деле подбора, расстановки и воспитания кадров милиции имеют место серьезные недостатки. Во многих случаях на важные участки оперативной и следственной работы назначаются лица без надлежащей подготовки. Значительная часть работников, особенно городских и районных отделов, отделений милиции и участковых уполномоченных, не отвечает предъявляемым к ним требованиям. Качественный состав кадров органов милиции улучшается медленно. Уровень общеобразовательной подготовки работников милиции очень низок. Среди начальников гор-

райотделений милиции, которые, по существу, определяют состояние всей работы органов милиции, 65 % работников имеют низшее и незаконченное среднее образование, 30 % – среднее и 5 % – незаконченное высшее и высшее образование. Среди участковых уполномоченных 93,3 % работников не имеют среднего образования;

– во многих периферийных органах МВД, особенно милиции, положение с дисциплиной среди личного состава вызывает серьезную тревогу. В 1955 г. за злоупотребление служебным положением и дискредитацию органов уволено свыше 10 000 сотрудников МВД и несколько тысяч подвергнуто взысканиям за нарушение служебной дисциплины. В том же году 865 работников МВД было привлечено к уголовной ответственности [8].

Эти выводы содержат информацию, которая позволяет понять механизм формирования нераскрытых преступлений в современных условиях. Так, в этот механизм встроен фактор, имеющий отношение к численности, квалификации и профессионализму сотрудников правоохранительных органов, которые осуществляют деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.

Штатная численность органов полиции МВД РФ установлена в количестве 782 106 сотрудников [9]. Общая штатная численность работников органов Прокуратуры РФ определена числом 45 865 человек [10], сотрудников Следственного комитета Российской Федерации – 21 156 единиц (плюс 223 генерала и 2 034 единицы военных следственных органов) [11], служащих Госнаркомконтроля 39 985 единиц (плюс 1 400 человек центрального аппарата) [12]. Численность работников только названных федеральных органов исполнительной власти составляет 892 679 человек, что почти втрое больше штатной численности органов милиции 1956 г., когда население страны составляло 200, 2 млн человек (против 142 млн в 2011 г.) [13]. Кроме того, борьба с преступностью входит в компетенцию Федеральной службы безопасности (ФСБ), Службы внешней разведки (СВР), Федеральной таможенной службы (ФТС), Федеральной миграционной службы (ФМС), Федеральной противопожарной службы (ФПС) МЧС России, Федеральной службы охраны (ФСО) РФ, Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) России, что увеличивает количество лиц, облеченных специальными полномочиями по расследованию преступлений не менее, чем в два раза. Таким образом, численность работников правоохранительных органов с 1956 г. существенно увеличилась (при сокращении количества «обслуживаемого» населения), а раскрываемость осталась низкой. В этой связи следует выдвинуть гипотезу, что число работников

правоохранительных органов не способно оказать решающего влияния на состояние борьбы с нераскрытой преступностью.

Актуально также предположить, что квалификация и профессионализм сотрудников, непосредственно участвующих в борьбе с преступностью, остаются недостаточно высокими, чтобы обеспечить высокую раскрываемость зарегистрированных преступлений.

Несмотря на наличие специальных научных исследований [14], формирование отряда профессионалов в правоохранительных органах не является приоритетной задачей в их развитии. Исследования А.Ф. Караваева показывают [15]:

– из органов внутренних дел ежегодно увольняются до 10 % личного состава, в том числе до 40 % по собственному желанию;

– наблюдается значительное сокращение доли опытных специалистов-профессионалов в аттестационном составе ОВД (за последние годы доля специалистов со стажем работы свыше 20 лет по России сократилась в 3 раза, в ведущих службах ОВД до 60 % их имеют стаж работы менее 3-х лет);

– сотрудник силовой структуры овладевает азами службы лишь через 1–2 года после ее начала, на достижение уровня квалифицированного специалиста уходит 5–7 лет, лишь через 8–10 лет службы сотрудник правоохранительных органов становится профессионалом высокого класса.

Реформирование органов внутренних дел, преобразование милиции в полицию, повышение денежного содержания сотрудников дают основания надеяться на позитивные сдвиги в этом направлении. Но пока ситуация с профессионалами в органах внутренних дел, которые выполняют основную массу работы по борьбе с преступностью, остается проблематичной. Доклады о результатах деятельности органов внутренних дел имеют характер победных реляций. Например, при подведении итогов 2011 г. сообщено, что сотрудниками органов внутренних дел раскрыто 1 млн 311 тыс. преступлений, четверть из которых – тяжкие и особо тяжкие [16]. Логичнее было бы сообщить, что почти половина преступлений, зарегистрированных в 2011 г. остались нераскрытыми, не говоря о кумулятивной массе нераскрытой преступности, которая при анализе вообще во внимание не принимается. При ежегодном подведении итогов подчеркивается, что преступность сокращается, но умалчивается, что нераскрытая преступность, напротив, увеличивается. Это – непрофессиональный подход к делу, поскольку профессионально – решать проблемы и непрофессионально – делать вид, что их не существует.

Такое – непрофессиональное – отношение к решению проблем преступности имеет центробежный характер, распространяется

от центра к периферии и указывает на возможное существование в системе уголовной юстиции латентных целей ее функционирования.

Эти цели часто обусловлены соображениями служебной карьеры (желаешь соответствовать занимаемой должности – докладывай о снижении преступности). Следовательно, в механизме формирования нераскрытой преступности хорошо просматривается конфликт официальных и неофициальных целевых функций деятельности правоохранительных органов. Здесь официальная целевая функция – раскрытие преступлений, а неофициальная – создание видимости эффективной работы. Предпочтение всегда отдается осуществлению второй – латентной – функции, поскольку она менее затратна, не требует таких напряженных усилий, как действительное раскрытие преступлений. Это, во-первых. Во-вторых, такой выбор обусловлен укоренившейся позицией руководителей правоохранительных органов, во все времена упрямо настаивающих на том, что представление о реальности (имидж), которое оценивает вышестоящее руководство, важнее реальности.

Наиболее острый конфликт официальных и неофициальных целевых функций деятельности создается на основе коммерциализации деятельности системы уголовной юстиции.

Такая коммерциализация имеет, как минимум, два измерения: легальное и нелегальное. Что касается легального, то здесь присутствуют, в свою очередь, два вектора: оказание платных услуг и поощрение правоохранительной активности добровольных помощников органов уголовной юстиции. Нас интересует нелегальная коммерческая деятельность сотрудников правоохранительных органов, которая связана с совершением преступлений коррупционной направленности.

Раскрытие преступления может оказаться выгодным предложением на нелегальном рынке коммерческих услуг. Так, владельцы угнанных автомобилей предлагают сотрудникам уголовного розыска «бонусы» за положительные результаты их работы. Готовы поощрить служебное усердие работников системы уголовной юстиции и потерпевшие от других преступлений. В некоторых случаях их предложения принимаются.

Некоторые представители правоохранительных органов стали рассматривать свое должностное положение как «стартовую» возможность «сделать деньги» и в более широком масштабе. Чрезвычайно опасное вторжение рыночной идеологии в ткань правоохранительных отношений было спровоцировано провозглашенным в реформируемой России лозунгом «обмена власти на деньги» [17]. Буквальное восприятие этого

лозунга означает использование административного ресурса для личного обогащения. Это хорошо прослежено в деле «оборотней в погонах», которые свое должностное положение использовали для организации предпринимательской деятельности, включая захват чужого бизнеса, а показатели своей правоохранительной работы «делали» за счет маргиналов (бомжей, ранее судимых). Последних они «грузили», т. е. фальсифицировали в отношении них материалы уголовного дела, подкидывая им оружие и наркотики [18]. Как видим, в таких условиях борьба с преступностью не только сдвигается на периферию профессионального внимания, но и превращается в свой полный антипод – вопиющее беззаконие и преступную деятельность.

Как показывают специальные исследования, почти половина полицейских в крупных городах замешана в нелегальной экономической деятельности. Это продемонстрировал опрос ИСЭПН РАН более 2000 «копов» в восьми российских регионах, проведенный в 2002 г. Самой «коммерциализированной» оказалась Москва: 2/3 или даже 3/4 респондентов здесь имеют побочный доход. Остальные исследованные регионы можно считать «средне коммерциализированными» – 36–45 % полицейских участвуют в теневой экономике (Нижний Новгород, Иркутск, Ростов, Краснодар, Омск и Воронеж). По данным другого исследования, участие полицейских в теневой экономике еще выше: более 80 % респондентов имеют дополнительные доходы. Самые частые его источники – охранные услуги (58 % опрошенных), частный извоз (36 %), платные услуги физическим лицам и компаниям (18 %), сбор долгов (17 %), взяточничество (14 %). И чем более квалифицированы сотрудники полиции, тем больше они вовлечены в коррупционную деятельность. Существенное увеличение полицейской коррупции в отношении бизнеса наблюдалась в начале века, так в 2001 г. на нее пришлось более 80 % от всего внеслужебного дохода. Последние исследования (фонд «Индем», 2011 г.) также продемонстрировали увеличение мелкой коррупции в рядах полиции. В условиях занятия «непрофильной деятельностью» сотрудникам полиции просто не остается времени для качественного выполнения своих должностных обязанностей [19].

Нельзя не учитывать и прямую продажность, которая нередко выступает в качестве фактора «развала» уголовного дела. В качестве одного примера можно привести уголовное дело против следователя Главного следственного управления (ГСУ) ГУВД Москвы Н. Дмитриевой. Следователи подозревают, что в ГСУ был поставлен на поток коррупционный бизнес по развалу уголовных дел, расценки в котором доходили до

5 млн евро [20]. Другой пример: известному тренеру Е. Чайковской предлагалось уплатить 200 тыс. дол. сотрудникам РУБОПа, чтобы прекратить уголовное дело против ее сына. По материалам журналистского расследования в Министерстве внутренних дел торги начинаются с 200–500 тыс. дол. и ведутся через «специально обученных адвокатов». Ставки могут доходить до миллионов. Дороже всего оценивается развал по делам об убийстве и по «экономическим» статьям: в последнем случае расценки зависят от состоятельности клиента [21].

Кардинальным способом «решения» проблемы активности сотрудников правоохранительных органов может быть лоббирование законопроекта о декриминализации деяний или даже ликвидации определенного правоохранительного органа. До настоящего времени нет внятных объяснений по поводу ликвидации Федеральной службы налоговой полиции.

Неконструктивное значение, связанное с механизмом формирования нераскрытых преступлений, имело решение о реорганизации Департамента МВД РФ по борьбе с организованной преступностью и терроризмом. На базе подразделений по борьбе с организованной преступностью созданы:

а) подразделения по противодействию экстремизму, на них возложены функции по противодействию экстремистской деятельности;

б) подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, на них возложены функции по применению мер безопасности в целях защиты жизни и здоровья лиц, подлежащих государственной защите, а также по обеспечению сохранности их имущества.

Одновременно функции по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности возложены на подразделения уголовного розыска органов внутренних дел Российской Федерации, а функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической направленности – на подразделения по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел Российской Федерации [22]. По мнению В.С. Овчинского, такое решение ломает всю стратегию, организацию и тактику борьбы с организованной преступностью. Преступные организации и сообщества остаются фактически бесконтрольными. Ведь уголовному розыску и службе БЭП физически невозможно будет определить зоны ответственности, учитывая универсальный характер деятельности преступных сообществ и организаций. «Именно силами подразделений по борьбе с организованной преступностью был осуществлен разгром самой мощной преступной организации страны – «Общак», арестован за организацию рейдерских захватов лидер тамбовско-

го преступного сообщества Кумарин – Барсуков («ночной губернатор» Санкт-Петербурга). Кто же сейчас будет заниматься *ликвидацией преступных сообществ*? Кто будет заниматься борьбой с *рейдерством*, где общеуголовная преступность вообще неотделима от экономической? Кто будет контролировать *воров в законе и преступных авторитетов*, которые продолжают укреплять свои позиции во многих регионах страны?» [23]. Иными словами, компетенции территориальных подразделений УР и БЭП явно недостаточно для того, чтобы раскрывать сложные преступления, за которыми просматриваются интересы организованной преступности.

На вопрос о причинах реорганизации Департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, который задавался в процессе исследования ряду компетентных сотрудников милиции, следовал стандартный ответ, что таким образом освободили от должности руководителя этого подразделения. Таким образом, предлагается принять на веру, что при решении кадровых вопросов в системе МВД подчас действуют в соответствии с логикой того, что «лучшее средство от перхоти – это гильотина».

В системе факторов, определяющих механизм формирования нераскрытой преступности, следует назвать отсутствие ответственности за нераскрытие преступлений. Наличие огромного массива нераскрытых преступлений не вызывает серьезного беспокойства со стороны правоохранительных органов и общественности. Этот массив не учитывается при анализе преступности, о нем не информируется население. Нераскрытые преступления «растворяются» в сведениях о вновь зарегистрированных преступлениях, их кумулятивное число в обычных сводках не фигурирует. Говоря об отсутствии ответственности за нераскрытие преступлений, важно уточнить, что речь идет не о санкциях, а о мотивации. В деятельности правоохранительных органов не создана эффективная система мотивации раскрытия преступлений. В то же время укрытие преступлений от учета мотивировано. Дела о нераскрытых преступлениях приостанавливаются, направляются в архив, и о них благополучно забывают. В условиях дефицита времени, большого массива вновь поступающих материалов конфликт между раскрытием преступления и выполнением минимума процессуальных процедур с последующим прекращением уголовного дела решается чаще в пользу формального подхода.

На механизм формирования нераскрытой преступности интересно взглянуть глазами рядовых практических работников, принимающих непосредственное участие в раскрытии преступлений. Нами были проинтервьюированы в 2010–2011 гг. 57 со-

трудников органов внутренних дел Сибирского федерального округа. Приведем выдержку из этих интервью.

Оперуполномоченный отделения по раскрытию грабежей и разбоев Индустриального УВД г. Барнаула: «Когда потерпевший приходит в милицию, чтобы сообщить о совершенном преступлении, то, если преступление “темное” (заведомо труднораскрываемое. – М.К., М.Р.) и на месте нет дежурного опера (оперуполномоченного. – М.К., М.Р.), он на выезде, по пострадавшему скажут: “Вам придется подождать, сейчас некому принять ваше заявление”. И потерпевший сидит и ждет, пока освободится опер. Сами сотрудники дежурной части никак не реагируют, даже если преступление случилось 10–15 минут назад. Если грабеж, то никто не поинтересуется, сколько было грабителей, во что были одеты, что забрали, в какую сторону побежали для того, чтобы дать ориентировку наружным нарядам. Все сидят и ждут, когда приедет опер, переговорит с потерпевшим, запишет ориентировку, которую только тогда передают всем дежурным нарядам. Многие потерпевшие устают ждать и просто уходят. Если потерпевший тихий, нескандальный человек, дежурный начинает ему говорить, что сам во всем виноват, все равно никто ничего ему не вернет. Очень многие, видя и слушая все это, разворачиваются и уходят, не оставляя никакого заявления.

Когда потерпевший приходит к следователю или дознавателю, то у тех сразу возникает вопрос о размере причиненного ущерба. К нам в отдел пришли муж с женой с заявлением о краже у них сумки, где были документы и билеты на самолет, деньги и старые фото их родителей, которые они отценивали выше всего. Заявление у них долго не принимали, так как не могли определиться с ущербом. Дознаватель говорил, что ущерб значительный, а следователь, что нет. Пока они между собой рядились, я поймал жулика, взял у него явку с повинной, нашел сумку со всем ее содержимым, а следователь с дознавателем все еще спорили, чье будет преступление.

Фальсификацией в МВД в той или иной степени занимаются все, только цели при этом преследуют разные. Кто-то старается списать материал, а кто-то преследует личную выгоду. Иногда подделывают подписи понятых, свидетелей, пропадают и целые допросы с объяснениями подозреваемых. И делается это часто не потому, что следователю или дознавателю дали денег. Просто дело пролежало в столе, не успевают по срокам и его “фактуют”, убирают из дела все объяснения и приостанавливают. Так проще. Ведь за нераскрытые дела никак не наказывают (выделено нами. – М.К., М.Р.), а если нарушены сроки, то они получают по полной.

Всю статистику подгоняют под предыдущий год, чтобы преступления этого года соответствовали преступлениям предыдущего года. Все это происходит из-за палочной системы. В первую очередь регистрируются и раскрываются очевидные преступления. “Темные” преступления регистрируются все реже, от них стараются различными способами избавиться или переквалифицировать на менее тяжкое преступление».

Как видим, сотрудники правоохранительных органов видят объективные и субъективные факторы механизма формирования нераскрытой преступности. И четко определяют главные из них: укрытие преступлений от учета и безответственность.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Преступность и правонарушения в СССР. 1990 : статист. сб. М. : Финансы и статистика, 1991. С. 9.
- [2] Статистика МВД. URL: www.mvd.ru.
- [3] *Инишаков С. М.* Уровень и структура криминальной латентности как показатель эффективности деятельности правоохранительных органов (по материалам одного исследования) // Криминологический журнал БГУЭП. 2010. № 4. С. 8.
- [4] *Головащук Е. М.* Процессуальное противодействие укрытию преступлений органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. С. 7.
- [5] См.: *Яни П. С.* Укрытие преступлений сотрудниками милиции: умысел и мотив // Российская юстиция. 2007. № 12.
- [6] *Овчинский В. С.* МВД России в XXI веке // Завтра. 2007. 17 янв.
- [7] *Купленский А. А.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых сотрудниками уголовного розыска в связи со служебной деятельностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МВШМ МВД РСФСР, 1991. С. 12.
- [8] *Жирнов Е.* Факты укрытия преступлений от учета приняли массовый характер // Власть. 2011. № 9 (913).
- [9] О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 252 (ред. от 19.09.2011) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1338.
- [10] Об общей штатной численности органов Прокуратуры Российской Федерации : Указ Президента РФ от 25.01.2011 № 90 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 5. Ст. 710.
- [11] Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации») : Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 (ред. от 19.01.2012) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 4. Ст. 572.
- [12] Вопросы Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков : Указ Президента РФ от 28.07.2004 № 976 (ред. от 05.09.2011) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3234.

- [13] См.: Достижения советской власти за 40 лет в цифрах. М.: ЦСУ при Совете Министров СССР, 1957. С. 24.
- [14] *Бородавко Л. Т.* Профессиональное воспитание сотрудников правоохранительных органов в вузах МВД РФ : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005 ; *Артемьев А. М.* Государственная правоохранительная служба: системные функции, свойства, правовое обеспечение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008 ; *Климанов А. М.* Особенности развития установок профессиональной самореализации сотрудников следственного комитета в условиях инцидентного обучения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2011.
- [15] *Караваев А. Ф.* Основы профессионального становления специалистов – сотрудников органов внутренних дел : монография. Омск : Омская академия МВД РФ, 2004. С. 3.
- [16] Сегодня в МВД России состоялось расширенное заседание Коллегии, на котором были подведены итоги деятельности в 2011 году и обсуждены задачи на ближайшую перспективу. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 20.02.2012).
- [17] *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. М., 1995.
- [18] *Хинштейн А. Е.* Охота на оборотней. М., 2003.
- [19] *Cosals L., Dubova A.* Commercialization Police and Shadow Economy: The Russian Case // *Economic Sociology*. 2012. Vol. 13 (2). March. P. 22–25.
- [20] Дело Нелли Дмитриевой выводит на бизнес по развалу уголовных дел. URL: <http://www.subscribe.ru> (дата обращения: 20.02.2012).
- [21] Менты без грима. Коррупция. URL: <http://www.kp.ru/daily/22934/330> (дата обращения: 20.02.2012).
- [22] О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ от 06.09.2008 № 1316 (ред. от 05.09.2011) // *Собрание законодательства РФ*. 2008. № 37. Ст. 4182.
- [23] *Овчинский В. С.* Российская организованная преступность (мафия) как форма социальной организации жизни. URL: <http://www.zpu-journal.ru> (дата обращения: 21.02.2012).

СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Исследуются проблемные вопросы построения современной модели управления российских хозяйственных обществ, анализируются действующее корпоративное законодательство и проект изменения норм, определяющих правовое положение совета директоров в системе органов управления организации.

Ключевые слова: акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, орган управления хозяйственного общества, общее собрание акционеров, совет директоров, единоличный исполнительный орган.

В системе рыночных отношений хозяйственные общества занимают центральное место. Их популярность, в первую очередь, обусловлена возможностью объединять капиталы нескольких субъектов для реализации крупных бизнес-проектов, ограничивая их риск размерами вкладов в уставный капитал, предоставляя возможность участвовать в управлении данными организациями. При этом объем прав участия каждого члена хозяйственного общества в его управлении прямо пропорционален вкладу, внесенному им в уставный капитал юридического лица. При таком подходе к распределению прав и ответственности участников хозяйственных обществ на первый план выходят вопросы эффективности управления данными юридическими лицами. Указанный фактор представляется решающим как для обеспечения рентабельности функционирования самого юридического лица, так и для удовлетворения имущественных потребностей участников хозяйственного общества. В этой связи при обсуждении различных вариантов совершенствования законодательства о юридических лицах данному вопросу уделяется повышенное внимание. Так, например, относительно регулирования вопросов управления хозяйственным обществом в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации справедливо отмечается, что в ГК РФ следует закрепить более четкую структуру органов акционерного общества с ясным разделением функций управления и контроля [1].

Полагаем, что данное положение Концепции развития законодательства о юридических лицах можно считать одним из ключевых в процессе совершенствования системы органов управления хозяйственного общества.

В соответствии с действующим законодательством структура органов управления хозяйственных обществ может быть представлена следующим образом: общее собрание членов общества, совет директоров (наблюдательный совет) общества и исполнительные органы общества. При этом общее собрание представляет собой орган, формирование которого происходит при приобретении участниками гражданского оборота акций или долей хозяйственного общества, в силу чего они становятся членами данного юридического лица и получают право голоса на общем собрании пропорционально количеству приобретенных акций или долей. Общее собрание как высший орган управления хозяйственного общества осуществляет формирование совета директоров (наблюдательного совета) общества путем избрания его членов, которые акционерами (участниками) данного общества могут и не являться, а также формирование исполнительных органов общества, если уставом общества решение данного вопроса не отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества. Кроме того, общее собрание не только формирует иные органы управления хозяйственного общества, но и осуществляет контроль

за их деятельностью. Так, согласно п. 1 ст. 69 Закона об акционерных обществах [2] и п. 4 ст. 32 Закона об обществах с ограниченной ответственностью [3] исполнительные органы подотчетны совету директоров (наблюдательному совету) общества и общему собранию акционеров (участников) общества. Ни Закон об акционерных обществах, ни Закон об обществах с ограниченной ответственностью не содержат аналогичной нормы в отношении совета директоров общества, хотя предоставляют право общему собранию членов хозяйственного общества в любое время прекратить полномочия любого члена (всех членов) совета директоров (наблюдательного совета) общества. При этом общее собрание и совет директоров (наблюдательный совет) общества являются органами, осуществляющими общее руководство деятельностью юридического лица, в частности в принятии решений по таким вопросам, как определение направлений развития общества, увеличение уставного капитала, формирование исполнительных органов, одобрение крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность и др., но не вмешиваются в руководство текущей деятельностью, которое осуществляется единоличным и коллегиальным исполнительными органами или только единоличным исполнительным органом. Причем единственным из названных органов хозяйственного общества, наделенным правом выступать в гражданском обороте от имени юридического лица, является единоличный исполнительный орган. Данный орган соединяет в себе как волеобразующие функции по вопросам, не отнесенным к компетенции иных органов общества, так и волеизъявляющие функции по всем вопросам участия общества в гражданском обороте.

В целях же закрепления более четкой структуры органов хозяйственного общества в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации предлагается отказаться от терминологической путаницы в названии контрольного органа. Он должен именоваться наблюдательным советом, а не «советом директоров (наблюдательным советом)». Для разделения данных функций авторами Концепции предлагается также установление в ГК и в законе о хозяйственных обществах запрета совмещения должностей в наблюдательном совете и правлении акционерного общества. Предложенные новеллы, по мнению авторов Концепции, можно также распространить и на общества с ограниченной ответственностью, в которых создается наблюдательный совет [4].

Указанное предложение свидетельствует об очевидном желании авторов Концепции придать наблюдательному совету статус контрольного органа. Полагаем, что закрепление за советом директоров (наблюдательным советом) статуса контрольного органа возмож-

но не столько посредством устранения «терминологической путаницы», сколько путем наделения данного органа конкретными контрольными полномочиями, однако в Концепции отсутствуют конкретные полномочия, которыми мог бы быть наделен наблюдательный совет хозяйственного общества.

Действующее законодательство о хозяйственных обществах следующим образом подходит к распределению полномочий между органами управления общества.

Так, согласно абз. 2 ч. 2 ст. 48 Закона об акционерных обществах вопросы, отнесенные к компетенции общего собрания акционеров, не могут быть переданы на решение совету директоров (наблюдательному совету) общества, за исключением вопросов, предусмотренных настоящим Федеральным законом. В силу п. 1 ст. 65 указанного Закона в компетенцию совета директоров (наблюдательного совета) общества входит решение вопросов общего руководства деятельностью общества, за исключением вопросов, отнесенных настоящим Федеральным законом к компетенции общего собрания акционеров. Следовательно, перечень вопросов, составляющих в силу Закона об акционерных обществах компетенцию совета директоров (наблюдательного совета) общества, может дополняться теми вопросами, которые уставом общества передаются ему из компетенции общего собрания акционеров и иными, предусмотренными уставом вопросами. В этой связи анализ Закона об акционерных обществах позволяет выделить те вопросы, которые в силу закона относятся к исключительной компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества. К ним относятся:

- 1) определение приоритетных направлений деятельности общества;
- 2) созыв годового и внеочередного общих собраний акционеров;
- 3) утверждение повестки дня общего собрания акционеров;
- 4) определение даты составления списка лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, и другие вопросы, связанные с подготовкой и проведением общего собрания акционеров;
- 5) приобретение размещенных обществом акций, облигаций и иных ценных бумаг в случаях, предусмотренных Законом об акционерных обществах;
- 6) рекомендации по размеру выплачиваемых членам ревизионной комиссии (ревизору) общества вознаграждений и компенсаций и определение размера оплаты услуг аудитора;
- 7) рекомендации по размеру дивиденда по акциям и порядку его выплаты;
- 8) использование резервного фонда и иных фондов общества;
- 9) утверждение внутренних документов общества, за исключением внутренних до-

кументов, утверждение которых отнесено Законом об акционерных обществах к компетенции общего собрания акционеров, а также иных внутренних документов общества, утверждение которых отнесено уставом общества к компетенции исполнительных органов общества;

10) создание филиалов и открытие представительств общества;

11) одобрение крупных сделок в случаях, предусмотренных главой X Закона об акционерных обществах;

12) одобрение сделок, предусмотренных главой XI Закона об акционерных обществах;

13) утверждение регистратора общества и условий договора с ним, а также расторжение договора с ним;

14) иные вопросы, предусмотренные Законом об акционерных обществах и уставом общества.

К иным, входящим в компетенцию совета директоров (наблюдательного совета) общества и предусмотренным Законом об акционерных обществах вопросам, относятся следующие полномочия:

1) вынесение для решения общим собранием акционеров общества, осуществляющего реорганизацию в форме слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования общества, вопроса о реорганизации, а также вопроса об избрании членов совета директоров (наблюдательного совета) общества (обществ), создаваемого (создаваемых) в результате слияния, разделения, выделения (ч. 2 ст. 16, ч. 2 ст. 17, ч. 2 ст. 18, ч. 2 ст. 19, ч. 3 ст. 19.1, ч. 2 ст. 20 Закона об акционерных обществах);

2) вынесение в случае добровольной ликвидации общества на решение общего собрания акционеров ликвидируемого общества вопроса о ликвидации общества и назначении ликвидационной комиссии;

3) созыв внеочередного общего собрания (ст. 55 Закона об акционерных обществах);

4) определение цены выкупаемых обществом акций (ч. 3 ст. 75 Закона об акционерных обществах);

5) утверждение отчета об итогах предъявления акционерами требований о выкупе принадлежащих им акций (ч. 4 ст. 76 Закона об акционерных обществах).

Кроме того, Законом об акционерных обществах предусмотрен ряд полномочий, которые совет директоров обязан осуществить при наличии определенных условий:

1) совет директоров (наблюдательный совет) общества при подготовке к годовому общему собранию акционеров обязан включить в состав годового отчета общества раздел о состоянии его чистых активов, если по окончании второго финансового года или каждого последующего финансового года стоимость чистых активов общества окажется меньше его уставного капитала (ч. 4 ст. 35 Закона об акционерных обществах);

2) совет директоров (наблюдательный совет) общества обязан рассмотреть поступившие предложения и принять решение о включении их в повестку дня общего собрания акционеров или об отказе во включении в указанную повестку дня (ч. 5 ст. 53 Закона об акционерных обществах);

3) после получения открытым обществом добровольного или обязательного предложения совет директоров (наблюдательный совет) открытого общества обязан принять рекомендации в отношении полученного предложения (абз. 2 ч. 1 ст. 84.3 Закона об акционерных обществах).

Подобный подход мы наблюдаем и при закреплении полномочий совета директоров (наблюдательного совета) общества с ограниченной ответственностью. Так, к полномочиям совета директоров (наблюдательного совета) указанного юридического лица, которые не могут быть отнесены к компетенции других органов общества, относятся:

1) установление размера вознаграждения и денежных компенсаций единоличному исполнительному органу общества, члену коллегиального исполнительного органа общества, управляющему;

2) принятие решения об участии общества в ассоциациях и других объединениях коммерческих организаций;

3) создание филиалов и открытие представительств общества;

4) решение вопросов, связанных с подготовкой, созывом и проведением общего собрания участников общества;

5) иные предусмотренные Законом об обществах с ограниченной ответственностью вопросы.

Справедливости ради необходимо отметить, что Закон об обществах с ограниченной ответственностью, помимо указанных выше, не содержит дополнительных полномочий, которые были бы присущи только совету директоров (наблюдательному совету) общества.

Анализ полномочий, которые составляют исключительную компетенцию совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества, при всем желании не позволяет отнести их к разряду полномочий по контролю за деятельностью исполнительных органов общества, хотя, по смыслу закона, именно эти полномочия могут принадлежать только совету директоров (наблюдательному совету) общества как некоему особому органу хозяйственного общества.

27 апреля 2012 г. Государственной Думой в первом чтении был принят внесенный Президентом Российской Федерации Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 47538-6 (далее Проект), который содержит ряд новаций

в области регулирования вопросов построения системы органов управления хозяйственного общества. Например, в силу ч. 3 ст. 65.3, предлагаемой к включению в ГК РФ, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, иным законом или уставом корпорации, в ней может быть образован постоянно действующий коллегиальный орган (наблюдательный или иной совет), контролирующей деятельность ее исполнительных органов. В состав указанного органа коммерческой корпорации не могут входить единоличный исполнительный орган корпорации и члены ее коллегиальных исполнительных органов[5].

В данном случае мы наблюдаем последовательную позицию по реализации указанных выше положений Концепции развития законодательства о юридических лицах по устранению «терминологической путаницы» в обозначении указанного органа, а также видим желание придать наблюдательному совету статус органа, контролирующего деятельность исполнительных органов общества. Однако далее отсутствует даже намек на те контрольные полномочия, которыми должен быть наделен наблюдательный совет для выполнения своей контрольной миссии. Напротив, в силу предлагаемой ч. 3 ст. 66.3 ГК РФ по единогласному решению участников (учредителей) непубличного общества¹ в устав общества могут быть включены следующие положения:

1) о передаче на рассмотрение наблюдательного совета или коллегиального исполнительного органа вопросов, отнесенных законом к компетенции общего собрания участников хозяйственного общества за исключением вопросов:

- внесения изменений и дополнений в устав хозяйственного общества, утверждения устава в новой редакции;

- реорганизации или ликвидации хозяйственного общества;

- определения количественного состава наблюдательного совета и коллегиального исполнительного органа (если его формирование отнесено к компетенции общего собрания участников хозяйственного общества), избрания их членов и досрочного прекращения их полномочий;

- определения количества, номинальной стоимости, категории (типа) объявленных акций и прав, предоставляемых этими акциями;

- увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью непропорционально долям его участников или за счет принятия третьего лица в состав участников такого общества;

- утверждения внутреннего регламента хозяйственного общества;

2) о закреплении за наблюдательным советом общества полностью или в части функций коллегиального исполнительного органа общества либо об отказе от образования ис-

полнительного органа, если его функции осуществляются наблюдательным советом;

3) о передаче единоличному исполнительному органу функции коллегиального исполнительного органа и (или) наблюдательного совета.

Исходя из смысла проекта ст. 65.3 ГК РФ к непубличным хозяйственным обществам относятся все общества с ограниченной ответственностью (как юридические лица, не имеющие права выпускать акции), закрытые акционерные общества и открытые акционерные общества, которые не отвечают признакам публичного.

Таким образом, в Проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации, с одной стороны, отсутствует указание на какие-либо конкретные контрольные полномочия наблюдательного совета, образуемого в публичном акционерном обществе, с другой стороны, возможность передачи наблюдательному совету части полномочий высшего органа управления хозяйственного общества, а также возможность выполнения наблюдательным советом непубличного общества функций исполнительного органа и, наоборот, полностью стирает границы между исполнительными и контрольными органами. При этом наблюдательный совет, не смотря на его громкое название, так и остается номинальным органом, у которого отсутствуют как реальные полномочия по управлению хозяйственным обществом, так и полномочия по контролю за исполнительными органами юридического лица.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В силу ч. 1 ст. 66.3 Проекта публичным обществом является акционерное общество, акции которого и ценные бумаги, конвертируемые в его акции, публично размещаются (путем открытой подписки) или публично обращаются на условиях, установленных законами о ценных бумагах. Правила о публичных обществах применяются также к акционерным обществам, устав и фирменное наименование которых содержат указание на то, что общество является публичным.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М. : Статут, 2009. С. 60.
- [2] Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
- [3] Об обществах с ограниченной ответственностью : Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
- [4] Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 60.
- [5] О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Проект Федерального закона от 8 апреля 2012 г. № 47538-6. URL: <http://www.rg.ru/2012/04/06/gk-popravki-site-dok.html>.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТУРОПЕРАТОРОВ И ТУРАГЕНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследуются проблемные вопросы ответственности туроператоров и турагентов, делаются предложения по совершенствованию механизма правового регулирования туристской деятельности в Российской Федерации, взаимоотношений туроператора и турагента.

Ключевые слова: туристская деятельность, туроператор, турагент, финансовые гарантии, ответственность туроператора и турагента, саморегулирование туроператорской деятельности, взаимоотношения туроператора и турагента.

В 2007 г. были внесены существенные изменения в законодательство, регулирующее туристскую деятельность в Российской Федерации [1]. Но, как показывает практика, правовое регулирование турдеятельности нуждается в совершенствовании.

Основными субъектами, осуществляющими туристскую деятельность в РФ, являются туроператоры и турагенты.

В целях обеспечения защиты прав потребителей законодатель предусмотрел для всех туроператоров, зарегистрированных на территории РФ [2], обязательное финансовое обеспечение, гарантирующее возврат денежных средств туристам в случае банкротства или неплатежеспособности туроператора и внесение сведений о таких субъектах в единый федеральный реестр туроператоров [3].

Финансовое обеспечение осуществляется по выбору: в форме банковской гарантии либо договора страхования ответственности туроператора.

Идея финансового обеспечения¹ заключается в том, что если финансовый гарант (страховщик или банк/иное кредитное учреждение) проверил финансовую устойчивость туроператора и выдал ему финансовую гарантию, то туроператор финансово устойчив. Следовательно, размер средств финансового обеспечения должен обеспечить финансовую защиту прав и законных интересов туристов в полном объеме, при этом он должен быть адекватен объему предлагаемых туроператором услуг. Размер такого обеспечения находится в зависимости от применяемой конкретным туроператором системы налогообложения и от величины сумм денежных средств, полученных туроператором от реализации турпродукта по данным бухгалтерской отчетности на конец отчетного года, представленным либо опубликованным в соответствии с законодательством РФ².

Так как размер финансового обеспечения напрямую зависит от результатов хозяйственной деятельности, система финансовой отчетности туроператоров должна быть максимально открытой. Полагаем, что саморегулируемыми организациями туроператоров должны быть разработаны четкие нормативы и показатели, которые характеризуют финансовую устойчивость последних. Практика показала, что нормы, которые разрабатываются профессиональным сообществом, гибче и мобильней, гораздо лучше, чем законодательные, адаптированы к изменяющимся условиям рынка и, на наш взгляд, позволяют оперативно заполнить имеющиеся пробелы в туристском законодательстве. Полагаем, что эти показатели должны периодически (например, один раз в квартал) публиковаться и позволять иным участникам туристского рынка (например, банкам, страховщикам, турагентам, перевозчикам, гостиницам и др.) принимать объективные решения.

Помимо этого, предлагаем: включать в единый федеральный реестр туроператоров компании, не только имеющие финансовые гарантии, но и соответствующие нормативам и показателям, которые характеризуют их финансовую устойчивость; предусмотреть обязательное членство туроператоров в саморегулируемой организации туроператоров.

Мировой опыт подтверждает, что именно саморегулируемые организации осуществляют реальный контроль и надзор за «собратьями по цеху» с принятием ответственности за каждого недобросовестного, они призваны осуществлять негосударственное регулирование предпринимательской деятельности в публичных интересах. В этой связи СРО туроператоров должна:

- осуществлять контроль за соблюдением нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, в том числе установленных саморегулируемой организацией правил и стандартов осуществления туроператорской деятельности, а также мониторинг аудита туроператоров;

- утверждать примерные формы договоров туроператоров с туристами и иными заказчиками туристского продукта, турагентами, а также с третьими лицами, оказывающими отдельные услуги, входящие в туристский продукт;

- осуществлять привлечение правонарушителей – членов СРО туроператоров к особой разновидности юридической ответственности – статусной ответственности;

- обеспечивать дополнительную имущественную ответственность перед потребителями и иными лицами посредством страхования и формирования компенсационного фонда СРО за счет взносов своих членов.

Полагаем, что требования к минимальному размеру компенсационного фонда СРО туроператоров должны быть установлены законодателем и изменяться с определенной периодичностью с учетом данных сплошного статистического наблюдения.

Средства компенсационного фонда саморегулируемой организации туроператоров должны использоваться для выплаты туристу или иному заказчику туристского продукта страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора или денежной суммы по банковской гарантии в случае, если общий размер денежных средств по требованиям туристов или иных заказчиков туристского продукта о выплате страхового возмещения или об уплате денежной суммы по банковской гарантии превысил сумму финансового обеспечения туроператора – члена саморегулируемой организации туроператоров; а также на оказание неотложной помощи туристам, выехавшим в страну временного пребывания по договорам о реализации туристского продукта, заключенным между ту-

ристом или иным заказчиком туристского продукта и туроператором – членом саморегулируемой организации туроператоров, в случае приостановления или прекращения им осуществления туристской деятельности.

В силу Закона о туристской деятельности туроператор обеспечивает оказание всего комплекса туристских услуг, входящих в туристский продукт, и несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о реализации турпродукта (ст. 9). Если туристу или иному заказчику турпродукта был причинен реальный ущерб, возникший в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения туроператором обязательств по договору, то это является основанием для осуществления выплат туристу или иному заказчику турпродукта. Установить такой факт можно в судебном порядке.

В состав реального ущерба (ст. 17.1 Закона о туристской деятельности), понесенного туристом/иным заказчиком в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения туроператором обязательств по договору о реализации туристского продукта, не включаются расходы, произведенные туристом в стране (месте) временного пребывания по собственному усмотрению и не обусловленные договором о реализации туристского продукта. При этом выплата страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора (или уплата денежной суммы по банковской гарантии) не лишает туриста права требовать от туроператора возмещения упущенной выгоды и/или морального вреда в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством РФ (ст. 17.4 Закона о туристской деятельности). Туроператор удовлетворяет требование туриста/иного заказчика туристских услуг о возмещении упущенной выгоды и/или морального вреда за свой счет.

В случае страхования туроператором своей гражданской ответственности страховщик обязан выплатить страховое возмещение по договору страхования ответственности туроператора по любому письменному требованию туриста/иного заказчика при наступлении страхового случая.

Гарант же обязан уплатить денежную сумму по банковской гарантии только в случае отказа туроператора возместить реальный ущерб, возникший в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения туроператором обязательств по договору о реализации туристского продукта, при этом турист должен представить документальный отказ туроператора от выплаты возмещения.

Налицо неоднозначный подход законодателя к страховщикам и гарантам (банкам/иным кредитным учреждениям).

Несостоятельность в 2011–2012 гг. таких компаний, как «Ланта-Тур», «Капитал-Тур», «Лужники-Трэвел», «Скай-Тур», «Магазин хо-

роших и честных путевок», «Аврора-Интур» и других, показала, что предусмотренный законодательством РФ механизм применения финансовых гарантий не выдержал возложенной на него нагрузки и нуждается в немедленном совершенствовании.

В отличие от туроператора турагент осуществляет деятельность лишь по продвижению (реклама; участие в специализированных выставках, ярмарках; организация туристских информационных центров; издание каталогов, буклетов) и реализации (заключение договоров о реализации туристского продукта с туристами или иными заказчиками) туристского продукта. Турагентская деятельность может осуществляться как юридическими лицами, так и индивидуальными предпринимателями. В настоящее время законодатель самоустранился от правового регулирования деятельности турагентов. Так, степень ответственности турагента перед потребителем напрямую зависит от полноты и своевременности предоставления информации туристу.

Взаимоотношения туроператора и турагента строятся по модели агентского договора, урегулированного нормами гл. 52 ГК РФ [4]. Так, по договору, заключаемому между туроператором и турагентом, турагент обязуется за вознаграждение совершать по поручению принципала – туроператора – юридические и иные действия по продвижению и реализации турпродукта от имени и за счет принципала либо от своего имени, но за счет туроператора.

Таким образом, законодатель предусмотрел два варианта закрепления отношений «туроператор – турагент».

В первом варианте турагент является официальным представителем конкретного туроператора и действует по его поручению, в его интересах, от его имени и за его счет. В связи с этим если договор о реализации туристского продукта, заключенный туристом (иным заказчиком) с турагентом, действующим от имени туроператора, выполнен с существенным нарушением условий³, то все правовые последствия ложатся непосредственно на туроператора. Аналогичный вывод подтверждает и судебная практика [5]. При таком варианте отношений «туроператор – турагент» иск о возмещении реального ущерба (абз. 6 ст. 17.4 Закона о туристской деятельности) может быть предъявлен туристом/иным заказчиком по выбору:

- а) непосредственно туроператору;
- б) совместно туроператору и субъекту, предоставившему финансовое обеспечение (гаранту либо страховщику)⁴.

Что касается ситуации, при которой турагент реализует туристу (иному заказчику) турпродукт, сформированный туроператором, от своего имени, то ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора возлагается на турагента, а не

на туроператора, как в первом случае, что подтверждает и норма абз. 2 п. 1 ст. 1005 ГК РФ. Турагент, действуя от своего имени, приобретает права и становится обязанным туристу (иному заказчику туристских услуг) по договору о реализации турпродукта даже в том случае, когда туроператор был назван в сделке или вступил с этим третьим лицом – туристом, иным заказчиком комплекса туристских услуг (этими третьими лицами) – в непосредственные отношения по ее исполнению. Однако законодателем предусмотрен финансовый механизм защиты прав туристов (иных заказчиков туристских услуг) только по договорам о реализации туристского продукта, заключаемым с туристом непосредственно туроператором либо турагентом, действующим по поручению туроператора. Но ведь туристы, заключившие договоры о реализации туристского продукта с турагентами, действующими в рамках турагентского договора от своего имени, также нуждаются в надежных гарантийных механизмах. Справедливости ради заметим, что норма ст. 17.1 Закона о туристской деятельности предусматривает в этом случае право туриста обратиться к страховщику (или гаранту) с письменным требованием о выплате страхового возмещения по договору страхования ответственности туроператора (либо уплате денежной суммы по банковской гарантии). Основанием для осуществления таких выплат является наличие указанных в законе фактов, определяющих наступление страхового случая, нарушение обязательств туроператора по договору, а также существенный характер таких нарушений. Таким образом, следуя логике Закона о туристской деятельности, турист вправе, минуя турагента и туроператора, напрямую обратиться к страховщику с письменным требованием о выплате страхового возмещения. Но положение ст. 932 ГК РФ допускает страхование договорной ответственности только самого страхователя – туроператора, и в случае нарушения этого требования такой договор признается ничтожным. Полагаем, что туроператор, застраховавший свою ответственность в силу ст. 17.1 Закона о туристской деятельности, но при этом не являющийся обязанным по договору о реализации туристского продукта, не может являться гарантом защиты интересов пострадавшего туриста (иного заказчика комплекса туристских услуг). Да и страховщик вправе не выплачивать пострадавшему туристу страховое возмещение.

Полагаем, что делегирование саморегулируемым организациям туроператоров права утверждать примерные формы договоров туроператоров с турагентами позволит разрешить выявленные проблемы, связанные с обеспечением ответственности турагентов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Размер финансового обеспечения не может быть меньше:

500 тыс. руб. – для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере внутреннего туризма;

10 млн руб. – для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере въездного туризма;

30 млн руб. – для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере выездного туризма, в случае, если денежные средства, полученные ими от реализации туристского продукта, составляют не более 100 млн руб. по данным бухгалтерской отчетности на конец отчетного года, а также для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере выездного туризма, применяющих упрощенную систему налогообложения;

60 млн руб. – для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере выездного туризма, в случае, если денежные средства, полученные ими от реализации туристского продукта, составляют не более 300 млн руб. по данным бухгалтерской отчетности на конец отчетного года;

100 млн руб. – для туроператоров, осуществляющих деятельность в сфере выездного туризма, в случае, если денежные средства, полученные ими от реализации туристского продукта, составляют свыше 300 млн руб. по данным бухгалтерской отчетности на конец отчетного года.

² Туроператоры, в отношении которых законодатель не предусмотрел обязательную публикацию бухгалтерской отчетности (см.: О бухгалтерском учете : Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ // СЗ РФ. № 1996. № 48. Ст. 5369), предоставляют копию годового бухгалтерского отчета в Федеральное агентство по туризму (см.: Об утверждении Порядка представления юридическими лицами, осуществляющими туроператорскую деятельность, бухгалтерской отчетности в Федеральное агентство по туризму и внесении изменений в приказ Ростуризма от 10 мая 2007 года № 28 : Приказ Федерального агентства по туризму от 4 августа 2009 г. № 175 // Российская газета. 2009. № 178. 23 сент.).

³ К существенным нарушениям условий договора о реализации турпродукта относится такое нарушение, которое влечет для туриста/иного за-

казчика такой ущерб, что он в значительной степени лишается того, на что был вправе рассчитывать при его заключении (ст. 17.4 Закона о туристской деятельности), а именно: неисполнение обязательств по оказанию входящих в туристский продукт услуг, например, услуг по перевозке и (или) размещению; наличие в турпродукте существенных недостатков, включая существенные нарушения требований к качеству и безопасности туристского продукта, например, неработающий кондиционер в номере гостиницы, непредставление экскурсионного обслуживания и т. д.

⁴ Основанием для осуществления таких выплат является факт установления обязанности туроператора возместить туристу (иному заказчику комплекса туристских услуг) реальный ущерб, возникший в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения туроператором обязательств по договору, если это является существенным нарушением условий такого договора. Установить такой факт можно в судебном порядке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» : Федеральный закон от 5 февраля 2007 г. № 12-ФЗ. // Парламентская газета. 2007. № 20. 8 февр. Ст. 17.1.
- [2] О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Российская газета. 2001. № 153. 10 авг.
- [3] Об утверждении Положения о ведении единого федерального Реестра туроператоров : Приказ Ростуризма от 10 мая 2007 г. № 28 // Российская газета. 2007. № 135. 27 июня.
- [4] Гражданский кодекс РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Ч. II // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
- [5] См.: Обзор судебной практики по гражданским и административным делам за третий квартал 2008 года. URL: <http://www.oblsud49.ru> (дата обращения 10.11.2010) ; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 июля 2010 г. № 09АП-10714/2010. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Исследуются профилактические меры предупреждения незаконной миграции в Сибирском федеральном округе.

Ключевые слова: миграция, мигрант, профилактика, предупреждение, программа.

Профилактика противоправного поведения представляет собой наиболее действенный путь борьбы с преступностью. Приоритетное использование предупредительных форм позволяет решать задачи противодействия преступности с наименьшими издержками для общества, без включения сложного механизма уголовной юрисдикции и без применения государственного принуждения. Профилактика преступлений – это особый вид социального управления, призванный обеспечить безопасность правоохраняемых ценностей и заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также оказанию предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению [1].

Воздействуя на личность преступника, условия и обстоятельства, способствующие формированию и реализации преступного замысла, арсенал превентивных средств позволяет прерывать замышляемую или уже начатую преступную деятельность, не допустить наступления вредных последствий от посягательств на общественные отношения [2]. Эффективность профилактического воздействия на преступность во многом зависит от совместной согласованной деятельности субъектов профилактики, от системы мер, принимаемых на разных территориальных уровнях.

В настоящее время существуют отдельные формы такого взаимодействия, однако целостная система предупредительных мер отсутствует, «...профилактическая работа на практике, как правило, представляет собой не системную работу, а совокупность разрозненных мероприятий, проводимых субъектами правоохранительной деятельности» [3]. В научной литературе отмечается, что отличать профилактику преступлений от прочих видов социального управления следует прежде всего по признаку целенаправленности. Именно признак целенаправленности в постановке и решении задач отличает сферу криминологической профилактики от превентивного действия общих процессов социального развития, которое осуществляется совместно, в ходе решения задач широкого социального значения [4]. Такая интерпретация понятия профилактики преступлений позволяет выделить более конкретные признаки отличия профилактики преступлений от всех иных видов деятельности, включая виды, объективно имеющие профилактическое значение. Первый из этих признаков – осуществление профилактики преступлений как определенной функции управления. Вторым признаком заключается в природе упомянутых выше последствий или в специфике целей профилактики преступлений. Наконец, третий признак профилактики преступлений состоит в том, что она представляет собой целостное образование – систему [5].

Исходя из масштабов и целей применения профилактических мер принято различать три уровня предупреждения преступности: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный.

Профилактика преступности мигрантов – это сложный, многогранный, многоступенчатый процесс, обладающий определенными признаками целостности. Его целесообразно рассматривать комплексно, выделяя составляющие элементы. В данном случае имеется в виду необходимость сочетания общесоциального и специально-криминологического предупреждения, мер общей и индивидуальной профилактики, которые должны охватывать все основные сферы жизнедеятельности и институты социализации данной категории граждан.

Уровни предупредительной деятельности по борьбе с незаконной миграцией и преступности, ей сопутствующей, образуют в совокупности систему, поэтому правильное определение уровней предупредительной деятельности имеет большое значение для создания целостной и стройной системы профилактики применительно к иерархии причин и условий, способствующих преступлениям, для разработки конкретных и специфических форм и средств предупредительной деятельности.

Однако система профилактики незаконной миграции и преступности мигрантов в настоящее время практически отсутствует. Более того, прослеживается перекосяк в средствах профилактики в плане усиления профилактики индивидуальной при игнорировании профилактики общесоциального характера. Так, А.Э. Жалинский в части предложений по профилактике преступности писал, что следует: признать действительным приоритет социальных и специальных мер профилактики преступности по отношению к применению уголовного законодательства; осуществить последовательную идеологизацию предупреждения преступности с господствующей идеей служения обществу, народу, проведение в жизнь начала равенства не только перед законом, но и перед профилактическими мерами; усилить начала равенства, оптимизировать разделение функций открытости, взаимоподдержки и т. д. [6]

Совершенствование экономических, политических, социальных и иных институтов общества, устранение из жизни кризисных явлений и диспропорций, питающих миграционную преступность, объективно способствуют ее предупреждению. Общесоциальное предупреждение, не имея главной целью борьбу с преступностью, создает благоприятные условия для вытеснения основных криминогенных факторов, т. е. оказывает опосредованное воздействие на преступность [7]. Тезис об определяющем, базисном характере общесоциального предупреждения в системе мер упреждающего противодействия преступности пока еще остается незыблемым [8].

Миграционные процессы в России во многом обусловлены социально-экономичес-

кими причинами и демографическим состоянием общества. Однако экспертами ООН дан неблагоприятный прогноз относительно тенденций демографического развития России. Так, в докладе «Демографическая политика России: от размышлений к действию», подготовленном группой независимых национальных экспертов по инициативе Представительства ООН в Российской Федерации, изложены общие тенденции развития демографической ситуации в России. Авторы доклада подчеркивают, что демографическая проблема остается одной из самых острых в современной России. В стране продолжается снижение численности населения из-за низкого уровня рождаемости, наблюдается высокая смертность, старение и сокращение трудоспособной части населения. Кроме того, в России нет эффективной миграционной политики. К факторам, влияющим на высокий уровень смертности в России, эксперты отнесли бедность, алкоголизм, курение, самоубийства, низкое качество медицинских услуг, насилие и дорожно-транспортные происшествия. С 1992 г. число умерших в стране устойчиво превышает число рождений. Убыль составила 12 млн человек и была только на 5,5 млн компенсирована миграционным приростом. Эксперты предупреждают, что сохранение таких тенденций, как низкая рождаемость и высокая смертность, может привести к тому, что численность населения России к началу 2025 г. сократится до 125–135 млн человек, а к 2050 г. – до 100 млн. Продолжающееся старение населения может привести к сокращению численности его трудоспособной части на 1 млн человек в год уже к 2020–2025 гг. При этом показатель иждивенческой нагрузки вырастет с 585 до 670–750 на тысячу трудоспособного населения, а к 2050 г. – до 900–1000, что может негативно повлиять на темпы экономического роста.

В 2007 г. в России наблюдались рост числа родившихся и снижение уровня смертности. Однако, по мнению авторов доклада, эти позитивные изменения пока не оказывают существенного влияния на демографическую ситуацию в целом. Они считают, что даже если благоприятная ситуация сохранится в ближайшие пять лет, убыль населения будет продолжаться [9]. Не менее пессимистично оценивается социально-экономическое состояние общества, что позволяет ставить вопрос о кардинальном изменении вектора экономического развития России, усилении государственного регулирования всех сфер жизни общества, повышении социальной направленности деятельности государства.

Преступность, как и любое негативное явление, можно преодолеть в первую очередь путем устранения причин и условий, ее порождающих. Однако, как справедливо отмечает В. В. Лунеев, преступность детер-

минируется огромным комплексом криминогенных факторов – экономических, социальных, организационных, социально-психологических и других – реальное устранение которых зачастую невозможно, особенно в современном обществе [10].

Борьба с незаконной миграцией и миграционной преступностью, нейтрализация порождаемых преступностью социальных противоречий должны проводиться во всех направлениях, как через общеуголовные меры, так и с помощью комплексного планирования мер по предупреждению преступности. Иными словами, она должна воздействовать на причины и условия преступности, которые лежат в различных плоскостях общественной жизни, на лиц, совершающих преступления, а также на деятельность правоохранительных органов с целью повышения эффективности раскрытия и пресечения преступлений, выявления виновных и их наказания. Нужно добиваться не только количественного сокращения преступлений, структурных изменений преступности, но и оздоровления атмосферы всей жизни страны [11].

Характеристики незаконной миграции и миграционной преступности, ей сопутствующей, находятся в непосредственной связи с основными тенденциями, определяющими масштаб и направленность миграционных процессов в стране и СФО. Справедливо утверждение, что фактор повышенного притока мигрантов должен учитываться как при регулировании социально-экономического развития региона, города, так и при управлении процессом борьбы с преступностью [12].

Предупреждение преступлений, совершенных мигрантами, в первую очередь должно основываться на проведении в жизнь таких мероприятий, как уменьшение масштабов безработицы, нищеты, детской беспризорности, бытовой неустроенности граждан, которые могут успешно нейтрализовать негативные последствия вынужденной миграции населения. Вследствие этого необходимо прогнозирование миграционных процессов и планирование мероприятий, направленных на решение социальных проблем, неизбежно возникающих при перемещении места жительства.

На низком уровне в России и Сибирском федеральном округе находится идеологическая и воспитательная работа среди молодежи, не проводятся мероприятия по разобщению неформальных молодежных объединений, проповедующих разжигание националистической, расовой и религиозной неприязни либо ведущих антиобщественную деятельность, а также лиц и групп, специализирующихся на совершении преступлений в отношении мигрантов. Серьезную опасность представляют носители

идеологии расизма и национальной нетерпимости.

Профилактика преступности мигрантов должна обязательно строиться на принципиальной основе определения краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных задач и осуществляться с учетом взаимодействия различных видов деятельности. Именно с условием применения этих принципов может эффективно функционировать система профилактической деятельности. Важно с учетом развития демографической, социально-экономической ситуации осуществлять прогнозирование развития незаконной миграции, т. е. систематически получать информацию о будущем состоянии криминологической обстановки на основе использования научных методов и процедур для борьбы с преступностью [13].

К сожалению, в настоящее время прогнозирование миграционной ситуации и криминологический аспект такого прогнозирования применяются слабо. Вместе с тем данное прогнозирование является непременным условием разработки мер, направленных на декриминализацию общественных отношений и упорядочение миграционных процессов в Сибирском федеральном округе.

В целом прогнозирование миграционной ситуации в Сибирском федеральном округе с учетом комплекса факторов экономического, политического и демографического характера позволяет утверждать наличие динамики роста преступности мигрантов и констатировать возрастание ее удельного веса в структуре общеуголовной преступности. Данная ситуация будет характеризоваться: активизацией противоправной деятельности мигрантов, ростом организованной международной преступности и усилением в этой связи контрабандной деятельности в масштабах, угрожающих безопасности граждан и общества. Поскольку на криминологическую ситуацию влияет такой фактор, как количественные и качественные параметры потока приезжих, постольку интересы охраны правопорядка предполагают как сокращение, по возможности, или оптимизацию количества мигрантов, так и создание надлежащих условий их пребывания, снижающих вероятность возникновения криминогенных ситуаций.

Общесоциальный аспект профилактики незаконной миграции включает в себя также и развитие сети центров национальных культур, землячеств, религиозных центров, что позволит отслеживать устойчивый костяк этнических групп на территории России и осуществлять сотрудничество в сфере оказания помощи незаконным мигрантам, принявшим решение о легализации в оформлении своего правового статуса. Полагаем, что в сфере общей профилактики преступности в стране в настоящее время необходимо направить усилия государст-

венных органов: на поиск цивилизованных демократических форм разрешения противоречий и социальных конфликтов; на утверждение в общественном сознании понимания широкими слоями населения того, что профилактика преступности помогает разрушать механизмы торможения общественного прогресса, снижает затраты общества на восстановление нарушенных (от преступных посягательств) общественных отношений, создает условия для нравственного развития личности, а также того, что достижение всего этого возможно лишь на широкой социальной основе.

Достижение профилактического эффекта зависит не только от деятельности правоохранительных органов, но и от того, насколько граждане осведомлены о своих правовых средствах, от умения решать правовые конфликты цивилизованными средствами. В этой связи необходимо повышение правовой культуры населения, в том числе правового воспитания мигрантов. Необходимо вернуть утраченное доверие значительной части населения страны к органам государства, восстановить и укрепить связь между ним и правоохранительными органами.

Вышеизложенное позволяет признать, что потребность в более жестком регулировании миграционных процессов на региональном уровне возникла объективно.

В сфере нравственно-психологического состояния людей и смысловых целей их жизнедеятельности также наблюдается резкое падение социально значимых ценностей, особенно в молодежной среде. Распространяется культ силы, вседозволенности, допустимости применения любых средств для достижения поставленных целей. Наметились достаточно тревожная тенденция утраты негативной реакции на преступный образ жизни и в целом на преступление как способа разрешения возникающих проблем. Духовные ценности и интересы уступают место ориентации на потребительство.

Важнейшим социальным фактором выступает правовая защищенность и безопасность личности, общества и государства. Государство оказалось неспособным гарантировать права и безопасность личности и общества.

Социальная справедливость также относится к числу важнейших социальных факторов, и ее обеспечение имеет непосредственное профилактическое значение. Это затрагивает не только сферу распределения материальных благ между членами общества на основе их личного вклада в приращении общественного богатства, но и социальную поддержку всех нуждающихся слоев населения. При этом мигранты оказываются в положении самой социально незащищенной группы, что нередко приводит их к маргинализации и толкает к совершению преступлений.

Применительно к общесоциальному уровню необходим следующий комплекс взаимосвязанных мероприятий: создание системы согласованных мер экономического, медицинского, социально-культурного, воспитательного и правового характера с целью предупреждения проявлений этнической нетерпимости; повышение уровня образования и культуры населения, в том числе и мигрантов.

Комплекс профилактических мер активизирует социально-психологические стимулы общения между представителями различных этнических общностей, повышает гражданскую ответственность членов общества, ведет к усилению коллективных начал жизнедеятельности в условиях полиэтничности региона.

Конкретизация мер профилактического воздействия является важным условием повышения эффективности специального криминологического предупреждения. Необходимо учитывать тот факт, что на поведение мигрантов оказывают влияние не только объективные факторы, выражением которых являются особенности внешней среды обитания, но и субъективные, связанные с особенностями жизни населения. Определение и дифференциация специальных профилактических мер должны осуществляться с учетом этих факторов.

Применительно к специально-криминологической профилактике необходимы меры, направленные на: оказание профилактического воздействия в зависимости от характера деформации в функционировании тех или иных социальных общностей и этносов. Так, профилактическое воздействие и его интенсивность будут существенно различаться в среде кавказских мигрантов и этнических общин Кавказа или Средней Азии.

Миграция населения – это один из самых чутких инструментов, незамедлительно реагирующих на социальные, экономические и политические изменения в мире, стране или отдельном регионе [14]. Однако плохо организованные и слабо контролируемые миграционные процессы представляют реальную угрозу государственной целостности и общественного благополучия. Поэтому, на наш взгляд, те вероятные неудобства, которые претерпевают иностранные мигранты, находящиеся на территории РФ, при прохождении соответствующих процедур, вполне оправданны и имеют место в практике регулирования и контроля миграции многих зарубежных демократических стран.

Необходимо добиться того, чтобы миграционные процессы в Российской Федерации стали позитивным фактором, способствующим развитию экономики, улучшению демографической ситуации и обеспечению безопасности страны. В этой ситуации следует сосредоточить усилия государ-

ства на создании условий для въезда в Россию оптимального количества иностранных граждан в целях осуществления трудовой деятельности.

Государство в лице своих исполнительных органов должно вести в отношении мигрантов четкую государственную политику, которая заключается:

- в определении правового статуса мигрантов и мест расселения мигрантов;
- в проведении селективного отбора прибывающих, интеграции мигрантов в общественную жизнь страны посредством изучения языка, обычаев и культуры;
- в воспитании терпимости граждан по отношению к прибывающим. Если государство не соблюдает перечисленных требований, то получает рост преступности по разным направлениям.

Еще одним компонентом, дестабилизирующим общественный порядок в государстве, настраивающим негативно народонаселение по отношению к иммигрантам, являются возможности «четвертой власти» – средств массовой информации. Выхватывая «жареные факты» из повседневной жизни, СМИ искусственно нагнетают, мифологизируют проблему незаконной миграции.

Опыт организации профилактики нелегальной миграции в зарубежных государствах подтверждает сложный характер рассматриваемой деятельности. В поисках решения указанной проблемы многие европейские государства прибегают к применению таких, явно не либеральных мер, как изменения в системе пособий с целью снижения привлекательности приезда в страну; создание специализированных служб по контролю за миграцией; создание специализированных центров содержания задержанных мигрантов и т. д. [15]

Предупредительная работа – это дело не только государственных органов, но и общества в целом. Любые государственные и другие организации должны быть признаны субъектами предупредительной работы в том объеме, в котором их деятельность направлена на преодоление причин преступности и условий, ей способствующих. Во многих странах, да и в России имеется неиспользованный резерв общественных, в том числе благотворительных, организаций и фондов, которые могли бы часть работы принять на себя. Как показывает практика, привлечение таких организаций для участия в деятельности по предупреждению правонарушений носит единичный характер. Фактически профилактический потенциал подобных общественных объединений остается почти не востребованным, в том числе для предупреждения преступлений со стороны вынужденных мигрантов, большинство из которых пребывает в сложных жизненных условиях, толкающих их на путь совершения преступлений.

Например, для Омской области миграция является значимым фактором демографического, экономического и культурного развития региона. Несмотря на кризисные проявления в экономике страны, рынок труда предъявляет спрос на иностранных работников. Однако негативно влияет на миграционную ситуацию в регионах Сибирского федерального округа высокая коррупционность государственных структур, в том числе призванных осуществлять контрольно-надзорные функции в отношении мигрантов. Этот дестабилизирующий фактор позволяет мигрантам, а также лицам, принимающим их на работу, уходить от установленной законом ответственности.

Проведенный нами анализ показал, что на территории Сибирского федерального округа в отдельных регионах показатели миграционной преступности существенно различаются. Как справедливо указывает К.Р. Абызов, устойчивость территориальных различий преступности свидетельствует о том, что в регионах действуют одни и те же причины, интенсивность проявления которых зависит от сопутствующих условий и их сочетаний. Тот факт, что на фоне всеобщего роста преступности устойчивость различий сохранилась в знакомых чертах, указывает и на устойчивость прежних причин, которые сегодня стали действовать энергичнее. Применительно к различным типам регионов одни и те же комплексы факторов действуют по-разному: в одном случае несут криминогенную нагрузку, в другом – нейтральную, в третьем – даже способствуют снижению преступности. Однако в каждом типе региона социальные различия между людьми остаются, и они оказываются значимыми в криминологическом плане.

Выявление региональной специфики преступности мигрантов позволяет разрабатывать местные (локальные) системы предупреждения преступности с учетом социально-экономической, национально-демографической, культурно-образовательной и криминологической среды, характеризующей ситуацию, обстановку и возможности каждого региона. В этой связи значимым профилактическим средством выступают стратегические доктрины развития регионов и целевые профилактические программы, направленные на предупреждение преступлений и борьбы с преступностью.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Космынина П. В.* Правовой режим предупреждения преступлений. М., 2005. С. 26.
- [2] Там же. С. 38–39, 72.
- [3] *Абызов К. Р.* Криминологическое прогнозирование и предупреждение региональной преступности. Барнаул, 2005. С. 85.
- [4] *Миньковский Г. М.* Криминология : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. М., 2004. С. 185–219.

- [5] *Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В.* Профилактика преступлений. Минск, 1989. С. 23–25, 287.
- [6] *Жалинский А. Э.* Условия эффективности профилактики преступлений. М., 1978. 152 с.
- [7] *Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. 496 с.
- [8] *Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В.* Указ. соч. С. 268.
- [9] ООН в Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.unrussia.ru/News.aspx?id=351> (дата обращения: 10.09.2011).
- [10] *Лунеев В. В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. 137 с.
- [11] *Блувштейн Ю. Д., Зырин М. И., Романов В. В.* Указ. соч. ; *Зарипов З. С.* Правовой механизм профилактики правонарушений. Ташкент, 1990. 155 с. ; *Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я.* Указ. соч. ; *Полубинский В. И.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980. 76 с. ; *Абызов К. Р.* Указ. соч.
- [12] *Миндагулов А. Х.* Научные основы управления в сфере профилактики преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
- [13] *Клейменов М. П.* Криминология. М., 2008. С. 182 ; *Его же.* Уголовно-правовое прогнозирование. Томск, 1991. 168 с.
- [14] *Регент Т. М.* Миграция в России: Проблемы государственного управления. М., 1999. С. 9.
- [15] Правовое регулирование трудовой миграции / под ред. А. С. Прудникова. М., 2010. 183 с.

Вестн. Ом. ун-та. 2013. № 1. С. 271–278.

**Рецензия на монографию
«Традиционные и инновационные средства оценивания и контроля в образовании»**

В.М. Кадневского, С.К. Калдыбаева, В.Д. Полежаева, М.В. Полежаевой (Омск, 2012)

Анализ существующих тенденций развития научных исследований в области философии образования свидетельствует о том, что в последние десятилетия особое внимание как отечественных, так и зарубежных ученых уделяется концептуальным вопросам обучения и воспитания подрастающего поколения. Современное образовательное пространство характеризуется процессом болезненного переосмысления ценностей и целей образования, определяющих будущее образовательной политики каждого государства. Масштабные эксперименты и образовательные программы, имеющие место на стыке тысячелетий, направлены на поиск нового педагогического мировоззрения, способного посмотреть на вопросы формирования человека с точки зрения развития его личностной сущности и творческой самореализации на благо общества. В контексте этих парадигмальных трансформаций заслуживает уважения и одобрения стремление авторского коллектива монографии глубоко и содержательно изучить традиционные и инновационные средства оценивания и контроля в образовании и представить на суд педагогической общественности тестологию как новое научное направление, относящееся к разряду междисциплинарных наук, которое вобрало в себя элементы педагогики, психологии, социологии, математики, статистики, логики, философии и во многих странах стало самостоятельной наукой.

Считаем необходимым отметить глубину и адекватность представленного в монографии анализа противоречий, которые сложились в обществе между возрастающей потребностью в тестологических знаниях и низким уровнем тестовой культуры большинства россиян. Как утверждают исследователи, это обусловлено в первую очередь сменой образовательной парадигмы России, в основе которой многие десятилетия лежал знаниевый подход. Отход от устоявшихся стереотипов педагогического мышления и ориентация на реализацию задач компетентностного подхода обуславливает переосмысление требований к результатам обучения как к совокупности компетенций об-

щекультурного и профессионального свойства. Соответственно, актуальность приобретают вопросы соответствия традиционных форм контроля результатов обучения новым требованиям компетентностного подхода в образовании.

Как справедливо отмечают авторы, традиционная пятибалльная шкала оценок позволяет лишь качественно ранжировать учащихся (не предоставляя возможности количественного сравнения уровня подготовки учащихся с одинаковыми оценками). Традиционная пятибалльная шкала имеет субъективный характер (поскольку основана на предъявлении нестандартизированных заданий). Она зависит, в конечном счете, от квалификации и добросовестности преподавателя или комиссии, выставяющих оценки (что приводит, например, к вынужденному дублированию экзаменов – выпускных за среднюю школу и вступительных при поступлении в вуз). Помимо этого, как утверждают авторы, традиционный контроль в силу своей субъективности нередко является не мотивирующим фактором, а средством принуждения к учебе, что вызывает у обучаемых нежелание учиться, отчего, закономерно, страдает качество их подготовки. Преодоление же указанных выше недостатков традиционных форм контроля основывается на идее «формализации оценки обучаемого с помощью измерения уровня его подготовленности с тем, чтобы измеренные величины объективно и достоверно отражали реальный уровень знаний и были бы сравнимы между собой». Для воплощения этой идеи наиболее эффективной оказалась тестовая форма контроля.

Таким образом, в начале XXI в. в поле зрения представителей научно-исследовательского и педагогического российского сообщества появилась педагогическая тестология, имеющая самостоятельный и самостоятельный статус в структуре современного научного знания многих стран. Но в современной России, как утверждают авторы монографии, научно-практическое осмысление и применение тестовых технологий идет крайне медленно и противоречиво, поскольку формируется под влиянием противоположных факторов стимуляции и торможения: «наличие в этом процессе многих препятствий, девиаций, разрывов, конфликтных линий развития не способствует, ни формированию устойчивых направлений научного поиска, ни созданию научных школ, ни оформлению тестологии в самостоятельную науку». Это во многом обусловило непоследовательный и противоречивый характер внедрения данных техноло-

гий в практику учебных заведений разного уровня аккредитации.

По мнению авторов монографии, такие тенденции можно объяснить тем, что в образовательном и интеллектуальном пространстве России так и не сформировалось единое отношение к тестовым педагогическим технологиям. На их взгляд, такое положение в отношении тестов и тестологии связано в первую очередь с тем, что научные тестологические знания еще не стали достоянием как всего педагогического корпуса страны, так и заинтересованной общественности, имеющей прямое отношение к сфере образования (в настоящее время большинство россиян обладают только поверхностными или отрывочными знаниями в области тестологии).

Кроме того, несмотря на активное использование педагогами тестовых методик как способа контроля результатов обучения во всех звеньях от начальной до высшей школы, лишь незначительная их часть владеет тестовыми технологиями в необходимом объеме. Большинство педагогов обладают поверхностными знаниями в области тестовых технологий, что затрудняет процесс формирования тестовой культуры в обществе. Как утверждают исследователи, анализ ныне существующих аттестационных тестов показывает, что они далеки от совершенства, а для новых образовательных стандартов требуются иные подходы. Кроме того, в тестах, предлагаемых для ЕГЭ, ежегодно находят немало некорректных заданий, что свидетельствует либо о неоправданной спешке при подготовке тестовых материалов, либо о формальном проведении апробации тестов, представляемых для государственных экзаменов, либо о недостаточном уровне квалификации разработчиков тестов и необходимости налаживания их подготовки на системной основе.

По мнению авторского коллектива, сложившаяся ситуация позволяет говорить о том, что тесты в России еще не прошли стадию полного признания не только обществом в целом, но и частью педагогической и научно-педагогической общественности. Несмотря на достаточно противоречивую ситуацию, сложившуюся вокруг тестовых технологий в сфере отечественного образования, такие технологии имеют много видимых преимуществ по сравнению с традиционными методами обучения и контроля знаний, они не отменяют традиционные педагогические технологии, а лишь дополняют их. В свете парадигмальных трансформаций образовательной системы России предлагаемую монографию ее разработчики рассматривают как скромный вклад в распространение тестологических знаний и повышение тестовой культуры в обществе.

Анализ содержательного компонента рецензируемой монографии позволил резю-

мировать, что при ее подготовке были использованы результаты собственных авторских исследований в области тестологии, а также многолетний преподавательский опыт по созданию и применению тестов в работе со студентами вузов и при подготовке абитуриентов к поступлению в учреждения профессионального образования. Теоретической основой при создании монографии явились труды таких отечественных и зарубежных учёных, как В. Аванесов, А. Анастаси, В. Беспалько, В. Болотов, Н. Ефремова, В. Звонников, Т. Кабанова, В. Ким, А. Крокер, А. Майоров, Е. Михайлычев, В. Новиков, М. Чельшкова и др.

Авторским коллективом глубоко изучен исторический аспект развития и становления тестологии в мире. Анализ трудов ведущих ученых США, Западной Европы и России (Н. Абаев, В. Аванесов, Д. Доббин, Г. Ченси, Р. Дюбуа, Э. Шюрэ, М. Элиаде и др.) привёл авторов монографии к выводу о том, что системы испытаний, из которых вырос современный научный метод тестов, возникли не с появлением первых государств, (6–4 тыс. лет до н. э.) а с появлением *Homo sapiens* (т. е. около 40 тыс. лет назад). При этом авторы монографии опираются на такой существенный фактор, как групповая деятельность людей. Групповая деятельность, отмечается, была безальтернативным условием выживания *Homo sapiens*, а интересы группы требовали использовать индивидуальные способности (на охоте или в бою) с максимальной пользой для коллектива. В подтверждение данной гипотезы в монографии проанализированы системы испытаний, существовавшие в первобытных обществах (обряды инициации), а также широко представлен опыт применения разного рода испытаний и их постепенной трансформации в образовательные и воспитательные системы Шумера, Древнего Китая и Японии, Древнего Египта и античной Греции.

Особое внимание авторами уделено таким вопросам, как становление и развитие «научного метода тестов» в западноевропейской и американской практике (анализ научной деятельности Р. Декарта, Дж. Кеттла, Ф. Гальтона и их последователей). Достаточно исследовано и становление тестологии в России (активное использование в образовательных учреждениях страны в период 1901–1936 гг.; партийно-государственный запрет применения тестов в образовании с 1936 г. и последующее возрождение тестологии на рубеже 1950–1960-х гг.; современный этап развития российской тестологии). В свете становления педагогической тестологии считаем весьма актуальным и уместным желание авторского коллектива в рамках монографии особо выделить те особенности отечественного опыта подготовки педагогов к проведению педагогического тес-

тирования, которые имеют место в последнее десятилетие. Авторы освещают опыт Российского университета дружбы народов и Томского политехнического университета, где сегодня можно получить дополнительную квалификацию тестолога, а также обобщают и собственный опыт внедрения тестовых технологий в омских вузах.

Помимо истории становления и развития тестовых методик, в монографии достаточно широко раскрыты теоретико-методологические аспекты существующих традиционных и инновационных средств оценивания и контроля в образовании. В частности, вниманию читателей предлагается разносторонний анализ и развернутая характеристика таких основных терминов и понятий, как «педагогическая оценка» (сущность понятия, объект и предмет педагогической оценки, ее принципы и функции, виды педагогической оценки), «результат обучения» как неотъемлемая часть в структуре процесса обучения (и его составляющие компоненты), «метод оценивания» (виды, критерии и показатели), «педагогическое задание» в теории и практике современного образования и т. д.

Инновационные процессы в образовании не могут не сопровождаться совершенствованием методик оценивания результатов обучения. Поэтому особого внимания заслуживает стремление авторского коллектива монографии представить на суд педагогического сообщества теоретические и методические подходы к конструированию и применению педагогических тестов в обучающих и контрольно-оценочных системах учреждений общего и профессионального образования. В сфере внимания авторского коллектива монографии функции педагогических тестов и их классификация, принцип фасетности в разработке содержания заданий, определение критериального балла теста и методы выбора минимального балла, основанные на экспертных оценках, валидизация контрольных измерительных материалов, примеры ошибок в заданиях закрытой формы с выбором правильного ответа и некорректных формулировок вопросов/ответов с комментариями и др.

В условиях стремительной модернизации российского образования особую актуальность сегодня приобретают обучающие тесты. В соответствии с данными тенденциями, которые сориентированы на значительное увеличение доли самообразования, именно обучающие тесты находят самое широкое применение в системе самообразования и самоподготовки. По мере насыщения образовательных учреждений компьютерами увеличиваются объемы разме-

щения обучающих и других тестов репетиторного назначения в Интернете, что, по мнению авторов монографии, создаёт новые возможности в получении образования.

Хотелось бы отметить ещё одну особенность – стремление авторского коллектива к интеграции традиционных и инновационных методов обучения и контроля, сочетание которых расширяет их возможности и позволяет получить реалистичную и всестороннюю картину уровня обученности. Поэтому анализ таких инновационных эффективных инструментов развития и контроля результатов обучения (в данном случае речь идет непосредственно о ключевых компетенциях), как метод «портфолио индивидуальных достижений» и кейс-метод, значительно повышают практическую ценность данной работы.

Присоединение Российского государства к Болонскому соглашению и вхождение его в открытое европейское образовательное пространство усилило общественный интерес к качеству отечественного образования, степени его соответствия мировым стандартам. В связи с этим приоритетными становятся вопросы интеграции инновационных образовательных тенденций с традициями фундаментальности, системности и другими бесспорными достижениями российского образования. Глубокое изучение монографии позволяет нам с уверенностью утверждать, что авторскому коллективу удалось успешно решить эту задачу.

Монография «Традиционные и инновационные средства оценивания и контроля в образовании», подготовленная авторским коллективом в составе В.М. Кадневского, С.К. Калдыбаева, В.Д. Полежаева и М.В. Полежаевой, представляет собой целостное научное исследование, соответствует тенденциям парадигмальных трансформаций современной образовательной системы и отвечает актуальным запросам педагогической теории и практики. Монография может быть успешно использована специалистами, работающими в сфере профессионального образования; школьными педагогами, применяющими в своей профессиональной деятельности как традиционные способы оценивания и контроля учебных достижений учащихся, так и педагогические тесты; при подготовке педагогических кадров с целью формирования у будущих специалистов высокой тестовой культуры и соответствующих компетенций, что позволит максимально реализовывать задачи, стоящие сегодня перед педагогическим сообществом.

Г.С. Тарасенко

**Международный
лингвистический журнал
в Сибири
(о журнале «Язык и социальная
действительность»)**

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск) и университет имени Казимежа Великого (г. Быгдош, Польша) совместно учредили новый международный лингвистический журнал «Язык и социальная действительность».

Это одно из многочисленных свидетельств того, что сотрудничество России с другими славянскими странами растёт и ширится. И как тут снова не посетовать, что работа по подготовке открытия в Омском университете славистической специальности, проделанная мною в 2009–2010 гг., пошла насмарку, когда в марте 2010 г. совет нашего филологического факультета похоронил эту инициативу, уже одобренную Москвой. Можно бы призвать новое руководство факультета вернуться к этой идее, но увы: за эти два года мы растеряли славистические кадры.

Ну, а вот наши красноярские коллеги оказались куда более деловыми и современными – организовали совместный с поляками научный журнал по проблемам лингвистики. Выходит издание в Красноярске с периодичностью два номера в год.

В соответствии с составом учредителей статьи публикуются на русском и польском языках, но среди авторов журнала – языковеды не только из России и Польши, но и из других славянских стран и даже из Японии. Среди российских авторов – языковеды из вузов и научных центров Москвы и Новгорода, Канска и Красноярска, Омска и Хабаровска.

Круг проблем, обсуждаемых на страницах нового издания, весьма актуален и при этом довольно широк. Каждый номер имеет разделы «Язык и время», «Язык и современные медиа», «Межкультурная коммуникация». Однако журнал откликается и на всякого рода текущие события научной и общественной жизни. Так, во 2-м номере за 2011 г. имеется раздел, посвящённый 210-й годовщине со дня рождения замечательного русского лексиколога Владимира Ивановича Даля.

Редакцию журнала возглавляет профессор Сибирского федерального университета Т. М. Григорьева.

Материалы в 1-й номер каждого года принимаются до 15 февраля, а во 2-й – до 15 сентября по электронному адресу uazsd2010@yandex.ru. Редакция приглашает к сотрудничеству всех лингвистов – и, конечно, в первую очередь сибирских.

Б.И. Осипов

**Международная конференция
по истории самиздата**

31 мая – 1 июня в Институте народной памяти (Варшава, Польша) состоялась международная научная конференция, посвященная проблемам самиздата в странах советского блока после 1956 г. Участниками конференции стали известные ученые со всего мира, научный интерес которых лежит в поле данной проблематики. Обширная география участников конференции охватывала разные страны Европы и Америки, а также Азии и России. Рабочими языками были польский и английский, в ходе проведения мероприятия был обеспечен синхронный перевод.

Два рабочих дня конференции проходили в Образовательном центре Института народной памяти (IPN, ИПН), который носит название «Остановка История» («Przystanek Historia»). Расположен Образовательный центр на центральной улице Варшавы, Маршалковской.

Целью конференции являлось отражение в истории независимого движения самиздата в Польше, в 70–80-х гг. XX в., по сравнению с другими странами советского блока. Участие ученых из польских и зарубежных научных центров, представляющих различные дисциплины, позволило описать роль книг и журналов, которые были запрещены официальной цензурой и публиковались нелегально, на пути к демократическим преобразованиям в 1989 г.

«Второе обращение самиздата» в Польше 1956 г. было одной из основных форм деятельности оппозиции в Польше в 1970–80-х гг. Редко, однако, это явление вызывало широкий интерес историков и других исследователей ранее. Стоит учесть, какую роль незаконные печатные журналы и книги сыграли в истории демократической оппозиции и движения «Солидарность». Одной из задач конференции стала также попытка посмотреть с более широкой точки зрения на феномен «Второго обращения самиздата», рассматривая его на фоне истории самиздата в Центральной и Восточной Европе после 1956 г. Сравнительный анализ позволил задуматься о сходствах и различиях в развитии самиздата в каждой стране. Особенно интересными стали тематические исследования, посвященные конкретным явлениям и механизмам.

Открыта конференция была вступительным словом президента ИПН доктора Лукаша Камински (*Łukasz Kamiński*). В своем выступлении он поприветствовал участников и пожелал активной научной работы.

Работа первой секции «Второе обращение и оппозиция» была посвящена сложным проблемам общественно-политической истории Польской республики во второй поло-

вине XX в. Ведущей панельной секции была доктор Маргарет Чома-Юсинска (Małgorzata Choma-Jusińska). Формат конференции предусматривал доклады модераторов на других секциях, а не на тех, которые они вели.

В центре внимания многих сообщений и дискуссий стоял вопрос о роли и значении самиздата в движении Польши на пути к независимости от социалистического строя. Важное место занимал и вопрос о Независимом самоуправляемом профсоюзе «Солидарность», созданном в 1980 г. в Гданьске Лехом Валенсой.

Доклад доктора Института славистики Польской академии наук Дороты Пэжо-Влазловской (Dorota Pazio-Wlazłowska) носил вводный характер ко всей конференции, так как был посвящен анализу терминологии, характерной для «подпольного» книгоиздательства. Были введены основные дефиниции, которые не раз упоминались в последующих докладах и дискуссиях, а также дан их подробный лексикографический анализ.

Интерес вызвал также доклад Беаты Шмитковской (Beata Szmytkowska), представившей Государственный архив Гданьска. Она затронула вопросы комплектования фондов литературы самиздата, ее мониторинг и сбор документов в частных и семейных архивах представителей оппозиционных движений и просто старожиллов.

В рамках секции поднимались вопросы классификации самиздата, отражения в самиздате национальной культуры, особенностей социологической и философской запрещенной литературы, правил цензуры, интерпретации источников, региональных аспектов и т. д.

Вторая секция носила название «Case Studies», и обсуждавшиеся в ее рамках темы носили конкретный, ситуативный исследовательский характер. Отметим доклад представителя Вроцлавского Университета Камиля Дворачека (Kamil Dworaczek), затронувшего проблемы студенческой независимой печати в 1980–1981 гг. В центре внимания исследователя стоял Независимый студенческий союз, едва ли не основным видом деятельности которого был выпуск запрещенных печатных изданий. В его рамках развивались разные направления журналистики. Журналы распространялись в университетской студенческой среде по всей стране. Докладчик заметил, что «...революционный дух толкал молодых людей на активность. Такова была их природа...».

В третьей пленарной секции «Запад и эмиграция» рассматривались вопросы взаимовлияния оппозиционного печатного движения в капиталистических и социалистических странах. Длительную и оживленную дискуссию вызвал доклад профессора Альфреда Рейша (Alfred Reisch) из Будапешта. Он говорил об аккумуляции оппозици-

онной литературы стран соцлагеря в США, Великобритании и Франции. Другой интересный доклад на этой же секции презентовала Урсула Ковальчик (Urszula Kowalczyk), представлявшая Институт истории Польской академии наук и Государственный столичный архив Варшавы. В ее сообщении говорилось о влиянии Литературного института в Париже на «Второе обращение» самиздата в Польше. Будучи членом многих зарубежных исследовательских проектов, она поделилась своим опытом сбора и анализа сложных источников.

Финальная секция первого дня работы конференции была посвящена государственной охране и слежке органов Госбезопасности.

Второй день работы конференции был открыт пятой секцией с обобщенным названием «Самиздат», на которой выступили единственные два представителя Российской Федерации, аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского Александр Жидченко с докладом об Академическом самиздате в СССР в 1950–60-е гг. и научный сотрудник общества «Мемориал» Геннадий Кузовкин с докладом «Аннотированное издание “Хроники текущих событий” и новые возможности для изучения феномена самиздата». Второй доклад вызвал значительный интерес со стороны аудитории, так как раскрывал опыт уникального проекта по оцифровке материалов запрещенной литературы и созданию сайта для широкого доступа к этим ресурсам. Докладчиком был сделан достаточно подробный источниковедческий анализ развития самиздата в СССР. В презентации к докладу был представлен уникальный документальный и фотоматериал.

Вторая часть панельной секции «Самиздат» была открыта докладом доктора Марии Неудорфловой (Marie Neudorflowa), приехавшей из Чехии. Затронутые ею проблемы касались Чехословацкого опыта распространения самиздата, а также опасностей тайных перевозок запрещенной литературы в Чехословакию и из нее. Заметим, что этот аспект изучения является немаловажным, так как от него зависела коммуникация между корпорациями, занимающимися изданием оппозиционной литературы в разных странах.

В докладе Моника Карениаускайте (Monika Kareniauskaitė) из Вильнюсского университета был представлен анализ сети самиздата Литовской Советской Социалистической Республики. В отличие от остальной части СССР католическая церковь в Прибалтике оказывала влияние на формирование самиздата в этих республиках. Это также сопровождалось изданием литературы политической направленности, в которой отчетливо строились модели демократической организации общества.

Шестая секция носила название «Сравнительная перспектива». Тенденцией, объединяющей доклады этой панельной сессии, стало применение компаративистской модели исследования. Например, в докладе Каторжины Литвин (Katarzyna Litwin) из Краковской академии и ее соавтора Камия Жпита (Kamil Szpyt) из Жежовского университета было представлено сравнение развития оппозиционного движения и борьбы за свободу слова на Украине и Польше.

В рамках седьмой секции «Социальное движение» были представлены особенности взаимовлияния самиздата и общественно-политической активности в странах соцлагеря, главным образом в Польше. Эта секция стала предварительным итогом конференции, так, здесь в основном прозвучало много выводов относительно заявленного ранее материала. Однако ряд инновационных подходов получил огласку в докладе «Подпольный рынок. “Второе обращение” самиздата в 1980-е гг. в обзоре новой экономической социологии» Матеуша Фальковского (Mateusz Falkowski) из Университета Эрфурта (Германия). Его доклад носил теоретико-методологический характер, а также показывал важность обмена методологическим и источниковедческим опытом между различными странами в процессе дебатов.

Завершающим этапом работы конференции стал круглый стол «Второе обращение самиздата в Польше после 1956 г.». Здесь в ходе дискуссии были подведены итоги научных докладов и споров, сделаны основные выводы по проблеме, а также были выявлены те новые факты из истории самиздата в Польше и в странах социалистического лагеря, которые ранее были не известны науке. Термин самиздат рассматривался чрезвычайно широко, так как в него входили и фотографии, и почтовые открытки, и, разумеется, «печатное слово». В распространении же самиздата и оппозиционного движения большую роль играла дружба людей, личные контакты и связи. Не последнюю роль в развитии самиздата внутри стран социалистического лагеря играли внешние факторы воздействия со стороны Западной Европы и США. Благодаря им запрещенная печать на определенных этапах играла главную роль в сломе системы.

В ходе обозначенной в программе «Репризы конференции» была выражена огромная благодарность организаторам этого научного мероприятия. Большая организационная работа была проведена, в частности, сотрудниками Института народной памяти Яном Олажеком (Jan Olaszek) и Анной Пиекарской (Anna Piekarska).

А.В. Жидченко

Модернизация и инновации в агропромышленном производстве и развитии сельских территорий

28–29 июня 2012 г. В Омском государственном университете им. П.А. Столыпина (ОмГАУ) на базе его Института экономики и финансов прошла работа III Международной научно-практической конференции «Экономические проблемы модернизации и инновационного развития агропромышленного производства и сельских территорий». Помимо названного университета её организатором выступила Гуманитарно-техническая академия Республики Казахстан (Кокшетау). Организационный комитет возглавили в качестве его председателя С.Л. Петуховский (Омск), сопредседателей – А.М. Аюлов (Кокшетау), В.С. Пецевич (Омск) и секретаря – О.Н. Крюкова (Омск). В состав оргкомитета вошли с казахстанской стороны К.Р. Нурмаганбетов (Кокшетау), с российской (омской) – О.А. Блинов, Б.С. Кошелев, Ю.М. Рогатнев, В.Ф. Стукач и О.В. Шумакова.

Конференция была посвящена 70-летию со дня рождения выдающегося российского ученого, заведующего кафедрой экономики и управления сельскохозяйственным производством ОмГАУ, доктора экономических наук, профессора, академика Международной академии аграрного образования, Европейской академии естествознания (Лондон) и Российской академии естествознания Виктора Федоровича Стукача. Он родился 25 июня 1942 г. в селе Воскресенка Северо-Казахстанской области, многие годы жил, учился и работал в Казахстане, окончил Омский сельскохозяйственный институт им. С.М. Кирова, в 2000 г. переехал в Омск, где и возглавил вышеназванную кафедру. Главное достижение деятельности В.Ф. Стукача – это создание его научно-педагогической школы «Проблемы развития инфраструктуры агропромышленного комплекса сибирского региона», в составе которой сегодня работают около 40 специалистов, в том числе 3 доктора и 21 кандидат наук. В конце пленарного заседания состоялось чествование юбиляра В.Ф. Стукача, которое вел ректор ОмГАУ С.Л. Петуховский.

Для участия в конференции были заявлены 150 докладов ученых Азербайджана, Белоруссии, Германии, Казахстана, Нидерландов, России, Румынии, США, Узбекистана, Украины и Франции. К началу ее работы был выпущен в свет сборник в двух частях с материалами конференции [1], а также сборник из серии «Биобиблиография ученых» ОмГАУ, посвященный В.Ф. Стукачу [2].

Участников конференции и юбиляра приветствовали ректор ОмГАУ С.Л. Петуховский, заместитель министра сельского

хозяйства и продовольствия Омской области Е.К. Халимова, ректор Гуманитарно-технической академии в Кокшетау А.М. Аюлов, профессор вышеназванной академии Б.Г. Жунусов, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии и заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского Н.А. Томилов, заведующий кафедрой маркетинга и сервиса Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина Б.Е. Рустенбаев (Астана), а также представители Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул), такого же аграрного университета из Новосибирска, Тарского филиала ОмГАУ и других учреждений Новосибирска, Омска, Перми, Санкт-Петербурга.

На пленарном заседании было заслушано 5 докладов. В выступлении А.М. Аюлова на тему «Внешнеполитическая деятельность Республики Казахстан за годы независимости» было подчеркнуто, что Казахстан сегодня – это стабильно развивающееся государство, равноправный партнер мирового сообщества. В докладе охарактеризованы действия Казахстана и его президента Н.А. Назарбаева в развитии интеграционных процессов на Евразийском пространстве, в укреплении сотрудничества с промышленно развитыми государствами мира, со странами южных центральноазиатских регионов и со странами, образовавшимися на постсоветском пространстве. А.М. Аюлов отметил, что в международных связях Казахстана первостепенное значение имеет развитие отношений с Россией.

В.Ф. Стукач выступил с докладом «Научная школа: подготовка кадров высшей квалификации, модернизация экономики региона». Научный интерес представляют названные им признаки научной школы – это: 1) общность деятельности, объекта и предмета исследования; 2) наличие лидера школы; 3) кооперативный принцип деятельности; 4) умение лидера владеть методами оптимизации процесса обучения научной молодежи; 5) признание научной школы и ее лидера со стороны научного общества. И далее докладчик охарактеризовал созданную им на базе Института экономики и финансов ОмГАУ научной школы по изучению развития инфраструктуры агропромышленного комплекса Сибири.

В докладе Н.А. Томилова «Село и сельская культура в стабильном развитии России» была подчеркнута значимость исследования аграрного сектора жизнедеятельности людей, которая определяется его существенной ролью в жизни человечества как базы для функционирования систем питания, легкой и пищевой промышленности и как весомой части экономической, полити-

ческой, социальной и культурной сфер. По мнению докладчика, все идеи, концепции сопряженности экономики и культуры должны быть связаны с региональными факторами и получить применение на практике, в том числе и в социокультурном и экономическом функционировании. А для этого, утверждает Н.А. Томилов, нужен реальный научный симбиоз экономистов и культурологов, а также экономистов и социологов, экономистов и этнографов и т. д., который бы и работал в направлении, обеспечивающем стабильное развитие России.

В докладе Ю.М. Рогатнева (Омск) «Проблемы развития сферы сельскохозяйственного землепользования и земельных отношений для обеспечения реализации программы развития АПК» были рассмотрены основные экономические вызовы в развитии АПК (аграрно-промышленного комплекса), обоснована роль и назначение землепользования и земельных отношений в разработке стратегии развития АПК до 2020 г. Докладчик определил следующие практические задачи и программы развития этой сферы в плане реализации федеральных и региональных решений: 1) программа комплексного изучения сельскохозяйственных земель, оценка их продуктивности, оценка эффективности использования земельных угодий применительно к различным технологиям; 2) программа разработки схем комплексного использования охраны и защиты земель; 3) программа разработки схем повышения плодородия и мелиорации земель; 4) программа землеустройства земельных участков и землепользований; 5) программа устойчивого развития сельских территорий; 6) программа инженерного обустройства этих территорий; 7) программа оптимизации внутрихозяйственных земельных отношений.

В докладе О.В. Шумаковой (Омск) «Рыночные барьеры в АПК: издержки преодоления и механизм регулирования» было отмечено, что преодоление рыночных барьеров организациями АПК приводит к росту транзакционных издержек, которые как являются частью общих издержек управления предприятий, так и объединяются в массив расходов организации на ведение своей хозяйственной деятельности. О.М. Шумакова пришла к выводу, что требуется рациональный механизм регулирования барьеров, который позволит определить основные задачи, разработать действия по их решению и определению вида эффекта транзакционных издержек.

Далее работа конференции проходила по секциям «Модернизация и инновационное развитие агропромышленного производства» (руководитель Б.С. Кошелев), «Развитие сибирского села в русле реформ П.А. Столыпина» (руководитель Ю.М. Рогатнев), «Развитие институциональной структу-

ры аграрного рынка» (руководитель О.В. Шумакова).

Назову лишь несколько докладов, включенных в секционные заседания, имеющих, как мне кажется, наиболее общий характер и поэтому интересных в научном плане ученым разных научных направлений – и естественникам, и гуманитариям, – это статьи в материалах конференции Е.М. Исаченко и О.Ю. Дударковой (Минск) «Методологические аспекты сравнительного анализа инновационных проектов», Р.А. Аюлова (Кокшетау) «О сущности и концепциях развития инновационных процессов в Республике Казахстан», Л.В. Зинич, О.В. Кондратьевой, В.В. Кузнецовой (Омск) «Развитие личных подсобных хозяйств в рамках инновационного развития», Г.Е. Ержановой (Кокшетау) «Подготовка туристских кадров в Казахстане», С.А. Пахомчика (Тюмень) «Проблемы в развитии сибирского села через 100-летие после Столыпинской реформы», Н.Д. Белокур, Е.А. Ляшенко (Днепропетровск) «О некоторых факторах обеспечения устойчивого развития сельских территорий», Б.С. Кошелева (Омск) «Этапы развития систем ведения сельского хозяйства в Западной Сибири», В.В. Печенкиной (Красноярск) «Изменение климата и адаптация сельского хозяйства», В.Ф. Стукача «Инфраструктура АПК в системе кластерного развития региона», Г.У. Акимбековой (Алматы) «Модернизация интеграционных процессов в АПК Казах-

стана», В.Н. Ёлкиной (Омск) «Роль местного самоуправления в социально-экономическом развитии территории», С.В. Шарыбар (Новосибирск) «Интегральная оценка социального состояния сельского населения», А. Абдулгафарова (Ташкент) «Модель привлечения инвестиций в зонах рискованного земледелия», О.Н. Долматовой (Омск) «Использование земель личными подсобными хозяйствами в Омской области», О.В. Оскирко (Кемерово) «Анализ показателей налоговой нагрузки» и др.

По результатам работы конференции были подготовлены рекомендации как по решению задач модернизации и инновационного развития АПК, так и по постановке задач научных исследований и по подготовке кадров для аграрной сферы жизнедеятельности людей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Экономические проблемы модернизации и инновационного развития агропромышленного производства и сельских территорий : матер. III Междунар. науч.-практ. конф. (28–29 июня 2012 г.) : в 2 ч. Омск : Изд-во Ом. аграр. ун-та, 2012. Ч. I. 364 с. ; Ч. II. 384 с.
- [2] Стукач Виктор Федорович: доктор экономических наук, профессор (к 70-летию со дня рождения) / сост. М. В. Коптягина, ред. О. М. Кузнецова. Омск : Изд-во Ом. аграр. ун-та, 2012. 93 с.

Н.А. Томилов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашин Игорь Георгиевич – старший преподаватель кафедры истории и социально-педагогических дисциплин Омского государственного аграрного университета им. П.А. Столыпина, abashin_1965@mail.ru.

Абросимова Екатерина Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры стилистики и языка массовых коммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адамсон Алексей Рудольфович – аспирант Омского государственного педагогического университета, kinic84@mail.ru.

Алещенко Виталий Викторович – канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, omsksme@rambler.ru.

Аркин Ефим Яковлевич – профессор кафедры хорового дирижирования Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, ef-ark@rambler.ru.

Ахмадишина Валентина Ильясовна – аспирант кафедры философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, inojta@yandex.ru.

Баах Юлия Владимировна – преподаватель кафедры немецкой филологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, julbaach@rambler.ru.

Борисова Ольга Михайловна – канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры экономики Сибирского института бизнеса и информационных технологий, om_borisova@mail.ru.

Бучаков Сергей Александрович – помощник судьи Омского областного суда, spektriks@mail.ru

Верлуп Евгений Валерьевич – студент факультета международного бизнеса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, специалист департамента маркетинга ЗАО «ГК «Титан».

Ветров Сергей Александрович – д-р филос. наук, профессор кафедры связи с общественностью, директор института менеджмента и экономики ОмГУПС, kuparashvili@rambler.ru.

Голованова Елена Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета, ligol@csu.ru.

Гончарова Наталья Петровна – канд. социол. наук, доцент кафедры эмпирической социологии и конфликтологии факультета социологии Алтайского государственного университета, noe@list.ru.

Доронина Светлана Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и речевой коммуникации филологического факультета Алтайского государственного университета, esdor@mail.ru.

Дьяков Алексей Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, al.omsk.88@mail.ru.

Егоров Александр Игоревич – канд. ист. наук, доцент кафедры общественных наук Дзержинского политехнического института Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, dr.egoroff-al2012@yandex.ru.

Ермакова Татьяна Георгиевна – соискатель кафедры исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, ermakova.ff@gmail.com.

Жбанков Александр Борисович – канд. филос. наук, проректор по вопросам безопасности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, abgn@mail.ru.

Жидченко Александр Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, Zhidchenko220689@yandex.ru.

Зайцев Павел Леонидович – д-р филос. наук, профессор кафедры истории и теории религии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, zaitsevpl@rambler.ru.

Исаева Елена Владимировна – д-р экон. наук, профессор кафедры маркетинга и рекламы Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Казанник Алексей Иванович – заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, государственный советник юстиции I класса, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Казанцева Анастасия Юрьевна – лаборант-исследователь лаборатории социально-политических исследований Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, inna-vetrenko@yandex.ru.

Клейменов Михаил Петрович – заслуженный деятель науки РФ, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии, зам. декана по научной работе юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Кожевников Владимир Анатольевич – аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, kva230888@mail.ru.

Колмакова Мария Владимировна – аспирантка Русской христианской гуманитарной академии; сотрудник Библиотеки академии наук, kolmakovamv@yandex.ru.

Колягина Татьяна Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, tkolyagina@rambler.ru.

Коновалов Денис Александрович – преподаватель кафедры политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, denko1990@gmail.com.

Кузьмина Елена Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории религии социально-гуманитарного факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, kuzminahv@rambler.ru.

Максимова Светлана Геннадьевна – д-р социол. наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий факультета социологии Алтайского государственного университета, noe@list.ru.

Малов Дмитрий Вадимович – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, dimalow@mail.ru.

Мельникова Инна Валерьевна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, usia82@mail.ru.

Метель Алексей Вадимович – магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, metelav@gmail.com.

Метель Ольга Вадимовна – младший научный сотрудник кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, olgametel@yandex.ru.

Миронов Виктор Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, vvm_512@rambler.ru.

Незгодина Елена Львовна – заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, канд. юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Ничипорук Светлана Николаевна – студентка 5-го курса факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, claire_amor@mail.ru.

Ноянзина Оксана Евгеньевна – канд. социол. наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий факультета социологии Алтайского государственного университета, noe@list.ru.

Оводова Светлана Николаевна – ассистент кафедры теории и истории мировой культуры, аспирант кафедры философии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, sn_jvjdjva@rambler.ru.

Олихов Дмитрий Владимирович – кандидат богословия, старший преподаватель кафедры истории и теории религии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, olikhovd@inbox.ru.

Ополев Павел Валерьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии СибАДИ.

Осипов Борис Иванович – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, prof.ocun@gmail.ru.

Парфёнова Нина Никифоровна – д-р филол. наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета.

Першин Юрий Юрьевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, pershiny@mail333.com.

Полуйкова Светлана Юрьевна – канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета, s_poluikova@mail.ru.

Попова Юлия Венаминовна – канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, inna-vetrenko@yandex.ru.

Пушкарев Игорь Петрович – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и коммерческого права Южно-Уральского государственного университета, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Разина Наталья Вадимовна – аналитик отдела маркетинга и рекламы службы маркетинга ООО «Спутниковая компания» (г. Санкт-Петербург), natalka7575@rambler.ru.

Розенкеевич Максим Анатольевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Ромашова Инна Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, romashova.inna@gmail.com.

Роница Елена Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Elenaprofe@gmail.com.

Савиных Валентина Владимировна – ст. преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурных коммуникаций Сургутского государственного педагогического университета.

Сморгунова Валентина Юрьевна – д-р филос. наук, профессор, заведующая кафедрой теории права и гражданско-правового образования, декан юридического факультета Российско-

го государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, заслуженный деятель науки Российской Федерации, prof_smorgunova@mail.ru.

Соломонова Вера Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Тарасенко Галина Сергеевна – д-р пед. наук, профессор, заведующая кафедрой дошкольного и начального образования Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Тихомирова Анжелика Витальевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры предпринимательского и коммерческого права Южно-Уральского государственного университета, omgu-vestnikpravo@mail.ru.

Тихонов Сергей Семенович – канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой первобытной истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, старший научный сотрудник сектора археологии ОФ ИАЭТ СО РАН, st-57@mail.ru.

Тишков Юрий Викторович – бакалавр теологии, магистр социально-экономического образования; заведующий отделом «Омский региональный центр доступа к информационным ресурсам Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина», siberiandaos@rambler.ru.

Толстикова Дмитрий Александрович – канд. филос. наук Омский государственный технический университет, dimareader@mail.ru.

Томилов Николай Аркадьевич – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, tomilov@hist.omsu.omskreg.ru.

Туман-Никифоров Аркадий Анатольевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Красноярского государственного аграрного университета, ATuman-Nikiforov@yandex.ru.

Уланов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков, проректор по научной работе Сибирского института бизнеса и информационных технологий, prorektorsibit@rambler.ru.

Шевченко Максим Николаевич – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества и экономики Омской медицинской академии, maxsh1978@yandex.ru.

Шмидт Ирина Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории мировой культуры Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, rebew@rambler.ru, rebewster@gmail.com.

Шугайло Ирина Васильевна – канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры межкультурных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, vshugajlo@yandex.ru.

Юган Наталья Леонидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры всемирной литературы Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, ugannl@yandex.ru.

Юлдашев Тимур Абдукажхарович – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, utars@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Журнал «Вестник Омского университета» существует с 1996 г. Периодичность выхода журнала – 4 раза в год (1 раз в квартал). Журнал распространяется согласно обязательной рассылке издательств, собственному списку рассылки, а с 2004 г. является и подписным изданием, внесенным в каталоги Роспечати.

Редколлегия принимает статьи по следующим научным направлениям: *математика, физика, медицинская биофизика, химия, философия, политология, социология, теология, история, книговедение, филология, искусство и культура, экономика, юридические науки, педагогика и методика преподавания.*

К публикации в журнале принимаются научные статьи, рецензии, сообщения о научных форумах, работе диссертационных советов и т. д. Имеется литературная страница, куда принимаются небольшие рассказы, эссе, стихи.

Автор статьи обязан заключить с Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского лицензионный договор о передаче неисключительных прав на использование произведения, включенного в «Вестник Омского университета», и предоставить договор, подписанный автором, вместе со статьей в редакцию журнала. Ознакомиться с договором и методическими рекомендациями по его заполнению можно на сайте: <http://www.omsu.ru/page.php?id=1043>.

ВНИМАНИЕ! Без договора статьи к публикации приниматься редакцией не будут.

Соискатели, аспиранты, студенты обязаны получить рекомендацию к публикации научного руководителя или другого ученого, имеющего степень доктора или кандидата наук.

Статья должна быть подписана автором (а при наличии нескольких авторов – всеми соавторами) и редактором по направлению.

Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений несет ответственность автор.

Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором.

Рецензирование. Каждая статья проходит обязательное рецензирование двумя специалистами той отрасли знания, по которой предложена. Редакция направляет материалы на рецензирование самостоятельно. Рецензентами являются доктора и кандидаты наук из ведущих научных центров и вузов России.

Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи.

Статьи, оформленные не в соответствии с настоящими требованиями, не принимаются к публикации не будут. Рукописи и диски авторам не возвращаются.

Отступления в оформлении рукописи от указанных требований и большое количество технических погрешностей и ошибок позволяют редколлегии принять решение об отклонении статьи или переносе ее публикации в следующий номер.

В случае отказа в публикации редакция направляет автору мотивированный отказ.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.

2. Правила оформления научной статьи

Требования к публикациям – актуальность, высокий научный уровень, хороший стиль изложения, без длинных введений и повторов. Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой (например, Уголовный кодекс Российской Федерации – УК РФ).

Материалы предоставляются в печатном и электронном виде либо по электронной почте E-mail: vestnik@omsu.omskreg.ru.

Объем статьи определяется из расчета до 5 000 знаков с пробелами на страницу публикации; для статей, содержащих формулы, таблицы и рисунки, – до 3500–4000 знаков с пробелами.

Оформление статьи: статья предоставляется в формате программы Microsoft Office Word (2003, 2007). Поля сверху, снизу, слева и справа – по 2,5 см. В верхнем левом углу листа ставится УДК. Ниже обычным шрифтом (11 п.) – инициалы, фамилия автора, строкой ниже – полное название организации. Далее по центру жирным шрифтом (Ж) Times New Roman Cyr размером 11 п. прописными буквами печатается название статьи. Ниже через строку помещается аннотация на русском языке (3–5 предложений 10 п.), раскрывающая основное содержание статьи. Ещё через строку помещают основной текст статьи, набранный шрифтом Times New Roman Cyr 11 п. Абзацный отступ – 0,7 см. Межстрочный интер-

вал одинарный. На отдельной странице – фамилия и инициалы автора, название статьи на русском и английском языках, а также аннотация (не менее 500 знаков с пробелами) и ключевые слова (5–7 слов) на русском и английском языках, реферат статьи.

К статье прилагается информация об авторе: фамилия, полное имя и отчество, ученая степень и звание, должность, полный рабочий адрес (с указанием почтового индекса), E-mail, номер служебного, домашнего и мобильного телефона.

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии – контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисовочную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисовочная подпись должна быть лаконичной, но емкой по содержанию (10 п.).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Заголовки должны точно соответствовать содержанию граф. Все данные внутри таблицы – 10 п., головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц – не более 80×80 мм (на одну колонку), 170×170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. *Рисунки и таблицы вставляются в тексте после ссылки на них.*

Формулы простые внутрисклассовые и однострочные могут быть набраны без использования специальных редакторов – символами (допускается использование специальных символов из шрифтов Symbol, Greek Math Symbols, Math-PS Mathematica BTT). Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation 2.0, 3.0. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. В распечатанном варианте должны быть подчеркнуты простым карандашом прописные буквы двумя чертами снизу, строчные буквы – двумя чертами сверху – в случаях, когда написание строчных и прописных букв совпадает и отличается только величиной. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. Нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама такая формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в единственном числе, то нумерация не нужна. Длина формулы – не более 70 мм.

Сноски на литературу оформляются цифрами в квадратных скобках (например, [1]) и приводятся в конце статьи в разделе «Литература» в порядке их упоминания в тексте. Все библиографические данные должны быть тщательно выверены.

Примечания оформляются числами в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ и нумеруют числом в виде верхнего индекса. *Подстрочные сноски в тексте не допускаются.*

Если в статье есть и ПРИМЕЧАНИЯ, и ЛИТЕРАТУРА, то сначала идет раздел ПРИМЕЧАНИЯ.

Правильное оформление статей значительно облегчит труд редакторов и ускорит публикацию вашего материала.

После выхода очередного номера из печати каждому автору выдается 1 экземпляр бесплатно.

Адрес редакции журнала:

644077, Омск-77, пр. Мира, 55-а, I корпус ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, каб. 240.

Тел.: (3812) 64-88-28, e-mail vestnik@omsu.omskreg.ru.

Приглашаем к активному сотрудничеству с нашим журналом!